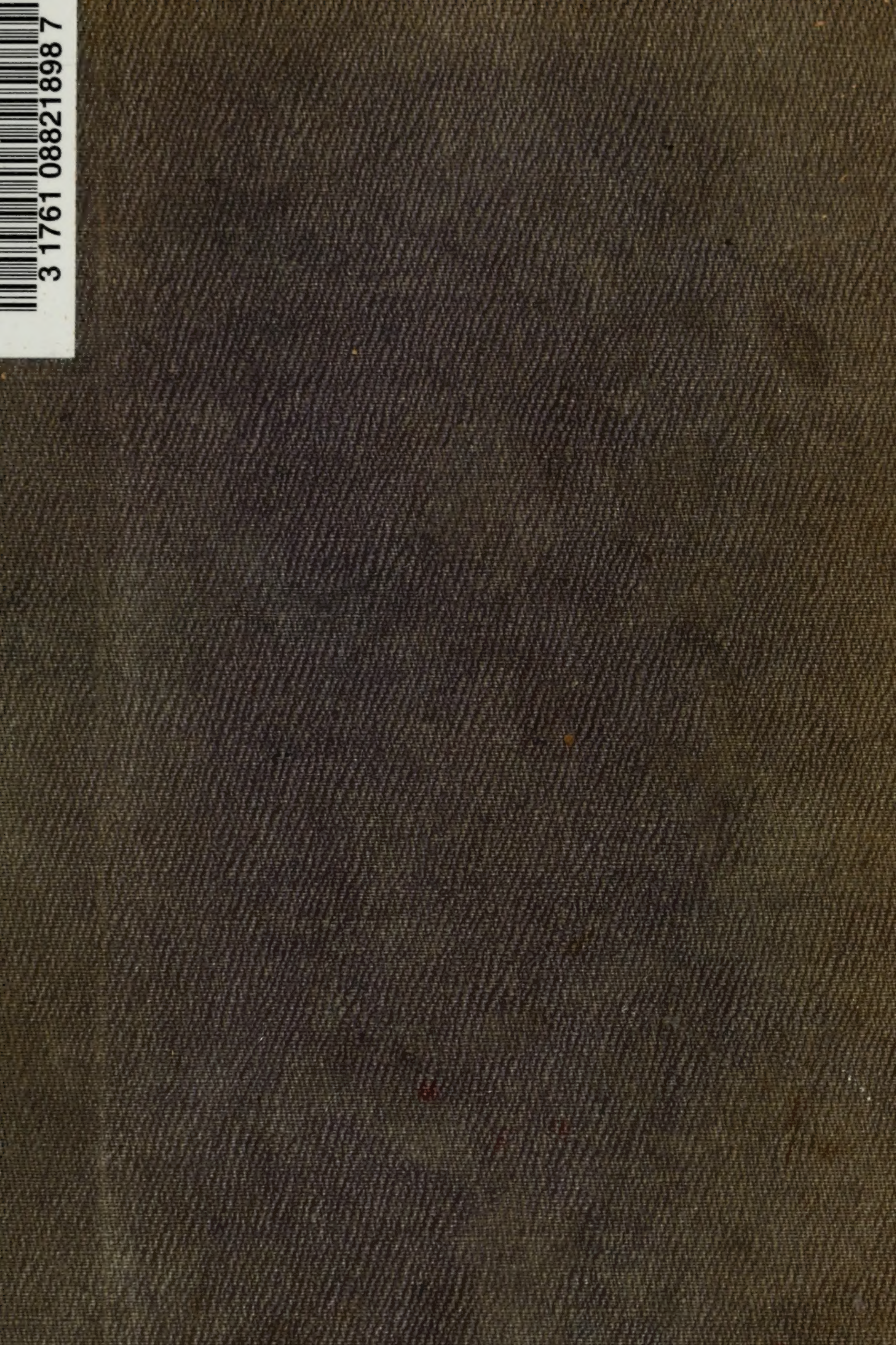
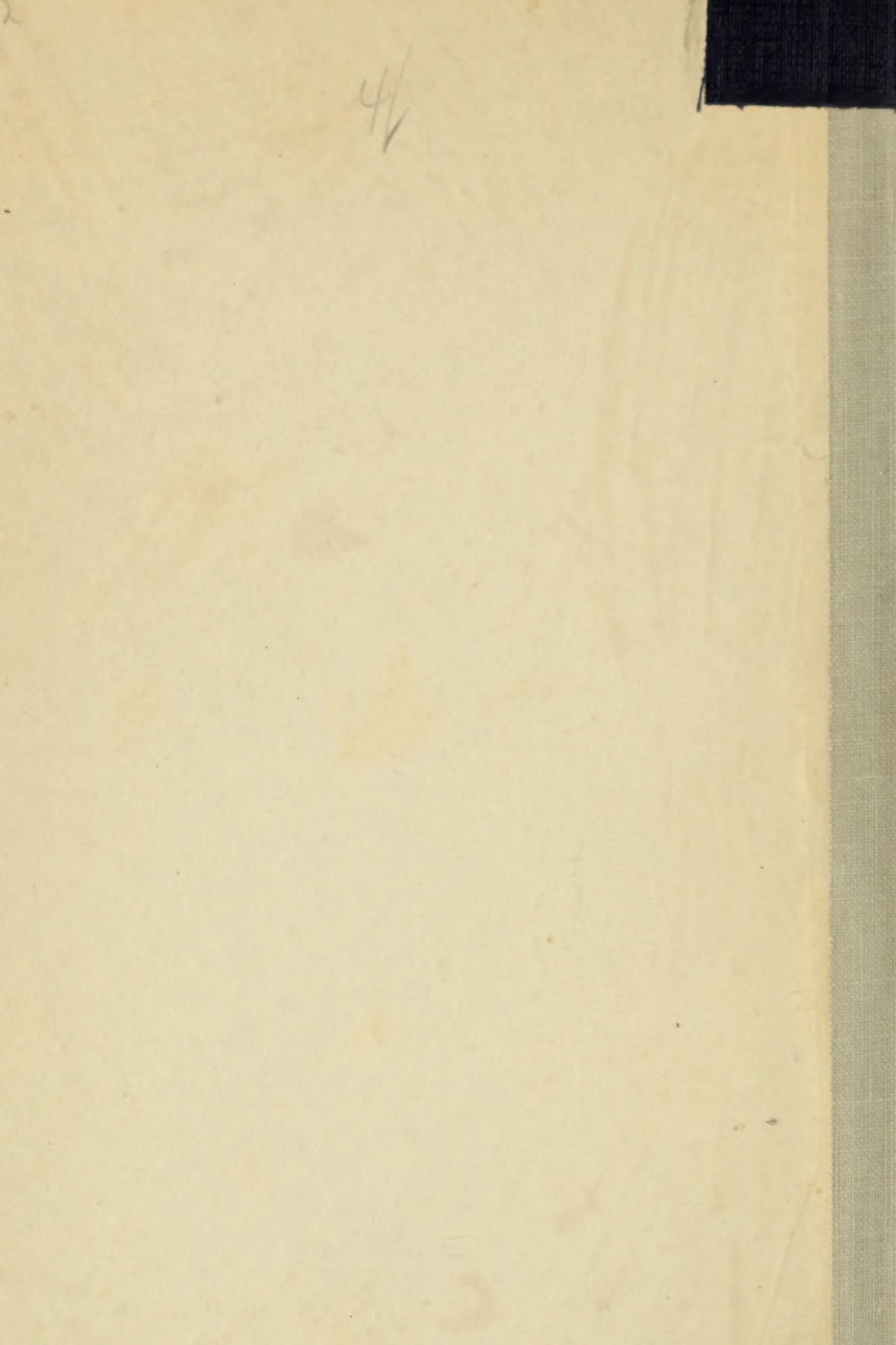

3 1761 08821898 7

ВОСКРЕСЕНІЕ

(Graf Lev Nikolaevich Tolstoi)

Л. Н. Толстой

Voskresenie.

Воскресеніе

Романъ въ трехъ частяхъ

Единственное полное изданіе

BERLIN
J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H.
1912

Buchdruckerei Otto Drewitz, Berlin SW. 61.

»Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?«

»Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ до семи, но до седьмижды семидесяти разъ«.

(Матѳ. гл. XVIII, 21-22.)

»И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь«.

(Матѳ. гл. VII, 3.)

»Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень«.

(Іоанна гл. VIII, 7.)

»Ученикъ не бываетъ выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будетъ всякій, какъ учитель его«.

(Луки гл. VI, 40.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Какъ ни старались люди, собравшись въ одно небольшое мѣсто нѣсколько сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жались; какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней; какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку; какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью; какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ;—весна была весною, даже и въ городѣ. Солнце грѣло, трава, оживая, росла и зеленѣла вездѣ, гдѣ только не соскребли ее, не только на газонахъ бульваровъ, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкіе и пахучіе листья, липы надували лопавшіяся почки; галки, воробьи и голуби по весеннему радостно готовили уже гнѣзда, и мухи жужжали у стѣнъ, пригрѣтыя солнцемъ. Веселы были и растенія, и птицы, и насѣкомыя, и дѣти. Но люди—большіе, взрослые люди—не переставали обманывать и мучить себя и другъ друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ, — красота располагающая къ миру, согласію и любви, а священно и важно то, что̀ они сами выдумали, чтобы властвовать другъ надъ другомъ.

Такъ въ конторѣ губернской тюрьмы считалось священнымъ и важнымъ не то, что всѣмъ животнымъ и людямъ даны умиленіе и радость весны, а считалось священнымъ и важнымъ то, что наканунѣ получена была за номеромъ, съ печатью и заголовкомъ, бумага о томъ, чтобы къ 9-ти часамъ утра были доставлены въ нынѣшній день, 28-го апрѣля, три

содержащіеся въ тюрьмѣ подслѣдственные арестанта — двѣ женщины и одинъ мужчина. Одна изъ этихъ женщинъ, какъ самая важная преступница, должна была быть доставлена отдѣльно И вотъ, на основаніи этого предписанія, 28-го апрѣля въ темный, вонючій коридоръ женскаго отдѣленія, въ 8 часовъ утра, вошелъ старшій надзиратель. Вслѣдъ за нимъ вошла въ коридоръ женщина съ измученнымъ лицомъ и вьющимися сѣдыми волосами, одѣтая въ кофту, съ рукавами обшитыми галунами, и подпоясанная поясомъ съ синимъ кантомъ. Это была надзирательница.

— Вамъ Маслову?—спросила она, подходя съ дежурнымъ надзирателемъ къ одной изъ дверей камеръ, отворявшихся въ коридоръ.

Надзиратель, гремя желѣзомъ, отперъ замокъ и, растворивъ дверь камеры, изъ которой хлынулъ еще болѣе вонючій, чѣмъ въ коридорѣ, воздухъ, крикнулъ:

— Маслова, въ судъ! — и опять притворилъ дверь, дожидаясь.

Даже на тюремномъ дворѣ былъ свѣжій, живительный воздухъ полей, принесенный вѣтромъ въ городъ. Но въ коридорѣ былъ удручающій, тифозный воздухъ, пропитанный запахомъ испражненій, дегтя и гнили, который тотчасъ же приводилъ въ уныніе и грусть всякаго, вновь приходившаго человѣка. Это испытала на себѣ, несмотря на привычку къ дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдругъ, входя въ коридоръ, почувствовала усталость и ей захотѣлось спать.

Въ камерѣ слышна была суетня: женскіе голоса и шаги босыхъ ногъ.

— Живѣй что-ль, поворачивайся тамъ, Маслова, говорю! —крикнулъ старшій надзиратель въ дверь камеры.

Минуты черезъ двѣ бодрымъ шагомъ изъ двери вышла, быстро повернулась и стала подлѣ надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина въ сѣромъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлую кофту и на бѣлую юбку. На ногахъ женщины были полотняные чулки, на чулкахъ — острожные

коты, голова была повязана бѣлой косынкой, изъ-подъ которой, очевидно умышленно, были выпущены колечки вьющихся черныхъ волосъ. Все лицо женщины было той особенной бѣлизны, которая бываетъ на лицахъ людей, проведшихъ долгое время взаперти, и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ. Такія же были и небольшія широкія руки, и бѣлая полная шея, виднѣвшаяся изъ-за большого воротника халата. Въ лицѣ этомъ поражали, особенно на матовой блѣдности лица, очень черные, блестящіе, нѣсколько подпухшіе, но очень оживленные глаза, изъ которыхъ одинъ косилъ немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя въ коридоръ, она, немного закинувъ голову, посмотрѣла прямо въ глаза надзирателю и остановилась въ готовности исполнить все то, что̀ отъ нея потребуютъ. Надзиратель хотѣлъ уже запереть дверь, когда оттуда высунулось блѣдное, строгое, морщинистое лицо простоволосой сѣдой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой; но надзиратель надавилъ дверь на голову старухи, и голова изчезла. Въ камерѣ захохоталъ женскій голосъ. Маслова тоже улыбнулась и повернулась къ зарѣшетенному маленькому оконцу въ двери. Старуха съ той стороны прильнула къ оконцу и хриплымъ голосомъ проговорила:

— Пуще всего лишняго не высказывай, стой на одномъ и шабашъ.

— Да ужъ одно бы что, хуже не будетъ, — сказала Маслова, тряхнувъ головой.

— Извѣстно одно, а не два, — сказалъ старшій надзиратель съ начальственной увѣренностью въ собственномъ остроуміи — За мной, маршъ!

Виднѣвшійся въ оконцѣ глазъ старухи исчезъ, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла всѣдъ за старшимъ надзирателемъ. Они спустились внизъ по каменной лѣстницѣ, прошли мимо еще болѣе, чѣмъ женскія, вонючихъ и шумныхъ мужскихъ камеръ, изъ которыхъ ихъ вездѣ провожали глаза въ оконцахъ дверей, и вошли въ контору, гдѣ уже стояли два конвойныхъ солдата

съ ружьями. Сидѣвшій тамъ писарь далъ одному изъ солдатъ пропитанную табачнымъ дымомъ бумагу и, указавъ на арестантку, сказалъ: „Прими.“ Солдатъ,—нижегородскій мужикъ, съ краснымъ, изрытымъ оспою лицомъ, положилъ бумагу за обшлагъ рукава шинели и, улыбаясь, подмигнулъ товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты съ арестанткой спустились съ лѣстницы и пошли къ главному выходу.

Въ двери главнаго выхода отворилась калитка, и, переступивъ черезъ порогъ калитки на дворъ, солдаты съ арестанткой вышли изъ ограды и пошли городомъ посерединѣ мощеныхъ улицъ.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочіе, чиновники останавливались и съ любопытствомъ оглядывали арестантку; иные покачивали головами и думали: „вотъ, до чего доводитъ дурное, не такое, какъ наше, поведеніе“. Дѣти съ ужасомъ смотрѣли на разбойницу, успокаиваясь только тѣмъ, что за ней идутъ солдаты, и она теперь ничего уже не сдѣлаетъ. Одинъ деревенскій мужикъ, продавшій уголь и напившись чаю въ трактирѣ, подошелъ къ ней, перекрестился и подалъ ей копейку. Арестантка покраснѣла, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, она незамѣтно, не поворачивая головы, косилась на тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее, и это обращенное на нее вниманіе веселило ее. Веселилъ ее тоже чистый, сравнительно съ острогомъ, весенній воздухъ, но больно было ступать по камнямъ отвыкшими отъ ходьбы и обутыми въ неуклюжіе арестантскіе коты ногами, и она смотрѣла себѣ подъ ноги и старалась ступать какъ можно легче. Проходя мимо мучной лавки, передъ которой ходили, перекачиваясь, никѣмъ не обижаемые голуби, арестантка чуть не задѣла ногою одного сизяка; голубь вспорхнулъ и, трепеща крыльями, пролетѣлъ мимо самаго уха арестантки, обдавъ ее вѣтромъ. Она улыбнулась, и потомъ тяжело вздохнула, вспомнивъ свое положеніе.

II.

Исторія арестантки Масловой была очень обыкновенная исторія. Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери скотницей въ деревнѣ у двухъ сестеръ-барышень, помѣщицъ. Незамужняя женщина эта рожала каждый годъ, и, какъ это обыкновенно дѣлается по деревнямъ, ребенка крестили, и потомъ мать не кормила нежеланно появившагося, ненужнаго и мѣшавшаго работѣ ребенка, и онъ скоро умиралъ отъ голода.

Такъ умерло пять дѣтей. Всѣхъ ихъ крестили, потомъ не кормили, и они умирали. Шестой ребенокъ, прижитый отъ проѣзжаго цыгана, была дѣвочка, и участь ея была бы та-же, но случилось такъ, что одна изъ двухъ старыхъ барышень зашла въ скотную, чтобы сдѣлать выговоръ скотницамъ за сливки, пахнувшія коровой. Въ скотной лежала родильница съ прекраснымъ, здоровымъ младенцемъ. Старая барышня сдѣлала выговоръ и за сливки, и за то, что пустили родившую женщину въ скотную, и хотѣла уже уходить, какъ, увидавъ ребеночка, умилилась надъ нимъ и вызвалась быть его крестной матерью. Она и окрестила дѣвочку, а потомъ, жалѣя свою крестницу, давала молока и денегъ матери, и дѣвочка осталась жива. Старыя барышни такъ и называли ее «спасенной».

Ребенку было три года, когда мать ея заболѣла и умерла. Бабка-скотница тяготилась внучкой, и тогда старыя барышни взяли дѣвочку къ себѣ. Черноглазая дѣвочка вышла необыкновенно живая и миленькая, и старыя барышни утѣшались ею.

Старыхъ барышень было двѣ: меньшая, подобрѣе— Софья Ивановна, она-то и крестила дѣвочку, и старшая, построже — Марья Ивановна. Софья Ивановна наряжала, учила дѣвочку читать и хотѣла сдѣлать изъ нея воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что изъ дѣвочки надо сдѣлать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала дѣвочку, когда бывала не

въ духѣ. Такъ между двухъ вліяній изъ дѣвочки, когда она выросла, вышла полу-горничная, полу-воспитанница. Ее и звали такъ среднимъ именемъ — не Катька и не Катенька, а Катюша. Она шила, убирала комнаты, чистила мѣломъ образа; жарила, молола, подавала кофе, дѣлала мелкія постирушечки и иногда сидѣла съ барышнями и читала имъ.

За нее сватались, но она ни за кого не хотѣла итти, чувствуя, что жизнь ея съ тѣми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будетъ трудна ей, избалованной сладостью господской жизни.

Такъ жила она до 16-ти лѣтъ. Когда ей минуло 16 лѣтъ, къ ея барышнямъ пріѣхалъ ихъ племянникъ-студентъ, богатый князь, и Катюша, не смѣя ни ему, ни даже себѣ признаться въ этомъ, влюбилась въ него. Потомъ черезъ два года этотъ самый племянникъ заѣхалъ къ тетушкамъ по дорогѣ на войну, пробылъ у нихъ четыре дня и наканунѣ своего отъѣзда соблазнилъ Катюшу и, сунувъ ей въ послѣдній день сторублевую бумажку, уѣхалъ. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда она узнала навѣрное, что она беременна.

Съ тѣхъ поръ ей все стало постыло, и она только думала о томъ, какъ бы ей избавиться отъ того стыда, который ожидалъ ее, и она стала не только неохотно и дурно служить барышнямъ, но, сама не знала какъ это случилось, вдругъ ее прорвало; она наговорила барышнямъ грубостей, въ которыхъ сама потомъ раскаивалась, и попросила расчета.

И барышни, очень недовольныя ею, отпустили ее. Отъ нихъ она поступила горничной къ становому, но могла прожить тамъ только три мѣсяца, потому что становой, 50-лѣтній старикъ, сталъ приставать къ ней, и одинъ разъ, когда онъ сталъ особенно предпріимчивъ, она вскипѣла, назвала его дуракомъ и старымъ чортомъ, и такъ толкнула въ грудь, что онъ упалъ. Ее прогнали за грубость. Поступать на мѣсто было не къ чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей

вномъ. Роды были легкіе. Но повитуха, принимавшая на деревнѣ у больной женщины, заразила Катюшу родильной горячкой, и ребенка, мальчика, отправили въ воспитательный домъ, гдѣ ребенокъ, какъ разсказывала возившая его старуха, тотчасъ же по пріѣздѣ умеръ.

Всѣхъ денегъ у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было 127 рублей: 27—зажитыхъ и 100 рублей, которые далъ ей ея соблазнитель. Когда же она вышла отъ нея, у нея осталось всего 6 рублей. Она не умѣла беречь деньги, и на себя тратила, и давала всѣмъ, кто просилъ. Повитуха взяла у нея за прожитье — за кормъ и за чай — за два мѣсяца 40 рублей, 25 рублей пошли за отправку ребенка, 40 рублей повитуха выпросила себѣ взаймы на корову, рублей двадцать разошлись такъ—на платья, на гостинцы, такъ что, когда Катюша выздоровѣла, денегъ у нея не было, и надо было искать мѣста. Мѣсто нашлось у лѣсничаго. Лѣсничій былъ женатый человѣкъ, но точно такъ же, какъ и становой, съ перваго же дня началъ приставать къ Катюшѣ. Онъ былъ противенъ ей, и она старалась избѣгать его. Но онъ былъ опытнѣе и хитрѣе ея; главное, былъ хозяинъ, который могъ посылать ее куда хотѣлъ, и выждавъ минуту, овладѣлъ ею. Жена узнала и, заставъ разъ мужа одного въ комнатѣ съ Катюшей, бросилась бить ее. Катюша не далась и произошла драка, вслѣдствіе которой ее выгнали изъ дома, не заплативъ зажитаго. Тогда Катюша поѣхала въ городъ и остановилась тамъ у тетки. Мужъ тетки былъ переплетчикъ и прежде жилъ хорошо, а теперь растерялъ всѣхъ давальщиковъ и пьянствовалъ, пропивая все, что ему попадало подъ руку.

Тетка же держала маленькое прачечное заведеніе и этимъ кормилась съ дѣтьми и поддерживала пропащаго мужа. Она предложила Масловой поступить къ ней въ прачки. Но глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины-прачки, жившія у тетки, Маслова медлила и отыскивала въ конторахъ мѣсто прислуги. И мѣсто нашлось у барыни, жившей съ двумя сыновьями-гимназистами. Черезъ

недѣлю послѣ ея поступленія, старшій, усатый, 6-го класса гимназистъ бросилъ учиться и не давалъ покою Масловой, приставая къ ней. Мать обвинила во всемъ Маслову и разочла ее. Новаго мѣста не выходило, но случилось такъ, что, придя въ контору, поставляющую прислугъ, Маслова встрѣтила тамъ барыню въ перстняхъ и браслетахъ на пухлыхъ голыхъ рукахъ. Барыня эта, узнавъ про положеніе Масловой, ищущей мѣста, дала ей свой адресъ и пригласила къ себѣ. Маслова пошла къ ней. Барыня ласково приняла ее, угостила пирожками и сладкимъ виномъ и послала куда-то свою горничную съ запиской. Вечеромъ въ комнату вошелъ высокій человѣкъ съ длинными сѣдѣющими волосами и сѣдой бородой; старикъ этотъ тотчасъ же подсѣлъ къ Масловой и сталъ, блестя глазами и улыбаясь, разсматривать ее и шутить съ нею. Хозяйка вызвала его въ другую комнату, и Маслова слышала, какъ хозяйка говорила: «свѣженькая, деревенская.» Потомъ хозяйка вызвала Маслову и сказала, что это писатель, у котораго денегъ очень много, и который ничего не пожалѣетъ, если она ему понравится. Она понравилась, и писатель далъ ей 25 рублей, обѣщая часто видаться съ нею. Деньги вышли очень скоро на уплату зажитого у тетки и на новое платье, шляпку и ленты. Черезъ нѣсколько дней писатель прислалъ за нею въ другой разъ. Она пошла. Онъ далъ ей еще 25 рублей и предложилъ переѣхать въ отдѣльную квартиру.

Живя на квартирѣ, нанятой писателемъ, Маслова полюбила веселаго приказчика, жившаго на томъ же дворѣ. Она сама объявила объ этомъ писателю и перешла на отдѣльную маленькую квартиру. Приказчикъ же, обѣщавшій жениться, ничего не сказавъ ей и, очевидно, бросивъ ее, уѣхалъ въ Нижній, и Маслова осталась одна. Она хотѣла-было жить одна на квартирѣ, но ей не позволили. И околоточный сказалъ ей, что она можетъ жить такъ, только получивъ желтый билетъ и подчинившись осмотру. Тогда она пошла опять къ теткѣ. Тетка видя на ней модное платье, накидку и шляпку, съ уваженіемъ приняла ее и уже не смѣла предлагать ей

поступить въ прачки, считая, что она теперь стала на высшую ступень жизни. Для Масловой теперь уже не было и вопроса о томъ, поступить или не поступить въ прачки. Она съ соболѣзнованіемъ смотрѣла теперь на ту каторжную жизнь, которую вели въ первыхъ комнатахъ блѣдныя, съ худыми руками прачки, изъ которыхъ нѣкоторыя уже были чахоточныя,—стирая и гладя въ 30-ти-градусномъ мыльномъ пару съ открытыми, лѣтомъ и зимой, окнами,—и ужасалась мысли о томъ, что и она могла поступить въ эту каторгу. И вотъ въ это-то время, особенно бѣдственное для Масловой, такъ какъ не попадался ни одинъ покровитель, Маслову разыскала сыщица, поставляющая дѣвушекъ для домовъ терпимости.

Маслова курила уже давно, но въ послѣднее время связи своей съ приказчикомъ, и послѣ того, какъ онъ бросилъ ее, она все больше и больше пріучалась пить. Вино привлекало ее не только по тому, что оно казалось ей вкуснымъ, но оно привлекало ее и больше всего потому, что давало ей возможность забыть все то тяжелое, чтò она пережила, и давало ей развязность и увѣренность въ своемъ достоинствѣ, которыхъ она не имѣла безъ вина. Безъ вина ей всегда было уныло и стыдно. Сыщица сдѣлала угощеніе для тетки и, напоивъ Маслову, предложила ей поступить въ хорошее, лучшее въ городѣ заведеніе, выставляя передъ ней всѣ выгоды и преимущества этого положенія. Масловой предстоялъ выборъ: или унизительное положеніе прислуги, въ которомъ навѣрное будутъ преслѣдованія со стороны мущинъ и тайныя временныя прелюбодѣянія, или обезпеченное, спокойное, узаконенное положеніе и явное, допущенное закономъ и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодѣяніе, и она избрала послѣднее. Кромѣ того, она этимъ думала отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всѣмъ людямъ, которые ей сдѣлали зло. При томъ же соблазняло ее и было одной изъ причинъ окончательнаго рѣшенія то, что сыщица сказала ей, что платья она можетъ заказывать себѣ какія только пожелаетъ—бархатныя, фаевыя, шелковыя,

бальныя съ открытыми плечами и руками. И когда Маслова вообразила себя въ ярко-желтомъ шелковомъ платьѣ, съ черной бархатной отдѣлкой, — декольте, она не могла устоять и отдала поспортъ. И въ тотъ же вечеръ сыщица взяла извозчика и свезла ее въ знаменитый домъ Китаевой.

И съ тѣхъ поръ началась для Масловой та жизнь хроническаго преступленія заповѣдей божескихъ и человѣческихъ, которая ведется сотнями и тысячами тысячъ женщинъ не только съ разрѣшенія, но подъ покровительствомъ правительственной власти, озабоченной благомъ своихъ гражданъ, и кончается для девяти женщинъ изъ десяти мучительными болѣзнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

Утромъ и днемъ тяжелый сонъ послѣ оргіи ночи. Въ 3-мъ, 4-мъ часу усталое вставанье съ грязной постели, зельтерская вода съ перепоя, кофе, лѣнивое шлянье по комнатамъ въ пеньюарахъ, кофтахъ, халатахъ, смотрѣнье изъ-за занавѣсокъ въ окна, вялыя перебранки другъ съ другомъ, потомъ обмываніе, обмазываніе, душеніе тѣла, волосъ, примѣриванье платьевъ, споры изъ-за нихъ съ хозяйкой, разсматриваніе себя въ зеркало, подкрашиваніе лица, бровей, сладкая жирная пища, потомъ одѣванье въ яркое шелковое, обнажающее тѣло платье, потомъ выходъ въ разукрашенную, ярко освѣщенную залу, — пріѣздъ гостей: — музыка, танцы, конфекты, вино, куреніе и прелюбодѣянія съ молодыми, средними, полудѣтьми и разрушающимися стариками, холостыми, женатыми, купцами, прикащиками, армянами, евреями, татарами, богатыми, бѣдными, здоровыми, больными, пьяными, трезвыми, грубыми, нѣжными, военными, штатскими, студентами, гимназистами—всѣхъ возможныхъ сословій, возрастовъ и характеровъ. И крики, и шутки, и драки, и музыка, и табакъ и вино, и вино и табакъ, и музыка съ вечера и до разсвѣта. И только утромъ освобожденіе и тяжелый сонъ. И такъ каждый день, всю недѣлю. Въ концѣ же недѣли поѣздка въ государственное учрежденіе — участокъ, гдѣ находящіеся на государственной службѣ чиновники, доктора —мужчины, иногда серьезно и строго, а иногда съ игривой

веселостью, уничтожая, данный отъ природы для огражденія отъ преступленія не только людямъ, но и животнымъ — стыдъ, осматривали этихъ женщинъ и выдавали имъ патентъ на продолженіе тѣхъ же преступленій, которыя онѣ совершали со своими сообщниками въ продолженіе недѣли. И опять такая же недѣля. И такъ каждый день — и лѣтомъ, и зимой, и въ будни, и въ праздники.

Такъ прожила Маслова семь лѣтъ. За это время она перемѣнила два дома и одинъ разъ была въ больницѣ. На седьмомъ году ея пребыванія въ домѣ терпимости, и на восьмомъ году послѣ перваго паденія, когда ей было 26 лѣтъ, съ ней случилось то, за что ее посадили въ острогъ и теперь вели на судъ, послѣ шести мѣсяцевъ пребыванія въ тюрьмѣ, съ убійцами и воровками.

III.

Въ то время, когда Маслова, измученная длиннымъ переходомъ, подошла съ своими конвойными къ зданію окружного суда, тотъ самый племянникъ ея воспитательницъ, князь Дмитрій Ивановичъ Нехлюдовъ, который соблазнилъ ее, лежалъ еще на своей высокой, пружинной съ пуховымъ тюфякомъ, смятой постели и, растегнувъ воротъ голландской чистой, ночной рубашки съ заутюженными складочками на груди, курилъ папиросу. Онъ остановившимися глазами смотрѣлъ передъ собой и думалъ о томъ, что̀ предстоитъ ему нынче сдѣлать, и что̀ было вчера.

Вспоминая вчерашній вечеръ, проведенный у Корчагиныхъ, богатыхъ и знатныхъ людей, на дочери которыхъ предполагалось всѣми, что онъ долженъ жениться, онъ вздохнулъ и, бросивъ выкуренную папироску, хотѣлъ достать изъ серебрянаго портсигара другую, но раздумалъ и, спустивъ съ кровати гладкія бѣлыя ноги, нашелъ ими туфли, накинулъ на полныя плечи шелковый халатъ и, быстро и тяжело ступая пошелъ въ сосѣднюю съ спальней уборную, всю пропитанную искусственнымъ запахомъ элексировъ, одеколона, фиксатуаровъ, духовъ. Тамъ онъ вычистилъ особеннымъ по-

рошкомъ пломбированные во многихъ мѣстахъ зубы, выполоскалъ ихъ душистымъ полосканьемъ, потомъ сталъ со всѣхъ сторонъ мыться и вытираться разными полотенцами. Вымывъ душистымъ мыломъ руки, старательно вычиститвъ щетками отпущенные ногти и обмывъ у большого мраморнаго умывальника себѣ лицо и толстую шею, онъ пошелъ еще въ третью комнату у спальни, гдѣ приготовленъ былъ душъ. Обмывъ тамъ холодной водой мускулистое, обложившееся жиромъ, бѣлое тѣло и вытершись лохматой простыней, онъ надѣлъ чистое выглаженное бѣлье, какъ зеркало вычищенныя ботинки и сѣлъ передъ туалетомъ расчесывать двумя щетками небольшую, черную курчавую бороду и порѣдѣвшіе на передней части головы, вьющіеся волосы.

Всѣ вещи, которыя онъ употреблялъ, — принадлежности туалета: бѣлье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки, —были самаго перваго, дорогого сорта, незамѣтныя, простыя, прочныя и цѣнныя.

Выбравъ изъ десятка галстуковъ и булавокъ тѣ, какія первыя попались подъ руку, — когда-то это было ново и забавно, теперь было совершенно все равно, — Нехлюдовъ одѣлся въ вычищенное и приготовленное на стулѣ платье и вышелъ, хотя и не вполнѣ свѣжій, но чистый и душистый, въ длинную, съ натертымъ вчера тремя мужиками паркетомъ, столовую съ огромнымъ дубовымъ буфетомъ и такимъ же большимъ раздвижнымъ столомъ, имѣвшимъ что-то торжественное въ своихъ широко разставленныхъ, въ видѣ львиныхъ лапъ, рѣзныхъ ножкахъ. На столѣ этомъ, покрытомъ тонкой крахмаленной скатертью съ большими вензелями, стояли: серебряный кофейникъ съ пахучимъ кофе, такая же сахарница, сливочникъ съ кипячеными сливками и корзина съ свѣжимъ калачомъ, сухариками и бисквитами. Подлѣ прибора лежали полученныя письма, газеты и новая книжка Revue des deux Mondes. Нехлюдовъ только что хотѣлъ взяться за письма, какъ изъ двери, ведшей въ коридоръ, выплыла полная пожилая женщина въ траурѣ, съ кружевной наколкой на головѣ, скрывавшей ея разъѣхавшуюся дорожку

пробора. Это была горничная покойной, недавно, въ этой самой квартирѣ, умершей матери Нехлюдова, Аграфена Петровна, оставшаяся теперь при сынѣ въ качествѣ экономки.

Аграфена Петровна лѣтъ десять въ разное время провела съ матерью Нехлюдова за границей и имѣла видъ и пріемы барыни. Она жила въ домѣ Нехлюдовыхъ съ дѣтства и знала Дмитрія Ивановича еще Митенькой.

— Съ добрымъ утромъ, Дмитрій Ивановичъ.

— Здравствуйте, Аграфена Петровна. Что новенькаго? —спросилъ Нехлюдовъ, шутя.

— Письмо отъ княгини ли, отъ княжны ли. Горничная давно принесла, у меня дожидается, — сказала Аграфена Петровна, подавая письмо и значительно улыбаясь.

— Хорошо, сейчасъ, — сказалъ Нехлюдовъ, взявъ письмо, и, замѣтивъ улыбку Аграфены Петровны, нахмурился.

Улыбка Аграфены Петровны означала, что письмо было отъ княжны Корчагиной, на которой, по мнѣнію Аграфены Петровны, Нехлюдовъ собирался жениться. И это предположеніе, выраженное улыбкой Аграфены Петровны, было непріятно Нехлюдову.

— Такъ я ей скажу подождать,—и Аграфена Петровна, захвативъ лежавшую не на мѣстѣ щеточку для сметанія со стола и переложивъ ее на другое мѣсто, выплыла изъ столовой.

Нехлюдовъ, распечатавъ пахучее письмо, поданное ему Аграфеной Петровной, сталъ читать его:

„Исполняя взятую на себя обязанность быть вашей памятью“,—было написано на листѣ сѣрой толстой бумаги съ неровными краями острымъ, но разгонистымъ почеркомъ, — „напоминаю вамъ, что вы, нынче 28-го апрѣля, должны быть въ судѣ присяжныхъ и потому не можете никакъ ѣхать съ нами и Колосовымъ смотрѣть картины, какъ вы, со свойственнымъ вамъ легкомысліемъ, вчера обѣщали; à moins que vous ne soyez disposé à payer à la cour d'assises les 300 roubles d'amende que vous vous refusez pour votre

cheval за то, что не явились во время. Я вспомнила это вчера, только что вы ушли. Такъ не забудьте же.

Кн. М. Корчагина".

На другой сторонѣ было прибавлено:

„Maman vous fait dire que votre couvert vous attendra jusqu'à la nuit. Venez absolument à quelle heure que cela soit." M. K.

Нехлюдовъ поморщился. Записка была продолженіемъ той искусной работы, которая вотъ уже два мѣсяца производилась надъ нимъ княжной Корчагиной, и состояла въ томъ, что незамѣтными нитями все болѣе и болѣе связывала его съ ней. А между тѣмъ, кромѣ той обычной нерѣшительности передъ женитьбой людей не первой молодости и не страстно влюбленныхъ, у Нехлюдова была еще важная причина, по которой онъ, если бы даже и рѣшился, не могъ сейчасъ сдѣлать предложенія. Причина эта заключалась не въ томъ, что онъ десять лѣтъ тому назадъ соблазнилъ Катюшу и бросилъ ее,—это было совершенно забыто имъ, и онъ не считалъ это препятствіемъ для своей женитьбы; причина эта была въ томъ, что у него въ это самое время была съ замужней женщиной связь, которая, хотя и была разорвана теперь съ его стороны, не была еще признана разорванной ею.

Нехлюдовъ былъ очень робокъ съ женщинами, но именно эта-то его робость и вызвала въ этой замужней женщинѣ желаніе покорить его. Женщина эта была жена предводителя того уѣзда, на выборы котораго ѣздилъ Нехлюдовъ. И женщина эта вовлекла его въ связь, которая съ каждымъ днемъ дѣлалась для Нехлюдова все болѣе и болѣе захватывающей и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отталкивающей. Сначала Нехлюдовъ не могъ устоять отъ соблазна, потомъ, чувствуя себя виноватымъ передъ нею, онъ не могъ разорвать эту связь безъ ея согласія. Вотъ это-то и было причиной, по которой Нехлюдовъ считалъ себя не въ правѣ, если бы даже и хотѣлъ этого, сдѣлать предложеніе Корчагиной.

На столѣ какъ разъ лежало письмо отъ мужа этой женщины, Увидавъ этотъ почеркъ и штемпель, Нехлюдовъ покраснѣлъ и тотчасъ же почувствовалъ тотъ подъемъ энергіи, который онъ всегда испытывалъ при приближеніи опасности. Но волненіе его было напрасно: мужъ, предводитель дворянства того самаго уѣзда, въ которомъ были главныя имѣнія Нехлюдова, извѣщалъ Нехлюдова о томъ, что въ концѣ мая назначено экстренное земское собраніе, и что онъ проситъ Нехлюдова непремѣнно пріѣхать и donner un coup d'épaule въ предстоящихъ важныхъ вопросахъ на земскомъ собраніи о школахъ и подъѣздныхъ путяхъ, при которыхъ ожидалось сильное противодѣйствіе реакціонной партіи.

Предводитель былъ либеральный человѣкъ, и онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми единомышленниками боролся противъ наступившей при Александрѣ III реакціи и весь былъ поглощенъ этой борьбой и ничего не зналъ о своей несчастной семейной жизни.

Нехлюдовъ вспомнилъ о всѣхъ мучительныхъ минутахъ, пережитыхъ имъ по отношенію этого человѣка: вспомнилъ, какъ одинъ разъ онъ думалъ, что мужъ узналъ, и готовился къ дуэли съ нимъ, въ которой онъ намѣревался выстрѣлить на воздухъ, и о той страшной сценѣ съ нею, когда она въ отчаяніи выбѣжала въ садъ къ пруду съ намѣреніемъ утопиться, и онъ бѣгалъ искать ее. „Не могу я теперь ѣхать и не могу ничего предпринять, пока она не отвѣтитъ мнѣ“,— подумалъ Нехлюдовъ. Онъ недѣлю тому назадъ написалъ ей рѣшительное письмо, въ которомъ признавалъ себя виновнымъ, готовымъ на всякаго рода искупленіе своей вины, но считалъ все-таки, для ея же блага, ихъ отношенія навсегда поконченными. Вотъ на это-то письмо онъ ждалъ и не получалъ отвѣта. То, что не было отвѣта, было отчасти хорошимъ признакомъ. Если бы она не согласилась на разрывъ, то давно бы написала или даже сама пріѣхала, какъ она дѣлала это прежде. Нехлюдовъ слышалъ, что тамъ былъ теперь какой-то офицеръ, ухаживавшій за нею, и это му-

чило его ревностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радовало надеждой на освобожденіе отъ томившей его лжи.

Другое письмо было отъ управляющаго имѣніями. Управляющій писалъ, что ему, Нехлюдову, необходимо самому пріѣхать, чтобы утвердиться въ правахъ наслѣдства и, кромѣ того, рѣшить вопросъ о томъ, какъ продолжать хозяйство: такъ ли, какъ оно велось при покойницѣ, или, какъ онъ это и предлагалъ покойной княгинѣ, и теперь предлагаетъ молодому князю, — увеличить инвентарь и всю раздаваемую крестьянамъ землю обрабатывать самимъ. Управляющій писалъ, что такая эксплоатація будетъ гораздо выгоднѣе. При этомъ управляющій извинялся въ томъ, что нѣсколько опоздалъ высылкой слѣдуемыхъ по росписанію къ 1-му числу 3.000 рублей. Деньги эти вышлются съ слѣдующей почтой. Замедлилъ же онъ высылкой, потому что никакъ не могъ собрать съ крестьянъ, которые въ своей недобросовѣстности дошли до такой степени, что для понужденія ихъ необходимо было обратиться къ власти. Письмо это было и пріятно, и непріятно Нехлюдову. Пріятно было чувствовать свою власть надъ большою собственностью и непріятно было то, что, во время своей первой молодости, онъ былъ восторженнымъ послѣдователемъ Герберта Спенсера и въ особенности, самъ будучи большимъ землевладѣльцемъ, былъ пораженъ его положеніемъ въ Social statics о томъ, что справедливость не допускаетъ частной земельной собственности. Съ прямотой и рѣшительностью молодости, онъ не только говорилъ тогда, что земля не можетъ быть предметомъ частной собственности, и не только въ университетѣ писалъ сочиненіе объ этомъ, но и на дѣлѣ отдалъ въ то время малую часть земли (принадлежавшей не его матери, а по наслѣдству отъ отца, ему лично) мужикамъ, не желая, противно своимъ убѣжденіямъ, владѣть землею. Теперь, сдѣлавшись по наслѣдству большимъ землевладѣльцемъ, онъ долженъ былъ одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей собственности, какъ онъ сдѣлалъ это десять лѣтъ тому назадъ, по отношенію 200 десятинъ отцовской земли, или молчаливымъ со-

глашеніемъ признать всѣ свои прежнія мысли ошибочными и ложными.

Перваго онъ не могъ сдѣлать, потому что у него не было никакихъ, кромѣ земли, средствъ существованія. Служить онъ не хотѣлъ, а между тѣмъ уже были усвоены роскошныя привычки жизни, отъ которыхъ онъ считалъ, что не можетъ отстать. Да и не зачѣмъ было, такъ какъ не было уже ни той силы убѣжденія, ни той рѣшимости, ни того тщеславія и желанія удивить, которыя были въ молодости. Второе же, —отречься отъ тѣхъ ясныхъ и неопровержимыхъ доводовъ о незаконности владѣнія землею, которые онъ тогда почерпнулъ изъ „Соціальной статики" Спенсера, и блестящее подтвержденіе которымъ онъ нашелъ потомъ, уже много послѣ, въ сочиненіяхъ Генри Джорджа,—онъ никакъ не могъ.

И отъ этого письмо управляющаго было непріятно ему.

IV.

Напившись кофе, Нехлюдовъ пошелъ въ кабинетъ, чтобы справиться въ повѣсткѣ, въ которомъ часу надо быть въ судѣ, и написать отвѣтъ княжнѣ. Въ кабинетъ надо было пройти черезъ мастерскую. Въ мастерской стоялъ мольбертъ съ перевернутой начатой картиной, и развѣшены были этюды. Видъ этой картины, надъ которой онъ бился два года, и этюдовъ, и всей мастерской — напомнили ему испытанное съ особенной силой въ послѣднее время чувство безсилія итти дальше въ живописи. Онъ объяснялъ это чувство слишкомъ тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ, но все-таки сознаніе это было очень непріятно.

Семь лѣтъ тому назадъ онъ бросилъ службу, рѣшивъ, что у него есть призваніе къ живописи, и съ высоты художественной дѣятельности смотрѣлъ нѣсколько презрительно на всѣ другія дѣятельности. Теперь оказывалось, что онъ на это не имѣлъ права. И потому всякое воспоминаніе объ этомъ было непріятно. Онъ съ тяжелымъ чувствомъ посмотрѣлъ на всѣ эти роскошныя приспособленія мастерской и въ невеселомъ расположеніи духа вошелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ былъ очень большая, высокая комната со всякаго рода украшеніями, приспособленіями и удобствами.

Тотчасъ же найдя въ ящикѣ огромнаго стола, подъ отдѣломъ срочныя, повѣстку, въ которой значилось, что въ судѣ надо было быть въ одиннадцать, Нехлюдовъ сѣлъ писать княжнѣ записку о томъ, что онъ благодаритъ за приглашеніе и постарается пріѣхать къ обѣду. Но, написавъ одну записку, онъ разорвалъ ее: было слишкомъ интимно; написалъ другую — было холодно, почти оскорбительно. Онъ опять разорвалъ и нажалъ въ стѣнѣ пуговку. Въ двери вошелъ въ сѣромъ коленкоровомъ фартукѣ, пожилой, мрачнаго вида, бритый, съ бакенбардами лакей.

— Пожалуйста, пошлите за извощикомъ.

— Слушаю-съ.

— Да скажите,—тутъ дожидаются отъ Корчагиныхъ, — что благодарю, постараюсь быть.

— Слушаю.

„Неучтиво, но не могу писать. Все равно увижусь съ ней нынче“,—подумалъ Нехлюдовъ и пошелъ одѣваться.

Когда онъ, одѣвшись, вышелъ на крыльцо, знакомый извощикъ, на резиновыхъ шинахъ, уже ожидалъ его.

— А вчера, вы только уѣхали отъ князя Корчагина, — сказалъ извозчикъ, полуоборачивая свою крѣпкую, загорѣлую шею, въ бѣломъ воротѣ рубахи:—и я пріѣхалъ, а швейцаръ говоритъ: „только вышли“.

„И извощики знаютъ о моихъ отношеніяхъ къ Корчагинымъ“,—подумалъ Нехлюдовъ, и нерѣшенный вопросъ, занимавшій его постоянно въ послѣднее время: слѣдуетъ или не слѣдуетъ жениться на Корчагиной,—сталъ передъ нимъ, и онъ, какъ въ большинствѣ вопросовъ, представлявшихся ему въ это время, никакъ, ни въ ту, ни въ другую сторону, не могъ рѣшить его.

Въ пользу женитьбы вообще было, во-первыхъ, то, что женитьба, кромѣ пріятностей домашняго очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни, какъ онъ называлъ такую семейную жизнь; во-

вторыхъ, и, главное, то, что Нехлюдовъ надѣялся, что семья, дѣти дадутъ смыслъ его теперь безсодержательной жизни. Это было за женитьбу вообще. Противъ же женитьбы было, во-первыхъ, общій всѣмъ немолодымъ холостякамъ страхъ за лишеніе свободы и, во-вторыхъ, безсознательный страхъ передъ таинственнымъ существомъ женщины.

Въ пользу же, въ частности, женитьбы именно на Мисси, (Корчагину звали Марія и, какъ во всѣхъ семьяхъ извѣстнаго круга, ей дали прозвище),—было, во первыхъ, что она была породиста, и во всемъ, отъ одежды до манеры говорить, ходить, смѣяться, выдѣлялась отъ простыхъ людей, выдѣлялась не чѣмъ-нибудь исключительнымъ, а „порядочностью",—онъ не зналъ другого выраженія этого свойства и цѣнилъ это свойство очень высоко; во-вторыхъ, еще то, что она выше всѣхъ другихъ людей цѣнила его, стало-быть, по его понятіямъ, понимала его. И это пониманіе его, т. е. признаніе его высокихъ достоинствъ, свидѣтельствовало для Нехлюдова объ ея умѣ и вѣрности сужденія. Противъ же женитьбы на Мисси въ частности было, во-первыхъ, что очень вѣроятно можно бы было найти дѣвушку, имѣющую еще гораздо больше достоинствъ, чѣмъ Мисси, и потому болѣе достойную его, и, во-вторыхъ, то, что ей было 27 лѣтъ, и потому навѣрное у нея были уже прежнія любови,—и эта мысль была мучительна для Нехлюдова. Гордость его не мирилась съ тѣмъ, чтобы она, даже въ прошедшемъ, могла любить не его. Разумѣется, она не могла знать, что она встрѣтитъ его, но одна мысль о томъ, что она могла любить кого-нибудь прежде, оскорбляла его.

Такъ что доводовъ было столько же за, сколько и противъ; по крайней мѣрѣ, по силѣ своей, доводы эти были равны, и Нехлюдовъ, смѣясь самъ надъ собою, называлъ себя Буридановымъ осломъ. И все-таки оставался имъ, не зная къ какой изъ двухъ вязанокъ обратиться.

„Впрочемъ, не получивъ отвѣта отъ Марьи Васильевны, (жены предводителя), не покончивъ совершенно съ тѣмъ, я и не могу ничего предпринять",—сказалъ онъ себѣ.

И это сознаніе того, что онъ можетъ и долженъ медлить рѣшеніемъ, было пріятно ему.

„Впрочемъ, это все я обдумаю послѣ“,—сказалъ онъ себѣ, когда его пролетка, совсѣмъ уже беззвучно, подкатилась къ асфальтовому подъѣзду суда.

„Теперь надо добросовѣстно, какъ я всегда дѣлаю и считаю должнымъ, исполнить общественную обязанность. Притомъ же это часто бываетъ и интересно“,—сказалъ онъ себѣ и вошелъ, мимо швейцара, въ сѣни суда.

V.

Въ корридорахъ суда уже шло усиленное движеніе, когда Нехлюдовъ вошелъ въ него.

Сторожа то быстро ходили, то рысью даже, не поднимая ногъ отъ пола, но шмыгая ими, запыхавшись бѣгали взадъ и впередъ съ порученіями и бумагами. Пристава, адвокаты и судейскіе проходили то туда, то сюда, просители или подсудимые не подъ стражей уныло бродили у стѣнъ или сидѣли, дожидаясь.

— Гдѣ окружный судъ?—спросилъ Нехлюдовъ у одного изъ сторожей.

— Какой вамъ? Есть гражданское отдѣленіе, есть судебпая палата.

— Я присяжный.

— Уголовное отдѣленіе. Такъ бы и сказали. Сюда направо, потомъ налѣво и вторая дверь.

Нехлюдовъ пошелъ по указанію.

У указанной двери стояли два человѣка, дожидаясь; одинъ былъ высокій, толстый купецъ, добродушный человѣкъ, который, очевидно, выпилъ и закусилъ и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; другой былъ приказчикъ, еврейскаго происхожденія. Они разговаривали о цѣнѣ шерсти, когда къ нимъ подошелъ Нехлюдовъ и спросилъ, здѣсь ли комната присяжныхъ.

— Здѣсь, сударь, здѣсь. Тоже, нашъ братъ, присяжный? — весело подмигивая, спросилъ добродушно купецъ.

— Ну что же, вмѣстѣ потрудимся, — продолжалъ онъ на утвердительный отвѣтъ Нехлюдова: — второй гильдіи, Баклашовъ, — сказалъ онъ, подавая мягкую, широкую несжимающуюся руку: — потрудиться надо. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Нехлюдовъ назвался и прошелъ въ комнату присяжныхъ.

Въ небольшой комнатѣ присяжныхъ было человѣкъ десять разнаго сорта людей. Всѣ только что пришли, и нѣкоторые сидѣли, другіе ходили, разглядывая другъ друга и знакомясь. Былъ одинъ отставной въ мундирѣ, другіе въ сюртукахъ, въ пиджакахъ, одинъ только былъ въ поддевкѣ.

На всѣхъ былъ,—не смотря на то, что многихъ это оторвало отъ дѣла и что они говорили, что тяготятся этимъ, —на всѣхъ былъ отпечатокъ нѣкотораго удовольствія, вызваннаго сознаніемъ совершенія важнаго общественнаго дѣла.

Присяжные, кто познакомившись, а кто такъ, только догадываясь кто-кто, разговаривали между собой о погодѣ, о ранней веснѣ, о предстоящихъ дѣлахъ. Тѣ, кто не были знакомы, поспѣшили познакомиться съ Нехлюдовымъ, очевидно считая это за особую честь. И Нехлюдовъ, какъ и всегда, среди незнакомыхъ людей, принималъ это, какъ должное. Если бы его спросили, почему онъ считаетъ себя выше большинства людей, онъ не могъ бы отвѣтить, такъ какъ вся его жизнь не являла никакихъ особенныхъ достоинствъ. То же, что онъ выговаривалъ хорошо по-англійски, по-французски и по-нѣмецки, что на немъ было бѣлье, одежда, галстукъ и запонки отъ самыхъ первыхъ поставщиковъ этихъ товаровъ, никакъ не могло служить, онъ самъ понималъ, причиной признанія своего превосходства. А, между тѣмъ, онъ несомнѣнно признавалъ это свое превосходство и принималъ выказываемые ему знаки уваженія, какъ должное, и оскорблялся, когда этого не было. Въ комнатѣ присяжныхъ ему какъ разъ пришлось испытать это непріятное чувство отъ выказаннаго ему неуваженія. Въ числѣ присяжныхъ нашелся знакомый Нехлюдова. Это былъ Петръ Герасимовичъ (Нехлюдовъ никогда не зналъ и даже немного хвасталъ тѣмъ,

что не знаетъ его фамиліи), бывшій учитель дѣтей его сестры. Петръ Герасимовичъ, этотъ, былъ теперь учителемъ гимназіи. Онъ всегда былъ невыносимъ Нехлюдову своей фамильярностью, своимъ самодовольнымъ хохотомъ, вообще своей коммунностью, какъ говорила сестра Нехлюдова.

— А, и вы попали, — съ громкимъ хохотомъ встрѣтилъ Петръ Герасимовичъ Нехлюдова. — Не отвертѣлись?

— Я и не думалъ отвертываться, — строго и уныло сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну, это гражданская доблесть. Погодите, какъ проголодаетесь, да спать не дадутъ, не то запоете!—еще громче хохоча, заговорилъ Петръ Герасимовичъ.

„Этотъ протоіереевъ сынъ сейчасъ станетъ мнѣ „ты" говорить", подумалъ Нехлюдовъ и, выразивъ на своемъ лицѣ такую печаль, которая была бы естественна только, если бы онъ сейчасъ узналъ о смерти всѣхъ родныхъ, отошелъ отъ него и приблизился къ группѣ, образовавшейся около бритаго, высокаго, представительнаго господина, что-то оживленно разсказывавшаго. Господинъ этотъ говорилъ о процесѣ, который шелъ теперь въ гражданскомъ отдѣленіи, какъ о хорошо знакомомъ ему дѣлѣ, называя судей и знаменитыхъ адвокатовъ по имени и отчеству. Онъ разсказывалъ про тотъ удивительный оборотъ, который умѣлъ дать дѣлу знаменитый адвокатъ, и по которому одна изъ сторонъ, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будетъ ни за что заплатить большія деньги противной сторонѣ.

— Геніальный адвокатъ! — говорилъ онъ.

Его слушали съ уваженіемъ, и нѣкоторые старались вставить свои замѣчанія, но онъ всѣхъ обрывалъ, какъ будто онъ одинъ могъ знать все по-настоящему.

Несмотря на то, что Нехлюдовъ пріѣхалъ поздно, пришлось долго дожидаться. Задерживалъ дѣло, до сихъ поръ не пріѣхавшій, одинъ изъ членовъ суда.

VI.

Председательствующій пріѣхалъ въ судъ рано. Предсѣдательствующій былъ высокій, полный человѣкъ съ большими сѣдѣющими бакенбардами. Онъ былъ женатъ, но велъ очень распущенную жизнь, такъ-же какъ и его жена. Они не мѣшали другъ другу. Нынче утромъ онъ получилъ записку отъ швейцарки-гувернантки, жившей у нихъ въ домѣ лѣтомъ и теперь проѣзжавшей съ юга въ Петербургъ, что она будетъ въ городѣ между тремя и шестью часами ждать его въ гостинницѣ „Италія". И потому ему хотѣлось начать и кончить раньше засѣданіе нынѣшняго дня съ тѣмъ, чтобы до шести успѣть посѣтить эту рыженькую Клару Васильевну, съ которой у него прошлымъ лѣтомъ на дачѣ завязался романъ.

Войдя въ кабинетъ, онъ защелкнулъ дверь, досталъ изъ шкапа съ бумагами съ нижней полки двѣ галтеры (гири) и сдѣлалъ 20 движеній вверхъ, впередъ, вбокъ и внизъ, и потомъ три раза легко присѣлъ, держа галтеры надъ головой.

„Ничто такъ не поддерживаетъ, какъ обливаніе водою и гимнастика", — подумалъ онъ, ощупывая лѣвой рукой, съ золотымъ кольцомъ на безымянникѣ, напруженный бисепсъ правой. Ему оставалось еще сдѣлать мулинэ, (онъ всегда дѣлалъ эти два движенія передъ долгимъ сидѣніемъ засѣданія), когда дверь дрогнула. Кто-то хотѣлъ отворить ее. Предсѣдатель поспѣшно положилъ гири на мѣсто и отворилъ дверь.

— Извините, — сказалъ онъ.

Въ комнату вошелъ одинъ изъ членовъ, въ золотыхъ очкахъ, невысокій, съ поднятыми плечами и нахмуреннымъ лицомъ.

— Опять Матвѣя Никитича нѣтъ, — сказалъ членъ недовольно.

— Нѣтъ еще, — надѣвая мундиръ, отвѣчалъ предсѣдатель. — Вѣчно опаздываетъ.

— Удивительно, какъ не совѣстно, — сказалъ членъ и сердито сѣлъ, доставая папиросы.

Членъ этотъ, очень аккуратный человѣкъ, нынче утромъ имѣлъ непріятное столкновеніе съ женой за то, что жена израсходовала раньше срока данныя ей на мѣсяцъ деньги. Она просила дать ей впередъ, но онъ сказалъ, что не отступитъ отъ своего. Вышла сцена. Жена сказала, что если такъ, то и обѣда не будетъ, — чтобы онъ и не ждалъ обѣда дома. На этомъ онъ уѣхалъ, боясь, что она сдержитъ свою угрозу, такъ какъ отъ нея всего можно было ожидать. — „Вотъ и живи хорошей, нравственной жизнью“,—думалъ онъ, глядя на сіяющаго, здороваго, веселаго и добродушнаго предсѣдателя, который, широко разставляя локти, красивыми бѣлыми руками расправлялъ густыя и длинныя сѣдѣющія бакенбарды по обѣимъ сторонамъ шитаго воротника:—„онъ всегда доволенъ и веселъ, а я мучаюсь“.

Вошелъ секретарь, и принесъ какое-то дѣло.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ предсѣдатель и закурилъ папироску. — Какое же дѣло пустимъ первымъ?

— Да я думаю отравленіе, — какъ будто равнодушно сказалъ секретарь.

— Ну хорошо, отравленіе такъ отравленіе, — сказалъ предсѣдателъ, сообразивъ, что это такое дѣло, которое можно кончить до 4-хъ часовъ, а потомъ уѣхать. — А Матвѣя Никитича нѣтъ?

— Все нѣтъ.

— А Бреве здѣсь?

— Здѣсь, — отвѣчалъ секретарь.

— Такъ скажите ему, если увидите, что мы начнемъ съ отравленія.

Бреве былъ тотъ товарищъ прокурора, который долженъ былъ обвинять въ этомъ засѣданіи.

Выйдя въ корридоръ, секретарь встрѣтилъ Бреве. Поднявъ высоко плечи, онъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, чуть не бѣгомъ, постукивая каблуками и махая свободной рукой такъ, что плоскость руки была

перпендикулярна къ направленію его хода, быстро шагалъ по корридору.

— Михаилъ Петровичъ просилъ узнать, готовы ли вы? — спросилъ у него секретарь.

— Разумѣется, я всегда готовъ, — сказалъ товарищъ прокурора. — Какое дѣло первое?

— Отравленіе.

— И прекрасно, — сказалъ товарищъ прокурора; но онъ вовсе не находилъ этого прекраснымъ: онъ не спалъ всю ночь. Они провожали товарища, много пили и играли до 2 часовъ, а потомъ поѣхали къ женщинамъ въ тотъ самый домъ, въ которомъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ еще была Маслова, такъ что именно дѣло объ отравленіи онъ не успѣлъ прочесть, и теперь хотѣлъ пробѣжать его. Секретарь же нарочно, зная, что онъ не читалъ дѣла объ отравленіи, посовѣтовалъ предсѣдателю пустить его первымъ. Секретарь былъ либеральнаго, даже радикальнаго образа мыслей человѣкъ. Бреве же былъ консервативенъ и, даже, какъ всѣ служащіе въ Россіи нѣмцы, особенно преданъ православію, и секретарь не любилъ его и завидовалъ его мѣсту.

— Ну, а какъ же о скопцахъ? — спросилъ секретарь.

— Я сказалъ, что не могу, — сказалъ товарищъ прокурора: — за отсутствіемъ свидѣтелей, такъ и заявлю суду.

— Да вѣдь все равно...

— Не могу, — сказалъ товарищъ прокурора и, такъ же махая рукой, пробѣжалъ въ свой кабинетъ.

Онъ откладывалъ дѣло о скопцахъ за отсутствіемъ совсѣмъ не важнаго и не нужнаго для дѣла свидѣтеля только потому, что дѣло это, слушаясь въ судѣ, гдѣ составъ присяжныхъ былъ интеллигентный, могло кончиться оправданіемъ. По уговору же съ предсѣдателемъ, дѣло это должно было перенестись на сессію уѣзднаго города, гдѣ будутъ больше крестьяне, и потому больше шансовъ обвиненія.

Движеніе по корридору все усиливалось. Больше всего народа было около залы гражданскаго отдѣленія, въ которой шло то дѣло, о которомъ говорилъ присяжнымъ пред-

ставительный господинъ, охотникъ до судейскихъ дѣлъ. Въ сдѣланный перерывъ, изъ этой залы вышла та самая старушка, у которой геніальный адвокатъ сумѣлъ отнять ея имущество въ пользу дѣльца, не имѣвшаго на это имущество никакого права; это знали и судьи, а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный имъ ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущество у старушки и не отдать его дѣльцу. Старушка была толстая женщина въ нарядномъ платьѣ и съ огромными цвѣтами на шляпкѣ. Она, выйдя изъ двери, остановилась въ корридорѣ и, разводя толстыми, короткими руками, все повторяла, обращаясь къ своему адвокату: „что жъ это будетъ? Сдѣлайте милость. Что жъ это?“ Адвокатъ смотрѣлъ на цвѣты на ея шляпкѣ и не слушалъ ея, что то соображая.

Вслѣдъ за старушкой изъ двери залы гражданскаго отдѣленія, сіяя пластрономъ широко раскрытаго жилета и самодовольнымъ лицомъ, быстро вышелъ тотъ самый знаменитый адвокатъ, который сдѣлалъ такъ, что старушка съ цвѣтами осталась не при чемъ, а дѣлецъ, давшій ему 10 тысячъ рублей, получилъ больше 100 тысячъ. Всѣ глаза обратились на адвоката, и онъ чувствовалъ это и всей наружностью своей какъ бы говорилъ: „Не нужно никакихъ выраженій преданности“, и быстро прошелъ мимо всѣхъ.

VII.

Наконецъ пріѣхалъ и Матвѣй Никитичъ, и судебный приставъ, худой человѣкъ съ длинной шеей и походкой на бокъ, и также на бокъ выставляемой нижней губой, вошелъ въ комнату присяжныхъ.

Судебный приставъ этотъ былъ честный человѣкъ, университетскаго образованія, но не могъ нигдѣ удержаться на мѣстѣ, потому что пилъ запоемъ. Три мѣсяца тому назадъ одна графиня, покровительница его жены, устроила ему это мѣсто, и онъ до сихъ поръ держался на немъ и радовался этому.

— Что же, господа, собрались всѣ? — сказалъ онъ, надѣвая pince-nez и глядя черезъ него.

— Всѣ, кажется, — сказалъ веселый купецъ.

— Вотъ повѣримъ, — сказалъ судебный приставъ и, доставъ изъ кармана листъ, сталъ перекликать, глядя на вызываемыхъ то черезъ pince-nez, то сквозь него.

— Статскій совѣтникъ И. М. Никифоровъ.

— Я, — сказалъ представительный господинъ, знавшій всѣ судейскія дѣла.

— Отставной полковникъ Иванъ Семеновичъ Ивановъ.

— Здѣсь, — отозвался худой человѣкъ въ отставномъ мундирѣ.

— Купецъ 2-й гильдіи Петръ Баклашовъ.

— Есть, — сказалъ добродушный купецъ, улыбаясь во весь ротъ. — Готовы!

— Гвардіи поручикъ, князь Димитрій Нехлюдовъ.

— Я, — отвѣтилъ Нехлюдовъ.

Судебный приставъ особенно учтиво и пріятно глядя поверхъ pince-nez, поклонился, какъ будто выдѣляя его этимъ отъ другихъ.

— Капитанъ Юрій Дмитріевичъ Данченко, купецъ Григорій Ефимовичъ Кулешовъ и т. д., и т. д.

Всѣ, кромѣ двухъ, были въ сборѣ.

— Теперь пожалуйте, господа, въ залу, — пріятнымъ жестомъ указывая на дверь, сказалъ приставъ.

Всѣ тронулись и, пропуская другъ друга въ дверяхъ, вышли въ корридоръ и изъ корридора въ залу засѣданія.

Зала суда была большая, длинная комната. Одинъ конецъ ея былъ занятъ возвышеніемъ, къ которому вели три ступеньки. На возвышеніи по серединѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ болѣе темной, зеленой бахромой. Позади стола стояли три кресла, съ очень высокими дубовыми рѣзными спинками, а за креслами висѣлъ въ золотой рамѣ яркій портретъ во весь ростъ (генерала) государя въ мундирѣ и лентѣ, отставившаго ногу и держащагося за саблю. Въ правомъ углу висѣлъ кіотъ съ образомъ Христа въ терновомъ

вѣнкѣ, и стоялъ аналой, и въ правой же сторонѣ стояла конторка прокурора. Съ лѣвой стороны, противъ конторки, былъ въ глубинѣ столикъ секретаря, а ближе къ публикѣ— точеная дубовая рѣшётка и за нею еще не занятая скамья подсудимыхъ. Съ правой стороны на возвышеніи стояли въ два ряда стулья, тоже съ высокими спинками для присяжныхъ, внизу столы для адвокатовъ. Все это было въ передней части залы, раздѣлявшейся рѣшёткой на-двое. Задняя же часть вся занята была скамьями, которыя, возвышаясь одинъ рядъ надъ другимъ, шли до задней стѣны. Въ задней части залы, на переднихъ лавкахъ сидѣли четыре женщины, вродѣ фабричныхъ или горничныхъ, и двое мужчинъ, тоже изъ рабочихъ, очевидно подавленныхъ величіемъ убранства залы и потому робко перешёптывавшихся между собой.

Скоро послѣ присяжныхъ судебный приставъ односторонней походкой вышелъ на середину и громкимъ голосомъ, которымъ онъ точно хотѣлъ испугать присутствующихъ, прокричалъ:

— Судъ идетъ!

Всѣ встали, и на возвышеніе залы вышли судьи: предсѣдательствующій съ своими мускулами и прекрасными бакенбардами. Потомъ мрачный членъ суда въ золотыхъ очкахъ, который теперь былъ еще мрачнѣе оттого, что передъ самымъ засѣданіемъ онъ встрѣтилъ своего шурина, кандидата на судебныя должности, который сообщилъ ему, что онъ былъ у сестры, и сестра объявила ему, что обѣда не будетъ.

— Такъ что, видно, въ кабачокъ поѣдемъ, — сказалъ шуринъ, смѣясь.

— Ничего нѣтъ смѣшного, — сказалъ мрачный членъ суда, и сдѣлался еще мрачнѣе.

И, наконецъ, третій членъ суда, тотъ самый Матвѣй Никитичъ, который всегда опаздывалъ, — этотъ членъ былъ бородатый человѣкъ, съ большими, внизъ оттянутыми, добрыми глазами. Членъ этотъ страдалъ катарромъ желудка и съ нынѣшняго утра началъ, по совѣту доктора, новый режимъ, и этотъ новый режимъ задержалъ его нынче дома еще

дольше обыкновеннаго. Теперь, когда онъ входилъ на возвышеніе, онъ имѣлъ сосредоточенный видъ потому, что у него была привычка загадывать всѣми возможными средствами на вопросы, которые онъ задавалъ себѣ. Теперь онъ загадалъ, что если число шаговъ до кресла отъ двери кабинета будетъ дѣлиться на три безъ остатка, то новый режимъ вылѣчитъ его отъ катарра, если же не будетъ дѣлиться, то — нѣтъ. Шаговъ было 26, но онъ сдѣлалъ маленькій шажокъ и ровно на 27-мъ подошелъ къ креслу.

Фигуры предсѣдателя и членовъ, вышедшихъ на возвышеніе въ своихъ разшитыхъ золотомъ воротникахъ мундировъ, были очень внушительны. Они сами чувствовали это, и всѣ трое, какъ бы смущенные своимъ величіемъ, поспѣшно и скромно опуская глаза, сѣли на свои рѣзныя кресла за покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ возвышались: треугольный инструментъ съ орломъ; стеклянныя вазы, въ которыхъ бываютъ въ буфетахъ конфеты; стояла чернильница, и лежали перья, бумага чистая и вновь очиненные карандаши разныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ судьями вошелъ и товарищъ прокурора. Онъ такъ-же поспѣшно, съ портфелемъ подъ мышкой, и такъ-же махая рукой, прошелъ къ своему мѣсту у окна и тотчасъ же погрузился въ чтеніе и пересматриваніе бумагъ, пользуясь каждой минутой для того, чтобы приготовиться къ дѣлу. Прокуроръ этотъ только-что четвертый разъ обвинялъ. Онъ былъ очень честолюбивъ и твердо рѣшилъ сдѣлать карьеру, и потому считалъ необходимымъ добиваться обвиненія по всѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ будетъ обвинять. Сущность дѣла объ отравленіи онъ зналъ въ общихъ чертахъ и составилъ уже планъ рѣчи, но ему нужны были еще нѣкоторыя данныя и ихъ-то онъ теперь поспѣшно и выписывалъ изъ дѣла.

Секретарь сидѣлъ на противуположномъ концѣ возвышенія и, подготовивъ всѣ тѣ бумаги, которыя могутъ понадобиться для чтенія, просматривалъ запрещенную статью, которую онъ досталъ и читалъ вчера. Ему хотѣлось поговорить объ этой статьѣ съ членомъ суда съ большой бородой,

раздѣляющимъ его взгляды, и прежде разговора хотѣлъ ознакомиться съ нею.

VIII.

Предсѣдатель, просмотрѣвъ бумаги, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ судебному приставу и секретарю и, получивъ утвердительные отвѣты, распорядился о приводѣ подсудимыхъ. Тотчасъ же дверь за рѣшеткой отворилась, и вошли въ шапкахъ два жандарма съ оголенными саблями, а за ними сначала одинъ подсудимый, рыжій мужчина съ веснушками, — и двѣ женщины. Мужчина былъ одѣтъ въ арестантскій халатъ, слишкомъ широкій и длинный для него. Входя въ судъ, онъ держалъ руки съ оттопыренными большими пальцами, напряженно вытянутыми по швамъ, придерживая этимъ положеніемъ спускавшіеся слишкомъ длинные рукава. Онъ, не взглядывая на судей и зрителей, внимательно смотрѣлъ на скамью, которую обходилъ. Обойдя ее, онъ аккуратно, съ края, давая мѣсто другимъ, сѣлъ на нее, вперивъ глаза въ предсѣдателя, точно шепча что-то, сталъ шевелить мускулами въ щекахъ. За нимъ вошла не молодая женщина, также одѣтая въ арестантскій халатъ. Голова женщины была повязана арестантской косынкой, лицо было сѣро-бѣлое, безъ бровей и рѣсницъ, но съ красными глазами. Женщина эта казалась совершенно спокойной. Когда она проходила на свое мѣсто, халатъ ея зацѣпился за что-то, она старательно, не торопясь, выпростала его и сѣла.

Третья подсудимая была Маслова.

Какъ только она вошла, глаза всѣхъ мужчинъ, бывшихъ въ залѣ, обратились на нее и долго не отрывались отъ ея бѣлаго, съ черными глянцовито-блестящими глазами, лица и выступавшей подъ халатомъ высокой груди. Даже жандармъ, мимо котораго она проходила, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее, пока она проходила и усаживалась, и потомъ, когда она усѣлась, какъ будто сознавая себя виновнымъ, поспѣшно отвернулся и, стряхнувшись, уперся глазами въ окно прямо передъ собой.

Предсѣдатель подождалъ, пока подсудимые заняли свои мѣста и, какъ только Маслова усѣлась, обратился къ секретарю.

Началась обычная процедура: перечисленіе присяжныхъ засѣдателей, разсужденіе о неявившихся, наложеніе на нихъ штрафовъ и рѣшеніе о тѣхъ, которые отпрашивались, и пополненіе неявившихся запасными. Потомъ предсѣдатель сложилъ билетики, вложилъ ихъ въ стеклянную вазу и сталъ, немного засучивъ шитые рукава мундира и обнаживъ сильно поросшія волосами руки, съ жестами фокусника, вынимать по одному билетику, раскатывать и читать ихъ. Потомъ предсѣдатель спустилъ рукава и предложилъ священнику привести засѣдателей къ присягѣ.

Старичекъ-священникъ, съ опухшимъ желто-блѣднымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ съ золотымъ крестомъ на груди и еще какимъ-то маленькимъ орденомъ, приколотымъ сбоку на рясѣ, медленно подъ рясой передвигая свои опухшія ноги, подошелъ къ аналою, стоявшему подъ образомъ.

Присяжные встали и толпясь двинулись къ аналою.

— Пожалуйте, — проговорилъ священникъ, потрогивая пухлой рукой свой крестъ на груди и ожидая приближенія всѣхъ присяжныхъ.

Священникъ этотъ священствовалъ 46 лѣтъ и собирался черезъ три года отпраздновать свой юбилей такъ же, какъ его недавно отпраздновалъ соборный протоіерей. Въ окружномъ же судѣ онъ служилъ со времени открытія судовъ и очень гордился тѣмъ, что онъ привелъ къ присягѣ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, и что въ своихъ преклонныхъ годахъ онъ продолжаетъ трудиться на благо церкви, отечества и семьи, которой онъ оставитъ, кромѣ дома, капиталъ не менѣе 30-ти тысячъ въ процентныхъ бумагахъ. То же, что трудъ его въ судѣ, состоявшій въ томъ, чтобы приводить людей къ присягѣ надъ Евангеліемъ, въ которомъ прямо запрещена присяга, былъ трудъ не хорошій, никогда не приходило ему въ голову, и онъ не только не тяготился имъ, но любилъ это привычное занятіе, часто при этомъ знако-

мясь съ хорошими господами. Теперь онъ не безъ удовольствія познакомился съ знаменитымъ адвокатомъ, внушавшимъ ему большое уваженіе тѣмъ, что за одно только дѣло старушки съ огромными цвѣтами на шляпкѣ, онъ получилъ десять тысячъ рублей.

Когда присяжные всѣ взошли по ступенькамъ на возвышеніе, священникъ, нагнувъ на бокъ лысую и сѣдую голову, пролѣзъ ею въ насаленную дыру епитрахили и, оправивъ жидкіе волосы, обратился къ присяжнымъ:

— Правую руку поднимите, а персты сложите такъ вотъ, —сказалъ онъ медленно старческимъ голосомъ, поднимая пухлую руку съ ямочками надъ каждымъ пальцемъ и складывая эти пальцы въ щепоть. — Теперь повторяйте за мной, сказалъ онъ и началъ:—Обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, что по дѣлу, по которому . . . — говорилъ онъ, дѣлая перерывъ послѣ каждой фразы. — Не опускайте руки, держите такъ,—обратился онъ къ молодому человѣку, опустившему руку . . .—что по дѣлу, по которому . . .

Представительный господинъ съ бакенбардами, полковникъ, купецъ и другіе держали руки со сложенными перстами такъ, какъ этого требовалъ священникъ, и, какъ бы съ особеннымъ удовольствіемъ, очень опредѣленно и высоко, другіе какъ будто неохотно и неопредѣленно. Одни слишкомъ громко повторяли слова, словно съ задоромъ и выраженіемъ, говорящимъ: а я все таки буду и буду говорить; другіе же только шептали, отставали отъ священника и потомъ, какъ бы испугавшись, не во время догоняли его; одни крѣпко-крѣпко, точно боясь, что выпустятъ что-то, вызывающими жестами держали свои щепотки, а другіе распускали ихъ и опять собирали. Всѣмъ было неловко, одинъ только старичокъ-священникъ былъ несомнѣнно убѣжденъ, что онъ дѣлаетъ очень полезное и важное дѣло. Послѣ присяги предсѣдатель предложилъ присяжнымъ выбрать старшину. Присяжные встали и, тѣснясь, прошли въ совѣщательную комнату, гдѣ почти всѣ они тотчасъ достали папиросы и

стали курить. Кто-то предложилъ старшиной представительнаго господина, и всѣ тотчасъ же согласились и, побросавъ и потушивъ окурки, вернулись въ залу. Выбранный старшина объявилъ предсѣдателю, кто избранъ старшиной, и всѣ опять, шагая черезъ ноги другъ другу, усѣлись въ два ряда на стулья съ высокими чпинками.

Все шло безъ задержекъ, скоро и не безъ торжественности, и эта правильность, послѣдовательность и торжественность, очевидно, доставляли удовольствіе участвующимъ, подтверждая въ нихъ сознаніе, что они дѣлаютъ серьезное и важное общественное дѣло. Это чувство испытывалъ и Нехлюдовъ.

Какъ только присяжные усѣлись, предсѣдатель сказалъ имъ рѣчь объ ихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности. Говоря свою рѣчь, предсѣдатель постоянно перемѣнялъ позу: то облокачивался на лѣвую, то на правую руку, то на спинку, то на ручки креселъ, то уравнивалъ края бумаги, то гладилъ разрѣзной ножъ, то ощупывалъ карандашъ.

Права ихъ, по его словамъ, состояли въ томъ, что они могутъ спрашивать подсудимыхъ черезъ предсѣдателя, могутъ имѣть карандашъ и бумагу и могутъ осматривать вещественныя доказательства. Обязанность состояла въ томъ, чтобы они судили не ложно, а справедливо. Отвѣтственность же ихъ состояла въ томъ, что, вслучаѣ несоблюденія тайны совѣщаній и установленія сношеній съ посторонними, они подвергались наказанію.

Всѣ слушали съ почтительнымъ вниманіемъ. Купецъ, распространяя вокругъ себя запахъ вина и удерживая шумную отрыжку, на каждую фразу одобрительно кивалъ головою.

IX.

Окончивъ свою рѣчь, предсѣдатель обратился къ подсудимымъ.

— Симонъ Картинкинъ, встаньте, — сказалъ онъ.

Симонъ нервно вскочилъ, мускулы щекъ зашевелились еще быстрѣе.

— Ваше имя?

— Симонъ Петровъ Картинкинъ, — быстро проговорилъ онъ трескучимъ голосомъ, очевидно впередъ приготовившись къ отвѣту.

— Ваше званіе?

— Крестьяне.

— Какой губерніи, уѣзда?

— Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, волости Купянской, села Борки.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать четвертый, рожденъ въ тысяча восемьсотъ...

— Вѣры какой?

— Вѣры мы русской, православной.

— Женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Занимались мы по корридору въ гостинницѣ „Мавританія“.

— Судились когда прежде?

— Никогда не сужденъ, потому какъ мы жили прежде...

— Не судились прежде?

— Помилуй Богъ, никогда.

— Копію съ обвинительнаго акта получили?

— Получили.

— Садитесь. Евфимія Ивановна Бочкова, — обратился предсѣдатель къ слѣдующей подсудимой.

Но Симонъ продолжалъ стоять и заслонялъ Бочкову.

— Картинкинъ, сядьте.

Картинкинъ все стоялъ

— Картинкинъ, сядьте!

Но Картинкинъ все стоялъ и сѣлъ толко тогда, когда подбѣжавшій приставъ, склонивъ голову на бокъ и неестест-

венно раскрывая глаза, трагическимъ шопотомъ проговорилъ: сидѣть, сидѣть!

Картинкинъ сѣлъ также быстро, какъ онъ вставалъ и, запахнувшись халатомъ, сталъ опять беззвучно шевелить щеками.

— Ваше имя?—со вздохомъ усталости обратился предсѣдатель ко второй подсудимой, не глядя на нее и о чемъ-то справляясь въ лежащей передъ нимъ бумагѣ. Дѣло было настолько привычное для предсѣдателя, что для убыстренія хода дѣла, онъ могъ дѣлать два дѣла разомъ.

Бочковой было 43 года, званіе — коломенская мѣщанка, занятіе-корридорная въ той же гостинницѣ „Мавританія". Подъ судомъ и слѣдствіемъ не была, копію съ обвинительнаго акта получила. Отвѣты свои выговаривала Бочкова чрезвычайно смѣло и съ такими интонаціями, точно она къ каждому отвѣту приговаривала: „да,—Евфимія, и Бочкова, копію получила, и горжусь этимъ, и смѣяться никому не позволю". Бочкова, не дожидаясь того, чтобы ей сказали сѣсть, тотчасъ же сѣла, какъ только кончились вопросы.

— Ваше имя? — обратился женолюбивый предсѣдатель какъ-то особенно привѣтливо къ третьей подсудимой. — Надо встать, — прибавилъ онъ мягко и ласково, замѣтивъ, что Маслова сидѣла.

Маслова быстрымъ движеніемъ встала и съ выраженіемъ готовности, выставляя свою высокую грудь, не отвѣчая, глядѣла прямо въ лицо предсѣдателя своими улыбающимися, и немного косящими черными глазами.

— Звать какъ?

— Звали Любовью, — проговорила она быстро

Нехлюдовъ, между тѣмъ, надѣвъ pince-nez, глядѣлъ на подсудимыхъ по мѣрѣ того, какъ ихъ допрашивали. — „Да не можетъ быть", думалъ онъ, не спуская глазъ съ лица подсудимой. — „Но какъ же—Любовь", — думалъ онъ, услыхавъ ея отвѣтъ.

Предсѣдатель хотѣлъ спрашивать дальше, но членъ въ очкахъ, что-то сердито прошептавъ, остановилъ его. Пред

сѣдатель сдѣлалъ головой знакъ согласія и обратился къ подсудимой.

— Какъ Любовью?—сказалъ онъ:—вы записаны иначе. Подсудимая молчала.

— Я васъ спрашиваю, какъ ваше настоящее имя?

— Крещена какъ? — спросилъ сердитый членъ.

— Прежде звали Катериной.

„Да не можетъ быть", продолжалъ себѣ говорить Нехлюдовъ, и между тѣмъ онъ уже безъ всякаго сомнѣнія зналъ, что это была она, та самая дѣвушка, воспитанница—горничная, въ которую онъ одно время былъ влюбленъ, именно влюбленъ, а потомъ въ какомъ-то безумномъ чаду соблазнилъ и бросилъ, и о которой потомъ никогда не вспоминалъ, потому что воспоминаніе это было слишкомъ мучительно, слишкомъ явно обличало его и показывало, что онъ, столь гордый своей порядочностью, не только не порядоченъ, но прямо подло поступилъ съ этой женщиной.

Да, это была она. Онъ видѣлъ теперь ясно ту исключительную, таинственную особенность, которая отличаетъ каждаго человѣка отъ другого, дѣлаетъ его особеннымъ, единственнымъ, неповторяемымъ. Несмотря на неестественную бѣлизну и полноту лица, особенность эта, милая, исключительная особенность была въ этомъ лицѣ, въ губахъ, въ немного косившихъ глазахъ и, главное, въ этомъ наивномъ, улыбающемся взглядѣ и въ выраженіи готовности не только въ лицѣ, но и во всей фигурѣ.

— Вы такъ и должны были сказать,—опять-таки особенно мягко сказалъ предсѣдатель. — Отчество какъ?

— Я — незаконная, — проговорила Маслова.

— Все таки по крестному отцу какъ звали?

— Михайловой.

„И что могла она сдѣлать?" продолжалъ думать, между тѣмъ, Нехлюдовъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Фамилія, прозвище ваше какъ? — продолжалъ предсѣдатель.

— Писали по матери Масловой.

— Званіе?

— Мѣщанка.

— Вѣры православной?

— Православной.

— Занятіе? Чѣмъ занимались?

Маслова молчала.

— Чѣмъ занимались?—повторилъ предсѣдатель.

— Въ заведеніи была,—сказала она.

— Въ какомъ заведеніи? — строго спросилъ членъ въ очкахъ.

— Вы сами знаете, въ какомъ,—сказала Маслова, улыбнулась и тотчасъ же, быстро оглянувшись, опять прямо уставилась на предсѣдателя.

Что-то было такое необыкновенное въ выраженіи лица, и страшное и жалкое въ значеніи сказанныхъ ею словъ, въ этой улыбкѣ и въ томъ быстромъ взглядѣ, которымъ она окинула при этомъ залу, что предсѣдатель потупился, и въ залѣ на минуту установилась совершенная тишина. Тишина была прервана чьимъ-то смѣхомъ изъ публики. Кто-то зашикалъ. Предсѣдатель поднялъ голову и продолжалъ вопросы.

— Подъ судомъ и слѣдствіемъ не были?

— Не была, — тихо проговорила Маслова, вздыхая.

— Копію съ обвинительнаго акта получили?

— Получила.

— Сядьте, — сказалъ предсѣдатель.

Подсудимая подняла юбку сзади тѣмъ движеніемъ, которымъ нарядныя женщины оправляютъ шлейфъ, и сѣла, сложивъ бѣлыя небольшія руки въ рукавахъ халата, не спуская глазъ съ предсѣдателя.

Началось перечисленіе свидѣтелей, удаленіе свидѣтелей, рѣшеніе объ экспертѣ докторѣ и приглашеніе его въ залу засѣданія. Потомъ всталъ секретарь и началъ читать обвинительный актъ. Читалъ онъ внятно и громко, но такъ быстро, что голосъ его, неправильно выговаривавшій *л* и *р*, сливался въ одинъ не перестающій, усыпительный гулъ. Судьи облокачивались то на одну, то на другую ручку кре-

селъ, то на столъ, то на спинку, то закрывали глаза, то открывали ихъ и перешептывались. Одинъ жандармъ нѣсколько разъ удерживалъ начинающуюся судорогу зѣвоты.

Изъ подсудимыхъ Картинкинъ, не переставая шевелилъ щеками. Бочкова сидѣла совершенно спокойно и прямо, изрѣдка почесывая пальцемъ подъ косынкой голову.

Маслова то сидѣла неподвижно, слушая чтеца и смотря на него, то вздрагивала и какъ бы хотѣла возразить, краснѣла и потомъ тяжело вздыхала, перемѣняя положеніе рукъ, оглядывалась и опять уставлялась на чтеца.

Нехлюдовъ сидѣлъ въ первомъ ряду на своемъ высокомъ стулѣ, вторымъ отъ края и, не снимая pince-nez, смотрѣлъ на Маслову, и въ душѣ его шла сложная и мучительная работа.

X.

Обвинительный актъ былъ такой: 188* года, 17 января, заявлено было полиціи отъ содержателя находящейся въ городѣ гостинницы „Мавританія" о случившейся въ его заведеніи скоропостижной смерти пріѣзжаго сибирскаго 2-й гильдіи купца Ѳерапонта Смѣлькова. По свидѣтельству врача 4-й части, смерть Смѣлькова произошла отъ разрыва сердца, вызваннаго чрезмѣрнымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, и тѣло Смѣлькова было на третій день его смерти предано землѣ. Между тѣмъ, на четвертый день послѣ смерти Смѣлькова вернулся изъ Петербурга его землякъ и товарищъ, сибирскій купецъ Тимохинъ, который, узнавъ о смерти товарища своего Смѣлькова и объ обстоятельствахъ, при которыхъ произошла смерть, заявилъ подозрѣніе о томъ, что смерть Смѣлькова была неестественная, а что онъ былъ отравленъ злоумышленниками, похитившими находившіяся при Смѣльковѣ и не оказавшіяся при описи его имущества деньги и брильянтовый перстень, вслѣдствіи чего и было наряжено слѣдствіе, обнаружившее слѣдующее: Во-первыхъ, то, что извѣстно было и хозяину гостинницы „Мавританія",

и приказчику купца Старикова, съ которымъ Смѣльковъ по пріѣздѣ своемъ въ городъ имѣлъ дѣла, что у Смѣлькова должны были находиться деньги 3,800 рублей, полученные имъ изъ банка, а между тѣмъ, въ опечатанномъ по смерти Смѣлькова чемоданѣ и бумажникѣ его найдено было только 312 рублей 16 копеекъ. Во-вторыхъ, то, что накануне своей смерти весь день и всю ночь Смѣльковъ провелъ съ проституткой Любкой, бывшей у него два раза въ номерѣ. Въ-третьихъ, то, что проституткой этой было продано хозяйкѣ ея брильянтовое кольцо, принадлежавшее Смѣлькову. Въ-четвертыхъ, то, что корридорная дѣвушка Евфимія Бочкова, на другой день послѣ смерти купца Смѣлькова, отнесла въ коммерческій банкъ на текущій счетъ 1,800 рублей. И въ-пятыхъ, то, что по показанію проститутки Любки, корридорный Симонъ Картинкинъ передалъ проституткѣ Любкѣ порошокъ, совѣтуя ей всыпать порошокъ въ вино и дать купцу Смѣлькову, что̀ проститутка Любка, по собственному признанію, и исполнила.

Допрошенная въ качествѣ обвиняемой проститутка, прозываемая Любкой, показала, что во время нахожденія купца Смѣлькова въ домѣ терпимости, въ которомъ она работала, по ея выраженію, она дѣйствительно была послана купцомъ Смѣльковымъ въ номера „Мавританіи“ для привезенія купцу его денегъ, и что, отперевъ тамъ даннымъ ей ключемъ чемоданъ купца, она взяла изъ него 40 рублей, какъ ей было велѣно, но больше денегъ не брала, въ чемъ могутъ быть свидѣтелями Симонъ Картинкинъ и Евфимія Бочкова, въ присутствіи которыхъ она отпирала и запирала чемоданъ и брала деньги.

Что же касается до отравленія Смѣлькова, то проститутка Любовь показала, что она, при третьемъ своемъ пріѣздѣ въ номеръ купца Смѣлькова, дѣйствительно дала ему, по наущенію Симона Картинкина, выпить въ коньякѣ какихъ-то порошковъ, которые она считала усыпительными, съ тѣмъ, чтобы купецъ заснулъ и поскорѣе отпустилъ ее, но что денегъ она не брала, кольцо же подарилъ ей самъ Смѣль-

ковъ послѣ того, какъ онъ прибилъ ее, и она хотѣла отъ него уѣхать.

Допрошенные слѣдователемъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, Евфимія Бочкова и Симонъ Картинкинъ показали слѣдующее: Евфимія Бочкова показала, что она ничего не знаетъ про пропавшія деньги, и что она и въ номеръ купца не входила, а хозяйничала тамъ одна Любка. И что, если что̀ похищено у купца, то похищеніе это должна была совершить Любка, когда она пріѣзжала съ купцовымъ ключомъ за деньгами.

Въ этомъ мѣстѣ чтенія Маслова вздрогнула и, открывъ ротъ, оглянулась на Бочкову.

Когда же Евфиміи Бочковой былъ предъявленъ ея банковый билетъ въ 1,800 рублей,—продолжалъ читать секретарь:—и спрошено, откуда у нея взялись такія деньги, она показала, что деньги эти нажиты ею въ продолженіи 12 лѣтъ, вмѣстѣ съ Симономъ, за котораго она собиралась выйти замужъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Симонъ Картинкинъ въ первомъ показаніи своемъ сознался, что онъ вмѣстѣ съ Бочковой, по наущенію Масловой, пріѣхавшей съ ключемъ изъ дома терпимости, похитилъ деньги и раздѣлилъ ихъ между собой, Масловой и Бочковой; сознался и въ томъ, что далъ Масловой порошковъ для усыпленія купца; во вторичномъ же своемъ показаніи отрицалъ свое участіе въ похищеніи денегъ и передачѣ порошковъ Масловой, во всемъ обвиняя одну Маслову. О деньгахъ же, вложенныхъ въ банкъ Бочковой, онъ показалъ такъ же, какъ и она, что деньги эти она пріобрѣла вмѣстѣ съ Картинкинымъ 18-лѣтней службой въ гостинницѣ, на-чаями отъ господъ за свою услугу.

Для разъясненія обстоятельствъ дѣла найдено было необходимымъ изслѣдовать тѣло купца Смѣлькова, и для этого было сдѣлано распоряженіе о вырытіи трупа Смѣлькова и изслѣдованіи, какъ содержимаго его внутренностей, такъ и измѣненій, происшедшихъ въ организмѣ. Изслѣдованіе внутренностей показало, что дѣйствительно смерть купца Смѣль-

кова произошла отъ отравленія. Затѣмъ слѣдовали въ обвинительномъ актѣ описанія очныхъ ставокъ и показанія свидѣтелей. Заключеніе обвинительнаго акта было слѣдующее:

Второй гильдіи купецъ Смѣльковъ, предаваясь пьянству и разврату и войдя въ сношенія съ проституткой въ домѣ терпимости Китаевой, прозываемой Любкой, получивъ къ ней особое пристрастіе, въ день 17-го января 188* года, находясь въ домѣ терпимости Китаевой, послалъ вышеупомянутую проститутку Любку со своимъ ключомъ отъ чемодана въ занимаемый имъ номеръ для того, чтобы она достала тамъ, въ его чемоданѣ, нужныя ему для угощенія деньги, 40 рублей. Пріѣхавъ въ номеръ, Екатерина Маслова, доставая эти деньги, вступила въ согласіе съ Бочковой и Картинкинымъ о томъ, чтобы похитить всѣ деньги и драгоцѣнныя вещи купца Смѣлькова и раздѣлить ихъ между собою, что ими и было исполнено (опять Маслова вздрогнула, привскочила даже и багрово покраснѣла), — причемъ Масловой дано брильянтовое кольцо, — продолжалъ читать секретарь, — и вѣроятно небольшая сумма денегъ, либо скрытая ею, либо утраченная ею, такъ какъ въ эту ночь Маслова находилась въ нетрезвомъ видѣ. Для того же, чтобы скрыть слѣды преступленія, сообщниками рѣшено было привлечь опять въ номера купца Смѣлькова и тамъ отравить его, имѣвшимся у Картинкина мышьякомъ. Съ этой цѣлью Маслова вернулась въ домъ терпимости и тамъ уговорила купца Смѣлькова ѣхать съ ней назадъ въ номера „Мавританіи“. Когда же Смѣльковъ вернулся въ номера, то Маслова, получивъ отъ Картинкина вынесенные имъ порошки, всыпала ихъ въ вино и дала это вино выпить Смѣлькову, отъ чего и послѣдовала смерть Смѣлькова.

Въ виду всего выше-изложеннаго, крестьянинъ села Борковъ, Симонъ Картинкинъ, 33-хъ лѣтъ, мѣщанка Евфимія Иванова Бочкова, 43-хъ лѣтъ и мѣщанка Екатерина Михайлова Маслова, 27-ми лѣтъ, обвиняются въ томъ, что они, 17-го января 188* года, сообща, похитивъ деньги купца Смѣлькова, суммой 2,500 рублей, задумавъ лишить жизни,

съ цѣлью скрыть слѣды преступленія, напоили купца Смѣлькова ядомъ, отъ котораго и послѣдовала его смерть.

Преступленіе это предусмотрѣно статьей 1455 улож. о наказаніяхъ. Посему и на основаніи ст. такой-то уст. уголов. судопроизв., крестьянинъ Симонъ Картинкинъ, Евфимія Бочкова и мѣщанка Екатерина Маслова подлежатъ суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Такъ закончилъ свое чтеніе длиннаго обвинительнаго акта секретарь и, сложивъ листы, сѣлъ на свое мѣсто, оправляя обѣими руками длинные волосы. Всѣ вздохнули облегченно съ пріятнымъ сознаніемъ того, что теперь началось изслѣдованіе, и сейчасъ все выяснится, и справедливость будетъ удовлетворена. Одинъ Нехлюдовъ не испытывалъ этого чувства: онъ весь былъ поглощенъ ужасомъ передъ тѣмъ, что могла сдѣлать та Маслова, которую онъ зналъ невинной и прелестной дѣвочкой 10 лѣтъ тому назадъ.

XI.

Когда кончилось чтеніе обвинительнаго акта, предсѣдатель, посовѣтовавшись съ членами, обратился къ Картинкину съ такимъ выраженіемъ, которое явно говорило, что теперь уже мы все и навѣрное узнаемъ самымъ подробнымъ образомъ.

— Крестьянинъ Симонъ Картинкинъ, — началъ онъ, склоняясь налѣво.

Симонъ Картинкинъ всталъ, вытянувъ руки по швамъ и подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, не переставая беззвучно шевелилъ щеками.

— Вы обвиняетесь въ томъ, что 17-го января 188* г., вы, въ сообществѣ съ Евфиміей Бочковой и Екатериной Масловой, похитили изъ чемодана купца Смѣлькова принадлежащія ему деньги и потомъ принесли мышьякъ и уговорили Екатерину Маслову дать купцу Смѣлькову въ винѣ выпить яду, отъ чего послѣдовала смерть Смѣлькова. Признаете ли вы себя виновнымъ? — проговорилъ онъ и склонился направо.

— Никакъ невозможно, потому наше дѣло служитъ гостямъ . . .

— Вы послѣ скажете. Признаете ли вы себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я только . . .

— Послѣ скажете. Признаете ли вы себя виновнымъ? — спокойно, но твердо повторилъ предсѣдатель.

— Не могу я этого сдѣлать потому какъ . . .

Опять судебный приставъ подскочилъ къ Симону Картинкину и трагическимъ шопотомъ остановилъ его.

Предсѣдатель, съ выраженіемъ того, что это дѣло теперь окончено, переложилъ локоть руки, въ которой онъ держалъ бумагу, на другое мѣсто и обратился къ Евфимьѣ Бочковой.

— Евфимія Бочкова, вы обвиняетесь въ томъ, что 17-го января 188* года, въ гостинницѣ „Мавританія", вмѣстѣ съ Симономъ Картинкинымъ и Екатериной Масловой, похитили у купца Смѣлькова изъ его чемодана деньги и перстень и, раздѣливъ похищенное между собой, опоили, для сокрытія своего преступленія, купца Смѣлькова ядомъ, отъ котораго послѣдовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

— Не виновата я ни въ чемъ, — бойко и твердо заговорила обвиняемая. — Я и въ номеръ не входила . . . А какъ эта паскуда вошла, такъ она и сдѣлала дѣло.

— Вы послѣ скажете, — сказалъ опять такъ же мягко и твердо предсѣдатель. — Такъ вы не признаете себя виновной?

— Не я брала деньги, и не я поила, я и въ номерѣ не была. Еслибы я была, я бы ее вышвырнула.

— Вы не признаете себя виновной?

— Никогда.

— Очень хорошо.

— Екатерина Маслова, — началъ предсѣдатель, обращаясь къ третьей подсудимой: — вы обвиняетесь въ томъ, что, пріѣхавъ изъ публичнаго дома въ номеръ гостинницы „Мавританія", съ ключемъ отъ чемодана купца Смѣлькова, вы похитили изъ этого чемодана деньги и перстень,—говорилъ

онъ, какъ заученный урокъ, склоняя между тѣмъ ухо къ члену слѣва, который говорилъ, что по списку вещественныхъ доказательствъ недостаетъ стклянки, — похитили изъ чемодана деньги и перстень, — повторилъ предсѣдатель: — и, раздѣливъ похищенное и потомъ, вновь пріѣхавъ съ купцомъ Смѣльковымъ въ гостинницу „Мавританія“, вы дали Смѣлькову выпить вина съ ядомъ, отъ котораго послѣдовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

— Ни въ чемъ не виновата, — быстро заговорила она: — какъ сначала говорила, такъ и теперь говорю: не брала, не брала, и не брала, ничего я не брала, а перстень онъ самъ мнѣ далъ.

— Вы не признаете себя виновной въ похищеніи 2,600 р. денегъ? — сказалъ предсѣдатель.

— Говорю, ничего не брала, кромѣ 40 рублей.

— Ну, а въ томъ, что дали купцу Смѣлькову порошки въ винѣ, признаете себя виновной?

— Въ этомъ признаю. Только я думала, какъ мнѣ сказали, что они сонные, что отъ нихъ ничего не будетъ. Не думала и не хотѣла. Передъ Богомъ говорю, не хотѣла, — сказала она.

— Итакъ вы не признаете себя виновной въ похищеніи денегъ и перстня купца Смѣлькова, — сказалъ предсѣдатель. — Но признаете, что дали порошки?

— Стало-быть, признаю, только я думала сонные порошки. Я дала только, чтобы онъ заснулъ, — не хотѣла и не думала.

— Очень хорошо, — сказалъ предсѣдатель, очевидно довольный достигнутыми результатами. — Такъ разскажите, какъ было дѣло, — сказалъ онъ, облокачиваясь на спинку и кладя обѣ руки на столъ. — Разскажите все, какъ было. Вы можете чистосердечнымъ признаніемъ облегчить свое положеніе.

Маслова, все такъ же прямо глядя на предсѣдателя, молчала.

— Разскажите, какъ было дѣло.

— Какъ было? — вдругъ быстро начала Маслова. — Пріѣхала въ гостинницу, провели меня въ номеръ, тамъ онъ былъ, и очень уже пьяный. — Она съ особеннымъ выраженіемъ ужаса, расширяя глаза, произнесла слово: онъ. — Я хотѣла уѣхать, онъ не пустилъ.

Она замолчала, какъ бы вдругъ потерявъ нить или вспомнивъ о другомъ.

— Ну, а потомъ?

— Что-жъ потомъ? Потомъ побыла и поѣхала домой.

Въ это время товарищъ прокурора приподнялся на половину, неестественно опираясь на одинъ локоть.

— Вы желаете сдѣлать вопросъ,—сказалъ предсѣдатель, —и, на утвердительный отвѣтъ товарища прокурора, жестомъ показалъ ему, что онъ можетъ спрашивать.

— Я желалъ бы предложить вопросъ: была ли подсудимая знакома съ Симономъ Картинкинымъ прежде?—сказалъ товарищъ прокурора, не глядя на Маслову.

И, сдѣлавъ вопросъ, сжалъ губы и нахмурился.

Предсѣдатель повторилъ вопросъ. Маслова испуганно уставилась на товарища прокурора.

— Съ Симономъ? Была, — сказала она.

— Я бы желалъ знать теперь, въ чемъ состояло это знакомство подсудимой съ Картинкинымъ? Часто ли они видались между собой?

— Въ чемъ знакомство? Приглашалъ меня къ гостямъ, а не знакомство, — отвѣчала Маслова, безпокойно переводя глаза съ товарища прокурора на предсѣдателя и обратно.

— Я желалъ бы знать, почему Картинкинъ приглашалъ къ гостямъ исключительно Маслову, а не другихъ дѣвушекъ? — зажмурившись, но съ легкой мефистофельской хитрой улыбкой спросилъ товарищъ прокурора.

— Я не знаю. Почемъ я знаю, — отвѣчала Маслова, испуганно оглянувшись вокругъ себя и на мгновеніе остановившись взглядомъ на Нехлюдовѣ: — кого хотѣлъ, того и приглашалъ.

„Неужели узнала?“ съ ужасомъ подумалъ Нехлюдовъ,

чувствуя, какъ кровь приливала ему къ лицу; но Маслова, не выдѣляя его отъ другихъ, тотчасъ же отвернулась и опять съ испуганнымъ выраженіемъ уставилась на товарища прокурора.

— Подсудимая отрицаетъ, стало-быть, то, что у нея были какія-либо близкія отношенія съ Картинкинымъ? Очень хорошо. Я больше ничего не имѣю спросить.

И товарищъ прокурора тотчасъ же снялъ локоть съ конторки и сталъ записывать что-то. Въ дѣйствительности онъ ничего не записывалъ, а только обводилъ перомъ буквы своей записки, но онъ видалъ, какъ прокуроры и адвокаты это дѣлаютъ: послѣ ловкаго вопроса вписываютъ въ свою рѣчь ремарку, которая должна сокрушить противника.

Предсѣдатель не сейчасъ обратился къ подсудимой, потому что онъ въ это время спрашивалъ члена въ очкахъ, согласенъ ли онъ на постановку вопросовъ, которые были уже впередъ заготовлены и выписаны.

— Что же дальше было? — продолжалъ спрашивать предсѣдатель.

— Пріѣхала домой, — продолжала Маслова, уже смѣлѣе глядя на одного предсѣдателя: — отдала хозяйкѣ деньги и легла спать. Только заснула, наша дѣвушка, Берта, будитъ меня. „Ступай, твой купецъ опять пріѣхалъ". Я не хотѣла выходить, но мадамъ велѣла. Тутъ онъ, — она опять съ явнымъ ужасомъ выговорила это слово: онъ, — онъ все поилъ нашихъ дѣвушекъ, потомъ хотѣлъ послать еще за виномъ, а деньги у него всѣ вышли. Хозяйка ему не повѣрила. Тогда онъ меня послалъ къ себѣ въ номеръ. И сказалъ, гдѣ деньги, и сколько взять. Я и поѣхала.

Предсѣдатель шептался въ это время съ членомъ налѣво и не слыхалъ того, что̀ говорила Маслова, но для того, чтобы показать, что онъ все слышалъ, онъ повторилъ ея послѣднія слова.

— Вы поѣхали. Ну, и что же? — сказалъ онъ.

— Пріѣхала и сдѣлала все, какъ онъ велѣлъ. Пошла въ

номеръ. Не одна пошла въ номеръ, а позвала и Симона Михайловича, и ее, — сказала она, указывая на Бочкову.

— Вретъ она, и входить не входила... — начала-было Бочкова, но ее остановили.

— При нихъ взяла четыре красненькихъ, — хмурясь и не глядя на Бочкову, продолжала Маслова.

— Ну, а не замѣтила ли подсудимая, когда доставала 40 рублей, сколько было денегъ? — спросилъ опять прокуроръ.

Маслова вздрогнула, какъ только прокуроръ обратился къ ней. Она не знала какъ и что, но чувствовала, что онъ хочетъ ей зла. — Я не считала, видѣла, что были сторублевыя только.

— Подсудимая видѣла сторублевыя, — я больше ничего не имѣю.

— Ну, что же, привезли деньги? — продолжалъ спрашивать предсѣдатель, глядя на часы.

— Привезла.

— Ну, а потомъ? — спросилъ предсѣдатель.

— А потомъ онъ опять взялъ меня съ собой, — сказала Маслова.

— Ну, а какъ же вы дали ему въ винѣ порошокъ? — спросилъ предсѣдатель.

— Какъ дала? Всыпала въ вино, да и дала.

— Зачѣмъ же вы дали?

Она, не отвѣчая, тяжело и глубоко вздохнула.

— Онъ все не отпускалъ меня, — помолчавъ сказала она. — Измучалась я съ нимъ. Вышла въ корридоръ и говорю Симону Михайловичу: „хоть бы отпустилъ меня. Устала“. А Симонъ Михайловичъ говоритъ: „онъ и намъ надоѣлъ. Мы хотимъ ему порошковъ сонныхъ дать; онъ заснетъ, тогда уйдешь“. Я говорю: „хорошо“; я думала, что это не вредный порошокъ. Онъ и далъ мнѣ бумажку. Я вошла, а онъ лежалъ за перегородкой и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ коньяку. Я взяла со стола бутылку финьшампань, налила въ два стакана — себѣ и ему, а въ его

стаканъ всыпала порошокъ и дала ему. Развѣ я бы дала, кабы знала.

— Ну, а какъ же у васъ оказался перстень? — спросилъ предсѣдатель.

— Перстень онъ мнѣ самъ подарилъ.

— Когда же онъ вамъ подарилъ его?

— А какъ мы пріѣхали съ нимъ въ номеръ, я хотѣла уходить, а онъ ударилъ меня по головѣ и гребень сломалъ. Я разсердилась, хотѣла уѣхать. Онъ взялъ перстень съ пальца и подарилъ мнѣ, чтобы я не уѣзжала, — сказала она.

Въ это время товарищъ прокурора опять привсталъ и, все съ тѣмъ же притворно-наивнымъ видомъ, попросилъ позволенія сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ и, получивъ разрѣшеніе, склонивъ надъ шитымъ воротникомъ голову, спросилъ:

— Я бы желалъ знать, сколько времени пробыла подсудимая въ номерѣ купца Смѣлькова?

Опять на Маслову нашелъ страхъ, и она, безпокойно перебѣгая глазами съ товарища прокурора на предсѣдателя, поспѣшно проговорила:

— Не помню, сколько времени.

— Ну, а не помнитъ ли подсудимая, заходила она куда-нибудь въ гостинницѣ, выйдя отъ купца Смѣлькова.

Маслова подумала.

— Въ номеръ рядомъ, въ пустой, заходила, — сказала она.

— Зачѣмъ же вы заходили? — сказалъ товарищъ прокурора, увлекшись и прямо обращаясь къ ней.

— Зашла оправиться и дожидалась извозчика.

— А Картинкинъ былъ въ номерѣ съ подсудимой или не былъ?

— Онъ тоже зашелъ.

— Зачѣмъ же онъ зашелъ?

— Отъ купца финь-шампань остался, мы вмѣстѣ выпили.

— А, вмѣстѣ выпили. Очень хорошо.

— А былъ ли у подсудимой разговоръ съ Симономъ и о чемъ?

Маслова вдругъ нахмурилась, багрово покраснѣла и быстро проговорила: чтò говорила? Ничего я не говорила. Чтò было, то я все разсказала. И больше ничего не знаю. Чтò хотите со мной дѣлайте. Не виновата я, и все.

— Я больше ничего не имѣю, — сказалъ прокуроръ предсѣдателю и, неестественно приподнявъ плечи, сталъ быстро записывать въ конспектъ своей рѣчи признаніе самой подсудимой, что она заходила съ Симономъ въ пустой номеръ.

Наступило молчаніе.

— Вы не имѣете еще ничего сказать?

— Я все сказала, — проговорила она, вздыхая, и сѣла.

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель записалъ что-то въ бумагу и, выслушавъ сообщеніе, сдѣланное ему шопотомъ членомъ налѣво, объявилъ на 10 минутъ перерывъ засѣданія и поспѣшно всталъ и вышелъ изъ залы. Совѣщаніе между предсѣдателемъ и членомъ налѣво, высокимъ, бородатымъ, съ большими добрыми глазами, было о томъ, что членъ этотъ почувствовалъ легкое разстройство желудка и желалъ сдѣлать себѣ массажъ и выпить капель. Объ этомъ онъ и сообщилъ предсѣдателю, и по его просьбѣ былъ сдѣланъ перерывъ.

Вслѣдъ за судьями поднялись и присяжные, адвокаты, свидѣтели и, съ сознаніемъ пріятнаго чувства совершенія уже части важнаго дѣла, задвигались туда и сюда.

Нехлюдовъ вышелъ въ комнату присяжныхъ и сѣлъ тамъ у окна.

XII.

Да, это была Катюша.

Отношенія Нехлюдова къ Катюшѣ были вотъ какія:

Въ первый разъ увидѣлъ Нехлюдовъ Катюшу тогда, когда онъ на третьемъ курсѣ университета, готовя свое сочиненіе о земельной собственности, прожилъ лѣто у сво-

ихъ тетушекъ. Обыкновенно онъ съ матерью и сестрой жилъ лѣтомъ въ материнскомъ большомъ подмосковномъ имѣніи. Но въ этотъ годъ сестра его вышла замужъ, а мать уѣхала на воды за границу. Нехлюдову же надо было писать сочиненіе, и онъ рѣшилъ прожить лѣто у тетушекъ. У нихъ, въ ихъ глуши, было тихо, не было развлеченій; тетушки же нѣжно любили своего племянника и наслѣдника, и онъ любилъ ихъ, любилъ ихъ старомодность и простоту жизни.

Нехлюдовъ въ это лѣто у тетушекъ переживалъ то восторженное состояніе, когда въ первый разъ юноша не по чужимъ указаніямъ, а самъ по себѣ познаетъ всю красоту и важность жизни и всю значительность дѣла, предоставленнаго въ ней человѣку, видитъ возможность безконечнаго совершенствованія и своего, и всего міра, и отдается этому совершенствованію не только съ надеждой, но съ полной увѣренностью достиженія всего того совершенства, которое онъ воображаетъ себѣ. Въ этотъ годъ, еще въ университетѣ, онъ прочелъ соціальную статику Спенсера, и разсужденія Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатлѣніе, въ особенности потому, что онъ самъ былъ сынъ крупной землевладѣлицы. Отецъ его былъ небогатъ, но мать получила въ приданое около 10 тысячъ десятинъ земли. Онъ въ первый разъ понялъ тогда всю жестокость и несправедливость частнаго землевладѣнія и, будучи однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жертва во имя нравственныхъ требованій составляетъ высшее духовное наслажденіе, — рѣшилъ не пользоваться правомъ собственности на землю и тогда же отдалъ доставшуюся ему по наслѣдству отъ отца землю крестьянамъ. Онъ на эту же тему и писалъ свое сочиненіе.

Жизнь его въ этотъ годъ въ деревнѣ у тетушекъ шла такъ: онъ вставалъ очень рано, иногда въ 3 часа, и до солнца шелъ купаться въ рѣку подъ горой, иногда еще въ утреннемъ туманѣ, и возвращался, когда еще роса лежала на травѣ и цвѣтахъ. Иногда по утрамъ, напившись кофе,

онъ садился за свое сочиненіе или за чтеніе источниковъ для сочиненія, но очень часто, вмѣсто чтенія и писанія, опять уходилъ изъ дома и бродилъ по полямъ и лѣсамъ. Передъ обѣдомъ онъ засыпалъ гдѣ-нибудь въ саду, потомъ за обѣдомъ веселилъ и смѣшилъ тетушекъ своей веселостью, затѣмъ ѣздилъ верхомъ или катался на лодкѣ и вечеромъ опять читалъ или сидѣлъ съ тетушками, раскладывая пасьянсъ. Часто по ночамъ, въ особенности луннымъ, онъ не могъ спать только потому, что испытывалъ слишкомъ большую волнующую радость жизни и, вмѣсто сна, иногда до разсвѣта, ходилъ по саду со своими мечтами и мыслями.

Такъ счастливо и спокойно жилъ онъ первый мѣсяцъ своей жизни у тетушекъ, не обращая никакого вниманія на полугорничную-полувоспитанницу, черноглазую, быстроногую Катюшу.

Нехлюдовъ, воспитанный подъ крыломъ матери, въ 19 лѣтъ былъ вполнѣ невинный юноша. Онъ мечталъ о женщинѣ, только какъ о женѣ. Всѣ же женщины, которыя не могли, по его понятію, быть его женой, были для него не женщины, а люди. Но случилось, что въ это лѣто, въ Вознесенье, къ тетушкамъ пріѣхала ихъ сосѣдка съ дѣтьми: двумя барышнями, гимназистомъ и съ гостившимъ у нихъ молодымъ художникомъ изъ мужиковъ.

Послѣ чая стали, по скошенному уже лужку передъ домомъ, играть въ горѣлки. Взяли и Катюшу. Нехлюдову, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ, пришлось бѣжать съ Катюшей. Нехлюдову всегда было пріятно видѣть Катюшу, но и въ голову не приходило, что между нимъ и ею могутъ быть какія-нибудь особенныя отношенія.

— Ну, теперь этихъ не поймаешь ни за что,—говорилъ „горѣвшій" веселый художникъ, очень быстро бѣгавшій на своихъ короткихъ и кривыхъ, но сильныхъ мужицкихъ ногахъ:

— Нешто спотыкнутся.

— Вы, да не поймаете!

— Разъ, два, три!

Ударили три раза въ ладоши. Едва удерживая смѣхъ, Катюша быстро перемѣнилась мѣстами съ Нехлюдовымъ и, пожавъ своей крѣпкой шершавой маленькой рукой его большую руку, пустилась бѣжать налѣво, гремя крахмальной юбкой.

Нехлюдовъ бѣгалъ быстро, и ему хотѣлось не поддаться художнику, и онъ пустился изо всѣхъ силъ. Когда онъ оглянулся, онъ увидалъ художника, преслѣдующаго Катюшу, но она, живо перебирая упругими молодыми ногами, не поддавалась ему и удалялась влѣво. Впереди была клумба кустовъ сирени, за которую никто не бѣгалъ, но Катюша, оглянувшись на Нехлюдова, подала ему знакъ головой, чтобы соединиться за клумбой. Онъ понялъ ее и побѣжалъ за кусты. Но тутъ, за кустами, была незнакомая ему канавка, заросшая крапивой; онъ спотыкнулся и, острекавъ руки крапивой и омочивъ ихъ уже павшей подъ вечеръ росой, упалъ, но тотчасъ же, смѣясь надъ собой, оправился и выбѣжалъ на чистое мѣсто.

Катюша, сіяя улыбкой и черными, какъ мокрая смородина, глазами, летѣла ему навстрѣчу. Они сбѣжались и схватились руками.

— Обстрекались, я чай, — сказала она, свободной рукой поправляя сбившуюся косу, тяжело дыша и улыбаясь, снизу вверхъ прямо глядя на него.

— Я и не зналъ, что тутъ канавка, — сказалъ онъ, также улыбаясь и не выпуская ея руки.

Она придвинулась къ нему, и онъ, самъ не зная какъ это случилось, потянулся къ ней лицомъ; она не отстранилась, онъ сжалъ крѣпче ея руку и поцѣловалъ ее въ губы.

— Вотъ тебѣ разъ! — проговорила она и, быстрымъ движеніемъ вырвавъ свою руку, побѣжала прочь отъ него.

Подбѣжавъ къ кусту сирени, она сорвала съ него двѣ вѣтки бѣлой, уже осыпавшейся сирени и, хлопая себя ими по разгоряченному лицу и оглядываясь на него, бойко размахивая передъ собой руками, пошла назадъ къ играющимъ.

Съ этихъ поръ отношенія между Нехлюдовымъ и Катюшей измѣнились и установились тѣ особенныя, которыя бываютъ между невиннымъ молодымъ человѣкомъ и такой же невинной дѣвушкой, влекомыми другъ къ другу.

Какъ только Катюша входила въ комнату, или даже издалека Нехлюдовъ видѣлъ ея бѣлый фартукъ, такъ все для него какъ бы освѣщалось солнцемъ, все становилось интереснѣе, веселѣе, значительнѣе, жизнь становилась радостнѣй. То же испытывала и она. Но не только присутствіе и близость Катюши производили это дѣйствіе на Нехлюдова; это дѣйствіе производило на него одно сознаніе того, что есть эта Катюша, а для нея, что есть Нехлюдовъ. Получалъ ли Нехлюдовъ непріятное письмо отъ матери, или не ладилось его сочиненіе, или онъ чувствовалъ юношескую безпричинную грусть, стоило ему только вспомнить о томъ, что есть Катюша, и онъ увидитъ ее, и все это разсѣевалось.

Катюшѣ было много дѣла по дому, но она успѣвала все передѣлать, и въ свободныя минуты читала. Нехлюдовъ давалъ ей Достоевскаго и Тургенева, которыхъ онъ самъ только что прочелъ. Больше всего ей нравилось „Затишье" Тургенева. Разговоры между ними происходили урывками, при встрѣчахъ въ корридорѣ, на балконѣ, на дворѣ и иногда въ комнатѣ старой горничной тетушекъ, Матрены Павловны, съ которой вмѣстѣ жила Катюша, и въ горенку которой иногда Нехлюдовъ приходилъ пить чай въ прикуску. И эти разговоры въ присутствіи Матрены Павловны были самые пріятные. Разговаривать, когда они были одни, было хуже. Тотчасъ же глаза начинали говорить что-то совсѣмъ другое, гораздо болѣе важное, чѣмъ то, что̀ говорили уста; губы морщились, и становилось чего-то жутко, и они поспѣшно расходились.

Такія отношенія продолжались между Нехлюдовымъ и Катюшей во все время его перваго пребыванія у тетушекъ. Тетушки замѣтили эти отношенія, испугались и даже написали объ этомъ за границу княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, матери Нехлюдова. Тетушка Марья Ивановна боялась того,

чтобы Дмитрій не вступилъ въ связь съ Катюшей. Но она напрасно боялась этого: Нехлюдовъ, самъ не зная того, любилъ Катюшу, какъ любятъ невинные люди, и его любовь была главной защитой отъ паденія и для него, и для нея. У него не только не было желанія физическаго обладанія ею, но былъ ужасъ при мысли о возможности такого отношенія къ ней. Опасенія же поэтической Софьи Ивановны о томъ, чтобы Дмитрій со своимъ цѣльнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, полюбивъ дѣвушку, не задумалъ жениться на ней, не обращая вниманія на ея происхожденіе и положеніе, были гораздо основательнѣе. Если бы Нехлюдовъ тогда ясно созналъ свою любовь къ Катюшѣ, и въ особенности, если бы его стали убѣждать въ томъ, что онъ никакъ не можетъ и не долженъ соединить свою судьбу съ этой дѣвушкой, то очень легко могло бы случиться, что онъ, съ своей прямолинейностью во всемъ, рѣшилъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ не жениться на дѣвушкѣ, кто бы она ни была, если только онъ любитъ ее. Но тетушки не говорили ему про свои опасенія, и онъ такъ и уѣхалъ, не сознавъ своей любви къ Катюшѣ.

Онъ былъ увѣренъ, что его чувство къ Катюшѣ есть только одно изъ проявленій наполнявшихъ тогда все его существо чувствъ радости жизни, раздѣляемое этой милой, веселой дѣвушкой. Когда же онъ уѣзжалъ, и Катюша, стоя на крыльцѣ съ тетушками, провожала его своими черными, полными слезъ и немного косившими глазами, онъ почувствовалъ, однако, что покидаетъ что-то прекрасное, дорогое, которое никогда уже не повторится. И ему стало очень грустно.

— Прощай, Катюша, благодарю за все, — сказалъ онъ черезъ чепецъ Софьи Ивановны, садясь въ пролетку.

— Прощайте, Дмитрій Ивановичъ, — сказала она своимъ пріятнымъ, ласкающимъ голосомъ, и, удерживая слезы, наполнившія ея глаза, убѣжала въ сѣни, гдѣ ей можно было свободно плакать.

XIII.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Нехлюдовъ не видался съ Катюшей. И увидался онъ съ нею лишь тогда, когда, только-что произведенный въ офицеры, по дорогѣ въ армію, заѣхалъ къ тетушкамъ уже совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, который прожилъ у нихъ лѣто, три года тому назадъ.

Тогда онъ былъ честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло; теперь онъ былъ развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе. Тогда міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадывать; — теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ прежде него жившими, мыслившими и чувствовавшими людьми, (философами, поэтами); — теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ, именно этой таинственностью прелестнымъ существомъ; — теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщина была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда не нужно было денегъ, и можно было не брать и третьей части того, чтò давала мать, можно было отказаться отъ имѣнья отца и отдать его крестьянамъ; — теперь же недоставало тѣхъ 1500 рублей въ мѣсяцъ, которые давала мать, и съ ней бывали уже непріятные разговоры изъ-за денегъ. Тогда своимъ настоящимъ *я* онъ считалъ свое духовное существо; — теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное *я*.

И вся эта страшная перемѣна совершилась съ нимъ только оттого, что онъ пересталъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ. Пересталъ же онъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ потому, что жить, вѣря себѣ, было слищ-

комъ трудно: вѣря себѣ, всякій вопросъ надо было рѣшать всегда не въ пользу своего животнаго *я*, ищущаго легкихъ радостей, а почти всегда противъ него; вѣря же другимъ, рѣшать нечего было, — все уже было рѣшено, и рѣшено было всегда противъ духовнаго и въ пользу животнаго *я*. Мало того, вѣря себѣ, онъ всегда подвергался осужденію людей, — вѣря другимъ, онъ получалъ одобреніе людей, окружающихъ его.

Такъ, когда Нехлюдовъ думалъ, читалъ, говорилъ о Богѣ, о правдѣ, о богатствѣ, о бѣдности, — всѣ окружавшіе его считали это неумѣстнымъ и отчасти смѣшнымъ, и мать и тетка его съ добродушной ироніей называли его notre cher philosophe; когда же онъ читалъ романы, разсказывалъ скабрезные анекдоты, ѣздилъ во французскій театръ на смѣшные водевили и весело пересказывалъ ихъ, всѣ хвалили и поощряли его. Когда онъ считалъ нужнымъ умѣрять свои потребности и носилъ старую шинель и не пилъ вина, — всѣ считали это странностью и какой-то хвастливой оригинальностью, — а когда онъ тратилъ большія деньги на охоту или на устройство необыкновеннаго роскошнаго кабинета, то всѣ хвалили его вкусъ и дарили ему дорогія вещи. Когда онъ былъ дѣвственникомъ и хотѣлъ остаться такимъ до женитьбы, то родные его боялись за его здоровье, и даже мать не огорчилась, а скорѣе обрадовалась, когда узнала, что онъ сталъ настоящимъ мужчиной и отбилъ какую-то французскую даму у своего товарища. Объ эпизодѣ же съ Катюшей, — о томъ, что ему могла придти мысль жениться на ней, княгиня-мать не могла подумать безъ ужаса.

Точно такъ же, когда Нехлюдовъ, достигнувъ совершеннолѣтія, отдалъ то небольшое имѣніе, которое онъ наслѣдовалъ отъ отца, крестьянамъ, потому что считалъ несправедливымъ владѣніе землею, — этотъ поступокъ его привелъ въ ужасъ его мать и родныхъ и былъ постояннымъ предметомъ укора и насмѣшки надъ нимъ всѣхъ его родственниковъ. Ему, не переставая, разсказывали о томъ, что крестьяне, получившіе землю, не только не разбогатѣли, но

обѣднѣли, заведя у себя три кабака и совершенно переставъ работать. Когда же Нехлюдовъ, поступивъ въ гвардію, съ своими высокопоставленными товарищами прожилъ и проигралъ столько, что Елена Ивановна должна была взять деньги изъ капитала, она почти не огорчилась, считая, что это естественно и даже хорошо, когда эта оспа прививается въ молодости и въ хорошемъ обществѣ.

Сначала Нехлюдовъ боролся, но бороться было слишкомъ трудно, потому что все то, что̀ онъ, вѣря себѣ, считалъ хорошимъ, считалось дурнымъ другими, и, наоборотъ, все, что̀, вѣря себѣ, онъ считалъ дурнымъ, считалось хорошимъ всѣми окружающими его. И кончилось тѣмъ, что Нехлюдовъ сдался, пересталъ вѣрить себѣ и повѣрилъ другимъ. И въ первое время это отреченіе отъ себя было непріятно, но продолжалось это непріятное чувство очень недолго, и очень скоро Нехлюдовъ, въ это же время начавъ курить и пить вино, пересталъ испытывать это непріятное чувство, и даже почувствовалъ большое облегченіе.

И Нехлюдовъ, со страстностью своей натуры, весь отдался этой новой, одобрявшейся всѣми его окружающими жизни, и совершенно заглушилъ въ себѣ тотъ голосъ, который требовалъ чего-то другого. Началось это послѣ переѣзда въ Петербургъ и завершилось поступленіемъ въ военную службу.

Военная служба вообще развращаетъ людей, ставя поступающихъ въ нее въ условія совершенной праздности, т. е. отсутствія разумнаго и полезнаго труда, и освобождая ихъ отъ общихъ человѣческихъ обязанностей, взамѣнъ которыхъ выставляетъ только условную честь полка, мундира, знамени и, съ одной стороны, безграничную власть надъ другими людьми, а съ другой — рабскую покорность высшимъ себя начальникамъ.

Но когда къ этому развращенію военной службы вообще, съ ея честью мундира, знамени, разрѣшеніемъ насилія и убійства, присоединяется еще и развращеніе богатства и близости общенія съ царской фамиліей, какъ это происходитъ

въ средѣ избранныхъ гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ служатъ только богатые и знатные офицеры, то это развращеніе доходитъ у людей, подпавшихъ ему, до состоянія полнаго сумасшествія эгоизма. И въ такомъ сумасшествіи эгоизма находился Нехлюдовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ военную службу и сталъ жить такъ, какъ жили его товарищи.

Дѣла не было никакого, кромѣ того, чтобы въ прекрасно сшитомъ и вычищенномъ не самимъ, а другими людьми мундирѣ, въ каскѣ, съ оружіемъ, которое тоже и сдѣлано, и вычищено, и подано другими людьми, ѣздить верхомъ на прекрасной, тоже другими воспитанной и выѣзженной и выкормленной лошади на ученье или смотръ съ такими же людьми, и скакать и махать шашками, стрѣлять и учить этому другихъ людей. Другого занятія не было, и самые высокопоставленные люди: молодые, старики, царь и его приближенные не только одобряли это занятіе, но хвалили, благодарили за него. Кромѣ этого, считалось хорошимъ и важнымъ, швыряя невидимо откуда-то получаемыя деньги, сходиться ѣсть, въ особенности пить, въ офицерскихъ клубахъ или въ самыхъ дорогихъ трактирахъ; потомъ театры, балы, женщины, и потомъ опять ѣзда на лошадяхъ, маханье саблями, скаканье и опять швырянье денегъ и вино, карты, женщины.

Въ особенности развращающе дѣйствуетъ на военныхъ такая жизнь потому, что, если не военный человѣкъ ведетъ такую жизнь, онъ въ глубинѣ души не можетъ не стыдиться такой жизни. Военные же люди считаютъ, что это такъ должно быть, хвалятся, гордятся такою жизнью, особенно въ военное время, какъ это было съ Нехлюдовымъ, поступившимъ въ военную службу послѣ объявленія войны Турціи. „Мы готовы жертвовать жизнью на войнѣ, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для насъ. Мы и ведемъ ее“.

Такъ смутно думалъ Нехлюдовъ въ этотъ періодъ своей жизни; чувствовалъ же онъ во все это время восторгъ осво-

божденія отъ всѣхъ нравственныхъ преградъ, которыя онъ ставилъ себѣ прежде, и не переставая находился въ хроническомъ состояніи сумасшествія эгоизма.

Въ такомъ состояніи и находился онъ, когда, послѣ трехъ лѣтъ, заѣхалъ къ тетушкамъ.

XIV.

Нехлюдовъ заѣхалъ къ тетушкамъ потому, что имѣніе ихъ было по дорогѣ къ прошедшему впередъ его полку, и потому, что онѣ его очень объ этомъ просили, но, главное, для того, чтобы увидать Катюшу. Можетъ-быть, въ глубинѣ души и было у него уже дурное намѣреніе противъ Катюши, которое нашептывалъ ему его разнузданный теперь животный человѣкъ, но онъ не сознавалъ этого намѣренія, а просто ему хотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему было такъ хорошо, и увидать немного смѣшныхъ, но милыхъ, добродушныхъ тетушекъ, всегда незамѣтно для него окружавшихъ его атмосферой любви и восхищенія, и увидать милую Катюшу, о которой осталось такое пріятное воспоминаніе.

Пріѣхалъ онъ въ концѣ марта, въ Страстную пятницу, по самой распутицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, до нитки промокшій и озябшій, но бодрый и возбужденный, какимъ онъ всегда чувствовалъ себя въ это время. „У нихъ ли еще она!“ — думалъ онъ, въѣзжая на знакомый, заваленный свалившимся съ крышъ снѣгомъ, старинный помѣщичій, огороженный кирпичной стѣнкой дворъ тетушекъ. Онъ ждалъ, что она выбѣжитъ на его колокольчикъ, но на дѣвичье крыльцо вышли двѣ босыя подтыканныя бабы съ ведрами, очевидно мывшія полы. Ея не было и на парадномъ крыльцѣ; вышелъ только Тихонъ, лакей, въ фартукѣ, тоже, вѣроятно, занятый чисткой. Въ переднюю вышла Софья Ивановна, въ шелковомъ платьѣ и чепцѣ.

— Вотъ мило, что пріѣхалъ! — говорила Софья Ивановна, цѣлуя его. — Машенька нездорова немного, устала въ церкви. Мы причащались.

— Поздравляю, тетя Соня, — говорилъ Нехлюдовъ, цѣлуя руки Софьи Ивановны: — простите, замочилъ васъ.

— Иди въ свою комнату. Ты измокъ весь. И усы ужъ у тебя . . . Катюша! Катюша! Скорѣе кофею ему.

— Сейчасъ! — отозвался знакомый, пріятный голосъ изъ корридора. И сердце Нехлюдова радостно ёкнуло. „Тутъ!“ И точно солнце выглянуло изъ-за тучъ. И онъ весело пошелъ съ Тихономъ въ свою прежнюю комнату переодѣваться.

Нехлюдову хотѣлось спросить Тихона про Катюшу, — что она? какъ живетъ? не выходитъ ли замужъ? Но Тихонъ былъ такъ почтителенъ и вмѣстѣ строгъ, такъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы самому поливать изъ рукомойника на руки воду, что Нехлюдовъ не рѣшился спрашивать его о Катюшѣ и только спросилъ про его внуковъ, про стараго братцева жеребца, про дворняжку Полкана. Всѣ были живы, здоровы, кромѣ Полкана, который взбѣсился въ прошломъ году.

Скинувъ все мокрое и только начавъ одѣваться, Нехлюдовъ услыхалъ быстрые шаги, и въ дверь постучались. Нехлюдовъ узналъ и шаги, и стукъ въ дверь. Такъ ходила и стучалась только она.

Онъ накинулъ на себя мокрую шинель и подошелъ къ двери.

— Войдите!

Это была она, Катюша. Все та же, еще милѣе, чѣмъ прежде. Также снизу вверхъ смотрѣли улыбающіеся, наивные, чуть косившіе, черные глаза. Она, какъ и прежде, была въ чистомъ бѣломъ фартукѣ. Она принесла отъ тетушекъ только что вынутый изъ бумажки душистый кусокъ мыла и два полотенца: большое русское и мохнатое. И нетронутое съ отпечатанными буквами мыло, и полотенца, и сама она — все это было одинаково чисто, свѣжо, нетронуто, пріятно. Милыя, твердыя, красныя губы ея все такъ же морщились, какъ и прежде, при видѣ его, отъ неудержимой радости.

— Съ пріѣздомъ васъ, Дмитрій Ивановичъ! — съ трудомъ выговорила она, и лицо ея залилось румянцемъ.

— Здравствуй . . . здравствуйте, — не зналъ онъ какъ, на „ты“ или на „вы“ говорить съ ней, и покраснѣлъ такъ же, какъ и она. — Живы, здоровы?

— Слава Богу . . . Вотъ тетушка прислала вамъ ваше любимое мыло, розовое, — сказала она, кладя мыло на столъ и полотенца на ручки креселъ.

— У нихъ свое, — отстаивая самостоятельность гостя, сказалъ Тихонъ, съ гордостью указывая на раскрытый большой, съ серебряными крышками, несессеръ Нехлюдова, съ огромнымъ количествомъ стклянокъ, щетокъ, фиксатуаровъ, духовъ и всякихъ туалетныхъ инструментовъ.

— Поблагодарите тетушку. А какъ я радъ, что пріѣхалъ, — сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что на душѣ у него становится такъ же свѣтло и умильно, какъ бывало прежде.

Она только улыбнулась въ отвѣтъ на эти слова и вышла.

Тетушки, и всегда любившія Нехлюдова, еще радостнѣе, чѣмъ обыкновенно, встрѣтили его въ этотъ разъ. Дмитрій ѣхалъ на войну, гдѣ могъ быть раненъ, убитъ. Это трогало тетушекъ.

Нехлюдовъ распредѣлилъ свою поѣздку такъ, чтобы пробыть у тетушекъ только сутки, но, увидавъ Катюшу, онъ согласился встрѣтить у тетушекъ Пасху, которая была черезъ два дня, и телеграфировалъ своему пріятелю и товарищу Шенбоку, съ которымъ они должны были съѣхаться въ Одессѣ, чтобы и онъ заѣхалъ къ тетушкамъ.

Съ перваго же дня, какъ онъ увидалъ Катюшу, Нехлюдовъ почувствовалъ прежнее чувство къ ней. Такъ же, какъ и прежде, онъ не могъ безъ волненія видѣть теперь бѣлый фартукъ Катюши, не могъ безъ радости слышать ея походку, ея голосъ, ея смѣхъ, не могъ безъ умиленія смотрѣть въ ея черные, какъ мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не могъ, главное, безъ смущенія видѣть, какъ она краснѣла при встрѣчѣ съ нимъ. Онъ

чувствовалъ, что влюбленъ, но не такъ, какъ прежде, когда эта любовь была для него тайной, и онъ самъ не рѣшался признаться себѣ въ томъ, что онъ любитъ, когда онъ былъ убѣжденъ, что любить можно только одинъ разъ; теперь онъ былъ влюбленъ, зная это и радуясь этому, и смутно зная, хотя и скрывая отъ себя, въ чемъ состоитъ эта любовь, и что̀ изъ нея можетъ выйти.

Въ Нехлюдовѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, было два человѣка: одинъ — духовный, ищущій блага себѣ только такого, которое было бы благомъ и другихъ людей, и другой — животный человѣкъ, ищущій блага только себѣ, и для этого блага готовый пожертвовать благомъ всего міра. Въ этотъ періодъ его сумасшествія эгоизма, вызваннаго въ немъ петербургской и военной жизнью, животный человѣкъ властвовалъ въ немъ и совершенно задавилъ духовнаго. Но, увидавъ Катюшу и вновь почувствовавъ то, что̀ онъ испытывалъ къ ней тогда, духовный человѣкъ поднялъ голову и сталъ заявлять свои права. И въ Нехлюдовѣ, не переставая, въ продолженіе этихъ двухъ дней до Пасхи, шла внутренняя, несознаваемая имъ борьба.

Въ глубинѣ души онъ зналъ, что ему надо ѣхать, и что незачѣмъ теперь оставаться у тетокъ, зналъ, что ничего изъ этого не могло выйти хорошаго, но было такъ радостно и пріятно, что онъ не говорилъ этого себѣ и оставался.

Вечеромъ въ субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья, священникъ съ дьякономъ, какъ они разсказывали, насилу проѣхавъ на саняхъ по лужамъ тѣ три версты, которыя отдѣляли церковь отъ тетушкинаго дома, пріѣхали служить заутреню.

Нехлюдовъ съ тетушками и прислугой, не переставая поглядывать на Катюшу, которая стояла у двери и приносила кадила, отстоялъ эту заутреню, похристосовался съ священникомъ и тетушками и хотѣлъ уже идти спать, какъ услыхалъ въ корридорѣ сборы Матрены Павловны, старой горничной Маріи Ивановны, вмѣстѣ съ Катюшей, въ церковь,

чтобы святить куличи и пасхи. „Поѣду и я“, — подумалъ онъ.

Дороги до церкви не было ни на колесахъ, ни на саняхъ, и потому Нехлюдовъ, распоряжавшійся какъ дома у тетушекъ, велѣлъ осѣдлать себѣ верхового, такъ-называемаго „братцева“ жеребца, и, вмѣсто того, чтобы лечь спать, одѣлся въ блестящій мундиръ съ обтянутыми рейтузами, надѣлъ сверху шинель и поѣхалъ на разъѣвшемся, отяжелѣвшемъ и не перестававшемъ ржать, старомъ жеребцѣ, въ темнотѣ, по лужамъ и снѣгу, къ церкви.

XV.

Всю жизнь потомъ эта заутреня осталась для Нехлюдова однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и сильныхъ воспоминаній.

Когда онъ въ черной темнотѣ, кое-гдѣ только освѣщаемой бѣлѣющимъ снѣгомъ, шлепая по водѣ, въѣхалъ на прядущемъ ушами, при видѣ зажженныхъ вокругъ церкви плошекъ, жеребцѣ на церковный дворъ, служба уже началась.

Мужики, узнавши племянника Маріи Ивановны, проводили его на сухонькое мѣсто — гдѣ слѣзть, взяли привязать его лошадь и провели его въ церковь. Церковь была полна праздничнымъ народомъ.

Съ правой стороны — мужики: старики, въ домодѣльныхъ кафтанахъ и лаптяхъ и чистыхъ бѣлыхъ онучахъ, и молодые, въ новыхъ суконныхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ яркими кушаками, въ сапогахъ. Слѣва — бабы, въ красныхъ шелковыхъ платкахъ, плисовыхъ поддёвкахъ, съ ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, въ ботинкахъ съ подковками. Скромныя старушки, въ бѣлыхъ платкахъ и сѣрыхъ кафтанахъ и старинныхъ понёвахъ и башмакахъ или новыхъ лаптяхъ, стояли позади ихъ; между тѣми и другими стояли нарядныя, съ масляными головами, дѣти. Мужики крестились и кланялись, встряхивая волосами; женщины, особенно старушки, — уставившія выцвѣтшіе глаза на одну икону съ свѣчами, крѣпко

прижимали сложенные персты къ платку на лбу, плечамъ и животу, и, шепча что-то, перегибались, стоя, или падали на колѣни. Дѣти, подражая большимъ, старательно молились, когда на нихъ смотрѣли. Золотой иконостасъ горѣлъ свѣчами, со всѣхъ сторонъ окружавшими обвитыя золотомъ большія свѣчи. Паникадило было уставлено свѣчами, съ клиросовъ слышались развеселые напѣвы добровольцевъ пѣвчихъ, съ ревущими басами и тонкими дискантами.

Нехлюдовъ прошелъ впередъ. Въ серединѣ стояла аристократія: помѣщикъ, съ женою и сыномъ въ матросской курткѣ, становой, телеграфистъ, купецъ въ сапогахъ съ бураками, старшина съ медалью и справа отъ амвона, позади помѣщицы, Матрена Павловна въ переливчатомъ лиловомъ платьѣ и бѣлой съ каймою шали и Катюша въ бѣломъ платьѣ со складочками на лифѣ, съ голубымъ поясомъ и краснымъ бантикомъ на черной головѣ.

Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священникъ въ свѣтлой серебрянной, съ золотыми крестами, ризѣ, и дьяконъ, и дьячки въ праздничныхъ серебрянныхъ и золотыхъ стихаряхъ, и нарядные добровольцы пѣвчіе съ масляными волосами, и веселые плясовые напѣвы праздничныхъ пѣсенъ, и непрестанное благословеніе народа священниками тройными убранными цвѣтами свѣчами, съ все повторяемыми и повторяемыми возгласами: Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Все было прекрасно, но лучше всего была Катюша въ бѣломъ платьѣ и голубомъ поясѣ, съ краснымъ бантикомъ на черной головѣ и съ сіяющими восторгомъ глазами.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что она видѣла его, не оглядываясь. Онъ видѣлъ это, когда близко, мимо нея, проходилъ въ алтарь. Ему нечего было сказать ей, но онъ придумалъ и сказалъ, проходя мимо нея:

— Тетушка сказала, что она будетъ разговляться послѣ поздней обѣдни.

Молодая кровь, какъ всегда при взглядѣ на него, залила

все милое лицо, и черные глаза, смѣясь и радуясь, наивно глядя снизу вверхъ, остановились на Нехлюдовѣ.

— Я знаю, — улыбнувшись, сказала она.

Въ это время дьячекъ съ мѣднымъ кофейникомъ, пробираясь черезъ народъ, прошелъ мимо Катюши и, не глядя на нее, задѣлъ ее полой стихаря. Дьячекъ, очевидно, изъ уваженія къ Нехлюдову, обходя его, задѣлъ Катюшу. Нехлюдову же было удивительно, какъ это онъ, этотъ дьячекъ, не понимаетъ того, что все, что здѣсь, да и вездѣ на свѣтѣ существуетъ, — существуетъ только для Катюши, и что пренебречь можно всѣмъ на свѣтѣ, только не ею, потому что она — центръ всего. Для нея блестѣло золото иконостаса, и горѣли всѣ эти свѣчи на паникадилѣ и въ подсвѣчникахъ, для нея были эти радостные напѣвы: „Пасха Господня, радуйтеся людіе". И все, что только было хорошаго на свѣтѣ, все было для нея. И Катюша, ему казалось, понимала, что все это для нея. Такъ казалось Нехлюдову, когда онъ взглядывалъ на ея стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ со складочками и на сосредоченно радостное лицо, по выраженію котораго онъ видѣлъ, что точь-въ-точь то же, что поетъ въ его душѣ, поетъ и въ ея душѣ.

Въ промежуткѣ между ранней и поздней обѣдней Нехлюдовъ вышелъ изъ церкви. Народъ разступался передъ нимъ и кланялся. Кто узнавалъ его, кто спрашивалъ: „чей это?" На паперти онъ остановился. Нищіе обступили его, онъ роздалъ ту мелочь, которая была въ кошелькѣ, и спустился со ступеней крыльца.

Развѣло уже настолько, что было видно, но солнце еще не вставало. На могилкахъ вокругъ церкви разсѣлся народъ. Катюша оставалась въ церкви и Нехлюдовъ остановился, ожидая ее.

Народъ все выходилъ и, стуча гвоздями сапоговъ по плитамъ, сходилъ со ступеней и разсыпался по церковному двору и кладбищу.

Древній старикъ, кондитеръ Маріи Ивановны, съ трясущейся головой, остановилъ Нехлюдова, похристосовался, и

его жена, старушка со сморщеннымъ кадычкомъ подъ шелковой косынкой, дала ему, вынувъ изъ платка, желтое шафранное яйцо. Тутъ же подошелъ молодой, улыбающійся, мускулистый мужикъ въ новой поддевкѣ и зеленомъ кушакѣ.

— Христосъ воскресе, — сказалъ онъ, смѣясь глазами, и, придвинувшись къ Нехлюдову, обдалъ его особеннымъ мужицкимъ, пріятнымъ запахомъ и, щекоча его своей курчавой бородкой, три раза поцѣловалъ его въ самую середину губъ своими крѣпкими, свѣжими губами.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ цѣловался съ мужикомъ и бралъ отъ него темно-коричневое яйцо, показалось переливчатое платье Матрены Павловны и милая черная головка съ краснымъ бантикомъ.

Она тотчасъ же, черезъ головы шедшихъ передъ ней, увидала его, и онъ видѣлъ, какъ просіяло ея лицо.

Онѣ вышли съ Матреной Павловной на паперть и остановились, подавая нищимъ. Нищій, съ красной зажившей болячкой вмѣсто носа, подошелъ къ Катюшѣ. Она достала изъ платка что-то, подала ему и потомъ приблизилась къ нему и, не выражая ни малѣйшаго отвращенія, напротивъ, такъ же радостно сіяя глазами, три раза поцѣловалась. И въ то время, какъ она цѣловалась съ нищимъ, глаза ея встрѣтились съ взглядомъ Нехлюдова. Какъ будто она спрашивала: хорошо ли, такъ ли она дѣлаетъ?

„Такъ, такъ, милая, все хорошо, все прекрасно, люблю".

Они сошли съ паперти и онъ подошелъ къ ней. Онъ не хотѣлъ христоваться, но только хотѣлъ быть ближе къ ней.

— Христосъ воскресе! — сказала Матрена Павловна, склоняя голову и улыбаясь, съ такой интонаціей, которая говорила, что нынче всѣ равны, и, обтеревъ ротъ свернутымъ мышкой платкомъ, она потянулась къ нему губами.

— Воистину, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, цѣлуясь.

Онъ оглянулся на Катюшу. Она вспыхнула и въ ту же минуту приблизилась къ нему.

— Христосъ воскресе, Дмитрій Ивановичъ.

— Воистину воскресе, — сказалъ онъ. Они поцѣловались два раза и какъ будто задумались, — нужно ли еще, и, какъ будто рѣшивъ, что нужно, поцѣловались въ третій разъ, и оба улыбнулись.

— Вы не пойдете къ священнику? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, мы здѣсь, Дмитрій Ивановичъ, посидимъ, — сказала Катюша, тяжело, какъ будто послѣ радостнаго труда, вздыхая всею грудью и глядя ему прямо въ глаза своими покорными, дѣвственными, любящими, чуть-чуть косящими глазами.

Въ любви между мужчиной и женщиной бываетъ всегда одна минута, когда любовь эта доходитъ до своего зенита, когда нѣтъ въ ней ничего сознательнаго, разсудочнаго и нѣтъ ничего чувственнаго. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія. Когда онъ теперь вспоминалъ Катюшу, то изъ всѣхъ положеній, въ которыхъ онъ видѣлъ ее, эта минута застилала всѣ другія. Черная, гладкая, блестящая головка, бѣлое платье со складками, дѣвственно охватывающее ея стройный станъ и невысокую грудь, и этотъ румянецъ, и эти нѣжные, глянцовитые черные глаза, и во всемъ ея существѣ двѣ главныя черты: чистота дѣвственности любви не только къ нему, — онъ зналъ это, — но любви ко всѣмъ и ко всему, не только хорошему, чтò только есть въ мірѣ, но и къ тому нищему, съ которымъ она поцѣловалась.

Онъ зналъ, что въ ней была эта любовь, потому что онъ въ себѣ въ эту ночь и въ это утро сознавалъ ее и сознавалъ, что въ этой любви онъ сливался съ нею въ одно.

Ахъ, если бы все это остановилось на томъ чувствѣ, которое было въ эту ночь! „Да, все это ужасное дѣло сдѣлалось уже послѣ этой ночи Свѣтлаго Христова Воскресенія!“ — думалъ онъ теперь, сидя у окна въ комнатѣ присяжныхъ.

XVI.

Вернувшись изъ церкви, Нехлюдовъ разговѣлся съ тётушками и, чтобы подкрѣпиться, по взятой въ полку привычкѣ выпилъ водки и вина и ушелъ въ свою комнату, и тотчасъ же заснулъ одѣтый. Разбудилъ его стукъ въ дверь. По стуку узнавъ, что это̀ была она, онъ поднялся, протирая глаза и потягиваясь.

— Катюша, ты? Войди, — сказалъ онъ, вставая.

Она пріотворила дверь.

— Кушать зовутъ, — сказала она.

Она была въ томъ же бѣломъ платьѣ, но безъ банта въ волосахъ. Взглянувъ ему въ глаза, она просіяла, точно она объявила ему о чемъ-то необыкновенно радостномъ.

— Сейчасъ иду, — отвѣчалъ онъ, берясь за гребень, чтобы расчесать волосы.

Она постояла минутку лишнюю. Онъ замѣтилъ это и, бросивъ гребень, двинулся къ ней. Но она въ ту же минуту быстро повернулась и пошла своими обычно легкими и быстрыми шагами по полосушкѣ корридора.

„Экой я дуракъ“, — сказалъ себѣ Нехлюдовъ, — „что же я не удержалъ ее“.

И онъ бѣгомъ догналъ ее въ корридорѣ.

Чего онъ хотѣлъ отъ нея, онъ самъ не зналъ. Но ему казалось, что когда она вошла къ нему въ комнату, ему нужно было сдѣлать что-то, что̀ всѣ при этомъ дѣлаютъ, а онъ не сдѣлалъ этого.

— Катюша, постой, — сказалъ онъ.

Она оглянулась.

— Что вы? — сказала она пріостанавливаясь.

— Ничего, только...

И сдѣлавъ усиліе надъ собой и помня то, какъ въ этихъ случаяхъ поступаютъ вообще всѣ люди въ его положеніи, онъ обнялъ Катюшу за талію.

Она остановилась и посмотрѣла ему въ глаза.

— Не надо, Дмитрій Ивановичъ, не надо, — покраснѣвъ

до слезъ, проговорила она, и своей жесткой, сильной рукой отвела обнимавшую ее руку.

Нехлюдовъ пустилъ ее, и ему стало на мгновенье не только неловко и стыдно, но гадко на себя. Ему бы надо было повѣрить себѣ, но онъ не понялъ, что эта неловкость и стыдъ были самыя добрыя чувства его души, просившіяся наружу, а напротивъ, ему показалось, что это говоритъ въ немъ его глупость,—что надо дѣлать, какъ всѣ дѣлаютъ.

Онъ догналъ ее еще разъ, опять обнялъ и поцѣловалъ въ шею. Этотъ поцѣлуй былъ совсѣмъ уже не такой, какъ тѣ первыхъ два поцѣлуя: одинъ безсознательный за кустомъ сирени и другой нынче утромъ въ церкви. Этотъ былъ страшенъ, и она почувствовала это.

— Что же это вы дѣлаете? — такимъ голосомъ, какъ будто онъ безвозвратно разбилъ что-то безконечно драгоцѣнное, вскрикнула она и побѣжала отъ него рысью.

Онъ пришелъ въ столовую. Тетушки нарядныя, докторъ и сосѣдка стояли у закуски. Все было такъ обыкновенно, но въ душѣ Нехлюдова была буря. Онъ не понималъ ничего изъ того, что̀ ему говорили, отвѣчалъ невпопадъ, и думалъ только о Катюшѣ, вспоминая ощущеніе этого послѣдняго поцѣлуя, когда онъ догналъ ее въ корридорѣ. Онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать. Когда она входила въ комнату, онъ, не глядя на нее, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ ея присутствіе и долженъ былъ дѣлать усиліе надъ собой, чтобы не смотрѣть на нее.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же ушелъ въ свою комнату и въ сильномъ волненіи долго ходилъ по ней, прислушиваясь къ звукамъ въ домѣ и ожидая ея шаговъ. Тотъ животный человѣкъ, который жилъ въ немъ, не только поднялъ теперь голову, но затопталъ себѣ подъ ноги того духовнаго человѣка, которымъ онъ былъ въ первый пріѣздъ свой, и даже сегодня утромъ въ церкви; и этотъ страшный животный человѣкъ теперь властвовалъ одинъ въ его душѣ. Несмотря на то, что Нехлюдовъ не переставалъ караулить Катюшу, ему ни разу не удалось одинъ на одинъ встрѣ-

тить ее въ этотъ день. Вѣроятно она избѣгала его. Но къ вечеру случилось такъ, что она должна была идти въ комнату рядомъ съ той, которую онъ занималъ. Докторъ остался ночевать, и Катюша должна была постлать постель гостю. Услыхавъ ея шаги, Нехлюдовъ, тихо ступая и сдерживая дыханіе, какъ будто собираясь на преступленіе, вошелъ за ней.

Засунувъ обѣ руки въ чистую наволочку и держа ими подушку за углы, она оглянулась на него и улыбнулась, но не веселой и радостной, какъ прежде, а испуганной, жалостной улыбкой. Улыбка эта какъ будто сказала ему, что то, что̀ онъ дѣлаетъ, — дурно. На минуту онъ остановился. Тутъ еще была возможность борьбы. Хоть слабо, но еще слышенъ былъ голосъ истинной любви къ ней, который говорилъ ему о н е й, объ ея чувствахъ, объ ея жизни. Другой же голосъ говорилъ: смотри, пропустишь с в о е наслажденье, — с в о е счастье. И этотъ второй голосъ заглушилъ первый. Онъ рѣшительно подошелъ къ ней. И страшное, неудержимое, животное чувство овладѣло имъ.

Не выпуская ее изъ своихъ объятій, Нехлюдовъ посадилъ ее на постель и, чувствуя, что еще что-то надо дѣлать, сѣлъ рядомъ съ нею.

Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ, пожалуйста пустите, — говорила она жалобнымъ голосомъ. — Матрена Павловна идетъ! — вскрикнула она, вырываясь, и, дѣйствительно, кто-то шелъ къ двери.

— Такъ я приду къ тебѣ ночью, — проговорилъ Нехлюдовъ. — Ты вѣдь одна?

— Что вы? Ни за что! Не надо, — говорила она только устами, но все взволнованное, смущенное существо ея говорило другое.

Подошедшая къ двери дѣйствительно была Матрена Павловна. Она вошла въ комнату съ одѣяломъ на рукѣ и, взглянувъ укоризнено на Нехлюдова, сердито выговорила Катюшѣ за то, что она взяла не то одѣяло.

Нехлюдовъ молча вышелъ. Ему даже не было стыдно.

Онъ видѣлъ, по выраженію лица Матрены Павловны, что она осуждаетъ его и права, осуждая его, зналъ,—что то, что̀ онъ дѣлаетъ, — дурно; но животное чувство, выпроставшееся изъ-за прежняго чувства хорошей любви къ ней, овладѣло имъ и царило одно, ничего другого не признавая. Онъ зналъ теперь, что̀ надо дѣлать для удовлетворенія чувства, и отыскивалъ средство сдѣлать это.

Весь вечеръ онъ былъ самъ не свой: то входилъ къ тетушкамъ, то уходилъ отъ нихъ къ себѣ и на крыльцо, и думалъ объ одномъ, какъ бы одну увидать ее; но и она избѣгала его, и Матрена Павловна старалась не выпускать ее изъ вида.

XVII.

Такъ прошелъ весь вечеръ, и наступила ночь. Докторъ ушелъ спать. Тетушки укладывались. Нехлюдовъ зналъ, что Матрена Павловна теперь въ спальнѣ у тетокъ и Катюша въ дѣвичей — одна. Онъ опять вышелъ на крыльцо. На дворѣ было темно, сыро, тепло, и тотъ бѣлый туманъ, который весной сгоняетъ послѣдній снѣгъ или распространяется отъ тающаго послѣдняго снѣга, наполнялъ весь воздухъ Съ рѣки, которая была въ ста шагахъ, подъ кручью, передъ домомъ, слышны были странные звуки: это ломался ледъ.

Нехлюдовъ сошелъ съ крыльца и, шагая черезъ лужи по оледенѣвшему снѣгу, подошелъ къ окну дѣвичьей. Сердце его колотилось въ груди такъ, что онъ слышалъ его, дыханье то останавливалось, то вырывалось тяжелымъ вздохомъ. Въ дѣвичьей горѣла маленькая лампа; Катюша одна сидѣла у стола, задумавшись, и смотрѣла передъ собой. Нехлюдовъ, долго не шевелясь, смотрѣлъ на нее, желая узнать, что̀ она будетъ дѣлать, полагая, что никто не видитъ ея. Минуты двѣ она сидѣла неподвижно, потомъ подняла глаза, улыбнулась, покачала какъ бы на самое себя укоризненно головой и, перемѣнивъ положеніе, порывисто положила обѣ руки на столъ и устремила глаза передъ собой.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее и невольно слушалъ вмѣстѣ и стукъ своего сердца, и странные звуки, которые доносились съ рѣки. Тамъ, на рѣкѣ, въ туманѣ шла какая-то неустанная, медленная работа, и то сопѣло что-то, то трещало, то обсыпалось, то звенѣли, какъ стекло, тонкія льдины.

Онъ стоялъ, глядя на задумчивое, мучимое внутренней работой лицо Катюши, и ему было жалко ее, но, странное дѣло, — эта жалость только усиливала вожделѣнье къ ней.

Вожделѣніе обладало имъ всѣмъ.

Онъ стукнулъ въ окно. Она, какъ бы отъ электрическаго удара, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и ужасъ изобразился на ея лицѣ. Потомъ вскочила, подошла къ окну и придвинула свое лицо къ стеклу. Выраженіе ужаса не оставило ея лица и тогда, когда, приложивъ обѣ ладони, какъ шоры, къ глазамъ, она узнала его. Лицо ея было необыкновенно серьезно, онъ никогда не видалъ его такимъ. Она улыбнулась, только когда онъ улыбнулся,— улыбнулась, только какъ бы покоряясь ему, но въ душѣ ея не было улыбки, былъ страхъ. Онъ сдѣлалъ ей знакъ рукою, вызывая ее на дворъ къ себѣ. Но она помахала головой, что нѣтъ, не выйдетъ, и осталась стоять у окна. Онъ приблизилъ еще разъ лицо къ стеклу и хотѣлъ крикнуть ей, чтобы она вышла, но въ это время она обернулась къ двери, очевидно ее позвалъ кто-то. Нехлюдовъ отошелъ отъ окна. Туманъ былъ такъ тяжелъ, что, отойдя на пять шаговъ отъ дома, Нехлюдовъ уже не видѣлъ его окна, а только чернѣющую массу, изъ которой свѣтилъ красный, казавшійся огромнымъ свѣтъ лампы. На рѣкѣ шло то-же странное сопѣнье, шуршанье, трескъ и звонъ льда. Недалеко изъ тумана во дворѣ прокричалъ одинъ пѣтухъ, отозвались близко другіе, и издалека съ деревни послышались перебивающіе другъ друга и сливающіеся въ одно — пѣтушиные крики. Все же кругомъ, кромѣ рѣки, было совершенно тихо. Это были уже вторые пѣтухи.

Пройдя раза два взадъ и впередъ за угломъ дома и

попавъ нѣсколько разъ ногою въ лужу, Нехлюдовъ опять подошелъ къ окну дѣвичьей. Лампа все еще горѣла, и Катюша опять сидѣла одна у стола, какъ будто была въ нерѣшительности. Только что онъ подошелъ къ окну, она взглянула въ него. Онъ стукнулъ. И, не разсматривая кто стукнулъ, она тотчасъ же выбѣжала изъ дѣвичьей, и онъ слышалъ, какъ отлипла и потомъ скрипнула выходная дверь. Онъ ждалъ ее уже у сѣней и тотчасъ же, молча, обнялъ ее. Она прижалась къ нему, подняла голову и губами встрѣтила его поцѣлуй. Они стояли за угломъ сѣней на стаявшемъ сухомъ мѣстѣ, и онъ весь былъ полонъ мучительнымъ, неудовлетвореннымъ желаніемъ. Вдругъ опять такъ-же чмокнула и тѣмъ же скрипомъ скрипнула выходная дверь, и послышался сердитый голосъ Матрены Павловны:

— Катюша!

Она вырвалась отъ него и вернулась въ дѣвичью. Онъ слышалъ, какъ захлопнулся крючокъ. Вслѣдъ за этимъ все затихло, красный глазъ въ окнѣ исчезъ, остался одинъ туманъ и возня на рѣкѣ.

Нехлюдовъ подошелъ къ окну, никого не видно было. Онъ постучалъ, ничто не отвѣтило ему. Нехлюдовъ вернулся въ домъ съ параднаго крыльца, но не заснулъ. Онъ снялъ сапоги и босикомъ пошелъ по корридору къ двери Катюши, рядомъ съ комнатой Матрены Павловны. Сначала онъ слышалъ, какъ спокойно храпѣла Матрена Павловна, и онъ хотѣлъ уже войти, какъ вдругъ она стала кашлять и повернулась на скрипучей постели. Онъ замеръ, и простоялъ такъ минутъ пять. Когда опять все затихло, и послышался опять спокойный храпъ, онъ, стараясь ступать на половицы, которыя не скрипѣли, пошелъ дальше и подошелъ къ самой ея двери. Все было тихо. Она, очевидно, не спала, потому что не слышно было ея дыханья. Но какъ только онъ прошепталъ: „Катюша!“, — она вскочила, подошла къ двери и сердито, какъ ему показалось, стала уговаривать его уйти.

— На чтò похоже? Ну, можно ли? Услышатъ тетеньки,

— говорили ея уста, а все существо говорило: — „я вся твоя“.

И это только понималъ Нехлюдовъ.

— Ну, на минутку отвори. Умоляю тебя, — говорилъ онъ безсмысленныя слова.

Она затихла, потомъ онъ услышалъ шорохъ руки, ищущей крючокъ. Крючокъ щелкнулъ, и онъ проникъ въ отворенную дверь.

Онъ схватилъ ее, какъ она была, въ жесткой суровой рубашкѣ съ обнаженными руками, поднялъ ее и понесъ.

— Ахъ! Что вы? — шептала она.

Но онъ не обращалъ вниманія на ея слова, неся ее къ себѣ.

— Ахъ, не надо, пустите, — говорила она, а сама прижималась къ нему.

. . . .

Когда она, дрожащая и молчаливая, ничего не отвѣчая на его слова, ушла отъ него, онъ вышелъ на крыльцо и остановился, стараясь сообразить значеніе всего того, что̀ произошло.

На дворѣ было свѣтлѣе: внизу на рѣкѣ трескъ и звонъ и сопѣнье льдинъ еще усилились, и къ прежнимъ звукамъ прибавилось журчанье. Туманъ же сталъ садиться внизъ; и изъ-за стѣны тумана выплылъ ущербный мѣсяцъ, мрачно освѣщая что-то черное и страшное.

„Что̀ же это? Большое счастье или большое несчастье случилось со мной?“ — спрашивалъ онъ себя. — „Всегда такъ, всѣ такъ“, — сказалъ онъ себѣ и пошелъ спать.

XVIII.

На другой день блестящій, веселый Шенбокъ заѣхалъ за Нехлюдовымъ къ тетушкамъ и совершенно прельстилъ ихъ своей элегантностью, любезностью, веселостью, щедростью и любовью къ Дмитрію. Щедрость его хотя и очень понравилась тетушкамъ, но привела ихъ даже въ нѣкоторое недоумѣніе своей преувеличенностью. Пришедшимъ слѣ-

нымъ нищимъ онъ далъ рубль, на чай людямъ роздалъ 15 рублей, и когда Сюзетка, болонка Софьи Ивановны, при немъ ободрала себѣ въ кровь ногу, то онъ, вызвавшись сдѣлать ей перевязку, ни минуты не задумавшись, разорвалъ свой батистовый съ каемочками платокъ (Софья Ивановна знала, что такіе платки стоятъ не меньше 15 рублей дюжина), и сдѣлалъ изъ него бинты для Сюзетки. Тетушки не видали еще такихъ и не знали, что у этого Шенбока было 200 тысячъ долгу, которые, онъ зналъ, и никогда не заплатятся, и что поэтому 25 рублей меньше или больше не составляли для него расчета.

Шенбокъ пробылъ только одинъ день и въ слѣдующую ночь уѣхалъ вмѣстѣ съ Нехлюдовымъ. Они не могли дольше оставаться, такъ какъ былъ уже послѣдній срокъ для явки въ полкъ.

Въ душѣ Нехлюдова въ этотъ послѣдній, проведенный у тетушекъ день, когда свѣжо было воспоминаніе ночи, поднимались и боролись между собою два чувства: одно—жгучія, чувственныя воспоминанія животной любви, хотя и далеко не давшей того, что̀ она обѣщала, и нѣкотораго самодовольства достигнутой цѣли; другое—сознаніе того, что имъ сдѣлано что-то очень дурное, и что это дурное нужно поправить, и поправить не для нея, а для себя.

Въ томъ состояніи сумасшествія эгоизма, въ которомъ онъ находился, Нехлюдовъ думалъ только о себѣ, — о томъ, осудятъ ли его и насколько, если узнаютъ о томъ, какъ онъ съ ней поступилъ, а не о томъ, что̀ она испытываетъ, и что̀ съ ней будетъ.

Онъ думалъ, какъ Шенбокъ догадывается объ его отношеніяхъ съ Катюшей, и это льстило его самолюбію.

— То-то ты такъ вдругъ полюбилъ тетушекъ, — сказалъ ему Шенбокъ, увидавъ Катюшу: — что недѣлю живешь у нихъ. Это и я на твоемъ мѣстѣ не уѣхалъ бы. Прелесть!

Онъ думалъ еще и о томъ, что, хотя и жалко уѣзжать теперь, не насладившись вполнѣ любовью съ нею, необходимость отъѣзда выгодна тѣмъ, что сразу разрываетъ отно-

шенія, которыя трудно было бы поддерживать. Думалъ онъ еще о томъ, что надо дать ей денегъ, не для нея, не потому, что ей эти деньги могутъ быть нужны, а потому, что такъ всегда дѣлаютъ, и его считали бы нечестнымъ человѣкомъ, если бы онъ, воспользовавшись ею, не заплатилъ за это. Онъ и далъ ей денегъ,—столько, сколько считалъ приличнымъ по своему и ея положенію.

Въ день отъѣзда, послѣ обѣда, онъ выждалъ ее въ сѣняхъ. Она вспыхнула, увидавъ его, и хотѣла пройти мимо, указывая глазами на открытую дверь въ дѣвичью, но онъ удержалъ ее.

— Я хотѣлъ проститься, — сказалъ онъ, комкая въ рукѣ конвертъ съ сто-рублевой бумажкой. — Вотъ я . . .

Она догадалась, сморщилась, затрясла головой и оттолкнула его руку.

— Нѣтъ, возьми, — пробормоталъ онъ и сунулъ ей конвертъ за пазуху и, точно какъ-будто обжегся, онъ, морщась и стопая, побѣжалъ въ свою комнату.

И долго послѣ этого онъ все ходилъ по своей комнатѣ, и корчился, и даже прыгалъ, и вслухъ охалъ, словно отъ физической боли, какъ только вспоминалъ эту сцену.

Но чтò же дѣлать? Всегда такъ. Такъ это было съ Шенбокомъ и гувернанткой, про которую онъ разсказывалъ, такъ это было съ дядей Гришей, такъ это было съ отцомъ, когда онъ жилъ въ деревнѣ, и у него родился отъ крестьянки тотъ незаконный сынъ Митенька, который и теперь еще живъ. А если всѣ такъ дѣлаютъ, то, стало-быть, такъ и надо. Такъ утѣшалъ онъ себя, но никакъ не могъ утѣшиться. Воспоминаніе это жгло его совѣсть.

Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ души онъ зналъ, что поступилъ такъ скверно, подло, жестоко, что ему, съ сознаніемъ этого поступка, нельзя не только самому осуждать кого-нибудь, но смотрѣть въ глаза людямъ, не говоря уже о томъ, чтобы считать себя прекраснымъ, благороднымъ, великодушнымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ онъ считалъ себя. А ему нужно было считать себя такимъ для того,

чтобы продолжать бодро и весело жить. А для этого было одно средство: не думать объ этомъ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Та жизнь, въ которую онъ вступалъ, — новыя мѣста, товарищи, война, — помогли этому. И чѣмъ больше онъ жилъ, тѣмъ больше забывалъ, и подъ конецъ дѣйствительно совсѣмъ забылъ.

Только одинъ разъ, когда послѣ войны, съ надеждой увидать ее, онъ заѣхалъ къ тетушкамъ и узналъ, что Катюши уже не было, что она скоро послѣ его отъѣзда отошла отъ нихъ, чтобы родить, что гдѣ-то родила и, какъ слышали тетки, совсѣмъ испортилась, — у него защемило сердце. По времени, ребенокъ, котораго она родила, могъ быть его ребенкомъ, но могъ быть и не его. Тетушки говорили, что она испортилась и была развращенная натура, такая же, какъ и мать. И это сужденіе тетушекъ было пріятно ему, потому что какъ-будто оправдывало его. Сначала онъ все-таки хотѣлъ разыскать ее и ребенка, но потомъ, именно потому, что въ глубинѣ души ему было слишкомъ больно и стыдно думать объ этомъ, онъ не сдѣлалъ нужныхъ усилій для этого розысканія и еще больше забылъ про свой грѣхъ и пересталъ думать о немъ.

Но вотъ теперь эта удивительная случайность напомнила ему все и требовала отъ него признанія своей безсердечности, жестокости, подлости, давшихъ ему возможность спокойно жить эти десять лѣтъ съ такимъ грѣхомъ на совѣсти. Но онъ еще далекъ былъ отъ такого признанія, и теперь думалъ только о томъ, какъ бы сейчасъ не узналось все, и она или ея защитникъ не разсказали всего и не осрамили его передъ всѣми.

XIX.

Въ такомъ душевномъ настроеніи находился Нехлюдовъ, выйдя изъ залы суда въ комнату присяжныхъ. Онъ сидѣлъ у окна, слушая разговоры, шедшіе вокругъ него, и, не переставая, курилъ.

Веселый купецъ очевидно сочувствовалъ всей душой времяпровожденію купца Смѣлькова.

— Ну, братъ, здорово кутилъ, по-сибирски. Тоже губа не дура, какую дѣвченку облюбовалъ.

Старшина высказывалъ какія-то соображенія, что все дѣло въ экспертизѣ. Петръ Герасимовичъ что-то шутилъ съ приказчикомъ евреемъ, и они о чемъ-то захохотали. Нехлюдовъ односложно отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы и желалъ только одного, чтобы его оставили въ покоѣ.

Когда судебный приставъ, съ боковой походкой, пригласилъ опять присяжныхъ въ залу засѣданія, Нехлюдовъ почувствовалъ страхъ, какъ будто не онъ шелъ судить, но его вели на судъ. Въ глубинѣ ду[illegible] онъ чувствовалъ уже, что онъ негодяй, которому должно быть совѣстно смотрѣть въ глаза людямъ, а между тѣмъ онъ, по привычкѣ, съ обычными самоувѣренными движеніями, вошелъ на возвышеніе и сѣлъ на свое мѣсто, вторымъ послѣ старшины, заложивъ ногу на ногу и играя pince-nez.

Подсудимыхъ тоже куда-то выводили и только-что ввели опять.

Въ залѣ были новыя лица — свидѣтели, и Нехлюдовъ замѣтилъ, что Маслова нѣсколько разъ взглядыв[illegible] какъ будто не могла оторвать взгляда отъ очень нарядной, въ шелку и бархатѣ, толстой женщины, которая, въ высокой шляпѣ съ большимъ бантомъ и съ элегантнымъ ридикюлемъ на голой до локтя рукѣ, сидѣла въ первомъ ряду передъ рѣшеткой. Это, какъ онъ потомъ узналъ, была свидѣтельница, хозяйка того заведенія, въ которомъ жила Маслова.

Начался допросъ свидѣтелей: имя, вѣра и т. д. Потомъ, послѣ опроса сторонъ, какъ они хотятъ спрашивать:—подъ присягой или нѣтъ, — опять, съ трудомъ передвигая ноги, пришелъ тотъ же старый священникъ, и опять такъ-же поправляя золотой крестъ на шелковой груди, съ такимъ же спокойствіемъ и увѣренностью въ томъ, что онъ дѣлаетъ

вполнѣ полезное и важное дѣло, привелъ къ присягѣ свидѣтелей и эксперта. Когда кончилась присяга, всѣхъ свидѣтелей увели, оставивъ одну, именно Китаеву, хозяйку дома терпимости. Ее спросили о томъ, что̀ она знаетъ по этому дѣлу. Китаева съ притворной улыбкой, ныряя головой въ шляпѣ при каждой фразѣ, съ нѣмецкимъ акцентомъ, подробно и складно разсказала:

Прежде всего къ ней въ заведеніе пріѣхалъ знакомый корридорный, Симонъ, за дѣвушкой для богатаго сибирскаго купца. Она послала Любашу. Черезъ нѣсколько времени Любаша вернулась вмѣстѣ съ купцомъ. Купецъ былъ уже въ экстазѣ, — слегка улыбаясь говорила Китаева, — и у насъ продолжалъ пить и угощать дѣвушекъ, но такъ какъ у него недостало денегъ, то онъ послалъ къ себѣ въ номеръ эту самую Любашу, къ которой онъ получилъ „предилекцію“, — сказала она, взглянувъ на подсудимую.

Нехлюдову показалось, что Маслова при этомъ улыбнулась, и эта улыбка показалась ему отвратительной. Странное, неопредѣленное чувство гадливости, смѣшанное съ состраданіемъ, поднялось въ немъ.

— А какого вы были мнѣнія о Масловой? — краснѣя и робѣя спросилъ назначенный отъ суда кандидатъ на судебныя должности защитникъ Масловой.

— Самый хорошій, — отвѣчала Китаева, — дѣвушка образованный и шикарна. Онъ воспитывался въ хорошій семейство, и по-французски могли читать. Онъ пилъ иногда немного лишняго, но никогда не забывался. Совсѣмъ хорошій дѣвушка.

Катюша глядѣла на хозяйку, но потомъ вдругъ перевела глаза на присяжныхъ и остановила ихъ на Нехлюдовѣ, и лицо ея сдѣлалось серьезно и даже строго. Одинъ изъ строгихъ глазъ ея косилъ. Довольно долго эти два странно смотрѣвшіе глаза были обращены на Нехлюдова, и, несмотря на охватившій его ужасъ, онъ не могъ отвести и своего взгляда отъ этихъ косящихъ глазъ съ ярко-бѣлыми бѣлками. Ему вспомнилась та страшная ночь съ ломав-

шимся льдомъ, туманомъ и, главное, тѣмъ ущербнымъ, перевернутымъ мѣсяцемъ, который передъ утромъ взошелъ и освѣщалъ что-то черное и страшное. Эти два черные глаза, смотрѣвшіе и на него, и мимо него, напоминали ему это что-то черное и страшное.

„Узнала“, — подумалъ онъ. И Нехлюдовъ какъ бы сжался, ожидая удара. Но она не узнала. Она спокойно вздохнула и опять стала смотрѣть на предсѣдателя. Нехлюдовъ вздохнулъ тоже. „Ахъ, скорѣе бы“, — думалъ онъ. Онъ испытывалъ теперь чувство, подобное тому, которое испытывалъ на охотѣ, когда приходилось добивать раненую птицу — и гадко, и жалко, и досадно. Недобитая птица бьется въ ягдташѣ: и противно, и жалко, и хочется поскорѣе добить и забыть.

Такое смѣшанное чувство испытывалъ теперь Нехлюдовъ, слушая допросъ свидѣтелей.

XX.

Но, какъ на зло ему, дѣло тянулось долго: послѣ допроса, по одиночкѣ, свидѣтелей и эксперта и послѣ всѣхъ, какъ обыкновенно, дѣлаемыхъ съ значительнымъ видомъ ненужныхъ вопросовъ товарища прокурора и защитниковъ, предсѣдатель предложилъ присяжнымъ осмотрѣть вещественныя доказательства, состоявшія изъ кольца огромныхъ размѣровъ, съ розеткой изъ брильянтовъ, очевидно, надѣвавшагося на толстѣйшій указательный палецъ, и фильтра, въ которомъ былъ изслѣдованъ ядъ. Вещи эти были запечатаны, и на нихъ были ярлычки.

Присяжные уже готовились смотрѣть эти предметы, когда товарищъ прокурора опять приподнялся и потребовалъ, прежде разсматриванія вещественныхъ доказательствъ, прочтенія врачебнаго изслѣдованія трупа.

Предсѣдатель, который гналъ дѣло какъ могъ скорѣе, чтобы поспѣть къ своей швейцаркѣ, хотя и зналъ очень хорошо, что прочтеніе этой бумаги не можетъ имѣть никакого другого слѣдствія, какъ только скуку и отдаленіе

времени обѣда, и что товарищъ прокурора требуетъ этого чтенія только потому, что онъ знаетъ, что имѣетъ право потребовать этого, — вес-таки не могъ отказать и изъявилъ согласіе. Секретарь досталъ бумагу и опять своимъ картавящимъ на буквы *л* и *р* унылымъ голосомъ началъ читать:

По наружному осмотру оказывалось, что:

1) Ростъ Ѳерапонта Смѣлькова 2 арш. 12 верш.

— Однако мужчина здоровенный, — озабоченно прошепталъ купецъ на ухо Нехлюдову.

2) Лѣта по наружному виду опредѣлялись приблизительно около сорока.

3) Видъ трупа былъ вздутый.

4) Цвѣтъ покрововъ вездѣ зеленоватый, испещренный мѣстами темными пятнами.

5) Кожица по поверхности тѣла поднялась пузырями различной величины, а мѣстами слѣзла и виситъ въ видѣ большихъ лоскутовъ.

6) Волосы темнорусые, густые, и при дотрогиваніи легко отстаютъ отъ кожи.

7) Глаза вышли изъ орбитъ, и роговая оболочка потускнѣла.

8) Изъ отверстій носа, обоихъ ушей и полости рта вытекаетъ пѣнистая сукровичная жидкость, ротъ полуоткрытъ.

9) Шеи почти нѣтъ, вслѣдствіе раздутія лица и груди.

И т. д., и т. д.

На четырехъ страницахъ, по 27 пунктамъ шло такимъ образомъ описаніе всѣхъ подробностей наружнаго осмотра страшнаго, огромнаго, толстаго и еще распухшаго, разлагающагося трупа веселившагося въ городѣ купца. Чувство неопредѣленной гадливости, которое испытывалъ Нехлюдовъ, еще усилилось при чтеніи этого описанія трупа. Жизнь Катюши и вытекавшая изъ ноздрей сукровица, и вышедшіе изъ орбитъ глаза, и его поступокъ съ нею, все это, казалось ему, были предметы одного и того же порядка, и онъ

со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ и поглощенъ этими предметами. Когда кончилось, наконецъ, чтеніе наружнаго осмотра, предсѣдатель тяжело вздохнулъ и поднялъ голову, надѣясь, что кончено, но секретарь тотчасъ же началъ читать описаніе внутренняго осмотра.

Предсѣдатель опять опустилъ голову и, опершись на руку, закрылъ глаза. Купецъ, сидѣвшій рядомъ съ Нехлюдовымъ, насилу удерживался отъ сна и изрѣдка качался; подсудимые, такъ же какъ и жандармы за ними, сидѣли неподвижно.

По внутреннему осмотру оказывалось, что:

1) Кожные черепные покровы легко отдѣлялись отъ черепныхъ костей, и кровоподтёковъ нигдѣ не было замѣчено. 2) Кости черепа средней толщины и цѣлы. 3) На твердой мозговой оболочкѣ имѣются два небольшихъ пигментированныхъ пятна, величиной приблизительно въ 4 дюйма, сама оболочка представляется блѣдно-матоваго цвѣта и т. д., и т. д. еще 13 пунктовъ.

Слѣдовали имена понятыхъ, подписи и затѣмъ заключеніе врача, изъ котораго видно было, что найденныя при вскрытіи и записанныя въ протоколъ измѣненія въ желудкѣ и отчасти въ кишкахъ и почкахъ, даютъ право заключить съ большой степенью вѣроятности, что смерть Смѣлькова послѣдовала отъ отравленія ядомъ, попавшимъ ему въ желудокъ, вмѣстѣ съ виномъ. Сказать, по имѣющимся измѣненіямъ въ желудкѣ и кишкахъ, — какой именно ядъ былъ введенъ въ желудокъ, — трудно; о томъ же, что ядъ этотъ попалъ въ желудокъ съ виномъ, надо полагать по тому, что въ желудкѣ Смѣлькова найдено большое количество вина.

— Видно здоровъ пить былъ, — опять прошепталъ очнувшійся купецъ.

Чтеніе этого протокола, продолжавшееся около часа, не удовлетворило, однако, товарища прокурора. Когда былъ прочитанъ протоколъ, предсѣдатель обратился къ нему:

— Я полагаю, что излишне читать акты изслѣдованія внутренностей.

— Я бы просилъ прочесть эти изслѣдованія, — строго сказалъ товарищъ прокурора, не глядя на предсѣдателя, слегка бочкомъ приподнявшись и давая чувствовать тономъ голоса, что требованіе этого чтенія составляетъ его право, что онъ отъ этого права не отступится, и что отказъ будетъ поводомъ кассаціи.

Членъ суда съ большой бородой и добрыми, внизъ оттянутыми глазами, страдавшій катарромъ чувствуя себя очень ослабѣвшимъ, обратился къ предсѣдателю.

— И зачѣмъ это читать? Только затягиваютъ. Эти новыя метлы не чище, а дольше метутъ.

Членъ въ золотыхъ очкахъ ничего не сказалъ и мрачно и рѣшительно смотрѣлъ передъ собой, не ожидая ни отъ своей жены, ни отъ жизни ничего хорошаго.

Чтеніе акта началось:

— 188... года, февраля 15-го дня, я, нижеподписавшійся, по порученію врачебнаго отдѣленія, за № 638-мъ, — началъ съ рѣшительностью, повысивъ діапазонъ голоса, какъ будто желая разогнать сонъ, удручающій всѣхъ присутствующихъ, секретарь: — въ присутствіи помощника врачебнаго инспектора, сдѣлалъ изслѣдованіе внутренностей:

1) Праваго легкаго и сердца, (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

2) Содержимаго желудка, (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

3) Самаго желудка, (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

4) Печени, селезёнки и почекъ, (въ трехъ-фунтовой стеклянной банкѣ).

5) Кишокъ, (въ шести-фунтовой глиняной банкѣ)...

Предсѣдательствующій при началѣ этого чтенія нагнулся къ одному изъ членовъ и пошепталъ что-то, потомъ къ другому и, получивъ утвердительный отвѣтъ, перервалъ чтеніе въ этомъ мѣстѣ:

— Судъ признаетъ излишнимъ чтеніе акта, — сказалъ онъ. Секретарь замолкъ собирая бумаги, товарищъ прокурора сердито сталъ записывать что-то.

— Господа присяжные засѣдатели могутъ осмотрѣть вещественныя доказательства, — сказалъ предсѣдательствующій.

Старшина и нѣкоторые изъ присяжныхъ приподнялись и, затрудняясь тѣмъ движеніемъ или положеніемъ, которое они должны придать своимъ рукамъ, подошли къ столу и поочередно посмотрѣли на кольцо, стклянку и фильтръ. Купецъ даже примѣрилъ на свой палецъ кольцо.

— Ну и палецъ былъ, — сказалъ онъ возвратившись на свое мѣсто. — Какъ огурецъ добрый, — прибавилъ онъ, очевидно забавляясь тѣмъ представленіемъ, какъ о богатырѣ, которое онъ составилъ себѣ объ отравленномъ купцѣ.

XXI.

Когда окончился осмотръ вещественныхъ доказательствъ, предсѣдатель объявилъ судебное слѣдствіе законченнымъ, и, безъ перерыва, желая скорѣе отдѣлаться, предоставилъ рѣчь обвинителю, надѣясь, что онъ тоже человѣкъ и тоже хочетъ и курить, и обѣдать, и что онъ пожалѣетъ ихъ. Но товарищъ прокурора не пожалѣлъ ни себя, ни ихъ. Товарищъ прокурора былъ отъ природы очень глупъ, но сверхъ того имѣлъ несчастіе окончить курсъ въ гимназіи съ золотой медалью и въ университетѣ получить награду за свое сочиненіе о сервитутахъ, по римскому праву, и потому былъ въ высшей степени самоувѣренъ, доволенъ собой, (чему еще способствовалъ его успѣхъ у дамъ), и, вслѣдствіе этого, былъ глупъ чрезвычайно. Когда ему предоставлено было слово, онъ медленно всталъ, обнаруживъ всю свою граціозную фигуру, въ шитомъ мундирѣ и, положивъ обѣ руки на конторку, слегка склонивъ голову, оглядѣлъ залу, избѣгая взглядомъ подсудимыхъ, и началъ:

— Дѣло подлежащее вамъ, господа присяжные засѣдатели, — началъ онъ свою приготовленную имъ во время

чтенія протоколовъ и акта рѣчь, — характерное, если можно такъ выразиться, преступленіе.

Рѣчь товарища прокурора, по его мнѣнію, должна была имѣть общественное значеніе, подобно тѣмъ знаменитымъ рѣчамъ, которыя говорили сдѣлавшіеся знаменитыми адвокаты. Правда, что въ числѣ зрителей сидѣли только три женщины: швея, кухарка и сестра Симона, да одинъ кучеръ, но это ничего не значило. И тѣ знаменитости такъже начинали. Правило же товарища прокурора состояло въ томъ, чтобы всегда быть на высотѣ своего положенія, т. е. проникать въ глубь психологическаго значенія преступленія и обнажать язвы общества.

— Вы видите передъ собой, господа присяжные засѣдатели, характерное, если можно такъ выразиться, преступленіе конца вѣка, носящее на себѣ, такъ сказать, специфическія черты того печальнаго явленія разложенія, которому подвергаются въ наше время тѣ элементы нашего общества, которые находятся подъ особенно, такъ сказать, жгучими лучами этого процесса...

Товарищъ прокурора говорилъ очень долго, съ одной стороны стараясь вспомнить всѣ тѣ удныя вещи, которыя онъ придумалъ, съ другой же стороны, — и это главное, — стараясь ни на минуту не остановиться, а сдѣлать такъ, чтобы рѣчь его лилась, не умолкая, въ продолженіе часа съ четвертью. Только одинъ разъ онъ остановился и довольно долго глоталъ слюни, но тутъ же справился и наверсталъ это замедленіе усиленнымъ краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ то нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, переступая съ ноги на ногу, глядя на присяжныхъ, то тихимъ дѣловымъ тономъ, заглядывая въ свою тетрадку, то громкимъ обличительнымъ голосомъ, обращаясь то къ зрителямъ, то къ присяжнымъ. Только на подсудимыхъ, которые всѣ трое впились въ него глазами, онъ ни разу не взглянулъ. Въ его рѣчи было все самое послѣднее, чтò было тогда въ ходу въ его кругѣ, и чтò принималось и принимается еще и теперь за послѣднее слово научной мудрости. Тутъ была и наслѣдственность, и

прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тардъ, и эволюція, и борьба за существованіе, и гипнотизмъ, и внушеніе, и Шарко, и декадентство.

Купецъ Смѣльковъ, по опредѣленію товарища прокурора, былъ типъ могучаго, не тронутаго русскаго человѣка, съ его широкой натурой который, вслѣдствіе своей довѣрчивости и великодушія, палъ жертвою глубоко развращенныхъ личностей, во власть которыхъ онъ попалъ.

Симонъ Картинкинъ былъ атавистическое произведеніе крѣпостного права, человѣкъ забитый, безъ образованія, безъ принциповъ, безъ религіи даже. Евфимья была его любовница и жертва наслѣдственности. Въ ней были замѣтны всѣ признаки дегенеративной личности. Главной же двигательной пружиной преступленія была Маслова, представляющая явленіе декадентства въ самыхъ низкихъ своихъ представителяхъ. Женщина эта, — говорилъ товарищъ прокурора, не глядя на нее, — получила образованіе, мы слышали здѣсь на судѣ показанія ея хозяйки. Она не только знаетъ читать и писать, она знаетъ по-французски, она сирота, вѣроятно несущая въ себѣ зародыши преступности; была воспитана въ интеллигентной дворянской семьѣ и могла бы жить честнымъ трудомъ; но она бросаетъ своихъ благодѣтелей, предается своимъ страстямъ, и для удовлетворенія ихъ поступаетъ въ домъ терпимости, гдѣ выдается отъ другихъ своихъ товарокъ своимъ образованіемъ и, главное, какъ вы слышали здѣсь, господа присяжные засѣдатели, отъ ея хозяйки, умѣніемъ вліять на посѣтителей тѣмъ таинственнымъ, въ послѣднее время изслѣдованнымъ наукой, въ особенности школой Шарко, свойствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ внушенія. Этимъ самымъ свойствомъ она завладѣваетъ русскимъ богатыремъ, добродушнымъ, довѣрчивымъ Садко, богатымъ гостемъ, и употребляетъ это довѣріе на то, чтобы сначала обокрасть, а потомъ базжалостно лишить его жизни.

— Ну ужъ это онъ, кажется, зарапортовался, — сказалъ улыбаясь предсѣдатель, склоняясь къ строгому члену.

— Ужасный болванъ, — сказалъ строгій членъ.

— Господа присяжные засѣдатели, — продолжалъ между тѣмъ, граціозно извиваясь тонкой таліей, товарищъ прокурора. — Въ вашей власти судьба этихъ лицъ, но въ вашей же власти, отчасти, и судьба общества, на которое вы вліяете своимъ приговоромъ. Вы вникните въ значеніе этого преступленія, въ опасность представлемую обществу отъ такихъ паталогическихъ, такъ сказать, индивидумовъ, какова Маслова, и оградите его отъ зараженія, оградите невинные, крѣпкіе элементы этого общества отъ зараженія, и часто гибели.

И какъ бы самъ подавленный важностью предстоящаго рѣшенія, товарищъ прокурора, очевидно до послѣдней степени восхищенный своею рѣчью, опустился на свой стулъ.

Смыслъ его рѣчи, за исключеніемъ цвѣтовъ краснорѣчія, былъ тотъ, что Маслова загипнотизировала купца, вкравшись въ его довѣріе и, пріѣхавъ въ номеръ съ ключемъ за деньгами, хотѣла сама все взять себѣ, но, будучи поймана Симономъ и Евфимьей, должна была подѣлиться съ ними. Послѣ же этого, чтобы скрыть слѣды своего преступленія, пріѣхала опять съ купцомъ въ гостинницу и тамъ отравила его.

Послѣ рѣчи товарища прокурора, со скамьи адвоката всталъ среднихъ лѣтъ человѣкъ во фракѣ, съ широкимъ полукругомъ бѣлой крахмальной груди, и бойко сказалъ рѣчь въ защиту Картинкина и Бочковой. Это былъ нанятый ими за 300 рублей присяжный повѣренный. Онъ оправдывалъ ихъ обоихъ и сваливалъ всю вину на Маслову.

Онъ отвергалъ показаніе Масловой о томъ, что Бочкова и Картинкинъ были съ ней вмѣстѣ, когда она брала деньги, настаивая на томъ, что показаніе ея, какъ уличенной отравительницы, не могло имѣть вѣса. Деньги, — 2,500 рублей, говорилъ адвокатъ, могли быть заработаны двумя трудолюбивыми и честными людьми, получавшими иногда въ день по 3 и по 5 рублей отъ посѣтителей. Деньги же купца были похищены Масловой и кому-либо переданы или даже потеря-

ны, такъ какъ она была не въ нормальномъ состояніи. Отравленіе совершила одна Маслова.

Поэтому онъ просилъ присяжныхъ признать Картинкина и Бочкову невиновными въ похищеніи денегъ, если же бы они и признали ихъ виновными въ похищеніи, то безъ участія въ отравленіи и безъ впередъ составленнаго намѣренія.

Въ заключеніе, адвокатъ, въ пику товарищу прокурора, замѣтилъ, что блестящія разсужденія господина товарища прокурора о наслѣдственности, хотя и разъясняютъ научные вопросы наслѣдственности, неумѣстны въ этомъ случаѣ, такъ какъ Бочкова дочь неизвѣстныхъ родителей.

Товарищъ прокурора сердито, какъ бы огрызаясь, что-то записалъ у себя на бумагѣ и съ презрительнымъ удивленіемъ пожалъ плечами.

Потомъ всталъ защитникъ Масловой и робко, запинаясь, произнесъ свою защиту. Не отрицая того, что Маслова участвовала въ похищеніи денегъ, онъ только настаивалъ на томъ, что она не имѣла намѣренія отравить Смѣлькова, а дала порошокъ только съ тѣмъ, чтобы онъ заснулъ. Хотѣлъ онъ подпустить краснорѣчія, сдѣлавъ обзоръ того, какъ Маслова была вовлечена въ развратъ мужчиной, который остался безнаказаннымъ, тогда какъ она должна была нести всю тяжесть своего паденія, но эта его экскурсія въ область психологіи совсѣмъ не вышла, такъ что всѣмъ стало совѣстно. Когда онъ мямлилъ о жестокости мужчинъ и безпомощности женщинъ, то предсѣдатель, желая облегчить его, попросилъ его держаться сущности дѣла.

Послѣ этого защитника опять всталъ товарищъ прокурора и, защитивъ свое положеніе о наслѣдственности противъ перваго защитника тѣмъ, что если Бочкова и дочь неизвѣстныхъ родителей, то истинность ученія наслѣдственности этимъ нисколько не инвалидируется, такъ какъ законъ наслѣдственности настолько установленъ наукой, что мы не только можемъ выводить преступленіе изъ наслѣдственности,

но и наслѣдственность изъ преступленія. Чтò же касается предположенія защиты о томъ, что Маслова была развращена воображаемымъ, (онъ особенно ядовито сказалъ: „воображаемымъ"), соблазнителемъ, то всѣ данныя скорѣе говорятъ о томъ, что она была соблазнительницей многихъ и многихъ жертвъ, прошедшихъ черезъ ея руки. Сказавъ это, онъ побѣдоносно сѣлъ.

Потомъ предложено было подсудимымъ оправдываться.

Евфимья Бочкова повторяла то, что она ничего не знала и ни въ чемъ не участвовала, и упорно указывала, какъ на виновницу всего, на Маслову. Симонъ только повторилъ нѣсколько разъ:

— Воля ваша, а только безвинно, напрасно.

Маслова же ничего не сказала. На предложеніе предсѣдателя сказать то, чтò она имѣетъ для своей защиты, она только подняла на него глаза, оглянулась на всѣхъ, какъ затравленный звѣрь, и тотчасъ же опустила ихъ и заплакала, громко всхлипывая.

— Вы что? — спросилъ купецъ, сидѣвшій рядомъ съ Нехлюдовымъ, услыхавъ странный звукъ, который издалъ вдругъ Нехлюдовъ. Звукъ этотъ былъ остановленное рыданіе.

Нехлюдовъ все еще не понималъ всего значенія своего теперешняго положенія и приписалъ слабости своихъ нервовъ едва удержанное рыданіе и слезы, выступившія у него на глазахъ. Онъ надѣлъ pince-nez, чтобы скрыть ихъ, потомъ досталъ платокъ и сталъ сморкаться.

Страхъ передъ позоромъ, которымъ онъ покрылъ бы себя, если бы всѣ, здѣсь, въ залѣ суда, узнали его поступокъ, заглушалъ происходившую въ немъ внутреннюю работу. Страхъ этотъ въ это первое время былъ въ немъ сильнѣе всего.

XXII.

Послѣ послѣдняго слова обвиняемыхъ и переговоровъ сторонъ о формѣ постановки вопросовъ, продолжавшихся

еще довольно долго, вопросы были поставлены и предсѣдатель началъ свое резюме.

Прежде изложенія дѣла онъ очень долго объяснялъ присяжнымъ, съ пріятной домашней интонаціей, то, что грабежъ есть грабежъ, а воровство есть воровство, и что похищеніе изъ запертаго мѣста есть похищеніе изъ запертаго мѣста, а похищеніе изъ незапертаго мѣста есть похищеніе изъ незапертаго мѣста. И объясняя это, онъ особенно часто взглядывалъ на Нехлюдова, какъ бы особенно желая внушить ему это важное обстоятельство въ надеждѣ, что онъ, понявъ его, разъяснитъ это своимъ товарищамъ. Потомъ, когда онъ предположилъ, что присяжные уже достаточно прониклись этими истинами, онъ сталъ развивать другую истину о томъ, что убійствомъ называется такое дѣйствіе, отъ котораго происходитъ смерть человѣка, — что отравленіе поэтому тоже есть убійство. Когда же и эта истина, по его мнѣнію, была тоже воспринята присяжными, онъ разъяснилъ имъ то, что если воровство и убійство совершены вмѣстѣ, то тогда составъ преступленія составляютъ воровство и убійство.

Не смотря на то, что ему самому хотѣлось поскорѣе отдѣлаться, и швейцарка уже ждала его, онъ такъ привыкъ къ своему занятію, что, начавши говорить, никакъ уже не могъ остановиться, и потому подробно внушалъ присяжнымъ, что если они найдутъ подсудимыхъ виновными, то имѣютъ право признать ихъ виновными, а если найдутъ ихъ невиновными, то имѣютъ право признать ихъ невиновными; если же найдутъ ихъ виновными въ одномъ, но невиновными въ другомъ, то могутъ признать ихъ виновными въ одномъ, но невиновными въ другомъ. Потомъ онъ объяснилъ имъ еще, что, несмотря на то, что право это предоставлено имъ, они должны пользоваться имъ разумно. Хотѣлъ онъ разъяснить также, что, если они на поставленный вопросъ дадутъ отвѣтъ утвердительный, то этимъ отвѣтомъ они признаютъ все то, что̀ поставлено въ вопросѣ, и что если они не признаютъ всего, что̀ поставлено въ вопросѣ, то должны

оговорить то, чего не признают. Но, взглянувъ на часы и увидавъ, что ужъ было безъ пяти минутъ три, рѣшилъ тотчасъ же перейти къ изложенію дѣла.

— Обстоятельства дѣла этого слѣдующія, — началъ онъ, и повторилъ все то, что̀ нѣсколько разъ уже было сказано и защитниками, и товарищемъ прокурора, и свидѣтелями.

Предсѣдатель говорилъ, а по бокамъ его члены, съ глубокомысленнымъ видомъ, слушали и изрѣдка поглядывали на часы, находя его рѣчь хотя и очень хорошею, т. е. такою, какою она должна быть, но нѣсколько длинною. Такого же мнѣнія былъ и товарищъ прокурора, какъ и всѣ вообще судейскіе, и всѣ бывшіе въ залѣ. Предсѣдатель кончилъ резюме.

Казалось, все было сказано. Но предсѣдатель никакъ не могъ разстаться со своимъ правомъ говорить, — такъ ему пріятно было слушать внушительныя интонаціи своего голоса, — и нашелъ нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ о важности того права, которое дано присяжнымъ, и о томъ, какъ они должны со вниманіемъ и осторожностью пользоваться этимъ пра̀вомъ и не злоупотреблять имъ, о томъ, что они принимали присягу, что они — совѣсть общества, и что тайна совѣщательной комнаты должна быть священна и т. д., и т. д.

Съ тѣхъ поръ, какъ предсѣдатель началъ говорить, Маслова, не спуская глазъ, смотрѣла на него, какъ бы боясь проронить каждое слово, а потому Нехлюдовъ не боялся встрѣтиться съ ней глазами и, не переставая, смотрѣлъ на нее. И въ его представленіи происходило то обычное явленіе, что давно не видѣнное лицо любимаго человѣка, сначала поразивъ тѣми внѣшними перемѣнами, которыя произошли за время отсутствія, понемногу дѣлается совершенно такимъ же, какимъ оно было за много лѣтъ тому назадъ, исчезаютъ всѣ происшедшія перемѣны, и передъ духовными очами выступаетъ только главное выраженіе исключитель-

ной, неповторяемой духовной личности. Это самое происходило въ Нехлюдовѣ.

Да, несмотря на арестантскій халатъ, на разжирѣвшее тѣло и выросшую грудь, несмотря на раздавшуюся нижнюю часть лица, на морщинки на лбу и на вискахъ, и на подпухшіе глаза, это была несомнѣнно та самая Катюша, которая въ Свѣтлое Христово Воскресеніе такъ невинно снизу вверхъ смотрѣла на него, любимаго ею человѣка, своими влюбленными, смѣющимися отъ радости и полноты жизни глазами.

„И такая удивительная случайность. Вѣдь надо же, чтобы это дѣло пришлось именно на мою сессію, чтобы я, нигдѣ не встрѣчая ее 10 лѣтъ, встрѣтилъ ее здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. И чѣмъ это все кончится? Поскорѣй, ахъ, поскорѣй бы!“

Онъ все не покорялся тому чувству раскаянія, которое начинало говорить въ немъ. Ему представлялось это случайностью, которая пройдетъ и не нарушитъ его жизни. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи того щенка, который дурно велъ себя въ комнатахъ, и котораго хозяинъ, взявъ за шиворотъ, тычетъ носомъ въ ту гадость, которую онъ сдѣлалъ. Щенокъ визжитъ, тянется назадъ, чтобы уйти какъ можно дальше отъ послѣдствій своего дѣла и забыть о нихъ, но неумолимый хозяинъ не отпускаетъ его. Такъ и Нехлюдовъ чувствовалъ уже всю гадость того, что̀ онъ надѣлалъ, чувствовалъ и могущественную руку хозяина, но онъ все еще не понималъ значенія того, что̀ онъ сдѣлалъ, не признавалъ самого хозяина. Ему все не хотѣлось вѣрить что то, что̀ было передъ нимъ, было его дѣло. Но неумолимая, невидимая рука держала его, и онъ предчувствовалъ уже, что онъ не отвертится. Онъ еще храбрился и, по усвоенной привычкѣ, положивъ ногу на ногу и небрежно играя своимъ pince-nez, въ самоувѣренной позѣ сидѣлъ на своемъ второмъ стулѣ перваго ряда. А между тѣмъ, въ глубинѣ души, онъ уже чувствовалъ всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но всей

своей праздной, развратной, жестокой и самовольной жизни, и та страшная завѣса, которая какимъ-то чудомъ все это время, всѣ эти 12-ть лѣтъ скрывала отъ него и это его преступленіе, и всю его послѣдующую жизнь, уже колебалась, и онъ урывками уже заглядывалъ за нее!

XXIII.

Наконецъ, предсѣдатель кончилъ свою рѣчь и, граціознымъ движеніемъ поднявъ вопросный листъ, передалъ его подошедшему къ нему старшинѣ. Присяжные встали, радуясь тому, что можно уйти, и, не зная что дѣлать съ своими руками, точно стыдясь чего-то, одинъ за другимъ пошли въ совѣщательную компату. Только что затворилась за ними дверь, жандармъ подошелъ къ этой двери и, выхвативъ саблю изъ ноженъ и взявъ на плечо, сталъ у двери. Судьи поднялись и ушли. Подсудимыхъ тоже вывели.

Войдя въ совѣщательную комнату, присяжные, какъ и прежде, первымъ дѣломъ достали папиросы и стали курить. Неестественность и фальшь ихъ положенія, которыя они въ большей или меньшей степени испытывали, сидя въ залѣ на своихъ мѣстахъ, прошла, какъ только они вошли въ совѣщательную комнату и закурили папиросы, и они, съ чувствомъ облегченія, размѣстились въ ней, и тотчасъ же начался оживленный разговоръ.

— Дѣвчонка не виновата, запуталась, — сказалъ добродушный купецъ, — надо снисхожденіе дать.

— Вотъ это и обсудимъ, — возразилъ старшина. — Мы не должны поддаваться нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ.

— Хорошее резюме сказалъ предсѣдатель, — замѣтилъ полковникъ.

— Ну, хорошее! Я чуть не заснулъ.

— Главное дѣло въ томъ, что прислуга не могла знать о деньгахъ, если бы Маслова не была съ ними согласна, — сказалъ приказчикъ еврейскаго типа.

— Такъ что же, по-вашему, она украла? — спросилъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Ни за что не повѣрю, — закричалъ добродушный купецъ: — а все эта шельма красноглазая нашкодила.

— Всѣ хороши, — сказалъ полковникъ.

— Да вѣдь она говоритъ, что не входила въ номеръ.

— А вы больше вѣрьте ей. Я этой стервѣ ни въ жизнь не повѣрилъ бы.

— Да что же, вѣдь этого мало, что вы не повѣрили бы, — сказалъ приказчикъ.

— Ключъ у нея былъ.

— Что жъ, что у ней? — возражалъ купецъ.

— А перстень?

— Да вѣдь она сказывала, — опять закричалъ купецъ. — Купчина характерный, да еще выпивши, вздулъ ее. Ну, а потомъ, извѣстно, пожалѣлъ. На, молъ, не плачь. Человѣкъ вѣдь какой, слышалъ я, чай, 12 вершковъ, пудовъ отъ 8-ми.

— Не въ томъ дѣло, — перебилъ Петръ Герасимовичъ, — вопросъ въ томъ: она ли подговорила и затѣяла все дѣло, или прислуга?

— Не можетъ прислуга одна сдѣлать. Ключъ у ней былъ.

Несвязная бесѣда шла довольно долго.

— Да позвольте, господа, — сказалъ старшина. — Сядемте за столъ и обсудимте. Пожалуйте, — сказалъ онъ, садясь на предсѣдательское мѣсто.

— Тоже мерзавки — эти дѣвчонки, — сказалъ приказчикъ, и, въ подтвержденіе мнѣнія о томъ, что главная виновница Маслова, разсказалъ, какъ одна такая украла на бульварѣ часы у его товарища.

Полковникъ по этому случаю сталъ разсказывать про еще болѣе поразительный случай воровства серебрянаго самовара.

— Господа, прошу по вопросамъ, — сказалъ старшина, постукивая карандашомъ по столу.

Всѣ замолкли. Вопросы эти были выражены такъ:

1) Виновенъ-ли крестьянинъ села Борковъ, Крапивенскаго уѣзда, Симонъ Петровъ Картинкинъ, — 33 лѣтъ, въ томъ, что 17-го Января, 188*** года, въ городѣ N., замысливъ лишить жизни купца Смѣлькова, съ цѣлью ограбленія его, по соглашенію съ другими лицами, далъ ему въ коньякѣ яду, отчего и послѣдовала смерть Смѣлькова, и похитилъ у него деньгами около 2500 рублей и брильянтовый перстень?

2) Виновна-ли въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ, мѣщанка Евфимія Иванова Бочкова — 43 лѣтъ?

3) Виновна-ли въ преступленіи, описаномъ въ первомъ вопросѣ, мѣщанка Екатерина Михайлова Маслова — 27 лѣтъ?

4) Если подсудимая Евфимія Бочкова не виновна по первому вопросу, то не виновна-ли она въ томъ, что 17-го Января, 188*** года, въ городѣ N., состоя въ услуженіи при гостиницѣ „Мавританія", тайно похитила изъ запертаго чемодана постояльца той гостиницы, купца Смѣлькова, находившагося въ его номерѣ, 2500 рублей денегъ, для чего отперла чемоданъ на мѣстѣ принесеннымъ и подобраннымъ ею ключемъ?

Старшина прочелъ первый вопросъ.

— Ну какъ, господа?

На этотъ вопросъ отвѣтили очень скоро. Всѣ согласились отвѣтить: „да, виновенъ", признавъ его участникомъ и отравленія, и похищенія. Не соглашался признать виновнымъ Картинкина — только одинъ старый артельщикъ, который на всѣ вопросы отвѣчалъ въ смыслѣ оправданія.

Старшина думалъ, что онъ не понимаетъ, и объяснилъ ему, что по всему несомнѣнно, что Картинкинъ и Бочкова — виновны, но артельщикъ отвѣчалъ, что онъ понимаетъ, но что все лучше пожалѣть. „Мы сами не святые", — сказалъ онъ, и такъ и остался при своемъ мнѣніи.

На второй вопросъ о Бочковой, послѣ долгихъ толковъ и разъясненій, отвѣтили: „не виновна", такъ какъ не было явныхъ доказательствъ ея участія въ отравленіи, на что̀ особенно налегалъ ея адвокатъ.

Купецъ, желая оправдать Маслову, настаивалъ на томъ, что Бочкова—главная заводчица всего. Многіе присяжные согласились съ нимъ, но старшина, желая быть строго законнымъ, говорилъ, что нѣтъ основанія признать её участницей въ отравленіи.

Послѣ долгихъ споровъ, мнѣніе старшины восторжествовало.

На 4-ый вопросъ о Бочковой-же, отвѣтили: „да, виновна“, и, по настоянію артельщика, прибавили: „но заслуживаетъ снисхожденія“.

Третій же вопросъ — о Масловой вызвалъ ожесточенный споръ. Старшина настаивалъ на томъ, что она виновна и въ отравленіи, и въ грабежѣ, купецъ не соглашался и съ нимъ вмѣстѣ полковникъ, приказчикъ и артельщикъ, — остальные какъ будто колебались, но мнѣніе старшины начинало преобладать, въ особенности потому, что всѣ присяжные устали и охотнѣе примыкали къ тому мнѣнію, которое обѣщало скорѣе соединить, а потому и освободить всѣхъ.

По всему тому, что̀ происходило на судебномъ слѣдствіи, и по тому, какъ зналъ Нехлюдовъ Маслову, онъ былъ убѣжденъ, что она невиновна ни въ похищеніи, ни въ отравленіи, и сначала былъ увѣренъ, что всѣ признаютъ это, но когда онъ увидалъ, что, вслѣдствіе неловкой защиты купца, очевидно, основанной на томъ, что Маслова физически нравилась ему, чего онъ и не скрывалъ, и вслѣдствіе отпора, на этомъ именно основаніи старшины и, главное, вслѣдствіе усталости всѣхъ, рѣшеніе стало склоняться къ обвиненію, онъ хотѣлъ возражать, но ему страшно было говорить за Маслову,—ему казалось, что всѣ сейчасъ узнаютъ его отношенія къ ней. А, между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что не можетъ оставить дѣло такъ, и долженъ возражать. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ и только что хотѣлъ начать говорить, какъ Петръ Герасимовичъ, до этого времени молчаливый, очевидно раздраженный авторитетнымъ тономъ старши-

ны, вдругъ началъ возражать ему и говорить то самое, что̀ хотѣлъ сказать Нехлюдовъ.

— Позвольте, — сказалъ онъ, — вы говорите, что она украла потому, что у ней ключъ былъ, да развѣ не могли корридорные послѣ нея отпереть чемоданъ подобраннымъ ключомъ.

— Ну да, ну да, — поддакивалъ купецъ.

— Она же не могла взять денегъ, потому что ей въ ея положеніи некуда дѣвать ихъ.

— Вотъ и я говорю, — подтвердилъ купецъ.

— А скорѣе ея пріѣздъ подалъ мысль корридорнымъ, и они воспользовались случаемъ, а потомъ все свалили на нее.

Петръ Герасимовичъ говорилъ раздражительно. И раздражительность его сообщилась старшинѣ, который вслѣдствіе этого особенно упорно сталъ отстаивать свое противоположное мнѣніе, но Петръ Герасимовичъ говорилъ такъ убѣдительно, что большинство согласилось съ нимъ, признавъ, что Маслова не участвовала въ похищеніи денегъ и перстня, что перстень былъ ей подаренъ.

Когда же зашла рѣчь объ ея участіи въ отравленіи, то опять горячій заступникъ ея, купецъ, сказалъ, что надо ее признать невиновной, такъ какъ ей незачѣмъ было отравлять его. Старшина же сказалъ, что нельзя признать ее невиновной, такъ какъ она сама созналась, что дала порошокъ.

— Дала, но думала, что это опіумъ, — возразилъ купецъ.

— Она и опіумомъ могла лишить жизни, — сказалъ полковникъ, любившій вдаваться въ отступленія, и началъ при этомъ случаѣ разсказывать о томъ, что у его шурина жена отравилась опіумомъ и умерла бы, если бы не близость доктора и принятыя во время мѣры. Полковникъ разсказывалъ такъ внушительно, самоувѣренно и съ такимъ достоинствомъ, что ни у кого не хватало духа перебить его. Только приказчикъ, заразившись примѣромъ, рѣшился перебить его, чтобы разсказать свою исторію.

— Такъ привыкаютъ другіе, — началъ онъ, — что могутъ сорокъ капель принимать, у меня родственникъ . . .

Но полковникъ не далъ перебить себя и продолжалъ разсказъ о послѣдствіяхъ вліянія опіума на жену его шурина.

— Да вѣдь уже пятый часъ, господа, — сказалъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Такъ какъ же, господа, — обратился ко всѣмъ старшина:—признаемъ виновной, но безъ умысла ограбленія, и имущества не похищала.

— Такъ что-ли?

Петръ Герасимовичъ, довольный своей побѣдой, согласился.

— Но заслуживаетъ снисхожденія, — прибавилъ купецъ.

Всѣ согласились, только артельщикъ настаивалъ на томъ, чтобы сказать: нѣтъ, невиновна.

— Да вѣдь оно такъ и выходитъ, — разъяснилъ старшина, — безъ умысла ограбленія и имущества не похищала, стало быть и не виновна.

— Валяй такъ: и заслуживаетъ снисхожденія; значитъ — что̀ останется, послѣднее счиститъ — весело проговорилъ купецъ.

Всѣ такъ устали, такъ запутались въ спорахъ, что никто не догадался прибавить къ отвѣту: — да, но безъ намѣренія лишить жизни.

Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что тоже не замѣтилъ этого. Въ этой формѣ отвѣты и были записаны и внесены въ залу суда.

Раблэ пишетъ, что юристъ, къ которому пришли судиться, послѣ указанія на всевозможные законы, и по прочтеніи двадцати страницъ юридической безсмысленной латыни, предложилъ судящимся кинуть кости: четъ или нечетъ. Если четъ, то правъ истецъ, если нечетъ, то правъ отвѣтчикъ.

Такъ было и здѣсь. Это, а не другое, рѣшеніе принято было не потому, что всѣ согласились, а, во-первыхъ, потому, что предсѣдательствующій, говорившій такъ долго свое

резюме, въ этотъ разъ упустилъ сказать то, что̀ онъ всегда говорилъ, а именно то, что, отвѣчая на вопросъ, они могутъ сказать: да — виновна, но безъ намѣренія лишить жизни; во-вторыхъ, потому, что полковникъ очень длинно и скучно разсказывалъ исторію жены своего шурина; въ-третьихъ потому, что Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ упущенія оговорки объ отсутствіи намѣренія лишить жизни и думалъ, что оговорка: безъ умысла ограбленія уничтожаетъ обвиненіе; въ-четвертыхъ потому, что Петръ Герасимовичъ не былъ въ комнатѣ, — онъ выходилъ въ то время, какъ старшина перечелъ вопросы и отвѣты; и, главное, потому, что всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось скорѣй освободиться и потому согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ, при которомъ все скорѣй кончается.

Присяжные позвонили. Жандармъ, стоявшій съ саблей наголо у двери, вложилъ саблю въ ножны и посторонился. Судьи сѣли на мѣста, и одинъ за другимъ вышли присяжные.

Старшина съ торжественнымъ видомъ несъ листъ. Онъ подошелъ къ предсѣдателю и подалъ его. Предсѣдатель прочелъ и, видимо удивленный, развелъ руками и обратился къ товарищамъ, совѣщаясь. Предсѣдатель былъ удивленъ тѣмъ, что присяжные, оговоривъ первое условіе: безъ умысла ограбленія,—не оговорили второго: безъ намѣренія лишить жизни. Выходило по рѣшенію присяжныхъ, что Маслова не воровала, не грабила, а вмѣстѣ съ тѣмъ отравила человѣка безъ всякой видимой цѣли.

— Посмотрите, какую они нелѣпость вынесли, — сказалъ онъ члену налѣво. — Вѣдь это каторжныя работы, а она не виновата.

— Ну, какъ не виновата, — сказалъ строгій членъ.

— Да просто не виновата. По моему, это случай примѣненія 818 статьи. (818 статья гласитъ о томъ, что если судъ найдетъ обвиненіе несправедливымъ, то онъ можетъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ.)

— Какъ вы думаете, — обратился предсѣдатель къ доброму члену.

Добрый членъ не сразу отвѣтилъ, онъ взглянулъ на № бумаги, которая лежала передъ нимъ, и сложилъ цифры, — не удалось на три. Онъ загадалъ, что если дѣлится, то онъ согласится; но не смотря на то, что не дѣлилось, онъ, по добротѣ своей, согласился.

— Я думаю тоже, что слѣдовало бы, — сказалъ онъ.

— А вы? — обратился предсѣдатель къ сердитому члену.

— Ни въ какомъ случаѣ, — отвѣчалъ онъ рѣшительно. — И такъ газеты говорятъ, что присяжные оправдываютъ преступниковъ, чтȏ же заговорятъ, когда судъ оправдаетъ. Я не согласенъ ни въ какомъ случаѣ.

Предсѣдатель посмотрѣлъ на часы.

— Жаль, но чтȏ же дѣлать, — и подалъ вопросы старшинѣ для прочтенія.

Всѣ встали, и старшина, переминаясь съ ноги на ногу, откашлялся и прочелъ вопросы и отвѣты. Всѣ судейскіе: секретарь, адвокаты, даже прокуроръ выразили удивленіе.

Подсудимые сидѣли невозмутимо, очевидно, не понимая значенія отвѣтовъ. Опять всѣ сѣли, и предсѣдатель спросилъ прокурора: какимъ наказаніямъ онъ полагаетъ подвергнуть подсудимыхъ.

Прокуроръ, обрадованный неожиданнымъ успѣхомъ относительно Масловой, приписывая этотъ успѣхъ своему краснорѣчію, справился гдѣ-то, привсталъ и сказалъ:

— Симона Картинкина полагалъ бы подвергнуть на основаніи статьи 1452-й и 4 п. 1453, Евфимію Бочкову, на основаніи статьи 1659 и Екатерину Маслову на основаніи статьи 1454.

Всѣ наказанія эти были самыя строгія, которыя только можно было положить.

— Судъ удалится для постановленія рѣшенія, — сказалъ предсѣдатель, вставая.

Всѣ поднялись за нимъ, и съ облегченнымъ и пріятнымъ чувствомъ совершеннаго хорошаго дѣла стали выходить или передвигаться по залѣ.

— А вѣдь мы, батюшка, постыдно наврали, — сказалъ Петръ Герасимовичъ, подойдя къ Нехлюдову, которому старшина разсказывалъ что-то. — Вѣдь мы ее въ каторгу закатали.

— Что вы говорите? — вскрикнулъ Нехлюдовъ, на этотъ разъ не замѣчая вовсе непріятной фамильярности учителя.

— Да какъ же, — сказалъ онъ. — Мы не поставили въ отвѣтѣ — виновна, но безъ намѣренія лишить жизни. Мнѣ сейчасъ секретарь говорилъ, прокуроръ подводитъ ее подъ 15 лѣтъ каторги.

— Да вѣдь такъ рѣшили, — сказалъ старшина.

Петръ Герасимовичъ началъ спорить, говоря, что само собой подразумѣвалось, что такъ какъ она не брала денегъ, то она и не могла имѣть намѣренія лишить жизни.

— Да вѣдь я прочелъ отвѣты передъ тѣмъ, какъ выходить, — оправдывался старшина. — Никто не возражалъ.

— Я въ это время выходилъ изъ комнаты, — сказалъ Петръ Герасимовичъ. — А вы то какъ прозѣвали?

— Я никакъ не думалъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Вотъ и не думали.

— Да это можно поправить, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну нѣтъ, — теперь кончено.

Нехлюдовъ посмотрѣлъ на подсудимыхъ. Они, тѣ самые, чья судьба рѣшилась, все такъ же неподвижно сидѣли за своей рѣшеткой передъ солдатами. Маслова улыбалась чему-то. И въ душѣ Нехлюдова шевельнулось дурное чувство. Передъ тѣмъ, предвидя ея оправданіе и оставленіе въ городѣ, онъ былъ въ нерѣшительности, какъ отнестись къ ней. И отношеніе къ ней было трудно; — каторга же и Сибирь сразу уничтожали возможность всякаго отношенія къ ней. — Недобитая птица перестала бы трепаться въ ягдташѣ и напоминать о себѣ.

XXIV.

Предположенія Петра Герасимовича были справедливы.

Вернувшись изъ совѣщательной комнаты, предсѣдатель взялъ бумагу и прочелъ:

„188*** года, апрѣля 28 дня, по указу Его Императорскаго Величества N... Окружный Судъ, по уголовному отдѣленію, въ силу рѣшенія г-дъ присяжныхъ засѣдателей, на основаніи 3 п. ст. 771-й, 3 п. ст. 776 и ст. 777-й Уст. Уголов. Судопр., опредѣлилъ: крестьянина Симона Картинкина, 33 лѣтъ и мѣщанку Екатерину Маслову, 27 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Картинкина на 8 лѣтъ, а Маслову на 4 года, съ послѣдствіями для обоихъ по 25 ст. Уложенія. Мѣщанку же Евфимію Бочкову—43 лѣтъ, лишивъ всѣхъ особенныхъ, — лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму, срокомъ на 3 года, съ послѣдствіями по 49 ст. Уложенія. — Судебныя по сему дѣлу издержки возложить по равной части на осужденныхъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности принять на счетъ казны.

Вещественныя по дѣлу сему доказательства продать, кольцо возвратить, стклянки уничтожить.

Картинкинъ стоялъ, также вытягиваясь, держа руки съ оттопыренными пальцами по швамъ и шевеля щеками. Бочкова казалась совершенно спокойной. Услыхавъ рѣшенье, Маслюва багрово покраснѣла.

— Не виновата я, не виновата, — вдругъ на всю залу вскрикнула она. — Грѣхъ это. Не виновата я. Не хотѣла, не думала. Вѣрно говорю. Вѣрно. — И, опустившись на лавку, она громко зарыдала.

Когда Картинкинъ и Бочкова вышли, она все еще сидѣла на мѣстѣ и плакала, такъ что жандармъ долженъ былъ тронуть ее за рукавъ халата.

— Нѣтъ, это невозможно такъ оставить, — сказалъ себѣ Нехлюдовъ, совершенно забывъ свое дурное чувство и, самъ

не зная зачѣмъ, поспѣшилъ въ корридоръ еще разъ взглянуть на нее.

Въ дверяхъ тѣснилась оживленная толпа выходившихъ присяжныхъ и адвокатовъ, довольныхъ окончаніемъ дѣла, такъ что онъ нѣсколько минутъ задержался въ дверяхъ. Когда же онъ вышелъ въ корридоръ, Маслова уже была далеко. Скорыми шагами, не думая о томъ вниманіи, которое онъ обращалъ на себя, онъ догналъ и обогналъ ее, и остановился. Она уже перестала плакать и только порывисто всхлипывала, отирая покраснѣвшее пятнами лицо концомъ косынки, и прошла мимо него, не оглядываясь. Пропустивъ ее, онъ поспѣшно вернулся назадъ, чтобы увидать предсѣдателя, но предсѣдатель уже ушелъ, и Нехлюдовъ нагналъ его только въ швейцарской.

— Господинъ предсѣдатель, — сказалъ Нехлюдовъ, подходя къ нему въ ту минуту, когда тотъ уже надѣлъ свѣтлое пальто и бралъ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, подаваемую швейцаромъ: — могу я поговорить съ вами о дѣлѣ, которое сейчасъ рѣшилось? Я присяжный.

— Да, какъ же, князь Нехлюдовъ? Очень пріятно, мы уже встрѣчались, — сказалъ предсѣдатель, пожимая руку и съ удовольствіемъ вспоминая, какъ хорошо и весело онъ танцовалъ, лучше всѣхъ молодыхъ въ тотъ вечеръ, какъ встрѣтился съ Нехлюдовымъ. — Чѣмъ могу служить?

— Вышло недоразумѣніе въ отвѣтѣ относительно Масловой. Она невиновна въ отравленіи, а между тѣмъ ее приговорили къ каторгѣ, — съ сосредоточенно мрачнымъ видомъ сказалъ Нехлюдовъ.

— Судъ постановилъ рѣшеніе на основаніи отвѣтовъ, данныхъ вами же, возразилъ предсѣдатель, подвигаясь къ выходной двери: — хотя отвѣты и суду показались несоотвѣтственными дѣлу.

Онъ вспомнилъ, что хотѣлъ разъяснить присяжнымъ то, что ихъ отвѣтъ: „да — виновна“, безъ отрицанія умысла

убійства, утверждаетъ убійство съ умысломъ, но, торопясь кончить, не сдѣлалъ этого.

— Да, но развѣ нельзя поправить ошибку?

— Поводъ къ кассаціи всегда найдется. Надо обратиться къ адвокатамъ, — сказалъ предсѣдатель, немножко набокъ надѣвая шляпу и продолжая двигаться къ выходу.

— Но вѣдь это ужасно.

— Видите ли, Масловой предстояло одно изъ двухъ, — очевидно, желая быть какъ можно пріятнѣе и учтивѣе съ Нехлюдовымъ, сказалъ предсѣдатель, расправивъ бакенбарды сверхъ воротника пальто, и, взявъ его слегка подъ локоть и направляя къ выходной двери, продолжалъ: — вы вѣдь тоже идете?

— Да, — сказалъ Нехлюдовъ, поспѣшно одѣваясь и пошелъ съ нимъ.

Они вышли на яркое веселящее солнце, и тотчасъ же надо было говорить громче отъ грохота колесъ по мостовой.

— Положеніе, изволите видѣть, странное, — продолжалъ предсѣдатель, возвышая голосъ: — ей, этой Масловой, предстояло одно изъ двухъ: или почти оправданіе, тюремное заключеніе, въ которое могло быть зачислено и то, что она уже сидѣла, даже только арестъ, или каторга, — середины нѣтъ. Если бы вы прибавили слова: „но безъ намѣренія причинить смерть,“ то она была бы оправдана.

— Я непростительно упустилъ это, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Вотъ въ этомъ все дѣло, — улыбаясь сказалъ предсѣдатель, глядя на часы.

Оставалось только три четверти часа до послѣдняго срока, назначеннаго Кларой.

— Теперь, если хотите, обратитесь къ адвокату. Нужно найти поводъ къ кассаціи. Это всегда можно найти. На Дворянскую, — отвѣчалъ онъ извозчику: — 30 копѣекъ, никогда больше не плачу.

— Ваше превосходительство, пожалуйте.

— Мое почтеніе. Если могу чѣмъ служить, домъ Дворникова, на Дворянской, легко запомнить.

И онъ, ласково поклонившись, уѣхалъ.

XXV.

Разговоръ съ предсѣдателемъ и чистый воздухъ нѣсколько успокоили Нехлюдова. Онъ подумалъ теперь, что испытываемое имъ чувство было имъ преувеличено, вслѣдствіе всего утра, проведеннаго въ такихъ непривычныхъ условіяхъ.

„Разумѣется, удивительное и поразительное совпаденіе! И необходимо сдѣлать все возможное, чтобы облегчить ея участь, и сдѣлать это скорѣе. Сейчасъ же. Да, надо тутъ въ судѣ узнать, гдѣ живетъ Фанаринъ или Микишинъ.“ Онъ впомнилъ двухъ извѣстныхъ адвокатовъ.

Нехлюдовъ вернулся въ судъ, снялъ пальто и пошелъ наверхъ. Въ первомъ же корридорѣ онъ встрѣтилъ Фанарина. Онъ остановилъ его и сказалъ, что имѣетъ до него дѣло. Фанаринъ зналъ его въ лицо и по имени и сказалъ, что очень радъ сдѣлать все пріятное.

— Хотя я и усталъ... но если не долго, то скажите мнѣ ваше дѣло, — пойдемте сюда.

И Фанаринъ ввелъ Нехлюдова въ какую-то комнату, вѣроятно, кабинетъ какого-нибудь судьи. Они сѣли у стола.

— Ну-съ, въ чемъ дѣло?

— Прежде всего я буду васъ просить, — сказалъ Нехлюдовъ, — о томъ, чтобы никто не зналъ, что я принимаю участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Ну это само собой разумѣется. И такъ...

— Я нынче былъ присяжнымъ, и мы осудили женщину въ каторжныя работы, — невинную. Меня это мучаетъ.

Нехлюдовъ неожиданно для себя покраснѣлъ и замялся. Фанаринъ блеснулъ на него глазами, и опять опустилъ ихъ, слушая.

— Ну-съ, — только проговорилъ онъ.

— Осудили невинную, и я желалъ бы кассировать дѣло и перенести его въ высшую инстанцію.

— Въ Сенатъ, — поправилъ Фанаринъ.

— И вотъ я прошу васъ взяться за это.

Нехлюдовъ хотѣлъ кончить поскорѣе самое трудное и потому тутъ же сказалъ:

— Вознагражденіе, расходы по этому дѣлу я беру на себя, какіе бы они ни были, — сказалъ онъ, краснѣя.

— Ну, это мы условимся, — снисходительно улыбаясь его неопытности, сказалъ адвокатъ.

— Въ чемъ же дѣло?

Нехлюдовъ разсказалъ.

— Хорошо-съ, завтра я возьму дѣло и просмотрю его. А послѣ завтра, нѣтъ, въ четвергъ, пріѣзжайте ко мнѣ въ шесть часовъ вечера, и я дамъ вамъ отвѣтъ. Такъ такъ? Ну и пойдемте, мнѣ еще тутъ нужны справки.

Нехлюдовъ простился съ нимъ и вышелъ.

Бесѣда съ адвокатомъ и то, что онъ принялъ уже мѣры для защиты Масловой, еще болѣе успокоили его. Онъ вышелъ на улицу погода была прекрасная, онъ радостно вдохнулъ весенній воздухъ. Извозчики предлагали свои услуги, но онъ пошелъ пѣшкомъ, и тотчасъ же цѣлый рой мыслей и воспоминаній о Катюшѣ и объ его поступкѣ съ ней закружились въ его головѣ. И ему стало уныло, и все показалось мрачно. „Нѣтъ, это я обдумаю послѣ“, сказалъ онъ себѣ, „а теперь, напротивъ, надо развлечься отъ тяжелыхъ впечатлѣній“.

Онъ вспомнилъ объ обѣдѣ у Корчагиныхъ и взглянулъ на часы. Было еще не поздно, и онъ могъ поспѣть къ обѣду. Мимо звонила конка. Онъ пустился бѣжать и вскочилъ въ нее. На площади онъ соскочилъ, взялъ хорошаго извозчика и черезъ десять минутъ былъ у крыльца большого дома Корчагиныхъ

XXVI.

— Пожалуйте, ваше сіятельство! ожидаютъ — сказалъ ласковый жирный швейцаръ большого дома Корчагиныхъ, отворяя безшумно двигавшуюся на англійскихъ петляхъ

дубовую дверь подъѣзда. — Кушаютъ, только васъ велѣно просить.

Швейцаръ подошелъ къ лѣстницѣ и позвонилъ наверхъ.

— Кто-нибудь есть? — спросилъ Нехлюдовъ, раздѣваясь.

— Г. Колосовъ, да Михаилъ Сергѣевичъ, а то всѣ свои, — отвѣчалъ швейцаръ.

Съ лѣстницы выглянулъ красавецъ-лакей, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, — сказалъ онъ. — Приказано просить.

Нехлюдовъ вошелъ на лѣстницу и по знакомой, великолѣпной и просторной залѣ прошелъ въ столовую. Въ столовой за столомъ сидѣло все семейство, за исключеніемъ матери, княгини Софьи Васильевны, никогда не выходившей изъ своего кабинета. Вверху стола сидѣлъ старикъ Корчагинъ, рядомъ съ нимъ, съ лѣвой стороны, докторъ, съ другой — гость Иванъ Ивановичъ Колосовъ, бывшій губернскій предводитель, теперь членъ правленія банка, либеральный товарищъ Корчагина; потомъ съ лѣвой стороны, — miss Редеръ, гувернантка маленькой сестры Мисси, и сама 4-хъ-лѣтняя дѣвочка; съ правой, напротивъ — братъ Мисси, единственный сынъ Корчагиныхъ, гимназистъ VI-го класса, Петя, для котораго вся семья, ожидая его экзаменовъ, оставалась въ городѣ, и студентъ-репетиторъ; потомъ слѣва — Катерина Алексѣевна, 40-лѣтняя дѣвица-славянофилка; напротивъ — Михаилъ Сергѣевичъ или Миша Телѣгинъ, двоюродный братъ Мисси, и внизу стола сама Мисси и подлѣ нея нетронутый приборъ.

— Ну вотъ и прекрасно. Садитесь, мы еще только за рыбой, — съ трудомъ и осторожно жуя вставными зубами, проговорилъ старикъ Корчагинъ, поднимая на Нехлюдова налитые кровью безъ видимыхъ вѣкъ глаза.

— Степанъ, — обратился онъ съ полнымъ ртомъ къ толстому величественному буфетчику, указывая глазами на

пустой приборъ. Хотъ Нехлюдовъ хорошо зналъ и много разъ и за обѣдомъ видалъ стараго Корчагина, нынче какъ то особенно непріятно поразило его это красное лицо съ чувственными смакующими губами, надъ заложенной за жилетъ салфеткой, и жирная шея, а главное, — вся эта упитанная, военная, генеральская фигура.

Нехлюдовъ невольно вспомнилъ то, что̀ зналъ о жестокости этого человѣка, который Богъ знаетъ для чего, — такъ какъ онъ былъ богатъ и знатенъ, и ему не нужно бы выслуживаться, — сѣкъ и даже вѣшалъ людей, когда былъ начальникомъ края.

— Сію минуту подадутъ, ваше сіятельство, — сказалъ Степанъ, доставая изъ буфета, уставленнаго серебряными вазами, большую разливательную ложку и кивая красавцу лакею съ бакенбардами, который сейчасъ же сталъ оправлять рядомъ съ Мисси нетронутый приборъ, покрытый искусно сложенной, крахмаленной, съ торчащимъ гербомъ, салфеткой.

Нехлюдовъ обошелъ весь столъ, всѣмъ пожимая руки. Всѣ, кромѣ стараго Корчагина и дамъ, вставали, когда онъ подходилъ къ нимъ. И это обхожденіе стола и пожиманіе рукъ всѣмъ присутствующимъ, хотя съ большинствомъ изъ нихъ онъ никогда не разговаривалъ, показалось ему нынче особенно непріятнымъ и смѣшнымъ. Онъ извинился за то, что опоздалъ, и хотѣлъ сѣсть на пустое мѣсто на концѣ стола между Мисси и Катериной Алексѣевной, но старикъ Корчагинъ потребовалъ, чтобы онъ, если уже не пьетъ водки, то все-таки закусилъ бы у стола, на которомъ были омары, икра, сыры, селедки. Нехлюдовъ не ожидалъ того, что онъ такъ голоденъ, но начавши ѣсть хлѣбъ съ сыромъ, не могъ остановиться и жадно ѣлъ.

— Ну, что же, подрывали основы? — сказалъ Колосовъ, иронически употребляя выраженіе ретроградной газеты, возстававшей противъ суда присяжныхъ. — Оправдали виноватыхъ, обвинили невинныхъ, да?

— Подрывали основы... Подрывали основы... — повто-

рилъ, смѣясь, князь, питавшій неограниченное довѣріе къ уму и учености своего либеральнаго товарища и друга.

Нехлюдовъ, рискуя быть неучтивымъ, ничего не отвѣтилъ Колосову и, сѣвъ за поданный дымящійся супъ, продолжалъ жевать.

— Дайте же ему поѣсть, — улыбаясь, сказала Мисси, этимъ мѣстоимѣніемъ „ему“ напоминая свою съ нимъ близость.

Колосовъ между тѣмъ бойко и громко разсказывалъ содержаніе возмутившей его статьи противъ суда присяжныхъ. Ему поддакивалъ Михаилъ Сергѣевичъ, племянникъ, и разсказалъ содержаніе другой статьи той же газеты.

Мисси, какъ всегда, была очень distinguée, и хорошо, незамѣтно хорошо одѣта.

— Вы должно-быть страшно устали, голодны, — сказала она Нехлюдову, дождавшись, чтобъ онъ прожевалъ.

— Нѣтъ, не особенно. А вы? ѣздили смотрѣть картины? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мы отложили. А мы были на lawn tennis'ѣ у Саламатовыхъ. И дѣйствительно, мистеръ Круксъ удивительно играетъ.

Нехлюдовъ пріѣхалъ сюда, чтобы развлечься, и всегда ему въ этомъ домѣ бывало пріятно, не только вслѣдствіе того хорошого тона роскоши, которая пріятно дѣйствовала на его чувства, но и вслѣдствіе той атмосферы льстивой ласки, которая незамѣтно окружала его. Нынче же, удивительное дѣло, все въ этомъ домѣ было противно ему, все, начиная отъ швейцара, широкой лѣстницы, цвѣтовъ, лакеевъ, убранства стола, до самой Мисси, которая нынче казалась ему непривлекательной и ненатуральной. Ему непріятенъ былъ и этотъ самоувѣренный, пошлый, либеральный тонъ Колосова, непріятна была бычачья, самоувѣренная, чувственная фигура старика Корчагина, непріятны были французскія фразы славянофилки Катерины Алексѣевны, непріятны были стѣсненныя лица гувернантки и репетитора, особенно непріятно было мѣстоименіе „ему“, сказанное о немъ... Не-

хлюдовъ всегда колебался между двумя отношеніями къ Мисси: то онъ, какъ бы прищуриваясь, или какъ бы при лунномъ свѣтѣ видѣлъ въ ней все прекрасное: она казалась ему и свѣжа, и красива, и умна, и естественна... А то вдругъ онъ, какъ бы при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, видѣлъ, — не могъ не видѣть всего того, чего недоставало ей. Нынче былъ для него такой день. Онъ видѣлъ всѣ морщинки на ея лицѣ, зналъ, видѣлъ, какъ взбиты волосы, видѣлъ остроту локтей, и, главное, видѣлъ широкій ноготь большого пальца, напоминавшій такой же ноготь отца.

— Прескучная игра, — сказалъ Колосовъ о тэннисѣ: — гораздо веселѣе была лапта, какъ мы играли въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, вы не испытали. Это страшно увлекательно, — возразила Мисси, особенно ненатурально произнося слово „страшно“, какъ показалось Нехлюдову.

И начался споръ, въ которомъ приняли участіе и Михаилъ Сергѣевичъ, и Катерина Алексѣевна. Только гувернантка, репетиторъ и дѣти молчали и, видимо, скучали.

— Вѣчно спорятъ! — громко хохоча, проговорилъ старикъ Корчагинъ, вынимая салфетку изъ-за жилета и, гремя стуломъ, который тотчасъ же подхватилъ лакей, всталъ изъ за стола. За нимъ встали и всѣ остальные, и подошли къ столику, гдѣ стояли полоскательницы, и налита была теплая душистая вода и, выполаскивая рты, продолжали никому не интересный разговоръ.

— Не правда-ли? — обратилась Мисси къ Нехлюдову, вызывая его на подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что ни въ чемъ такъ не виденъ характеръ людей, какъ въ игрѣ. Она замѣтила на его лицѣ то сосредоточенное и, какъ ей казалось, осудительное выраженіе, котораго она боялась въ немъ и хотѣла узнать, чѣмъ оно вызвано.

— Право не знаю, я никогда не думалъ объ этомъ, — отвѣчалъ Нехлюдовъ.

— Пойдете къ мама? — спросила Мисси.

— Да, да — сказалъ онъ, доставая папироску и такимъ

тономъ, который явно говорилъ, что ему не хотѣлось бы идти.

Она, молча, вопросительно посмотрѣла на него, и ему стало совѣстно. „Въ самомъ дѣлѣ, пріѣхать къ людямъ для того, чтобы наводить на нихъ скуку“, подумалъ онъ о себѣ и, стараясь быть любезнымъ, сказалъ, что съ удовольствіемъ пойдетъ, если княгиня приметъ.

— Да, да, мама будетъ рада. Курить и тамъ можете. И Иванъ Ивановичъ тамъ.

Хозяйка дома, княгиня Софья Васильевна была лежачая дама. Она восьмой годъ при гостяхъ лежала, въ кружевахъ и лентахъ, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цвѣтовъ, и никуда не ѣздила, и принимала, какъ она говорила, только „своихъ друзей“, т. е. все то, что̀, по ея мнѣнію, чѣмъ-нибудь выдѣлялось изъ толпы. Нехлюдовъ былъ въ числѣ этихъ друзей и потому, что онъ считался умнымъ молодымъ человѣкомъ, и потому, что его мать была близкимъ другомъ семьи, и потому, что хорошо бы было, если бы Мисси вышла за него.

Комната княгини Софьи Васильевны была за большою и маленькой гостиными. Въ большой гостиной Мисси, шедшая впереди Нехлюдова, рѣшительно остановилась и, взявшись за спинку золоченаго стульчика, посмотрѣла на него.

Мисси очень хотѣла выйти замужъ, и Нохлюдовъ былъ хорошая партія. Кромѣ того, онъ нравился ей, и она пріучила себя къ мысли, что онъ будетъ ея, (не она будетъ его, а онъ ея), и она съ безсознательной, но упорной хитростью, такою, какая бываетъ у душевно больныхъ, достигала своей цѣли. Она заговорила съ нимъ теперь, чтобы вызвать его на объясненіе.

— Я вижу, что съ вами случилось что-то, — сказала она: — что съ вами?

Онъ вспомнилъ про свою встрѣчу въ судѣ, нахмурился и покраснѣлъ.

— Да, случилось, — сказалъ онъ, желая быть правдивымъ: — и странное, необыкновенное и важное событіе.

— Что-же? Вы не можете сказать что̀?

— Не могу теперь. Позвольте не говорить. Случилось то, что̀ я еще не успѣлъ вполнѣ обдумать, — сказалъ онъ и покраснѣлъ еще болѣе.

— И вы не скажете мнѣ? — Мускулъ на лицѣ ея дрогнулъ, и она двинула стульчикомъ, за который держалась.

— Нѣтъ, не могу, — отвѣтилъ онъ, чувствуя, что, отвѣчая ей такъ, онъ отвѣчалъ себѣ, признавая, что дѣйствительно съ нимъ случилось что-то очень важное.

— Ну, такъ пойдемте.

Она тряхнула головой, какъ бы отгоняя ненужныя мысли, и пошла впередъ болѣе быстрымъ, чѣмъ обыкновенно, шагомъ.

Ему показалось, что она неестественно сжала ротъ, чтобы удержать слезы. Ему стало совѣстно и больно, что онъ огорчилъ ее, но онъ зналъ, что малѣйшая слабость погубитъ его, т. е. свяжетъ. А онъ, нынче, боялся этого больше всего, и онъ, молча, дошелъ съ ней до кабинета княгини.

XXVII.

Княгиня Софья Васильевна кончила свой обѣдъ, очень утонченный и очень питательный, который она съѣдала всегда одна, чтобы никто не видалъ ея при этомъ непоэтическомъ отправленіи. У кушетки ея стоялъ столикъ съ кофе, и она курила пахитоску. Княгиня Софья Васильевна была худая, длинная, все еще молодящаяся брюнетка съ длинными зубами и большими черными глазами.

Говорили дурное про ея отношенія съ докторомъ. Нехлюдовъ прежде забывалъ это, но нынче же онъ не только вспомнилъ, но когда онъ увидалъ у ея кресла доктора, съ его намасленной, лоснящейся, раздвоенной бородой, ему стало ужасно противно.

Рядомъ съ Софьей Васильевной, на низкомъ мягкомъ

креслѣ, сидѣлъ Колосовъ у столика и помѣшивалъ кофе. На столикѣ стояла рюмка ликера.

Мисси вошла вмѣстѣ съ Нехлюдовымъ къ матери, но не осталась въ комнатѣ.

— Когда мама устанетъ и прогонитъ васъ, приходите ко мнѣ, — сказала она, обращаясь къ Нехлюдову, такимъ тономъ, какъ будто ничего не произошло между ними, и, весело улыбнувшись, неслышно шагая по толстому ковру, вышла изъ комнаты.

— Ну, здравствуйте, мой другъ, садитесь разсказывайте, — сказала княгиня Софья Васильевна съ своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную, улыбкой, открывавшей прекрасные длинные зубы, чрезвычайно искусно сдѣланные, словно они были настоящіе. — Мнѣ говорятъ, что вы пріѣхали изъ суда въ очень мрачномъ настроеніи. Я думаю, что это очень тяжело для людей съ сердцемъ, — сказала она по-французски.

— Да, это правда, — сказалъ Нехлюдовъ: — часто чувствуешь свою не... чувствуешь, что не имѣешь права судить...

— Comme c'est vrai, — какъ будто пораженная истинностью его замѣчанія, воскликнула она, какъ всегда искусно льстя своему собесѣднику.

— Ну, а что-же ваша картина, она очень интересуетъ меня, — прибавила она, — если бы не моя немощь, ужъ я давно бы была у васъ.

— Я совсѣмъ оставилъ ее, — сухо отвѣчалъ Нехлюдовъ, которому нынче неправдивость ея лести была такъ же очевидна, какъ и скрываемая ею старость. Онъ никакъ не могъ настроить себя, чтобы быть любезнымъ.

— Напрасно! Вы знаете, мнѣ сказалъ самъ Рѣпинъ, что у него положительный талантъ, — проговорила она, обращаясь къ Колосову.

„Какъ ей не совѣстно такъ врать“, хмурясь, думалъ Нехлюдовъ.

Убѣдившись, что Нехлюдовъ не въ духѣ и нельзя его

вовлечь въ пріятный и умный разговоръ, Софья Васильевна обратилась къ Колосову съ вопросомъ объ его мнѣніи о новой драмѣ такимъ тономъ, какъ будто это мнѣніе, Колосова, должно было рѣшить всякія сомнѣнія и каждое слово этого мнѣнія должно быть увѣковѣчено. Колосовъ осуждалъ драму и высказывалъ по этому случаю свои сужденія объ искусствѣ. Княгиня Софья Васильевна поражалась вѣрностью его сужденій, пыталась защищать автора драмы, но тотчасъ же или сдавалась, или находила среднее мнѣніе. Нехлюдовъ смотрѣлъ и слушалъ, но видѣлъ и слышалъ совсѣмъ не то, что̀ было передъ нимъ.

Слушая то Софью Васильевну, то Колосова, Нехлюдовъ видѣлъ, во-первыхъ, что ни Софьѣ Васильевнѣ, ни Колосову нѣтъ никакого дѣла ни до̀ драмы, ни другъ до друга, а что если они говорятъ, то только для удовлетворенія физіологической потребности послѣ ѣды пошевелить мускулами языка и горла; во-вторыхъ, онъ видѣлъ, что Колосовъ, выпивъ водки, вина, ликера, былъ немного пьянъ, не такъ пьянъ, какъ бываютъ пьяны рѣдко пьющіе мужики, но какъ бываютъ пьяны люди, сдѣлавшіе себѣ изъ вина привычку. Онъ не шатался, не говорилъ глупостей, но былъ въ ненормальномъ, возбужденно-довольномъ собою состояніи; въ-третьихъ, Нехлюдовъ видѣлъ то, что княгиня Софья Васильевна среди разговора съ безпокойствомъ смотрѣла на окно, черезъ которое до нея начиналъ доходить косой лучъ солнца, который могъ слишкомъ ярко освѣтить ея старость.

— Какъ это вѣрно, — сказала она про какое-то замѣчаніе Колосова и нажала въ стѣнѣ у кушетки пуговку звонка.

Въ это время докторъ всталъ и, какъ домашній человѣкъ, ничего не говоря, вышелъ изъ комнаты. Софья Васильевна проводила его глазами, продолжая разговоръ.

— Пожалуйста, Филиппъ, опустите эту гардину, — сказала она, указывая глазами на гардину окна, когда на звонокъ ея вошелъ красавецъ-лакей.

— Нѣтъ, какъ ни говорите, въ немъ есть мистическое, а безъ мистическаго нѣтъ поэзіи, — говорила она, однимъ

чернымъ глазомъ сердито слѣдя за движеніями лакея, который опускалъ гардину.

— Мистицизмъ безъ поэзіи — суевѣріе, а поэзія безъ мистицизма — проза, — сказала она, печально улыбаясь и не спуская взгляда съ лакея, который расправлялъ гардину.

— Филиппъ, вы не ту гардину, — у большого окна, — страдальчески проговорила Софья Васильевна, очевидно, жалѣвшая себя за тѣ усилія, которыя ей нужно было сдѣлать, чтобы выговорить эти слова, и тотчасъ же, для успокоенія, поднося ко рту рукой, покрытой перстнями, пахучую, дымящуюся пахитоску.

Широкогрудый, мускулистый красавецъ Филиппъ слегка поклонился, какъ бы извиняясь, и, мягко ступая по ковру своими сильными, съ выдающимися икрами ногами, покорно и молча перешелъ къ другому окну и, старательно взглядывая на княгиню, сталъ такъ расправлять гардину, чтобы ни одинъ лучъ не смѣлъ падать на нее. Но и тутъ онъ сдѣлалъ не то, и опять измученная Софья Васильевна должна была прервать свою рѣчь о мистицизмѣ и поправить непонятливаго и безжалостно тревожащаго ее Филиппа. На мгновеніе въ глазахъ Филиппа вспыхнулъ огонекъ.

„А чертъ тебя разберетъ, что̀ тебѣ нужно, — вѣроятно внутренно проговорилъ онъ“, подумалъ Нехлюдовъ, наблюдая всю эту игру. Но красавецъ и силачъ Филиппъ тотчасъ же скрылъ свое движеніе нетерпѣнія и сталъ покойно дѣлать то, что̀ приказывала ему изможденная, безсильная, вся фальшивая княгиня Софья Васильевна.

— Разумѣется, есть большая доля правды въ ученіи Дарвина, — говорилъ Колосовъ, развалясь на низкомъ креслѣ, сонными глазами глядя на княгиню Софью Васильевну, — но онъ переходитъ границы. Да.

— А вы вѣрите въ наслѣдственность? — спросила княгиня Софья Васильевна Нехлюдова, тяготясь его молчаніемъ.

— Въ наслѣдственность? — переспросилъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, не вѣрю, — сказалъ онъ, весь поглощенный въ эту минуту тѣми странными образами, которые почему-то возникли въ его воображеніи. Рядомъ съ силачомъ, красавцемъ Филиппомъ, котораго онъ вообразилъ себѣ натурщикомъ, онъ представилъ себѣ Колосова нагимъ, съ его животомъ въ видѣ арбуза, плѣшивой головой и безмускульными, какъ плети, руками. Такъ же смутно представлялись ему и закрытыя теперь шелкомъ и бархатомъ плечи Софьи Васильевны, какими они должны быть въ дѣйствительности, но представленіе это было слишкомъ страшно, и онъ постарался отогнать его.

Софья Васильевна смѣрила его глазами.

— Однако, Мисси васъ ждетъ, — сказала она. — Подите къ ней, она хотѣла вамъ сыграть новую вещь Грига, — очень интересно.

„Ничего она не хотѣла играть. Все это она для чего-то вретъ“, — подумалъ Нехлюдовъ, вставая и пожимая прозрачную, костлявую, покрытую перстнями руку Софьи Васильевны.

Въ гостиной его встрѣтила Екатерина Алексѣевна и тотчасъ же заговорила:

— Однако я вижу, что на васъ обязанности присяжнаго дѣйствуютъ угнетающе, — сказала она, какъ всегда, по-французски.

— Да, простите меня, я нынче не въ духѣ и не имѣю права на другихъ наводить тоску — отвѣтилъ Нехлюдовъ.

— Отчего вы не въ духѣ?

— Позвольте мнѣ не говорить отчего, — сказалъ онъ, отыскивая свою шляпу.

— А помните, какъ вы говорили, что надо всегда говорить правду, и какъ вы тогда всѣмъ намъ говорили такія жестокія правды. Отчего же теперь вы не хотите сказать? — Помнишь Мисси? — обратилась Екатерина Алексѣевна къ вышедшей къ нимъ Мисси.

— Оттого, что то была игра, — отвѣтилъ Нехлюдовъ серьезно. — Въ игрѣ можно. А въ дѣйствительности мы

такъ дурны, — т. е. я такъ дуренъ, что мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорить правды нельзя.

— Не поправляйтесь, а лучше скажите, чѣмъ же мы такъ дурны, — сказала Екатерина Алексѣевна, играя словами и какъ бы не замѣчая серьезности Нехлюдова.

— Нѣтъ ничего хуже, какъ признавать себя не въ духѣ, — сказала Мисси. — Я никогда не признаюсь въ этомъ себѣ, и отъ этого всегда бываю въ духѣ. Что-жъ, пойдемте ко мнѣ. Мы постараемся разогнать вашу mauvaise humeur.

Нехлюдовъ испыталъ чувство, подобное тому, которое должна испытывать лошадь, когда ее оглаживаютъ, чтобы надѣть узду и вести запрягать. А ему нынче больше чѣмъ когда нибудь было непріятно возить. Онъ извинился, что ему надо домой, и сталъ прощаться. Мисси дольше обыкновеннаго удержала его руку.

— Помните, что то, что̀ важно для васъ, важно и для вашихъ друзей, — сказала она. — Завтра пріѣдете?

— Едва ли, — сказалъ Нехлюдовъ и, чувствуя стыдъ, самъ не зная, за себя или за нее, онъ покраснѣлъ и поспѣшно вышелъ.

— Это что такое? Comme cela m'intrigue, — говорила Екатерина Алексѣевна, когда Нехлюдовъ ушелъ. — Я непремѣнно узнаю. Какая-нибудь affaire d'amour propre, il est très susceptible, notre cher Митя.

— Plutôt une affaire d'amour sale, — хотѣла сказать и не сказала Мисси, глядя передъ собой съ совершенно другимъ, потухшимъ лицомъ, чѣмъ то, съ какимъ она смотрѣла на Нехлюдова, но она не сказала даже Екатеринѣ Алексѣевнѣ этого каламбура дурного тона и проговорила только: — У всѣхъ насъ бываютъ и дурные, и хорошіе дни.

„Неужели и этотъ обманетъ, — подумала она. — Послѣ всего, что̀ было, это было бы очень дурно съ его стороны.“

Если бы Мисси пришлось объяснить, что̀ она разумѣетъ подъ словами: „послѣ всего, что было“, она не могла бы ничего сказать опредѣленнаго, а, между тѣмъ, она несомнѣнно знала, что онъ не только вызвалъ въ ней надежду,

но почти далъ ей обѣщаніе. Все это были не опредѣленныя слова, а взгляды, улыбки, намёки, умолчанія. Но она всетаки считала его своимъ, и лишиться его было для нея очень тяжело.

XXVIII.

„Стыдно и гадко, гадко и стыдно“, — думалъ между тѣмъ Нехлюдовъ, пѣшкомъ возвращаясь домой по знакомымъ улицамъ. Тяжелое чувство, испытанное имъ отъ разговора съ Мисси, не покидало его. Онъ чувствовалъ, что формально, если можно такъ выразиться, онъ былъ правъ передъ нею, онъ ничего не сказалъ ей такого, что̀ бы связывало его, не дѣлалъ ей предложенія, но по существу онъ чувствовалъ, что связалъ себя съ нею, обѣщалъ ей, а между тѣмъ нынче онъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что не можетъ жениться на ней. „Стыдно и гадко, гадко и стыдно“, — повторялъ онъ себѣ не объ однихъ отношеніяхъ къ Мисси, но обо всемъ. „Все гадко и стыдно“, повторялъ онъ себѣ, входя на крыльцо своего дома.

— Ужинать не буду, — сказалъ онъ Корнею, вошедшему за нимъ въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ приборъ и чай. — Вы идите.

— Слушаю, — сказалъ Корней, но не ушелъ и сталъ убирать со стола. Нехлюдовъ смотрѣлъ на Корнея и испытывалъ къ нему недоброе чувство. Ему хотѣлось, чтобы всѣ оставили его въ покоѣ, а казалось, что всѣ, какъ нарочно, на зло пристаютъ къ нему. Когда Корней ушелъ съ приборомъ, Нехлюдовъ подошелъ было къ самовару, чтобы засыпать чай, но, услыхавъ шаги Аграфены Петровны, поспѣшно, чтобы не видать ее, вышелъ въ гостиную, затворивъ за собой дверь. Комната эта — гостиная — была та самая, въ которой три мѣсяца тому назадъ умерла его мать. Теперь, войдя въ эту комнату, освѣщенную двумя лампами съ рефлекторами, — однимъ у портрета его отца, а другимъ — у портрета матери, онъ вспомнилъ свои послѣднія отношенія къ матери, и эти отношенія показались ему не-

натуральными и противными. И это было стыдно и гадко. Онъ вспомнилъ, какъ, въ послѣднее время ея болѣзни, онъ прямо желалъ ея смерти. Онъ говорилъ себѣ, что желалъ этого для того, чтобы она избавилась отъ страданій, а въ дѣйствительности хотѣлъ этого, чтобы самому избавиться отъ вида ея страданій.

Желая вызвать въ себѣ хорошее воспоминаніе о ней, онъ взглянулъ на ея портретъ, за 5000 рублей написанный знаменитымъ живописцемъ. Она была изображена въ бархатномъ черномъ платьѣ, съ обнаженной грудью. Художникъ, очевидно, съ особеннымъ стараніемъ выписалъ грудь, промежутокъ между двумя грудями и ослѣпительныя по красотѣ плечи и шею. Это было уже совсѣмъ стыдно и гадко. Что-то было отвратительное и кощунственное въ этомъ изображеніи матери въ видѣ полуобнаженной красавицы, тѣмъ болѣе отвратительное, что въ этой же комнатѣ, три мѣсяца тому назадъ, лежала та же женщина, ссохшаяся, какъ мумія, и все-таки наполнявшая мучительно-тяжелымъ запахомъ, который ничѣмъ нельзя было заглушить, не только всю комнату, но и весь домъ. Ему казалось, что онъ и теперь слышалъ этотъ запахъ. И онъ вспомнилъ, какъ за день до смерти, она взяла его сильную, бѣлую руку своей костлявой, чернѣющей ручкой, посмотрѣла ему въ глаза и сказала: „Не суди меня, Митя, если я не то сдѣлала“, и на выцвѣтшихъ отъ страданій глазахъ выступили слезы. „Какая гадость!“ сказалъ онъ себѣ еще разъ, взглянувъ на полуобнаженную женщину съ великолѣпными мраморными плечами и руками и съ побѣдоносной улыбкой. Обнаженность груди на портретѣ напомнила ему другую молодую женщину, которую онъ видѣлъ на-дняхъ также обнаженной. Это была Мисси, которая придумала предлогъ вызвать его вечеромъ къ себѣ, чтобы показаться ему въ бальномъ платьѣ, въ которомъ она ѣхала на балъ. Онъ съ отвращеніемъ вспомнилъ объ ея прекрасныхъ плечахъ и рукахъ. — И этотъ грубый, животный отецъ, съ своимъ прошедшимъ — съ своей жестокостью, и эта съ сомнительной репутаціей bel esprit мать.

Все это было отвратительно и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно. Стыдно и гадко, гадко и стыдно.

„Нѣтъ, нѣтъ, — думалъ онъ, — освободиться надо; освободиться отъ всѣхъ этихъ фальшивыхъ отношеній и съ Корчагиными, и съ Марьей Васильевной, и съ наслѣдствомъ, и со всѣмъ остальнымъ . . . Да, подышать свободно. Уѣхать за границу, — въ Римъ, заняться своей картиной“. — Онъ вспомнилъ свои сомнѣнія насчетъ своего таланта . . . Ну, да все равно, просто подышать свободно. Сначала въ Константинополь, потомъ въ Римъ, только отдѣлаться поскорѣе отъ присяжничества. И устроить это дѣло съ адвокатомъ.

И вдругъ въ его воображеніи, съ необыкновенною живостью, возникла арестантка съ черными, косящими глазами. А какъ она заплакала при послѣднемъ словѣ подсудимыхъ! Онъ поспѣшно, туша ее, смялъ докуренную папиросу въ пепельницу, закурилъ другую и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. И одна за другою стали возникать въ его воображеніи минуты, пережитыя съ нею. Вспомнилъ онъ послѣднее свиданіе съ ней, ту животную страсть, которая въ то время овладѣла имъ, и то разочарованіе, которое онъ испыталъ, когда страсть была удовлетворена. Вспомнилъ бѣлое платье съ голубой лентой, вспомнилъ заутреню. „Вѣдь я любилъ ее, истинно любилъ хорошей, чистой любовью въ эту ночь, любилъ ее еще прежде, да еще какъ любилъ тогда когда я въ первый разъ жилъ у тетушекъ и писалъ свое сочиненіе!“ И онъ вспомнилъ себя такимъ, какимъ онъ былъ тогда. На него пахнуло этой свѣжестью, молодостью, полнотою жизни, и ему стало мучительно грустно.

Различіе между нимъ, какимъ онъ былъ тогда и какимъ онъ былъ теперь, — было огромно, оно было такое же, если не большее, чѣмъ различіе между Катюшей въ церкви и той проституткой, пьянствовавшей съ купцомъ, которую они судили нынче утромъ. Тогда онъ былъ бодрый, свободный человѣкъ, передъ которымъ раскрывались безконечныя возможности, теперь онъ чувствовалъ себя со всѣхъ сторонъ пойманнымъ въ тенетахъ глупой, пустой, безцѣльной, ни-

чтожной жизни, изъ которыхъ онъ не видѣлъ никакого выхода, да даже, большей частью, и не хотѣлъ выходить. Онъ вспомнилъ, какъ онъ когда-то гордился своей прямотой, какъ ставилъ себѣ когда-то правиломъ всегда говорить правду и, дѣйствительно, былъ правдивъ, и какъ онъ теперь былъ весь во лжи, въ самой страшной лжи, во лжи, признаваемой всѣми людьми, окружающими его, — правдой. И не было изъ этой лжи, — по крайней мѣрѣ, онъ не видѣлъ, — никакого выхода. И онъ загрязъ въ ней, привыкъ къ ней, нѣжился въ ней.

Какъ развязать отношенія съ Марьей Васильевной, съ ея мужемъ такъ, чтобы было не стыдно смотрѣть въ глаза ему и его дѣтямъ? Какъ безъ лжи распутать отношенія съ Мисси? Какъ выбраться изъ противорѣчія между признаніемъ незаконности земельной собственности и владѣніемъ наслѣдствомъ отъ матери? Какъ загладить свой грѣхъ передъ Катюшей? Нельзя же это оставить такъ. „Нельзя бросить женщину, которую я любилъ, и удовлетвориться тѣмъ, что я заплачу деньги адвокату и избавлю ее отъ каторги, которой она и не заслуживаетъ; — загладить вину деньгами, какъ я тогда думалъ, что сдѣлалъ что̀ должно, давъ ей деньги!“

И онъ живо вспомнилъ минуту, когда онъ, въ корридорѣ, догнавъ ее, сунулъ ей деньги и убѣжалъ отъ нея. — „Ахъ, эти деньги!“ — съ ужасомъ и отвращеніемъ, такими же, какъ и тогда, вспоминалъ онъ эту минуту. — Ахъ, ахъ! какая гадость! — такъ-же, какъ и тогда, вслухъ проговорилъ онъ. — Только мерзавецъ, негодяй могъ это сдѣлать! И я, я тотъ негодяй и тотъ мерзавецъ!“ — вслухъ проговорилъ онъ. — „Да неужели въ самомъ дѣлѣ, — онъ остановился на ходу: — неужели я, въ самомъ дѣлѣ, неужели я точно негодяй? А то кто же? — отвѣтилъ онъ себѣ. — Да развѣ это одно? — продолжалъ онъ уличать себя: — Развѣ не гадость, не низость твое отношеніе къ Марьѣ Васильевнѣ и ея мужу? И твое отношеніе къ имуществу? Подъ предлогомъ, что деньги отъ матери, пользоваться богатствомъ, ко-

торое считаешь незаконнымъ? И вся твоя праздная, скверная жизнь. И вѣнецъ всего — твой поступокъ съ Катюшей. Негодяй, мерзавецъ! Они, люди, какъ хотятъ, пусть судятъ обо мнѣ, ихъ я могу обмануть, но себя-то я не обману."

И онъ вдругъ понялъ, что то отвращеніе, которое онъ въ послѣднее время чувствовалъ къ людямъ, и въ особенности нынче и къ князю, и къ Софьѣ Васильевнѣ, и къ Мисси, и къ Корнею, — было отвращеніе къ самому себѣ. И удивительное дѣло, въ этомъ чувствѣ признанія своей подлости было что-то болѣзненное, и вмѣстѣ радостное и успокоительное.

Съ Нехлюдовымъ не разъ уже случалось въ жизни то, что онъ называлъ „чисткой души". Чисткой души называлъ онъ такое душевное состояніе, при которомъ онъ, вдругъ, послѣ иногда большого промежутка времени, сознавъ замедленіе, а иногда и остановку внутренней жизни, принимался вычищать весь тотъ соръ, который, накопившись въ его душѣ, былъ причиной этой остановки.

Всегда послѣ такихъ пробужденій Нехлюдовъ составлялъ себѣ правила, которымъ намѣревался слѣдовать уже навсегда: писалъ дневникъ и начиналъ новую жизнь, которую надѣялся никогда уже не измѣнять, — turning a new leaf, — какъ онъ говорилъ себѣ. Но всякій разъ соблазны міра улавливали его, и онъ, самъ того не замѣчая, опять падалъ, и часто ниже того, какимъ онъ былъ прежде.

Такъ онъ очищался и поднимался нѣсколько разъ: такъ это было съ нимъ въ первый разъ, когда онъ пріѣхалъ на лѣто къ тетушкамъ. Это было самое живое, восторженное пробужденіе. И послѣдствія его продолжались довольно долго. Потомъ такое же пробужденіе было, когда онъ бросилъ статскую службу и, желая жертвовать жизнью, поступилъ во время войны въ военную службу. Но тутъ засореніе произошло очень скоро. Потомъ было пробужденіе, когда онъ вышелъ въ отставку и, уѣхавъ за границу, сталъ заниматься живописью.

Съ тѣхъ поръ и до нынѣшяго дня прошелъ длинный

періодъ безъ чистки, и потому никогда еще онъ не доходилъ до такого загрязненія, до такого разлада между тѣмъ, чего требовала его совѣсть, и той жизнью, которую онъ велъ, и онъ ужаснулся, увидавъ это разстояніе.

Разстояніе это было такъ велико, загрязненіе такъ сильно, что въ первую минуту онъ отчаялся въ возможности очищенія. „Вѣдь уже пробовалъ совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло", — говорилъ въ душѣ его голосъ искусителя, — „такъ что же пробовать еще разъ? Не ты одинъ, а всѣ такіе, — такова жизнь", говорилъ этотъ голосъ. Но то свободное, духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вѣчно, уже пробудилось въ Нехлюдовѣ. И онъ не могъ не повѣрить ему. Какъ ни огромно было разстояніе между тѣмъ, что̀ онъ былъ, и тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть, для пробудившагося духовнаго существа представлялось все возможно.

„Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мнѣ ни стоило, все и всѣмъ скажу правду и сдѣлаю правду", — рѣшительно, вслухъ, сказалъ онъ себѣ.

„Скажу правду Мисси, что я распутникъ и не могу жениться на ней, и только напрасно тревожилъ ее, скажу Марьѣ Васильевнѣ (женѣ предводителя). Впрочемъ, ей нечего говорить, скажу ея мужу, что я негодяй, обманывалъ его. Съ наслѣдствомъ распоряжусь такъ, чтобы признать правду. Скажу ей, Катюшѣ, что я негодяй, виноватъ передъ ней, и сдѣлаю все, что̀ могу, чтобы облегчить ея судьбу. Да, увижу ее и буду просить ее простить меня."

— Да, буду просить прощенія, какъ дѣти просятъ.

Онъ остановился. — Женюсь на ней, если это нужно.

Онъ остановился, сложилъ руки передъ грудью, какъ онъ дѣлалъ это, когда былъ маленькій, поднялъ глаза кверху и проговорилъ, обращаясь къ кому-то:

— Господи, помоги мнѣ, научи меня, пріиди и вселися въ меня, и очисти меня отъ всякія скверны.

Онъ молился, просилъ Бога помочь ему, вселиться въ него и очистить его, а между тѣмъ то, о чемъ онъ просилъ,

уже совершилось. Богъ, жившій въ немъ, проснулся въ его сознаніи. Онъ почувствовалъ себя имъ и потому почувствовалъ не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовалъ все могущество добра. Все, все самое лучшее, что̀ только могъ сдѣлать человѣкъ, онъ чувствовалъ себя теперь способнымъ сдѣлать.

На глазахъ его были слезы, когда онъ говорилъ себѣ это, — и хооршія, и дурныя слезы: хорошія слезы — потому, что это были слезы радости пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ эти года спало въ немъ; и дурныя — потому, что онѣ были слезы умиленія надъ самимъ собою, надъ своей добродѣтелью.

Ему стало жарко. Онъ подошелъ къ выставленному окну и отворилъ его. Окно было въ садъ. Была лунная, тихая, свѣжая ночь; по улицѣ прогремѣли колеса, и потомъ все затихло. Прямо подъ окномъ виднѣлась тѣнь сучьевъ оголеннаго высокаго тополя, всѣми своими развилинами отчетливо лежащая на пескѣ расчищенной площадки. Налѣво была крыша сарая, казавшаяся бѣлой подъ яркимъ свѣтомъ луны, впереди переплетались сучья деревьевъ, изъ за которыхъ виднѣлась черная тѣнь забора. Нехлюдовъ смотрѣлъ на освѣщенный луной садъ и крышу и на тѣнь тополя, слушалъ и вдыхалъ живительный, свѣжій воздухъ.

„Какъ хорошо, какъ хорошо, Боже мой, какъ хорошо!“ говорилъ онъ про то, что̀ было въ его душѣ.

XXIX.

Маслова вернулась домой въ свою камеру только въ 6 часовъ вечера, усталая и больная ногами послѣ пройденныхъ безъ привычки пятнадцати верстъ по камню, сверхъ того убитая неожиданно строгимъ приговоромъ и голодная.

Когда, еще во время одного перерыва, сторожа закусывали подлѣ нея хлѣбомъ и крутыми яйцами, у нея ротъ наполнился слюной, и она почувствовала, что голодна, но попросить у нихъ считала для себя унизительнымъ. Когда же послѣ этого прошло еще три часа, ей уже перестало

хотѣться ѣсть, и она чувствовала только слабость. Въ такомъ состояніи она услыхала неожиданный приговоръ. Въ первую минуту она подумала, что ослышалась, не могла сразу повѣрить тому, что̀ слышала, не могла соединить себя съ понятіемъ каторжанки. Но, увидавъ спокойныя дѣловыя лица судей, присяжныхъ, принявшихъ это извѣстіе, какъ нѣчто вполнѣ естественное, она возмутилась и закричала на всю залу, что она не виновата. Увидавъ также, что и крикъ ея былъ принятъ, какъ нѣчто естественное, ожидаемое и не могущее измѣнить дѣла, она заплакала, чувствуя, что надо покориться той жестокой и удивившей ее несправедливости, которая была совершена надъ ней. Удивляло ее въ особенности то, что такъ жестоко осудили ее мужчины, — молодые, не старые мужчины, тѣ самые, которые всегда такъ ласково смотрѣли на нее. Одного, — товарища прокурора, — она видала совсѣмъ въ другомъ настроеніи. Въ то время, какъ она сидѣла въ арестантской, дожидаясь суда, и въ перерывахъ засѣданія, она видѣла, какъ эти мужчины, притворяясь, что они идутъ за другимъ дѣломъ, проходили мимо дверей или входили въ комнату только затѣмъ, чтобы оглядѣть ее. И вдругъ эти самые мужчины зачѣмъ-то приговорили ее въ каторгу, несмотря на то, что она была невинна въ томъ, въ чемъ ее обвиняли. Она плакала, но потомъ затихла и въ состояніи полнаго отупѣнія сидѣла въ арестантской, дожидаясь отправки. Ей хотѣлось теперь только одного: покурить. Въ такомъ состояніи застали ее Бочкова и Картинкинъ, которыхъ послѣ приговора ввели въ ту же комнату. Бочкова тотчасъ начала бранить Маслову и называть каторжной.

— Что, взяла? Оправилась? Небось не отвертѣлась, подлая! Что̀ заслужила, того и доспѣла. На каторгѣ, небось, франтовство оставишь.

Маслова сидѣла, засунувъ руки въ рукава халата, и, склонивъ низко голову, неподвижно смотрѣла на два шага передъ собой, на затоптанный полъ, и только говорила:

— Не трогаю я васъ, вы и оставьте меня. Вѣдь я по

трогаю, — повторила она нѣсколько разъ, потомъ совсѣмъ замолчала. Оживилась она немного только тогда, когда Бочкову и Картинкина увели, и вошелъ сторожъ, принесшій ей три рубля денегъ.

— Ты Маслова? — спросилъ онъ.

— На, вотъ, тебѣ барыня прислала, — сказалъ онъ, подавая ей деньги.

— Какая барыня?

— Бери, знай, разговаривать еще съ вами!

Деньги эти прислала Китаева. Уходя изъ суда, она обратилась къ судебному приставу съ вопросомъ, можетъ ли она передать нѣсколько денегъ Масловой. Судебный приставъ сказалъ, что можно. Тогда, получивъ разрѣшеніе, она сняла замшевую перчатку съ тремя пуговицами съ пухлой бѣлой руки, достала изъ заднихъ складокъ шелковой юбки модный бумажникъ и, выбравъ изъ довольно большого количества купоновъ, только что срѣзанныхъ съ билетовъ, заработанныхъ ею, одинъ — въ 2 рубля 50 коп. и присоединивъ къ нему два двугривенныхъ и еще гривенникъ, передала ихъ приставу. Приставъ позвалъ сторожа и при жертвовательницѣ передалъ эти деньги сторожу.

— Пожалуйста, вѣрно отдавайте, — сказала Каролина Альбертовна сторожу.

Сторожъ обидѣлся за это недовѣріе и потому такъ сердито обошелся съ Масловой.

Маслова обрадовалась деньгамъ, потому что онѣ давали ей то, чего одного желала она теперь.

„Только бы добыть папиросъ и затянуться“, думала она, и всѣ мысли ея сосредоточились на этомъ желаніи покурить. Ей такъ хотѣлось этого, что она жадно вдыхала воздухъ, когда въ немъ чувствовался запахъ табачнаго дыма, выходившаго въ корридоръ изъ дверей кабинета. Но ей пришлось еще долго ждать, потому что секретарь, которому надо было отпустить ее, забывъ про подсудимыхъ, занялся разговоромъ и даже споромъ о запрещенной статьѣ съ однимъ изъ адвокатовъ.

Наконецъ, въ 5-мъ часу ее отпустили и конвойные — нижегородецъ и чувашинъ — повели ее изъ суда заднимъ ходомъ. Еще въ сѣняхъ суда она передала имъ 20 копѣекъ, прося купить два калача и папиросъ. Чувашинъ засмѣялся, взялъ деньги и сказалъ: „Ладно, купаемъ“, — и, дѣйствительно, честно купилъ и папиросъ, и калачей и отдалъ сдачу. Дорóгой нельзя было курить, такъ что Маслова съ тѣмъ же неудовлетвореннымъ желаніемъ куренія подошла къ острогу. Въ то время, какъ ее привели къ дверямъ, съ поѣзда желѣзной дороги привели человѣкъ сто арестантовъ. Въ проходѣ она столкнулась съ ними.

Арестанты — бородатые, бритые, старые, молодые, русскіе, инородцы — нѣкоторые съ бритыми полуголовами, гремя ножными кандалами, наполняли прихожую пылью, шумомъ шаговъ, говоромъ и ѣдкимъ запахомъ пота. Арестанты, проходя мимо Масловой, всѣ оглядывали ее, и нѣкоторые подходили къ ней и задѣвали ее.

— Ай дѣвка, хороша, — говорилъ одинъ. — Тетенькѣ, мое почтеніе, — говорилъ другой, подмигивая глазомъ. Одинъ, черный, съ выбритымъ синимъ затылкомъ и усами на бритомъ лицѣ, путаясь въ кандалахъ и гремя ими, подскочилъ къ ней и обнялъ ее.

— Аль не спознала дружка? Будетъ модничать-то! — крикнулъ онъ, оскаливая зубы и блестя глазами, когда она оттолкнула его.

— Ты что̀, мерзавецъ, дѣлаешь? — крикнулъ подошедшій сзади помощникъ начальника.

Арестантъ весь сжался и поспѣшно отскочилъ. Помощникъ же накинулся на Маслову.

— Ты зачѣмъ тутъ?

Маслова хотѣла сказать, что ее привели изъ суда, но она такъ устала, что ей лѣнь было говорить.

— Изъ суда, ваше благородіе, — сказалъ старшій конвойный, выходя изъ-за проходившихъ, и прикладывая руку къ шапкѣ.

— Ну, и сдай старшему. А это что за безобразіе!

— Слушаю, ваше благородіе.

— Соколовъ! Принять, — крикнулъ помощникъ.

Старшій подошелъ и сердито ткнулъ Маслову въ плечо и, кивнувъ ей головой, повелъ ее въ женскій корридоръ. Въ женскомъ корридорѣ ее всю ощупали, обыскали и, не найдя ничего (коробка папиросъ была засунута въ калачѣ), впустили въ ту-же камеру, изъ которой она вышла утромъ.

XXX.

Камера, въ которой содержалась Маслова, была длинная комната въ 9 аршинъ длины и 7 ширины, съ двумя окнами, выступающею облѣзлой печкой и нарами съ разсохшимися досками, занимавшими двѣ трети пространства. Въ серединѣ, противъ двери, была темная икона съ приклеенною къ ней восковой свѣчкой и подвѣшеннымъ подъ ней запыленнымъ букетомъ иммортелекъ. За дверью налѣво было почернѣвшее мѣсто пола, на которомъ стояла вонючая кадка. Повѣрка только-что прошла, и женщины уже были заперты на ночь.

Всѣхъ обитательницъ этой камеры было пятнадцать: двѣнадцать женщинъ и трое дѣтей.

Было еще совсѣмъ свѣтло, и только двѣ женщины лежали на нарахъ: одна — укрытая съ головой халатомъ — дурочка, взятая за безписьменность, — эта всегда почти спала, и другая чахоточная, отбывавшая наказаніе за воровство. Эта не спала, а лежала, подложивъ подъ голову халатъ, съ широко-открытыми глазами, съ трудомъ, чтобы не кашлять, удерживая въ горлѣ щекочущую ее и переливающуюся мокроту. Остальныя женщины, — всѣ простоголовыя и въ однѣхъ суроваго полотна рубахахъ, — нѣкоторыя сидѣли на нарахъ и шили, нѣкоторыя стояли у окна и смотрѣли на проходившихъ по двору арестантовъ. Изъ тѣхъ трехъ женщинъ, которыя шили, одна была та самая старуха, которая провожала Маслову, — Кораблева, — мрачнаго вида, насупленная, морщинистая, съ висѣвшимъ мѣшкомъ кожи подъ подбородкомъ, высокая, сильная женщина, съ короткой ко-

сичкой русыхъ, сѣдѣющихъ на вискахъ волосъ и съ волосатой бородавкой на щекѣ. Старуха эта была приговорена къ каторгѣ за убійство топоромъ мужа. Убила же она его за то, что онъ приставалъ къ ея дочери. Кораблева была старостихой камеры, она же и торговала виномъ. Она шила въ очкахъ и держала въ большихъ рабочихъ рукахъ иголку по-крестьянски, тремя пальцами и остріемъ къ себѣ. Рядомъ съ ней сидѣла и также шила мѣшки изъ парусины невысокая курносая, черноватая женщина, съ маленькими черными глазами, добродушная и болтливая. Это была сторожиха при желѣзнодорожной будкѣ, присужденная къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы за то, что не вышла съ флагомъ къ поѣзду, съ поѣздомъ же случилось несчастіе. Третья шившая женщина была Ѳедосья, — Ѳеничка, какъ ее звали товарки, — бѣлая, румяная, съ ясными дѣтскими голубыми глазами и двумя длинными русыми косами, обернутыми вокругъ небольшой головы, совсѣмъ молодая, очень миловидная женщина, содержавшаяся за покушеніе отравить мужа. Попыталась она отравить его тотчасъ же послѣ замужества, въ которое была выдана 16-тилѣтней дѣвочкой. Въ тѣ 8 мѣсяцевъ, во время которыхъ она, будучи взята на поруки, ожидала суда, она не только помирилась съ мужемъ, но такъ полюбила его, что судъ засталъ ее живущей съ мужемъ душа въ душу. Несмотря на то, что мужъ и свекоръ и въ особенности полюбившая ее свекровь старались на судѣ всѣми силами оправдать ее, она была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Добрая, веселая, часто улыбающаяся Ѳедосья эта была сосѣдка Масловой по нарамъ и не только полюбила Маслову, но признала своей обязанностью заботиться о ней и служить ей. Безъ дѣла сидѣли на нарахъ еще двѣ женщины: одна лѣтъ сорока, съ блѣднымъ худымъ лицомъ; вѣроятно, когда-то очень красивая, теперь худая и блѣдная, — держала на рукахъ ребенка и кормила его бѣлой, длинной грудью. Преступленіе ея состояло въ томъ, что когда изъ ихъ деревни везли рекрута, по понятіямъ мужиковъ, незаконно взятаго, народъ остановилъ

станового и отнялъ рекрута. Женщина же эта, тетка незаконно взятаго малаго, первая схватила за поводъ лошадь, на которой везли рекрута. Еще сидѣла безъ дѣла на нарахъ невысокая, вся въ морщинкахъ, добродушная старушка съ сѣдыми волосами и горбатой спиной. Старушка эта сидѣла у печки на нарахъ и дѣлала видъ, что ловитъ четырехлѣтняго, коротко обстриженнаго, пробѣгавшаго мимо нея, толстопузаго, заливавшагося смѣхомъ мальчика. Мальчишка въ одной рубашонкѣ пробѣгалъ мимо нея и приговаривалъ все одно и то же: — ишь, не поймала!

Старушка эта, обвинявшаяся вмѣстѣ съ сыномъ въ поджогѣ, переносила свое заключеніе съ величайшимъ добродушіемъ, сокрушаясь только о сынѣ, сидѣвшемъ съ ней одновременно въ острогѣ, но болѣе всего о своемъ старикѣ, который, она боялась, совсѣмъ безъ нея завшивѣетъ, такъ какъ невѣстка ушла, и его обмывать некому.

Кромѣ этихъ семи женщинъ, еще четыре стояли у одного изъ открытыхъ оконъ и, держась за желѣзную рѣшетку, знаками и криками переговаривались съ проходившими по двору тѣми самыми арестантами, съ которыми столкнулась Маслова у входа. Одна изъ этихъ женщинъ, отбывавшая наказаніе за воровство, была большая, грузная, съ обвисшимъ тѣломъ, рыжая женщина, съ желтовато-бѣлыми, покрытыми веснушками лицомъ, руками и толстой шеей, выставлявшейся изъ-за развязаннаго, раскрытаго ворота. Она громко кричала въ окно хриплымъ голосомъ неприличныя слова. Съ ней рядомъ стояла ростомъ съ десятилѣтнюю дѣвочку, черноватая нескладная арестантка, съ длинной спиной и совсѣмъ короткими ногами. Лицо у ней было красное, въ пятнахъ, съ широкоразставленными черными глазами и толстыми короткими губами, незакрывавшими бѣлые выступающіе зубы. Она визгливо, урывками, смѣялась тому, что̀ происходило на дворѣ. Арестантка эта, прозывавшаяся Хорошавкой за свое щегольство, судилась за кражу и поджогъ. Позади ихъ стояла въ очень грязной сѣрой рубахѣ, жалкаго вида, худая, жилистая и съ огромнымъ животомъ, беременная женщина,

судившаяся за укрывательство кражи. Женщина эта молчала, но все время одобрительно и умиленно улыбалась на то, чтò происходило на дворѣ. Четвертая, стоявшая у окна, была отбывающая наказаніе за корчемство, невысокая, коренастая, деревенская женщина съ очень выпуклыми глазами и добродушнымъ лицомъ. Женщина эта, — мать мальчишки, игравшаго со старушкой, и семилѣтней дѣвочки, бывшихъ съ ней же въ тюрьмѣ, потому что не съ кѣмъ было оставить ихъ, — такъ же, какъ и другія, смотрѣла въ окно, но, не переставая, вязала чулокъ и неодобрительно морщилась, закрывая глаза, на то, чтò говорили со двора проходившіе арестанты. Дочка же ея, семилѣтняя дѣвочка, съ распущенными бѣлыми волосами, стоя въ одной рубашонкѣ рядомъ съ рыжей и ухватившись худенькой маленькой ручонкой за ея юбку, съ остановившимися глазами, внимательно вслушивалась въ тѣ ругательныя слова, которыми перекидывались женщины съ арестантами, и шопотомъ, какъ бы заучивая, повторяла ихъ. Двѣнадцатая арестантка была дочь дьячка, утопившая въ колодцѣ своего ребенка. Это была высокая, статная дѣвушка съ спутанными волосами, выбивавшимися изъ недлинной, толстой, русой косы, и остановившимися выпуклыми глазами. Она, не обращая никакого вни[illegible] на то, чтò происходило вокругъ нея, ходил[illegible] въ одной грязной сѣрой рубахѣ взадъ и впередъ по свободному мѣсту камеры, круто и быстро поворачиваясь, когда доходила до стѣны.

XXXI.

Когда загремѣлъ замòкъ, и Маслову впустили въ камеру, всѣ обратились къ ней. Даже дочь дьячка на минуту остановилась, посмотрѣла на вошедшую, поднявъ брови, но, ничего не сказавъ, тотчасъ же пошла опять ходить своими большими, рѣшительными шагами. Кораблева воткнула иголку въ суровую холстину и вопросително, черезъ очки, уставилась на Маслову.

— Э, эхъ-ма! Вернулась. А я такъ и думала, что

оправятъ, — сказала она своимъ хриплымъ, басистымъ, почти мужскимъ, голосомъ. — Видно закатали.

Она сняла очки и положила свое шитье рядомъ на нары.

— Мы и то съ тетенькой, касатка, переговаривались, може сразу ослобонятъ. Тоже, сказывали, бываетъ. Еще и денегъ надаютъ, подъ какой часъ попадешь, — тотчасъ же начала своимъ пѣвучимъ голосомъ сторожиха. — Анъ вотъ оно что̀. Видно сгадъ нашъ не въ руку. Господь, видно, свое, касатка, — не умолкая вела она свою ласковую и благозвучную рѣчь.

— Ужли-жъ присудили? — спросила Ѳедосья съ сострадательной нѣжностью, глядя на Маслову своими дѣтскими, ясно-голубыми глазами, и все веселое, молодое лицо ея измѣнилось, точно она готова была заплакать.

Маслова ничего не отвѣчала и, молча, прошла къ своему мѣсту, второму съ края, рядомъ съ Кораблевой, и сѣла на доски наръ.

— Чай, и не поѣла, — сказала Ѳедосья, вставая и подходя къ Масловой.

Маслова, не отвѣчая, положила калачи на изголовье и стала раздѣваться: сняла пыльный халатъ и косынку съ курчавящихся черныхъ волосъ и сѣла.

Игравшая на другомъ концѣ наръ съ мальчикомъ горбатая старушка подошла тоже и остановилась противъ Масловой.

— Тцъ, тцъ, тцъ! — жалостливо покачавъ головой, защелкала она языкомъ.

Мальчишка подошелъ тоже за старушкой и, широко открывъ глаза и выпятивъ уголкомъ верхнюю губу, уставился на калачи, которые принесла Маслова. Увидавъ всѣ эти сочувственныя лица послѣ всего того, что̀ съ ней было нынче, Маслова чуть не заплакала и у ней задрожали губы. Но она старалась удержаться и удерживалась до тѣхъ поръ, пока не подошла старушка и мальчишка. Когда же она услыхала доброе, жалостливое тцыканье старушки и, главное, когда встрѣтилась глазами съ мальчишкой, переведшимъ

свои серьезные глаза съ калачей на нее, она уже не могла удерживаться. Все лицо ея задрожало, и она разрыдалась.

— Я говорила: добывай защитника настоящаго, — сказала Кораблева. — Что же, на высылку? — спросила она.

Маслова хотѣла отвѣтить и не могла, а, рыдая, достала изъ калача коробку съ папиросами, на которой была изображена румяная дама въ очень высокой прическѣ и съ открытой треугольникомъ грудью, и подала ее Кораблевой. Кораблева поглядѣла на картинку, покачала неодобрительно головой, преимущественно на то, что Маслова такъ дурно тратила деньги, и, доставъ одну папироску, закурила ее о лампу, затянулась сама, а потомъ сунула Масловой. Маслова, не переставая плакать, жадно стала разъ за разомъ втягивать въ себя и выпускать табачный дымъ.

— Каторга, — проговорила она, всхлипывая.

— Не боятся они Бога, мiроѣды, кровопiйцы проклятые, — проговорила Кораблева. — Ни за что̀ засудили дѣвку.

Въ это время среди оставшихся у оконъ женщинъ раздался раскатъ хохота. Дѣвочка тоже смѣялась, и ея тонкiй дѣтскiй смѣхъ сливался съ хриплымъ и визгливымъ смѣхомъ взрослыхъ. — Арестантъ со двора что-то сдѣлалъ такое, что̀ подѣйствовало такъ на смотрѣвшихъ въ окна.

— Ахъ, кобель бритый! Что̀ дѣлаетъ, — проговорила рыжая и, колеблясь всѣмъ жирнымъ тѣломъ, прижавшись лицомъ къ рѣшеткамъ, закричала безсмысленно-неприличныя слова.

— То-то шкура барабанная! Чего гогочетъ! — сказала Кораблева, покачавъ головою на рыжую, и опять обратилась къ Масловой. — Много ли годовъ?

— Четыре, — сказала Маслова, и слезы полились такъ обильно изъ ея глазъ, что одна попала на папиросу.

Маслова сердито скомкала, бросила ее и взяла другую.

Сторожиха, хотя и не курившая, тотчасъ же подняла окурокъ, и стала расправлять его, не переставая разговаривать.

— Видно и вправду, касатка, — говорила она: — правду-то боровъ сжевалъ. Дѣлаютъ, что̀ хотятъ. А мы такъ сгадывали, что ослобонятъ. Матвѣевна говоритъ ослобонятъ, а я говорю: нѣтъ; говорю, касатка, чуетъ мое сердце — заѣдятъ они ее, такъ и вышло, — говорила она, очевидно съ особеннымъ удовольствіемъ слушая звукъ своего голоса.

Въ это время арестанты ужъ всѣ прошли черезъ дворъ, и женщины, переговаривавшіяся съ ними, отошли отъ окна и тоже подошли къ Масловой. Первая подошла пучеглазая корчемница съ своей дѣвочкой.

— Что же, дюже строго? — спросила она, подсаживаясь къ Масловой и продолжая быстро вязать чулокъ.

— Оттого и строго, что денегъ нѣтъ. Были бы денежки, да хорошаго ловчака нанять, небось, оправдали бы, — сказала Кораблева. — Тотъ, какъ бишь его, — лохматый носастый, тотъ, сударыня моя, изъ воды сухого выведетъ. Кабы его взять.

— Какъ же, взяла, — оскаливъ зубы сказала подсѣвшая къ нимъ Хорошавка: — тотъ меньше тысячи и плюнуть тебѣ не возьметъ.

— Да ужъ видно, такая твоя планида, — вступилась старушка, сидѣвшая за поджигательство. — Легко ли, отбилъ жену у малаго, да его же вшей кормить засадилъ и меня туды-жъ, на старости лѣтъ, — начала она въ сотый разъ разсказывать свою исторію. — Отъ тюрьмы да отъ сумы, видно, не отказывайся. Не сума — такъ тюрьма.

— Видно у нихъ все такъ, — сказала корчемница и, вглядѣвшись въ голову дѣвочки, положила чулокъ подлѣ себя, притянула къ себѣ дѣвочку между ногъ и начала быстрыми пальцами искать ей въ головѣ. — „Зачѣмъ виномъ торгуешь". А чѣмъ же дѣтей кормить? — говорила она, продолжая свое привычное дѣло.

Эти слова корчемницы напомнили Масловой о винѣ.

— Винца бы, — сказала она Кораблевой, утирая рукавомъ рубахи слезы и только изрѣдка всхлипывая.

— Гамырки? Что же, давай, — сказала Кораблева.

XXXII.

Маслова достала изъ калача же деньги и подала Кораблевой купонъ. Кораблева взяла купонъ, посмотрѣла и, хотя не знала грамотѣ, повѣрила все знавшей Хорошавкѣ, что бумажка эта стоитъ 2 р. 50 к., и полѣзла къ отдушнику за спрятанной тамъ склянкой съ виномъ. Увидавъ это, женщины, не сосѣдки по нарамъ, отошли къ своимъ мѣстамъ. Маслова между тѣмъ вытряхнула пыль изъ косынки и халата, влѣзла на нары и стала ѣсть калачъ.

— Я тебѣ чай берегла, да остылъ, небось, — сказала ей Ѳедосья, доставая съ полки обернутый онучей жестяной чайникъ и кружку.

Напитокъ былъ совсѣмъ холоденъ и отзывался больше жестью, чѣмъ чаемъ, но Маслова налила кружку и стала запивать калачъ.

— Финашка, на, — кликнула она и, оторвавъ кусокъ калача, дала смотрѣвшему ей въ ротъ мальчику.

Кораблева между тѣмъ подала стклянку съ виномъ и кружку. Маслова предложила Кораблевой и Хорошавкѣ. Эти три арестантки составляли аристократію камеры, потому что имѣли деньги и дѣлились тѣмъ, что̀ имѣли.

Черезъ нѣсколько минутъ Маслова оживилась и бойко разсказывала про судъ, передразнивая прокурора и то, что̀ особенно поразило ее въ судѣ. Поразило ее особенно то, какъ мужчины вездѣ, гдѣ бы она ни была, по ея наблюденію, бѣгали за ней. Въ судѣ всѣ смотрѣли на нее, — разсказывала она, — и то и дѣло нарочно для этого заходили въ арестантскую.

— Конвойный, и то говоритъ: это все тебя смотрѣть ходятъ. Придетъ какой-нибудь: гдѣ тутъ бумага какая, или еще что, а я вижу, что ему не бумага нужна, а меня такъ глазами и ѣстъ, — говорила она, улыбаясь и какъ бы въ недоумѣніи покачивая головой. — Тоже — артисты.

— Да уже это какъ есть, — подхватила сторожиха, и тотчасъ полилась ея пѣвучая рѣчь. — Это какъ мухи на

сахаръ. На что̀ другое ихъ нѣтъ, а на это ихъ взять. Хлѣбомъ не корми ихняго брата...

— А то и здѣсь, перебила ее Маслова. — Тоже и здѣсь попала я. Только меня привели, а тутъ партія съ вокзала. Такъ та̀къ одолѣли, что не знала, какъ отдѣлаться. Спасибо, помощникъ отогналъ. Одинъ присталъ такъ, что насилу отбилась.

— А какой изъ себя? — спросила Хорошавка.

— Черноватый, съ усами.

— Должно, онъ.

— Кто онъ?

— Да Щегловъ. Вотъ, что сейчасъ прошелъ.

— Какой такой Щегловъ?

— Про Щеглова не знаетъ! Щегловъ два раза съ каторги бѣгалъ. Теперь поймали, да онъ уйдетъ. Его и надзиратели боятся, — говорила Хорошавка, передававшая записки арестантамъ и знавшая все, что̀ дѣлается въ тюрьмѣ. — Безпремѣнно уйдетъ.

— А уйдетъ, насъ съ собой не возьметъ, — сказала Кораблева. — А ты лучше вотъ что̀ скажи, обратилась она къ Масловой: — что̀ тебѣ аблакатъ сказалъ объ прошеніи, вѣдь теперь подавать надо?

Маслова сказала, что она ничего не знаетъ.

Въ это время рыжая женщина, запустивъ обѣ, покрытыя веснушками, руки въ свои спутанные густые, рыжіе волосы, и, скребя ногтями голову, подошла къ пившимъ вино аристократамъ.

— Я тебѣ, Катерина, все скажу, — начала она. — Перво-наперво, должна ты записать: недовольна судомъ, а послѣ того къ прокурору заявить.

— Да тебѣ чего? — сердитымъ басомъ обратилась къ ней Кораблева: — вино почуяла, — нечего зубы заговаривать. Безъ тебя знаютъ, что̀ дѣлать, тобой не нуждаются.

— Не съ тобой говорятъ, что̀ встрѣваешь?

— Вина захотѣлось? Подъѣзжаешь!

— Да ну, поднеси ей, — сказала Маслова, всегда раздававшая всѣмъ все, чтò у нея было.

— Я ей такую поднесу...

— Ну, ну-ка, — надвигаясь на Кораблеву, заговорила рыжая. — Не боюсь я тебя.

— Острожная шкура!

— Отъ такой слышу.

— Разварная требуха!

— Я требуха? Каторжная, душегубка! — закричала рыжая.

— Уйди, говорю, — мрачно проговорила Кораблева.

Но рыжая только ближе надвигалась, и Кораблева толкнула ее въ открытую жирную грудь. Рыжая какъ будто только этого и ждала и неожиданно быстрымъ движеньемъ вцѣпилась одной рукой въ волосы Кораблевой, а другой хотѣла ударить ее въ лицо, но Кораблева ухватила эту руку. Маслова и Хорошавка схватили за руки рыжую, стараясь оторвать ее, но рука рыжей, вцѣпившаяся въ косу, не разжималась. Она на мгновенье отпустила волосы, но только для того, чтобы замотать ихъ вокругъ кулака. Кораблева же съ скривленной головой колотила одной рукой по тѣлу рыжей и ловила зубами ея руку. Женщины столпились около дерущихся, разнимали и кричали. Даже чахоточная подошла къ нимъ и, кашляя, смотрѣла на сцѣпившихся женщинъ. Дѣти прижались другъ къ другу и плакали. На шумъ вошла надзирательница съ надзирателемъ. Дерущихся розняли, и Кораблева, распустивъ сѣдую косу и выбирая изъ нея выдранные куски волосъ, а рыжая, придерживая на желтой груди всю разодранную рубаху, — обѣ кричали, объясняя и жалуясь.

— Вѣдь я знаю, все это вино; вотъ я завтра скажу смотрителю, онъ васъ проберетъ. Я слышу — пахнетъ, — говорила надзирательница. — Смотрите, уберите все, а то плохо будетъ, разбирать васъ некогда. По мѣстамъ и молчать!

Но молчаніе долго еще не установилось. Долго еще

женщины бранились, разсказывали другъ другу, какъ началось, и кто виноватъ. Наконецъ, надзиратель и надзирательница ушли, и женщины стали затихать и укладываться. Старушка стала передъ иконой и начала молиться.

— Собрались двѣ каторжныя, — вдругъ хриплымъ голосомъ заговорила рыжая съ другого конца наръ, сопровождая каждое слово до странности изощренными ругательствами.

— Мотри, какъ бы тебѣ еще не влетѣло, — тотчасъ отвѣтила Кораблева, присоединивъ такія же ругательства. И обѣ затихли.

— Только бы не помѣшали мнѣ, я бы тебѣ бѣльма-то повыдрала... — опять заговорила рыжая, и опять не заставилъ себя ждать такой же отвѣтъ Кораблихи.

Опять промежутокъ молчанія подольше, и опять ругательства. Промежутки становились все длиннѣе и, наконецъ, все совсѣмъ затихло.

Всѣ лежали, нѣкоторыя захрапѣли, только старушка, всегда долго молившаяся, все еще клала поклоны передъ иконой, а дочь дьячка, какъ только надзирательница ушла, встала и опять начала ходить взадъ и впередъ по камерѣ.

Не спала Маслова и все думала о томъ, что она каторжная, и ужъ ее два раза назвали такъ, — назвала Бочкова, и назвала рыжая, — и не могла привыкнуть къ этой мысли. Кораблева, лежавшая къ ней спиной, повернулась.

— Вотъ, не думала, не гадала, — тихо сказала Маслова. — Другіе, что̀ дѣлаютъ — и ничего, а я ни за что страдать должна.

— Не тужи, дѣвка. И въ Сибири люди живутъ. А ты и тамъ не пропадешь, — утѣшала ее Кораблиха.

— Знаю, что не пропаду, да все-таки обидно. Не такую бы мнѣ судьбу надо. Какъ я привыкла къ хорошей жизни!

— Противъ Бога не пойдешь, — со вздохомъ проговорила Кораблева: — противъ Него не пойдешь.

— Знаю, тетенька, а все трудно.

Онѣ помолчали.

— Слышишь? распустёха-то, — проговорила Кораблева,

обращая вниманіе Масловой на странные звуки, слышавшіеся съ другой стороны нарь.

Звуки эти были сдержанныя рыданія рыжей женщины. Рыжая плакала о томъ, что ее сейчасъ обругали, прибили и не дали ей вина, котораго ей такъ хотѣлось. Плакала она и о томъ, что она во всей жизни своей ничего не видала, кромѣ ругательствъ, насмѣшекъ, оскорбленій и побоевъ. Хотѣла она утѣшиться, вспомнивъ свою первую любовь къ фабричному, Ѳедькѣ Молоденкову, но вспомнивъ эту любовь, она вспомнила и то, какъ кончилась эта любовь. Кончилась эта любовь тѣмъ, что этотъ Молодёнковъ, въ пьяномъ видѣ, для шутки, мазнулъ ее купоросомъ по самому чувствительному мѣсту, и потомъ хохоталъ съ товарищами, глядя на то, какъ она корчилась отъ боли. Она вспомнила это, и ей стало жалко себя, и, думая, что никто не слышитъ ее, она заплакала, и плакала, какъ дѣти, — стеная и сопя носомъ и глотая соленыя слезы.

— Жалко ее, — сказала Маслова.

— Извѣстно, жалко, а не лѣзь.

XXXIII.

Первое чувство, испытанное Нехлюдовымъ на другой день, когда онъ проснулся, было сознаніе того, что съ нимъ что-то случилось, и прежде даже, чѣмъ онъ вспомнилъ, что̀ случилось, онъ зналъ уже, что случилось что-то важное и хорошее. „Катюша, судъ.“ Да, и надо перестать лгать и сказать всю правду. И какое удивительное совпаденіе: въ это самое утро пришло, наконецъ, то давно ожидаемое письмо, отъ Марьи Васильевны, жены предводителя, то самое письмо, которое ему теперь было особенно нужно. Она давала ему полную свободу, желала счастья въ предполагаемой имъ женитьбѣ.

— Женитьба! — проговорилъ онъ иронически. — Какъ я теперь далекъ отъ этого.

И онъ вспомнилъ свое вчерашнее намѣреніе все сказать ея мужу, покаяться передъ нимъ и выразить готовность на

всякое удовлетвореніе. Но нынче утромъ это показалось ему не такъ легко, какъ вчера. „И потомъ, зачѣмъ дѣлать несчастнымъ человѣка, если онъ не знаетъ. Если онъ спроситъ, — да, я скажу ему. Но нарочно идти говорить ему? Нѣтъ, это не нужно.“

Такъ же трудно показалось нынче утромъ сказать всю правду Мисси. Опять нельзя было начинать говорить, — это было бы оскорбительно. Неизбѣжно должно было оставаться, какъ и во многихъ житейскихъ отношеніяхъ, нѣчто подразумѣваемое. Одно онъ рѣшилъ нынче утромъ: онъ не будетъ ѣздить къ нимъ и скажетъ правду, если спросятъ его.

Но зато въ отношеніяхъ съ Катюшей не должно было оставаться ничего недоговореннаго.

„Поѣду въ тюрьму, скажу ей, буду просить ее простить меня. И если нужно, да, если нужно, женюсь на ней“, — думалъ онъ.

Эта мысль о томъ, чтобы, ради нравственнаго удовлетворенія, пожертвовать всѣмъ и жениться на ней, нынче утромъ особенно умиляла его.

Давно онъ не встрѣчалъ дня съ такой энергіей. Вошедшей къ нему Аграфенѣ Петровнѣ онъ тотчасъ же съ рѣшительностью, которой самъ не ожидалъ отъ себя, объявилъ, что не нуждается болѣе въ этой квартирѣ и въ ея услугахъ. Молчаливымъ соглашеніемъ было установлено, что онъ держитъ эту большую и дорогую квартиру для того, чтобы въ ней жениться. Сдача квартиры, стало-быть, имѣла особенное значеніе. Аграфена Петровна удивленно посмотрѣла на него.

— Очень благодарю васъ, Аграфена Петровна, за всѣ заботы обо мнѣ, но мнѣ теперь не нужна такая большая квартира и вся прислуга. Если же вы хотите помочь мнѣ, то будьте такъ добры распорядиться вещами, убрать ихъ покамѣстъ, какъ это дѣлалось при мамà. А Наташа пріѣдетъ, она распорядится. (Наташа была сестра Нехлюдова.)

Аграфена Петровна покачала головой.

— Какъ же распорядиться? Вѣдь понадобятся же, — сказала она.

— Нѣтъ, не понадобятся, Аграфена Петровна, навѣрное не понадобятся, — сказалъ Нехлюдовъ, отвѣчая на то, что̀ выражало ея покачиваніе головой. — Скажите, пожалуйста, и Корнѣю, что жалованье я ему отдамъ впередъ за два мѣсяца, но что мнѣ не нужно его.

— Напрасно, Дмитрій Ивановичъ, вы такъ дѣлаете, — выговорила она. — Ну, за границу поѣдете, все-таки понадобится помѣщеніе.

— Вы не то думаете, Аграфена Петровна. Я за границу не поѣду; если поѣду, то совсѣмъ въ другое мѣсто.

Онъ вдругъ багрово покраснѣлъ.

„Да, надо сказать ей, — подумалъ онъ, — нечего умалчивать. Надо все всѣмъ сказать."

— Со мной случилось очень странное и важное дѣло вчера. Вы помните Катюшу у тетушки Марьи Ивановны?

— Какъ же, я ее шить учила.

— Ну, такъ вотъ вчера въ судѣ эту Катюшу судили, и я былъ присяжнымъ.

— Ахъ, Боже мой, какая жалость! — сказала Аграфена Петровна. — Въ чемъ же она судилась?

— Въ убійствѣ, — и все это сдѣлалъ я.

— Какъ же это вы могли сдѣлать? Это очень странно вы говорите, — сказала Аграфена Петровна, и въ старыхъ глазахъ ея зажглись огоньки.

Она знала исторію съ Катюшей.

— Да, я всему причиной. И вотъ это измѣнило всѣ мои планы.

— Какая же отъ этого можетъ для васъ быть перемѣна? — сдерживая улыбку, сказала Аграфена Петровна.

— А та, что если я причиной того, что она пошла по этому пути, то я же и долженъ сдѣлать что̀ могу, чтобы помочь ей.

— Это ваша добрая воля, — только вины вашей тутъ особенной нѣтъ. Со всѣми бываетъ, и если съ разсудкомъ,

то все это заглаживается и забывается, и живутъ, — сказала Аграфена Петровна строго и серьезно, — и вамъ это на свой счетъ брать не къ чему. Я и прежде слышала, что она сбилась съ пути, такъ кто же этому виноватъ?

— Я виноватъ. А потому и хочу исправить

— Ну, ужъ это трудно исправить.

— Это мое дѣло. А если вы о себѣ думаете, то тȯ, чтȯ мамȧ желала . . .

— Я про себя не думаю. Я покойницей такъ облагодѣтельствована, что ничего не желаю. Меня Лизанька зоветъ (это была ея замужняя племянница), я къ ней и поѣду, когда не нужна буду. Только вы напрасно принимаете это къ сердцу, со всѣми это бываетъ.

— Ну, я не такъ думаю. И все-таки прошу васъ, помогите мнѣ сдать квартиру и вещи убрать. И не сердитесь на меня. Я вамъ очень, очень благодаренъ за все.

Удивительное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ Нехлюдовъ понялъ, что онъ дуренъ и противенъ самъ себѣ, съ тѣхъ поръ другіе перестали быть противными ему; напротивъ, онъ чувствовалъ и къ Аграфенѣ Петровнѣ, и къ Корнѣю ласковое и уважительное чувство. Ему хотѣлось покаяться и передъ Корнѣемъ, но видъ Корнѣя былъ такъ внушительно-почтителенъ, что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

Дорогой въ судъ, проѣзжая по тѣмъ же улицамъ, на томъ же извозчикѣ, Нехлюдовъ удивлялся самъ на себя, до какой степени онъ нынче чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Женитьба на Мисси, казавшаяся еще вчера столь близкой, представлялась ему теперь совершенно невозможной. Вчера онъ понималъ свое положеніе такъ, что не было и сомнѣнія, что она будетъ счастлива пойти за него; нынче онъ чувствовалъ себя недостойнымъ не только жениться, но быть близкимъ съ нею. „Если бы она только знала, кто я, то ни за что не принимала бы меня. А я еще въ упрекъ ставилъ ей ея кокетство съ тѣмъ господиномъ. Да нѣтъ, если бы даже она и пошла теперь за меня, развѣ я могъ бы

быть не то, что счастливъ, но спокоенъ, зная, что та тутъ въ тюрьмѣ и завтра-послѣзавтра пойдетъ съ этапомъ на каторгу. Та, погубленная мной женщина, пойдетъ на каторгу, а я буду здѣсь принимать поздравленія и дѣлать визиты съ молодой женой. Или буду съ предводителемъ, котораго я постыдно обманывалъ на собраніи считать голоса за и противъ проводимаго постановленія земской инспекціи школъ и т. п., а потомъ буду назначать свиданія его женѣ (какая мерзость!), или буду продолжать картину, которая, очевидно, никогда не будетъ кончена, потому что мнѣ и не слѣдуетъ заниматься этими пустяками, и не могу ничего этого дѣлать теперь", — говорилъ онъ себѣ и, не переставая, радовался той внутренней перемѣнѣ, которую чувствовалъ.

„Прежде всего, — думалъ онъ, — теперь увидать адвоката и узнать его рѣшеніе, а потомъ . . . потомъ увидать ее въ тюрьмѣ, вчерашнюю арестантку, и сказать ей все."

И когда онъ представлялъ себѣ только, какъ онъ увидитъ ее, какъ онъ скажетъ ей все, какъ покается въ своей винѣ передъ ней, какъ объявитъ ей, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, женится на ней, чтобы загладить свою вину, — такъ особенное восторженное чувство охватывало его, и слезы выступали ему на глаза.

XXXIV.

Пріѣхавъ въ судъ, Нехлюдовъ въ корридорѣ еще встрѣтилъ вчерашняго судебнаго пристава и разспросилъ его: гдѣ содержатся приговоренные уже по суду арестанты, и отъ кого зависитъ разрѣшеніе свиданія съ ними? Судебный приставъ объяснилъ, что содержатся арестанты въ разныхъ мѣстахъ, и что, до объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ, разрѣшеніе свиданій зависитъ отъ прокурора. — „Я вамъ скажу и провожу васъ самъ послѣ засѣданія. Прокурора теперь и нѣтъ еще. Послѣ засѣданія. А теперь пожалуйте въ судъ. Сейчасъ начинается."

Нехлюдовъ поблагодарилъ показавшагося ему нынче осо-

бенно жалкимъ пристава за его любезность и пошелъ въ комнату присяжныхъ.

Въ то время, какъ онъ подходилъ къ этой комнатѣ, присяжные ужъ выходили изъ нея, чтобы идти въ залу засѣданія. Купецъ былъ такъ же веселъ, и такъ же закусилъ и выпилъ, какъ и вчера, и, какъ стараго друга, встрѣтилъ Нехлюдова. И Петръ Герасимовичъ не вызывалъ нынче въ Нехлюдовѣ никакого непріятнаго чувства своей фамильярностью и хохотомъ.

Нехлюдову хотѣлось и всѣмъ присяжнымъ сказать про свое отношеніе къ вчерашней подсудимой. „По-настоящему, — думалъ онъ, — вчера во время суда надо было встать и публично объявить свою вину.“ Но когда онъ, вмѣстѣ съ присяжными, вошелъ въ залу засѣданія, и началась вчерашняя процедура: опять „судъ идетъ“, опять трое на возвышеніи въ воротникахъ, опять молчаніе, усаживаніе присяжныхъ на стульяхъ съ высокими спинками, жандармы, священникъ, — онъ почувствовалъ, что, хотя и нужно было сдѣлать это, онъ и вчера не могъ бы разорвать эту торжественность.

Приготовленія къ суду были тѣ же, что̀ и вчера (за исключеніемъ приведенія къ присягѣ присяжныхъ и рѣчи къ нимъ предсѣдателя).

Дѣло сегодня было о кражѣ со взломомъ. Подсудимый, оберегаемый двумя жандармами съ саблями наголо, былъ худой, узкоплечій 20-тилѣтній мальчикъ въ сѣромъ халатѣ и съ сѣрымъ безкровнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ одинъ на скамьѣ подсудимыхъ и исподлобья оглядывалъ входившихъ. Мальчикъ этотъ обвинялся въ томъ, что вмѣстѣ съ товарищемъ сломалъ замокъ въ сараѣ и похитилъ оттуда старые половики, на сумму 3 рубля 67 копеекъ. Изъ обвинительнаго акта видно было, что городовой остановилъ мальчика въ то время, какъ онъ шелъ съ товарищемъ, который несъ на плечѣ половики. Мальчикъ и товарищъ его тотчасъ же повинились, и оба были посажены въ острогъ. Товарищъ мальчика, слесарь, умеръ въ тюрьмѣ, и вотъ мальчикъ су-

дился одинъ. Старые половики лежали на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Дѣло велось точно такъ же, какъ и вчера со всѣмъ арсеналомъ доказательствъ, уликъ, свидѣтелей, присяги, допросовъ, экспертовъ и перекрестныхъ вопросовъ. Свидѣтель-городовой на вопросы предсѣдателя, обвинителя, защитника безжизненно отрубалъ: „такъ точно-съ", „не могу знать" и опять „такъ точно" ... Но, несмотря на его солдатское одуреніе и машинообразность, видно было, что онъ жалѣлъ мальчика и неохотно разсказывалъ о своей поимкѣ.

Другой свидѣтель, пострадавшій старичокъ, домовладѣлецъ и собственникъ половиковъ, очевидно желчный человѣкъ, когда его спрашивали, признаетъ ли онъ свои половики, очень неохотно призналъ ихъ своими; когда же товарищъ прокурора сталъ допрашивать его о томъ, какое употребленіе онъ намѣренъ былъ сдѣлать изъ половиковъ, очень ли они ему были нужны, онъ разсердился и отвѣчалъ: „И пропади они пропадомъ, эти самые половики, они мнѣ и вовсе не нужны. Кабы я зналъ, что столько изъ-за нихъ докуки будетъ, такъ не то, что искать, а приплатилъ бы къ нимъ красненькую, да и двѣ бы отдалъ, только бы не таскали на допросы. Я на извозчикахъ рублей 5 проѣздилъ. А я же нездоровъ. У меня и грыжа и ревматизмы."

Такъ говорили свидѣтели, самъ же обвиняемый во всемъ винился и, какъ пойманный звѣрекъ, безсмысленно оглядываясь по сторонамъ, прерывающимся голосомъ разсказалъ все, какъ было.

Дѣло было ясно; но товарищъ прокурора такъ же, какъ и вчера, поднимая плечи, дѣлалъ тонкіе вопросы, долженствовавшіе уловить хитраго преступника.

Въ своей рѣчи онъ доказывалъ, что кража совершена въ жиломъ помѣщеніи и со взломомъ, а потому мальчика надо подвергнуть самому тяжелому наказанію.

Назначенный же отъ суда защитникъ доказывалъ, что кража совершена не въ жиломъ помѣщеніи, и что потому, хотя преступленіе и нельзя отрицать, но все-таки преступ-

никъ еще не такъ опасенъ для общества, какъ это утверждалъ товарищъ прокурора.

Предсѣдатель такъ же, какъ и вчера, изображалъ изъ себя безпристрастіе и справедливость и подробно разъяснялъ и внушалъ присяжнымъ то, чтò они знали и не могли не знать. Такъ же, какъ вчера, дѣлались перерывы; такъ же курили; такъ же судебный приставъ вскрикивалъ: „судъ идетъ“, и такъ же, стараясь не заснуть, сидѣли два жандарма съ обнаженнымъ оружіемъ, угрожая преступнику.

Изъ дѣла видно было, что этотъ мальчикъ былъ отданъ отцомъ, мальчишкой на табачную фабрику, гдѣ онъ прожилъ 5 лѣтъ. Въ нынѣшнемъ году онъ былъ разсчитанъ хозяиномъ послѣ происшедшей непріятности хозяина съ рабочими, и, оставшись безъ мѣста, ходилъ безъ дѣла по городу, пропивая съ себя послѣднее. Въ трактирѣ онъ сошелся съ такимъ же, какъ онъ, еще прежде лишившимся мѣста и сильно пившимъ слесаремъ, и они вдвоемъ, ночью, пьяные, сломали замокъ и взяли оттуда первое, чтò попалось. Ихъ поймали. Они во всемъ сознались. Ихъ посадили въ тюрьму, гдѣ слесарь, дожидаясь суда, умеръ. Мальчика же вотъ теперь судили, какъ опасное существо, отъ котораго надо оградить общество.

„Такое же опасное существо, какъ вчерашняя преступница“, — думалъ Нехлюдовъ, слушая все, чтò происходило передъ нимъ. — „Они опасные. А мы не опасные?... Я — распутникъ, обманщикъ, и всѣ мы, вс́ѣ тѣ, которые, зная меня такимъ, каковъ я есть, не только не презирали, но уважали меня?“

Вѣдь очевидно, что мальчикъ этотъ не какой-то особенный злодѣй, а самый обыкновенный (это видятъ всѣ) человѣкъ, и что сталъ онъ тѣмъ, чтò есть, только потому, что находился въ такихъ условіяхъ, которыя порождаютъ такихъ людей. И потому, кажется, ясно, что для того, чтобы не было такихъ мальчиковъ, нужно постараться уничтожить тѣ условія, при которыхъ образуются такія несчастныя существа. Вѣдь стоило только найтись человѣку, —

думалъ Нехлюдовъ, глядя на болѣзненное, запуганное лицо мальчика, — который пожалѣлъ бы его, когда его еще отъ нужды отдавали изъ деревни въ городъ, и помочь этой нуждѣ, или даже когда онъ ужъ былъ въ городѣ и, послѣ 12 часовъ работы на фабрикѣ, шелъ съ увлекшими его старшими товарищами въ трактиръ, — стоило найтись человѣку, который сказалъ бы: „не ходи, Ваня, не хорошо", мальчикъ не пошелъ бы, не заболтался, и ничего бы не сдѣлалъ дурного.

Но такого человѣка, который бы пожалѣлъ его, не нашлось ни одного во все то время, когда онъ, какъ звѣрекъ, жилъ въ городѣ свои года ученья, и остриженный подъ гребенку, чтобъ не разводить вшей, бѣгалъ мастерамъ за покупкой; напротивъ, все, чтò онъ слышалъ отъ мастеровъ и товарищей съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ городѣ, было то, что молодецъ тотъ, кто обманетъ, кто выпьетъ, кто обругаетъ, кто прибьетъ, кто развратничаетъ.

Когда же онъ, больной и испорченный отъ нездоровой работы, пьянства, разврата, одурѣлый и шальной, какъ во снѣ, шлялся безъ цѣли по городу и сдуру залѣзъ въ какой-то сарай и вытащилъ оттуда никому ненужные половики, мы не то, что позаботились о томъ, чтобы уничтожить тѣ причины, которыя довели этого мальчика до его теперешняго положенія, а хотимъ поправить дѣло тѣмъ, что будемъ казнить этого мальчика!...

Ужасно!

Нехлюдовъ думалъ все это, уже не слушая того, чтò происходило передъ нимъ. И самъ ужасался тому, чтò ему открывалось. Онъ удивлялся, какъ могъ онъ не видѣть этого прежде, какъ могли другіе не видѣть этого.

XXXV.

Какъ только сдѣланъ былъ первый перерывъ, Нехлюдовъ всталъ и вышелъ въ корридоръ, съ намѣреніемъ уже больше не возвращаться въ судъ. Пускай съ нимъ дѣлаютъ,

что̀ хотятъ, но участвовать въ этой комедіи онъ болѣе не можетъ.

Узнавъ, гдѣ кабинетъ прокурора, Нехлюдовъ пошелъ къ нему. Курьеръ не хотѣлъ допустить его, объявивъ, что прокуроръ теперь занятъ, но Нехлюдовъ, не слушая его, прошелъ въ дверь и обратился къ встрѣтившему его чиновнику, прося его доложить прокурору, что онъ присяжный, и что ему нужно видѣть его по очень важному дѣлу. Княжескій титулъ и хорошая одежда помогли Нехлюдову. Чиновникъ доложилъ прокурору, и Нехлюдова впустили. Прокуроръ принялъ его стоя, очевидно недовольный настоятельностью, съ которой Нехлюдовъ требовалъ свиданья съ нимъ.

— Что̀ вамъ угодно? — строго спросилъ прокуроръ.

— Я присяжный, фамилія моя Нехлюдовъ, и мнѣ необходимо видѣть подсудимую Маслову, — быстро и рѣшительно проговорилъ Нехлюдовъ, краснѣя и чувствуя, что онъ совершаетъ такой поступокъ, который будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его жизнь.

Прокуроръ былъ невысокій, смуглый человѣкъ, съ короткими, сѣдѣющими волосами, блестящими быстрыми глазами и стриженой густой бородой на выдающейся нижней челюсти.

— Маслову? Какъ же, знаю. Обвинялась въ отравленіи, — сказалъ прокуроръ спокойно. — Для чего же вамъ нужно видѣть ее? — И потомъ, какъ бы желая смягчить, прибавилъ: — Я не могу разрѣшить вамъ этого, не зная, для чего вамъ это нужно.

— Мнѣ нужно это по особенно важному для меня дѣлу, — вспыхнувъ, заговорилъ Нехлюдовъ.

— Такъ-съ, — сказалъ прокуроръ и, поднявъ глаза, внимательно оглядѣлъ Нехлюдова. — Дѣло ея слушалось или еще нѣтъ?

— Она вчера судилась и приговорена къ четыремъ годамъ каторги совершенно неправильно. Она невинна.

— Такъ-съ. Если она приговорена только вчера, — сказалъ прокуроръ, не обращая никакого вниманія на заяв-

леніе Нехлюдова о невинности Масловой, — то до объявленія приговора въ окончательной формѣ она должна все-таки находиться въ домѣ предварительнаго заключенія. Свиданія тамъ разрѣшаются только въ опредѣленные дни. Туда вамъ и совѣтую обратиться.

— Но мнѣ нужно видѣть ее какъ можно скорѣе, — дрожа нижней челюстью, сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя приближеніе рѣшительной минуты.

— Для чего же вамъ это нужно? — поднимая съ нѣкорымъ безпокойствомъ брови, спросилъ прокуроръ.

— Для того, что она невинна и приговорена къ каторгѣ. Виновникъ же всего я, — говорилъ Нехлюдовъ дрожащимъ голосомъ, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ говоритъ то, чего не нужно бы говорить.

— Какимъ же это образомъ? — спросилъ прокуроръ.

— Потому что я обманулъ ее и привелъ въ то положеніе, въ которомъ она теперь. Если бы она не была тѣмъ, до чего я ее довелъ, она и не подверглась бы такому обвиненію.

— Все-таки я не вижу, какую связь это имѣетъ съ свиданіемъ.

— А то, что я хочу слѣдовать за нею и . . . жениться на ней, — выговорилъ Нехлюдовъ. И какъ всегда, какъ только онъ заговоритъ объ этомъ, слезы выступили ему на глаза.

— Да? Вотъ какъ! — сказалъ прокуроръ. — Это дѣйствительно очень исключительный случай. Вы, кажется, гласный красноперскаго земства? — спросилъ прокуроръ, какъ бы вспоминая, что онъ слышалъ прежде про этого Нехлюдова, теперь заявлявшаго такое странное рѣшеніе.

— Извините, я не думаю, чтобы это имѣло связь съ моей просьбой, — вспыхнувъ, злобно отвѣтилъ Нехлюдовъ.

— Конечно, нѣтъ, — чуть замѣтно улыбаясь и нисколько не смущаясь, сказалъ прокуроръ, — но ваше желаніе такъ необыкновенно и такъ выходитъ изъ обычныхъ формъ...

— Что же, могу я получить разрѣшеніе?

— Разрѣшеніе? Да, я сейчасъ дамъ вамъ пропускъ. Потрудитесь посидѣть.

Онъ подошелъ къ столу, сѣлъ и сталъ писать.

— Пожалуйста, присядьте.

Нехлюдовъ стоялъ.

Написавъ пропускъ, прокуроръ передалъ записку Нехлюдову, съ любопытствомъ глядя на него.

— Я еще долженъ заявить, — сказалъ Нехлюдовъ, — что я не могу продолжать участвовать въ сессіи.

— Нужно, какъ вы знаете, представить уважительныя причины суду.

— Причины тѣ, что я считаю всякій судъ не только безполезнымъ, но и безнравственнымъ.

— Такъ-съ, — сказалъ прокуроръ, все съ той же чуть замѣтной улыбкой, какъ бы показывая этой улыбкой то, что такія заявленія знакомы ему и принадлежатъ къ извѣстному ему забавному рязряду. — Такъ-съ, но вы, очевидно, понимаете, что я, какъ прокуроръ суда, не могу согласиться съ вами. И потому совѣтую вамъ заявить объ этомъ на судѣ, и судъ разрѣшитъ ваше заявленіе и признаетъ его уважительнымъ, или неуважительнымъ, и въ послѣднемъ случаѣ наложитъ на васъ взысканіе. Обратитесь въ судъ.

— Я заявилъ, и болѣе никуда не пойду, — сердито проговорилъ Нехлюдовъ.

— Мое почтеніе, — сказалъ прокуроръ, наклоняя голову, очевидно желая скорѣе избавиться отъ этого страннаго посѣтителя.

— Кто это у васъ былъ? — спросилъ членъ суда, вслѣдъ за выходомъ Нехлюдова входя въ кабинетъ прокурора.

— Нехлюдовъ, знаете, который еще въ Красноперскомъ уѣздѣ, въ земствѣ, разныя странныя заявленія дѣлалъ. И представьте, онъ присяжный, и въ числѣ подсудимыхъ оказалась женщина, или дѣвушка, приговоренная въ каторгу, которая, какъ онъ говоритъ, была имъ обманута, и онъ теперь хочетъ жениться на ней.

— Да не можетъ быть?

— Такъ онъ мнѣ сказалъ. И въ какомъ-то страшномъ возбужденіи.

— Что-то есть, какая-то ненормальность въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

— Да онъ уже не очень молодой.

— Ну, ужъ какъ надоѣлъ, батюшка, вашъ прославленный Ивашенковъ. Онъ измором беретъ: говоритъ и говоритъ безъ конца.

— Ихъ надо просто останавливать, а то вѣдь настоящіе обструкціонисты . . .

XXXVI.

Отъ прокурора Нехлюдовъ поѣхалъ прямо въ домъ предварительнаго заключенія. Но оказалось, что никакой Масловой тамъ не было, и смотритель объяснилъ Нехлюдову, что она должна быть въ старой пересыльной тюрьмѣ. Нехлюдовъ поѣхалъ туда.

Дѣйствительно, Екатерина Маслова находилась тамъ.

Разстояніе отъ дома предварительнаго заключенія до пересыльнаго замка было огромное, и пріѣхалъ Нехлюдовъ въ замокъ уже только къ вечеру. Онъ хотѣлъ подойти къ двери огромнаго, мрачнаго зданія, но часовой не пустилъ его, а только позвонилъ. На звонокъ вышелъ надзиратель. Нехлюдовъ показалъ свой пропускъ, но надзиратель сказалъ, что безъ смотрителя онъ не можетъ пустить. Нехлюдовъ направился къ смотрителю. Еще поднимаясь по лѣстницѣ, Нехлюдовъ слышалъ изъ-за дверей звуки какой-то сложной, бравурной пьесы, разыгрываемой на фортепіано. Когда же ему отворила дверь сердитая горничная, съ завязаннымъ глазомъ, звуки эти какъ бы вырвались изъ комнаты и поразили его слухъ. Это была надоѣвшая рапсодія Листа, игранная прекрасно, но только до одного мѣста. Когда доходило до этого мѣста, то повторялось опять то же самое. Нехлюдовъ спросилъ повязанную горничную, дома ли смотритель.

Горничная сказала, что нѣтъ.

къ

— Скоро ли будетъ?

Рапсодія опять остановилась и опять съ блескомъ и шумомъ повторилась до заколдованнаго мѣста.

— Я пойду спрошу.

И горничная вышла.

Рапсодія только-что опять разбѣжалась, какъ вдругъ, не доходя до заколдованнаго мѣста, оборвалась, и послышался голосъ:

— Скажи ему, что нѣтъ и нынче не будетъ. Онъ въ гостяхъ, чего пристаютъ, — раздался женскій голосъ изъ-за двери, и опять послышалась рапсодія, но опять остановилась, и послышался звукъ отодвигаемаго стула. Очевидно, разсерженная піанистка сама хотѣла сдѣлать выговоръ приходящему не въ урочный часъ назойливому посѣтителю.

— Папаши нѣтъ, — сердито сказала, выходя, съ взбитыми волосами, жалкаго вида, блѣдная дѣвица, съ синяками подъ унылыми глазами. Увидавъ молодого человѣка въ хорошемъ пальтò, она смягчилась. — Войдите, пожалуй... Вамъ что̀ же надо?

— Мнѣ въ острогѣ видѣть заключенную.

— Вѣрно политическую?

— Нѣтъ, не политическую. У меня разрѣшеніе отъ прокурора.

— Ну, я не знаю, папаши нѣтъ. Да зайдите, пожалуйста, — опять позвала она его изъ маленькой передней. — А то обратитесь къ помощнику, онъ теперь въ конторѣ, съ нимъ поговорите. Ваша какъ фамилія?

— Благодарю васъ, — сказалъ Нехлюдовъ, не отвѣчая на вопросъ, и вышелъ.

Еще не успѣли за нимъ затворить дверь, какъ опять раздались все тѣ же бойкіе, веселые звуки, такъ не шедшіе ни къ мѣсту, въ которомъ они производились, ни къ лицу жалкой дѣвушки, такъ упорно заучивавшей ихъ. На дворѣ Нехлюдовъ встрѣтилъ молодого офицера съ торчми, нафабренными усами и спросилъ его о помощникѣ

смотрителя. Это былъ самъ помощникъ. Онъ взялъ пропускъ, посмотрѣлъ его и сказалъ, что по пропуску въ домъ предварительнаго заключенія онъ не рѣшается пропустить сюда. — Да ужъ и поздно. Пожалуйте завтра. Завтра въ 10 часовъ свиданіе разрѣшается всѣмъ; вы пріѣзжайте, и самъ смотритель будетъ дома. Тогда свиданіе можете имѣть въ общей, а если смотритель разрѣшитъ, то и въ конторѣ.

Такъ и не добившись въ этотъ день свиданія, Нехлюдовъ отправился домой. Взволнованный мыслью увидать ее, Нехлюдовъ шелъ по улицамъ, вспоминая теперь не судъ, а свои разговоры съ прокуроромъ и смотрителями. То, что онъ искалъ свиданія съ ней и сказалъ про свое намѣреніе прокурору и былъ въ двухъ тюрьмахъ, готовясь увидать ее, такъ взволновало его, что онъ долго не могъ успокоиться. Пріѣхавъ домой, онъ тотчасъ же досталъ свои давно нетронутые дневники, перечелъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ и записалъ слѣдующее: „Два года не писалъ дневника и думалъ, что никогда уже не вернусь къ этому ребячеству. А это было не ребячество, а бесѣда съ собой, съ тѣмъ истиннымъ, божественнымъ *я* которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Все время это *я* спало, и мнѣ не съ кѣмъ было бесѣдовать. Пробудило его необыкновенное событіе 28-го апрѣля, въ судѣ, гдѣ я былъ присяжнымъ. Я на скамьѣ подсудимыхъ увидалъ ее, обманутую мною Катюшу, въ арестантскомъ халатѣ. По странному недоразумѣнію и по моей ошибкѣ ее приговорили къ каторгѣ. Я сейчасъ былъ у прокурора и въ тюрьмѣ. Меня не пустили къ ней, но я рѣшилъ все сдѣлать, чтобы увидать ее, покаяться передъ ней и загладить свою вину, хотя женитьбой. Господи, помоги мнѣ. Мнѣ очень хорошо, радостно на душѣ“.

XXXVII.

Долго въ эту ночь не могла заснуть Маслова, а лежала съ открытыми глазами и, глядя на дверь, заслонявшуюся, то взадъ, то впередъ проходившею дьячихой, думала.

Думала она о томъ, что ни за что не пойдетъ замужъ

за каторжнаго, на Сахалинѣ, а какъ-нибудь иначе устроится. Съ какимъ-нибудь изъ начальниковъ, съ писаремъ, хоть съ надзирателемъ, хоть съ помощникомъ. Они всѣ на это падки. „Только бы не похудѣть. А то пропадешь". И она вспомнила, какъ защитникъ смотрѣлъ на нее, и какъ смотрѣлъ предсѣдатель, и какъ смотрѣли встрѣчавшіеся и нарочно проходившіе мимо нея люди въ судѣ. Она вспомнила, какъ посѣтившая ее въ острогѣ Берта разсказывала ей, что тотъ студентъ, котораго она любила, живя у Китаевой, пріѣзжалъ къ нимъ, спрашивалъ про нее и очень жалѣлъ. Вспоминала она о дракѣ съ рыжей и жалѣла ее, вспоминала о булочникѣ, выславшемъ ей лишній калачъ. Она вспоминала о многихъ, но только не о Нехлюдовѣ. О своемъ дѣтствѣ и молодости, а въ особенности о любви къ Нехлюдову она никогда не вспоминала. Это было слишкомъ больно. Эти воспоминанія, гдѣ-то далеко, нетронутыми лежали въ ея душѣ. Даже во снѣ никогда не видѣла Нехлюдова. Нынче на судѣ она не узнала его, не столько потому, что, когда она видѣла его въ послѣдній разъ, онъ былъ военный, безъ бороды, съ маленькими усиками и, хотя и короткими, но густыми вьющимися волосами, а теперь былъ на видъ уже не молодой человѣкъ, съ бородою, сколько потому, что она никогда не думала о немъ. Похоронила она всѣ воспоминанія о своемъ прошедшемъ съ нимъ въ ту ужасную темную ночь, когда онъ пріѣзжалъ изъ арміи и не заѣхалъ къ тетушкамъ.

До этой ночи, пока она надѣялась на то, что онъ заѣдетъ, она не только не тяготилась ребенкомъ, котораго носила подъ сердцемъ, но часто удивленно умилялась его мягкимъ, а иногда порывистымъ движеніемъ въ себѣ. Но съ этой ночи все стало другое. И будущій ребенокъ сталъ только одной помѣхой.

Тетушки ждали Нехлюдова, просили его заѣхать, но онъ телеграфировалъ, что не можетъ, потому что долженъ быть въ Петербургѣ къ сроку. Когда Катюша узнала это, она рѣшила пойти на станцію, чтобы увидать его. Поѣздъ

проходилъ ночью, въ 2 часа. Катюша уложила спать барышень и, подговоривъ съ собою дѣвочку, кухаркину дочь Машку, надѣла старыя ботинки, накрылась платкомъ, подобралась и побѣжала на станцію.

Была темная, осенняя, дождливая, вѣтряная ночь. Дождь то начиналъ хлестать теплыми крупными каплями, то переставалъ. Въ полѣ, подъ ногами, не было видно дороги, а въ лѣсу было черно, какъ въ печи, и Катюша, хотя и знала хорошо дорогу, сбилась съ нея въ лѣсу и дошла до маленькой станціи, на которой поѣздъ стоялъ 3 минуты, не загодя, какъ она надѣялась, а послѣ второго звонка. Выбѣжавъ на платформу, Катюша тотчасъ же, въ окнѣ вагона перваго класса, увидала его. Въ вагонѣ этомъ былъ особенно яркій свѣтъ. На бархатныхъ креслахъ сидѣли другъ противъ друга два офицера и играли въ карты. На столикѣ у окна горѣли отекшія, толстыя свѣчи. Онъ, въ обтянутыхъ рейтузахъ и бѣлой рубашкѣ, сидѣлъ на ручкѣ кресла, облокотившись на его спинку, и чему-то смѣялся. Какъ только она узнала его, она стукнула въ окно зазябшей рукой. Но въ это самое время ударилъ третій звонокъ и поѣздъ медленно тронулся, сначала назадъ, а потомъ одинъ за другимъ стали подвигаться впередъ толчками сдвигаемые вагоны. Одинъ изъ игравшихъ поднялся съ картами въ рукахъ и сталъ глядѣть въ окно. Она стукнула еще разъ, и приложила лицо къ стеклу. Въ это время дернулся и тотъ вагонъ, у котораго она стояла, и пошелъ. Она пошла рядомъ, смотря въ окно. Офицеръ хотѣлъ опустить окно, но никакъ не могъ. Нехлюдовъ всталъ и, оттолкнувъ офицера, сталъ спускать. Поѣздъ прибавилъ хода, такъ что Катюша шла быстрымъ шагомъ. Поѣздъ пошелъ еще скорѣе, и окно спустилось. Въ это самое время кондукторъ оттолкнулъ ее и вскочилъ въ вагонъ. Она отстала, но все бѣжала по мокрымъ доскамъ платформы, потомъ платформа кончилась, и Катюша насилу удержалась, чтобы не упасть, сбѣгая по ступенькамъ на землю. Она бѣжала, но вагонъ перваго класса былъ уже далеко впереди. Мимо нея бѣжали

вагоны II-го класса, потомъ, еще быстрѣе, побѣжали вагоны III-го класса, но она все-таки бѣжала. Когда пробѣжалъ послѣдній вагонъ съ фонарями, она была уже за водокачкой, внѣ защиты, и вѣтеръ набросился на нее, срывая съ головы ея платокъ и облѣпляя, съ одной стороны, платьемъ ея бѣгущія ноги. Платокъ сбило съ нея вѣтромъ, но она все бѣжала.

— Тетенька Михайловна! — кричала дѣвочка, едва поспѣвая за нею: — платокъ потеряли!

Катюша остановилась и, закинувъ голову назадъ и схватившись за нее руками, зарыдала.

— Уѣхалъ! — закричала она.

„Онъ, въ освѣщенномъ вагонѣ, на бархатномъ креслѣ сидитъ, шутитъ, пьетъ, — а я вотъ здѣсь, въ грязи, въ темнотѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ — стою и плачу“, — подумала она сама съ собой и сѣла на землю и такъ громко зарыдала, что дѣвочка испугалась и обняла ее за мокрое платье.

— Тетенька, домой пойдемъ!

„Пройдетъ поѣздъ — подъ вагонъ, и кончено“, — думала, между тѣмъ, Катюша, не отвѣчая дѣвочкѣ.

Она рѣшила, что сдѣлаетъ такъ. Но тутъ же, какъ это и всегда бываетъ въ первую минуту затишья послѣ волненія, онъ, ребенокъ, — его ребенокъ, который былъ въ ней, вдругъ вздрогнулъ, стукнулся и плавно потянулся, и опять застучалъ чѣмъ-то тонкимъ, нѣжнымъ и острымъ. И вдругъ, все то, что̀ за минуту такъ мучило ее, что казалось нельзя было жить, вся злоба на него и желаніе отомстить ему, хоть своей смертью, все это вдругъ отдалилось. Она успокоилась, встала, оправилась, надѣла на голову платокъ и пошла домой.

Измученная, мокрая, грязная, она вернулась домой и съ этого дня въ ней начался тотъ душевный переворотъ вслѣдствіе котораго она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была теперь. Съ этой страшной ночи она перестала вѣрить въ Бога и

въ добро. Она прежде сама вѣрила въ Бога и въ то, что люди вѣрятъ въ Него, но съ этой ночи убѣдилась, что никто не вѣритъ въ это, и что все, что̀ говорятъ про Бога и Его законъ, все это — обманъ и несправедливость. Онъ, котораго она любила, и который ее любилъ, — она это знала, — бросилъ ее, надругавшись надъ ея чувствами. А онъ былъ самый лучшій изъ всѣхъ людей, какихъ она знала. Всѣ же остальные были еще хуже. И все, что̀ съ ней случалось, на каждомъ шагу подтверждало это. Тетки его, богомольныя старушки, прогнали ее, когда она не могла уже такъ служить имъ, какъ прежде. Всѣ люди, съ которыми она сходилась, — женщины старались черезъ нее добыть денегъ, — мужчины, начиная со стараго становото и до тюремныхъ надзирателей, смотрѣли на нее, какъ на предметъ удовольствія. И ни для кого ничего не было другого на свѣтѣ. Въ этомъ еще больше утвердилъ ее старый писатель, съ которымъ она сошлась на второй годъ своей жизни на свободѣ. Онъ прямо такъ и говорилъ ей, что въ этомъ, — онъ называлъ это поэзіей и эстетикой, — состоитъ все счастіе.

Всѣ жили только для себя, для своего удовольствія, и всѣ слова о Богѣ и добрѣ — были обманъ. Если же когда и поднимались вопросы о томъ, зачѣмъ на свѣтѣ все устроено такъ дурно, что всѣ дѣлаютъ другъ другу зло и всѣ страдаютъ, надо было не думать объ этомъ. Станетъ скучно — покурила или выпила, или, что̀ лучше всего, полюбилась съ мужчиною, — и пройдетъ.

XXXVIII.

На слѣдующій день, въ воскресеніе, въ 5 часовъ утра, когда въ женскомъ коридорѣ тюрьмы раздался обычный свистокъ, не спавшая уже Кораблева разбудила Маслову.

„Каторжная“, съ ужасомъ подумала Маслова, протирая глаза и невольно вдыхая въ себя ужасно вонючій къ утру воздухъ, и хотѣла опять заснуть, уйти въ область безсознательности, но привычка страха пересилила сонъ, и она под-

нялась и, подобравъ ноги, сѣла оглядываясь. Женщины уже поднялись, только дѣти еще спали. Корчемница съ выпуклыми глазами, осторожно, чтобы не разбудить дѣтей, вытаскивала изъ-подъ нихъ халатъ. Бунтовщица развѣшивала у печки тряпки, служившія пеленками, а ребенокъ заливался отчаяннымъ крикомъ на рукахъ у голубо-глазой Ѳедосьи, качавшейся съ нимъ и баюкавшей его нѣжнымъ голосомъ. Чахоточная, схватившись за грудь, съ налитымъ кровью лицомъ, откашливалась и, въ промежуткахъ, вздыхая, почти вскрикивала. Рыжая, проснувшись, лежала кверху животомъ, согнувъ толстыя ноги, и громко и весело разсказывала видѣнный сонъ. Старушка-поджигательница стояла опять передъ образомъ и, шепча одни и тѣ же слова, крестилась и кланялась. Дьячиха неподвижно сидѣла на нарахъ и непроснувшимся, тупымъ взглядомъ смотрѣла передъ собой. Хорошавка подвивала на палецъ масленные, жесткіе черные волосы.

По корридору послышались шаги въ шлепающихъ котахъ, загремѣлъ замо̀къ, и вошли два арестанта-парашечники въ курткахъ и короткихъ, много выше щиколокъ, сѣрыхъ штанахъ и, съ серьезными, сердитыми лицами, поднявъ на водоносъ вонючую кадку, понесли ее вонъ изъ камеры. Женщины вышли въ корридоръ, къ кранамъ, умываться. У крановъ произошла ссора рыжей съ женщиной, вышедшей изъ другой, сосѣдней камеры. Опять ругательства, крики, жалобы...

— Или карцера захотѣли, — закричалъ надзиратель и хлопнулъ рыжую по жирной, голой спинѣ такъ, что щелкнуло на весь корридоръ. — Чтобъ голосу твоего не слышно было.

— Вишь, разыгрался старый, — сказала рыжая, принявъ это обращеніе за ласку.

— Ну, живо! убирайтесь къ обѣднѣ.

Не успѣла Маслова причесаться, какъ пришелъ смотритель со свитой.

— На повѣрку! — крикнулъ надзиратель.

Изъ другой камеры вышли другія арестантки, и всѣ стали въ два ряда вдоль корридора, причемъ женщины задняго ряда должны были класть руки на плечи женщинъ перваго ряда. Всѣхъ пересчитали.

Послѣ повѣрки пришла надзирательница и повела арестантокъ въ церковь. Маслова съ Ѳедосьей находились въ серединѣ колонны, состоящей болѣе чѣмъ изъ ста женщинъ, вышедшихъ изъ всѣхъ камеръ. Всѣ были въ бѣлыхъ косынкахъ, кофтахъ и юбкахъ, и только изрѣдка среди нихъ попадались женщины въ своихъ цвѣтныхъ одеждахъ. Это были жены съ дѣтьми, слѣдовавшія за мужьями. Вся лѣстница была захвачена этимъ шествіемъ. Слышался мягкій топотъ обутыхъ въ коты ногъ, говоръ, иногда смѣхъ. На поворотѣ Маслова увидала злобное лицо своего врага, Бочковой, шедшей впереди, и указала его Ѳедосьѣ. Сойдя внизъ, женщины замолчали и, крестясь и кланяясь, стали проходить въ отворенныя двери еще пустой, блестѣвшей золотомъ церкви. Ихъ мѣсто было направо, и онѣ, тѣснясь, и напирая другъ на дружку, стали устанавливаться. Вслѣдъ за женщинами вошли въ сѣрыхъ халатахъ пересыльные, отсиживающіе и ссылаемые по приговорамъ обществъ, и, громко откашливаясь, стали тѣсной толпой налѣво и въ серединѣ церкви. Наверху же, на хорахъ, уже стояли приведенные прежде — съ одной стороны, съ бритыми полуголовами, каторжные, обнаруживавшіе свое присутствіе позвякиваніемъ цѣпей, съ другой, не бритые и не закованные, подслѣдственные.

Острожная церковь была вновь построена и отдѣлана богатымъ купцомъ, потратившимъ на это дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, и вся блестѣла яркими красками и золотомъ.

Нѣкоторое время въ церкви было молчаніе, и слышались только сморканіе, откашливаніе, крикъ младенцевъ и изрѣдка звонъ цѣпей. Но вотъ арестанты, стоявшіе посерединѣ, шарахнулись, нажались другъ на друга, оставляя дорогу

посерединѣ, и по дорогѣ этой прошелъ смотритель и сталъ впереди всѣхъ, посерединѣ церкви.

XXXIX.

Началось богослуженіе.

Богослуженіе состояло въ томъ, что священникъ, одѣвшись въ особенную, странную и очень неудобную, парчевую одежду, вырѣзывалъ и раскладывалъ кусочки хлѣба на блюдцѣ и потомъ клалъ ихъ въ чашу съ виномъ, произнося при этомъ различныя имена и молитвы. Дьячокъ же, между тѣмъ, не переставая, сначала читалъ, а потомъ пѣлъ, попеременно съ хоромъ изъ арестантовъ, разныя славянскія, сами по себѣ мало понятныя, а еще менѣе отъ быстраго чтенія и пѣнія понятныя молитвы. Содержаніе молитвъ заключалось преимущественно въ желаніи благоденствія Государю Императору и его семейству. Объ этомъ произносились молитвы много разъ, вмѣстѣ съ другими молитвами и отдѣльно, на колѣняхъ. Кромѣ того, было прочтено дьячкомъ нѣсколько стиховъ изъ Дѣяній Апостоловъ такимъ страннымъ напряженнымъ голосомъ, что ничего нельзя было понять, и священникомъ очень внятно было прочтено мѣсто изъ Евангелія Марка, въ которомъ сказано было, какъ Христосъ, воскресши, прежде чѣмъ улетѣть на небо и сѣсть по правую руку своего отца, явился сначала Маріи Магдалинѣ, изъ которой онъ изгналъ семь бѣсовъ, и потомъ одиннадцати ученикамъ, и какъ велѣлъ имъ проповѣдывать Евангеліе всей твари, причемъ объявилъ, что тотъ, кто не повѣритъ — погибнетъ, кто же повѣритъ и будетъ креститься, — будетъ спасенъ и, кромѣ того, будетъ изгонять бѣсовъ, будетъ излѣчивать людей отъ болѣзни наложеніемъ на нихъ рукъ, будетъ говорить новыми языками, будетъ брать змѣй и, если выпьетъ ядъ, то не умретъ, а останется здоровымъ.

Сущность богослуженія состояла въ томъ, что предполагалось, что вырѣзанные священникомъ кусочки и положенные въ вино, при извѣстныхъ манипуляціяхъ и молитвахъ, превращаются въ тѣло и кровь Бога. Манипуляціи эти со-

стояли въ томъ, что священникъ равномѣрно, не смотря на то, что этому мѣшалъ надѣтый на него парчевый мѣшокъ, поднималъ обѣ руки кверху и держалъ ихъ такъ, потомъ опускался на колѣни и цѣловалъ столъ и то, что̀ было на немъ. Самое же главное дѣйствіе было то, когда священникъ, взявъ обѣими руками салфетку, равномѣрно и плавно махалъ ею надъ блюдцемъ и золотой чашей. Предполагалось, что въ это самое время изъ хлѣба и вина дѣлается тѣло и кровь, и потому это мѣсто богослуженія было обставлено особенной торжественностью.

„Изрядно о пресвятѣй, пречистой и преблагословеннѣй Богородицѣ", громко закричалъ послѣ этого священникъ изъ-за перегородки, и хоръ торжественно запѣлъ, что очень хорошо прославлять родившую Христа, безъ нарушенія дѣвства, дѣвицу Марію, которая удостоена за это бо̀льшей чести, чѣмъ какіе-то херувимы, и бо̀льшей славы, чѣмъ какіе-то серафимы. Послѣ этого считалось, что превращеніе совершилось, и священникъ, снявъ салфетку съ блюдца, разрѣзалъ серединный кусочекъ на-четверо и положилъ его сначала въ вино, а потомъ въ ротъ. Предполагалось, что онъ съѣлъ кусочекъ тѣла Бога и выпилъ глотокъ Его крови. Послѣ этого священникъ отдернулъ занавѣску, отворилъ среднія двери, и, взявъ въ руки золоченую чашку, вышелъ съ нею въ среднія двери и пригласилъ желающихъ тоже поѣсть тѣла и крови Бога, находившихся въ чашкѣ.

Желающихъ оказалось нѣсколько дѣтей.

Предварительно опросивъ дѣтей объ ихъ именахъ, священникъ, осторожно зачерпывая ложечкой изъ чашки, совалъ глубоко въ ротъ каждому изъ дѣтей, поочередно, по кусочку хлѣба въ винѣ, а дьячекъ, тутъ же, отирая рты дѣтямъ, веселымъ голосомъ пѣлъ пѣсню о томъ, что дѣти ѣдятъ тѣло Бога и пьютъ Его кровь. Послѣ этого священникъ унесъ чашку за перегородку и, допивъ тамъ всю находившуюся въ чашкѣ кровь и съѣвъ всѣ кусочки тѣла Бога, старательно обсосавъ усы и вытеревъ ротъ и чашку, въ самомъ веселомъ

расположеніи духа, поскрипывая тонкими подошвами опойковыхъ сапогъ, бодрыми шагами вышелъ изъ-за перегородки.

Этимъ закончилось главное христіанское богослуженіе. Но священникъ, желая утѣшить несчастныхъ арестантовъ, прибавилъ къ обычной службѣ еще особенную. Особенная эта служба состояла въ томъ, что священникъ, ставъ передъ предполагаемымъ выкованнымъ, золоченымъ изображеніемъ (съ чернымъ лицомъ и черными руками) того самаго Бога, котораго онъ ѣлъ, освѣщеннымъ десяткомъ восковыхъ свѣчей, началъ страннымъ и фальшивымъ голосомъ не то пѣть, не то говорить, слѣдующія слова: „Іисусе сладчайшій, апостоловъ слава, Іисусе похвала мучениковъ, владыко всесильне, спаси мя, Іисусе Спасе мой, Іисусе мой, краснѣйшій, къ Тебѣ притекающаго, Спасе Іисусе, помилуй мя, молитвами рожденія Тя, всѣхъ, Іисусе, святыхъ Твоихъ, пророкъ же всѣхъ, Спасе мой Іисусе, и сладости райскія сподоби, Іисусе человѣколюбче!“

На этомъ онъ пріостановился, перевелъ духъ, перекрестился, поклонился въ землю, и всѣ сдѣлали то же. Кланялся смотритель, надзиратели, арестанты и наверху особенно часто забренчали кандалы. — „Ангеловъ Творче и Господи силъ“, продолжалъ онъ: „Іисусе пречудный, ангеловъ удивленіе, Іисусе пресильный, прародителей избавленіе, Іисусе пресладкій, патріарховъ величаніе, Іисусе преславный, царей укрѣпленіе, Іисусе преблагій, пророковъ исполненіе, Іисусе предивный, мучениковъ крѣпость, Іисусе претихій, монаховъ радосте, Іисусе премилостивый, пресвитеровъ сладость, Іисусе, премилосердый, постниковъ воздержаніе, Іисусе пресладостный, преподобныхъ радованіе, Іисусе пречистый, дѣвственныхъ цѣломудріе, Іисусе предвѣчный, грѣшниковъ спасеніе, Іисусе Сыне Божій, помилуй мя“, добрался онъ наконецъ до остановки, все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ свистомъ повторяя слово Іисусе, придержалъ рукою рясу на шелковой подкладкѣ и, опустившись на одно колѣно, поклонился въ землю, а хоръ запѣлъ послѣднія слова: „Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя“, а арестанты падали и

подымались, встряхивая волосами, остававшимися на половинѣ головы, и гремя кандалами, натиравшими имъ худыя ноги.

Такъ продолжалось очень долго. Сначала шли похвалы, которыя кончались словами: „помилуй мя", а потомъ шли новыя похвалы, кончавшіяся словами; „алилуія". И арестанты крестились, кланялись на каждомъ перерывѣ, но потомъ они стали уже кланяться черезъ разъ, а то и черезъ два, и всѣ были очень рады, когда всѣ похвалы окончились, и священникъ, облегченно вздохнувъ, закрылъ книжечку и ушелъ за перегородку. Оставалось одно послѣднее дѣйствіе, состоявшее въ томъ, что священникъ взялъ съ большого стола лежавшій на немъ золоченый крестъ съ эмалевыми медальончиками на концахъ и вышелъ съ нимъ на середину церкви. Сначала подошелъ и приложился къ кресту смотритель, потомъ надзиратели, потомъ, напирая другъ на друга и шопотомъ ругаясь, стали подходить арестанты. Священникъ, разговаривая съ смотрителемъ, совалъ крестъ и свою руку въ ротъ, а иногда въ носъ подходившимъ къ нему арестантамъ, арестанты же старались поцѣловать и крестъ, и руку священника. Такъ кончилось христіанское богослуженіе, совершаемое для утѣшенія и назиданія заблудшихъ братьевъ.

XL.

И никому изъ присутствующихъ, начиная съ священника и смотрителя и кончая Масловой, не приходило въ голову, что тотъ самый Іисусъ, имя котораго со свистомъ такое безчисленное число разъ повторялъ священникъ, всякими странными словами восхваляя Его, — запретилъ именно все то, что̀ дѣлалось здѣсь; запретилъ не только такое безсмысленное многоглаголаніе и кощунственное волхвованіе священниковъ-учителей надъ хлѣбомъ и виномъ, но самымъ опредѣленнымъ образомъ запретилъ однимъ людямъ называть учителями другихъ людей, запретилъ молитвы въ храмахъ, а велѣлъ молиться каждому въ уединеніи, запретилъ

самые храмы, сказавъ, что пришелъ разрушить ихъ, и что молиться надо не въ храмахъ, а въ духѣ и истинѣ; главное же, запретилъ не только судить людей и держать ихъ въ заточеніи, мучить, позорить, казнить, какъ это дѣлалось здѣсь, а запретилъ всякое насиліе надъ людьми, сказавъ, что онъ пришелъ выпустить плѣненныхъ на свободу.

Никому изъ присутствующихъ не приходило въ голову того, что все, что совершалось здѣсь, было величайшимъ кощунствомъ и насмѣшкой надъ тѣмъ самымъ Христомъ, именемъ котораго все это дѣлалось. Никому въ голову не приходило того, что золоченый крестъ съ эмалевыми медальончиками на концахъ, который вынесъ священникъ и давалъ цѣловать людямъ, былъ ни что иное, какъ изображеніе той висѣлицы, на которой былъ казненъ Христосъ именно за то, что онъ запретилъ то самое, что теперь его именемъ совершалось здѣсь. Никому не приходило въ голову, что тѣ священники, которые воображаютъ себѣ, что, въ видѣ хлѣба и вина, они ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь Христа, дѣйствительно ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь его, но не въ кусочкахъ и въ винѣ, а тѣмъ, что, не только соблазняютъ тѣхъ „малыхъ сихъ", съ которыми Христосъ отожествлялъ себя, но и лишаютъ ихъ величайшаго блага и подвергаютъ жесточайшимъ мученіямъ, скрывая отъ людей то возвѣщеніе блага, которое онъ принесъ имъ.

Священникъ, съ спокойной совѣстью, дѣлалъ все то, что онъ дѣлалъ, потому что съ дѣтства былъ воспитанъ на томъ, что это единственная истинная вѣра, въ которую вѣрили всѣ прежде жившіе святые люди, и теперь вѣрятъ духовное и свѣтское начальство. Онъ вѣрилъ не въ то, что изъ хлѣба сдѣлалось тѣло, что полезно для души произносить много словъ, или что онъ съѣлъ дѣйствительно кусочекъ Бога, — въ это нельзя вѣрить, — а вѣрилъ въ то, что надо вѣрить въ эту вѣру. Главное же утверждало его въ этой вѣрѣ то, что за исполненіе требъ этой вѣры онъ 18 лѣтъ уже получалъ доходы, на которые содержалъ свою семью, сына въ гимназіи, дочь въ духовномъ училищѣ. Такъ

же вѣрилъ и дьячекъ и еще тверже, чѣмъ священникъ, потому что совсѣмъ забылъ сущность догматовъ этой вѣры, а зналъ только, что за теплоту, за поминаніе, за часы, за молебенъ простой и за молебенъ съ акаѳистомъ, за все есть опредѣленная цѣна, которую настоящіе христіане охотно платятъ, и потому выкрикивалъ свои: „помилось, помилось“, и пѣлъ, и читалъ что̀ положено съ такой же спокойной увѣренностью въ необходимости этого, съ какой люди продаютъ дрова, муку, картофель. Начальникъ же тюрьмы и надзиратели, хотя никогда и не знали и не вникали въ то, въ чемъ состоятъ догматы этой вѣры, и что̀ означало все то, что̀ совершалось въ церкви, — вѣрили, что непремѣнно надо вѣрить въ эту вѣру, потому что высшее начальство и самъ царь вѣрятъ въ нее. Кромѣ того, хотя и смутно (они никакъ не могли бы объяснить, какъ это дѣлается), они чувствовали, что эта вѣра оправдывала ихъ жестокую службу. Если бы не было этой вѣры, имъ не только труднѣе, но пожалуй и невозможно бы было всѣ свои силы употреблять на то, чтобы мучить людей, какъ они это теперь дѣлали съ совершенно спокойной совѣстью. Смотритель былъ такой доброй души человѣкъ, что онъ никакъ не могъ бы жить такъ, если бы не находилъ поддержки въ этой вѣрѣ. И потому онъ стоялъ неподвижно, прямо, усердно кланялся и крестился, старался умилиться, когда пѣли: „Иже Херувимы“, а когда стали причащать дѣтей, вышелъ впередъ и собственноручно поднялъ мальчика, котораго причащали, и подержалъ его.

Большинство же арестантовъ, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, ясно видѣвшихъ весь обманъ, который производился надъ людьми этой вѣры, и въ душѣ смѣявшихся надъ нею, большинство вѣрило, что въ этихъ золоченыхъ иконахъ, свѣчахъ, чашахъ, ризахъ, крестахъ, повтореніяхъ непонятныхъ словъ: „Іисусе сладчайшій“, „помилось“, заключается таинственная сила, посредствомъ которой можно пріобрѣсть большія удобства въ этой и будущей жизни. Хотя большинство изъ нихъ, продѣлавъ нѣ-

сколько опытовъ пріобрѣтенія удобствъ въ этой жизни посредствомъ молитвъ, молебновъ, свѣчей, и не получило ихъ, — молитвы ихъ остались неисполненными, — каждый былъ твердо увѣренъ, что эта неудача случайная, и что это учрежденіе, одобряемое учеными людьми и митрополитами, есть учрежденіе очень важное, которое необходимо если не для этой, то для будущей жизни.

Такъ же вѣрила и Маслова. Она, какъ и другіе, испытывала во время богослуженія смѣшанное чувство благоговѣнія и скуки. Она стояла сначала въ серединѣ толпы за перегородкой и не могла видѣть никого, кромѣ своихъ товарокъ; когда же причастницы двинулись впередъ, и она выдвинулась вмѣстѣ съ Өедосьей, и она увидала смотрителя, а за смотрителемъ и между надзирателями мужичка съ свѣтлобѣлой бородкой и русыми волосами, — Өедосьинаго мужа, который остановившимися глазами глядѣлъ на жену, — Маслова во время акаѳиста занялась разсматриваніемъ его и перешептываніемъ съ Өедосьей, и крестилась, и кланялась только, когда всѣ это дѣлали.

XLI.

Нехлюдовъ рано выѣхалъ изъ дома. По переулку еще ѣхалъ деревенскій мужикъ и страннымъ голосомъ кричалъ:

— Молока, молока, молока!

Наканунѣ былъ первый теплый весенній дождь. Вездѣ, гдѣ не было мостовой, вдругъ зазеленѣла трава; березы въ садахъ осыпались зеленымъ пухомъ, и черемуха и тополя расправляли свои длинныя, пахучія листья, а въ домахъ и магазинахъ выставляли и вытирали рамы. На толкучемъ рынкѣ, мимо котораго пришлось проѣзжать Нехлюдову, кишѣла около выстроенныхъ въ рядъ палатокъ сплошная толпа народа, и ходили оборванные люди съ сапогами подъ мышкой и перекинутыми черезъ плечо выглаженными панталонами и жилетами.

У трактировъ уже тѣснились, высвободившись изъ своихъ фабрикъ, мужчины въ чистыхъ поддевкахъ и глян-

цевитыхъ сапогахъ и женщины въ шелковыхъ яркихъ платкахъ на головахъ и пальто съ стеклярусомъ. Городовые съ желтыми шнурками пистолетовъ стояли на мѣстахъ, высматривая безпорядки, которые могли бы развлечь ихъ отъ томящей скуки. По дорожкамъ бульваровъ и по зеленому, только-что окрасившемуся газону бѣгали, играя, дѣти и собаки, и веселыя нянюшки преговаривались между собой, сидя на скамейкахъ.

По улицамъ, прохладнымъ и влажнымъ еще съ лѣвой стороны, въ тѣни, и высохшимъ по серединѣ, не переставая, гремѣли по мостовой тяжелые воза ломовыхъ, дребезжали пролетки, и звенѣли конки. Со всѣхъ сторонъ дрожалъ воздухъ отъ разнообразнаго звона и гула колоколовъ, призывающихъ народъ къ присутствованію при такомъ же служеніи, какое совершалось теперь въ тюрьмѣ. И разряженный народъ расходился каждый по своему приходу.

Извозчикъ подвезъ Нехлюдова не къ самой тюрьмѣ, а къ повороту, ведущему къ тюрьмѣ.

Нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, бо̀льшей частью съ узелками, стояли тутъ, на этомъ поворотѣ къ тюрьмѣ, шагахъ въ ста отъ нея. Справа были невысокія деревянныя строенія, слѣва двухъэтажный домъ съ какой-то вывѣской. Само огромное каменное зданіе тюрьмы было впереди, и къ нему не подпускали посѣтителей. Часовой съ ружьемъ ходилъ взадъ и впередъ, строго окрикивая тѣхъ, которые хотѣли обойти его.

У калитки деревянныхъ строеній, съ правой стороны противъ часового, сидѣлъ на лавочкѣ надзиратель въ мундирѣ съ галунами, съ записной книжкой. Къ нему подходили посѣтители и называли тѣхъ, кого желали видѣть, и онъ записывалъ. Нехлюдовъ также подошелъ къ нему и назвалъ Катерину Маслову. Надзиратель съ галунами записалъ.

— Почему не пускаютъ еще? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Обѣдня идетъ. Вотъ отойдетъ обѣдня, тогда впустятъ.

Нехлюдовъ отошелъ къ толпѣ дожидавшихся. Изъ толпы выдѣлился въ оборванной одеждѣ и смятой шляпѣ, въ опоркахъ на босу ногу, человѣкъ съ красными полосами во все лицо и направился къ тюрьмѣ.

— Ты куда лѣзешь? — крикнулъ на него солдатъ съ ружьемъ.

— А ты чего орешь? — нисколько не смущаясь окрикомъ часового, отвѣтилъ оборванецъ и вернулся назадъ: — не пускаешь — подожду. А то кричитъ, ровно енералъ.

Въ толпѣ одобрительно засмѣялись. Посѣтители были бо̀льшей частью люди худо одѣтые, даже оборванные, но были и приличные, по внѣшнему виду, и мужчины, и женщины. Рядомъ съ Нехлюдовымъ стоялъ хорошо одѣтый, весь бритый, полный, румяный человѣкъ съ узелкомъ, очевидно бѣлья, въ рукѣ. Нехлюдовъ спросилъ его, въ первый ли онъ разъ тутъ? Человѣкъ съ узелкомъ отвѣтилъ, что онъ каждое воскресенье бываетъ здѣсь, и они разговорились. Это былъ швейцаръ изъ банка; онъ пришелъ сюда провѣдать своего брата, судимаго за подлогъ. Добродушный человѣкъ этотъ разсказалъ Нехлюдову всю свою исторію и хотѣлъ разспрашивать и его, когда ихъ вниманіе отвлекли пріѣхавшіе на крупной, породистой, вороной лошади, въ пролеткѣ на резиновыхъ шинахъ, студентъ съ дамой подъ вуалью. Студентъ несъ въ рукахъ большой узелъ. Онъ подошелъ къ Нехлюдову и спросилъ его — можно ли, и что̀ нужно сдѣлать для того, чтобы передать милостыню — калачи, которые онъ привезъ. „Это я по желанію невѣсты. Это моя невѣста. Родители ея посовѣтовали намъ свезти заключеннымъ.“

— Я самъ въ первый разъ и не знаю, но думаю, что надо спросить этого человѣка, — сказалъ Нехлюдовъ, указывая на надзирателя съ галунами, сидѣвшаго съ книжкой направо.

Въ то самое время, когда Нехлюдовъ разговаривалъ съ студентомъ, большія, съ оконцемъ въ серединѣ, желѣзныя двери тюрьмы отворились, и изъ нихъ вышелъ офицеръ въ мундирѣ съ другимъ надзирателемъ, и надзиратель съ книж-

кой объявилъ, что впускъ посѣтителей начинается. Часовой посторонился, и всѣ посѣтители, какъ будто боясь опоздать, скорымъ шагомъ, а кто и рысью, пустились къ двери тюрьмы. У двери стоялъ одинъ надзиратель, который, по мѣрѣ того, какъ посѣтители проходили мимо него, считалъ ихъ, громко произнося: 16, 17 и т. д. Другой надзиратель, внутри зданія, дотрогиваясь рукой до каждаго, также считалъ проходившихъ въ слѣдующія двери съ тѣмъ, чтобы при выпускѣ, провѣривъ счетъ, не оставить ни одного посѣтителя въ тюрьмѣ и не выпустить ни одного заключеннаго. Счетчикъ этотъ, не глядя на того, кто проходилъ, хлопнулъ рукой по спинѣ Нехлюдова, и это прикосновеніе руки надзирателя въ первую минуту оскорбило Нехлюдова, но тотчасъ же онъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и ему совѣстно стало этого чувства неудовольствія и оскорбленія.

Первое помѣщеніе за дверьми была большая комната со сводами и желѣзными рѣшетками въ небольшихъ окнахъ. Въ комнатѣ этой, называвшейся сборной, совершенно неожиданно Нехлюдовъ увидѣлъ въ нишѣ большое изображеніе распятія.

„Зачѣмъ это?“ — подумалъ онъ, невольно соединяя въ своемъ представленіи изображеніе Христа съ освобожденными, а не съ заключенными.

Нехлюдовъ шелъ медленнымъ шагомъ, пропуская впередъ себя спѣшившихъ посѣтителей, испытывая смѣшанныя чувства ужаса передъ тѣми злодѣями, которые заперты здѣсь, состраданья къ тѣмъ невиннымъ, которые, какъ вчерашній мальчикъ и Катюша, должны быть здѣсь, и робости, и умиленія породъ тѣмъ свиданіемъ, которое ему предстояло. При выходѣ изъ первой комнаты, на другомъ концѣ ея, надзиратель проговорилъ что-то. Но Нехлюдовъ, поглощенный своими мыслями, не обратилъ вниманія на это и продолжалъ идти туда, куда шло больше посѣтителей, то-есть въ мужское отдѣленіе, а не въ женское, куда ему нужно было.

Пропуская спѣшащихъ впередъ, онъ вошелъ послѣднимъ въ помѣщеніе, назначенное для свиданій. Первое, что пора-

зило его, когда онъ, отворивъ дверь, вошелъ въ это помѣщеніе, былъ оглушающій, сливающіися въ одинъ гулъ крикъ сотни голосовъ. Только ближе подойдя къ людямъ, точно какъ мухи насѣвшимъ на сахаръ, прилѣпившимся къ сѣткѣ, дѣлившей комнату на-двое, Нехлюдовъ понялъ въ чемъ дѣло. Комната съ окнами на задней стѣнѣ была раздѣлена на-двое не одной, а двумя проволочными сѣтками, шедшими отъ потолка до земли. Между сѣтками ходили надзиратели. На той сторонѣ сѣтокъ были заключенные, на этой сторонѣ — посѣтители. Между тѣми и другими были двѣ сѣтки и аршина три разстоянія, такъ что не только передать что-нибудь, но и разсмотрѣть лицо, особенно близорукому человѣку, было невозможно. Трудно было и говорить, надо было кричать изо всѣхъ силъ, чтобы быть услышаннымъ. Съ обѣихъ сторонъ были прижавшіяся къ сѣткамъ лица: женъ, мужей, отцовъ, матерей, дѣтей, старавшихся разсмотрѣть другъ друга и сказать то, что̀ нужно. Но такъ какъ каждый старался говорить такъ, чтобы его разслышалъ его собесѣдникъ, и сосѣди хотѣли того же, и ихъ голоса мѣшали другъ другу, то каждый старался перекричать другого. Отъ этого-то стоялъ тотъ гулъ, перебиваемый криками, который поразилъ Нехлюдова, какъ только онъ вошелъ въ эту комнату. Разобрать то, что̀ говорилось, не было никакой возможности. Можно было только по лицамъ судить о томъ, что̀ говорилось, и какія отношенія были между говорящими. Ближе къ Нехлюдову была старушка въ платочкѣ, которая, прижавшись къ сѣткѣ, дрожа подбородкомъ, кричала что-то блѣдному молодому человѣку съ бритой половиной головы. Арестантъ, поднявъ брови и сморщивъ лобъ, внимательно слушалъ ее. Рядомъ съ старушкой былъ молодой человѣкъ въ поддевкѣ, который слушалъ, покачивая головой, то, что̀ ему говорилъ похожій на него арестантъ съ измученнымъ лицомъ и сѣдѣющей бородой. Еще дальше стоялъ оборванецъ и, махая рукой, что-то кричалъ и смѣялся. А рядомъ съ нимъ сидѣла на полу женщина съ ребенкомъ въ хорошемъ шерстяномъ платкѣ и рыдала, очевидно въ первый разъ увидавъ того

сѣдого человѣка, который былъ на другой сторонѣ, въ арестантской курткѣ, съ бритой головой и въ кандалахъ. Надъ этой же женщиной — швейцаръ, съ которымъ говорилъ Нехлюдовъ, кричалъ изо всѣхъ силъ лысому съ блестящими глазами арестанту на той сторонѣ.

Когда Нехлюдовъ понялъ, что онъ долженъ будетъ говорить въ этихъ условіяхъ, въ немъ поднялось чувство возмущенія противъ тѣхъ людей, которые могли это устроить и соблюдать. Ему удивительно было, что такое ужасное положеніе, такое издѣвательство надъ чувствами людей никого не оскорбляло. И солдаты, и смотритель, и посѣтители, и заключенные дѣлали все это такъ, какъ будто признавая, что это такъ и должно быть.

Нехлюдовъ пробылъ въ этой комнатѣ минутъ пять, испытывая какое-то странное чувство тоски, сознанья своего безсилія и разлада со всѣмъ міромъ. Нравственное чувство тошноты, похожее на качку въ кораблѣ, овладѣло имъ.

XLII.

„Однако, надо дѣлать то, за чѣмъ пришелъ“, — сказалъ онъ, подбадривая себя. — „Какъ же быть?“ — Онъ сталъ искать глазами начальство и, увидавъ невысокаго, худого человѣка съ усами, въ офицерскихъ погонахъ, ходившаго позади народа, обратился къ нему.

— Не можете ли вы, милостивый государь, мнѣ сказать, — спросилъ онъ съ особенно напряженной вѣжливостью: — гдѣ содержатся женщины, и гдѣ свиданія съ ними разрѣшаются?

— Вамъ развѣ въ женскую надо?

— Да, я бы желалъ видѣть одну женщину изъ заключенныхъ, — съ тою же напряженною вѣжливостью отвѣчалъ Нехлюдовъ.

— Такъ вы бы такъ говорили, когда въ сборной были. Вамъ кого же нужно видѣть?

— Мнѣ нужно видѣть Екатерину Маслову.

— Она политическая? — спросилъ помощникъ смотрителя.

— Нѣтъ, она просто...

— Она что же, приговоренная?

— Да, третьяго дня она была приговорена, — покорно отвѣчалъ Нехлюдовъ, боясь какъ-нибудь попортить настроеніе смотрителя, какъ будто принявшаго въ немъ участіе.

— Коли въ женскую, такъ сюда пожалуйте, — сказалъ смотритель, очевидно рѣшивъ, по внѣшности Нехлюдова, что онъ стоитъ вниманія. — Сидоровъ, — обратился онъ къ усатому унтеръ-офицеру съ медалями, — проводи, вотъ ихъ, въ женскую.

— Слушаю-съ.

Въ это время у рѣшетки послышались чьи-то раздирающія душу рыданія.

Все было странно Нехлюдову, и страннѣе всего то, что ему приходилось благодарить и чувствовать себя обязаннымъ передъ смотрителемъ и старшимъ надзирателемъ, передъ людьми, дѣлавшими всѣ тѣ жестокія дѣла, которыя дѣлались въ этомъ домѣ.

Надзиратель вывелъ Нехлюдова изъ мужской посѣтительской въ корридоръ и тотчасъ же, черезъ дверь напротивъ, ввелъ его въ женскую комнату для свиданій.

Комната эта такъ же, какъ и мужская, была раздѣлена на-трое двумя сѣтками, но она была значительно меньше, и въ ней было меньше и посѣтителей, и заключенныхъ, но крикъ и гулъ былъ такой же, какъ и въ мужской. Такъ-же между сѣтками ходило начальство. Начальство здѣсь представляла надзирательница въ мундирѣ съ галунами на рукавахъ и синими выпушками и такимъ же кушакомъ какъ у надзирателей. И такъ же, какъ и въ мужской, съ обѣихъ сторонъ налипли къ сѣткамъ люди: съ этой стороны, въ разнообразныхъ одѣяніяхъ городскіе жители, съ той стороны, арестантки, нѣкоторыя въ бѣлыхъ, нѣкоторыя въ своихъ одеждахъ. Вся сѣтка была уставлена людьми. Одни подни-

мались на цыпочки, чтобы через головы другихъ быть услышанными, другіе сидѣли на полу и переговаривались.

Замѣтнѣе всѣхъ женщинъ-арестантокъ и поразительнымъ крикомъ, и видомъ, была лохматая, худая цыганка-арестантка, со сбившейся съ курчавыхъ волосъ косынкой, стоявшая почти посрединѣ комнаты, на той сторонѣ рѣшетки, у столба, и что-то съ быстрыми жестами кричавшая низко и туго подпоясанному цыгану въ синемъ сюртукѣ. Рядомъ съ цыганомъ присѣлъ къ землѣ солдатъ, разговаривая съ арестанткой, потомъ стоялъ, прильнувъ къ сѣткѣ, молодой съ свѣтлой бородкой мужичокъ въ лаптяхъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, очевидно съ трудомъ сдерживающій слезы. Съ нимъ говорила миловидная бѣлокурая арестантка, свѣтлыми голубыми глазами смотрѣвшая на собесѣдника. Это была Ѳедосья съ своимъ мужемъ. Подлѣ нихъ стоялъ оборванецъ, переговаривавшійся съ растрепанной широколицей женщиной; потомъ двѣ женщины, мужчина, опять женщина, — противъ каждаго была арестантка. Въ числѣ ихъ Масловой не было. Но позади арестантокъ, на той сторонѣ, стояла еще одна женщина, и Нехлюдовъ тотчасъ же понялъ, что это была она, и тотчасъ же почувствовалъ, какъ усиленно забилось его сердце, и остановилось дыханіе. Рѣшительная минута приближалась. Онъ подошелъ къ сѣткѣ и узналъ Катюшу. Она стояла позади голубоглазой Ѳедосьи и, улыбаясь, слушала то, что̀ она говорила. Она была не въ халатѣ, какъ третьяго дня, а въ бѣлой кофтѣ, туго стянутой поясомъ и высоко подымавшейся на груди. Изъ-подъ косынки, какъ на судѣ, выставлялись вьющіеся черные волосы.

„Сейчасъ рѣшится“, — думалъ онъ. — „Какъ мнѣ позвать ее? Или сама подойдетъ“.

Но сама она не подходила. Она ждала Клару и никакъ не думала, что этотъ мужчина къ ней.

— Вамъ кого нужно? — спросила, подходя къ Нехлюдову, надзирательница, ходившая между сѣтками.

— Катерину Маслову, — едва могъ выговорить Нехлюдовъ.

— Маслова, къ тебѣ! — крикнула надзирательница.

Маслова оглянулась и, поднявъ голову и прямо выставляя грудь, съ своимъ знакомымъ Нехлюдову выраженіемъ готовности, подошла къ рѣшеткѣ, протискиваясь между двумя арестантками, и удивленно-вопросительно уставилась на Нехлюдова, не узнавая его.

Признавъ, однако, по одеждѣ въ немъ богатаго человѣка, она улыбнулась.

— Вы ко мнѣ? — сказала она, приближая къ рѣшеткѣ свое улыбающееся, съ косящими глазами лицо.

— Я хотѣлъ видѣть . . . — Нехлюдовъ не зналъ, какъ сказать: „васъ" или „тебя", и рѣшилъ сказать „васъ". Онъ говорилъ не громче обыкновеннаго: — Я хотѣлъ видѣть васъ . . . я . . .

— „Ты мнѣ зубы-то не заговаривай", — кричалъ подлѣ него оборванецъ: — „Брала, или не брала?"

— „Вовсе помираетъ, слаба" — кричалъ кто-то съ другой стороны.

Маслова не могла разслышать того, что̀ говорилъ Нехлюдовъ, но выраженіе его лица въ то время, какъ онъ говорилъ, вдругъ напомнило ей то, о чемъ она не хотѣла вспоминать и улыбка исчезла съ ея лица, и на лбу образовалась страдальческая морщина.

— Не слыхать, что̀ говорите, — прокричала она, щурясь и все больше и больше морща лобъ.

— Я пришелъ . . . .

„Да, я дѣлаю то, что̀ должно, я каюсь", подумалъ Нехлюдовъ.

И только что онъ подумалъ это, слезы выступили ему на глаза, подступили къ горлу, и онъ, зацѣпившись пальцами за рѣшетку, замолчалъ, дѣлая усиліе, чтобы не разрыдаться.

— „Кабы здорова, я бы не пошелъ", кричали съ одной стороны.

— „Вѣрь ты Богу, знать не знаю", — кричала арестантка съ другой стороны.

Маслова увидала его волненіе и оно сообщилось ей:

глаза ея загорѣлись, румянецъ пятнами выступилъ на бѣлыя, пухлыя щеки, но лицо продолжало быть строго, а косые глаза пристально смотрѣли мимо.

— Похоже, да не признаю, — закричала она.

— Я пришелъ затѣмъ, чтобы просить у тебя прощенія, — прокричалъ онъ громкимъ голосомъ, безъ интонацій какъ заученный урокъ.

Когда онъ прокричалъ эти слова, ему стало стыдно, и онъ оглянулся. Но тотчасъ же пришла мысль, что если ему стыдно, то это тѣмъ лучше, потому что онъ долженъ нести стыдъ. И онъ громко продолжалъ:

— Я дурно гадко поступилъ прости меня... — прокричалъ онъ еще.

Она стояла неподвижно и не спускала съ него своего косого взгляда.

Онъ не могъ дальше говорить и отошелъ отъ рѣшетки, стараясь удержать колебавшія его грудь рыданія.

Смотритель, тотъ самый, который направилъ Нехлюдова въ женское отдѣленіе, очевидно заинтересованный имъ, пришелъ въ это отдѣленіе и, увидавъ Нехлюдова не у рѣшетки, спросилъ его, почему онъ не говоритъ съ той, съ кѣмъ ему нужно. Нехлюдовъ высморкался и, встряхнувшись, стараясь имѣть спокойный видъ, отвѣчалъ:

— Не могу говорить черезъ рѣшетку, ничего не слышно.

Смотритель задумался.

— Ну, что же, можно вывести ее сюда на время.

— Марья Карловна! — обратился онъ къ надзирательницѣ. — Выведите Маслову наружу.

XLIII.

Черезъ минуту изъ боковой двери вышла Маслова. Подойдя мягкими шагами вплоть къ Нехлюдову, она остановилась и исподлобья взглянула на него. Черные волосы такъ же, какъ и третьяго дня, выбивались вьющимися колечками, лицо нездоровое, пухлое и бѣлое, было миловидно

и совершенно спокойно; только глянцовито-черные косые глаза, изъ-подъ подпухшихъ вѣкъ, особенно блестѣли.

— Можно говорить здѣсь, — сказалъ смотритель и отошелъ. Нехлюдовъ продвинулся къ скамьѣ, стоявшей у стѣны.

Маслова взглянула вопросительно на помощника смотрителя и потомъ, какъ бы съ удивленіемъ пожавъ плечами, пошла за Нехлюдовымъ къ скамьѣ и сѣла на нее рядомъ съ нимъ, оправивъ юбку.

— Я знаю, что вамъ трудно простить меня, — началъ Нехлюдовъ, но опять остановился, чувствуя, что слезы мѣшаютъ, — но если нельзя уже поправить прошлаго, то я теперь сдѣлаю все, что̀ могу. Скажите...

— Какъ это вы нашли меня? — Не отвѣчая на его вопросъ, спросила она, глядя, и не глядя на него своими косыми глазами.

— „Боже мой! Помоги мнѣ. Научи меня, что̀ мнѣ дѣлать", — говорилъ себѣ Нехлюдовъ, глядя на ея такое измѣнившееся теперь лицо.

— Я третьяго дня былъ присяжнымъ, — сказалъ онъ: — когда васъ судили. — Вы не узнали меня?

— Нѣтъ, не узнала. Некогда мнѣ было узнавать. Да я и не смотрѣла, — отвѣтила она.

— Вѣдь былъ ребенокъ? — спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ лицо его покраснѣло.

— Тогда же, слава Богу, померъ, — коротко и злобно отвѣтила она, отворачивая отъ него взглядъ.

— Какъ-же, отчего?

— Я сама больна была, чуть не померла, — сказала она не поднимая глазъ.

— Какъ же тетушки васъ отпустили?

— Кто станетъ горничную съ ребенкомъ держать? Какъ замѣтили, такъ и прогнали. Да что̀ говорить, — не помню ничего, все забыла. То все кончено.

— Нѣтъ, не кончено. Не могу я такъ оставить этого. Я хоть теперь хочу искупить свой грѣхъ.

— Нечего искупать; что̀ было, то было и прошло, — сказала она и, чего онъ никакъ не ожидалъ, она вдругъ взглянула на него и непріятно, заманчиво и жалостно улыбнулась.

Маслова никакъ не ожидала увидать его, особенно теперь и здѣсь, и потому въ первую минуту появленіе его поразило ее и заставило вспомнить о томъ, чего она не вспоминала никогда. Она въ первую минуту вспомнила смутно о томъ новомъ чудномъ мірѣ чувствъ и мыслей, который открытъ былъ ей прелестнымъ юношей, любившимъ ее и любимымъ ею, и потомъ объ его непонятной жестокости и цѣломъ рядѣ униженій, страданій, которыя послѣдовали за этимъ волшебнымъ счастьемъ и вытекли изъ него. И ей сдѣлалось больно. Но, не будучи въ силахъ разобраться въ этомъ, она поступила и теперь, какъ поступала всегда: отогнала отъ себя эти воспоминанія и постаралась застлать ихъ особеннымъ туманомъ развратной жизни. Въ первую минуту она соединила теперь сидящаго передъ ней человѣка съ тѣмъ юношей, котораго она когда-то любила, но потомъ, увидавъ, что это слишкомъ больно, она перестала соединять его съ тѣмъ. Теперь этотъ чисто одѣтый, выхоленный господинъ съ надушенной бородой былъ для нея не тотъ Нехлюдовъ, котораго она любила, а только одинъ изъ тѣхъ людей, которые, когда имъ нужно было, пользовались такими существами, какъ она, и которыми такія существа, какъ она, должны были пользоваться, какъ можно для себя выгоднѣе. И потому она заманчиво улыбнулась ему.

Она помолчала, обдумывая, чѣмъ бы воспользоваться отъ него.

— То все кончено, — сказала она. — Теперь вотъ осудили въ каторгу. — И губы ея задрожали, когда она выговорила это страшное слово.

— Я зналъ, я увѣренъ былъ, что вы не виноваты, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Извѣстно, не виновата. Развѣ я воровка или грабительница.

— У насъ говорятъ, что все отъ адвоката, — продолжала она. — Говорятъ, надо прошеніе подать. Только дорого, говорятъ, берутъ . . .

— Да, непремѣнно, — сказалъ Нехлюдовъ. — Я уже обратился къ адвокату.

— Надо не пожалѣть денегъ, на хорошаго, — сказала она.

— Я все сдѣлаю, что̀ возможно.

Наступило молчаніе.

Она опять такъ-же улыбнулась.

— А я хочу васъ попросить . . . денегъ, если можете. Не много . . . десять. Больше не надо, — вдругъ сказала она.

— Да, да, — сконфуженно заговорилъ Нехлюдовъ и взялся за бумажникъ.

Она быстро взглянула на смотрителя, который ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ.

— При немъ не давайте, а когда онъ отойдетъ, а то отберутъ.

Нехлюдовъ досталъ бумажникъ, какъ только смотритель отвернулся, но не успѣлъ передать десятирублевую бумажку, какъ смотритель опять повернулся къ нимъ лицомъ. Онъ зажалъ деньги въ рукѣ.

„Вѣдь это мертвая женщина“, — думалъ Нехлюдовъ, глядя на это когда-то милое, теперь оскверненное, пухлое лицо, съ блестящимъ, нехорошимъ блескомъ черныхъ косящихъ глазъ, слѣдившихъ за смотрителемъ и за рукой Нехлюдова съ сжатой бумажкой. И на него нашла минута колебанія.

Опять тотъ искуситель, который говорилъ вчера ночью, заговорилъ въ душѣ Нехлюдова, какъ всегда стараясь вывести его изъ вопросовъ о томъ, что̀ должно сдѣлать, въ вопросъ о томъ, что̀ выйдетъ изъ его поступковъ, и что̀ полезно.

„Ничего ты не сдѣлаешь съ этой женщиной“, — говорилъ этотъ голосъ: „только себѣ на шею повѣсишь камень, который утопитъ тебя и помѣшаетъ тебѣ быть полезнымъ

другимъ. Дать ей денегъ, все что есть, проститься съ ней и кончить все навсегда?“ — подумалось ему.

Но тутъ же онъ почувствовалъ, что теперь, сейчасъ, совершается нѣчто самое важное въ его душѣ, — что его внутренняя жизнь стоитъ въ эту минуту, какъ бы на колеблющихся вѣсахъ, которые малѣйшимъ усиліемъ могутъ быть перетянуты въ ту или другую сторону. И онъ сдѣлалъ это усиліе, призывая того Бога, котораго онъ вчера почуялъ въ своей душѣ; и Богъ тутъ-же отозвался въ немъ. Онъ рѣшилъ сейчасъ сказать ей все.

— Катюша! Я пришелъ къ тебѣ просить прощенія, а ты не отвѣтила мнѣ, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь, — сказалъ онъ, вдругъ переходя на ты.

Она не слушала его, а глядѣла то на его руку, то на смотрителя. Когда смотритель отвернулся, она быстро протянула къ Нехлюдову руку, схватила бумажку и положила за поясъ.

— Чудно̀, что говорите, — сказала она, презрительно, какъ ему показалось, улыбаясь.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что въ ней есть что-то, прямо враждебное ему, защищающее ее такою, какая она теперь, и мѣшающее ему проникнуть до ея сердца.

Но, удивительное дѣло, это его не только не отталкивало, но еще больше, какой-то особенной, новой силой, притягивало къ ней. Онъ чувствовалъ, что ему должно разбудить ее духовно, что это страшно трудно, — но самая трудность этого дѣла привлекала его. Онъ испытывалъ къ ней теперь чувство такое, какого онъ никогда не испытывалъ прежде ни къ ней, ни къ кому-либо другому, — въ которомъ не было ничего личнаго: онъ ничего не желалъ себѣ отъ нея, а желалъ только того, чтобы она перестала быть такою, какою она была теперь, — чтобы она пробудилась и стала такою, какою она была прежде.

— Катюша, зачѣмъ ты такъ говоришь. Я вѣдь знаю тебя, помню тебя тогда въ Пановѣ ...

Но она не сдавалась, не хотѣла сдаться.

— Что старое поминать, — еще сильнѣе морщась, сухо сказала она.

— Я вспоминаю затѣмъ, чтобы загладить, искупить свой грѣхъ, Катюша, — началъ онъ и хотѣлъ было сказать о томъ, что онъ женится на ней, но онъ встрѣтилъ ея взглядъ и прочелъ въ немъ что-то такое страшное и грубое, отталкивающее, что не могъ договорить.

Въ это время посѣтители стали выходить. Смотритель подошелъ къ Нехлюдову и сказалъ, что время свиданія кончилось. Маслова встала, покорно ожидая, когда ее отпустятъ.

— Прощайте, мнѣ еще многое нужно сказать вамъ, но, какъ видите, теперь нельзя, — сказалъ Нехлюдовъ, и протянулъ руку. — Я приду еще.

— Кажется, все сказали ...

Она подала руку, но не пожала.

— Нѣтъ, я постараюсь видѣться съ вами еще, гдѣ бы можно переговорить, и тогда скажу очень важное, что̀ нужно сказать вамъ, — проговорилъ Нехлюдовъ.

— Что же, приходите, — сказала она, улыбаясь той улыбкой, которой улыбалась мужчинамъ, которымъ хотѣла нравиться.

— Вы ближе для меня, чѣмъ сестра, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Чудно̀, — повторила она и, покачивая головой, ушла за рѣшетку.

XLIV.

Нехлюдовъ ожидалъ, что уже при первомъ свиданіи Катюша, увидавъ его, узнавъ его намѣреніе, служить ей, и его раскаяніе, обрадуется и умилится и станетъ опять Катюшей, но, къ ужасу своему, онъ увидалъ, что Катюши не было, а была одна Маслова. Это удивило и ужаснуло его.

Преимущественно удивляло его то, что Маслова не только не стыдилась своего положенія, — не арестантки (этого она стыдилась), а своего положенія проститутки, — но какъ будто даже была довольна, почти гордилась имъ. А между

тѣмъ, это и не могло быть иначе. Всякому человѣку для того, чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непремѣнно составитъ себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему важною и хорошею.

Обыкновенно думаютъ, что воръ, убійца, шпіонъ, проститутка, признавая свою профессію дурною, должны стыдиться ея. Происходитъ же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами — ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ. Для поддержанія же такого взгляда люди инстинктивно держатся того круга, въ которомъ признаются понятія составленныя себѣ о жизни и о своемъ въ ней мѣстѣ. Насъ это удивляетъ, когда дѣло касается воровъ, хвастающихся своею ловкостью, проститутокъ — своимъ развратомъ, убійцъ — своей жестокостью. Но удивляетъ это насъ только потому, что кружокъ — атмосфера этихъ людей ограничена, и, главное, что мы находимся внѣ ея; но развѣ не то же явленіе происходитъ среди богачей, хвастающихся своимъ богатствомъ, т. е. грабительствомъ, — военноначальниковъ, хвастающихся своими побѣдами, т. е. убійствомъ, — властителей, хвастающихся своимъ могуществомъ, т. е. насильничествомъ. Мы не видимъ въ этихъ людяхъ извращенія понятія о жизни, о добрѣ и злѣ, для оправданія своего положенія только потому, что кругъ людей съ такими извращенными понятіями — больше, и мы сами принадлежимъ къ нему.

И такой взглядъ на свою жизнь и свое мѣсто въ мірѣ составился у Масловой. Она была проститутка, приговоренная къ каторгѣ, и не смотря на это, она составила себѣ такое міровоззрѣніе, при которомъ могла одобрять себя и даже гордиться передъ людьми своимъ положеніемъ.

Міровоззрѣніе это состояло въ томъ, что главное благо

всѣхъ мужчинъ, всѣхъ безъ исключенія, — старыхъ, молодыхъ, гимназистовъ, генераловъ, образованныхъ, необразованныхъ, — состоитъ въ половомъ общеніи съ привлекательными женщинами, и потому всѣ мужчины, хотя и притворяются, что заняты другими дѣлами, въ сущности желаютъ только одного этого. Она же — привлекательная женщина, можетъ удовлетворять или не удовлетворять это ихъ желаніе, и потому она — важный и нужный человѣкъ. Вся ея прежняя и теперешняя жизнь подтверждала справедливость этого взгляда.

Впродолженіе десяти лѣтъ она вездѣ, гдѣ бы она ни была, начиная съ Нехлюдова и старика станового, и кончая острожными надзирателями, — видѣла, что всѣ мужчины нуждаются въ ней; она не видѣла и не замѣчала тѣхъ мужчинъ, которые не нуждались въ ней. И потому весь міръ представлялся ей собраніемъ обуреваемыхъ похотью людей, со всѣхъ сторонъ сторожившихъ ее и всѣми возможными средствами, — обманомъ, насиліемъ, куплей, хитростью, — старавшихся овладѣть ею.

Такъ понимала жизнь Маслова и, при такомъ пониманіи жизни, она была не только не послѣдній, а очень важный человѣкъ. И Маслова дорожила такимъ пониманіемъ жизни больше всего на свѣтѣ, не могла не дорожить имъ, потому что, измѣнивъ такое пониманіе жизни, она теряла то значеніе, которое такое пониманіе давало ей среди людей. И для того, чтобы не терять своего значенія въ жизни, она инстинктивно держалась круга людей, смотрѣвшихъ на жизнь такъ-же, какъ и она. Чуя же, что Нехлюдовъ хочетъ вывести ее въ другой міръ, она противилась ему, предвидя, что въ томъ мірѣ, въ который онъ привлекалъ ее, она должна будетъ потерять это свое мѣсто въ жизни, дававшее ей увѣренность и самоуваженіе. По этой же причинѣ она отгоняла отъ себя и воспоминанія первой юности и первыхъ отношеній съ Нехлюдовымъ. Воспоминанія эти не сходились съ ея теперешнимъ міросозерцаніемъ и потому были совершенно вычеркнуты изъ ея памяти, или, скорѣе, гдѣ-то хра-

нились въ ея памяти нетронутыми, но были такъ заперты, замазаны, какъ пчелы замазываютъ гнѣзда клочней (червей), которые могутъ погубить всю пчелиную работу, чтобы къ нимъ не было никакого доступа. И потому теперешній Нехлюдовъ былъ для нея не тотъ человѣкъ, котораго она когда-то любила чистой любовью, а только богатый господинъ, которымъ можно и должно воспользоваться, и съ которымъ могли быть только такія отношенія, какъ и со всѣми мужчинами.

„Нѣтъ, не могъ сказать ей главнаго", — думалъ Нехлюдовъ, направляясь вмѣстѣ съ народомъ къ выходу. „Я не сказалъ ей, что женюсь на ней. Не сказалъ, а сдѣлаю это", — думалъ онъ.

Надзиратели, стоя у дверей, опять, выпуская, въ двѣ руки считали посѣтителей, чтобы не вышелъ лишній и не остался въ тюрьмѣ. То, что его хлопали теперь по спинѣ, не оскорбляло его, онъ даже не замѣчалъ этого.

XLV.

Нехлюдову хотѣлось измѣнить свою внѣшнюю жизнь: сдать большую квартиру, распустить прислугу и переѣхать въ гостинницу. Но Аграфена Петровна доказала ему, что не было никакого резона до зимы что-либо измѣнять въ устройствѣ жизни; лѣтомъ квартиры никто не возьметъ, а жить и держать мебель и вещи гдѣ-нибудь да нужно. Такъ что всѣ усилія Нехлюдова измѣнить свою внѣшнюю жизнь (ему хотѣлось устроиться просто, по-студенчески), не привели ни къ чему. Мало того, что все осталось по-прежнему, въ домѣ началась усиленная работа провѣтриванія, развѣшиванія и выбиванія всякихъ шерстяныхъ и мѣховыхъ вещей, въ которой принимали участіе, и дворникъ, и его помощникъ, и кухарка, и самъ Корнѣй. Сначала выносили и вывѣшивали на веревки какіе-то мундиры и странныя мѣховыя вещи, которыя никогда никѣмъ не употреблялись, потомъ стали выносить ковры и мебель, и дворникъ съ по-

мощникомъ, засучивъ рукава мускулистыхъ рукъ, усиленно въ тактъ выколачивали эти вещи, и по всѣмъ комнатамъ распространился запахъ нафталина. Проходя по двору и глядя изъ оконъ, Нехлюдовъ удивлялся тому, какъ ужасно много всего этого было и какъ все это было несомнѣнно безполезно. Единственное употребленіе и назначеніе этихъ вещей, — думалъ Нехлюдовъ, — состояло въ томъ, чтобы доставить случай дѣлать упражненія Аграфенѣ Петровнѣ, Корнѣю, дворнику, его помощнику и кухаркѣ.

„Не стòитъ измѣнять формы жизни теперь, пока дѣло Масловой не рѣшено“, — думалъ Нехлюдовъ. — „Да и слишкомъ трудно это. Все равно само собой все измѣнится, когда освободятъ или сошлютъ ее, и я поѣду за ней.“

Въ назначенный адвокатомъ Фанаринымъ день Нехлюдовъ пріѣхалъ къ нему. Войдя въ его великолѣпную квартиру собственнаго дома, съ огромными растеніями и удивительными занавѣсками на окнахъ и, вообще, той дорогой обстановкой, свидѣтельствующей о дурашныхъ, т. е. безъ труда полученныхъ деньгахъ, которая бываетъ только у людей неожиданно разбогатѣвшихъ, Нехлюдовъ засталъ въ пріемной дожидающихся очереди просителей, сидящихъ уныло какъ у врачей, около столовъ съ долженствующими развлекать ихъ иллюстрированными журналами. Помощникъ адвоката, сидѣвшій тутъ-же, у высокой конторки, узнавъ Нехлюдова, подошелъ къ нему, поздоровался и сказалъ, что онъ сейчасъ доложитъ принципалу. Но не успѣлъ помощникъ подойти къ двери въ кабинетъ, какъ она сама отворилась, и послышались громкіе оживленные голоса немолодого коренастаго человѣка, съ краснымъ лицомъ и съ густыми усами, въ совершенно новомъ платьѣ, и самого Фанарина. На обоихъ лицахъ было то выраженіе, какое бываетъ на лицахъ людей, только что сдѣлавшихъ выгодное, но не совсѣмъ хорошее дѣло.

— Сами виноваты, батюшка, — улыбаясь говорилъ Фанаринъ.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пущаютъ.

— Ну, ну, мы знаемъ.

И оба не натурально засмѣялись.

— А, князь, пожалуйте, — сказалъ Фанаринъ, увидавъ Нехлюдова и, кивнувъ еще разъ удалявшемуся купцу, ввелъ Нехлюдова въ свой, строгаго стиля, дѣловой кабинетъ. — Пожалуйста, курите, — сказалъ адвокатъ, садясь противъ Нехлюдова и сдерживая улыбку, вызываемую успѣхомъ предшествующаго дѣла.

— Благодарю, я о дѣлѣ Масловой.

— Да, да, сейчасъ. У, какія шельмы эти толстосумы, — сказалъ онъ. — Видѣли этого молодца, у него милліоновъ 12 капитала. А говоритъ: „пущаетъ". Ну, а если только можетъ вытянуть у васъ 25-ти-рублевый билетъ — зубами вырветъ.

„Онъ говоритъ: ‚пущаетъ', а ты говоришь: ‚25-ти-рублевый билетъ'", — думалъ между тѣмъ Нехлюдовъ, чувствуя непреодолимое отвращеніе къ этому развязному человѣку, тономъ своимъ желавшему показать, что онъ съ нимъ, съ Нехлюдовымъ, одного, а съ пришедшими кліентами и остальными — другого, чуждаго имъ лагеря.

— Ужъ очень онъ меня измучилъ — ужасный негодяй. Хотѣлось душу отвести, — сказалъ адвокатъ, какъ бы оправдываясь въ томъ, что говоритъ не о дѣлѣ. — Ну-съ, о вашемъ дѣлѣ ... Я его прочелъ внимательно и „содержанія онной не одобрилъ," какъ говорится у Тургенева, т. е. адвокатишка былъ дрянной, и всѣ поводы кассаціи упустилъ.

— Такъ что же вы рѣшили?

— Сію минуту. Скажите ему, — обратился онъ къ вошедшему помощнику: — что какъ я сказалъ, такъ и будетъ, можетъ — хорошо, не можетъ — не надо.

— Да онъ не согласенъ.

— Ну и не надо, — сказалъ адвокатъ, и лицо у него изъ радостнаго и благодушнаго вдругъ сдѣлалось мрачное и злое.

— Вотъ, говорятъ, что адвокаты даромъ деньги берутъ, — сказалъ онъ, наводя на свое лицо опять прежнюю пріят-

ность. — Я выпросталъ одного несостоятельнаго должника изъ совершенно неправильнаго обвиненія, и теперь они всѣ ко мнѣ лѣзутъ. А каждое такое дѣло стоитъ огромнаго труда. Вѣдь и мы тоже, какъ какой-то писатель говоритъ, оставляемъ кусочекъ мяса въ чернильницѣ.

— Ну-съ, такъ ваше дѣло, или дѣло, которое интересуетъ васъ, — продолжалъ онъ, — ведено скверно, хорошихъ поводовъ къ кассаціи нѣтъ, но все-таки попытаться кассировать можно, и я вотъ написалъ слѣдующее.

Онъ взялъ листъ исписанной бумаги и, быстро проглатывая нѣкоторыя неинтересныя формальныя слова и особенно внушительно произнося другія, началъ читать: „Въ уголовный кассаціонный Департаментъ и т. д. и т. д. такой то и т. д. жалоба. Рѣшеніемъ состоявшагося и т. д. и т. д. вердикта и т. д. признана такая-то Маслова виновною въ лишеніи жизни посредствомъ отравленія купца Смѣлькова и на основаніи 1454 ст. Уложенія приговорена къ и т. д. каторжныя работы и т. д.“

Онъ остановился, — очевидно, не смотря на большую привычку, все таки съ удовольствіемъ слушая свое произведеніе. „Приговоръ этотъ является результатомъ столь важныхъ процессуальныхъ нарушеній и ошибокъ“, — продолжалъ онъ внушительно, „что подлежитъ отмѣнѣ. Во первыхъ: чтеніе, во время судебнаго слѣдствія, акта изслѣдованія внутренностей Смѣлькова было прервано въ самомъ началѣ предсѣдателемъ“ — разъ.

— Да вѣдь это обвинитель требовалъ чтенія, — съ удивленіемъ сказалъ Нехлюдовъ.

— Все равно, защита могла имѣть основанія требовать того же самаго.

— Но вѣдь это же совсѣмъ ни на что не нужно было.

— Всетаки, это поводъ. Далѣе: „Во вторыхъ защитникъ Масловой“, продолжалъ онъ читать, „былъ остановленъ во время рѣчи предсѣдателемъ, когда, желая охарактеризовать личность Масловой, онъ коснулся внутреннихъ причинъ ея паденія, на томъ основаніи, что слова защитника яко-бы

не относятся прямо къ дѣлу, а между тѣмъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ то было неоднократно указываемо Сенатомъ, выясненіе характера и вообще нравственнаго облика подсудимаго имѣетъ первенствующее значеніе, хотя бы для правильнаго рѣшенія вопроса о вмѣненіи. „Два", — сказалъ онъ, взглянувъ на Нехлюдова.

— Да вѣдь онъ очень плохо говорилъ, такъ что нельзя было ничего понять, — еще болѣе удивляясь, сказалъ Нехлюдовъ.

— Малый глупый совсѣмъ и, разумѣется, ничего не могъ сказать путнаго, — смѣясь сказалъ Фанаринъ, — но все таки поводъ. Ну-съ, потомъ: „Въ третьихъ: въ заключительномъ словѣ своемъ предсѣдатель, вопреки категорическаго требованія 1 п. 801 ст. Уст. Угол. Суд., не разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, изъ какихъ юридическихъ элементовъ слагается понятіе о виновности, и не сказалъ имъ, что они имѣютъ право, признавъ доказаннымъ фактъ дачи Масловою яду Смѣлькову, не вмѣнить ей это дѣяніе въ вину за отсутствіемъ у нея умысла на убійство и такимъ образомъ признать ее виновною не въ уголовномъ преступленіи, а лишь въ проступкѣ — неосторожности, послѣдствіемъ коей, неожиданнымъ для Масловой, была смерть купца." Это вотъ главное.

— Да мы и сами могли понять это. Это наша ошибка.

— „И, наконецъ, въ четвертыхъ", — продолжалъ адвокатъ, „присяжными засѣдателями отвѣтъ на вопросъ суда о виновности Масловой былъ данъ въ такой формѣ, которая заключала въ себѣ явное противорѣчіе. Маслова обвинялась въ умышленномъ отравленіи Смѣлькова съ исключительно корыстною цѣлью, каковая являлась единственнымъ мотивомъ убійства, присяжные же въ отвѣтѣ своемъ отвергли цѣль ограбленія и участіе Масловой въ похищеніи цѣнностей, — изъ чего очевидно было, что они имѣли въ виду отвергнуть и умыселъ подсудимой на убійство и лишь по недоразумѣнію, вызванному неполнотою заключительнаго слова предсѣдателя, не выразили этого надлежащимъ образомъ въ своемъ отвѣ-

тѣ, а потому такой отвѣтъ присяжныхъ безусловно требовалъ примѣненія 816 и 808 ст. Уст. Угол. Суд., т. е. разъясненія присяжнымъ со стороны предсѣдателя сдѣланной ими ошибки и возвращенія къ новому совѣщанію и новому отвѣту на вопросъ о виновности подсудимой," — прочелъ Фанаринъ.

— Такъ почему же предсѣдатель не сдѣлалъ этого?

— Я бы тоже желалъ знать почему? — смѣясь сказалъ Фанаринъ.

— Стало быть Сенатъ исправитъ ошибку?

— Это смотря по тому, кто тамъ въ данный моментъ будетъ засѣдать. Ну, такъ вотъ-съ. Дальше пишемъ: „Такой вердиктъ не давалъ суду права", — продолжалъ онъ быстро, — „подвергнуть Маслову уголовному наказанію, и примѣненіе къ ней 3 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд. составляетъ рѣзкое и крупное нарушеніе основныхъ положеній нашего уголовнаго процесса. По изложеннымъ основаніямъ имѣю честь ходатайствовать и т. д. объ отмѣнѣ, согласно 909, 910, 2 п. 912 и 928 ст. Уст. Угол. Суд. и т. д. и т. д. и о передачѣ дѣла сего въ другое отдѣленіе того же суда для новаго разсмотрѣнія". Такъ вотъ-съ, все, что можно было сдѣлать, сдѣлано. Но буду откровененъ, вѣроятія на успѣхъ мало. Впрочемъ, все зависитъ отъ состава Департамента Сената. Если есть рука, похлопочите.

— Я кое-кого знаю.

— Да и поскорѣе, а то они всѣ уѣдутъ геморои лѣчить, и тогда три мѣсяца надо ждать. — Ну, а въ случаѣ неуспѣха, остается прошеніе на Высочайшее имя. Это тоже зависитъ отъ закулисной работы. И въ этомъ случаѣ, готовъ служить, т. е. не въ закулисной, а въ составленіи прошенія.

— Благодарю васъ, гонораръ стало-быть ...

— Помощникъ передастъ вамъ бѣловую жалобу и скажетъ.

— Еще я хотѣлъ спросить васъ: прокуроръ далъ мнѣ пропускъ въ тюрьму къ этому лицу, въ тюрьмѣ же мнѣ ска-

зали, что нужно еще разрѣшеніе губернатора для свиданій внѣ условныхъ дней и мѣста. Нужно ли это?

— Да, я думаю. Но теперь губернатора нѣтъ, правитъ должность вицъ. Но это такой дремучій дуракъ, что вы съ нимъ едва ли что сдѣлаете.

— Это Масленниковъ? . . .

— Да.

— Я знаю его, — сказалъ Нехлюдовъ и всталъ, чтобы уходить.

Въ это время въ комнату влетѣла быстрымъ шагомъ маленькая, страшно безобразная, курносая, костлявая, желтая женщина, — жена адвоката, очевидно, нисколько не унывавшая отъ своего безобразія. Она не только была необыкновенно оригинально нарядна, — что-то было на ней накручено и бархатное, и шелковое, и ярко-желтое, и зеленое, — но и жидкіе волосы ея были подвиты, и она побѣдительно влетѣла въ пріемную, сопутствуемая длиннымъ улыбающимся человѣкомъ съ землянымъ цвѣтомъ лица, въ сюртукѣ съ шелковыми отворотами и бѣломъ галстукѣ. Это былъ писатель, его зналъ по лицу Нехлюдовъ.

— Анатоль, — проговорила она, отворяя дверь: — пойдемъ ко мнѣ. Вотъ Семенъ Ивановичъ обѣщаетъ прочесть свое стихотвореніе, а ты долженъ читать о Гаршинѣ, непремѣнно.

Нехлюдовъ хотѣлъ уйти, но жена адвоката пошепталась съ мужемъ и тотчасъ же обратилась къ нему.

— Пожалуйста, князь, я васъ знаю и считаю излишнимъ представленія, посѣтите наше литературное утро. Очень будетъ интересно. Анатоль прелестно читаетъ.

— Видите, сколько у меня разнообразныхъ дѣлъ, — сказалъ Анатоль, разводя руками, улыбаясь и указывая на жену, выражая этимъ невозможность противустоять такой обворожительной особѣ.

Съ грустнымъ и строгимъ лицомъ и съ величайшей учтивостью поблагодаривъ жену адвоката за честь приглашенія,

Нехлюдовъ отказался за неимѣніемъ возможности и вышелъ въ пріемную.

— Какой гримасникъ, — сказала про него жена адвоката, когда онъ вышелъ.

Въ пріемной помощникъ передалъ Нехлюдову готовое прошеніе и, на вопросъ о гонорарѣ, сказалъ, что Анатолій Петровичъ назначилъ 1,000 рублей, объяснивъ при этомъ, что собственно такихъ дѣлъ Анатолій Петровичъ не беретъ, но дѣлаетъ это для него.

— Какъ же, подписать прошеніе, кто долженъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Можетъ сама подсудимая; а если затруднительно, то и Анатолій Петровичъ, взявъ отъ нея довѣренность.

— Нѣтъ, я съѣзжу и возьму ея подпись, — сказалъ Нехлюдовъ, радуясь случаю увидать Катюшу раньше назначеннаго дня.

XLVI.

Въ обычное время въ острогѣ просвистѣли по корридорамъ свистки надзирателей; гремя желѣзомъ, отворились двери корридоровъ и камеръ, зашлепали босыя ноги и каблуки котовъ, по корридорамъ прошли парашечники, наполняя воздухъ отвратительною вонью; умылись, одѣлись арестанты и арестантки и вышли по корридорамъ на повѣрку, а послѣ повѣрки пошли за кипяткомъ для чая.

За чаемъ въ этотъ день по всѣмъ камерамъ острога шли оживленные разговоры о томъ, что въ этотъ день должны были быть наказаны розгами два арестанта. Одинъ изъ этихъ арестантовъ былъ хорошо грамотный молодой человѣкъ, приказчикъ Васильевъ, убившій свою любовницу въ припадкѣ ревности. Его любили товарищи по камерѣ за его веселость, щедрость и твердость въ отношеніяхъ съ начальствомъ. Онъ зналъ законы и требовалъ исполненія ихъ. За это начальство не любило его. Три недѣли тому назадъ надзиратель ударилъ парашечника за то, что тотъ облилъ его новый мундиръ щами. Васильевъ вступился за парашечника, го-

воря, что нѣтъ закона бить арестантовъ. — Я тебѣ покажу законъ, — сказалъ надзиратель и изругалъ Васильева. Васильевъ отвѣтилъ тѣмъ же. Надзиратель хотѣлъ его ударить, но Васильевъ схватилъ его за руки, подержалъ такъ минуты три, повернулъ и вытолкнулъ изъ двери. Надзиратель пожаловался, и смотритель велѣлъ посадить Васильева въ карцеръ.

Карцеры были рядъ темныхъ чулановъ, запиравшихся снаружи запорами. Въ темномъ, холодномъ карцерѣ не было ни кровати, ни стола, ни стула, такъ что посаженный сидѣлъ, или лежалъ на грязномъ полу, гдѣ черезъ него и на него бѣгали крысы, которыхъ въ карцерѣ было очень много, и которыя были такъ смѣлы, что въ темнотѣ нельзя было уберечь хлѣба. Онѣ съѣдали хлѣбъ изъ-подъ рукъ у посаженныхъ и даже нападали на самихъ посаженныхъ, если они переставали шевелиться. Васильевъ сказалъ, что не пойдетъ въ карцеръ, потому что не виноватъ. Его повели силой. Онъ сталъ отбиваться, и двое арестантовъ помогли ему вырваться отъ надзирателей. Собрались надзиратели, и, между прочимъ, знаменитый своей силой Петровъ. Арестантовъ смяли и втолкнули въ карцеры. Губернатору тотчасъ же было донесено о томъ, что случилось нѣчто похожее на бунтъ. Была получена бумага, въ которой предписывалось дать главнымъ двумъ виновникамъ — Васильеву и бродягѣ Непомнящему — по 30 розогъ.

Наказаніе должно было происходить въ женской посѣтительской.

Съ вечера все это было извѣстно всѣмъ обитателямъ острога, и по камерамъ шли оживленные разговоры о предстоящемъ наказаніи.

Кораблева, Хорошавка, Ѳедосья и Маслова сидѣли въ своемъ углу и красныя и оживленныя, выпивъ уже водки, которая теперь не переводилась у Масловой, и которою она щедро угощала товарокъ, пили чай и говорили о томъ же.

— Развѣ онъ буянилъ или что, — говорила Кораблева про Васильева, откусывая крошечные кусочки сахару своими

крѣпкими зубами. — Онъ только за товарища сталъ. Потому нынче драться не велятъ.

— Малый, говорятъ, хорошъ, — прибавила простоволосая, со своими длинными косами Ѳедосья, сидѣвшая на полѣнѣ противъ наръ, на которыхъ былъ чайникъ.

— Вотъ бы ему сказать, Михайловна, — обратилась сторожиха къ Масловой, подразумѣвая подъ „нимъ" Нехлюдова.

— Я скажу. Онъ для меня все сдѣлаетъ, — улыбаясь и встряхивая головой, отвѣчала Маслова.

— Да вѣдь когда пріѣдетъ, а они, говорятъ, сейчасъ пошли за ними, — сказала Ѳедосья. — Страсть это, — прибавила она, вздыхая.

— Я однова видѣла, какъ въ волостномъ мужика драли. Меня къ старшинѣ батюшка свекоръ послалъ, пришла я, а онъ, глядь, — начала сторожиха длинную исторію.

Разсказъ сторожихи былъ прерванъ звукомъ голосовъ и шаговъ въ верхнемъ корридорѣ.

Женщины притихли, прислушиваясь.

— Поволокли, черти, — сказала Хорошавка. — Запорятъ они его теперь. Злы ужъ больно на него надзиратели, потому онъ имъ спуска не даетъ.

Наверху все затихло, и сторожиха досказала свою исторію, какъ она испужалась въ волостномъ, когда тамъ въ сараѣ мужика сѣкли, какъ у ней вся нутренность отскочила. Хорошавка же разсказала, какъ Щеглова плетьми драли, а онъ и голоса не далъ. Потомъ Ѳедосья убрала чай, и Кораблева и сторожиха взялись за шитье, а Маслова сѣла, обнявъ колѣнки, на нары, тоскуя отъ скуки. Она собралась, было, лечь заснуть, какъ надзирательница кликнула ее въ контору къ посѣтителю.

— Безпремѣнно скажи про насъ, — говорила ей старуха Меньшова въ то время, какъ Маслова оправляла косынку передъ зеркаломъ съ облѣзшей наполовину ртутью: — не мы зажгли, а онъ самъ, злодѣй, и работникъ видѣлъ; онъ души не убьетъ. Ты скажи ему, чтобы онъ Митрія вызвалъ.

Митрій все ему выложитъ, какъ на ладонкѣ; а то, что жъ это, заперли въ замокъ, а мы и духомъ не слыхали, а онъ, злодѣй, царствуетъ съ чужой женой, въ кабакѣ сидитъ.

— Не законъ это, — подтвердила Кораблиха.

— Скажу, непремѣнно скажу, — отвѣчала Маслова. — А то выпить еще для смѣлости, — прибавила она, подмигнувъ глазомъ. Кораблева налила ей полчашки. Маслова выпила, утерлась и, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, повторяя сказанныя ею слова: „для смѣлости“, покачивая головой и улыбаясь, пошла за надзирательницей по коридору.

XLVII.

Нехлюдовъ уже давно дожидался въ сѣняхъ. Пріѣхавъ въ острогъ, онъ позвонилъ у входной двери и подалъ дежурному надзирателю разрѣшеніе прокурора.

— Вамъ кого?

— Видѣть арестантку Маслову.

— Нельзя теперь: смотритель занятъ.

— Въ конторѣ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, здѣсь, въ посѣтительской, — отвѣчалъ смущенно, какъ показалось Нехлюдову, надзиратель.

— Развѣ нынче принимаютъ?

— Нѣтъ, особенное дѣло, — сказалъ онъ.

— Какъ же его увидать?

— Вотъ выйдутъ, тогда скажете; обождите.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ съ блестящими галунами и сіяющимъ, глянцовитымъ лицомъ, съ пропитанными табачнымъ дымомъ усами, фельдфебель и строго обратился къ надзирателю.

— Зачѣмъ сюда пустили? Въ контору . . .

— Мнѣ сказали, что смотритель здѣсь, — сказалъ Нехлюдовъ, удивляясь на то безпокойство, которое замѣтно было и въ фельдфебелѣ.

Въ это время внутренняя дверь отворилась, и вышелъ запотѣвшій, разгоряченный Петровъ.

— Будетъ помнить, — проговорилъ онъ, обращаясь къ фельдфебелю. Фельдфебель указалъ глазами на Нехлюдова, и Петровъ замолчалъ, нахмурился и прошелъ въ заднюю дверь.

„Кто будетъ помнить? Отчего они всѣ такъ смущены? Отчего фельдфебель сдѣлалъ ему какой-то знакъ?“ думалъ Нехлюдовъ.

— Нельзя здѣсь дожидаться, пожалуйте въ контору, — опять обратился фельдфебель къ Нехлюдову, и Нехлюдовъ уже хотѣлъ уходить, когда изъ задней двери вышелъ смотритель, еще болѣе смущенный, чѣмъ его подчиненные. Онъ, не переставая, вздыхалъ. Увидавъ Нехлюдова, онъ обратился къ надзирателю.

— Ѳедотовъ, Маслову изъ пятой женской въ контору, — сказалъ онъ.

— Пожалуйте, — обратился онъ къ Нехлюдову. Они прошли по крутой лѣстницѣ въ маленькую комнатку съ однимъ окномъ, письменнымъ столомъ и нѣсколькими стульями. Смотритель сѣлъ. — Тяжелыя, тяжелыя обязанности, — сказалъ онъ, обращаясь къ Нехлюдову и опять доставая толстую папиросу.

— Вы, видно, устали, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Усталъ отъ всей службы — очень трудныя обязанности. Хочешь облегчить участь, а выходитъ хуже; только и думаю, какъ уйти; тяжелыя, тяжелыя обязанности.

Нехлюдовъ не зналъ, въ чемъ особенно была для смотрителя трудность, но нынче онъ видѣлъ въ немъ какое-то особенное, возбуждающее жалость, унылое и безнадежное настроеніе.

— Да, я думаю, что очень тяжелыя, — сказалъ онъ. — Зачѣмъ же вы исполняете эту обязанность?

— Средствъ не имѣю, семья.

— Но если вамъ тяжело . . .

— Ну, всетаки, я вамъ скажу, по мѣрѣ силъ приносишь пользу, всетаки, что̀ могу, смягчаю. Кто другой на моемъ мѣстѣ совсѣмъ бы не такъ повелъ. Вѣдь это легко сказать:

2000 слишкомъ человѣкъ, да какихъ. Надо знать, какъ обойтись. Тоже люди, жалѣешь ихъ. А распустить тоже нельзя. — Смотритель сталъ разсказывать недавній случай драки между арестантами, кончившейся убійствомъ.

Разсказъ его былъ прерванъ входомъ Масловой, предшествуемой надзирателемъ.

Нехлюдовъ увидалъ ее въ дверяхъ, когда она еще не видала смотрителя. Лицо ея было красно. Она бойко шла за надзирателемъ и, не переставая, улыбалась, покачивая головой. Увидавъ смотрителя, она съ испуганнымъ лицомъ уставилась на него, но тотчасъ же оправилась и бойко и весело обратилась къ Нехлюдову.

— Здравствуйте, — сказала она нараспѣвъ и улыбаясь; и сильно, не такъ, какъ тотъ разъ, встряхнувъ его руку.

— Я вотъ привезъ вамъ подписать прошеніе, — сказалъ Нехлюдовъ, немного удивляясь тому бойкому виду, съ которымъ она нынче встрѣтила его. — Адвокатъ составилъ прошеніе, надо подписать, и мы пошлемъ въ Петербургъ.

— Что-же, можно и подписать. Все можно, — сказала она, щуря одинъ глазъ и улыбаясь.

Нехлюдовъ досталъ изъ кармана сложенный листъ и подошелъ къ столу.

— Можно здѣсь подписать? — спросилъ Нехлюдовъ у смотрителя.

— Иди сюда, садись, — сказалъ смотритель: — вотъ тебѣ и перо. Умѣешь грамотѣ?

— Когда-то знала, — сказала она и, улыбаясь, оправивъ юбку и рукавъ кофты, сѣла за столъ, неловко взяла своей маленькой энергической рукой перо и, засмѣявшись, оглянулась на Нехлюдова.

Онъ указалъ ей, что̀ и гдѣ написать. Старательно макая и отряхивая перо, она написала свое имя.

— Больше ничего не нужно? — спросила она, глядя то на Нехлюдова, то на смотрителя, и укладывая перо то на чернильницу, то на бумагу.

— Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ, — проговорилъ Нехлюдовъ, взявъ у нея изъ рукъ перо.

— Что же, скажите, произнесла она и вдругъ, какъ будто о чемъ-то задумалась или захотѣла спать, стала серьезной.

Смотритель всталъ и вышелъ, и Нехлюдовъ остался съ ней съ глазу на глазъ.

XLVIII.

Надзиратель, приведшій Маслову, присѣлъ на подоконникъ поодаль отъ стола. Для Нехлюдова наступила рѣшительная минута. Онъ, не переставая, упрекалъ себя за то, что въ то первое свиданіе не сказалъ ей главнаго, того, что онъ намѣренъ жениться на ней, и теперь твердо рѣшился сказать ей это. Она сидѣла по одну сторону стола, Нехлюдовъ сѣлъ противъ нея по другую. Въ комнатѣ было свѣтло, и Нехлюдовъ въ первый разъ ясно, на близкомъ разстояніи, увидалъ ея лицо: морщинки около глазъ и губъ и подпухлость глазъ. И ему стало еще болѣе, чѣмъ прежде, жалко ее.

Облокотившись на столъ такъ, чтобы не быть слышаннымъ надзирателемъ, — человѣкомъ еврейскаго типа съ сѣдѣющими бакенбардами, сидѣвшимъ у окна, — а одною ею, онъ сказалъ:

— Если прошеніе это не выйдетъ, то подадимъ на Высочайшее имя. Сдѣлаемъ все, что̀ можно.

— Вотъ кабы прежде; адвокатъ бы хорошій . . . — перебила она его. — А то этотъ мой защитникъ дурачокъ совсѣмъ былъ. Все мнѣ комплименты говорилъ, — сказала она и засмѣялась. Кабы тогда знали, что я вамъ знакома, другое было бы. А то что? Думаютъ, всѣ — воровки.

„Какая она странная нынче“, — подумалъ Нехлюдовъ и только что хотѣлъ сказать свое, какъ она опять заговорила.

— А я вотъ что. Есть у насъ одна старушка, такъ всѣ, знаете, удивляются даже. Такая старушка чудесная, а вотъ

ни за что сидитъ; и она, и сынъ, и всѣ знаютъ, что они не виноваты, а ихъ обвинили, что подожгли, и сидятъ. Она, знаете, услыхала, что я съ вами знакома, — сказала Маслова, вертя головой и взглядывая на него: — и говоритъ: скажи ему, пусть, говоритъ, сына вызовутъ, онъ имъ все разскажетъ. Меньшовы ихъ фамилія. Что-жъ, сдѣлаете? Такая, знаете, старушка чудесная, видно сейчасъ, что понапрасну. Вы, голубчикъ, похлопочите, — сказала она, взглядывая на него, опуская глаза и улыбаясь.

— Хорошо, я сдѣлаю, узнаю, — сказалъ Нехлюдовъ, все болѣе и болѣе удивляясь ея развязности. — Но мнѣ о своемъ дѣлѣ хотѣлось поговорить съ вами. Вы помните, что̀ я вамъ говорилъ тотъ разъ? — сказалъ онъ.

— Вы много говорили. Что̀ говорили тотъ разъ? — сказала она, не переставая улыбаться и поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону.

— Я говорилъ, что пришелъ просить васъ простить меня, — сказалъ онъ.

— Ну что, все простить, простить ни къ чему это... вы лучше...

— Что я хочу загладить свою вину, — продолжалъ Нехлюдовъ, — и загладить не словами, а дѣломъ: Я рѣшилъ женитъся на васъ...

Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись и смотрѣли, и не смотрѣли на него.

— Это еще зачѣмъ понадобилось? — проговорила она, злобно хмурясь.

— Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

— Какого еще Бога тамъ нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога... — сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ.

— Нечего мнѣ успокаиваться, ты думаешь, я пьяна? Я

и пьяна, да помню, что̀ говорю! — вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла, — я — каторжная, блядь, а вы — баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ княжнамъ, а моя цѣна — красненькая.

— Какъ бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что̀ я чувствую, — весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ, — не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!...

— Чувствую вину . . . — злобно передразнила она. — Тогда не чувствовалъ, а сунулъ 100 рублей. Вотъ — твоя цѣна . . .

— Знаю, знаю, но что̀ же теперь дѣлать? — сказалъ Нехлюдовъ. — Теперь я рѣшилъ, что не оставлю тебя, — повторилъ онъ — что сказалъ, то сдѣлаю.

— А я говорю, не сдѣлаешь, — проговорила она и громко засмѣялась.

— Катюша! — началъ онъ, дотрогиваясь до ея руки.

— Уйди отъ меня. Я — каторжная, а ты — князь, и нечего тебѣ тутъ быть, — вскрикнула она, вся преображенная гнѣвомъ, вырывая у него руку.

— Ты мной хочешь спастись, — продолжала она, торопясь высказать все, что̀ поднялось въ ея душѣ, — ты мной въ этой жизни услаждался, мной-же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противенъ ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! — закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги.

Надзирателъ подошелъ къ нимъ.

— Ты что̀ скандалишь. Развѣ такъ можно . . .

— Оставьте, пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Чтобъ не забывалась, — сказалъ надзиратель.

— Нѣтъ подождите, пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

Надзиратель отошелъ къ окну.

Маслова опять сѣла, опустивъ глаза и крѣпко сжавъ свои скрещенныя пальцами маленькія руки.

Нехлюдовъ стоялъ надъ ней, не зная, что̀ дѣлать.

— Ты не вѣришь мнѣ, — сказалъ онъ.

— Что вы жениться хотите — не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

— Я все таки буду служить тебѣ.

— Ну, это ваше дѣло. Только мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю, — сказала она.

— И зачѣмъ я не умерла тогда, — прибавила она и заплакала жалостнымъ плачемъ.

Нехлюдовъ не могъ говорить, ея слезы сообщились ему.

Она подняла глаза, взглянула на него, какъ будто удивилась, и стала утирать косынкой текущія по щекамъ слезы.

Надзиратель теперь опять подошелъ и напомнилъ, что время расходиться.

Маслова встала.

— Вы теперь возбуждены. Если можно будетъ, я завтра пріѣду. А вы подумайте, — сказалъ Нехлюдовъ.

Она ничего не отвѣтила и, не глядя на него, вышла за надзирателемъ.

— Ну, дѣвка, заживешь теперь, — говорила Кораблева Масловой, когда она вернулась въ камеру. — Видно, здорово въ тебя втреснувши; не зѣвай, пока онъ ѣздитъ. Онъ выручитъ. Богатымъ людямъ все можно.

— Это какъ есть, — пѣвучимъ голосомъ говорила сторожиха. — Бѣдному жениться, и ночь коротка, а богатому — только задумалъ, загадалъ — все тебѣ, какъ пожелалъ, такъ и сбудется. У насъ такой, касатка, почтенный, такъ что̀ сдѣлалъ . . .

— Что-жъ, о моемъ-то дѣлѣ говорила? — спросила старуха.

Но Маслова не отвѣчала своимъ товаркамъ, а легла на нары и, съ уставленными въ уголъ косыми глазами, лежала такъ до вечера. Въ ней шла мучительная работа. То, что̀ ей сказалъ Нехлюдовъ, вызывало ее въ тотъ міръ, въ которомъ она страдала и изъ котораго ушла, не понявъ и возненавидѣвъ его. Она теперь потеряла то забвеніе, въ которомъ жила, а жить съ ясной памятью о томъ, что̀ было,

— было слишкомъ мучительно. Вечеромъ она опять купила вина и напилась вмѣстѣ съ своими товарками.

XLIX.

„Да, такъ вотъ оно что̀. Вотъ что̀," думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога и только теперь вполнѣ понимая всю вину свою. Если бы онъ не попытался загладить, искупить свой поступокъ, онъ никогда бы не почувствовалъ всей преступности его; мало того, — и она бы не чувствовала всего зла, сдѣланнаго ей. Только теперь это все вышло наружу, во всемъ своемъ ужасѣ. Онъ увидалъ теперь только то, что̀ онъ сдѣлалъ съ душой этой женщины, и она увидала и поняла, что̀ было сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ любовался самимъ собою и своимъ раскаяніемъ; теперь ему просто было страшно. Бросить ее, — онъ чувствовалъ это — теперь онъ не могъ, а между тѣмъ не могъ себѣ представить, что̀ выйдетъ изъ его отношеній къ ней.

На самомъ выходѣ къ Нехлюдову подошелъ надзиратель, съ крестами и медалями, и непріятнымъ, вкрадчивымъ лицомъ, и таинственно передалъ ему записку.

— Вотъ вашему сіятельству записка отъ одной особы ... — сказалъ онъ, подавая Нехлюдову конвертъ.

— Какой особы?

— Прочтете, увидите. Заключенная, политическая. Я при нихъ состою. Такъ вотъ она просила меня. И хотя и не разрѣшено, но по человѣчеству ... — ненатурально говорилъ надзиратель.

Нехлюдовъ былъ удивленъ, какимъ образомъ надзиратель, приставленный къ политическимъ, передаетъ записки, и въ самомъ острогѣ, почти на виду у всѣхъ; онъ не зналъ еще тогда, что это былъ и надзиратель, и шпіонъ, — но взялъ записку и, выходя изъ тюрьмы, прочелъ ее. Въ запискѣ было написано карандашомъ, бойкимъ почеркомъ, безъ еровъ, слѣдующее: „Узнав, что вы посѣщаете острог, интересуясь одной уголовной личностью, мнѣ захотѣлось пови-

даться с вами. Просите свиданія со мной. Вам дадут, а я передам вам много важнаго и для вашей протеже, и для нашей группы. Благодарная вам Вѣра Богодуховская."

„Богодуховская?!" Что такое: „Богодуховская?" — думалъ Нехлюдовъ, весь поглощенный впечатлѣніемъ свиданія съ Масловой и въ первую минуту не связывая никакого воспоминанія съ этимъ именемъ и почеркомъ. „А!" — вдругъ вспомнилъ онъ: „дьячкова дочь на медвѣжьей охотѣ!"

Вѣра Богодуховская была учительница въ глухой новгородской губерніи, куда Нехлюдовъ съ товарищами заѣхалъ для медвѣжьей охоты. Учительница эта обратилась къ Нехлюдову съ просьбой дать ей денегъ для того, чтобы ѣхать на курсы. Нехлюдовъ далъ ей эти деньги и забылъ про нее. Теперь оказывалось, что эта госпожа была политическая преступница, сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ, вѣроятно, узнала его исторію, и вотъ предлагала ему свои услуги.

Какъ тогда все было легко и просто, какъ теперь все тяжело и сложно! Нехлюдовъ живо и радостно вспомнилъ тогдашнее время и свое знакомство съ Богодуховской. Это было передъ масленицей, въ глуши, верстъ за 60 отъ желѣзной дороги. Охота была счастливая, убили двухъ медвѣдей и обѣдали, собираясь уѣзжать, когда хозяинъ избы, въ которой останавливались, пришелъ сказать, что пришла дьяконова дочка, и хочетъ видѣться съ княземъ Нехлюдовымъ. — Хорошенькая? — спросилъ кто-то. — Ну полно, — сказалъ Нехлюдовъ, всталъ изъ-за стола и удивляясь, зачѣмъ онъ понадобился дьяконовой дочери, сдѣлалъ серьезное лицо и пошелъ въ хозяйскую хату.

Въ комнатѣ была дѣвушка въ войлочной шляпѣ, въ шубкѣ, жилистая, съ худымъ некрасивымъ лицомъ, въ которомъ хороши были одни глаза, съ поднятыми надъ ними бровями.

— Вотъ, Вѣра Ефремовна, поговори съ ними, — сказала старуха-хозяйка: — это самый князь. А я уйду.

— Чѣмъ могу вамъ служить, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Я ... я ... Видите ли, вы богаты, вы швыряете

деньгами на пустяки, на охоту, я знаю, — начала дѣвушка, сильно конфузясь, — а я хочу только одного, хочу быть полезной людямъ — и ничего не могу, потому что ничего не знаю.

— Что же я могу сдѣлать?

— Я учительница, но хотѣла бы на курсы, и меня не пускаютъ. Не то что не пускаютъ, они пускаютъ, но надо средства. Дайте мнѣ, и я кончу курсъ и заплачу вамъ. Глаза были правдивые, добрые, и все выраженіе и рѣшимости, и робости было такъ трогательно, что Нехлюдовъ, какъ это бывало съ нимъ, вдругъ перенесся въ ея положеніе, понялъ ее и пожалѣлъ.

Я думаю: богатые люди бьютъ медвѣдей, мужиковъ поятъ — все это дурно. Отчего бы имъ не сдѣлать добро. Мнѣ нужно бы только 80 рублей. А не хотите, мнѣ все равно, — сердито сказала она, не выгодно для себя объяснивъ упорный и серьезный взглядъ, который Нехлюдовъ устремилъ на неё.

— Напротивъ, я очень благодаренъ вамъ, что вы мнѣ дали случай . . . Когда она поняла что онъ соглашается, она покраснѣла и замолкла. Я сейчасъ принесу, — сказалъ Нехлюдовъ.

Онъ вышелъ въ сѣни и тутъ же засталъ товарища, который подслушивалъ ихъ разговоръ. Онъ, не отвѣчая на шутки товарищей, досталъ изъ сумки деньги и понесъ ей.

— Пожалуйста, пожалуйста, не благодарите. Я васъ долженъ благодарить.

Нехлюдову пріятно было теперь вспомнить все это; пріятно было вспомнить, какъ онъ чуть не поссорился съ офицеромъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ этого дурную шутку, какъ другой товарищъ поддержалъ его, и какъ, вслѣдствіе этого, ближе сошелся съ нимъ, и какъ вся охота была счастливая и веселая, и какъ ему было хорошо, когда они возвращались ночью назадъ къ станціи желѣзной дороги. Вереница саней парами, гусемъ двигалась безъ шума рысцой по узкой дорогѣ лѣсами, иногда высокими, иногда низкими,

съ елками, сплошь задавленными сплошными лепешками снѣга. Въ темнотѣ, блестя краснымъ огнемъ, закуривалъ кто-нибудь хорошо пахнущую папиросу. Осипъ, обкладчикъ, перебѣгаетъ отъ саней къ санямъ, по колѣно въ снѣгу, и прилаживаетъ, разсказывая про лосей, которые теперь ходятъ по глубокимъ снѣгамъ и глодаютъ осиновую кору, и про медвѣдей, которые теперь въ своихъ дремучихъ берлогахъ пыхтятъ въ отдушины теплымъ дыханьемъ. Нехлюдову вспомнилось все это, и больше всего счастливое чувство сознанія своего здоровья, силы и беззаботности. Легкія, напруживая полушубокъ, дышатъ морознымъ воздухомъ, на лицо сыплется съ задѣтыхъ дугой вѣтокъ снѣгъ, тѣлу тепло, лицу свѣжо и на душѣ ни заботъ, ни упрековъ, ни страховъ, ни желаній. Какъ было хорошо. А теперь? Боже мой, какъ все это было мучительно и трудно.

Очевидно, Вѣра Ефремовна была революціонерка и теперь за революціонныя дѣла была въ тюрьмѣ. Надо было увидать ее, въ особенности потому, что она обѣщала посовѣтовать, какъ улучшить положеніе Масловой.

L.

Проснувшись на другой день утромъ, Нехлюдовъ вспомнилъ все то, что было наканунѣ, и ему стало страшно.

Но, не смотря на этотъ страхъ, онъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, рѣшилъ, что будетъ продолжать начатое.

Съ этимъ чувствомъ сознанія своего долга онъ выѣхалъ изъ дома и поѣхалъ къ Масленникову — просить его разрѣшить ему посѣщенія въ острогѣ, кромѣ Масловой, еще и той старушки Меньшовой съ сыномъ, о которой Маслова просила его. Кромѣ того, онъ хотѣлъ просить о свиданіи съ Богодуховской, которая могла быть полезна Масловой.

Нехлюдовъ зналъ Масленникова еще давно по полку. Масленниковъ былъ тогда казначеемъ полка. Это былъ добродушнѣйшій, исполнительнѣйшій офицеръ, ничего не знавшій и не хотѣвшій знать въ мірѣ, кромѣ полка и царской фамиліи. Теперь Нехлюдовъ засталъ его администра-

торомъ, замѣнившимъ полкъ губерніей и губернскимъ правленіемъ. Онъ былъ женатъ на богатой и бойкой женщинѣ, которая и заставила его перейти изъ военной въ статскую службу.

Она смѣялась надъ нимъ и ласкала его, какъ свое прирученное животное. Нехлюдовъ въ прошлую зиму былъ одинъ разъ у нихъ, но ему такъ не интересна показалась эта чета, что послѣ онъ ни разу не былъ.

Масленниковъ весь просіялъ, увидавъ Нехлюдова. Такое же было у него жирное и красное лицо, и та-же корпуленція, и такая-же, какъ въ военной службѣ, прекрасная одежда. Тамъ это былъ всегда чистый, по послѣдней модѣ облегавшій его плечи и грудь мундиръ, или тужурка. Теперь—это было по послѣдней модѣ сшитое статское платье, такъ же облегавшее его сытое тѣло и выставлявшее широкую грудь. Онъ былъ въ вицмундирѣ. Несмотря на разницу лѣтъ (Масленникову было подъ 40), они были на ты.

— Ну, вотъ, спасибо, что пріѣхалъ. Пойдемъ къ женѣ. А у меня какъ разъ десять минутъ свободныхъ передъ засѣданіемъ. Принципалъ вѣдь уѣхалъ. Я правлю губерніей, — сказалъ онъ съ удовольствіемъ, котораго не могъ скрыть.

— Я къ тебѣ по дѣлу.

— Что такое? — вдругъ, какъ будто насторожившись, испуганнымъ и нѣсколько строгимъ тономъ сказалъ Масленниковъ.

— Въ острогѣ есть одно лицо, которымъ я очень интересуюсь (при словѣ: „острогъ“ лицо Масленникова сдѣлалось еще болѣе строго), и мнѣ хотѣлось бы имѣть свиданіе не въ общей, а въ конторѣ, и не только въ опредѣленные дни, но и чаще. Мнѣ сказали, что это отъ тебя зависитъ.

— Разумѣется, mon cher, я все готовъ для тебя сдѣлать, — дотрагиваясь обѣими руками до его колѣнъ, сказалъ Масленниковъ, какъ бы желая смягчить свое величіе: — это можно, но, видишь ли, я — калифъ на часъ.

— Такъ ты можешь дать мнѣ бумагу, чтобы я могъ видѣться съ нею?

— Это женщина?

— Да.

— Такъ за что-жъ она?

— За отравленіе. Но она неправильно осуждена.

— Да, вотъ тебѣ и правый судъ, ils n'en font point d'autres, — сказалъ онъ для чего-то по французски. — Я знаю, ты не согласенъ со мною, но что-же дѣлать, c'est mon opinion bien arretée, — прибавилъ онъ, высказывая мнѣніе, которое онъ въ разныхъ видахъ, въ продолженіе года, читалъ въ ретроградной, консервативной газетѣ. — Я знаю, ты либералъ.

— Не знаю, либералъ ли я или что другое, — улыбаясь, сказалъ Нехлюдовъ, всегда удивлявшійся тому, что его всѣ причисляли къ какой-то партіи и называли либераломъ только потому, что онъ, судя человѣка, говорилъ, что надо прежде выслушать его, что передъ судомъ всѣ люди равны, что не надо мучить и бить людей вообще, а въ особенности такихъ, которые не осуждены. — Не знаю, либералъ ли я, или нѣтъ, но только знаю, что теперешніе суды, какъ они ни дурны, все-таки лучше прежнихъ.

— А кого ты взялъ въ адвокаты?

— Я обратился къ Фанарину.

— Ахъ, Фанаринъ! — морщась, сказалъ Масленниковъ, вспоминая какъ въ прошломъ году этотъ Фанаринъ на судѣ допрашивалъ его, какъ свидѣтеля, и съ величайшей учтивостью, въ продолженіе получаса, поднималъ его на смѣхъ.

— Я бы не посовѣтовалъ тебѣ имѣть съ нимъ дѣло. Фанаринъ est un homme taré.

— И еще къ тебѣ просьба, — не отвѣчая ему, сказалъ Нехлюдовъ. — Давно очень я зналъ одну дѣвушку — учительницу — она очень жалкое существо и теперь тоже въ тюрьмѣ, и желаетъ повидаться со мной. Можешь ты мнѣ дать и къ ней пропускъ?

Масленниковъ немного на-бокъ склонилъ голову и задумался.

— Это политическая?

— Да, мнѣ сказали такъ.

— Вотъ, видишь, свиданія съ политическими даются только родственникамъ, но тебѣ я дамъ общій пропускъ. Je sais que vous n'abuserez pas . . .

— Какъ ее зовутъ? твою protégée . . . Богодуховской? Elle est jolie?

— Hideuse.

Масленниковъ неодобрительно покачалъ головой, подошелъ къ столу и на бумагѣ съ печатнымъ заголовкомъ бойко написалъ: „Подателю сего, князю Дмитрію Ивановичу Нехлюдову, разрѣшаю свиданіе въ тюремной конторѣ съ содержащейся въ замкѣ мѣщанкой Масловой, равно и съ фельдшерицей Богодуховской“, — дописалъ онъ и сдѣлалъ размашистый росчеркъ.

— Вотъ ты увидишь, какой порядокъ тамъ. А соблюсти тамъ порядокъ очень трудно, потому что переполнено, особенно пересыльными, но я все-таки строго смотрю и люблю это дѣло. Ты увидишь — имъ тамъ очень хорошо, и они довольны. Только надо умѣть обращаться съ ними. Вотъ на дняхъ была непріятность — неповиновеніе. Другой бы призналъ это бунтомъ и сдѣлалъ бы много несчастныхъ. А у насъ все прошло очень хорошо. Нужна, съ одной стороны, заботливость, съ другой — твердая власть, — сказалъ онъ, сжимая выдающійся изъ-за бѣлаго крѣпкаго рукава рубашки съ золотой запонкой, бѣлый, пухлый кулакъ съ бирюзовымъ кольцомъ, — заботливость и твердая власть.

— Ну, этого я не знаю, — сказалъ Нехлюдовъ: — я былъ тамъ два раза, и мнѣ было ужасно тяжело.

— Знаешь что? Тебѣ надо сойтись съ графиней Пассекъ, — продолжалъ разговорившійся Масленниковъ: — она вся отдалась этому дѣлу. Elle fait beaucoup de bien. Благодаря ей, можетъ быть, и мнѣ, безъ ложной скромности скажу, удалось все измѣнить и измѣнить такъ, что уже нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые были прежде, а имъ прямо тамъ очень хорошо. Вотъ ты увидишь. Вотъ Фанаринъ, я не знаю его лично, да и по моему общественному поло-

женію наши пути не сходятся, но онъ положительно дурной человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ себѣ говорить на судѣ такія вещи, такія вещи . . .

— Ну, благодарствую, — сказалъ Нехлюдовъ, взявъ бумагу, и, не дослушавъ, простился съ своимъ бывшимъ товарищемъ.

— А къ женѣ ты не пойдешь?

— Нѣтъ, извини меня, теперь мнѣ некогда.

— Ну, какъ же, она не проститъ мнѣ, — говорилъ Масленниковъ, провожая бывшаго товарища до первой площадки лѣстницы, какъ онъ провожалъ людей не первой важности, но второй важности, къ которымъ онъ причислялъ Нехлюдова. — Нѣтъ, пожалуйста, зайди хоть на минуту.

Но Нехлюдовъ остался твердъ, и въ то время, какъ лакей и швейцаръ подскакивали къ Нехлюдову, подавая ему пальто и палку, и отворяли дверь, у которой снаружи стоялъ городовой, онъ сказалъ, что никакъ не можетъ теперь.

— Ну, такъ въ четвергъ, пожалуйста. Это ея пріемный день. Я ей скажу! — прокричалъ ему Масленниковъ съ лѣстницы.

LI.

Въ тотъ же день, прямо отъ Масленникова пріѣхавъ въ острогъ, Нехлюдовъ направился къ знакомой уже квартирѣ смотрителя. Опять слышались тѣ же, какъ и въ тотъ разъ, звуки плохого фортепьяно, но теперь игралась не рапсодія, а этюды Клементи, тоже съ необыкновенной силой, отчетливостью и быстротой. Отворившая горничная съ подвязаннымъ глазомъ сказала, что капитанъ дома, и провела Нехлюдова въ маленькую гостиную съ диваномъ, столомъ и подожженнымъ съ одной стороны розовымъ бумажнымъ колпакомъ большой лампы, стоявшей на шерстяной вязанной салфеточкѣ. Вышелъ главный смотритель съ измученнымъ, грустнымъ лицомъ.

— Прошу покорно, что̀ угодно? — сказалъ онъ, застегивая среднюю пуговицу своего мундира.

— Я вотъ былъ у вице-губернатора, и вотъ разрѣшеніе, — сказалъ Нехлюдовъ, подавая бумагу. — Я желалъ бы видѣть Маслову.

— Маркову? — переспросилъ смотритель, не разслышавъ изъ-за музыки.

— Маслову.

— Ну, да! Ну, да!

Смотритель всталъ и подошелъ къ двери, изъ которой слышались рулады Клементи.

— Маруся, хоть немножко подожди, — сказалъ онъ голосомъ, по которому видно было, что эта музыка составляла крестъ его жизни: — ничего не слышно.

Фортепьяно замолкло, послышались недовольные шаги, и кто-то заглянулъ въ дверь.

Смотритель, какъ бы чувствуя облегченіе отъ этого перерыва музыки, закурилъ толстую папиросу слабаго табаку и предложилъ Нехлюдову. Нехлюдовъ отказался.

— Такъ вотъ, я бы желалъ видѣть Маслову.

— Маслову нынче неудобно видѣть, — сказалъ смотритель.

— Отчего?

— Да такъ, вы сами виноваты, — слегка улыбаясь, сказалъ смотритель. — Князь, не давайте вы ей прямо денегъ. Если желаете, давайте мнѣ. Все будетъ принадлежать ей. А то вчера вы ей, вѣрно, дали денегъ, она достала вина, — никакъ не искоренишь этого зла, — и сегодня напилась совсѣмъ, такъ что даже буйная стала.

— Да неужели?

— Какъ же, — даже долженъ былъ мѣры строгости употребить — перевелъ въ другую камеру. Такъ она женщина смирная, но денегъ вы, пожалуйста, не давайте. Это такой народъ ...

Нехлюдовъ живо вспомнилъ вчерашнее, и ему стало опять страшно.

— А Богодуховскую, политическую, можно видѣть? — спросилъ Нехлюдовъ, помолчавъ.

— Что-жъ, это можно, — сказалъ смотритель.

— Ну, ты чего, — обратился онъ къ дѣвочкѣ пяти или шести лѣтъ, пришедшей въ комнату и, поворотивъ голову такъ, чтобы не спускать глазъ съ Нехлюдова, направлявшейся къ отцу. — Вотъ и упадешь, — сказалъ смотритель, улыбаясь на то, какъ дѣвочка, не глядя передъ собой, зацѣпилась за коврикъ и подбѣжала къ отцу.

— Такъ если можно, я бы пошелъ.

— Пожалуй, можно, — сказалъ смотритель и, обнявъ дѣвочку, все смотрѣвшую на Нехлюдова, всталъ и, нѣжно отстранивъ дѣвочку, вышелъ въ переднюю.

Еще смотритель не успѣлъ надѣть подаваемое ему подвязанной дѣвушкой пальто и выйти въ дверь, какъ опять зажурчали отчетливыя рулады Клементи.

— Въ консерваторіи была, да тамъ непорядки. А большое дарованіе, — сказалъ смотритель, спускаясь съ лѣстницы. — Хочетъ выступать въ концертахъ.

Смотритель съ Нехлюдовымъ подошли къ острогу. Калитка мгновенно отворилась при приближеніи смотрителя. Надзиратели, взявъ подъ козырёкъ, провожали его глазами. Четыре человѣка, съ бритыми полуголовами и неся кадки съ чѣмъ-то, встрѣтились имъ въ прихожей, и всѣ сжались, увидавъ смотрителя. Одинъ особенно пригнулся и мрачно насупился, блестя черными глазами.

— Разумѣется, талантъ надо совершенствовать, нельзя зарывать, но въ маленькой квартирѣ, знаете, тяжело бываетъ, — продолжалъ смотритель разговоръ, не обращая на этихъ арестантовъ никакого вниманія и, усталыми шагами волоча ноги, прошелъ, сопутствуемый Нехлюдовымъ, въ сборную.

— Вамъ кого видѣть желательно? — спросилъ смотритель.

— Богодуховскую.

— Это изъ башни? Вамъ подождать придется, — обратился онъ къ Нехлюдову.

— А нельзя-ли мнѣ покамѣстъ увидать арестантовъ Меньшовыхъ — мать съ сыномъ, обвиняемые за поджогъ.

— А это изъ 21-ой камеры. Что-жъ, можно ихъ вызвать.

— А нельзя-ли мнѣ повидать Меньшова въ его камерѣ?

— Да вамъ покойнѣе въ сборной.

— Нѣтъ, мнѣ интересно.

— Вотъ нашли интересное.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ щеголеватый офицеръ-помощникъ.

— Вотъ сведите князя въ камеру, къ Меньшову. Камера 21-я, — сказалъ смотритель помощнику: — а потомъ въ контору. А я вызову. Какъ ее звать?

— Вѣра Богодуховская, — сказалъ Нехлюдовъ.

Помощникъ смотрителя былъ бѣлокурый, молодой, съ нафабренными усами, офицеръ, распространяющій вокругъ себя запахъ цвѣточнаго одеколона.

— Пожалуйте, — обратился онъ къ Нехлюдову съ пріятной улыбкой. — Интересуетесь нашимъ заведеніемъ?

— Да, и интересуюсь этимъ человѣкомъ, который, какъ мнѣ говорили, совершенно невинно попалъ сюда.

Помощникъ пожалъ плечами.

— Да, это бываетъ, — спокойно сказалъ онъ, учтиво впередъ себя пропуская гостя въ широкій вонючій корридоръ. — Бываетъ, и врутъ они. Пожалуйте.

Двери камеръ были отперты и нѣсколько арестантовъ было въ корридорѣ. Чуть замѣтно кивая надзирателямъ и косясь на арестантовъ, которые, или, прижимаясь къ стѣнамъ, проходили въ свои камеры, или, вытянувъ руки по швамъ и по-солдатски провожая глазами начальство, останавливались у дверей, помощникъ провелъ Нехлюдова черезъ одинъ корридоръ, подвелъ его къ другому корридору налѣво, запертому желѣзной дверью.

Корридоръ этотъ былъ уже, темнѣе и еще вонючѣе перваго. Въ корридоръ съ обѣихъ сторонъ выходили двери, запертыя замками. Въ дверяхъ были дырочки, такъ называемые „глазки“, въ полвершка въ діаметрѣ. Въ корридорѣ

никого не было, кромѣ старичка-надзирателя съ грустнымъ, сморщеннымъ лицомъ.

— Въ которой Меньшовъ? — спросилъ помощникъ надзирателя.

— Восьмая налѣво.

— А эти заняты? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Всѣ заняты, кромѣ одной.

LII.

— Можно поглядѣть? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — съ пріятной улыбкой сказалъ помощникъ и сталъ что-то спрашивать у надзирателя. Нехлюдовъ заглянулъ въ одно отверстіе, — тамъ высокій, молодой человѣкъ, въ одномъ бѣльѣ, съ маленькой черной бородкой, быстро ходилъ взадъ и впередъ; услыхавъ шорохъ у двери, онъ взглянулъ, нахмурился и продолжалъ ходить.

Нехлюдовъ заглянулъ въ другое отверстіе. Глазъ его встрѣтился съ другимъ испуганнымъ, большимъ глазомъ, смотрѣвшимъ въ дырочку; онъ поспѣшно отстранился. Заглянувъ въ третье отверстіе, онъ увидалъ на кровати спящаго, очень маленькаго роста, свернувшагося человѣчка, съ головою укрытаго халатомъ. Въ четвертой камерѣ сидѣлъ широколицый, блѣдный человѣкъ, низко опустивъ голову и облокотившись локтями на колѣни. Услыхавъ шаги, человѣкъ этотъ поднялъ голову и поглядѣлъ. Во всемъ лицѣ, въ особенности, въ большихъ глазахъ, было выраженіе безнадежной тоски. Его, очевидно, не интересовало узнать, кто глядитъ къ нему въ камеру. Кто бы ни глядѣлъ, онъ, очевидно, не ждалъ ни отъ кого ничего добраго. Нехлюдову стало страшно; онъ пересталъ заглядывать и подошелъ къ 21-ой камерѣ Меньшова. Надзиратель отперъ замокъ и отворилъ дверь. Молодой, съ длинной шеей, мускулистый человѣкъ съ добрыми круглыми глазами и маленькой бородкой, стоялъ подлѣ койки и съ испуганнымъ лицомъ, поспѣшно надѣвая халатъ, смотрѣлъ на входившихъ. Особенно пора-

зили Нехлюдова добрые, круглые глаза вопросительно и испуганно перебѣгавшіе съ него на надзирателя, на помощника и обратно.

— Вотъ господинъ хочетъ про твое дѣло разспросить.

— Покорно благодаримъ.

— Да, мнѣ разсказывали про ваше дѣло, — сказалъ Нехлюдовъ, проходя въ глубь камеры и становясь у рѣшетчатаго и грязнаго окна: — и хотѣлось бы отъ васъ самихъ услышать.

Меньшовъ подошелъ тоже къ окну и тотчасъ же началъ разсказывать, сначала робко поглядывая на помощника смотрителя, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Когда же помощникъ совсѣмъ ушелъ изъ камеры въ корридоръ, отдавая тамъ какія-то приказанія, онъ совсѣмъ осмѣлѣлъ. Разсказъ этотъ, по языку и манерамъ, былъ разсказъ самаго простого, хорошаго мужицкаго парня, и Нехлюдову было особенно странно слышать этотъ разсказъ изъ устъ арестанта въ позорной одеждѣ и въ тюрьмѣ. Нехлюдовъ слушалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оглядывалъ и низкую койку съ соломеннымъ тюфякомъ, и окно съ толстой, желѣзной рѣшеткой, и грязныя, отсырѣвшія и замазанныя стѣны, и жалкое лицо, и фигуру несчастнаго, изуродованнаго мужика въ котахъ и халатѣ, и ему все становилось грустнѣе и грустнѣе, не хотѣлось вѣрить, чтобы было правда то, что̀ разсказывалъ этотъ добродушный человѣкъ, — такъ было ужасно думать, что могли люди ни за что, только за то, что его же обидѣли, схватить человѣка и, одѣвъ его въ арестантскую одежду, посадить въ это ужасное мѣсто. А, между тѣмъ, еще ужаснѣе было думать, чтобы этотъ правдивый разсказъ, съ этимъ добродушнымъ лицомъ, былъ бы обманъ и выдумка. Разсказъ состоялъ въ томъ, что цѣловальникъ вскорѣ послѣ женитьбы отбилъ у него жену. Онъ искалъ закона вездѣ. Вездѣ цѣловальникъ закупалъ начальство, и его оправдывали. Разъ онъ силой увелъ жену, она убѣжала на другой день. Тогда онъ пришелъ требовать свою жену. Цѣловальникъ сказалъ, что жены его нѣтъ, (а онъ видѣлъ ее, входя), и

велѣлъ ему уходить. Онъ не пошелъ. Цѣловальникъ съ работникомъ избили его въ кровь, а на другой день загорѣлся у цѣловальника дворъ. Его обвинили съ матерью, а онъ не поджигалъ, а былъ у кума.

— И, дѣйствительно, ты не поджигалъ?

— И въ мысляхъ, баринъ, не было. А онъ, злодѣй мой, должно, самъ поджогъ. Сказывали, онъ только застраховалъ. А на насъ съ матерью сказали, что мы были, стращали его. Оно точно, я въ тотъ разъ обругалъ его, не стерпѣло сердце. А поджигать—не поджигалъ. И не былъ тамъ, какъ пожаръ начался. А это онъ нарочно подогналъ къ тому дню, что съ матушкой были. Самъ поджегъ для страховки, а на насъ сказалъ.

— Да неужели?

— Вѣрно, передъ Богомъ говорю, баринъ. Будьте отцомъ роднымъ! — онъ хотѣлъ кланяться въ землю, и Нехлюдовъ насилу удержалъ его. — Вызвольте, ни за что пропадаю, — продолжалъ онъ. И вдругъ щеки его задергались, онъ заплакалъ и, засучивъ рукавъ халата, сталъ утирать глаза рукавомъ грязной рубахи.

— Кончили? — спросилъ помощникъ смотрителя.

— Да. Такъ не унывайте, сдѣлаемъ, что̀ можно, — сказалъ Нехлюдовъ и вышелъ. Меньшовъ стоялъ въ двери, такъ что надзиратель толкнулъ его дверью, когда затворялъ ее. Пока надзиратель запиралъ замокъ на двери, Меньшовъ смотрѣлъ въ дырку въ двери.

LIII.

Проходя назадъ по широкому коридору, (было время
Проходя назадъ по широкому коридору, (было время обѣда, и камеры были отперты), между одѣтыми въ ми, жадно смотрѣвшими на него, Нехлюдовъ испытывалъ странныя чувства и состраданія къ тѣмъ людямъ, которые сидѣли, и ужаса и недоумѣнія передъ тѣми, которые посадили и держатъ ихъ тутъ, и почему-то стыда за себя, за то, что онъ спокойно разсматриваетъ это.

Въ одномъ корридорѣ пробѣжалъ кто-то, хлопая котами въ дверь камеры, и оттуда вышли люди и стали на дорогѣ Нехлюдову, кланяясь ему.

— Прикажите, ваше благородіе...не знаю, какъ назвать, рѣшить насъ какъ-нибудь.

— Я не начальникъ, я ничего не знаю.

— Все равно, скажите кому, начальству, что ли, — сказалъ негодующій голосъ. — Ни въ чемъ не виноваты, страдаемъ второй мѣсяцъ.

— Какъ? Почему? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Да вотъ заперли въ тюрьму. Сидимъ второй мѣсяцъ, сами не знаемъ за что.

— Правда, это по случаю, — сказалъ помощникъ смотрителя: — за безписьменность взяли этихъ людей, и надо было отослать ихъ въ ихъ губернію, а тамъ острогъ сгорѣлъ, и губернское правленіе отнеслось къ намъ, чтобы не посылать къ нимъ. Вотъ мы всѣхъ изъ другихъ губерній разослали, а этихъ держимъ.

— Какъ, только поэтому? — спросилъ Нехлюдовъ, остановясь въ дверяхъ.

Толпа, человѣкъ 40, всѣ въ арестантскихъ халатахъ, окружила Нехлюдова и помощника. Сразу заговорило нѣсколько голосовъ. Помощникъ остановилъ:

— Говорите одинъ кто-нибудь.

Изъ всѣхъ выдѣлился высокій, благообразный крестьянинъ, лѣтъ 50-ти. Онъ разъяснилъ Нехлюдову, что они всѣ высланы и заключены въ тюрьму за то, что у нихъ не было паспортовъ. Паспорта же у нихъ были, но только просрочены недѣли на двѣ. Всякій годъ бывали такъ просречены паспорта, и ничего не взыскивали, а нынче взяли, да вотъ второй мѣсяцъ здѣсь держатъ, какъ преступниковъ.

— Мы всѣ по каменной работѣ, всѣ одной артели. Говорятъ, въ губерніи острогъ сгорѣлъ. Такъ мы въ этомъ не причинны. Сдѣлайте божескую милость.

Нехлюдовъ слушалъ и почти не понималъ того, что̀ говорилъ старый благообразный человѣкъ, потому что все

вниманіе его было поглощено большой, темно-сѣрой, многоногой вошью, которая ползла между волосъ по щекѣ благообразнаго каменщика.

— Какъ-же такъ? Неужели только за это? — говорилъ Нехлюдовъ, обращаясь къ смотрителю.

— Да, ихъ бы надо послать и водворить на мѣсто жительства, — говорилъ помощникъ.

Только-что смотритель кончилъ, какъ изъ толпы выдвинулся маленькій человѣчекъ, тоже въ арестантскомъ халатѣ, началъ, странно кривя ртомъ, говорить о томъ, что ихъ здѣсь мучаютъ ни за что.

— Хуже собакъ ... — началъ онъ.

— Ну, ну, лишняго тоже не разговаривай, помалкивай, а то знаешь . . .

— Что мнѣ знать, — отчаянно заговорилъ маленькій человѣчекъ. — Развѣ мы въ чемъ виноваты?

— Молчать! — крикнулъ начальникъ, и маленькій человѣчекъ замолчалъ.

„Что же это такое?“ говорилъ себѣ Нехлюдовъ, выходя изъ камеръ, какъ сквозь строй прогоняемый сотней глазъ, выглядывавшихъ изъ дверей, и встрѣчавшихся арестантовъ.

— Неужели, дѣйствительно, держатъ такъ прямо невинныхъ людей, — проговорилъ Нехлюдовъ, когда они вышли изъ корридора.

— Что жъ прикажете дѣлать? Но только, что и много они врутъ. Послушать ихъ,—всѣ невинны, говорилъ помощникъ смотрителя.

— Да вѣдь эти то не виноваты же ни въ чемъ.

— Эти то положимъ. Но только народъ очень испорченный Безъ строгости невозможно. Есть такіе типы бѣдовые, тоже палецъ въ ротъ не клади. — Вотъ вчера двоихъ вынуждены были наказать.

— Какъ наказать? спросилъ Нехлюдовъ.

— Розгами наказывали по предписанію...

— Да вѣдь тѣлесное наказаніе отмѣнено.

— Не для лишенныхъ правъ. Эти подлежатъ.

Нехлюдовъ вспомнилъ все, что̀ онъ видѣлъ вчера, дожидаясь въ сѣняхъ, и понялъ, что наказаніе происходило именно въ то время, какъ онъ дожидался, и на него съ особенной силой нашло то смѣшанное чувство любопытства, тоски, недоумѣнія и нравственной, переходящей почти въ физическую — тошноты, которое и прежде, но никогда съ такой силой не охватывало его.

Не слушая помощника смотрителя и не глядя вокругъ себя, онъ поспѣшно вышелъ изъ корридоровъ и направился въ контору. Смотритель былъ въ корридорѣ и, занятый другимъ дѣломъ, забылъ вызвать Богодуховскую. Онъ вспомнилъ, что обѣщалъ вызвать ее только тогда, когда Нехлюдовъ вошелъ въ контору.

— Сейчасъ я пошлю за ней, а вы посидите, сказалъ онъ.

LIV.

Контора состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой комнатѣ, съ большой выступающей облѣзлой печью и двумя грязными окнами, стояла въ одномъ углу черная мѣрка для измѣренія роста арестантовъ; въ другомъ углу висѣлъ, — обычная принадлежность мѣста мучительства, — большой образъ Христа. Въ этой первой комнатѣ стояло нѣсколько надзирателей. Въ другой же комнатѣ сидѣли по стѣнамъ и отдѣльными группами, или парочками, человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ и негромко разговаривали. У окна стоялъ письменный столъ.

Смотритель сѣлъ у письменнаго стола и предложилъ Нехлюдову стулъ, стоявшій тутъ же. Нехлюдовъ сѣлъ и сталъ разсматривать людей, бывшихъ въ комнатѣ.

Прежде всѣхъ обратилъ его вниманіе молодой человѣкъ въ короткой жакеткѣ, съ пріятнымъ лицомъ, который, стоя передъ немолодой уже, чернобровой женщиной, что-то горячо и съ жестами рукъ говорилъ ей. Рядомъ сидѣлъ старый человѣкъ въ синихъ очкахъ и неподвижно слушалъ, держа за руку молодую женщину въ арестантской одеждѣ, что-то

разсказывавшую ему. Мальчикъ-реалистъ съ остановившимся, испуганнымъ выраженіемъ лица, не спуская глазъ, смотрѣлъ на старика. Недалеко отъ нихъ, въ углу, сидѣла парочка влюбленныхъ: она была съ короткими волосами и энергическимъ лицомъ, бѣлокурая, миловидная, совсѣмъ молоденькая дѣвушка въ модномъ платьѣ; онъ — съ тонкими очертаніями лица и волнистыми волосами, красивый юноша въ гутаперчевой курткѣ. Они сидѣли въ уголку и шептались, очевидно, млѣя отъ любви. Ближе же всѣхъ къ столу сидѣла сѣдая, въ черномъ платьѣ, женщина, очевидно, мать: она глядѣла во всѣ глаза на чахоточнаго вида молодого человѣка въ такой же курткѣ и хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить отъ слезъ: и начинала, и останавливалась. Молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ бумажку и, очевидно, не зная, что̀ ему дѣлать, съ сердитымъ лицомъ перегибалъ и мялъ ее. Подлѣ нихъ сидѣла полная, румяная, красивая дѣвушка съ очень выпуклыми глазами, въ сѣромъ платьѣ и пелеринкѣ. Она сидѣла рядомъ съ плачущей матерью и нѣжно гладила ее по плечу. Все было красиво въ этой дѣвушкѣ: и большія бѣлыя руки, и волнистые остриженные волосы, и крѣпкіе носъ и губы, но главную прелесть ея лица составляли каріе, бараньи, добрые, правдивые глаза. Красивые глаза ея оторвались отъ лица матери въ ту минуту, какъ вошелъ Нехлюдовъ, и встрѣтились съ его взглядомъ. Но тотчасъ же она отвернулась и что-то стала говорить матери. Недалеко отъ влюбленной парочки сидѣлъ черный, лохматый человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и сердито говорилъ что-то безбородому посѣтителю, похожему на скопца.

Нехлюдовъ сѣлъ рядомъ съ смотрителемъ и съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣлъ вокругъ себя.

Его развлекъ подошедшій къ нему, гладко стриженый, ребенокъ-мальчикъ и тоненькимъ голоскомъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А вы кого ждете?

Нехлюдовъ удивился вопросу, но, взглянувъ на мальчика и увидавъ серьезное, осмысленное лицо съ внимательными,

живыми глазами, серьезно отвѣтилъ ему, что ждетъ знакомую женщину.

— Что же, она вамъ сестра? — спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, не сестра, — отвѣтилъ удивленно Нехлюдовъ. — А ты съ кѣмъ здѣсь? — спросилъ онъ мальчика.

— Я съ мамой. Она политическая, — сказалъ мальчикъ.

— Марія Павловна, возьмите Колю: — сказалъ смотритель, нашедшій, вѣроятно, противозаконнымъ разговоръ Нехлюдова съ мальчикомъ.

Марія Павловна, та самая красивая дѣвушка съ бараньими глазами, которая обратила вниманіе Нехлюдова, встала во весь свой высокій ростъ и сильной, широкой, почти мужской походкой, подошла къ Нехлюдову и мальчику.

— Что̀ онъ у васъ спрашиваетъ, кто вы? — спросила она у Нехлюдова, слегка улыбаясь и довѣрчиво глядя ему въ глаза такъ просто, какъ будто не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она со всѣми была, есть и должна быть въ простыхъ, ласковыхъ, братскихъ отношеніяхъ.

— Ему все нужно знать, — сказала она и совсѣмъ улыбнулась въ лицо мальчику такой доброй, милой улыбкой, что и мальчикъ, и Нехлюдовъ—оба невольно улыбнулись на ея улыбку.

— Да, спрашивалъ меня, къ кому я?

— Марія Павловна, нельзя разговариватъ съ посторонними. Вѣдь вы знаете, — сказалъ смотритель.

— Хорошо, хорошо, — сказала она и, взявъ своей большой, бѣлой рукой за ручку не спускавшаго съ нея глазъ Колю, вернулась къ матери чахоточнаго.

— Чей же это мальчикъ? — спросилъ Нехлюдовъ уже у смотрителя.

— Политической одной, онъ въ тюрьмѣ и родился, — сказалъ смотритель съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ бы показывая рѣдкость своего заведенія

— Неужели?

— Да, вотъ теперь ѣдетъ въ Сибирь съ матерью.

— А эта дѣвушка?

— Не могу вамъ отвѣчать, — сказалъ смотритель, пожимая плечами. — А вотъ и Богодуховская.

LV.

Изъ задней двери, вертлявой походкой, вышла маленькая, стриженная худая, желтая, Вѣра Ефремовна съ своими огромными, добрыми глазами.

— Ну, спасибо, что пришли, — сказала она, пожимая руку Нехлюдова. — Вспомнили меня? Сядемте.

— Не думалъ васъ найти такъ.

— О, мнѣ прекрасно, такъ хорошо, такъ хорошо, — что лучшаго и не желаю, говорила Вѣра Ефремовна, какъ всегда, испуганно глядя своими огромными, добрыми, круглыми глазами на Нехлюдова и вертя желтой, тонкой-тонкой жилистой шеей, выступающей изъ-за жалкихъ, смятыхъ и грязныхъ воротничковъ кофточки.

Нехлюдовъ сталъ спрашивать ее о томъ, какъ она попала въ это положеніе. Отвѣчая ему, она съ большимъ оживленіемъ стала разсказывать о своемъ дѣлѣ. Рѣчь ея была пересыпана иностранными словами о пропагандированіи, о дезорганизаціи, о группахъ, секціяхъ, и подсекціяхъ, о которыхъ она была, очевидно, вполнѣ увѣрена, что всѣ знали, а о которыхъ Нехлюдовъ никогда и не слыхивалъ.

Она разсказывала ему, очевидно, вполнѣ увѣренная, что ему очень интересно и пріятно знать всѣ тайны народовольства. Нехлюдовъ же смотрѣлъ на ея жалкую шею, на рѣдкіе, спутанные волосы и удивлялся, зачѣмъ она все это дѣлала и разсказывала. Она жалка была ему, но совсѣмъ не такъ, какъ былъ жалокъ Меньшовъ-мужикъ, съ своими побѣлѣвшими какъ картофельные ростки, руками и лицомъ, безъ всякой вины съ его стороны сидѣвшій въ вонючемъ острогѣ. Она болѣе всего жалка была той очевидной путаницей, которая была у нея въ головѣ. Она, очевидно, считала себя героиней, и рисовалась передъ нимъ и этимъ и была особенно жалка ему. Эту черту рисовки Нехлюдовъ

видѣлъ въ ней и еще въ нѣкоторыхъ лицахъ бывшихъ въ комнатѣ. Приходъ ихъ обратилъ на себя ихъ вниманіе и онъ чувствовалъ, что они немножко иначе дѣлали то, что дѣлали, потому что онъ былъ тутъ. Черта эта была и въ молодомъ человѣкѣ въ гуттаперчевой курткѣ и въ женщинѣ въ арестантскомъ халатѣ и даже въ парочкѣ влюбленныхъ. Не было этой черты только въ чахоточномъ молодомъ человѣкѣ, въ красавицѣ съ бараньими глазами и лохматомъ человѣкѣ съ глубоко-сидящими глазами, который говорилъ съ худымъ, безбородымъ человѣкомъ, похожимъ на скопца.

Дѣло, о которомъ хотѣла говорить Вѣра Ефремовна съ Нехлюдовымъ, состояло въ томъ, что товарка ея, Шустова, даже и не принадлежавшая къ ихъ подгруппѣ, какъ она выражалась, была схвачена пять мѣсяцевъ тому назадъ вмѣстѣ съ нею и посажена въ Петропавловскую крѣпость только потому, что у ней нашли книги и бумаги, переданныя ей на сохраненіе. Вѣра Ефремовна считала себя отчасти виновной въ заключеніи Шустовой и умоляла Нехлюдова, имѣющаго связи, сдѣлать все возможное для того, чтобы освободить ее. Другое дѣло, о которомъ просила Богодуховская, состояло въ томъ, чтобы выхлопотать содержащемуся въ Петропавловской крѣпости, Гуревичу, разрѣшеніе на свиданіе съ родителями и на полученіе научныхъ книгъ, которыя ему нужны были для его ученыхъ занятій.

Нехлюдовъ сказалъ, что онъ едва-ли, что-нибудь можетъ тутъ сдѣлать, но обѣщалъ попытаться сдѣлать все возможное, когда будетъ въ Петербургѣ.

Свою исторію Вѣра Ефремовна разсказала такъ, что она, кончивъ акушерскіе курсы, сошлась съ партіей народовольцевъ и работала съ ними. Сначала шло все хорошо, писали прокламаціи, пропагандировали на фабрикахъ, но потомъ схватили одну выдающуюся личность, захватили бумаги и начали всѣхъ брать.

— Взяли и меня и вотъ теперь высылаютъ... — закончила она свою исторію. — Но это ничего. Я чувствую

себя превосходно, — самочувствіе олимпійское, сказала она и улыбнулась жалостной улыбкою.

Нехлюдовъ спросилъ про дѣвушку съ бараньими глазами: Вѣра Ефремовна разсказала, что это дочь генерала, давно уже принадлежитъ къ революціонной партіи и попалась за то, что взяла на себя выстрѣлъ въ жандарма. Она жила въ конспиративной квартирѣ, въ которой былъ типографскій станокъ. Когда ночью пришли съ обыскомъ, то обитатели квартиры рѣшили защищаться, потушили огонь и стали уничтожать улики. Полицейскіе ворвались, и тогда одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ и ранилъ смертельно жандарма. Когда стали допрашивать, кто стрѣлялъ, она сказала, что стрѣляла она, не смотря на то, что никогда не держала въ рукѣ револьвера и паука не убьетъ. И такъ и осталось. И теперь идетъ въ каторгу.

— Альтруистическая, хорошая личность... — одобрительно сказала Вѣра Ефремовна.

Третье дѣло, о которомъ хотѣла говорить Вѣра Ефремовна, касалось Масловой. Она знала, какъ все зналось въ острогѣ, исторію Масловой и отношенія къ ней Нехлюдова и совѣтовала хлопотать о переводѣ ея къ политическимъ или, по крайней мѣрѣ, въ сидѣлки въ больницу, гдѣ теперь особенно много больныхъ, и нужны работницы.

Нехлюдовъ поблагодарилъ ее за совѣтъ и сказалъ, что постарается воспользоваться имъ.

LVI.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ смотрителемъ, который поднялся и объявилъ, что время свиданія кончилось, и надо расходиться. Нехлюдовъ всталъ, простился съ Вѣрой Ефремовной и отошелъ къ двери, у которой остановился, наблюдая то, что̀ происходило передъ нимъ.

— Господа, пора, пора! — говорилъ смотритель, то вставая, то опять садясь.

Требованіе смотрителя вызвало въ находящихся въ комнатѣ и заключенныхъ, и посѣтителяхъ только особенное

оживленіе, но никто и не думалъ расходиться. Нѣкоторые встали и, говорили стоя. Нѣкоторые продолжали сидѣть и разговаривать. Нѣкоторые стали прощаться и плакать. Особенно трогательна была мать съ чахоточнымъ сыномъ. Молодой человѣкъ все вертѣлъ бумажку, и лицо его становилось все болѣе и болѣе злымъ, — такъ велики были усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы не заразиться чувствомъ матери. Мать же, услыхавъ, что надо прощаться, легла ему на плечо и рыдала, сопя носомъ. Дѣвушка съ бараньими глазами, — Нехлюдовъ невольно слѣдилъ за ней, — стояла передъ рыдающей матерью и что-то успокоительно говорила ей. Старикъ въ синихъ очкахъ, стоя, держалъ за руку свою дочь и кивалъ головой на то, что̀ она говорила. Молодые влюбленные встали и держались за руки, молча глядя другъ другу въ глаза.

— Вотъ этимъ однимъ весело, — сказалъ, указывая на влюбленную парочку, молодой человѣкъ въ короткой жакеткѣ, стоя подлѣ Нехлюдова, и такъ-же, какъ и онъ, глядя на прощающихся.

Чувствуя на себѣ взгляды Нехлюдова и молодого человѣка, влюбленные — молодой человѣкъ въ гутаперчевой курткѣ и бѣлокурая миловидная дѣвушка — вытянули сцѣпленныя руки, опрокинулись назадъ и, смѣясь, начали кружиться.

— Нынче вечеромъ женятся, здѣсь въ острогѣ, и она съ нимъ идетъ въ Сибирь, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Онъ что̀ же?

— Каторжный. Хоть они веселятся, а то ужъ слишкомъ больно слушать, — прибавилъ молодой человѣкъ въ жакеткѣ, прислушиваясь къ рыданьямъ матери чахоточнаго.

— Господа! Пожалуйста, пожалуйста! Не вынудьте меня принять мѣры строгости, — говорилъ смотритель, повторяя нѣсколько разъ одно и то же. — Пожалуйста, да ну пожалуйста, — говорилъ онъ слабо и нерѣшительно. — Что̀ же это? Ужъ давно пора. Вѣдь этакъ невозможно. Я послѣдній разъ говорю, — повторялъ онъ уныло, то за-

куривая, то туша свою мариландскую папироску. Очевидно было, что, какъ ни искусны и ни стары и привычны были доводы, позволяющіе людямъ дѣлать зло другимъ, не чувстуя себя за него отвѣтственными, смотритель не могъ не сознавать, что онъ одинъ изъ виновниковъ того горя, которое проявлялось въ этой комнатѣ; и ему, очевидно, было ужасно тяжело.

Наконецъ заключенные и посѣтители стали расходиться: одни во внутреннюю, другіе въ наружную дверь. Прошли мужчины въ гутаперчевыхъ курткахъ, и чахоточный, и черный лохматый; ушла и Марья Павловна съ мальчикомъ, родившимся въ острогѣ.

Стали выходить и посѣтители. Пошелъ тяжелой походкой старикъ въ синихъ очкахъ, за нимъ пошелъ и Нехлюдовъ.

— Да-съ, удивительные порядки, — какъ бы продолжалъ прерванный разговоръ словоохотливый молодой человѣкъ, спускаясь съ Нехлюдовымъ вмѣстѣ съ лѣстницы. — Спасибо еще, капитанъ — добрый человѣкъ, не держится правилъ. Все поговорятъ — отведутъ душу.

Когда Нехлюдовъ, разговаривая съ Медынцевымъ, — такъ отрекомендовалъ себя словоохотливый молодой человѣкъ, — сошелъ въ сѣни, къ нимъ подошелъ съ усталымъ видомъ смотритель.

— Такъ если хотите видѣть Маслову, то пожалуйте завтра, — сказалъ онъ, очевидно, желая быть любезнымъ съ Нехлюдовымъ.

— Очень хорошо, — сказалъ Нехлюдовъ и поспѣшилъ выйти.

Ужасны были, очевидно, невинныя страданія Меньшова — и не столько его физическія страданія, сколько то недоумѣніе, то недовѣріе къ добру и къ Богу, которыя онъ долженъ былъ испытывать, видя жестокость людей, безпричинно мучающихъ его; ужасно было опозореніе и мученія, наложенныя на эти сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей только потому, что въ бумагѣ не такъ написано; ужасны эти

одурѣлые надзиратели, занятые мучительствомъ своихъ братьевъ и увѣренные, что они дѣлаютъ и хорошее, и важное дѣло. Но ужаснѣе всего показался ему этотъ старѣющійся и слабый здоровьемъ и добрый смотритель, который долженъ разлучать мать съ сыномъ, отца съ дочерью, точно такихъ же людей, какъ онъ самъ и его дѣти.

„Зачѣмъ это?“ спрашивалъ себя Нехлюдовъ, испытывая теперь въ высшей степени то чувство нравственной, переходящей въ физическую, — тошноты, которую онъ всегда испытывалъ въ тюрьмѣ, и не находилъ отвѣта.

LVII.

На другой день Нехлюдовъ поѣхалъ къ адвокату и сообщилъ ему дѣло Меньшовыхъ, прося взять на себя защиту. Адвокатъ выслушалъ и сказалъ, что посмотритъ дѣло и, если все такъ, какъ Нехлюдовъ говоритъ, что̀ весьма вѣроятно, то онъ безъ всякаго вознагражденія возьмется за защиту. Нехлюдовъ, между прочимъ, разсказалъ адвокату о содержимыхъ 130-ти человѣкъ по недоразумѣнію и спросилъ: отъ кого это зависитъ, кто виноватъ? Адвокатъ помолчалъ, очевидно, желая отвѣтить точно.

— Кто виноватъ? Никто, — сказалъ онъ рѣшительно. — Скажите прокурору; — онъ скажетъ, что виноватъ губернаторъ, скажите губернатору, онъ скажетъ, что виноватъ прокуроръ. Никто не виноватъ.

— Я сейчасъ ѣду къ Масленникову и скажу ему.

— Ну-съ, это безполезно, — улыбаясь, возразилъ адвокатъ. — Это такая, — онъ не родственникъ и не другъ? — это такая, съ позволенія сказать, дубина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хитрая скотина.

Нехлюдовъ, вспомнивъ, что̀ говорилъ Масленниковъ про адвоката, ничего не отвѣтилъ и, простившись, поѣхалъ къ Масленникову.

Масленникова Нехлюдову нужно было просить о двухъ вещахъ: о переводѣ Масловой въ больницу и о 130-ти безписьменныхъ, безвинно содержавшихся въ острогѣ. Какъ ни

тяжело ему было просить человѣка, котораго онъ не уважалъ, — это было единственное средство достигнуть цѣли, и надо было пройти черезъ это.

Подъѣзжая къ дому Масленникова, Нехлюдовъ увидалъ у крыльца нѣсколько экипажей: пролетки, коляски и кареты, и вспомнилъ, что какъ разъ нынче былъ тотъ пріемный день жены Масленникова, въ который онъ просилъ его пріѣхать. Въ то время, какъ Нехлюдовъ подъѣзжалъ къ дому, одна карета стояла у подъѣзда, и лакей, въ шляпѣ съ кокардой и пелеринѣ, подсаживалъ съ порога крыльца даму, подхватившую свой шлейфъ и открывшую черныя, тонкія щиколодки въ туфляхъ. Среди стоящихъ уже экипажей, онъ узналъ закрытое ландо Корчагиныхъ. Сѣдой, румяный кучеръ почтительно и привѣтливо снялъ шляпу, какъ особенно знакомому барину. Не успѣлъ Нехлюдовъ спросить швейцара о томъ, гдѣ Михаилъ Ивановичъ (Масленниковъ), какъ онъ самъ показался на ковровой лѣстницѣ, провожая очень важнаго гостя, такого, какого онъ провожалъ уже не до площадки, а до самаго низа. Очень важный военный гость этотъ, сходя, говорилъ по-французски объ аллегри въ пользу пріютовъ, устраиваемыхъ въ городѣ, высказывая мнѣніе, что это хорошее занятіе для дамъ: „и имъ весело, и деньги собираются!“

— Qu'elles s'amusent et que le bon Dieu les bénisse. — А, Нехлюдовъ, здравствуйте! Что давно васъ не видно, — привѣтствовалъ онъ Нехлюдова. — Allez presenter vos devoirs à Madame. И Корчагины тутъ. Et Nadine Bukshevden. Toutes les jolies femmes de la ville, — сказалъ онъ, подставляя и нѣсколько приподнимая свои военныя плечи подъ подаваемую ему его же великолѣпнымъ съ золотыми галунами лакеемъ шинель. — Au revoir, mon cher. — Онъ пожалъ еще руку Масленникову.

— Ну, пойдемъ наверхъ, какъ я радъ! — возбужденно заговорилъ Масленниковъ, подхватывая подъ руку Нехлюдова и, несмотря на свою корпуленцію, быстро увлекая его наверхъ. Масленниковъ былъ въ особенно радостнсмъ воз-

бужденіи, причиной котораго было оказанное ему вниманіе важнымъ лицомъ. Всякое такое вниманіе приводило Масленникова въ такой же восторгъ, въ который приходитъ ласковая собачка послѣ того, какъ хозяинъ погладитъ, потреплетъ, почешетъ ее за ушами. Она крутитъ хвостомъ, сжимается, извивается, прижимаетъ уши и безумно носится кругами. То же самое былъ готовъ дѣлать Масленниковъ. Онъ не замѣчалъ серьезнаго выраженія лица Нехлюдова, не слушалъ его и неудержимо влекъ его въ гостиную. Нельзя было отказаться, и Нехлюдовъ шелъ съ нимъ.

— Дѣло послѣ; что̀ прикажешь — все сдѣлаю, — говорилъ Масленниковъ, проходя съ Нехлюдовымъ черезъ залу. — Доложите генеральшѣ, что князь Нехлюдовъ, — на ходу, сказалъ онъ лакею. Лакей иноходью, обгоняя ихъ, двинулся впередъ. — Vous n'avez qu'à ordonner. Но жену повидай непремѣнно. Мнѣ и то досталось за то, что я тотъ разъ не привелъ тебя.

Лакей уже успѣлъ доложить, когда они вошли, и Анна Игнатьевна, вице — губернаторша, генеральша, какъ она называла себя, уже съ сіяющей улыбкой наклонилась къ Нехлюдову изъ-за шляпокъ и головъ окружавшихъ ее у дивана. На другомъ концѣ гостиной у стола съ чаемъ сидѣли барыни, и стояли мужчины — военные и штатскіе, и слышался неумолкаемый трескъ мужскихъ и женскихъ голосовъ.

— Enfin! Что же это вы насъ знать не хотите? Чѣмъ мы васъ обидѣли?

Такими словами, предполагавшими интимность между нею и Нехлюдовымъ, которой никогда не было, встрѣтила Анна Игнатьевна входящяго.

— Вы знакомы? Знакомы? — Мадамъ Бѣлявская, Михаилъ Ивановичъ Черновъ. — Садитесь поближе.

— Мисси, venez donc à notre table. On vous apportera votre thé ... И вы ... — обратилась она къ офицеру, говорившему съ Мисси, очевидно забывъ его имя, — пожалуйте сюда. Чаю, князь, прикажете?

— Ни за что, ни за что не соглашусь, она просто не любила, — говорилъ женскій голосъ.

— А любила пирожки.

— Вѣчно глупыя шутки, — со смѣхомъ вступилась другая дама, въ высокой шляпѣ, блестѣвшая шолкомъ, золотомъ и камнями.

— C'est excellent — эти вафельки, и легко. Подайте еще сюда.

— Что же скоро ѣдете?

— Да ужъ нынче послѣдній день. Отъ этого мы и пріѣхали.

— Такая прелестная весна, такъ хорошо теперь въ деревнѣ.

Мисси въ шляпѣ и какомъ-то темно-полосатомъ платьѣ, схватывавшемъ безъ складочки ея тонкую талію, точно какъ-будто она родилась въ этомъ платьѣ, была очень красива. Она покраснѣла, увидавъ Нехлюдова.

— А я думала, что вы уѣхали, — сказала она ему.

— Почти уѣхалъ, — сказалъ Нехлюдовъ. — Дѣла задерживаютъ. Я и сюда пріѣхалъ по дѣлу.

— Заѣзжайте къ мама. Она очень хочетъ васъ видѣть, — сказала она и, чувствуя, что она лжетъ, и онъ понимаетъ это, покраснѣла еще больше.

— Едва ли успѣю, — мрачно отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь дѣлать видъ, что не замѣтилъ, какъ она покраснѣла.

Мисси сердито нахмурилась, пожала плечами и обратилась къ элегантному офицеру, который подхватилъ у нея изъ рукъ порожнюю чашку и, цѣпляя саблей за кресла, мужественно перенесъ ее на другой столъ.

— Вы должны тоже пожертвовать для пріюта.

— Да я и не отказываюсь, но хочу приберечь всю свою щедрость до аллегри. Тамъ я выкажу себя уже во всей силѣ.

— Ну смотрите, — послышался явно притворно смѣющійся голосъ.

Пріемный день былъ блестящій, и Анна Игнатьевна была въ восхищеніи.

— Мнѣ Мика говорилъ, что вы заняты въ тюрьмахъ. Я очень понимаю это, — говорила она Нехлюдову. — Мика (это былъ ея толстый мужъ, Масленниковъ), можетъ имѣть другіе недостатки, но вы знаете, какъ онъ добръ. Всѣ эти несчастные заключенные — его дѣти. Онъ иначе не смотритъ на нихъ. Il est d'une bonté . . .

Она остановилась, не найдя словъ, которыя могли бы выразить bonté ея мужа, по распоряженію котораго сѣкли людей, и тотчасъ же, улыбаясь, обратилась къ входившей старой сморщенной старухѣ въ лиловыхъ бантахъ.

Поговоривъ сколько нужно было и такъ безсодержательно, какъ тоже нужно было для того, чтобы не нарушить приличія, Нехлюдовъ всталъ и подошелъ къ Масленникову.

— Такъ, пожалуйста, можешь ты меня выслушать?

— Ахъ, да! Ну что же? Пойдемъ сюда.

Они вошли въ маленькій японскій кабинетикъ и сѣли у окна.

LVIII.

— Ну-съ, je suis à vous. Хочешь курить? Только постой, какъ бы намъ тутъ не напортить, — сказалъ онъ и принесъ пепельницу. — Ну-съ.

— У меня къ тебѣ два дѣла

— Вотъ какъ.

Лицо Масленникова сдѣлалось мрачно и уныло. Всѣ слѣды того возбужденія собачки, у которой хозяинъ почесалъ за ушами, исчезли совершенно. Изъ гостиной доносились голоса. Одинъ женскій говорилъ: jamais, jamais je ne croirai, а другой, съ другого конца, мужской, что-то разсказывалъ, все повторяя: la comtesse Voronzoff и Victor Apraksine. Съ третьей стороны слышался только гулъ голосовъ и смѣхъ. Масленниковъ прислушивался къ тому, что̀ происходило въ гостиной, слушалъ и Нехлюдова.

— Я опять о той же женщинѣ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да, невинно осужденная. Знаю, знаю.

— Я просилъ бы перевести ее въ служанки въ больницу. Мнѣ говорили, что это можно сдѣлать.

Масленниковъ сжалъ губы и задумался.

— Едва ли можно, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, я посовѣтуюсь и завтра телеграфирую тебѣ.

— Мнѣ говорили, что тамъ много больныхъ, и нужны помощницы.

— Ну да, ну да. Такъ во всякомъ случаѣ дамъ тебѣ знать.

— Пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

Изъ гостиной раздался общій и даже натуральный смѣхъ.

— Это все Вивторъ, — сказалъ Масленниковъ, улыбаясь — онъ удивительно остеръ, когда въ ударѣ.

— А еще, — сказалъ Нехлюдовъ: сейчасъ въ острогѣ сидятъ 130-ть человѣкъ только за то, что у нихъ просрочены паспорта. Ихъ держатъ мѣсяцъ здѣсь.

И онъ разсказалъ причины, по которымъ ихъ держатъ.

— Какъ же ты узналъ про это? — спросилъ Масленниковъ, и на лицѣ его вдругъ выразилось безпокойство и недовольство.

— Я ходилъ къ подсудимому, и меня въ коридорѣ обступили эти люди и просили . . .

— Къ какому подсудимому ты ходилъ?

— Крестьянину, который невинно обвиняется и къ которому я пригласилъ защитника. Но не въ этомъ дѣло. Неужели эти люди, ни въ чемъ не виноватые, содержатся въ тюрьмѣ только за то, что у нихъ просрочены паспорта и...

— Это дѣло прокурора, — съ досадой перебилъ Масленниковъ Нехлюдова. — Вотъ ты говоришь: судъ скорый и правый. Обязанность товарища прокурора посѣщать острогъ и узнавать, законно ли содержатся заключенные. Они ничего не дѣлаютъ: играютъ въ винтъ.

— Такъ ты ничего не можешь сдѣлать? — мрачно ска-

залъ Нехлюдовъ, вспоминая слова адвоката о томъ, что губернаторъ будетъ сваливать на прокурора.

— Нѣтъ, я сдѣлаю. Я справлюсь сейчасъ.

— Для нея же хуже. C'est un souffre douleur, — слышался изъ гостиной голосъ женщины, очевидно совершенно равнодушной къ тому, что̀ она говорила.

— Тѣмъ лучше, я и эту возьму, — слышался съ другой стороны игривый голосъ мужчины и игривый смѣхъ женщины, что-то не дававшей ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, — говорилъ женскій голосъ.

— Такъ вотъ, я сдѣлаю все, — повторилъ Масленниковъ, туша папироску своей бѣлой рукой съ бирюзовымъ перстнемъ, — теперь пойдемъ къ дамамъ.

— Да еще вотъ что, — сказалъ Нехлюдовъ, не входя въ гостиную и останавливаясь у двери. — Мнѣ говорили, что вчера въ тюрьмѣ наказывали тѣлесно людей. Правда ли это?

Масленниковъ покраснѣлъ.

— Ахъ, ты объ этомъ? Нѣтъ mon cher, рѣшительно тебя не надо пускать, тебѣ до всего дѣло. Пойдемъ, пойдемъ, Annette зоветъ насъ, — сказалъ онъ, подхватывая его подъ руку и выказывая опять такое же возбужденіе, какъ и послѣ вниманія важнаго лица, но только теперь уже не радостное, а тревожное.

Нехлюдовъ вырвалъ свою руку изъ его и, никому не кланяясь и ничего не говоря, съ мрачнымъ видомъ прошелъ черезъ гостиную, залу и мимо выскочившихъ лакеевъ въ переднюю и на улицу.

— Что̀ съ нимъ? Что̀ ты ему сдѣлалъ? — спросила у мужа Annette.

— Это à la française, сказалъ кто-то.

— Какой это à la française, это à la zoulou.

— Ну да онъ всегда былъ такой.

Кто-то поднялся, кто-то пріѣхалъ, и щебетанья пошли своимъ чередомъ: общество пользовалось эпизодомъ съ Не-

хлюдовымъ, какъ удобнымъ предметомъ разговора нынѣшняго jour fix'а.

На другой день послѣ посѣщенія Масленникова, Нехлюдовъ получилъ отъ него, на толстой глянцевитой съ гербомъ и печатями бумагѣ, письмо великолѣпнымъ, твердымъ почеркомъ о томъ, что онъ написалъ о переводѣ Масловой въ больницу врачу, и что, по всей вѣроятности, желаніе его будетъ исполнено. Было подписано: любящій тебя „старшій товарищъ", и подъ подписью: „Масленниковъ", былъ сдѣланъ удивительно — искусный, большой и твердый росчеркъ.

— Дуракъ! — не могъ удержаться не сказать Нехлюдовъ, особенно за то, что въ этомъ словѣ: „товарищъ", онъ чувствовалъ, что Масленниковъ снисходилъ до него, т. е. несмотря на то, что исполнялъ самую нравственно-грязную и постыдную должность, считалъ себя очень важнымъ человѣкомъ и думалъ, если не польстить, то показать, что онъ все таки не слишкомъ гордится своимъ величіемъ, называя себя его товарищемъ.

LIX.

Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ суевѣрій—то, что каждый человѣкъ имѣетъ одни свои опредѣленныя свойства, что бываетъ человѣкъ добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бываютъ такими. Мы можемъ сказать про человѣка, что онъ чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ, и наоборотъ; но будетъ неправда, если мы скажемъ про одного человѣка, что онъ добрый или умный, а про другого, что онъ злой или глупый. А мы всегда такъ дѣлимъ людей. И это невѣрно. Люди какъ рѣки: вода во всѣхъ одинакая и вездѣ одна и та же, но каждая рѣка бываетъ то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Такъ и люди. Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ зачатки всѣхъ свойствъ людскихъ, и иногда проявляетъ одни,

иногда другія, и бываетъ часто совсѣмъ не похожъ на себя, оставаясь все, однимъ и самимъ собою. У нѣкоторыхъ людей эти перемѣны бываютъ особенно рѣзки. И къ такимъ людямъ принадлежалъ Нехлюдовъ. Перемѣны эти происходили въ немъ и отъ физическихъ, и отъ духовныхъ причинъ. И такая перемѣна произошла въ немъ теперь.

То чувство торжественности и радости обновленія, которое онъ испытывалъ послѣ суда и послѣ перваго свиданія съ Катюшей, прошло совершенно и замѣнилось послѣ послѣдняго свиданія страхомъ, даже отвращеніемъ къ ней. Онъ рѣшилъ, что не оставитъ ее, не измѣнитъ своего рѣшенія жениться на ней, если только она захочетъ этого, но это было ему тяжело и мучительно.

На другой день своего посѣщенія Масленникова, онъ опять поѣхалъ въ острогъ, чтобы увидать ее.

Смотритель разрѣшилъ свиданіе, но не въ конторѣ и не въ адвокатской, а въ женской посѣтительской. Несмотря на свое добродушіе, смотритель былъ сдержаннѣе, чѣмъ прежде, съ Нехлюдовымъ; очевидно, разговоры съ Масленниковымъ имѣли послѣдствіемъ предписаніе большей осторожности съ этимъ посѣтителемъ.

— Видѣться можно, — сказалъ онъ, — только, пожалуйста, насчетъ денегъ, какъ я просилъ васъ ... А что насчетъ перевода ея въ больницу, какъ писалъ его превосходительство, такъ это можно, и врачъ согласенъ. Только она сама не хочетъ, говоритъ: очень мнѣ нужно за паршивцами горшки выносить ... Вѣдь это, князь, такой народъ, — прибавилъ онъ.

Нехлюдовъ ничего не отвѣчалъ и попросилъ допустить его къ свиданію. Смотритель послалъ надзирателя, и Нехлюдовъ вошелъ за нимъ въ пустую женскую посѣтительскую.

Маслова уже была тамъ и вышла изъ-за рѣшетки, тихая и робкая. Она близко подошла къ Нехлюдову и, глядя мимо него, тихо сказала:

— Простите меня, Дмитрій Ивановичъ, я нехорошо говорила третьяго дня.

— Не мнѣ прощать васъ... — началъ-было Нехлюдовъ.

— Но только, все-таки, вы оставьте меня, — прибавила она, и въ страшно скосившихся глазахъ, которыми она взглянула на него, Нехлюдовъ прочелъ опять напряженное и злое выраженіе.

— Зачѣмъ же мнѣ оставить васъ?

— Да ужъ такъ.

— Отчего такъ?

Она посмотрѣла на него опять тѣмъ же, какъ ему показалось, злымъ взглядомъ.

— Ну, такъ вотъ что, сказала она. — Вы меня оставьте, это я вамъ вѣрно говорю. Не могу я. Вы это совсѣмъ оставьте, — сказала она дрожащими губами и замолчала. — Это вѣрно. Лучше повѣшусь.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что въ этомъ отказѣ ея была ненависть къ нему, непрощенная обида, но было и что-то другое, — хорошее и важное. Это подтвержденіе въ совершенно спокойномъ состояніи своего прежняго отказа, сразу уничтожило въ душѣ Нехлюдова всѣ его сомнѣнія и вернуло его къ прежнему серьезному торжественному и умиленному состоянію по отношенію къ Катюшѣ.

— Катюша, какъ я сказалъ, такъ и говорю, — произнесъ онъ особенно серьезно. — Я прошу тебя выйти за меня замужъ. Если же ты не хочешь, и пока не хочешь, я такъ же, какъ и прежде, буду тамъ, гдѣ ты будешь, и поѣду туда, куда тебя повезутъ.

— Это ваше дѣло, я больше говорить не буду, — сказала она, — и опять губы ея задрожали.

Онъ тоже молчалъ, чувствуя себя не въ силахъ говорить.

— Я теперь ѣду въ деревню, а потомъ поѣду въ Петербургъ, — сказалъ онъ, наконецъ оправившись. — Буду

хлопотать по вашему, по нашему, дѣлу и, Богъ дастъ, отмѣнятъ приговоръ.

— И не отмѣнятъ — все равно. Я не за это, такъ за другое того стою . . . — сказала она, и онъ видѣлъ, какое большое усиліе она сдѣлала, чтобы удержать слезы.

— Ну, что же, видѣли Меньшова? — спросила она вдругъ, чтобы скрыть свое волненіе. — Правда вѣдь, что они не виноваты?

— Да, я думаю.

— Такая чудесная старушка, — сказала она.

Онъ разсказалъ ей все, что узналъ отъ Меньшова, и спросилъ, не нужно ли ей чего, — она отвѣтила, что ничего не нужно.

Они опять помолчали.

— Ну а насчетъ больницы, — вдругъ сказала она, взглянувъ на него своимъ косымъ взглядомъ: — если вы хотите, я пойду, и вина тоже не буду пить . . .

Нехлюдовъ молча посмотрѣлъ ей въ глаза. Глаза ея улыбались.

— Это очень хорошо, — только могъ сказать онъ и простился съ нею.

— Да, да, она совсѣмъ другой человѣкъ! — думалъ Нехлюдовъ, испытывая, послѣ прежнихъ сомнѣній, совершенно новое, никогда не испытанное имъ чувство увѣренности въ непобѣдимость любви.

Вернувшись послѣ этого свиданія въ свою вонючую камеру, Маслова сняла халатъ и сѣла на свое мѣсто наръ, опустивъ руки на колѣна. Въ камерѣ были только: чахоточная, владимірская съ груднымъ ребенкомъ, старушка Меньшова и сторожиха съ двумя дѣтьми. Дьячкову дочь вчера признали душевнобольной и отправили въ больницу. Остальныя же всѣ женщины стирали. Старушка лежала на нарахъ и спала; дѣти были въ корридорѣ, дверь въ который была отворена. Владимірская съ ребенкомъ на рукахъ и

сторожиха съ чулкомъ, который она не переставала вязать быстрыми пальцами, подошли къ Масловой.

— Ну что, повидались? — спросили онѣ.

Маслова, не отвѣчая, сидѣла на высокихъ нарахъ, болтая недостающими до полу ногами.

— Чего рюмишь? — сказала сторожиха. — Пуще всего, не падай духомъ. Эхъ, Катюха. Ну! — сказала она, быстро шевеля пальцами.

Маслова не отвѣчала.

— А наши стирать пошли. Сказывали, нынча подаяніе большое. Наносили много, говорятъ, — сказала владимірская. — Финашка! — закричала сторожиха въ дверь, — куда, пострѣлёнокъ, забѣжалъ.

И она вынула одну спицу и, воткнувъ ее въ клубокъ и чулокъ, вышла въ корридоръ.

Въ это время послышался шумъ шаговъ и женскій говоръ въ корридорѣ, и обитательницы камеры въ котахъ на босу ногу вошли въ нее, каждая неся по калачу, а нѣкоторыя и по два. Ѳедосья тотчасъ же подошла къ Масловой.

— Чтò жъ, али чтò не ладно? — спросила Ѳедосья, своими ясными, голубыми глазами любовно глядя на Маслову. — А вотъ намъ къ чаю, — и она стала укладывать калачи на полочку.

— Чтò жъ, или раздумалъ жениться? спросила Кораблева.

— Нѣтъ, не раздумалъ, да я не хочу, — отвѣтила Маслова.

— Вотъ и дура! сказала своимъ басомъ Кораблева.

— Что жъ, коли не жить вмѣстѣ, на кой лядъ жениться, — сказала Ѳедосья.

— Да вѣдь вотъ твой мужъ идетъ же съ тобой, — возразила сторожиха.

— Чтò жъ, мы съ нимъ въ законѣ, — сказала Ѳедосья. — А ему зачѣмъ законъ принимать, коли не жить.

— Во дура! Зачѣмъ? Да женись онъ, такъ онъ озолотитъ ее.

— Онъ сказалъ: куда бы тебя ни послали, я за тобой поѣду, — сказала Маслова. — Поѣдетъ — поѣдетъ, не поѣдетъ, — не поѣдетъ просить не стану.

— Теперь онъ въ Петербургъ ѣдетъ хлопотать. У него тамъ всѣ министры родные, — продолжала она, — только всетаки не нуждаюсь я имъ.

— Извѣстное дѣло! — вдругъ согласилась Кораблева, разбирая свой мѣшокъ и, очевидно, думая о другомъ. — Что же винца выпьемъ?

— Я не стану, — отвѣчала Маслова. — Пейте сами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черезъ двѣ недѣли дѣло могло слушаться въ Сенатѣ, и къ этому времени Нехлюдовъ намѣревался поѣхать въ Петербургъ и, въ случаѣ неудачи въ Сенатѣ, подать прошеніе на Высочайшее имя, какъ совѣтовалъ составившій прошеніе адвокатъ. Въ случаѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій, къ чему, по мнѣнію адвоката, надо быть готовымъ, такъ какъ кассаціонные поводы очень слабы, партія каторжныхъ, въ числѣ которыхъ была Маслова, могла отправиться въ первыхъ числахъ іюня, и потому, для того, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ за Масловой въ Сибирь, что̀ было твердо рѣшено Нехлюдовымъ, надо было теперь же съѣздить по деревнямъ, чтобы устроить тамъ свои дѣла.

Прежде всего Нехлюдовъ поѣхалъ въ Кузьминское, ближайшее, большое, черноземное имѣніе, съ котораго получался главный доходъ. Онъ живалъ въ этомъ имѣніи въ дѣтствѣ и въ юности, потомъ уже взрослымъ два раза былъ въ немъ и одинъ разъ, по просьбѣ матери, привозилъ туда управляющаго — нѣмца и повѣрялъ съ нимъ хозяйство, такъ что онъ давно зналъ положеніе имѣнія и отношенія крестьянъ къ конторѣ, т. е. къ землевладѣльцу. Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу были таковы, что крестьяне находились въ полной зависимости у конторы. Нехлюдовъ зналъ это со временъ студенчества, когда онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ ученіе Генри Джорджа, и, на основаніи этого ученія, отдалъ отцовскую землю крестьянамъ. Правда, что послѣ военной службы, когда онъ привыкъ проживать около 20-ти тысячъ въ годъ, всѣ эти знанія его перестали

быть обязательными для его жизни, забылись, и онъ никогда не только не задавалъ себѣ вопроса о томъ, откуда получаются тѣ деньги, которыя ему давала мать, но старался не думать объ этомъ. Но смерть матери, наслѣдство и необходимость распоряженія своимъ имуществомъ, т. е. землею, опять подняли для него вопросъ объ его отношеніи къ земельной собственности. За мѣсяцъ тому назадъ Нехлюдовъ сказалъ бы себѣ, что измѣнить существующій порядокъ онъ не въ силахъ, что управляетъ имѣніемъ не онъ, — и болѣе или менѣе успокоился бы, живя далеко отъ имѣнія и получая съ него деньги. Теперь же онъ рѣшилъ, что, хотя ему предстоитъ поѣздка въ Сибирь и сложное и трудное отношеніе съ міромъ остроговъ, для котораго необходимы общественное положеніе и главное деньги, онъ все-таки не можетъ оставить дѣло въ прежнемъ положеніи, а долженъ, въ ущербъ себѣ, измѣнить его. Для этого онъ рѣшилъ не обработывать землю самому, а, отдавъ ее по недорогой цѣнѣ крестьянамъ, дать имъ возможность быть независимыми отъ землевладѣльцевъ. Не разъ, сравнивая положеніе землевладѣльца съ владѣльцемъ крѣпостныхъ, Нехлюдовъ приравнивалъ отдачу земли крестьянамъ, вмѣсто обработки ея работниками, къ тому, что̀ дѣлали рабовладѣльцы, переводя крестьянъ съ барщины на оброкъ. Это не было разрѣшеніе вопроса, но это былъ шагъ къ его разрѣшенію: это былъ переходъ отъ болѣе грубой къ менѣе грубой формѣ насилія. Такъ онъ и намѣренъ былъ поступить.

Нехлюдовъ пріѣхалъ въ Кузьминское около полудня. Во всемъ упрощая свою жизнь, онъ не телеграфировалъ, а взялъ со станціи тарантасикъ парой. Ямщикъ былъ молодой малый въ нанковой, подпоясанной по складкамъ ниже таліи поддевкѣ, сидѣвшій по-ямски, бочкомъ, на козлахъ и тѣмъ охотнѣе разговаривавшій съ бариномъ, что, пока они говорили, разбитая, хромая, бѣлая коренная и поджарая, запаленная пристяжная могли идти шагомъ, чего имъ всегда очень хотѣлось.

Ямщикъ разсказывалъ про управляющаго въ Кузьмин-

скомъ, не зная того, что онъ везетъ хозяина. Нехлюдовъ нарочно не сказалъ ему.

— Шикарный нѣмецъ, — говорилъ поживиій въ городѣ и читавшій романы извозчикъ. Онъ сидѣлъ, повернувшись въ полуоборотъ къ сѣдоку, то снизу, то сверху перехватывая длинное кнутовище, и, очевидно, щеголялъ своимъ образованіемъ, — тройку завелъ соловыхъ, выѣдетъ съ своей хозяйкой — такъ куда годишься! — продолжалъ онъ. Зимой, на Рождествѣ, елка была въ большомъ домѣ, я гостей возилъ тоже; хорошо убрана была, съ еклектрической искрой. Въ губерніи такой не увидишь! Награбилъ денегъ — страсть! Чего ему: — вся его власть. Сказываютъ, хорошее имѣніе купилъ.

Нехлюдовъ думалъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ тому, какъ управляетъ нѣмецъ его имѣніемъ и какъ пользуется. Но разсказъ ямщика съ длинной таліей былъ непріятенъ ему. Онъ любовался прекраснымъ днемъ, густыми, темнѣющими облаками, иногда закрывавшими солнце, и полями, въ которыхъ вездѣ ходили мужики за сохами, перепахивая овесъ, и густо зеленѣвшими зеленями, надъ которыми поднимались жаворонки, и лѣсами, покрытыми уже, сверху и снизу, свѣжей зеленью, и лугами, на которыхъ пестрѣли стада и лошади, и полями, на которыхъ виднѣлись пахари, и нѣтъ-нѣтъ, ему вспоминалось, что было что-то непріятное, и когда онъ спрашивалъ себя, что̀? то вспоминалъ разсказъ ямщика о томъ, какъ нѣмецъ хозяйничаетъ въ Кузьминскомъ.

Пріѣхавъ въ Кузьминское и занявшись дѣлами, Нехлюдовъ забылъ про это чувство.

Просмотръ конторскихъ книгъ и разговоръ съ приказчикомъ, который съ наивностью выставлялъ выгоды малоземельности крестьянъ и того, что они окружены господской землей, еще больше утвердилъ Нехлюдова въ намѣреніи прекратить свое хозяйство и отдать всю землю крестьянамъ. Изъ конторскихъ книгъ и разговоровъ съ приказчикомъ онъ узналъ, что, какъ и было прежде, двѣ трети лучшей пахот-

ной земли обработывались своими работниками усовершенствованными орудіями, остальная же треть земли обрабатывалась крестьянами наймомъ по пяти рублей за десятину, т. е. за пять рублей крестьянинъ обязывался три раза вспахать, три раза заскородить и засѣять десятину, потомъ скосить, связать, или сжать, и свезти на гумно, т. е. совершить работы, стоявшія, по вольному дешевому найму, по меньшей мѣрѣ, десять рублей за десятину. Платили-же крестьяне работой за все, что имъ нужно было отъ конторы, самыя дорогія цѣны. Они работали за луга, за лѣсъ, ботву отъ картофеля, и всѣ почти были въ долгу у конторы. Такъ — за запольныя земли, отдаваемыя въ наймы крестьянамъ, бралось за десятину въ четыре раза больше того, что цѣна ея могла приносить по расчету изъ пяти процентовъ.

Все это Нехлюдовъ зналъ и прежде, но онъ теперь узнавалъ это, какъ новое, и только удивлялся тому, какъ могъ онъ и какъ могутъ всѣ люди, находящіеся въ его положеніи, не видѣть всей ненормальности такихъ отношеній. Доводы управляющаго о томъ, какъ ни за что пропадетъ весь инвентарь, который нельзя будетъ продать за одну четверть того, что онъ стоитъ, какъ крестьяне испортятъ землю, вообще, какъ много Нехлюдовъ потеряетъ при передачѣ земли крестьянамъ — только подтверждали Нехлюдова въ томъ, что онъ совершаетъ хорошій поступокъ, отдавая крестьянамъ землю и лишая себя большой части дохода. Онъ рѣшилъ покончить это дѣло сейчасъ-же, въ этотъ свой пріѣздъ. Собрать и продать посѣянный хлѣбъ, распродать инвентарь и ненужныя постройки — все это долженъ былъ сдѣлать управляющій уже послѣ него. Теперь же онъ просилъ управляющаго собрать на другой день сходку крестьянъ трехъ деревень, окруженныхъ землею Кузьминскаго, для того, чтобы объявить имъ о своемъ намѣреніи и условиться въ цѣнѣ.

Съ пріятнымъ сознаніемъ своей твердости противъ доводовъ управляющаго и готовности на жертву для крестьянъ, Нехлюдовъ вышелъ изъ конторы и, обдумывая предстоящее

дѣло, прошелся вокругъ дома, по цвѣтникамъ, запущеннымъ въ нынѣшнемъ году (цвѣтникъ былъ разбитъ противъ дома управляющаго), по зарастающему цикоріемъ lawn-tennis'у и по липовой аллеѣ, гдѣ онъ обыкновенно ходилъ курить свою сигару, и гдѣ кокетничала съ нимъ три года тому назадъ гостившая хорошенькая Киримова. Придумавъ вкратцѣ рѣчь, которую онъ скажетъ завтра мужикамъ, Нехлюдовъ пошелъ къ управляющему и, обсудивъ съ нимъ за чаемъ еще разъ вопросъ о томъ, какъ ликвидировать все хозяйство, совершенно спокойный и довольный тѣмъ добрымъ дѣломъ, которое онъ собирался сдѣлать для крестьянъ, вошелъ въ приготовленную для него комнату большого дома, всегда отводившуюся для пріема гостей.

Въ небольшой чистой комнатѣ этой, съ картинами видовъ Венеціи и зеркаломъ между двухъ оконъ, была поставлена чистая пружинная кровать и столикъ съ графиномъ воды, спичками и гасилкой. На большомъ столѣ у зеркала лежалъ его открытый чемоданъ, изъ котораго виднѣлись его туалетный несессеръ и книги, взятыя имъ съ собою: русская — опытъ изслѣдованія законовъ преступности, о томъ же одна нѣмецкая и одна англійская книга. Онъ хотѣлъ ихъ читать въ свободныя минуты во время поѣздки по деревнямъ, но теперь взглянувъ на нихъ, онъ почувствовалъ себя очень далекимъ отъ этихъ вопросовъ. Совершенно другое занимало его.

Въ комнатѣ, въ углу стояло старинное кресло краснаго дерева, съ инкрустаціями, и видъ этого кресла, стоявшаго въ спальнѣ матери, вдругъ поднялъ въ душѣ его совершенно неожиданное чувство. Ему вдругъ жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лѣсовъ, которые вырубятся, и всѣхъ тѣхъ скотныхъ дворовъ, конюшенъ, инструментныхъ сараевъ, машинъ, лошадей, коровъ, которыя, хотя и не имъ, но — онъ зналъ — заводились и поддерживались съ такими усиліями. Прежде ему казалось легко отказаться отъ всего этого, но теперь ему жалко стало не только этого, но и земли и половины дохода, который

могъ такъ понадобиться теперь. И тотчасъ къ его услугамъ явились разсужденія, по которымъ выходило, что не благоразумно и не слѣдуетъ отдавать землю крестьянамъ и уничтожать свое хозяйство.

„Землей я не долженъ владѣть. Не владѣя же землей, я не могу поддерживать все это хозяйство. Кромѣ того, я теперь уѣду въ Сибирь, и потому ни домъ, ни имѣніе мнѣ не нужны“, — говорилъ одинъ голосъ. — „Все это такъ“, — говорилъ другой голосъ, — „но, во-первыхъ, ты не проведешь же всей жизни въ Сибири. Если же ты женишься, то у тебя могутъ быть дѣти. И какъ ты получилъ имѣніе въ порядкѣ, ты долженъ такимъ же передать его. Есть обязанности къ землѣ. Отдать, уничтожить все—очень легко, завести же все — очень трудно. Главное же, ты долженъ обдумать свою жизнь и рѣшить, что̀ ты будешь дѣлать съ собой, и соотвѣтственно этому и распорядиться своей собственностью. Потомъ — истинно ли ты передъ своей совѣстью поступаешь такъ, какъ ты поступаешь, или дѣлаешь это для людей, для того, чтобы похвалиться передъ ними?“ — Спрашивалъ себя Нехлюдовъ и не могъ не признать, что то, что̀ будутъ говорить о немъ люди, имѣло вліяніе на его рѣшеніе. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше и больше подымалось вопросовъ, и тѣмъ они становились неразрѣшимѣе. Чтобы избавиться отъ этихъ мыслей, онъ легъ въ свѣжую постель и хотѣлъ заснуть съ тѣмъ, чтобы завтра, на свѣжую голову, рѣшить вопросы, въ которыхъ онъ теперь запутался. Но онъ долго не могъ уснуть. Въ открытыя окна, вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ и свѣтомъ луны, вливалось квакапье лягушекъ, перебиваемое чаханьемъ и свистомъ соловьевъ, далекихъ изъ парка, и одного близко — подъ окномъ, въ кустѣ распустившейся сирени. Слушая соловьевъ и лягушекъ, Нехлюдовъ вспомнилъ о музыкѣ дочери смотрителя; вспомнивъ о смотрителѣ, онъ вспомнилъ о Масловой, какъ у нея такъ же, какъ кваканіе лягушекъ, дрожали губы, когда она говорила: „вы это совсѣмъ оставьте“. Потомъ нѣмецъ-управляющій сталъ спускаться

къ лягушкамъ. Надо было его удержать, но онъ не только слѣзъ, но сдѣлался Масловою и сталъ упрекать его: „я каторжная, а вы князь“. — „Нѣтъ, не поддамся“, — подумалъ Нехлюдовъ и очнулся, и спросилъ себя: — „Что же, хорошо или дурно я дѣлаю? Не знаю, — завтра узнаю...“ И онъ самъ сталъ спускаться туда, куда полѣзъ управляющій и Маслова, и тамъ все кончилось.

II.

На другой день Нехлюдовъ проснулся въ 9-ть часовъ утра. Молодой конторщикъ, прислуживавшій барину, услыхавъ, что онъ шевелится, принесъ ему ботинки такіе блестящіе, какими они никогда не были, и холодную чистѣйшую ключевую воду и объявилъ, что крестьяне собираются. Нехлюдовъ вскочилъ съ постели, опоминаясь. Вчерашнихъ чувствъ сожалѣнія о томъ, что онъ отдаетъ землю и уничтожаетъ хозяйство, не было и слѣда. Онъ съ удивленіемъ вспоминалъ о нихъ и сталъ поспѣшно одѣваться, радуясь тому дѣлу, которое предстояло ему, и невольно гордясь имъ. Изъ окна его комнаты видна была поросшая цикоріемъ площадка lawn-tennis'а, на которой, по указанію управляющаго, собирались крестьяне. Лягушки не даромъ квакали съ вечера. Погода была пасмурная. Съ утра шелъ тихій, безъ вѣтра, теплый дождичекъ, висѣвшій капельками на листьяхъ, на сучьяхъ, на травѣ. Въ окнѣ стоялъ, кромѣ запаха зелени, еще запахъ земли, просящей дождя. Нехлюдовъ нѣсколько разъ, одѣваясь, выглядывалъ изъ окна и смотрѣлъ, какъ крестьяне собирались на площадку. Одни за другими они подходили, раскланивались и становились кружкомъ, и, опираясь на палки, бесѣдовали. Управляющій, палитой, мускулистый человѣкъ, въ короткомъ пиджакѣ, съ зеленымъ стоячимъ воротникомъ и огромными пуговицами, пришелъ сказать Нехлюдову, что всѣ собрались, но что они подождутъ, — пускай прежде Нехлюдовъ напьется кофе или чаю; и то, и другое — готово.

— Нѣтъ, я ужъ лучше пойду къ нимъ, — сказалъ Не-

хлюдовъ, испытывая совершенно неожиданно для себя чувство робости и стыда при мысли о предстоявшемъ разговорѣ съ крестьянами.

Онъ шелъ исполнить то желаніе крестьянъ, объ исполненіи котораго они и не смѣли думать, — отдать имъ за дешевую цѣну землю, — т. е. онъ шелъ сдѣлать имъ благодѣяніе, а ему было чего-то совѣстно. Когда Нехлюдовъ подошелъ къ собравшимся крестьянамъ, и обнажились русыя, курчавыя, плѣшивыя, сѣдыя головы, онъ такъ смутился, что долго ничего не могъ сказать. Дождичекъ мелкими капельками продолжалъ идти и оставался на волосахъ, бородахъ и на ворсѣ кафтановъ крестьянъ. Крестьяне смотрѣли на барина и ждали, что̀ онъ имъ скажетъ, а онъ такъ смутился, что ничего не могъ сказать. Смущенное молчаніе разбилъ спокойный, самоувѣренный нѣмецъ-управляющій, считавшій себя знатокомъ русскаго мужика и прекрасно, правильно, говорившій по русски. Сильный, перекормленный человѣкъ этотъ, такъ же, какъ и самъ Нехлюдовъ, представляли оба поразительный контрастъ съ худыми, сморщенными лицами и выдающимися изъ подъ кафтановъ худыми лопатками мужиковъ.

— Вотъ князь хочетъ вамъ добро сдѣлать — землю отдать, только вы того не сто̀ите, — сказалъ нѣмецъ.

— Какъ не сто̀имъ, Василій Карлычъ, развѣ мы тебѣ не работали? Мы много довольны барыней-покойницей, царство небесное, и молодой князь, спасибо, насъ не бросаетъ, — началъ рыжеватый мужикъ-краснобай.

— Мы не обижаемся господами, только вотъ насчетъ тѣсноты — сказалъ другой, широколицый мужикъ съ большой бородой. Жить тѣсно стало.

— Я затѣмъ и призвалъ васъ, что хочу, если вы желаете этого, отдать вамъ всю землю, — проговорилъ Нехлюдовъ.

Мужики молчали, какъ бы не понимая, или не вѣря.

— Въ какихъ, значитъ, смыслахъ землю отдать, — сказалъ одинъ, среднихъ лѣтъ, мужикъ въ поддевкѣ.

— Отдать вамъ внаймы, чтобы вы пользовались за невысокую плату.

— Разлюбезное дѣло, — сказалъ одинъ старикъ.

— Только бы въ силу платежъ былъ, — сказалъ другой.

— Землю отчего не взять?

— Намъ дѣло привычное, — землей кормимся!

— Вамъ же покойнѣе, только знай — получай денежки, а то грѣха сколько! — послышались голоса.

— Грѣхъ отъ васъ, — сказалъ нѣмецъ, — если бы вы работали да порядокъ держали.

— Нельзя нашему брату, Василій Карлычъ, — заговорилъ остроносый, худой старикъ. — Ты говоришь, зачѣмъ лошадь пустилъ въ хлѣбъ, а кто ее пускалъ: я день-денской, а день—чтò годъ, намахался косой, либо чтò, заснулъ въ ночномъ, а она у тебя въ овсахъ, а ты съ меня шкуру дерешь.

— А вы бы порядокъ вели.

— Хорошо тебѣ говорить — порядокъ, сила наша не беретъ, — возразилъ высокій, черноволосый, обросшій весь волосами, не старый мужикъ.

— Вѣдъ я говорилъ вамъ обгородили бы.

— А ты лѣсу дай, — сзади вступился маленькій невзрачный мужичекъ. Я хотѣлъ лѣтось загородить, срубилъ елченку такъ ты меня на три мѣсяца затурилъ вшей кормить въ замокъ. Вотъ и загородилъ.

— Это что же онъ говоритъ? — спросилъ Нехлюдовъ у управляющаго.

— Der erste Dieb im Dorfe, — по-нѣмецки сказалъ управляющій. — Каждый годъ въ лѣсу попадался. — А ты научись уважать чужую собственность, — сказалъ управляющій.

— Да мы развѣ не уважаемъ тебя, — сказалъ старикъ. — Намъ тебя нельзя не уважать, потому мы у тебя въ рукахъ, ты изъ насъ веревки вьешь.

— Ну, братъ, васъ не обидишь, — вы бы не обидѣли.

— Какъ же, обидишь! Разбилъ мнѣ лѣто-сь морду, такъ и осталось. Съ богатымъ не судись, видно.

— А ты дѣлай по закону.

Очевидно, шелъ словесный турниръ, въ которомъ участвующіе не понимали хорошенько, зачѣмъ и что они говорятъ. Замѣтно было только съ одной стороны сдерживаемое страхомъ озлобленіе, съ другой — сознаніе своего превосходства и власти. Нехлюдову было тяжело слушать его, и онъ постарался вернуться къ дѣлу: установить цѣны и сроки платежей.

— Такъ какъ же насчетъ земли? Желаете ли вы? И какую цѣну назначите, если отдать всю землю?

— Товаръ вашъ, вы цѣну назначьте.

Нехлюдовъ назначилъ цѣну. Какъ всегда, несмотря на то, что цѣна, назначенная Нехлюдовымъ, была много ниже той, которую платили кругомъ, мужики начали торговаться и находили цѣну высокой. Нехлюдовъ ожидалъ, что его предложеніе будетъ принято съ радостью, но проявленія удовольствія совсѣмъ не было замѣтно. Только по тому Нехлюдовъ могъ заключить, что предложеніе его имъ выгодно, что, когда зашла рѣчь о томъ, кто беретъ землю: все ли общество или товарищество, то начались жестокіе споры между тѣми крестьянами, которые хотѣли выключить слабосильныхъ и плохихъ плательщиковъ изъ участія въ землѣ, и тѣми, которыхъ хотѣли выключить. Наконецъ, благодаря управляющему, установили цѣну и сроки платежей, и крестьяне, шумно разговаривая, пошли подъ гору, къ деревнѣ, а Нехлюдовъ пошелъ въ контору составлять съ управляшщимъ проэктъ условія.

Все устроилось такъ, какъ этого хотѣлъ и ожидалъ Нехлюдовъ: крестьяне получили землю процентовъ на 30-ть дешевле, чѣмъ отдавалась земля въ округѣ; его доходъ съ земли уменьшился почти на половину, но былъ съ избыткомъ достаточенъ для Нехлюдова, особенно съ прибавленіемъ суммы, которую онъ получилъ за проданный лѣсъ и которая должна была выручиться за продажу инвентаря. Все, казалось, было прекрасно, а Нехлюдову было и грустно, и скучно, и, главное, совѣстно. Онъ видѣлъ, что крестьяне несмотря

на то, что нѣкоторые изъ нихъ говорили ему благодарственныя слова, были недовольны и ожидали чего-то большаго. Выходило, что онъ лишилъ себя многого, а крестьянамъ не сдѣлалъ того, чего они ожидали.

На другой день условіе домашнее было подписано, и, провожаемый пришедшими выборными-стариками, Нехлюдовъ, съ непріятнымъ чувствомъ чего-то недодѣланнаго, сѣлъ въ шикарную, какъ говорилъ ямщикъ со станціи, тросчную коляску управляющаго и уѣхалъ на станцію, простившись съ мужиками, недоумѣвающе и недовольно покачивавшими головами. Мужики были недовольны. Нехлюдовъ былъ недоволенъ собой. Чѣмъ онъ былъ недоволенъ, онъ не зналъ, но ему все время чего-то было грустно и чего-то стыдно.

III.

Изъ Кузьминскаго Нехлюдовъ поѣхалъ въ доставшееся ему по наслѣдству отъ тетушекъ имѣніе, то самое, въ которомъ онъ впервые увидѣлъ Катюшу. Онъ хотѣлъ и въ этомъ имѣніи устроить дѣло съ землею такъ же, какъ онъ устроилъ его въ Кузьминскомъ; кромѣ того, узнать все, что можно еще узнать про Катюшу и ея и своего ребенка: правда ли, что онъ умеръ, и какъ онъ умеръ? Онъ пріѣхалъ въ Паново рано утромъ, и первое, что поразило его, когда онъ въѣхалъ во дворъ, былъ видъ запустѣнія и ветхости, въ который пришли всѣ постройки и, въ особенности, домъ. Желѣзная, когда-то зеленая крыша, давно не крашенная, краснѣла отъ ржавчины, и нѣсколько листовъ были задраны кверху, вѣроятно бурей; тесъ, которымъ былъ обшитъ домъ, былъ ободранъ мѣстами людьми, обдиравшими его тамъ, гдѣ онъ легче отдирался, отворачивая ржавые гвозди. Крыльца — оба, переднее и особенно памятное ему заднее, огнили и были разломаны, оставались только переметы; окна нѣкоторыя, вмѣсто стекла, были задѣланы тесомъ, и флигель, въ которомъ жилъ прикащикъ, и кухня, и конюшни — все было ветхо и сѣро. Только садъ не только

не обветшалъ, но разросся, сросся и теперь былъ весь въ цвѣту; изъ-за забора видны были, точно бѣлыя облака, цвѣтущія вишни, яблони и сливы. Ограда же сирени цвѣла точно такъ же, какъ въ тотъ годъ, 12-ть лѣтъ тому назадъ, когда за этой сиренью Нехлюдовъ игралъ въ горѣлки съ 16-лѣтней Катюшей и, упавъ, острекался крапивой. Лиственница, которая была посажена Софьей Ивановной около дома и была тогда вышиной въ колъ, была теперь большое дерево, годное на бревно, все одѣтое желто-зеленой, нѣжно-пушистой хвоей. Рѣка была въ берегахъ и шумѣла на мельницѣ въ спускахъ. На лугу, за рѣкой, паслось пестрое, смѣшанное крестьянское стадо. Приказчикъ, не кончившій курса семинаристъ, улыбаясь, встрѣтилъ Нехлюдова на дворѣ, не переставая улыбаться, пригласилъ его въ контору и, улыбаясь же, какъ будто этой улыбкой обѣщая что-то особенное, ушелъ за перегородку. За перегородкой пошептались и замолкли. Извозчикъ, получивъ на чай, погромыхивая бубенчиками, уѣхалъ со двора, и стало совершенно тихо. Вслѣдъ за этимъ, мимо окна, пробѣжала босая дѣвушка въ вышитой рубахѣ, съ пушками на ушахъ, за дѣвушкой пробѣжалъ мужикъ, стуча гвоздями толстыхъ сапоговъ по убитой тропинкѣ.

Нехлюдовъ сѣлъ у окна, глядя въ садъ и слушая. Въ маленькое створчатое окно, слегка пошевеливая волосами на его потномъ лбу и записками, лежавшими на изрѣзанномъ ножомъ подоконникѣ, тянуло свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и запахомъ раскопанной земли. На рѣкѣ „тра-па-тапъ, тра-па-тапъ“ — шлепали, перебивая другъ друга, вальки бабъ, и звуки эти разбѣгались по блестящему на солнцѣ плесу запруженной рѣки, и равномѣрно слышалось паденіе воды на мельницѣ, и мимо уха, испуганно и звонко жужжа, пролетѣла муха.

И вдругъ Нехлюдовъ вспомнилъ, что точно такъ же онъ когда-то давно, когда еще онъ былъ молодъ и невиненъ, слышалъ здѣсь на рѣкѣ эти звуки вальковъ по мокрому бѣлью изъ-за равномѣрнаго шума мельницы, и точно такъ

же весенній вѣтеръ шевелилъ его волосами на мокромъ лбу и листками на изрѣзанномъ ножомъ подоконникѣ, и точно такъ же испуганно пролетѣла мимо уха муха, и онъ не то, что вспомнилъ себя 18-лѣтнимъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ тогда, но почувствовалъ себя такимъ же, съ той же свѣжестью, чистотой и безконечно исполненнымъ самыхъ великихъ возможностей будущимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это бываетъ во снѣ, онъ зналъ, что этого уже нѣтъ, и ему стало ужасно грустно.

— Когда прикажете кушать? — спросилъ приказчикъ, улыбаясь.

— Когда хотите — я не голоденъ. Я пойду, пройдусь, по деревнѣ.

— А то не угодно ли въ домъ пройти, у меня все въ порядкѣ внутри. Извольте посмотрѣть, если въ наружности...

— Нѣтъ, послѣ, а теперь скажите, пожалуйста, есть у васъ тутъ женщина, Матрена Харина? (Это была тетка Катюши).

— Какъ же, на деревнѣ — никакъ не могу съ ней справиться. Шинокъ держитъ. Знаю, и обличаю, и браню ее, а коли актъ составить — жалко, старуха, внучата у ней, — сказалъ приказчикъ все съ той же улыбкой, выражавшей и желаніе быть пріятнымъ хозяину, и увѣренность въ томъ, что Нехлюдовъ точно такъ же, какъ и онъ, понимаетъ всякія дѣла.

— Гдѣ она живетъ? Я бы прошелъ къ ней.

— Въ концѣ слободы, съ того края третья избушка.

На лѣвой рукѣ кирпичная изба будетъ, а тутъ за кирпичной избой и ея хибарка. Да я васъ провожу лучше, — радостно улыбаясь, говорилъ приказчикъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я найду, а вы, пожалуйста, прикажите оповѣстить мужикамъ, чтобы собрались, мнѣ надо поговорить съ ними о землѣ, — сказалъ Нехлюдовъ, намѣреваясь здѣсь покончить съ мужиками такъ же, какъ и въ Кузьминскомъ, и, если можно, нынче же вечеромъ.

IV.

Выйдя за ворота, Нехлюдовъ встрѣтилъ на пробитой тропинкѣ, возвращавшуюся уже по поросшему подорожникомъ и клоповникомъ выгону, быстро перебиравшую толстыми босыми ногами крестьянскую дѣвушку, въ пестрой занавѣскѣ, съ пушками на ушахъ Она быстро махала одной лѣвой рукой поперекъ своего хода, правой же крѣпко прижимала къ животу краснаго пѣтуха. Пѣтухъ съ своимъ качающимся краснымъ гребнемъ казался совершенно спокойнымъ и только закатывалъ глаза, то вытягивалъ, то поднималъ одну черную ногу, цѣпляясь когтями за занавѣску дѣвушки. Когда дѣвушка стала подходить къ барину, она сначала умѣрила ходъ и перешла съ бѣга на шагъ, поравнявшись же съ нимъ, остановилась и, размахнувшись назадъ головой, поклонилась ему и только, когда онъ прошелъ, побѣжала съ пѣтухомъ дальше. Спускаясь къ колодцу, Нехлюдовъ встрѣтилъ еще старуху, въ грязной суровой рубахѣ, несшую на сгорбленной спинѣ тяжелыя, полныя ведра. Старуха осторожно поставила ведра и точно такъ же, съ размахомъ назадъ, поклонилась ему.

За колодцемъ начиналась деревня. Былъ ясный жаркій день, и въ 10 часовъ уже парило, собиравшіяся облака изрѣдка закрывали солнце. По всей улицѣ стоялъ рѣзкій, ѣдкій и не непріятный запахъ навоза, шедшій и отъ тянувшихся въ гору по глянцевито-укатанной дорогѣ телѣгъ, и, главное, изъ раскопаннаго навоза дворовъ, мимо отворенныхъ воротъ которыхъ проходилъ Нехлюдовъ. Шедшіе за возами въ гору мужики, босые, въ измазанныхъ навозной жижей порткахъ и рубахахъ, оглядывались на высокаго толстаго барина, который, въ сѣрой шляпѣ, блестѣвшей на солнцѣ своей шелковой лентой, шелъ вверхъ по деревнѣ, черезъ шагъ дотрагиваясь до земли глянцовитой колѣнчатой палкой, съ блестящимъ набалдашникомъ. Возвращавшіеся съ поля мужики, трясясь рысью на облучкахъ пустыхъ телѣгъ, снимая шапки, съ удивленіемъ слѣдили за необыкновеннымъ

человѣкомъ, шедшимъ по ихъ улицѣ, бабы выходили за ворота и на крыльца и показывали его другъ другу, провожая глазами.

У четвертыхъ воротъ, мимо которыхъ проходилъ Нехлюдовъ, его остановили со скрипомъ выѣзжавшія изъ дворовъ телѣги, высоко нагруженныя ушлепаннымъ навозомъ съ наложенной на него рогожкой для сидѣнія. Шестилѣтній мальчикъ, босикомъ шелъ за возомъ. Молодой мужикъ въ лаптяхъ, широко шагая, выгонялъ лошадь за ворота. Длинноногій, голубой жеребенокъ выскочилъ изъ воротъ, но испугавшись Нехлюдова, нажался на телѣгу и, обивая ноги о колеса, проскочилъ впередъ вывозившей изъ воротъ тяжелый возъ, безпокоившейся и слегка заржавшей матки. Слѣдующую лошадь выводилъ худой бодрый старикъ, тоже босикомъ, въ полосатыхъ порткахъ и длинной грязной рубахѣ, съ выдающимися на спинѣ худыми кострецами.

Когда лошади выбрались на накатанную дорогу, усыпанную сѣрыми, какъ бы сожженными клоками навозу, старикъ вернулся къ воротамъ и поклонился Нехлюдову.

Барышень нашихъ племянничекъ будешь?

— Да, да.

— Съ пріѣздомъ, что же, пріѣхалъ насъ провѣдать? — словоохотливо заговорилъ старикъ.

— Да, да ... Что-жъ, какъ вы живете? — переспросилъ Нехлюдовъ, не зная, что сказать.

— Какая наша жизнь! Самая плохая наша жизнь — какъ будто съ удовольствіемъ, на распѣвъ протянулъ словоохотливый старикъ.

— Отчего плохая? — спросилъ Нехлюдовъ, входя подъ ворота.

— Да какая-же жизнь? Самая плохая жизнь, — сказалъ старикъ, слѣдуя за Нехлюдовымъ на вычищенную до земли часть подъ навѣсомъ.

Нехлюдовъ вошелъ за нимъ подъ навѣсъ.

— У меня вонъ они — 12 душъ, — продолжалъ старикъ, указывая на двухъ женщинъ, которыя со сбившимися

платками, потныя, подоткнувшись, съ голыми, до половины испачканными навозной жижей икрами, стояли съ вилами на уступѣ невычищеннаго еще навоза. — Что ни мѣсяцъ, то купи 6 пудовъ, а гдѣ ихъ взять?

— А своего развѣ не достаетъ?

— Своего?! — съ презрительной усмѣшкой переспросилъ старикъ. — У меня земли на три души, а нынче всего восемъ копенъ собрали, до Рождества не хватило.

— Такъ какъ же вы дѣлаете?

— Такъ и дѣлаемъ; вотъ одного въ работники отдалъ, да у вашей милости деньжонокъ взялъ. Еще до заговѣнья всѣ забрали, а подати не плачены.

— А сколько податей?

— Да съ моего двора рублей 17-ть въ треть сходитъ. Охъ, не дай Богъ, житье, и самъ не знаешь, какъ оборачиваешься.

— А можно къ вамъ пройти въ избу? — спросилъ Нехлюдовъ, подвигаясь впередъ по дворику и съ очищеннаго мѣста входя на нетронутые еще и развороченные вилами, желто-шафранные, сильно пахучіе, слои навоза.

— Отчего же, заходи, — сказалъ старикъ и быстрыми шагами босыхъ ногъ, выдавливавшихъ жижу между пальцами, обогнавъ Нехлюдова, отворилъ ему дверь въ избу.

Бабы, оправивъ на головахъ платки и спустивъ паневы, съ любопытнымъ ужасомъ смотрѣли на чистаго барина съ золотыми застежками на рукавахъ, входившаго въ ихъ домъ.

Изъ избы выскочили въ рубашонкахъ двѣ дѣвочки. Пригнувшись и снявъ шляпу, Нехлюдовъ вошелъ въ сѣни и въ пахнувшую кислой ѣдой грязную и тѣсную, занятую двумя станами избу. Въ избѣ у печи стояла старуха съ засученными рукавами худыхъ жилистыхъ загорѣлыхъ рукъ.

— Вотъ баринъ нашъ, къ намъ въ гости зашелъ, — сказалъ старикъ.

— Что жъ, милости просимъ, — ласково сказала старуха, отворачивая засученные рукава.

— Хотѣлъ посмотрѣть, какъ вы живете, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да такъ, живемъ вотъ, какъ видишь. Изба завалиться хочетъ, того гляди — убьетъ кого. А старикъ говоритъ, и эта хороша. Вотъ и живемъ — царствуемъ, — говорила бойкая старуха, нервно подергиваясь головой. — Вотъ сейчасъ обѣдать соберу. Рабочій народъ кормить стану.

— А что̀ вы обѣдать будете?

— Что̀ обѣдать? Пищея наша хорошая. Первая перемѣна — хлѣбъ съ квасомъ, а другая — квасъ съ хлѣбомъ, — сказала старуха, оскаливая свои съѣденные до половины зубы.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, покажите мнѣ, что вы будете кушать нынче?

— Кушать? — смѣясь сказалъ старикъ. — Кушанье наше не хитрое. Покажь ему, старуха.

Старуха покачала головой.

— Захотѣлось нашу мужицкую ѣду посмотрѣть. Дотошный ты баринъ, посмотрю я на тебя. Все ему знать надо. Сказывала — хлѣбъ съ квасомъ, а еще щи, снитки бабы вчера принесли, вотъ и щи, а послѣ того — картошки.

— И больше ничего?

— Чего жъ еще, забѣлимъ молочкомъ, — сказала старуха, посмѣиваясь и глядя на дверь.

Дверь была отворена, и сѣни были полны народомъ, и ребята, дѣвочки, бабы съ грудными дѣтьми жались въ дверяхъ, глядя на чудного барина, разсматривавшаго мужицкую ѣду. Старуха, очевидно, гордилась своимъ умѣньемъ обойтись съ бариномъ.

— Да, плохая, плохая, баринъ, жизнь наша, что говорить, — сказалъ старикъ. — Куда лѣзете! — закричалъ онъ на стоявшихъ въ дверяхъ.

— Ну, прощайте, — проговорилъ Нехлюдовъ, чувствуя неловкость и стыдъ, въ причинѣ которыхъ онъ не давалъ себѣ отчета.

— Благодаримъ покорно, что провѣдалъ насъ, — сказалъ старикъ.

Въ сѣняхъ народъ, нажавшись другъ на друга, пропустилъ Нехлюдова, и онъ вышелъ на улицу и пошелъ вверхъ по ней. Слѣдомъ за нимъ изъ сѣней вышли два мальчика босикомъ: одинъ, постарше, въ грязной, бывшей бѣлой рубахѣ, а другой въ худенькой, слинявшей, розовой. Нехлюдовъ оглянулся на нихъ.

— А теперь куда пойдешь? — сказалъ мальчикъ въ бѣлой рубашкѣ.

— Къ Матренѣ Хариной, — сказалъ онъ. — Знаете?

Маленькій мальчикъ въ розовой рубашкѣ чему-то засмѣялся, старшій же серьезно переспросилъ:

— Какая Матрена? Старая она?

— Да, старая.

— О-о, — протянулъ онъ. — Это Семениха, это на концѣ деревни. Мы тебя проводимъ. Ай-да, Ѳедька, проводимъ его!

— А лошади-то?

— Авось ничего!

Ѳедька согласился, и они втроемъ пошли вверхъ по деревнѣ.

V.

Нехлюдову было легче съ мальчиками, чѣмъ съ большими, и онъ дорогой разговорился съ ними. Маленькій, въ розовой рубашкѣ, пересталъ смѣяться и говорилъ такъ же умно и обстоятельно, какъ и старшій.

— Ну, а кто у васъ самый бѣдный? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Кто бѣдный? Михайла бѣдный, Семенъ Макаровъ, еще Марѳа дюже бѣдная.

— А Анисья, та еще бѣднѣй. У Анисьи и коровы нѣтъ — побираются, — сказалъ маленькій Ѳедя.

— У ней коровы нѣтъ, да за то ихъ всего трое, а Марѳа сама пята, — возражалъ старшій мальчикъ.

— Все таки, та вдова, — отстаивалъ розовый мальчикъ Анисью.

— Ты говоришь, Анисья вдова, а Марѳа все равно, что вдова, — продолжалъ старшій мальчикъ. — Все равно — мужа нѣтъ.

— Гдѣ же мужъ? — спросилъ Нехлюдовъ

— Въ острогѣ вшей кормитъ, — употребляя обычное выраженіе, сказалъ старшій мальчикъ.

— Лѣтось въ господскомъ лѣсу двѣ березки срѣзалъ, его и посадили, поторопился сказать маленькій розовый. — Теперь шестой мѣсяцъ сидитъ, а баба побирается, трое ребятъ да старуха убогая, — обстоятельно говорилъ онъ.

— Гдѣ она живетъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— А вотъ этотъ самый дворъ, — отвѣтилъ мальчикъ, указывая на домъ, противъ котораго крошечный бѣлоголовый ребенокъ, насилу державшійся на кривыхъ, выгнутыхъ наружу въ колѣняхъ ногахъ, качаясь, стоялъ на улицѣ на самой тропинкѣ, по которой шелъ Нехлюдовъ.

— Васька, куда, пострѣленокъ, убѣжалъ? — закричала выбѣжавшая изъ избы, въ грязной, сѣрой, какъ бы засыпанной золой, рубахѣ баба и съ испуганнымъ лицомъ бросилась впередъ Нехлюдова, подхватила ребенка и унесла въ избу. Точно она боялась, что Нехлюдовъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ ея дитей.

Это была та самая женщина, мужъ которой за березки изъ лѣса Нехлюдова сидѣлъ въ острогѣ.

— Ну, а Матрена, эта бѣдная? — спросилъ Нехлюдовъ, когда они уже подходили къ избушкѣ Матрены.

— Какая она бѣдная: она виномъ торгуетъ, — рѣшительно отвѣтилъ розовый, худенькій мальчикъ.

Дойдя до избушки Матрены, Нехлюдовъ отпустилъ мальчиковъ и вошелъ въ сѣни, а потомъ въ избу. Хатка старухи Матрены была шести аршинъ, такъ что на кровати, которая была за печью, нельзя было вытянуться большому человѣку: „на этой самой кровати“ — подумалъ онъ, — „рожала и болѣла потомъ Катюша“. Почти вся хата была

занята станомъ, который въ то время, какъ вошелъ Нехлюдовъ, стукнувшись головой о низкую дверь, старуха только что улаживала съ своей старшей внучкой. Еще двое внучатъ вслѣдъ за бариномъ стремглавъ вбѣжали въ избу и остановились за нимъ въ дверяхъ, ухватившись за притолку руками.

— Кого надо? — сердито спросила старуха, находившаяся въ дурномъ расположеніи духа отъ неладившагося стана и, кромѣ того, какъ корчемница боявшаяся незнакомыхъ людей.

— Я помѣщикъ. Мнѣ поговорить хотѣлось бы съ вами.

Старуха помолчала, пристально вглядываясь; потомъ вдругъ вся преобразилась.

— Ахъ ты, касатикъ, а я то дура не вознала, думаю, какой прохожій, — притворно ласковымъ голосомъ заговорила она — прости ты меня ради Христа!

— Какъ бы поговорить безъ народа, — сказалъ Нехлюдовъ, глядя на отворенную дверь, въ которой стояли ребята, а за ребятами худая женщина съ исчахшимъ, но все улыбавшимся, отъ болѣзни блѣднымъ ребеночкомъ въ скуфеечкѣ изъ лоскутиковъ.

— Чего не видали, я вамъ дамъ, подай-ка мнѣ сюда костыль, — крикнула старуха на стоявшихъ въ двери. — Затвори, что ли.

Ребята отошли, баба съ ребенкомъ затворила дверь.

— Я-то думаю, кто пришелъ? А это самъ баринъ, золотой ты мой, красавчикъ ненаглядный, — говорила старуха. — Куда зашелъ, не побрезговалъ. Ахъ ты, брильянтовый! Сюда садись, ваше сіятельство, вотъ сюда на коникъ, — говорила она, вытирая коникъ занавѣской. А я думаю, какой чортъ лѣзетъ, анъ это самъ ваше сіятельство, баринъ хорошій, благодѣтель, кормилецъ нашъ. Прости ты меня старую дуру — слѣпа стала.

Нехлюдовъ сѣлъ, старуха стала передъ нимъ, подперла правой рукой щеку, подхвативъ лѣвой рукой вострый локоть правой, и заговорила пѣвучимъ голосомъ:

— И старый же ты сталъ, ваше сіятельство; то, какъ рѣпей хорошій былъ, а теперь что̀! Тоже забота, видно.

— Я вотъ что̀ пришелъ спросить, помнишь ли ты Катюшу Маслову?

— Катерину-то. Какъ же не помнить, она мнѣ племянница. Какъ не помнить; и слезъ-то, слезъ я по ней пролила. Вѣдь я все знаю. Кто, батюшка, Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. Дѣло молодое тоже, чай, кофей пили, ну и попуталъ нечистый, вѣдь онъ силенъ тоже, ну и случился грѣхъ. Чтожъ дѣлать! Кабы ты ее бросилъ, а ты какъ ее наградилъ, сто рублей отвалилъ. А она что̀ сдѣлала. Не могла въ разумъ взять. Кабы она меня слушала, она бы жить могла. Да хоть и племянница мнѣ, а прямо скажу — дѣвка непутевая. Я вѣдь ее послѣ къ какому мѣсту хорошему приставила, не хотѣла покориться, обругала барина. Развѣ намъ можно господъ ругать, ну ее и разочли, а потомъ опять же у лѣсничаго жить можно было, да вотъ не захотѣла.

— Я спросить хотѣлъ про ребенка. Вѣдь она у васъ родила? Гдѣ ребенокъ?

— Ребеночка, батюшка мой, я тогда хорошо обдумала. Она дюже трудна была, не чаяла я ей подняться. Я и окрестила мальчика, какъ должно, и въ воспитательный представила. Ну, ангельскую душку чтожъ томить, когда мать помираетъ. Другіе такъ дѣлаютъ, что оставятъ младенца, не кормятъ, онъ и сгаснетъ, но я думаю, что̀ жъ такъ — лучше потружусь, пошлю въ воспитательный. Деньги были, ну и свезли.

— А нумеръ былъ?

— Нумеръ былъ, да померъ онъ тогда же. Она сказывала: какъ привезла, онъ и кончился.

— Кто она?

— А самая эта женщина, въ Скородномъ жила. Она этимъ займалася. Маланьей звали, померла она теперь. Умная была женщина, — вѣдь она какъ дѣлала. Бывало, принесутъ ей ребеночка, она возьметъ и держитъ его у себя въ

домѣ, прикармливаетъ. И прикармливаетъ, батюшка ты мой, пока комплектъ соберетъ. А какъ соберетъ троихъ или четверыхъ, сразу и везетъ. Такъ у ней было умно издѣлано, такая люлька большая, въ родѣ двуспальной, и туда и сюда класть. И ручка придѣлана. Вотъ она ихъ положитъ четверыхъ, головами врозь, чтобъ не бились, ножками вмѣстѣ, такъ и везетъ сразу четверыхъ. Сосочки имъ дастъ, они и молчатъ, сердечные.

— Ну, такъ что же?

— Ну, такъ и Катеринннаго ребенка повезла, да никакъ недѣли двѣ у себя держала. Онъ и зачиврѣлъ у ней еще дома.

— А хорошій былъ ребенокъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Такой ребеночекъ, что надо бы лучше, да некуда. Какъ есть въ тебя, — прибавила старуха, подмигивая старымъ глазомъ.

— Отчего же онъ ослабѣлъ, вѣрно, дурно кормили?

— Какой ужъ кормъ? Только примѣръ одинъ. Извѣстное дѣло, не свое дѣтище. Абы довезть живымъ. Сказывала, довезла только до Москвы, такъ въ ту же пору и сгасъ. Она и свидѣтельство привезла, все, какъ должно. Умная женщина была.

Только и могъ узнать Нехлюдовъ о своемъ ребенкѣ

VI.

Ударившись еще разъ головой объ обѣ двери въ избѣ и въ сѣняхъ, Нехлюдовъ вышелъ на улицу. Ребята: бѣлый, дымчатый и розовый дожидались его. Еще нѣсколько новыхъ пристало къ нимъ. Дожидалось и нѣсколько женщинъ съ грудными дѣтьми, и между ними была и та худая женщина, которая легко держала на рукѣ безкровнаго ребеночка въ скуфеечкѣ изъ лоскутиковъ. Ребенокъ этотъ, не переставая, странно улыбался всѣмъ своимъ старческимъ личикомъ и все шевелилъ напряженно искривленными большими пальцами.

Нехлюдовъ зналъ, что это была улыбка страданія. Онъ спросилъ, кто эта женщина.

— Это самая Анисья, что̀ я тебѣ говорилъ, — сказалъ старшій мальчикъ.

Нехлюдовъ обратился къ Анисьѣ.

— Какъ ты живешь? — спросилъ онъ. — Чѣмъ кормишься?

— Какъ живу? Побираюсь—, отвѣтила Анисья и заплакала.

Старческій же ребенокъ весь расплылся въ улыбку, изгибая свои, какъ червячки, тоненькія ножки.

Нехлюдовъ досталъ бумажникъ и далъ 10 рублей женщинѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ его догнала другая женщина съ ребенкомъ, потомъ старуха, потомъ еще женщина. Всѣ говорили о своей нищетѣ и просили помочь имъ. Нехлюдовъ роздалъ тѣ шестьдесятъ рублей мелкими бумажками, которыя были у него въ бумажникѣ, и съ страшной тоскою въ сердцѣ вернулся домой, т. е. во флигель приказчика.

Приказчикъ, улыбаясь, встрѣтилъ Нехлюдова съ извѣстіемъ, что мужики соберутся вечеромъ. Нехлюдовъ поблагодарилъ его и, не входя въ комнаты, пошелъ ходить въ садъ по усыпаннымъ бѣлыми лепестками яблочныхъ цвѣтовъ, заросшимъ дорожкамъ, обдумывая все то, что̀ онъ видѣлъ.

Сначала около флигеля было тихо, но потомъ Нехлюдовъ услыхалъ у приказчика во флигелѣ два перебивавшіе другъ друга озлобленные, женскіе голоса, изъ-за которыхъ только изрѣдка слышался спокойный голосъ улыбающагося приказчика. Нехлюдовъ прислушался.

— Сила моя не беретъ, что же ты крестъ съ шеи тащишь? — говорилъ одинъ озлобленный бабій голосъ.

— Да вѣдь только забѣжала, — говорилъ другой голосъ. — Отдай, говорю. А то что же мучаешь и скотину, и ребятъ безъ молока.

— Заплати или отработай, — отвѣчалъ спокойный голосъ приказчика.

Нехлюдовъ вышелъ изъ сада и подошелъ къ крыльцу, у котораго стояли двѣ растрепанныя бабы, изъ которыхъ одна, очевидно, была на сносѣ беременна. На ступенькахъ крыльца, сложивъ руки въ карманы парусиннаго пальто, стоялъ приказчикъ. Увидавъ барина, бабы замолчали и стали оправлять сбившіеся платки на головахъ, а приказчикъ вынулъ руки изъ кармановъ и сталъ улыбаться.

Дѣло было въ томъ, что мужики, какъ это говорилъ приказчикъ, нарочно пускали своихъ телятъ и даже коровъ на барскій лугъ. И вотъ двѣ коровы изъ дворовъ этихъ бабъ были пойманы въ лугу и загнаны. Приказчикъ требовалъ съ бабъ по 30 коп. съ коровы, или два дня отработки. Бабы же утверждали: во-первыхъ, что ихъ коровы только зашли, во-вторыхъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, и въ-третьихъ, хотя бы и за обѣщаніе отработки, требовали немедленнаго возвращенія коровъ, стоявшихъ съ утра на варкѣ безъ корма и жалобно мычавшихъ.

— Сколько честью просилъ, — говорилъ улыбающійся приказчикъ, оглядываясь на Нехлюдова, какъ бы призывая его въ свидѣтели, — если пригоняете въ обѣдъ, такъ смотрите за своей скотиной.

— Только побѣжала къ малому, а онѣ ушли.

— А не уходи, коли взялась стеречь.

— А малаго кто накормитъ? Ты ему сиську не дашь.

— Добро бы вправду потравила луга, и животъ бы не болѣлъ, а то только зашла, — говорила другая.

— Всѣ луга стравили, — обращался приказчикъ къ Нехлюдову. — Если не взыскивать, ничего сѣна не будетъ.

— Эхъ, не грѣши, — закричала беременная. — Мои никогда не попадались.

— Ну, а попались, — отдай или отработай

— Ну, и отработаю, отпусти корову то, не мори голодомъ, — злобно прокричала она. — И такъ ни дня, ни ночи отдыха нѣтъ. Свекровь больная. Мужъ закатился. Одна поспѣваю во всѣ концы, а силы нѣтъ. Подавись ты отработкой своей.

Нехлюдовъ попросилъ приказчика отпустить коровъ, а самъ ушелъ опять въ садъ додумывать свою думу, но думать теперь уже нечего было.

Все было ему теперь такъ ясно, что онъ не могъ достаточно удивляться тому, какъ люди не видятъ, и онъ самъ такъ долго не видѣлъ того, что такъ очевидно ясно. Народъ вымираетъ, привыкъ къ своему вымиранью, среди него образовались пріемы жизни, свойственные вымиранью — умираніе дѣтей, сверхсильная работа женщинъ, недостатокъ пищи для всѣхъ, особенно для стариковъ. И такъ понемногу приходилъ народъ въ это положеніе, что онъ самъ не видитъ всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаемъ, что положеніе это естественно и такимъ и должно быть. Теперь ему было ясно, какъ день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самимъ народомъ, состояла въ томъ, что у народа была отнята землевладѣльцами та земля, съ которой одной онъ могъ кормиться. А между тѣмъ, ясно совершенно, что дѣти и старые люди мрутъ оттого, что у нихъ нѣтъ молока, а нѣтъ молока потому, что нѣтъ земли, чтобы пасти скотину и собирать хлѣбъ и сѣно, совершенно ясно, что все бѣдствіе народа или, по крайней мѣрѣ, главная, ближайшая причина бѣдствія народа въ томъ, что земля, которая кормитъ его, не въ его рукахъ, а въ рукахъ людей, которые, пользуясь этимъ правомъ на землю, живутъ трудами этого народа. Земля же, которая такъ необходима людямъ, что они мрутъ отъ отсутствія ея, обрабатывается этими же, доведенными до крайней нужды, людьми для того, чтобы хлѣбъ съ нея продавался за границу, и владѣльцы земли могли бы покупать себѣ шляпы, трости, коляски, бронзы и т. п. Это было ему теперь такъ же ясно, какъ ясно было то, что лошади, запертыя въ оградѣ, въ которой они съѣли всю траву подъ ногами, будутъ худы и будутъ мереть отъ голода, пока имъ не дадутъ возможности пользоваться той землей, на которой они могутъ найти себѣ кормъ . . . И это ужасно, и никакъ не можетъ и не должно быть. И надо

найти средства для того, чтобы этого не было, или, по крайней мѣрѣ, самому не участвовать въ этомъ. „И я непремѣнно найду ихъ", думалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по ближайшей березовой аллеѣ. „Въ ученыхъ обществахъ, правительственныхъ учрежденіяхъ и газетахъ толкуемъ о причинахъ бѣдности народа и средствахъ поднятія его, только не о томъ одномъ несомнѣнномъ средствѣ, которое навѣрное подниметъ народъ, и состоящемъ въ томъ, чтобы передать ему отнятую у него необходимую ему землю." И онъ живо вспомнилъ основныя положенія Генри Джорджа и свое увлеченіе имъ и удивлялся на то, какъ онъ могъ забыть все это. „Не можетъ земля быть предметомъ собственности, не можетъ она быть предметомъ купли и продажи, какъ вода, какъ воздухъ, какъ лучи солнца. Всѣ имѣютъ одинаковое право на землю и на всѣ преимущества, которыя она даетъ людямъ." И онъ понялъ теперь, почему ему было стыдно вспоминать свое устройство дѣлъ въ Кузьминскомъ. Онъ обманывалъ самъ себя. Зная, что человѣкъ не можетъ имѣть права на землю, онъ призналъ это право за собой и подарилъ крестьянамъ часть того, на что̀ онъ зналъ въ глубинѣ души, что не имѣлъ права. Теперь онъ не сдѣлаетъ этого и измѣнитъ то, что̀ онъ сдѣлалъ въ Кузьминскомъ. И онъ составилъ въ головѣ своей проэктъ, состоящій въ томъ, чтобы отдать землю крестьянамъ въ наемъ за ренту, а ренту признать собственностью этихъ же крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они платили эти деньги и употребляли ихъ на подати и на дѣла общественныя. Это не было Single-tax, но было наиболѣе возможное при теперешнемъ порядкѣ приближеніе къ ней. Главное же было то, что онъ отказывался отъ пользованія правомъ земельной собственности.

Когда онъ пришелъ въ домъ, приказчикъ, особенно радостно улыбаясь, предложилъ обѣдать, выражая опасеніе, чтобы не переварилось и не пережарилось приготовленное его женой, съ помощью дѣвицы съ пушками, угощеніе.

Столъ былъ накрытъ суровой скатертью, вышитое полотенце было вмѣсто салфетки, и на столѣ въ vieux-saxe, съ

отбитой ручкой, суповой чашкѣ былъ картофельный супъ съ тѣмъ самымъ пѣтухомъ, который выставлялъ то одну, то другую черную ногу, и теперь былъ разрѣзанъ, даже разрубленъ на куски, во многихъ мѣстахъ покрытые волосами. Послѣ супа былъ тотъ же пѣтухъ съ поджаренными волосами и творожники съ большимъ количествомъ масла и сахара. Какъ ни мало вкусно все это было, Нехлюдовъ ѣлъ, не замѣчая того, что̀ ѣстъ, такъ онъ былъ занятъ своею мыслью, сразу разрѣшившею ту тоску, съ которой онъ пришелъ съ деревни.

Жена приказчика выглядывала изъ двери въ то время, какъ испуганная дѣвушка съ пушками подавала блюдо, а самъ приказчикъ, гордясь искусствомъ своей жены, все болѣе и болѣе радостно улыбался.

Послѣ обѣда Нехлюдовъ съ усиліемъ усадилъ приказчика и для того, чтобы провѣрить себя и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать кому-нибудь то, что̀ его такъ занимало, передалъ ему свой проэктъ отдачи земли крестьянамъ и спрашивалъ его мнѣнія объ этомъ. Приказчикъ улыбался, дѣлая видъ, что онъ это самое давно думалъ и очень радъ слышать, но въ сущности ничего не понималъ, очевидно, не оттого, что Нехлюдовъ неясно выражался, но оттого, что по этому проекту выходило то, что Нехлюдовъ отказывался отъ своей выгоды для выгоды другихъ; а между тѣмъ, истина о томъ, что всякій человѣкъ заботится только о своей выгодѣ, въ ущербъ выгодѣ другихъ людей, такъ укоренилась въ сознаніи приказчика, что онъ предполагалъ, что чего-нибудь не понимаетъ, когда Нехлюдовъ говорилъ о томъ, что весь доходъ съ земли долженъ поступать въ общественный капиталъ крестьянъ.

— Понялъ. Вы, значитъ, процентъ съ этого капитала будете получать? — сказалъ онъ, совсѣмъ просіявъ.

— Да нѣтъ же. Вы поймите, я совсѣмъ отдаю землю.

— Такъ вѣдь дохода вамъ уже не будетъ? — спросилъ, переставъ улыбаться, приказчикъ.

— Да я и отказываюсь.

Приказчикъ тяжело вздохнулъ и потомъ опять сталъ улыбаться. Теперь онъ понялъ. Онъ понялъ, что Нехлюдовъ человѣкъ не вполнѣ здравый, и тотчасъ же началъ искать въ проэктѣ Нехлюдова, отказывавшагося отъ земли, возможность личной пользы и непремѣнно хотѣлъ понять проэктъ такъ, чтобы ему можно было воспользоваться отдаваемой землей.

Когда же онъ понялъ, что и это невозможно, онъ огорчился и пересталъ интересоваться проэктомъ, и только для того, чтобы угодить хозяину, продолжалъ улыбаться. Видя, что приказчикъ не понимаетъ его, Нехлюдовъ отпустилъ его, а самъ сѣлъ за изрѣзанный и залитый чернилами столъ и занялся изложеніемъ на бумагѣ своего проэкта.

Солнце спустилось уже за только-что распустившіяся липы, и комары роями влетали въ горницу и жалили Нехлюдова. Когда онъ въ одно и то же время кончилъ свою записку и услыхалъ изъ деревни доносившіеся звуки блеянія стада, скрипа отворяющихся воротъ и говора мужиковъ, собравшихся на сходкѣ, Нехлюдовъ сказалъ приказчику, что не надо мужиковъ звать къ конторѣ, а что онъ самъ пойдетъ на деревню, къ тому двору, гдѣ они соберутся. Выпивъ наскоро предложенный приказчикомъ стаканъ чаю, Нехлюдовъ пошелъ на деревню.

VII.

Надъ толпой у двора старосты стоялъ говоръ, — но какъ только Нехлюдовъ подошелъ — говоръ утихъ, и крестьяне такъ же, какъ и въ Кузьминскомъ, всѣ другъ за другомъ поснимали шапки. Крестьяне этой мѣстности были гораздо сѣрѣе крестьянъ Кузьминскаго; какъ дѣвки и бабы носили пушки въ ушахъ, такъ и мужики были почти всѣ въ лаптяхъ, самодѣльныхъ рубахахъ и кафтанахъ. Нѣкоторые были босые, въ однѣхъ рубахахъ, какъ пришли съ работы.

Нехлюдовъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и началъ свою рѣчь тѣмъ, что объявилъ мужикамъ о своемъ намѣреніи

отдать имъ землю совсѣмъ. Мужики молчали и въ выраженіи ихъ лицъ не произошло никакого измѣненія.

— Потому что я считаю, — краснѣя, говорилъ Нехлюдовъ: — что каждый долженъ пользоваться землею.

— Извѣстное дѣло. Это такъ точно, какъ есть, — послышались голоса мужиковъ.

Нехлюдовъ продолжалъ говорить о томъ, какъ доходъ земли долженъ быть распредѣленъ между всѣми, и потому онъ предлагаетъ имъ взять землю и платить за нее цѣну, какую они назначатъ, въ общественный капиталъ, которымъ они же будутъ пользоваться. Продолжали слышаться слова одобренія и согласія, но серьезныя лица крестьянъ становились все серьезнѣе и серьезнѣе, и глаза, смотрѣвшіе прежде на барина, опускались внизъ, какъ бы не желая стыдить его въ томъ, что хитрость его понята всѣми, и онъ никого не обманетъ.

Нехлюдовъ говорилъ довольно ясно, и мужики были люди понятливые, но его не понимали и не могли понять по той самой причинѣ, по которой приказчикъ долго не понималъ. Они были несомнѣнно убѣждены въ томъ, что всякому человѣку свойственно соблюдать свою выгоду. Про помѣщиковъ же они давно уже по опыту нѣсколькихъ поколѣній знали, что помѣщикъ всегда соблюдаетъ свою выгоду въ ущербъ крестьянамъ. И потому, если помѣщикъ призываетъ ихъ и предлагаетъ что-то новое, то, очевидно, для того, чтобы какъ нибудь еще хитрѣе обмануть ихъ.

— Ну, что же, по скольку вы думаете обложить землю? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Что же намъ обкладывать? Мы этого не можемъ. Земля ваша и власть ваша, — отвѣчали изъ толпы.

— Да нѣтъ, вѣдь вы сами будете пользоваться этими деньгами на общественныя нужды.

— Мы этого не можемъ. Общество само собой, и это опять само собой.

— Вы поймите, — желая разъяснить дѣло, улыбаясь, сказалъ пришедшій за Нехлюдовымъ приказчикъ: — что

князь отдаетъ вамъ землю за деньги, а деньги эти самыя опять въ вашъ же капиталъ, на общество отдаются.

— Мы очень хорошо понимаемъ, — сказалъ беззубый сердитый старикъ, не поднимая глазъ. — Вродѣ какъ у банкѣ, только мы платить должны у срокъ. Мы этого не желаемъ, потому и такъ намъ тяжело, а то, значитъ, вовсе разориться.

— Ни къ чему это. Мы лучше по-прежнему, — заговорили недовольные и даже грубые голоса.

Особенно горячо стали отказываться, когда Нехлюдовъ упомянулъ о томъ, что составитъ условіе, въ которомъ подпишется онъ, и они должны будутъ подписаться.

— Что же подписываться? Мы такъ, какъ работали, такъ и будемъ работать. А это къ чему же? Мы люди темные.

— Не согласны, потому дѣло непривычное. Какъ было, такъ и пускай будетъ. Сѣмена бы только отмѣнить, — послышались голоса.

Отмѣнить сѣмена значило то, что при теперешнемъ порядкѣ сѣмена на испольной посѣвъ полагались крестьянскія, а они просили, чтобы сѣмена были господскія.

— Вы, стало быть, отказываетесь, не хотите взять землю? — спросилъ Нехлюдовъ, обращаясь къ нестарому, съ сіяющимъ лицомъ, босому крестьянину, въ оборванномъ кафтанѣ, который держалъ особенно прямо на согнутой лѣвой рукѣ свою разорванную шапку такъ, какъ держатъ солдаты свои шапки, когда по командѣ снимаютъ ихъ.

— Такъ точно, — проговорилъ этотъ, очевидно, еще не освободившійся отъ гипнотизма солдатства крестьянинъ.

— Стало быть, у васъ достаточно земли? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣтилъ съ искусственно-веселымъ видомъ бывшій солдатъ, старательно держа передъ собою свою разорванную шапку, какъ будто предлагая ее всякому, желающему воспользоваться ею.

— Ну, все-таки, вы обдумайте то, что я сказалъ вамъ,

— говорилъ удивленно Нехлюдовъ и повторилъ свое предложеніе.

— Намъ нечего думать, какъ сказали, такъ и будетъ, — сердито проговорилъ беззубый, мрачный старикъ.

— Я завтра пробуду здѣсь день, — если передумаете, то пришлите ко мнѣ сказать.

Мужики ничего не отвѣтили.

Такъ ничего и не могъ добиться Нехлюдовъ и пошелъ назадъ въ контору.

— А я вамъ доложу, князь, — сказалъ приказчикъ, когда они вернулись домой, — что вы съ ними не столкуетесь; — народъ упрямый. А какъ только онъ на сходкѣ—онъ уперся, и не сдвинешь его. Потому, всего боится. Вѣдь эти самые мужики, хоть бы тотъ сѣдой, или черноватый, что не соглашался, — мужики умные. Когда придетъ въ контору, — посадишь его чай пить, — улыбаясь говорилъ приказчикъ, — разговоришься — ума палата, министръ, — все обсудитъ, какъ должно. А на сходкѣ совсѣмъ другой человѣкъ, заладитъ одно...

— Такъ нельзя ли позвать сюда такихъ самыхъ понятливыхъ крестьянъ, нѣсколько человѣкъ, — сказалъ Нехлюдовъ: — я бы имъ подробно растолковалъ.

— Это можно, — сказалъ улыбающійся приказчикъ.

— Такъ вотъ, пожалуйста, позовите къ завтраму.

— Это все возможно, на завтра соберу — сказалъ приказчикъ и еще радостнѣе улыбнулся, увидавъ двухъ стоящихъ у крыльца бабъ. Онъ сдѣлалъ какой-то знакъ бабамъ и сопутствуемый ими, пошелъ къ заднему крыльцу. Нехлюдовъ же не входя въ контору, сѣлъ на ступенькахъ крыльца, обдумывая свой проэктъ и обѣими руками убивая на себѣ стаями липшихъ передъ грозой комаровъ.

— Ишь, ловкій какой! — говорилъ раскачивавшійся на сытой кобылѣ черный мужикъ съ лохматой, никогда не расчесываемой бородой, ѣхавшему съ нимъ рядомъ и звенѣвшему желѣзными путами другому старому, худому мужику въ про-

рванномъ кафтанѣ. Мужики ѣхали въ ночное кормить лошадей на большой дорогѣ и тайкомъ въ барскомъ лѣсу. — Даромъ землю отдамъ — только подпишись, мало они нашего брата околпачивали. Нѣтъ, братъ, шалишь! Нынче мы и сами понимать стали, — добавилъ онъ и сталъ подзывать отбившагося стригуна жеребенка.

— Коняшъ, коняшъ, — кричалъ онъ, остановивъ лошадь и оглядываясь назадъ, но стригунъ былъ не назади, а съ боку ушелъ въ луга.

— Вишь, повадился, сукинъ котъ, въ барскіе луга, проговорилъ черный мужикъ съ лохматой бородой, услыхавъ, изъ росистыхъ хорошо пахнувшихъ болотомъ луговъ, трескъ конскаго щавеля, по которому съ ржаніемъ скакалъ, отставшій стригунъ.

— Слышь, заростаютъ луга, надо будетъ праздникомъ бабенокъ послать испольные прополоть, — сказалъ худой мужикъ въ прорванномъ кафтанѣ. А то косы порвешь.

— Подпишись, говоритъ, — продолжалъ лохматый мужикъ свое сужденіе о рѣчи барина, — подпишись — онъ тебя живого проглотитъ.

— Это какъ есть, отвѣтилъ старый. — И они ничего больше не говорили. Слышенъ былъ только топотъ лошадиныхъ ногъ по жесткой дорогѣ.

VIII.

Вернувшись домой, Нехлюдовъ нашелъ въ приготовленной для его ночлега конторѣ высокую постель съ пуховиками двумя подушками и краснымъ-бордо двухспальнымъ, шелковымъ, мелко и узорно стеганнымъ, не гнувшимся одѣяломъ — очевидно, приданое приказчицы. Приказчикъ предложилъ Нехлюдову остатки обѣда, но, получивъ отказъ и извинившись за плохое угощеніе и убранство, удалился, оставивъ Нехлюдова одного.

Отказъ крестьянъ нисколько не смутилъ Нехлюдова. Напротивъ, несмотря на то, что тамъ, въ Кузьминскомъ,

его предложеніе приняли и все время благодарили, а здѣсь ему высказали недовѣріе и даже враждебность, онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и радостнымъ. Въ конторѣ было душно и не чисто. Нехлюдовъ вышелъ на дворъ и хотѣлъ итти въ садъ, но вспомнилъ ту ночь, окно въ дѣвичьей, заднее крыльцо, — и ему непріятно было ходить по мѣстамъ, оскверненнымъ преступными воспоминаніями. Онъ сѣлъ опять на крылечко и, вдыхая въ себя наполнившій теплый воздухъ крѣпкій запахъ молодого березоваго листа, долго глядѣлъ на темнѣвшій садъ и слушалъ мельницу, соловьевъ и еще какую-то птицу, однообразно свистѣвшую въ кустѣ у самаго крыльца. Въ окнѣ приказчика потушили огонь; на востокѣ, изъ-за сарая, зажглось зарево поднимающагося мѣсяца; зарницы — все свѣтлѣе и свѣтлѣе стали озарять заросшій, цвѣтущій садъ и разваливающійся домъ; послышался дальній громъ, и треть неба задвинулась черною тучею. Соловьи и птицы замолкли. Изъ-за шума воды на мельницѣ послышалось гоготаніе гусей, а потомъ на деревнѣ и на дворѣ приказчика стали перекликаться ранніе пѣтухи, какъ они обыкновенно раньше времени кричатъ въ жаркія, грозовыя ночи... Есть поговорка, что пѣтухи кричатъ рано къ веселой ночи. Для Нехлюдова эта ночь была болѣе, чѣмъ веселая. Это была для него радостная, счастливая ночь. Воображеніе возобновило передъ нимъ впечатлѣнія того счастливаго лѣта, которое онъ провелъ здѣсь невиннымъ юношей, и онъ почувствовалъ себя теперь такимъ, какимъ онъ былъ не только тогда, но и во всѣ лучшія минуты своей жизни. Онъ не только вспомнилъ, но почувствовалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ тогда, когда онъ 14-лѣтнимъ мальчикомъ молился Богу, чтобъ Богъ открылъ ему истину, когда плакалъ ребенкомъ на колѣняхъ матери, разставаясь съ ней и обѣщаясь ей быть всегда добрымъ и никогда не огорчать ее, почувствовалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ, когда они съ Николенькой Иртеневымъ рѣшали, что будутъ всегда поддерживать другъ друга въ доброй жизни и будутъ стараться сдѣлать всѣхъ людей счастливыми.

Онъ вспомнилъ теперь, какъ въ Кузьминскомъ на него нашло искушеніе, и онъ сталъ жалѣть и домъ, и лѣсъ, и хозяйство, и землю, и спросилъ себя теперь: жалѣетъ ли онъ? И ему даже странно было, что онъ могъ жалѣть. Онъ вспомнилъ все, что̀ онъ видѣлъ нынче: и женщину съ дѣтьми безъ мужа, посаженнаго въ острогъ за порубку въ его Нехлюдовскомъ лѣсу, и ужасную Матрену, считавшую, или, по крайней мѣрѣ, говорившую, что женщины ихъ состоянія должны отдаваться въ любовницы господамъ; вспомнилъ отношеніе ея къ дѣтямъ, пріемы отвоза ихъ въ воспитательный домъ и этого несчастнаго старческаго улыбающагося, умирающаго отъ недокорма ребенка въ скуфеечкѣ; вспомнилъ эту беременную, слабую женщину, которую должны были заставить работать на него за то, что она, измученная трудами, не усмотрѣла за своей голодной коровой; и тутъ же вспомнилъ острогъ, бритыя головы, камеры, отвратительный запахъ, цѣпи, и рядомъ съ этимъ — безумную роскошь своей и всей городской, столичной, господской жизни. Все было совсѣмъ ясно и несомнѣнно.

Свѣтлый мѣсяцъ, почти полный, вышелъ изъ-за сарая, и черезъ дворъ легли черныя тѣни, и заблестѣло желѣзо на крышѣ разрушающагося дома.

И какъ-будто не желая пропустить этотъ свѣтъ, замолкшій соловей засвисталъ и защелкалъ изъ сада.

Нехлюдовъ вспомнилъ, какъ онъ въ Кузьминскомъ сталъ обдумывать свою жизнь, рѣшать вопросы о томъ, что̀ и какъ онъ будетъ дѣлать, и вспомнилъ, какъ онъ запутался въ этихъ вопросахъ — и не могъ рѣшить ихъ, столько было соображеній по каждому вопросу. Онъ теперь задалъ себѣ эти вопросы и удивился, какъ все было просто. Было просто потому, что онъ теперь не думалъ о томъ, что̀ съ нимъ произойдетъ, и его даже не интересовало это, а думалъ только о томъ, что̀ онъ долженъ дѣлать. И удивительное дѣло, что̀ нужно для себя, онъ никакъ не могъ рѣшить, а что̀ нужно дѣлать для другихъ, онъ зналъ несомнѣнно. Онъ зналъ теперь несомнѣнно, что надо было отдать землю

крестьянамъ, потому что удерживать ее было дурно. Зналъ несомнѣнно, что нужно было не оставлять Катюшу, помогать ей, быть готовымъ на все, чтобы искупить свою вину передъ ней. Зналъ несомнѣнно, что нужно было изучить, разобрать, уяснить себѣ, понять всѣ эти дѣла судовъ и наказаній, въ которыхъ онъ чувствовалъ, что видитъ что-то такое, чего не видятъ другіе. Что̀ выйдетъ изъ всего этого — онъ не зналъ, но зналъ несомнѣнно, что и то, и другое, и третье ему необходимо нужно дѣлать. И эта твердая увѣренность была радостна ему.

Черная туча совсѣмъ надвинулась, и стали видны уже не зарницы, а молніи, освѣщавшія весь дворъ и разрушающійся домъ съ отломанными крыльцами, и громъ послышался уже надъ головой. Всѣ птицы притихли, но зато зашелестили листья, и вѣтеръ добѣжалъ до крыльца, на которомъ сидѣлъ Нехлюдовъ, шевеля его волосами. Долетѣла одна капля, другая, забарабанило по лопухамъ и желѣзу крыши, и ярко вспыхнулъ весь воздухъ; все затихло, и не успѣлъ Нехлюдовъ сосчитать три, какъ, страшно треснуло что-то надъ самой головой и раскатилось по небу.

Нехлюдовъ вошелъ въ домъ.

„Да, да“, — думалъ онъ. — „Дѣло, которое дѣлается нашей жизнью, все дѣло, весь смыслъ этого дѣла непонятенъ и не можетъ быть понятенъ мнѣ: зачѣмъ были тетушки, зачѣмъ Николенька Иртеневъ умеръ? —, а я живу? Зачѣмъ была Катюша? И мое сумасшествіе? Зачѣмъ была эта война? И вся моя послѣдующая безпутная жизнь? Все это понять, понять все дѣло Хозяина не въ моей власти. Но дѣлать Его волю, написанную въ моей совѣсти — это въ моей власти, и это я знаю несомнѣнно. И когда дѣлаю это, я несомнѣнно спокоенъ“.

Дождикъ шелъ уже ливнемъ и стекалъ съ крышъ, журча, въ кадушку; молнія рѣже освѣщала дворъ и домъ. Нехлюдовъ вернулся въ горницу, раздѣлся и легъ въ постель, не безъ опасенія о клопахъ, присутствіе которыхъ заставляли подозрѣвать оторванныя грязныя бумажки стѣнъ.

„Да, чувствовать себя не хозяиномъ, а слугой“, думалъ онъ и радовался этой мысли.

Опасенія его оправдались. Только-что онъ потушилъ свѣчу, его, облипая, стали кусать насѣкомыя.

„Отдать землю, ѣхать въ Сибирь, — блохи, клопы, нечистота. — Ну что-жъ, коли надо нести это — понесу“. — Но, несмотря на все, онъ не могъ вынести этого и сѣлъ у открытаго окна, любуясь на убѣгающую тучу и на открывшійся опять мѣсяцъ.

IX.

Къ утру только Нехлюдовъ заснулъ и потому на другой день проснулся поздно.

Въ полдень семь выбранныхъ мужиковъ, приглашенныхъ приказчикомъ, пришли въ яблочный садъ подъ яблони, гдѣ у приказчика былъ устроенъ на столбикахъ, вбитыхъ въ землю, столикъ и лавочки. Довольно долго крестьянъ уговаривали надѣть шапки и сѣсть на лавки.

Особенно упорно держалъ передъ собой, по правилу, какъ держатъ „на погребеніе“, свою разорванную шапку бывшій солдатъ, обутый нынче въ чистые онучи и лапти.

Но когда одинъ изъ нихъ, почтеннаго вида широкій старецъ, съ завитками полусѣдой бороды, какъ у Моисея Микель-Анджело, и сѣдыми, густыми вьющимися волосами вокругъ загорѣлаго и оголившагося коричневаго лба, надѣлъ свою большую шапку и, запахивая новый домодѣльный кафтанъ, пролѣзъ на лавку и сѣлъ, остальные послѣдовали его примѣру. Когда всѣ размѣстились, Нехлюдовъ сѣлъ противъ нихъ и, облокотившись на столъ надъ бумагой, въ которой у него былъ написанъ конспектъ проэкта, началъ излагать его.

Потому ли, что крестьянъ было меньше, или потому, что онъ былъ занятъ не собой, а дѣломъ, Нехлюдовъ въ этотъ разъ не чувствовалъ никакого смущенія. Невольно онъ обращался преимущественно къ широкому старцу съ бѣлыми завитками бороды, ожидая отъ него одобренія или

возраженія. Но представленіе, составленное о немъ Нехлюдовымъ, — было ошибочное. Благообразный старецъ, хотя и кивалъ одобрительно своей красивой патріархальной головой, или встряхивалъ ею, хмурясь, когда другіе возражали, очевидно, съ большимъ трудомъ понималъ то, что̀ говорилъ Нехлюдовъ, и то только тогда, когда это же пересказывали на своемъ языкѣ другіе крестьяне. Гораздо болѣе понималъ слова Нехлюдова сидѣвшій рядомъ съ патріархальнымъ старцемъ маленькій, кривой на одинъ глазъ, одѣтый въ платанную нанковую поддевку и старые, сбитые на сторону сапоги, почти безбородый старичокъ — печникъ, какъ узналъ потомъ Нехлюдовъ. Человѣкъ этотъ быстро водилъ бровями, дѣлая усилія вниманія, и тотчасъ же пересказывалъ посвоему то, что̀ говорилъ Нехлюдовъ. Такъ же быстро понималъ и невысокій, коренастый старикъ съ бѣлой бородой и блестящими умными глазами, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вставлять шутливыя, ироническія замѣчанія на слова Нехлюдова и, очевидно, щеголялъ этимъ. Бывшій солдатъ тоже, казалось, могъ-бы понимать дѣло, если бы не былъ одуренъ солдатствомъ и не путался въ привычкахъ безсмысленной солдатской рѣчи. Серьезнѣе всѣхъ относился къ дѣлу говорившій густымъ басомъ, длинноносый съ маленькой бородкой высокій человѣкъ, одѣтый въ чистое, домодѣльное платье и въ новые лапти. Человѣкъ этотъ все понималъ и говорилъ только тогда, когда это нужно было. Остальные два старика — одинъ тотъ самый беззубый, который вчера на сходкѣ кричалъ рѣшительный отказъ на всѣ предложенія Нехлюдова, — и другой — высокій, бѣлый, хромой старикъ съ добродушнымъ лицомъ, въ бахилкахъ, и туго умотанныхъ бѣлыми онучами худыхъ ногахъ, — оба почти все время молчали, хотя и внимательно слушали.

Нехлюдовъ прежде всего высказалъ свой взглядъ на земельную собственность.

— Землю, по-моему, — сказалъ онъ, — нельзя ни продавать, ни покупать, потому что если можно продавать ее,

то тѣ, у кого есть деньги, скупятъ ее всю, и тогда будутъ брать съ тѣхъ, у кого нѣтъ земли, что̀ хотятъ: за право пользоваться землею; будутъ брать деньги. За то, чтобы стоять на землѣ, — прибавилъ онъ, пользуясь аргументами Спенсера.

— Одно средство, — крылья подвязать летать! — сказалъ старикъ съ смѣющимися глазами и бѣлой бородой.

— Это вѣрно, — сказалъ густымъ басомъ длинноносый.

— Такъ точно, — сказалъ бывшій солдатъ.

— Бабенка травы коровенкѣ нарвала — поймали, — въ острогъ, — сказалъ хромой добродушный старикъ.

— Земли свои за пять верстъ, а нанять — приступу нѣтъ, взнесли цѣну такъ, что не оправдаешь, — прибавилъ беззубый, сердитый старикъ.

— Веревки вьютъ изъ насъ, какъ хотятъ, хуже барщины, — подтвердилъ сердитый.

— Я такъ же думаю, какъ и вы, — сказалъ Нехлюдовъ, — исчитаю грѣхомъ владѣть землею. И вотъ хочу отдать вамъ землю.

— Что-жъ, дѣло доброе, — сказалъ старецъ съ моисеевыми завитками, очевидно подразумѣвая то, что Нехлюдовъ хочетъ отдать ее въ наймы.

— Я затѣмъ и пріѣхалъ, я не хочу больше владѣть землею, да вотъ надо обдумать, какъ съ нею раздѣлаться.

— Да отдай мужикамъ, вотъ и все, — сказалъ беззубый, сердитый старикъ.

Нехлюдовъ смутился въ первую минуту, почувствовавъ въ этихъ словахъ сомнѣніе въ искренности своего намѣренія. Но онъ тотчасъ же оправился и воспользовался этимъ замѣчаніемъ, чтобы высказать то, что̀ имѣлъ сказать.

— И радъ бы отдать, — сказалъ онъ, — да кому и какъ? Какимъ мужикамъ? Почему вашему обществу а не Деминскому? Это было сосѣднее село съ нищенскимъ надѣломъ.

Всѣ молчали. Только бывшій солдатъ сказалъ: „Такъ точно“.

— Ну вотъ, — сказалъ Нехлюдовъ: — вы мнѣ скажите, если бы землю раздать крестьянамъ . . . какъ бы вы сдѣлали?

— Какъ сдѣлали? Раздѣлили бы всю по-душамъ — всѣмъ по-ровну, — сказалъ печникъ, быстро поднимая и опуская брови.

— А то какъ же? Раздѣлить по-душамъ, — подтвердилъ добродушный хромой старикъ въ бѣлыхъ онучахъ.

Всѣ подтвердили это рѣшеніе, считая его удовлетворительнымъ.

— Какъ же по душамъ? — спросилъ Нехлюдовъ. — Дворовымъ тоже раздѣлить?

— Никакъ нѣтъ, — сказалъ бывшій солдатъ, стараясь изобразить веселую бодрость на своемъ лицѣ. Но разсудительный высокій крестьянинъ не согласился съ нимъ.

— Дѣлить-такъ всѣмъ поровну, — подумавши отвѣтилъ онъ своимъ густымъ басомъ.

— Нельзя, — сказалъ Нехлюдовъ, уже впередъ приготовивъ свое возраженіе. — Если всѣмъ раздѣлить поровну, то всѣ тѣ, кто сами не работаютъ, — не пашутъ, возьмутъ свои паи, да и продадутъ богатымъ. И опять у богачей соберется земля. А у тѣхъ, которые на своей долѣ, опять народится народъ, а земля уже разобрана. Опять богачи заберутъ въ руки тѣхъ, кому земля нужна.

— Такъ точно, — поспѣшно подтвердилъ солдатъ.

— Запретить, чтобы не продавали землю, а только кто самъ пашетъ, — сказалъ печникъ, сердито перебивая солдата.

На это Нехлюдовъ возразилъ, что усмотрѣть нельзя, будетъ ли кто для себя пахать, или для другого.

Тогда высокій, разсудительный мужикъ предложилъ устроить такъ, чтобы всѣмъ артелью пахать. И кто пашетъ, на того и дѣлить. А кто не пашетъ — тому ничего, —проговорилъ онъ своимъ рѣшительнымъ басомъ.

На этотъ коммунистическій проэктъ у Нехлюдова аргументы тоже были готовы, и онъ возразилъ, что для этого

надо, чтобы у всѣхъ были плуги, и лошади были бы одинаковыя, и чтобы одни не отставали отъ другихъ, или чтобы все — и лошади, и плуги, и молотилки, и все хозяйство — было бы общее, а что для того, чтобы завести это, надо, чтобы всѣ люди были согласны.

— Нашъ народъ не согласишь ни въ жизнь, — сказалъ сердитый старикъ.

— Сплошь драка пойдетъ, — сказалъ старикъ съ бѣлой бородой и смѣющимися глазами, — бабы другъ дружкѣ всѣ глаза повыцарапаютъ.

— Потомъ: какъ раздѣлить землю по качеству, — сказалъ Нехлюдовъ. — За что однимъ будетъ черноземъ, а другимъ глина да песокъ.

— А раздать дѣлянками, чтобы всѣмъ поровну, — сказалъ печникъ.

На это Нехлюдовъ возразилъ, что дѣло идетъ не о дѣлежѣ въ одномъ обществѣ, а о дѣлежѣ земли вообще по разнымъ губерніямъ. Если земли даромъ отдать крестьянамъ, то за что же одни будутъ владѣть хорошей, а другіе плохой землей. Всѣ захотятъ на хорошую землю.

— Такъ точно, — сказалъ солдатъ.

Остальные молчали.

— Такъ что это не такъ просто, какъ кажется, — сказалъ Нехлюдовъ. — И объ этомъ не мы одни, а многіе люди думаютъ. И вотъ есть одинъ американецъ, Джорджъ, такъ онъ вотъ какъ придумалъ. И я согласенъ съ нимъ.

— Да ты хозяинъ, ты и отдай, — что тебѣ. Твоя воля, — сказалъ сердитый старикъ.

Перерывъ этотъ смутилъ Нехлюдова, но, къ удовольствію своему, онъ замѣтилъ, что и не онъ одинъ былъ недоволенъ этимъ перерывомъ.

— Погоди, дядя Семенъ, — дай онъ разскажетъ, своимъ внушительнымъ басомъ сказалъ разсудительный мужикъ.

Это ободрило Нехлюдова, и онъ сталъ объяснять имъ проэктъ единой подати по Генри Джорджу. — Земля — ничья — Божія, — началъ онъ.

— Это такъ. Такъ точно, — отозвались нѣсколько голосовъ.

— Вся земля — общая. Всѣ имѣютъ на нее равное право. Но есть земля лучше и хуже. И всякій желаетъ взять хорошую. Какъ же сдѣлать, чтобы уравнять? — А такъ, чтобы тотъ, кто будетъ владѣть хорошей, платилъ бы тѣмъ, которые не владѣютъ землею, то, что̀ его земля стоитъ, — самъ себѣ отвѣчалъ Нехлюдовъ. А такъ какъ трудно распредѣлить, кто кому долженъ платить, и такъ какъ на общественныя нужды деньги собирать нужно, то и сдѣлать такъ, чтобы тотъ, кто владѣетъ землей, платилъ бы въ общество на всякія нужды то, что̀ его земля стоитъ. Такъ всѣмъ ровно будетъ. Хочешь владѣть землей, — плати за хорошую землю больше, за плохую меньше. А не хочешь владѣть, — ничего не платишь; а подать на общественныя нужды за тебя платятъ тѣ, кто землей владѣетъ.

— Это правильно, — сказалъ печникъ, двигая бровями, — у кого лучше земля, тотъ больше плати.

— И голова же былъ этотъ Жоржа, — сказалъ представительный старецъ съ завитками.

— Только бы плата была по силѣ, — сказалъ басомъ высокій, очевидно уже предвидя, къ чему идетъ дѣло.

— А плата должна быть такая, чтобы было не дорого и не дешево. Если дорого, то не выплатятъ, и убытки будутъ, а если дешево, всѣ станутъ покупать другъ у друга, будутъ торговать землею. Вотъ это самое я хотѣлъ сдѣлать у васъ.

— Это правильно, это вѣрно. Что-же, это ничего, — говорили мужики, вполнѣ понимая въ чемъ дѣло и одобряя Нехлюдова.

— Ну и голова, — повторялъ широкій старикъ съ завитками. — Жоржа. А что вздумалъ.

— Ну, а какъ же, если я пожелаю взять земли, — сказалъ, улыбаясь, приказчикъ.

— Коли свободный есть участокъ, берите и работайте, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Тебѣ зачѣмъ? Ты и такъ сытъ, — сказалъ старикъ съ смѣющимися глазами.

На этомъ кончилось совѣщаніе.

Нехлюдовъ опять повторилъ свое предложеніе, но не требовалъ отвѣта теперь же, а совѣтовалъ переговорить съ обществомъ и тогда придти и дать отвѣтъ ему. Мужики сказали, что переговорятъ съ обществомъ и дадутъ отвѣтъ, и, распрощавшись, ушли въ возбужденномъ состояніи. По дорогѣ долго слышался ихъ громкій, удаляющійся говоръ. И до поздняго вечера гудѣли ихъ голоса и доносились по рѣкѣ отъ деревни.

На другой день мужики не работали, а обсуждали предложеніе барина. Общество раздѣлилось на двѣ партіи: одна признавала выгоднымъ и безопаснымъ предложеніе барина, другая видѣла въ этомъ подвохъ, сущность котораго она не могла понять и котораго поэтому особенно боялась. На третій день, однако, всѣ согласились принять предлагаемыя условія и пришли къ Нехлюдову объявить рѣшеніе всего общества. На согласіе это имѣло вліяніе высказанное одной старушкой и принятое стариками и уничтожающее всякое опасеніе въ обманѣ объясненіе поступка барина, состоящее въ томъ, что баринъ сталъ о душѣ думать и поступаетъ такъ для ея спасенія. Объясненіе это подтверждалось тѣми большими денежными милостынями, которыя раздавалъ Нехлюдовъ во время своего пребыванія въ Пановѣ. Денежныя же милостыни, которыя раздавалъ здѣсь Нехлюдовъ, были вызваны тѣмъ, что онъ здѣсь въ первый разъ узналъ ту степень бѣдности и суровости жизни, до которой дошли крестьяне, и, пораженный этой бѣдностью, хотя и зналъ, что это неразумно, не могъ не давать тѣхъ денегъ, которыхъ у него теперь собралось въ особенности много, такъ какъ онъ получилъ ихъ и за проданный еще въ прошломъ году лѣсъ въ Кузьминскомъ, и еще задатки за продажу инвентаря.

Какъ только узнали, что баринъ просящимъ даетъ

деньги, толпы народа, преимущественно бабъ, стали ходить къ нему изо всей округи, выпрашивая помощи. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ быть съ ними, чѣмъ руководиться въ рѣшеніи вопроса, сколько и кому дать. Онъ чувствовалъ, что не давать просящимъ и, очевидно, бѣднымъ людямъ денегъ, которыхъ у него было много, нельзя было. Давать же случайно тѣмъ, которые просятъ, не имѣетъ смысла. Единственное средство выйти изъ этого положенія состояло въ томъ, чтобы уѣхать. Это самое онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

Въ послѣдній день своего пребыванія въ Пановѣ, Нехлюдовъ пошелъ въ домъ и занялся перебираніемъ оставшихся тамъ вещей. Перебирая ихъ, онъ въ нижнемъ ящикѣ старой тетушкиной шифоньерки краснаго дерева съ брюхомъ и бронзовыми кольцами въ львиныхъ головахъ нашелъ много писемъ и среди нихъ карточку, представлявшую группу: Софью Ивановну, Марью Ивановну, его самого студентомъ и Катюшу, чистую, свѣжую, красивую и жизнерадостную. Изъ всѣхъ вещей, бывшихъ въ домѣ, Нехлюдовъ взялъ только письма и это изображеніе. Остальное все онъ оставилъ мельнику, купившему за десятую часть цѣны, по ходатайству улыбающагося приказчика, на своз домъ и всю мебель Панова.

Вспоминая теперь то чувство сожалѣнія о потерѣ собственности, которое онъ испыталъ въ Кузьминскомъ, Нехлюдовъ удивлялся тому, какъ могъ онъ испытать это чувство; теперь онъ испытывалъ неперестающую радость освобожденія и чувство новизны, подобное тому, которое долженъ испытывать путешественникъ, открывая новыя земли.

X.

Городъ особенно странно и по новому въ этотъ пріѣздъ поразилъ Нехлюдова. Онъ вечеромъ, при зажженныхъ фонаряхъ, пріѣхалъ съ вокзала въ свою квартиру. По всѣмъ комнатамъ еще пахло нафталиномъ, и Аграфена Петровна и Корнѣй оба чувствовали себя измученными и недовольными

и даже поссорились, вслѣдствіе уборки вещей, употребленіе которыхъ, казалось, состояло только въ томъ, чтобы ихъ развѣшивать, сушить и прятать. Комната Нехлюдова была не занята, но не убрана, и отъ сундуковъ проходы къ ней были трудны, такъ что пріѣздъ Нехлюдова, очевидно, мѣшалъ тѣмъ дѣламъ, которыя по какой-то странной инерціи совершались въ этой квартирѣ. Все это такъ непріятно своимъ очевиднымъ безуміемъ, котораго онъ когда-то былъ участникомъ, показалось Нехлюдову, послѣ впечатлѣній деревенской нужды, что онъ рѣшилъ переѣхать на другой же день въ гостиницу, предоставивъ Аграфенѣ Петровнѣ убирать вещи, какъ она это считала нужнымъ, до пріѣзда сестры, которая распорядится окончательно всѣмъ тѣмъ, что̀ было въ домѣ.

Нехлюдовъ съ утра вышелъ изъ дому, выбралъ себѣ недалеко отъ острога въ первыхъ попавшихся, очень скромныхъ и грязноватыхъ меблированныхъ комнатахъ помѣщеніе изъ двухъ номеровъ и, распорядившись о томъ, чтобы туда были перевезены отобранныя имъ изъ дома вещи, пошелъ къ адвокату.

На дворѣ было холодно. Послѣ грозъ и дождей наступили тѣ холода, которые обыкновенно бываютъ весной. Было такъ холодно и дулъ такой пронзительный вѣтеръ, что Нехлюдовъ озябъ въ легкомъ пальто и все прибавлялъ шагу, стараясь согрѣться.

Въ его воспоминаніи были деревенскіе люди, женщины, дѣти, старики, бѣдность и измученность, которыя онъ какъ будто теперь въ первый разъ увидалъ, въ особенности же улыбающійся старичекъ-младенецъ, сучащій безъикорными ножками, и онъ невольно сравнивалъ съ ними то, что̀ было въ городѣ. Проходя мимо лавокъ мясныхъ, рыбныхъ и готоваго платья, онъ былъ пораженъ, точно въ первый разъ увидѣлъ это, сытостью огромнаго количества такихъ чистыхъ и жирныхъ лавочниковъ, какихъ нѣтъ ни одного въ деревнѣ. Люди эти, очевидно, твердо были убѣждены въ томъ, что ихъ старанія обмануть людей, не знающихъ толка въ ихъ

товарѣ, составляютъ не праздное, но очень полезное занятіе. Такіе же сытые были кучера съ огромными задами и пуговицами на спинахъ, такіе же швейцары въ фуражкахъ, обшитыхъ галунами, такія же горничныя въ фартукахъ и кудряшкахъ — и въ особенности лихачи — извозчики съ подбритыми затылками, сидѣвшіе, развалясь, въ своихъ пролеткахъ, презрительно и развратно разсматривая проходящихъ. Во всѣхъ этихъ людяхъ онъ невольно видѣлъ теперь тѣхъ самыхъ деревенскихъ людей, лишенныхъ земли и этимъ лишеніемъ согнанныхъ въ городъ. Одни изъ этихъ людей съумѣли воспользоваться городскими условіями и стали такіе же, какъ и господа, и радовались своему положенію; другіе же стали въ городѣ въ еще худшія условія, чѣмъ въ деревнѣ, и были еще болѣе жалки. Такими жалкими показались Нехлюдову тѣ сапожники, которыхъ Нехлюдовъ увидалъ работающихъ въ окнѣ одного подвала: такія же были худыя, блѣдныя, растрепанныя прачки, худыми, оголенными руками гладившія передъ открытыми окнами, изъ которыхъ валилъ мыльный паръ. Такіе же были, встрѣтившіеся Нехлюдову, два красильщика въ фартукахъ и опоркахъ на босу ногу, всѣ отъ головы до пятокъ измазанные краской. Въ засученныхъ выше локтя, загорѣлыхъ жилистыхъ слабыхъ рукахъ они несли ведро краски и, не переставая, бранились. Лица были измученныя и сердитыя. Такія же лица были и у запыленныхъ, съ черными лицами, ломовыхъ извозчиковъ, трясшихся на своихъ дрогахъ. Такія же лица были у оборванныхъ, опухшихъ мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми, стоявшихъ на углахъ улицъ и просившихъ милостыню. Такія же лица были видны въ открытыхъ окнахъ трактира, мимо котораго пришлось пройти Нехлюдову. У грязныхъ, уставленныхъ бутылками и чайной посудой столиковъ, между которыми, раскачиваясь, сновали бѣлые половые, сидѣли, крича и распѣвая, потные, покраснѣвшіе люди съ одуренными лицами. Одинъ сидѣлъ у окна, поднявъ брови, и, выставивъ губы, глядѣлъ передъ собою, какъ будто стараясь вспомнить что-то.

„И зачѣмъ они всѣ собрались тутъ?“ — думалъ Нехлюдовъ, невольно вдыхая вмѣстѣ съ пылью, которую несъ на него холодный вѣтеръ, вездѣ распространенный запахъ прогорклаго масла свѣжей краски.

На одной изъ улицъ съ нимъ поровнялся обозъ ломовыхъ, везшихъ какое-то желѣзо и такъ страшно гремѣвшихъ по неровной мостовой своимъ желѣзомъ, что ему стало больно ушамъ и головѣ. Онъ прибавилъ шагу, чтобы обогнать обозъ, когда вдругъ изъ-за грохота желѣза услыхалъ свое имя. Онъ остановился и увидалъ немного впереди себя военнаго съ остроконечными, слѣпленными усами и съ сіяющимъ глянцевитымъ лицомъ, который, сидя на пролеткѣ лихача, привѣтственно махалъ ему рукой, открывая улыбкой необыкновенно бѣлые зубы.

— Нехлюдовъ! Ты ли?

Первое чувство Нехлюдова была удовольствіе.

— А! Шенбокъ, — радостно проговорилъ онъ, но тотчасъ же понялъ, что радоваться совершенно было нечему.

Это былъ тотъ самый Шенбокъ, который тогда заѣзжалъ къ тетушкамъ. Нехлюдовъ давно потерялъ его изъ вида, но слышалъ про него, что онъ, несмотря на свои долги, выйдя изъ полка и оставшись по кавалеріи, все какъ-то держался какими-то средствами въ мірѣ богатыхъ людей. Довольный, веселый видъ подтверждалъ это.

— Вотъ хорошо-то, что поймалъ тебя. А то никого въ городѣ нѣтъ. Ну, братъ, а ты постарѣлъ, говорилъ онъ, выходя изъ пролетки и расправляя плечи. Я только по походкѣ и узналъ тебя. Ну, что же, обѣдаемъ вмѣстѣ? Гдѣ у васъ тутъ кормятъ порядочно?

— Не знаю, успѣю ли, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, думая только о томъ, какъ бы ему отдѣлаться отъ товарища, не оскорбивъ его.

— Ты зачѣмъ же здѣсь? спросилъ онъ.

— Да дѣла, братецъ. Дѣла по опекѣ. Я опекунъ вѣдь. Управляю дѣлами Саманова. Знаешь, богача? Онъ рамоли, а 54 тысячи десятинъ земли, — сказалъ онъ съ какой-то

особенной гордостью, точно онъ самъ сдѣлалъ всѣ эти десятины. — Запущены дѣла были ужасно. Земля вся была по крестьянамъ. Они ничего не платили, недоимки было больше 80-ти тысячъ. Я въ одинъ годъ все перемѣнилъ и далъ опекѣ на 70% больше. А? — спросилъ онъ съ гордостью.

Нехлюдовъ вспомнилъ, что слышалъ, какъ этотъ Шенбокъ именно потому, что онъ прожилъ все свое состояніе и надѣлалъ неоплатныхъ долговъ, былъ, по какой-то особенной протекціи, назначенъ опекуномъ надъ состояніемъ стараго богача, проматывавшаго свое состояніе, и теперь, очевидно, жилъ этой опекой.

— „Какъ бы отдѣлаться отъ него, не обидѣвъ его?“ — думалъ Нехлюдовъ, глядя на это глянцовитое, налитое лицо съ нафиксатуаренными усами и слушая его добродушно-товарищескую болтовню о томъ, гдѣ хорошо кормятъ и хвастовство о томъ, какъ онъ устроилъ дѣла опеки.

— Ну, такъ гдѣ же обѣдаемъ?

— Да мнѣ некогда, — сказалъ Нехлюдовъ, глядя на часы.

— Такъ вотъ что. Вечеромъ нынче скачки. Ты будешь?

— Нѣтъ, я не буду.

— Пріѣзжай. Своихъ ужъ у меня нѣтъ. Но я держу за Гришиныхъ лошадей. Помнишь. У него хорошая конюшня. Такъ вотъ пріѣзжай, и поужинаемъ.

— И ужинать не могу, улыбаясь, сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну что жъ это? Ты куда теперь? Хочешь, — я довезу.

— Я къ адвокату. Онъ тутъ за угломъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— А, да вѣдь ты что-то въ острогѣ дѣлаешь? Острожнымъ ходатаемъ сталъ? Мнѣ Корчагины говорили, — смѣясь заговорилъ Шенбокъ. Они уже уѣхали. Что такое? Разскажи!

— Да, да, все это правда, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, — что же разсказывать на улицѣ.

— Ну да, ну да, ты вѣдь всегда чудакъ былъ. Такъ пріѣдешь на скачки?

— Да нѣтъ, и не могу, и не хочу. Ты, пожалуйста, не сердись.

— Вотъ сердиться! Ты гдѣ стоишь? — спросилъ онъ, и вдругъ лицо его сдѣлалось серьезно, глаза остановились, брови поднялись. Онъ, очевидно, хотѣлъ вспомнить, что то и Нехлюдовъ увидалъ въ немъ совершенно то же тупое выраженіе, какъ у того человѣка съ поднятыми бровями и оттопыренными губами, которое поразило его въ окнѣ трактира.

— Холодище-то какой! А?

— Да, да!

— Покупки у тебя? — обратился Шенбокъ къ извозчику.

— Ну такъ прощай, очень, очень радъ, что встрѣтилъ тебя, — сказалъ онъ и, пожавъ крѣпко руку Нехлюдову, вскочилъ въ пролетку, махая передъ глянцевитымъ лицомъ широкой рукой въ новой бѣлой замшевой перчаткѣ и привычно улыбаясь своими необыкновенно бѣлыми зубами.

„Неужели я былъ такой?“ — думалъ Нехлюдовъ, продолжая свой путь къ адвокату. — „Да, хоть не совсѣмъ такой, но хотѣлъ быть такимъ и думалъ, что такъ и проживу жизнь.“

XI.

Адвокатъ принялъ Нехлюдова не въ очередь и тотчасъ разговорился о дѣлѣ Меньшовыхъ, которое онъ прочелъ, и былъ возмущенъ неосновательностью обвиненія.

— Дѣло это возмутительное, — говорилъ онъ, — очень вѣроятно, что поджогъ сдѣланъ самимъ владѣльцемъ для полученія страховой преміи, но дѣло въ томъ, что виновность Меньшовыхъ совершенно не доказана. Нѣтъ никакихъ уликъ. Это особенное усердіе слѣдователя и небрежность товарища прокурора. Только бы дѣло слушалось не въ уѣздѣ, а здѣсь, и я ручаюсь за выигрышъ и гонорара не беру никакого. Ну-съ, другое дѣло — прошеніе на Высочайшее

имя Өеодосіи Бирюковой — написано; если поѣдете въ Петербургъ, возьмите съ собой, сами подайте и попросите. А то сдѣлаютъ запросъ, и ничего не выйдетъ. А вы постарайтесь добраться до лицъ, имѣющихъ вліяніе въ комиссіи прошеній. Ну-съ, все теперь?

— Нѣтъ, вотъ мнѣ еще пишутъ . . .

— Вы, я вижу, сдѣлались воронкой, горлышкомъ, черезъ которое выливаются всѣ жалобы острога, — улыбаясь, сказалъ адвокатъ. — Слишкомъ ужъ много, не осилите.

— Нѣтъ, да это поразительное дѣло, — сказалъ Нехлюдовъ и разсказалъ вкратцѣ сущность дѣла, которая состояла въ томъ, что въ деревнѣ одинъ грамотный крестьянинъ сталъ читать Евангеліе и толковать его своимъ друзьямъ. Духовенство сочло это преступленіемъ. На него донесли. Судебный слѣдователь допрашивалъ, товарищъ прокурора составилъ обвинительный актъ . . . и судебная палата утвердила обвиненіе.

— Это что-то ужасное, — говорилъ Нехлюдовъ. — Неужели это правда?

— Что же васъ тутъ удивляетъ?

— Да все; ну я понимаю урядника, которому велѣно, но товарищъ прокурора, который составлялъ актъ, вѣдь онъ человѣкъ образованный . . .

— Въ этомъ то и ошибка, что мы привыкли думать, что прокуратура, судейскіе вообще — это какіе-то новые, либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только 20-мъ числомъ. Онъ получаетъ жалованье, ему нужно побольше, и этимъ и ограничиваются всѣ его принципы. Онъ кого хотите будетъ обвинять, судить, приговаривать.

— Да неужели существуютъ законы, по которымъ можно сослать человѣка за то, что онъ вмѣстѣ съ другими читаетъ Евангеліе?

— Не только сослать въ мѣста не столь отдаленныя, но въ каторгу, если только будетъ доказано, что, читая Евангеліе, они позволили себѣ толковать его другимъ не такъ,

какъ велѣно, и потому осуждали церковное толкованіе. Хула на православную вѣру при народѣ и по статьѣ 196 ссылка на поселеніе.

— Да не можетъ быть.

— Я вамъ говорю. Я всегда говорю господамъ судейскимъ, — продолжалъ адвокатъ, — что не могу безъ благодарности видѣть ихъ, потому что, если я не въ тюрьмѣ и вы тоже, и мы всѣ, то только благодаря ихъ добротѣ. А подвести каждаго изъ насъ къ лишенію особенныхъ правъ и мѣстамъ не столь отдаленнымъ — самое легкое дѣло.

— Но если такъ зависитъ отъ произвола прокурора и лицъ, могущихъ примѣнять и не примѣнять законъ, такъ зачѣмъ же судъ?

Адвокатъ весело расхохотался. — Вотъ какіе вопросы вы задаете! Ну-съ это, батюшка, философія. Что же, можно и объ этомъ потолковать. Вотъ пріѣзжайте въ субботу. Встрѣтите у меня ученыхъ, литераторовъ, художниковъ. Тогда и поговоримъ объ общихъ вопросахъ, — сказалъ адвокатъ съ ироническимъ паѳосомъ, произнося слова: „общіе вопросы“. — Съ женой знакомы? Пріѣзжайте.

— Да, постараюсь, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что онъ говоритъ неправду, и если о чемъ постарается, то только о томъ, чтобы не быть вечеромъ у адвоката въ средѣ собирающихся у него ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Смѣхъ, которымъ отвѣтилъ адвокатъ на замѣчаніе Нехлюдова о томъ, что судъ не имѣетъ значенія, если судейскіе могутъ по своему произволу примѣнять или не примѣнять законъ, и интонація, съ которой онъ произнесъ слова: „философія“ и „общіе вопросы“, показали Нехлюдову, какъ совершенно различно онъ и адвокатъ, и, вѣроятно, и друзья адвоката смотрятъ на вещи, и какъ, несмотря на все свое теперешнее удаленіе отъ прежнихъ своихъ пріятелей, вродѣ Шенбока, Нехлюдовъ еще гораздо дальше чувствуетъ себя отъ адвоката и людей его круга.

XII.

До острога было далеко, а было уже поздно, и потому Нехлюдовъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ острогу. На одной изъ улицъ извозчикъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и добродушнымъ лицомъ, обратился къ Нехлюдову и указалъ на огромный строящійся домъ.

— Вонъ, какой домина вознесли, — сказалъ онъ, какъ будто онъ отчасти былъ виновникомъ этой постройки и гордился этимъ.

Дѣйствительно, домъ строился огромный и въ какомъ-то сложномъ, необыкновенномъ стилѣ. Прочные лѣса изъ большихъ сосновыхъ бревенъ, схваченныя желѣзными скрѣпами, окружали воздвигаемую постройку и отдѣляли ее отъ улицы тесовой оградой. По подмостямъ лѣсовъ сновали, какъ муравьи, забрызганные известью рабочіе: одни клали, другіе тесали камень, третьи вверхъ вносили тяжелыя и внизъ пустыя носилки и кадушки. Толстый и прекрасно одѣтый господинъ, вѣроятно, архитекторъ, стоя у лѣсовъ, что-то указывая наверхъ, говорилъ почтительно слушавшему владимирцу-рядчику. Изъ воротъ, мимо архитектора съ рядчикомъ, выѣзжали пустыя и въѣзжали нагруженныя подводы.

„И какъ они всѣ увѣрены, и тѣ, которые работаютъ, такъ же какъ и тѣ, которые заставляютъ ихъ работать, что это такъ и должно быть, что въ то время, какъ дома ихъ брюхатыя бабы работаютъ непосильную работу, и дѣти ихъ, въ скуфеечкахъ, передъ скорой голодной смертью, старчески улыбаются, суча ножками, имъ должно строить этотъ глупый ненужный дворецъ какому-то глупому и ненужному человѣку, одному изъ тѣхъ самыхъ, которые разоряютъ и грабятъ ихъ", думалъ Нехлюдовъ, глядя на этотъ домъ.

— Да, дурацкій домъ, — сказалъ онъ вслухъ свою мысль.

— Какъ дурацкій? — съ обидой возразилъ извозчикъ, — спасибо, народу работу даетъ, а не дурацкій.

— Да вѣдь работа ненужная.

— Стало быть нужная, коли строятъ, — возразилъ извозчикъ, — народъ кормится.

Нехлюдовъ замолчалъ, тѣмъ болѣе, что трудно было говорить отъ грохота колесъ. Недалеко отъ острога извозчикъ съѣхалъ съ мостовой на шоссе, такъ что легко было говорить, и опять обратился къ Нехлюдову.

— И что этого народа нынче въ городъ валитъ — страсть, — сказалъ онъ, поворачиваясь на козлахъ и указывая Нехлюдову на артель деревенскихъ рабочихъ съ пилами, топорами, полушубками и мѣшками за плечами, шедшихъ имъ на встрѣчу.

— Развѣ больше, чѣмъ въ прежніе года? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Куда! нынче такъ набиваются во всѣ мѣста, что бѣда. Хозяева швыряются народомъ, какъ щепками. Вездѣ полно.

— Отчего же это такъ?

— Размножилось. Дѣваться некуда.

— Такъ что же, что размножилось? Отчего же не остаются въ деревнѣ?

— Нечего въ деревнѣ дѣлать. Земли нѣтъ.

Нехлюдовъ испытывалъ то, что̀ бываетъ съ ушибленнымъ мѣстомъ. Кажется, что какъ нарочно ударяешься все больнымъ мѣстомъ. — А кажется это только потому, что только удары по больному мѣсту замѣтны.

„Неужели вездѣ то же самое“, подумалъ онъ и сталъ разспрашивать извозчика о томъ, сколько въ ихъ деревнѣ земли, и сколько у самого извозчика земли, и зачѣмъ онъ живетъ въ городѣ.

— Земли у насъ, баринъ, десятина на душу. Держимъ мы на три души, — охотно разговорился извозчикъ. — У меня дома отецъ, братъ, другой въ солдатахъ. Они управляются. Да управляться-то нечего. И то братъ хотѣлъ въ Москву уйти.

— А нельзя нанять земли?

— Гдѣ нынче нанять? Господишки, какіе были, раз-

мотали свою. Купцы всю къ рукамъ прибрали. У нихъ не откупишь, сами работаютъ. У насъ французъ владѣетъ, у прежняго барина купилъ, не сдаетъ, да и шабашъ.

— Какой французъ? Дюфаръ-французъ, можетъ, слыхали. Онъ въ большомъ театрѣ на ахтерахъ парики дѣлаетъ, дѣло хорошее, ну и нажился. У нашей барышни купилъ все имѣніе. Теперь онъ нами владѣетъ. Какъ хочетъ, такъ и ѣздитъ на насъ. Спасибо, самъ человѣкъ хорошій. Только жена у него, изъ русскихъ, такая-то собака, что не приведи Богъ. Грабитъ народъ. Бѣда. Ну, вотъ и тюрьма. Вамъ куда, къ подъѣзду? Не пущаютъ, я чай.

XIII.

Съ замираніемъ сердца и ужасомъ передъ мыслью о томъ, въ какомъ состояніи онъ нынче найдетъ Маслову, и той тайной, которая была для него и въ ней, и въ томъ соединеніи людей, которое было въ острогѣ, — позвонилъ Нехлюдовъ у главнаго входа и у вышедшаго къ нему надзирателя спросилъ про Маслову. Надзиратель справился и сказалъ, что она въ больницѣ. Нехлюдовъ пошелъ въ больницу. Добродушный старичокъ, больничный сторожъ, тотчасъ-же впустилъ его и, узнавъ, кого ему нужно было видѣть, направилъ въ дѣтское отдѣленіе.

Молодой докторъ, весь пропитанный карболовой кислотой, вышелъ къ Нехлюдову въ корридоръ и строго спросилъ его, что̀ ему нужно? Докторъ этотъ дѣлалъ всякія послабленія арестантамъ и потому постоянно входилъ въ непріятныя столкновенія съ начальствомъ тюрьмы и даже съ старшимъ докторомъ. Опасаясь того, чтобы Нехлюдовъ не потребовалъ отъ него чего-нибудь незаконнаго, и, кромѣ того, желая показать, что онъ ни для какихъ лицъ не дѣлаетъ исключеній, онъ притворился сердитымъ.

— Здѣсь нѣтъ женщинъ, здѣсь дѣтскія палаты, — сказалъ онъ.

— Я знаю, но здѣсь есть переведенная изъ тюрьмы сидѣлка-служанка.

— Да, есть тутъ двѣ. Такъ что же вамъ угодно?

— Я близко стою къ одной изъ нихъ, къ Масловой, — сказалъ Нехлюдовъ: — и вотъ желалъ бы видѣть ее, — я ѣду въ Петербургъ для подачи кассаціонной жалобы по ея дѣлу. И хотѣлъ передать вотъ это. Это только фотографическая карточка, — сказалъ Нехлюдовъ, вынимая изъ кармана конвертъ.

— Что-жъ, это можно, — сказалъ докторъ, смягчившись, и, обратившись къ старушкѣ въ бѣломъ фартукѣ, сказалъ, чтобы она позвала сидѣлку — арестантку Маслову.

— Не хотите ли присѣсть или хоть пройти въ пріемную?

— Благодарю васъ, сказалъ Нехлюдовъ и, пользуясь благопріятной для себя перемѣной въ докторѣ, спросилъ его о томъ, какъ довольны Масловой въ больницѣ.

— Ничего, работаетъ не дурно, принимая во вниманіе условія, въ которыхъ она была, — сказалъ докторъ: — впрочемъ, вотъ и она. Изъ одной двери вышла старушка сидѣлка и за нею Маслова. Она была въ бѣломъ фартукѣ на полосатомъ платьѣ, на головѣ была косынка, скрывавшая волосы. Увидавъ Нехлюдова, она вспыхнула, остановилась какъ-бы въ нерѣшительности, потомъ нахмурилась и, опустивъ глаза, быстрыми шагами направилась къ нему по полосушкѣ корридора. Подошедъ къ Нехлюдову, она хотѣла не подать руки, потомъ подала и еще больше покраснѣла. Нехлюдовъ не видалъ ее послѣ того разговора, въ которомъ она извинялась за свою горячность, и онъ теперь ожидалъ ее найти такою же, какъ тогда. Но нынче она была совсѣмъ другая, въ выраженіи лица ея было что-то новое: сдержанное, застѣнчивое и, какъ показалось Нехлюдову, недоброжелательное къ нему. Онъ сказалъ ей то же, что̀ сказалъ доктору, что ѣдетъ въ Петербургъ, и передалъ ей конвертъ съ фотографіей, которую онъ привезъ изъ Панова.

— Это я нашелъ въ Пановѣ, давнишняя фотографія, можетъ быть, вамъ пріятно. Возьмите.

Она, приподнявъ черныя брови, удивленно взглянула на

него своими косыми глазами, какъ бы спрашивая: зачѣмъ это? — и молча взяла конвертъ и положила его за фартукъ.

— Я видѣлъ тамъ тетку вашу, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Видѣли? — сказала она равнодушно.

— Хорошо-ли вамъ здѣсь? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Ничего, хорошо, — сказала она.

— Не слишкомъ трудно?

— Нѣтъ, ничего. Я не привыкла еще.

— Я за васъ очень радъ. Все лучше, чѣмъ тамъ.

— Чѣмъ гдѣ т а м ъ? сказала она, и лицо ея зажглось румянцемъ.

— Тамъ въ острогѣ, — поспѣшилъ сказать Нехлюдовъ.

— Чѣмъ же лучше? — спросила она.

— Я думаю, люди здѣсь лучше. Нѣтъ такихъ, какіе тамъ.

— Тамъ много хорошихъ, — сказала она.

— Объ Меньшовыхъ я хлопоталъ и надѣюсь, что ихъ освободятъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Это дай Богъ, такая старушка чудесная, — сказала она, повторяя свое опредѣленіе старушки, и слегка улыбнулась.

— Я нынче ѣду въ Петербургъ. Дѣло ваше будетъ слушаться скоро, и я надѣюсь, что рѣшеніе отмѣнятъ.

— Отмѣнятъ, не отмѣнятъ, теперь все равно, — сказала она.

— Отчего: теперь?

— Такъ, — сказала она, мелькомъ вопросительно взглянувъ ему въ лицо.

Нехлюдовъ понялъ это слово и этотъ взглядъ такъ, что она хочетъ знать, держится-ли онъ своего рѣшенія или принялъ ея отказъ и измѣнилъ его.

— Не знаю, отчего для васъ все равно, — сказалъ онъ. — Но для меня дѣйствительно все равно: оправдаютъ васъ или нѣтъ. Я во всякомъ случаѣ готовъ сдѣлать, что̀ говорилъ, — сказалъ онъ рѣшительно.

Она подняла голову, и черные, косящіе глаза остано-

вились и на его лицѣ, и мимо него, и все лицо ея просіяло радостью. Но она сказала совсѣмъ не то, что̀ говорили ея глаза.

— Это вы напрасно говорите, — сказала она.

— Я говорю, чтобы вы знали.

— Про это все сказано, и говорить нечего, — сказала она, съ трудомъ удерживая улыбку.

Въ палатѣ что-то зашумѣли. Послышался дѣтскій плачъ.

— Меня зовутъ, кажется, — сказала она, безпокойно оглядываясь.

— Ну, такъ прощайте, — сказалъ онъ.

Она сдѣлала видъ, что не замѣтила протянутую руку, и, не пожавъ ея, повернулась и, стараясь скрыть свое торжество, быстрыми шагами ушла по полосушкамъ корридора.

„Что въ ней происходитъ? Какъ она думаетъ? Какъ она чувствуетъ? Хочетъ-ли она испытать меня или дѣйствительно, не можетъ простить? Не можетъ она сказать всего, что̀ думаетъ и чувствуетъ, или не хочетъ? Смягчилась ли она или озлобилась?“ — спрашивалъ себя Нехлюдовъ и никакъ не могъ отвѣтить себѣ. Одно онъ зналъ — это то, что она измѣнилась, и въ ней шла важная для ея души перемѣна, и эта перемѣна соединяла его не только съ нею, но и съ тѣмъ, во имя кого совершалась эта перемѣна. И это то соединеніе приводило его въ радостно-возбужденное и умиленное состояніе.

Вернувшись въ палату, гдѣ стояло восемь дѣтскихъ кроватокъ, Маслова стала, по приказанію сестры, перестилать постель и, слишкомъ далеко перегнувшись съ простыней, поскользнулась и чуть не упала. Выздоравливающій, обвязанный по шеѣ, смотрѣвшій на нее мальчикъ засмѣялся, и Маслова не могла ужъ больше удерживаться и, присѣвъ на кровать, закатилась громкимъ и такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что нѣсколько дѣтей тоже расхохотались, а сестра сердито крикнула на нее.

— Что гогочешь? Думаешь, что ты тамъ, гдѣ была! Иди за порціями.

Маслова замолчала и, взявъ посуду, пошла, куда ее посылали, но, переглянувшись съ обвязаннымъ мальчикомъ, которому запрещено было смѣяться, опять фыркнула.

Нѣсколько разъ въ продолженіе дня, какъ только она оставалась одна, Маслова, выдвигала карточку изъ конверта и любовалась ею, но только вечеромъ, послѣ дежурства, оставшись одна въ комнаткѣ, гдѣ онѣ спали вдвоемъ съ сидѣлкой, Маслова совсѣмъ вынула изъ конверта фотографію и долго, неподвижно, лаская глазами всякую подробность и лицъ, и одеждъ, и ступенекъ балкона, и кустовъ, на фонѣ которыхъ вышли изображенныя лица его и ея, и тетушекъ, — смотрѣла на выцвѣтшую пожелтѣвшую карточку и не могла налюбоваться въ особенности собою, своимъ молодымъ, красивымъ лицомъ, съ вьющимися вокругъ лба волосами. Она такъ загляделась, что не замѣтила, какъ ея товарка-сидѣлка вошла въ комнату.

— Это что-жъ? онъ тебѣ далъ? — спросила толстая, добродушная сидѣлка, нагибаясь надъ фотографіей.

— Ужли-жъ ты это?

— А то кто-жъ? — улыбаясь глядя на лицо товарки, проговорила Маслова.

— А это кто-же, онъ самый? А это мать ему?

— Тетка. А развѣ не узнала меня? — спрашивала Маслова.

— Гдѣ узнать! ни въ жизнь не узнала-бы. Совсѣмъ вся лицо другая. Вѣдь, я чай, лѣтъ десятъ прошло съ тѣхъ поръ-то!

— Не года, а жизнь, сказала Маслова, и вдругъ все оживленіе ея прошло. Лицо стало унылое, и морщина врѣзалась между бровей.

— Чего-жъ, жизнь „тамъ" легкая, должно быть.

— Да, легкая! повторила Маслова, закрывъ глаза и качая головой. — Хуже каторги!

— Да чѣмъ — же такъ?

— А тѣмъ же! отъ 8 вечера и до 4 утра, это каждый день.

— Такъ отчего же не бросаютъ?

— И хотятъ бросить, да нельзя. Да что говорить, — вскрикнула Маслова, вскочила, швырнула фотографію въ ящикъ столика и, насилу удерживая злыя слезы, выбѣжала въ корридоръ, хлопнувъ дверью. Глядя на фотографію, она чувствовала себя такой, какой она была изображена на ней, и мечтала о томъ, какъ она была счастлива тогда и могла бы еще быть счастлива съ нимъ. Слова товарки напомнили ей то, что̀ она была теперь, и то, что̀ она была тамъ, — напомнили ей весь ужасъ той жизни, который она тогда смутно чувствовала, но не позволяла себѣ сознавать.

Теперь только она живо вспомнила всѣ эти ужасныя ночи и особенно одну на масленицѣ, когда ожидала студента, обѣщавшаго выкупить ее. Вспомнила она, какъ она въ открытомъ, залитомъ виномъ, красномъ шелковомъ платьѣ, съ краснымъ бантомъ въ спутанныхъ волосахъ, измученная и ослабѣвшая и опьяненная, проводивши гостей, къ двумъ часамъ ночи, подсѣла въ промежутокъ танцевъ къ худой, костлявой, прыщеватой аккомпаньяторшѣ скрипача и стала жаловаться ей на свою тяжелую жизнь, и какъ эта аккомпаньяторша тоже говорила, что тяготится своимъ положеніемъ и хочетъ перемѣнить его, и какъ къ нимъ подошла Клара, и какъ онѣ вдругъ рѣшили всѣ три бросить эту жизнь. Онѣ думали, что нынѣшняя ночь кончена, и хотѣли расходиться, какъ вдругъ зашумѣли въ передней пьяные гости. Скрипачъ сыгралъ ритурнель, аккомпаньяторша заколотила на пьянино аккомпаниментъ развеселой русской пѣсни первой фигуры кадрили; маленькій, пьяный, воняющій виномъ и икающій человѣчекъ въ бѣломъ галстукѣ и фракѣ, который онъ снялъ во второй фигурѣ, подхватилъ ее, а другой, — толстякъ, съ бородой, тоже во фракѣ (они пріѣхали съ какого-то бала) — подхватилъ Клару, и они долго вертѣлись, плясали, кричали, пили . . .

И такъ шло годъ, и два, и три. Какъ же не измѣниться! И причиной этого всего былъ онъ. И въ ней вдругъ поднялось опять прежнее озлобленіе къ нему, захотѣлось

бранить, упрекать его. Она жалѣла, что упустила случай нынче высказать ему еще разъ — что она знаетъ его и не поддается ему, не позволитъ ему духовно воспользоваться ею, какъ онъ воспользовался ею тѣлесно, не позволитъ ему сдѣлать ее предметомъ своего великодушія. И чтобы какъ нибудь затушить это мучительное чувство жалости къ себѣ и безполезнаго упрека ему, ей захотѣлось вина. И она не сдержала бы слова и выпила бы вина, если бы была въ острогѣ. Здѣсь-же достать вина нельзя было иначе, какъ у фельдшера, а фельдшера она боялась, потому что онъ приставалъ къ ней. Отношенія же съ мужчинами были ей противны. Посидѣвъ на лавочкѣ въ корридорѣ, она вернулась въ коморку и, не отвѣчая товаркѣ, долго плакала надъ своей погубленной жизнью.

XIV.

Въ Петербургѣ у Нехлюдова было три дѣла: кассаціонное прошеніе Масловой въ сенатѣ, дѣло Өедосьи Бирюковой въ комиссіи прошеній и, по порученію Вѣры Богодуховской, дѣло въ жандармскомъ управленіи, или въ 3-мъ отдѣленіи, объ освобожденіи Шустовой и о свиданіи матери съ сыномъ, содержащимся въ крѣпости, о которомъ прислала ему записку Вѣра Богодуховская. Эти оба дѣла онъ считалъ за одно третье дѣло. И четвертое дѣло было дѣло сектантовъ, ссылаемыхъ отъ своихъ семей на Кавказъ за то, что они читали и толковали Евангеліе. Онъ обѣщалъ не столько имъ, сколько себѣ, сдѣлать для разъясненія этого дѣла все, что̀ только будетъ возможно.

Со времени своего послѣдняго посѣщенія Масленникова, въ особенности, послѣ своей поѣздки въ деревню, Нехлюдовъ, не то что рѣшилъ, но всѣмъ существомъ почувствовалъ отвращеніе къ той своей средѣ, въ которой онъ жилъ до сихъ поръ, — къ той средѣ, гдѣ такъ старательно скрыты были страданія, несомыя милліонами людей для обезпеченія удобствъ и удовольствій малаго числа, что люди этой среды не видятъ и не могутъ видѣть этихъ страданій, а потому и

жестокости, и преступности своей жизни. Нехлюдовъ теперь уже не могъ безъ неловкости и упрека самому себѣ общаться съ людьми этой среды. А, между тѣмъ, въ эту среду влекли его привычки его прошедшей жизни; влекли и родственныя, и дружескія отношенія, и, главное, то, что, для того, чтобы дѣлать то, что̀ теперь одно занимало его, помочь и Масловой, и всѣмъ тѣмъ страдающимъ, которымъ онъ хотѣлъ помочь, онъ долженъ былъ просить помощи и услугъ отъ людей этой среды, не только не уважаемыхъ, но часто вызывающихъ въ немъ негодованіе и презрѣніе.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись у своей тетки по матери, графини Чарской, жены бывшаго министра, Нехлюдовъ сразу попалъ въ самую сердцевину ставшаго ему столь чуждымъ аристократическаго общества. Ему непріятно было это, а нельзя было поступить иначе. Остановиться не у тетушки, а въ гостиницѣ, значило обидѣть ее, и-между тѣмъ тетушка имѣла большія связи и могла быть въ высшей степени полезна во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ онъ намѣревался хлопотать.

— Ну, что̀ я слышу про тебя? — Какія-то чудеса, — говорила ему графиня Екатерина Ивановна, поя его кофеемъ тотчасъ послѣ его пріѣзда. — Vous posez pour un Howard. Помогаешь преступникамъ. Ѣздишь по тюрьмамъ. Исправляешь.

— Да нѣтъ, я и не думаю.

— Что-жъ, это хорошо. Только тутъ какая-то романическая исторія. Ну-ка, разскажи.

Нехлюдовъ разсказалъ свои отношенія къ Масловой, — все, какъ было.

— Помню, помню, бѣдная Эленъ говорила мнѣ что-то тогда, когда ты у тѣхъ старушекъ жилъ, онѣ тебя, кажется, женить хотѣли на своей воспитанницѣ (графиня Екатерина Ивановна всегда презирала тетокъ Нехлюдова по отцу) ... — Такъ это она? Elle est encore jolie?

Тетушка Екатерина Ивановна была 60-лѣтняя здоровая, веселая, энергичная, болтливая женщина. Ростомъ она была

высока и очень полная, на губѣ у нея были замѣтны черные усы. Нехлюдовъ любилъ ее и съ дѣтства еще привыкъ заражаться ея энергіею и веселостью.

— Нѣтъ, ma tante, это все кончено. Мнѣ только хотѣлось помочь ей, потому что, во-первыхъ, она невинно осуждена, и я въ этомъ виноватъ, виноватъ и во всей ея судьбѣ. Я чувствую себя обязаннымъ сдѣлать для нея, что̀ могу.

— Но какъ же мнѣ говорили, что ты хочешь жениться на ней?

— Да и хотѣлъ, но она не хочетъ.

Екатерина Ивановна, выпятивъ лобъ и опустивъ зрачки, удивленно и молча посмотрѣла на племянника. Вдругъ лицо ея измѣнилось, и на немъ выразилось удовольствіе.

— Ну, она умнѣе тебя. Ахъ, какой ты дуракъ! И ты бы женился на ней?

— Непремѣнно.

— Послѣ того, что̀ она была?

— Тѣмъ болѣе. Вѣдь я всему виною.

— Нѣтъ, ты просто оболтусъ, — сказала тетушка, удерживая улыбку. — Ужасный оболтусъ, но я тебя именно за это люблю, что ты такой ужасный оболтусъ — повторяла она, — видимо, особенно полюбивъ это слово, вѣрно передававшее въ ея глазахъ умственное и нравственное состояніе ея племянника. — Ты знаешь, какъ это кстати, продолжала она. — У Aline удивительный пріютъ Магдалинъ. Я была разъ. Онѣ препротивныя: я потомъ все мылась. Но Aline corps et âme занята этимъ. Такъ мы ее, твою, къ ней отдадимъ. Ужъ если кто исправитъ, такъ это Aline.

— Да вѣдь она приговорена въ каторгу. Я затѣмъ пріѣхалъ, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ этого рѣшенія. Это мое первое дѣло къ вамъ.

— Вотъ какъ, гдѣ же это дѣло объ ней

— Въ сенатѣ.

— Въ сенатѣ? Да, мой милый cousin Левушка въ сенатѣ. Да, впрочемъ, онъ въ департаментѣ герольдіи. Ну, а изъ настоящихъ я не знаю никого. Все это Богъ знаетъ

кто, или нѣмцы: Ге, Фе, Де — tout l'alphabet, или разные Ивановы, Семеновы, Никитины, или Иваненко, Симоненко, Никитенко pour varier. Des gens de l'autre monde. Ну, все-таки я скажу мужу. Онъ ихъ знаетъ. Онъ всякихъ людей знаетъ. Я ему скажу. А ты ему растолкуй, а то онъ никогда меня не понимаетъ. Что бы я ни говорила, онъ говоритъ, что ничего не понимаетъ. C'est un parti pris. Всѣ понимаютъ, только онъ не понимаетъ.

Въ это время лакей въ чулкахъ принесъ на серебряномъ подносѣ письмо.

— Какъ разъ отъ Aline! Вотъ ты и Кизеветера услышишь.

— Кто это — Кизеветеръ?

— Кизеветеръ? Вотъ приходи нынче. Ты и узнаешь, кто онъ такой. Онъ такъ говоритъ, что самые закоренѣлые преступники бросаются на колѣни и плачутъ, и раскаиваются.

Графиня Екатерина Ивановна, какъ это ни странно было и какъ ни мало это шло къ ея характеру, была горячая сторонница того ученія, по которому считалось, что сущность христіанства заключается въ вѣрѣ въ искупленіе. Она ѣздила на собранія, гдѣ проповѣдывалось это, бывшее моднымъ тогда, ученіе и собирала у себя вѣрующихъ. Несмотря на то, что по этому ученію отвергались не только всѣ обряды, иконы, но и таинства, у графини Екатерины Ивановны во всѣхъ комнатахъ, и даже надъ ея постелью, были иконы, и она исполняла все требуемое церковью, не видя въ этомъ никакого противорѣчія.

— Вотъ бы твоя Магдалина послушала его; она бы обратилась, — сказала графиня. А ты непремѣнно будь дома вечеромъ. Ты услышишь его. Это удивительный человѣкъ.

— Мнѣ это не интересно, ma tante.

— А я тебѣ говорю, что интересно. И ты непремѣнно пріѣзжай. Ну, говори еще, что̀ тебѣ отъ меня нужно? Videz votre sac.

— А еще дѣло въ крѣпости.

— Въ крѣпости? Ну, туда я могу дать тебѣ записку къ барону Кригсмуту. C'est un très brave homme. Да ты самъ его знаешь. Онъ съ твоимъ отцомъ товарищъ. Il donne dans le spiritisme. Ну, да это ничего. Онъ добрый. Чтò же тебѣ тамъ надо?

— Надо просить о томъ, чтобы разрѣшили свиданье матери съ сыномъ, который тамъ сидитъ. Но мнѣ говорили, что это не отъ Кригсмута зависитъ, а отъ Червянскаго.

— Червянскаго я не люблю, но вѣдь это мужъ Mariette. Можно ее попросить. Она сдѣлаетъ для меня. Elle est très gentille.

— Надо просить еще объ одной женщинѣ. Она сидитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и никто не знаетъ за что.

— Ну нѣтъ, она то сама, навѣрно, знаетъ за что. Онѣ очень хорошо знаютъ. И имъ, этимъ стриженымъ, подѣломъ.

— Я не знаю, подѣломъ или нѣтъ. Но онѣ страдаютъ. Вы — христіанка и вѣрите евангелію, а такъ безжалостны.

— Ничего это не мѣшаетъ. Евангеліе — евангеліемъ, а чтò противно—то противно. Хуже будетъ, если буду притворяться, что люблю нигилистовъ и, главное, стриженыхъ нигилистокъ, когда я ихъ терпѣть не могу.

— За что же вы ихъ терпѣть не можете?

— Послѣ 1-го марта, спрашиваешь: за что?

— Да не всѣ же участницы 1-го марта.

— Все равно: зачѣмъ мѣшаются не въ свое дѣло. Не женское это дѣло.

— Ну, да вотъ Mariette, вы находите, что можетъ заниматься дѣлами, сказалъ Нехлюдовъ:

— Mariette? Mariette — Mariette. А это Богъ знаетъ кто, Халтюпкина какая-то, хочетъ всѣхъ учить.

— Не учить, а просто хотятъ помочь народу.

— Безъ нихъ знаютъ, кому надо и кому не надо помочь.

— Да вѣдь народъ бѣдствуетъ. Вотъ я сейчасъ изъ

деревни пріѣхалъ. Развѣ это надо, чтобъ мужики работали изъ послѣднихъ силъ и не ѣли до сыта, а чтобы мы жили въ страшной роскоши, — говорилъ Нехлюдовъ, невольно добродушіемъ тетушки вовлекаемый въ желаніе высказать ей все, что̀ онъ думалъ.

— А ты что-жъ хочешь, чтобы я работала и ничего не ѣла?

— Нѣтъ, я не хочу, чтобъ вы не кушали, — невольно улыбаясь, отвѣчалъ Нехлюдовъ, — а хочу только, чтобы мы всѣ работали, и всѣ кушали.

Тетушка, опять опустивъ лобъ и зрачки, съ любопытствомъ уставилась на него.

— Mon cher, vous finirez mal, — сказала она.

— Да отчего же?

Въ это время въ комнату вошелъ высокій, широкоплечій генералъ. Это былъ мужъ графини, Чарскій, отставной министръ.

— А, Дмитрій, здравствуй, — сказалъ онъ, подставляя ему свѣже-выбритую щеку. — Когда пріѣхалъ?

Онъ молча поцѣловалъ въ лобъ жену.

— Non, il est impayable, — обратилась графиня Екатерина Ивановна къ мужу. — Онъ мнѣ велитъ идти на рѣчку бѣлье полоскать и ѣсть одинъ картофель. Онъ ужасный дуракъ, но все-таки ты ему сдѣлай, что̀ онъ тебя проситъ. Ужасный оболтусъ, — поправилась она. — А ты слышалъ, Каменская, говорятъ, въ такомъ отчаяніи, что боятся за ея жизнь, — обратилась она къ мужу, — ты бы съѣздилъ къ ней.

— Да, это ужасно, — сказалъ мужъ.

— Ну, идите съ нимъ говорить, а мнѣ нужно письма писать.

Только что Нехлюдовъ вышелъ въ комнату подлѣ гостиной, какъ она закричала ему оттуда:

— Такъ написать Mariette?

— Пожалуйста, ma tante.

— Такъ я оставлю en blanc, что тебѣ нужно о стриже-

ной, а она ужъ велитъ своему мужу. И онъ сдѣлаетъ. Ты не думай, что я злая. Онѣ всѣ препротивныя, твои protégées, но — je ne leur veux pas de mal. Богъ съ ними, ну, ступай. А вечеромъ непремѣнно будь дома, — услышишь Кизеветера. И мы помолимся. И если ты только не будешь противиться, ça vous fera beaucoup de bien. Я вѣдь знаю, и Эленъ, и вы всѣ очень отстали въ этомъ. Такъ до свиданья.

XV.

Графъ Иванъ Михайловичъ былъ отставной министръ и человѣкъ очень твердыхъ убѣжденій. Убѣжденія графа Ивана Михайловича съ молодыхъ лѣтъ состояли въ томъ, что, какъ птицѣ свойственно питаться червяками, быть одѣтой перьями и пухомъ и летать по воздуху, такъ и ему свойственно питаться дорогими кушаньями, приготовленными дорогими поварами, быть одѣтымъ въ самую покойную и дорогую одежду, ѣздить на самыхъ покойныхъ и быстрыхъ лошадяхъ, и что, поэтому, это все должно быть для него готово. Кромѣ того, графъ Иванъ Михайловичъ считалъ, что чѣмъ больше у него будетъ полученія всякаго рода денегъ изъ казны, чѣмъ больше будетъ орденовъ, до алмазныхъ знаковъ чего-то включительно, и чѣмъ чаще онъ будетъ видѣться и говорить съ высокопоставленными особами обоихъ половъ, тѣмъ будетъ лучше. Все же остальное, въ сравненіи съ этими основными догматами, графъ Иванъ Михайловичъ считалъ ничтожнымъ и неинтереснымъ. Все остальное могло быть такъ, или совершенно обратно. Соотвѣтственно этой вѣрѣ графъ Иванъ Михайловичъ жилъ и дѣйствовалъ въ Петербургѣ впродолженіе 40 лѣтъ и по истеченіи 40 лѣтъ достигъ поста министра.

Главныя качества графа Ивана Михайловича, посредствомъ которыхъ онъ достигъ этого, состояли въ томъ, во-первыхъ, что онъ умѣлъ понимать смыслъ написанныхъ бумагъ и законовъ и, хотя и нескладно, но умѣлъ составлять

удобопонятныя бумаги и писать ихъ безъ орѳографическихъ ошибокъ; во-вторыхъ въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно представителенъ и, гдѣ нужно было, могъ являть видъ не только гордости, но неприступности и величія, а гдѣ нужно было, могъ быть подобострастенъ до страстности и подлости; въ-третьихъ, въ томъ, что у него не было никакихъ общихъ принциповъ или правилъ, ни нравственныхъ, ни государственныхъ, и что онъ, поэтому, со всѣми могъ быть согласенъ, когда это нужно было, и, когда это нужно было, могъ быть со всѣми несогласенъ. Поступая такъ, онъ старался только о томъ, чтобы былъ выдержанъ тонъ, и не было явнаго противорѣчія самому себѣ, къ тому же, нравственны или безнравственны его поступки сами по себѣ, и произойдетъ ли отъ нихъ величайшее благо, или величайшій вредъ для Россійской имперіи или для всего міра, — онъ былъ совершенно равнодушенъ.

Когда онъ сдѣлался министромъ, не только всѣ зависящіе отъ него (а зависѣло отъ него очень много людей и приближенныхъ), — но и всѣ посторонніе люди и онъ самъ были увѣрены, что онъ очень умный государственный человѣкъ. Но когда прошло извѣстное время, и онъ ничего не устроилъ, ничего не показалъ, и когда, по закону борьбы за существованіе, точно такіе же, какъ и онъ, научившіеся писать и понимать бумаги, представительные и безпринципные чиновники вытѣснили его, и онъ долженъ былъ выйдти въ отставку, то всѣмъ стало ясно, что онъ былъ не только не особенно умный человѣкъ, но очень ограниченный и мало образованный, хотя и очень самоувѣренный человѣкъ, который едва-едва поднимался въ своихъ взглядахъ до уровня передовыхъ статей консервативныхъ газетъ. Оказалось, что въ немъ ничего не было отличающаго его отъ другихъ мало образованныхъ, и самоувѣренныхъ чиновниковъ, которые его вытѣснили, и онъ самъ понялъ это, но это нисколько не поколебало его убѣжденій въ томъ, что онъ долженъ каждый годъ получать большое количество казенныхъ денегъ и новыя украшенія для своего параднаго наряда.

Это убѣжденіе было такъ сильно, что никто не рѣшался отказать ему въ этомъ, и онъ получалъ каждый годъ, въ видѣ отчасти пенсіи, отчасти вознагражденія за членство въ высшемъ государственномъ учрежденіи и за предсѣдательство въ разныхъ коммисіяхъ, комитетахъ, нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и, сверхъ того, высоко цѣнимыя имъ всякій годъ новыя права на нашивку новыхъ галуновъ на свои плечи или панталоны и на поддѣваніе подъ фракъ новыхъ ленточекъ и эмалевыхъ звѣздочекъ. Вслѣдствіе этого, у графа Ивана Михайловича были большія связи.

Графъ Иванъ Михайловичъ выслушалъ Нехлюдова такъ, какъ онъ, бывало, выслушивалъ доклады правителя дѣлъ, и, выслушавъ, сказалъ, что онъ дастъ ему двѣ записки: одну къ сенатору Вольфу — кассаціоннаго департамента. „Говорятъ про него разное, но dans tous les cas c'est un homme très comme il faut“, сказалъ онъ. — „И онъ мнѣ обязанъ и сдѣлаетъ, что можетъ.“ Другую записку графъ Иванъ Михайловичъ далъ къ вліятельному лицу въ комиссіи прошеній. Дѣло Ѳедосьи Бирюковой, какъ его разсказалъ ему Нехлюдовъ, очень заинтересовало его. Когда Нехлюдовъ сказалъ ему, что онъ хотѣлъ писать письмо императрицѣ, онъ сказалъ, что, дѣйствительно, это дѣло очень трогательное и можно бы, при случаѣ, разсказать это тамъ. Но обѣщать онъ не могъ. Пускай прошеніе пойдетъ своимъ порядкомъ. А если будетъ случай, — подумалъ онъ, — если позовутъ на petit comité въ четвергъ, онъ, можетъ быть, скажетъ.

Получивъ обѣ записки отъ графа, и записку къ Mariette отъ тетушки, Нехлюдовъ тотчасъ же отправился по всѣмъ этимъ мѣстамъ.

Прежде всего онъ направился къ Mariette. Онъ зналъ ее дѣвочкой-подросткомъ, небогатаго аристократическаго семейства, зналъ, что она вышла за дѣлавшаго карьеру человѣка, про котораго онъ слыхалъ нехорошія вещи, и Нехлюдову было, какъ всегда, мучительно-тяжело обращаться съ просьбой къ человѣку, котораго онъ не уважалъ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда чувствовалъ внутренній разладъ и не-

довольство собой и колебаніе: просить или не просить, но всегда рѣшалъ, что надо просить. Кромѣ того, что онъ чувствовалъ фальшь въ этомъ положеніи просителя среди людей, которыхъ онъ уже не считалъ своими, но которые его считали своимъ — онъ чувствовалъ, что вступалъ въ прежнюю привычную колею и невольно поддавался тому легкомысленному и безнравственному тону, который царствовалъ въ этомъ кружкѣ. Онъ это испыталъ уже у тетушки Екатерины Ивановны. Онъ уже нынче утромъ, говоря съ нею о самыхъ серьезныхъ вещахъ, впадалъ въ шуточный тонъ.

Вообще Петербургъ, въ которомъ онъ давно не былъ, производилъ на него свое обычное физически-подбадривающее и нравственно-притупляющее впечатлѣніе.

Все такъ чисто, удобно, благоустроенно; а главное, люди такъ нравственно нетребовательны, что жизнь кажется особенно легкой.

Прекрасный, чистый, учтивый извозчикъ повезъ его мимо прекрасныхъ, учтивыхъ, чистыхъ городовыхъ, по прекрасной, чисто политой мостовой, мимо прекрасныхъ, чистыхъ домовъ къ тому дому, въ которомъ жила Mariette.

У подъѣзда стояла пара англійскихъ лошадей въ шорахъ, и похожій на англичанина кучеръ съ бакенбардами до половины щекъ, въ ливреѣ, съ бичомъ и гордымъ видомъ сидѣлъ на козлахъ.

Швейцаръ въ необыкновенно чистой ливреѣ отворилъ дверь въ сѣни, гдѣ стоялъ въ еще болѣе чистой ливреѣ съ галунами выѣздной лакей съ великолѣпно расчесанными бакенбардами и дежурный вѣстовой въ новомъ чистомъ мундирѣ.

— Генералъ не принимаютъ. Генеральша тоже. Онѣ сейчасъ изволятъ ѣхать.

Нехлюдовъ отдалъ письмо графини Екатерины Ивановны и, доставъ карточку, подошелъ къ столику, на которомъ лежала книга для записи посѣтителей, и началъ уже писать, что очень жалѣетъ, что не засталъ, какъ лакей подвинулся

къ лѣстницѣ, швейцаръ вышелъ на подъѣздъ, крикнувъ: „подавай“, а вѣстовой, вытянувшись, руки по швамъ, замеръ, встрѣчая и провожая глазами сходившую съ лѣстницы быстрой, несоотвѣтственной ея важности походкой, невысокую тоненькую барыню.

Mariette была въ большой шляпѣ съ перомъ и въ черномъ платьѣ, въ черной накидкѣ и въ новыхъ черныхъ перчаткахъ; лицо ея было закрыто вуалью.

Увидѣвъ Нехлюдова, она подняла вуаль, открыла очень миловидное лицо съ блестящими глазами и вопросительно взглянула на него.

— А, князь Дмитрій Ивановичъ, — веселымъ, пріятнымъ голосомъ проговорила она. Я бы узнала...

— Какъ, вы даже помните, какъ меня зовутъ?

— Какъ же, мы съ сестрой даже въ васъ влюблены были, — заговорила она по-французски: — но какъ вы перемѣнились. Ахъ какъ жаль, что я уѣзжаю. Впрочемъ, пойдемъ назадъ, — сказала она, останавливаясь въ нерѣшительности.

Она взглянула на стѣнные часы.

— Нѣтъ, нельзя. Я на панихиду ѣду къ Каменской. Она ужасно убита.

— А что это за Каменская?

— Развѣ вы не слыхали? Ея сынъ убитъ на дуэли. Дрались съ Позеномъ. Единственный сынъ. Ужасно. Мать такъ убита.

— Да, я слышалъ.

— Нѣтъ, лучше я поѣду, а вы приходите завтра, или нынче вечеромъ, — сказала она и быстрыми, легкими шагами пошла въ выходную дверь.

— Нынче вечеромъ не могу, — отвѣчалъ онъ, выходя съ ней вмѣстѣ на крыльцо. — А у меня вѣдь дѣло къ вамъ, сказалъ онъ, глядя на пару рыжихъ, подъѣзжавшихъ къ крыльцу.

— Что такое?

— А вотъ записка объ этомъ отъ тетушки, — сказалъ

Нехлюдовъ, подавая ей узенькій конвертъ съ большимъ вензелемъ: — Тамъ вы все увидите.

— Я знаю, графиня Екатерина Ивановна думаетъ, что я имѣю вліяніе на мужа въ дѣлахъ. Она заблуждается. Я ничего не могу и не хочу вступаться. Но разумѣется для графини и васъ я готова отступить отъ своего правила. Въ чемъ же дѣло? — говорила она, маленькой рукой въ черной перчаткѣ тщетно отыскивая карманъ.

— Посажена въ крѣпость одна дѣвушка, а она больная и не замѣшана.

— А какъ ея фамилія?

— Шустова. Лидія Шустова. Въ запискѣ есть.

— Ну хорошо, я попытаюсь сдѣлать, — сказала она и легко вошла въ мягко капитонированную коляску, блестѣвшую на солнцѣ лакомъ своихъ крыльевъ, и раскрыла зонтикъ. Лакей сѣлъ на козлы и далъ знакъ кучеру ѣхать. Коляска двинулась, но въ ту же минуту она дотронулась зонтикомъ до спины кучера, и тонкокожія красавицы, англизированныя кобылы, поджимая затянутыя мундштуками красивыя головы, остановились, перебирая тонкими ногами.

— А вы приходите, но, пожалуйста, безкорыстно, — сказала она, и улыбнулась улыбкой, силу которой она хорошо знала, и, какъ будто окончивъ представленіе, опустила занавѣсъ, — спустила вуаль. Ну, поѣдемъ, — она опять тронула зонтикомъ кучера.

Нехлюдовъ поднялъ шляпу. А рыжія, чистокровныя кобылы, пофыркивая, забили подковами по мостовой, и экипажъ быстро покатилъ, только кое-гдѣ мягко подпрыгивая своими новыми шинами на неровностяхъ пути.

XVI.

Вспоминая улыбку, которою онъ обмѣнялся съ Mariette, Нехлюдовъ покачалъ на себя головою:

„Не успѣешь оглянуться, какъ втянешься опять въ эту жизнь,“ подумалъ онъ, испытывая ту раздвоенность и сомнѣнія, которыя въ немъ вызывала необходимость заискиванія

въ людяхъ, которыхъ онъ не уважалъ. Сообразивъ, куда прежде, куда послѣ ѣхать, чтобъ не возвращаться, Нехлюдовъ прежде всего направился въ сенатъ; его проводили въ канцелярію, гдѣ онъ въ великолѣпнѣйшемъ помѣщеніи увидалъ огромное количество чрезвычайно учтивыхъ и чистыхъ чиновниковъ.

Прошеніе Масловой было получено и передано на разсмотрѣніе и докладъ тому самому сенатору Вольфу, къ которому у него было письмо отъ дяди, объяснили Нехлюдову чиновники.

— Засѣданіе же сената будетъ на этой недѣлѣ, — дѣло Масловой едва ли попадетъ въ это засѣданіе. Если же попросить, то можно надѣяться, что пустятъ и на этой недѣлѣ, въ среду, — сказалъ одинъ.

Въ канцеляріи сената, пока Нехлюдовъ дожидался дѣлаемой справки, онъ слышалъ опять разговоръ о дуэли и подробный разсказъ о томъ, какъ убитъ былъ молодой Каменскій. Здѣсь онъ первый разъ узналъ подробности этой, занимавшей весь Петербургъ, исторіи. Дѣло было въ томъ, что офицеры ѣли въ лавкѣ устрицы и, какъ всегда, много пили. Одинъ сказалъ что-то неодобрительно о полку, въ которомъ служилъ Каменскій; Каменскій назвалъ того лгуномъ. Тотъ ударилъ Каменскаго. На другой день дрались, и Каменскому попала пуля въ животъ, и онъ умеръ черезъ два часа. Убійца и секунданты арестованы, но, какъ говорятъ, хотя ихъ и посадили на гауптвахту, ихъ выпустятъ черезъ двѣ недѣли.

Изъ канцеляріи сената Нехлюдовъ поѣхалъ въ комиссію прошеній, къ имѣвшему въ ней вліяніе чиновнику, барону Воробьеву, занимавшему великолѣпное помѣщеніе въ казенномъ домѣ. Швейцаръ и лакей объявили строго Нехлюдову, что видѣть барона нельзя помимо пріемныхъ дней, что онъ нынче у государя императора, а завтра опять докладъ. Нехлюдовъ передалъ письмо и поѣхалъ къ сенатору Вольфу.

Вольфъ только-что позавтракалъ и, по обыкновенію, поощряя пищевареніе куреніемъ сигары и прогулкой по ком-

натѣ, принялъ Нехлюдова. Владиміръ Васильевичъ Вольфъ былъ, дѣйствительно, un homme très comme il faut, и это свое свойство ставилъ выше всего, съ высоты его смотрѣлъ на всѣхъ другихъ людей и не могъ не цѣнить высоко этого свойства, потому что, благодаря только ему, онъ сдѣлалъ блестящую карьеру, ту самую, какую желалъ, т. е. посредствомъ женитьбы пріобрѣлъ состояніе, дающее 18 тысячъ дохода, и своими трудами—мѣсто сенатора. Онъ считалъ себя не только un homme très comme il faut, но еще и человѣкомъ рыцарской честности. Подъ честностью же онъ разумѣлъ то, чтобы не брать съ частныхъ лицъ потихоньку взятокъ. Выпрашивать же себѣ всякаго рода прогоны, подъемные, аренды отъ казны, рабски исполняя за то все, что̀ ни требовало отъ него правительство, онъ не считалъ безчестнымъ. Погубить же, разорить, быть причиной ссылки и заточенія сотенъ невинныхъ людей, вслѣдствіе ихъ привязанности къ своему народу и религіи отцовъ, какъ онъ сдѣлалъ это въ то время, какъ былъ губернаторомъ въ одной изъ губерній Царства Польскаго, онъ не только не считалъ безчестнымъ, но считалъ подвигомъ благородства, мужества, патріотизма; не считалъ также безчестнымъ то, что онъ обобралъ влюбленную въ себя жену и свояченицу. Напротивъ, считалъ это разумнымъ устройствомъ своей семейной жизни. Семейную жизнь Владиміра Васильевича составляли его безличная жена, свояченица, состояніе которой онъ также прибралъ къ рукамъ, продавъ ея имѣніе и положивъ деньги на свое имя, и кроткая, запуганная, некрасивая дочь, ведшая одинокую тяжелую жизнь, развлеченіе въ которой она нашла за послѣднее время въ евангелизмѣ, въ собраніяхъ у Aline и у графини Катерины Ивановны. Сынъ же Владиміра Васильевича, добродушный, обросшій бородой уже въ пятнадцать лѣтъ и съ тѣхъ поръ начавшій пить и развратничать, что онъ и продолжалъ дѣлать до двадцатилѣтняго возраста, былъ изгнанъ изъ дома за то, что онъ нигдѣ не кончилъ курса и, вращаясь въ дурномъ обществѣ и дѣлая долги, компрометировалъ отца. Отецъ одинъ разъ заплатилъ за сына

230 рублей долга, заплатилъ и другой разъ 600 рублей, но объявилъ ему, что это послѣднiй разъ, что если онъ не исправится, то онъ выгонитъ его изъ дому и прекратитъ съ нимъ сношенiя; сынъ не только не исправился, но сдѣлалъ еще тысячу рублей долга и позволилъ себѣ сказать отцу, что ему и такъ дома жить мученiе. Тогда Владимiръ Васильевичъ объявилъ сыну, что онъ можетъ отправляться, куда хочетъ, что онъ не сынъ ему. Съ тѣхъ поръ Владимiръ Васильевичъ дѣлалъ видъ, что у него нѣтъ сына, и домашнiе никто не смѣли говорить ему о сынѣ, и Владимiръ Васильевичъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ наилучшимъ образомъ устроилъ свою семейную жизнь.

Вольфъ съ ласковой и нѣсколько насмѣшливой улыбкой (это была его манера, невольное выраженiе сознанiя своего комильфотнаго превосходства надъ большинствомъ людей), остановившись въ своей прогулкѣ по кабинету, поздоровался съ Нехлюдовымъ и прочелъ записку.

— Прошу покорно, садитесь, а меня извините. Я буду ходить, если позволите, — сказалъ онъ, заложивъ руки въ карманы своей куртки и ступая легкими, мягкими шагами по дiагонали большого, строгаго стиля кабинета. — Очень радъ съ вами познакомиться и, само собой, сдѣлать угодное графу Ивану Михайловичу, — говорилъ онъ, выпуская душистый голубоватый дымъ и осторожно относя сигару ото рта, чтобы не сронить пепелъ.

— Я только попросилъ бы о томъ, чтобы дѣло слушалось поскорѣе, потому что, если подсудимой придется ѣхать въ Сибирь, то желательно ѣхать пораньше, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да, да, съ первыми пароходами изъ Нижняго, знаю, сказалъ Вольфъ съ своей снисходительной улыбкой, всегда все знавшiй впередъ, что̀ только начинали ему говорить. — Какъ фамилiя подсудимой?

— Маслова...

Вольфъ подошелъ къ столу и взглянулъ въ бумагу, лежавшую на картонѣ съ дѣлами.

— Такъ, такъ, Маслова. Хорошо, я попрошу товарищей. Мы выслушаемъ дѣло въ среду.

— Могу я такъ телеграфировать адвокату?

— А у васъ адвокатъ? Зачѣмъ это? Но если хотите, что-жъ.

— Поводы къ кассаціи могутъ быть недостаточны, — сказалъ Нехлюдовъ, — но по дѣлу, я думаю, видно, что обвиненіе произошло отъ недоразумѣнія.

— Да, да, это можетъ быть, но сенатъ не можетъ разсматривать дѣло по существу, — сказалъ Владиміръ Васильевичъ строго, глядя на пепелъ. — Сенатъ слѣдитъ только за правильностью примѣненія закона и толкованія его.

— Это, мнѣ кажется, исключительный случай.

— Знаю, знаю. Всѣ случаи исключительные. Мы сдѣлаемъ, что̀ должно. Вотъ и все. — Пепелъ все еще держался, но уже далъ трещину и былъ въ опасности. — А вы въ Петербургѣ рѣдко бываете? — сказалъ Вольфъ, держа сигару такъ, чтобы пепелъ не упалъ. Пепелъ всетаки заколебался, и Вольфъ осторожно поднесъ его къ пепельницѣ, куда онъ и обрушился.

— А какое ужасное событіе съ Каменскимъ, — сказалъ онъ. — Прекрасный молодой человѣкъ. Единственный сынъ. Особенно, положеніе матери, — говорилъ онъ, повторяя почти слово въ слово все то, что̀ всѣ въ Петербургѣ говорили въ это время о Каменскомъ. Поговоривъ еще о графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и ея увлеченіи новымъ религіознымъ направленіемъ, которое Владиміръ Васильевичъ не осуждалъ и не оправдывалъ, но которое при его комильфотности, очевидно, было для него излишне, онъ позвонилъ.

Нехлюдовъ откланялся.

— Если вамъ удобно, приходите обѣдать, — сказалъ Вольфъ, подавая руку, — хоть въ среду. Я и отвѣтъ вамъ дамъ положительный.

Было уже поздно, и Нехлюдовъ поѣхалъ домой, т. е. къ тетушкѣ.

XVII.

Обѣдали у графини Екатерины Ивановны въ половинѣ восьмаго, а обѣдъ подавался по новому, еще невиданному Нехлюдовымъ способу. Кушанья ставились на столъ, и лакеи тотчасъ же уходили, такъ что обѣдающіе брали сами кушанья. Мужчины не позволяли дамамъ утруждать себя излишними движеніями и, какъ сильный полъ, несли мужественно всю тяжесть накладыванія дамамъ и себѣ кушаній и наливанія напитковъ. Когда же одно блюдо было съѣдено, графиня нажимала въ столѣ пуговку электрическаго звонка, и лакеи беззвучно входили, быстро убирали, мѣняли приборы и приносили слѣдующую перемѣну. Обѣдъ былъ утонченный, такія же были и вина. Въ большой, свѣтлой кухнѣ работали французскій шефъ съ двумя бѣлыми помощниками. Обѣдали шестеро: графъ и графиня, ихъ сынъ, угрюмый гвардейскій офицеръ, клавшій локти на столъ, Нехлюдовъ, лектрисса-француженка и пріѣхавшій изъ деревни главноуправляющій графа.

Разговоръ и здѣсь зашелъ о дуэли. Сужденія шли о томъ, какъ отнесся къ дѣлу государь. Было извѣстно, что государь очень огорченъ за мать, и всѣ были огорчены за мать. Но такъ какъ было извѣстно, что государь, хотя и соболѣзнуетъ, не хочетъ быть строгимъ къ убійцѣ, защищавшему честь мундира, то и всѣ были снисходительны къ убійцѣ, защищавшему честь мундира. Только графиня Екатерина Ивановна съ своимъ свободолегкомысліемъ выразила осужденіе убійцѣ.

— Будутъ пьянствовать, да убивать порядочныхъ молодыхъ людей, — ни за что бы не простила, — сказала она.

— Вотъ этого я не понимаю, — сказалъ графъ.

— Я знаю, что ты никогда не понимаешь того, что̀ я говорю, — заговорила графиня, обращаясь къ Нехлюдову. Всѣ понимаютъ, только не мужъ. Я говорю, что мнѣ жалко мать, и я не хочу, чтобы онъ убилъ и былъ очень доволенъ.

Тогда молчавшій до этого сынъ, вступился за убійцу и напалъ на свою мать, довольно грубо доказывая ей, что офицеръ не могъ поступить иначе, что иначе его судомъ офицеровъ выгнали бы изъ полка. Нехлюдовъ слушалъ, не вступая въ разговоръ, и, какъ бывшій офицеръ, понималъ, хоть и не признавалъ, доводы молодого Чарскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно сопоставлялъ съ офицеромъ, убившимъ другого, того арестанта, красавца-юношу, котораго онъ видѣлъ въ тюрьмѣ, и который былъ приговоренъ къ каторгѣ за убійство въ дракѣ. Оба стали убійцами отъ пьянства. Тотъ, — мужикъ, убилъ въ минуту раздраженія, и онъ разлученъ съ женою, съ семьей, съ родными, закованъ въ кандалы, и съ бритой головой идетъ въ каторгу, а этотъ сидитъ въ прекрасной комнатѣ на гауптвахтѣ, ѣстъ хорошій обѣдъ, пьетъ хорошее вино, читаетъ книги и нынче-завтра будетъ выпущенъ и будетъ жить попрежнему, толко сдѣлавшись особенно интереснымъ.

Онъ сказалъ то, что̀ думалъ. Сначала было графиня Екатерина Ивановна согласилась съ племянникомъ, но потомъ замолчала, — такъ же, какъ и всѣ, и Нехлюдовъ чувствовалъ, что этимъ разсказомъ онъ сдѣлалъ что-то въ родѣ неприличія.

Вечеромъ, вскорѣ послѣ обѣда, въ большой залѣ, гдѣ особенно, какъ для лекціи, поставили рядами стулья съ высокими рѣзными спинками, а передъ столомъ кресло и столикъ съ графиномъ воды для проповѣдника, начали собираться на собраніе, на которомъ долженъ былъ проповѣдовать пріѣзжій Кизеветеръ.

У подъѣзда стояли дорогіе экипажи. Въ залѣ съ дорогимъ убранствомъ сидѣли дамы въ шелку, бархатѣ, кружевахъ, съ накладными волосами и перетянутыми и накладными тальями. Между дамами сидѣли мужчины, военные и статскіе, и человѣкъ пять простолюдиновъ: двое дворниковъ, лавочникъ, лакей и кучеръ.

Кизеветеръ, крѣпкій, сѣдѣющій человѣкъ, говорилъ по-

англійски, а молодая, худая дѣвушка, въ pince-nez, хорошо и быстро переводила.

Онъ говорилъ о томъ, что грѣхи наши такъ велики, казнь за нихъ такъ велика и неизбѣжна, что жить въ ожиданіи этой казни — нельзя.

— Только подумаемъ, любезные сестры и братья, о себѣ, о своей жизни, о томъ, что̀ мы дѣлаемъ, какъ живемъ, какъ прогнѣвляемъ, любвеобильнаго Бога, какъ заставляемъ страдать Христа, и мы поймемъ, что нѣтъ намъ прощенія, нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія, что всѣ мы обречены погибели. Погибель ужасная, вѣчныя мученія ждутъ насъ, говорилъ онъ дрожащимъ, плачущимъ голосомъ. — Какъ спастись, братья, какъ спастись изъ этого ужаснаго пожара? Онъ объялъ уже домъ, и нѣтъ выхода!

Онъ помолчалъ, и настоящія слезы текли по его щекамъ. Уже лѣтъ восемь, всякій разъ безъ ошибки, какъ только онъ доходилъ до этого мѣста своей очень нравившейся ему рѣчи, онъ чувствовалъ спазму въ горлѣ, щипаніе въ носу, и изъ глазъ текли слезы.

И эти слезы еще больше трогали его. Въ комнатѣ слышались рыданія. Графиня Екатерина Ивановна сидѣла у мозаиковаго столика, облокотивъ голову на обѣ руки, и толстыя плечи ея вздрагивали. Кучеръ удивленно и испуганно смотрѣлъ на нѣмца, точно онъ наѣзжалъ на него дышломъ, а тотъ не сторонился. Большинство сидѣло въ такихъ же позахъ, какъ и графиня Екатерина Ивановна. Дочь Вольфа, похожая на него, въ модномъ платьѣ, стояла на колѣнкахъ, закрывъ лицо руками.

Ораторъ вдругъ открылъ лицо и вызвалъ на немъ очень похожую на настоящую улыбку, которой актеры выражаютъ радость, и сладкимъ, нѣжнымъ голосомъ началъ говорить:

— А спасенье есть. Вотъ оно, легкое, радостное. Спасенье это — пролитая за насъ кровь единственнаго сына Бога, отдавшаго себя за насъ на мученіе. Его мученіе, его кровь спасаетъ насъ. Братья и сестры, — опять со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ, — возблагодаримъ Бога, от-

давшаго единственнаго сына въ искупленіе за родъ человѣческій. Святая кровь его . . .

Нехлюдову стало такъ мучительно гадко, что онъ потихоньку всталъ и, морщась и сдерживая кряхтѣніе стыда, вышелъ на цыпочкахъ и направился въ свою комнату.

XVIII.

На другой день, только что Нехлюдовъ одѣлся и собирался спуститься внизъ, какъ лакей принесъ ему карточку московскаго адвоката. Адвокатъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы присутствовать при разборѣ дѣла Масловой въ сенатѣ, если оно скоро будетъ слушаться. Телеграмма, посланная Нехлюдовымъ, разошлась съ нимъ. Узнавъ отъ Нехлюдова, когда будетъ слушаться дѣло Масловой, и кто сенаторы, онъ улыбнулся.

— Какъ разъ всѣ три типа сенаторовъ, — сказалъ онъ: — Вольфъ — это петербургскій чиновникъ; Сковородниковъ — это ученый юристъ, и Бе — это практическій юристъ, а потому болѣе всѣхъ живой, — сказалъ адвокатъ. — На него больше всего надежды. Ну, а что-же въ коммиссіи прошеній?

— Да вотъ нынче поѣду къ барону Воробьеву, вчера не могъ добиться аудіенціи.

— Вы знаете, отчего баронъ — Воробьевъ? — сказалъ адвокатъ, отвѣчая на нѣсколько комическую интонацію, съ которой Нехлюдовъ произнесъ этотъ иностранный титулъ въ соединеніи съ такой русской фамиліей. — Это Павелъ за что-то наградилъ его дѣдушку, — кажется, камеръ-лакея, — этимъ титуломъ. Чѣмъ-то очень угодилъ ему. Сдѣлать его барономъ, моему праву не препятствуй. Такъ и пошелъ: баронъ Воробьевъ. И очень гордится этимъ. А большой пройдоха.

— Такъ вотъ къ нему ѣду, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну, и прекрасно, поѣдемте вмѣстѣ. Я васъ довезу.

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать, уже въ передней, Нехлюдова встрѣтилъ лакей съ запиской къ нему отъ Mariette:

„Pour vous faire plaisir, j'ai agi tout à fait contre mes principes, et j'ai intercédé auprés de mon mari pour votre protegée. Il se trouve que cette personne peut être relâchée immédiatement. Mon mari a écrit au commandant. Venez donc безкорыстно. Je vous attends.

M.“

— Каково? — сказалъ Нехлюдовъ адвокату. — Вѣдь это ужасно. Женщина, которую они держатъ 7 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, оказывается ни въ чемъ не виновата, и, чтобы ее выпустить, надо было сказать только слово.

— Это всегда такъ. Ну, да, по крайней мѣрѣ, вы достигли желаемаго.

— Да, но этотъ успѣхъ огорчаетъ меня. Стало-быть, что же тамъ дѣлается? Зачѣмъ-же они держали ее?

— Ну, да это лучше не апрофондировать. Такъ я васъ довезу, — сказалъ адвокатъ, когда они вышли на крыльцо, и прекрасная извозчичья карета, взятая адвокатомъ, подъѣхала къ крыльцу.

— Вамъ вѣдь къ барону Воробьеву?

Адвокатъ сказалъ кучеру, куда ѣхать, и добрыя лошади скоро подвезли Нехлюдова къ дому, занимаемому барономъ. Баронъ былъ дома. Въ первой комнатѣ былъ молодой чиновникъ въ вицмундирѣ, съ чрезвычайно длинной шеей и выпуклымъ кадыкомъ и необыкновенно легкой походкой, и двѣ дамы.

— Ваша фамилія? — спросилъ молодой чиновникъ съ кадыкомъ, необыкновенно легко и граціозно переходя отъ дамъ къ Нехлюдову.

Нехлюдовъ назвался.

— Баронъ говорилъ про васъ. Сейчасъ!

Адъютантъ прошелъ въ затворенную дверь и вывелъ оттуда заплаканную даму въ траурѣ. Дама опускала костлявыми пальцами запутавшійся вуаль, чтобы скрыть слезы.

— Пожалуйте, — обратился молодой чиновникъ къ Не-

хлюдову, легкимъ шагомъ подходя къ двери кабинета, отворяя ее и останавливаясь въ ней.

Войдя въ кабинетъ, Нехлюдовъ очутился передъ средняго роста коренастымъ, коротко остриженнымъ человѣкомъ въ сюртукѣ, который сидѣлъ въ креслѣ у большого письменнаго стола и весело смотрѣлъ передъ собой. Особенно замѣтное своимъ краснымъ румянцемъ, среди бѣлыхъ усовъ и бороды, добродушное лицо сложилось въ ласковую улыбку при видѣ Нехлюдова.

— Очень радъ васъ видѣть, мы были старые знакомые и друзья съ вашей матушкой. Видалъ васъ мальчикомъ и офицеромъ потомъ. Ну, садитесь, разскажите, чѣмъ могу вамъ служить. Да, да, — говорилъ онъ, покачивая стриженой сѣдой головой въ то время, какъ Нехлюдовъ разсказывалъ исторію Ѳедосьи. — Говорите, говорите, я все понялъ, да, да, это, въ самомъ дѣлѣ, трогательно. Что же, вы подали прошеніе?

— Я приготовилъ прошеніе, — сказалъ Нехлюдовъ, доставая его изъ кармана: — но я хотѣлъ просить васъ, надѣялся, что на это дѣло обратятъ особое вниманіе.

— И прекрасно сдѣлали. Я непремѣнно самъ доложу, — сказалъ баронъ, совсѣмъ не похоже выражая состраданіе на своемъ веселомъ лицѣ. — Очень трогательно. Очевидно, она была ребенокъ, мужъ грубо обошелся съ нею, это оттолкнуло ее, и потомъ пришло время, они полюбили ... Да, я доложу.

— Графъ Иванъ Михайловичъ говорилъ, что онъ хотѣлъ просить ...

Не успѣлъ Нехлюдовъ сказать этихъ словъ, какъ выраженіе лица барона измѣнилось.

— Впрочемъ, вы подайте прошеніе въ канцелярію, и я сдѣлаю, что могу, — сказалъ онъ Нехлюдову.

Въ это время въ комнату вошелъ молодой чиновникъ, очевидно щеголявшій своей походкой.

— Дама эта проситъ еще сказать два слова

— Ну, позовите. Ахъ, mon cher, сколько тутъ слезъ

перевидаешь, если бы только можно всѣ ихъ утереть. Дѣлаешь, что̀ можешь.

Дама вошла.

— Я забыла просить о томъ, чтобы не допустить его отдать дочь, а то онъ на все ...

— Да вѣдь я сказалъ, что сдѣлаю.

— Баронъ, ради Бога, вы спасете мать.

Она схватила его руку и стала цѣловать.

— Все будетъ сдѣлано.

Когда дама вышла, Нехлюдовъ тоже сталъ откланиваться.

— Сдѣлаемъ, что̀ можемъ. Снесемся съ министерствомъ юстиціи. Они отвѣтятъ намъ, и тогда мы сдѣлаемъ, что̀ можно.

Нехлюдовъ вышелъ и прошелъ въ канцелярію. Опять, какъ въ сенатѣ, онъ нашелъ въ великолѣпномъ помѣщеніи великолѣпныхъ чиновниковъ, чистыхъ, учтивыхъ, корректныхъ отъ одежды до разговоровъ, отчетливыхъ и строгихъ.

„Какъ ихъ много, какъ ужасно ихъ много, и какіе они сытые, какія у нихъ чистыя рубашки, руки, какъ хорошо начищены у всѣхъ сапоги, и кто это все дѣлаетъ? и какъ имъ всѣмъ хорошо въ сравненіи не только съ острожными, но и съ деревенскими“, — опять невольно думалъ Нехлюдовъ.

XIX.

Человѣкъ, отъ котораго зависѣло смягченіе участи заключенныхъ въ Петербургѣ, былъ увѣшанный орденами, которые онъ не носилъ, за исключеніемъ бѣлаго креста въ петличкѣ, заслуженный, но выжившій изъ ума, какъ говорили про него, старый генералъ изъ нѣмецкихъ бароновъ. Онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ онъ получилъ этотъ особенно лестный для него крестъ за то, что подъ его предводительствомъ тогда русскими мужиками, обстриженными и одѣтыми въ мундиры и вооруженными ружьями со штыками,

было убито более тысячи людей, защищавших свою свободу и свои дома и семьи. Потомъ онъ служилъ въ Польшѣ, гдѣ тоже заставлялъ русскихъ крестьянъ совершать много различныхъ преступленій, за что тоже получилъ ордена и новыя украшенія на мундиръ; потомъ былъ еще гдѣ-то, и теперь, уже разслабленнымъ старикомъ, получилъ то дававшее ему хорошее помѣщеніе, содержаніе и почетъ мѣсто, на которомъ находился въ настоящую минуту. Онъ строго исполнялъ предписанія свыше и особенно дорожилъ этимъ исполненіемъ; приписывая этимъ предписаніямъ свыше особенное значеніе, онъ считалъ, что все на свѣтѣ можно измѣнить, но только не эти предписанія свыше. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы содержать въ казематахъ, въ одиночныхъ заключеніяхъ политическихъ преступниковъ и преступницъ, и содержать этихъ людей такъ, что половина ихъ въ продолженіе 10 лѣтъ — гибла, частью сойдя съ ума, частью умирая отъ чахотки и частью убивая себя: кто голодомъ, кто стекломъ разрѣзая жилы, кто вѣшая себя, кто сжигаясь.

Старый генералъ зналъ все это, все это происходило на его глазахъ, но всѣ такіе случаи не трогали его совѣсти такъ же, какъ не трогали его совѣсти несчастія, случавшіяся отъ грозы, наводненій и т. п.

Случаи эти происходили вслѣдствіе исполненія предписаній свыше, именемъ государя императора. Предписанія же эти должны неизбѣжно были быть исполнены, и потому было совершенно безполезно думать о послѣдствіяхъ такихъ предписаній. Старый генералъ и не позволялъ себѣ думать о такихъ дѣлахъ, считая своимъ патріотическимъ солдатскимъ долгомъ не думать для того, чтобы не ослабѣть въ исполненіи этихъ, по его мнѣнію, очень важныхъ своихъ обязанностей. Разъ въ недѣлю старый генералъ по долгу службы обходилъ всѣ казематы и спрашивалъ заключенныхъ, не имѣютъ ли они какихъ либо просьбъ. Заключенные обращались къ нему съ различными просьбами. Онъ выслушивалъ ихъ спокойно, непроницаемо молча, и никогда ничего

не исполнялъ, потому что всѣ просьбы были несогласны съ законоположеніями.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ подъѣзжалъ къ мѣсту жительства стараго генерала, куранты часовъ на башнѣ сыграли тонкими колокольчиками „Коль славенъ Богъ", а потомъ пробили два часа. Слушая эти куранты, Нехлюдовъ невольно вспоминалъ то, о чемъ онъ читалъ въ запискахъ декабристовъ, какъ отзывается эта ежечасно повторяющаяся сладкая музыка въ душѣ вѣчно заключенныхъ.

Старый генералъ въ то время, какъ Нехлюдовъ подъѣхалъ къ подъѣзду его квартиры, сидѣлъ въ темной гостиной за инкрустованнымъ столикомъ и вертѣлъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, художникомъ, братомъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, блюдцемъ по листу бумаги. Тонкіе, влажные, слабые, пальцы художника были вставлены въ жесткіе, морщинистые и окостенѣвшіе въ сочлененіяхъ пальцы стараго генерала, и эти соединенныя руки дергались вмѣстѣ съ опрокинутымъ чайнымъ блюдечкомъ по листу бумаги съ изображенными на немъ всѣми буквами алфавита. Блюдечко отвѣчало на заданный генераломъ вопросъ, о томъ, какъ будутъ души узнавать другъ друга послѣ смерти.

Въ то время, какъ одинъ изъ деньщиковъ, исполнявшій должностъ камердинера, вошелъ съ карточкой Нехлюдова, черезъ посредство блюдечка говорила душа Іоанны д' Аркъ. Душа Іоанны д' Аркъ уже сказала по буквамъ слова: „будутъ признавать другъ друга", и это было записано. Когда пришелъ деньщикъ, блюдечко, остановившись разъ на „п", другой разъ на „о" и потомъ дойдя до „с", остановилось на этой буквѣ и стало дергаться туда и сюда. Дергалось оно потому, что слѣдующая буква, по мнѣнію генерала, должна была быть „л", т. е. Іоанна д' Аркъ, по его мнѣнію, должна была сказать, что души будутъ признавать другъ друга только послѣ своего очищенія отъ всего земного, или что-нибудь подобное, и слѣдующая буква должна быть „л"; художникъ же думалъ, что слѣдующая буква будетъ „в", что душа скажетъ, что потомъ души будутъ узнавать

другъ друга по свѣту, который будетъ исходить изъ эфирнаго тѣла душъ. Генералъ, мрачно насупивъ свои густыя сѣдыя брови, пристально смотрѣлъ на руки и, воображая, что блюдечко движется само, тянулъ его къ „л". Молодой же, безкровный художникъ съ заложенными за уши жидкими волосами глядѣлъ въ темный уголъ гостиной своими безжизненными голубыми глазами и, нервно шевеля губами, тянулъ къ „в". Генералъ поморщился на перерывъ своего занятія и, послѣ минуты молчанія, взялъ карточку, надѣлъ pince-nez и, крякнувъ отъ боли въ широкой поясницѣ, всталъ во весь свой болшой ростъ, потирая свои окоченѣвшіе пальцы.

— Пригласи въ кабинетъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, я одинъ докончу, — сказалъ художникъ, вставая, — я чувствую присутствіе.

— Хорошо, заканчивайте, — сказалъ рѣшительно и строго генералъ и направился своими большими шагами невывернутыхъ ногъ рѣшительной, мѣрной походкой въ кабинетъ.

— Пріятно видѣть, — сказалъ генералъ Нехлюдову грубымъ голосомъ ласковыя слова, указывая ему на кресло у письменнаго стола. — Давно пріѣхали въ Петербургъ?

Нехлюдовъ сказалъ, что пріѣхалъ недавно.

— Княгиня, матушка ваша, здорова-ли?

— Матушка скончалась.

— Простите, очень сожалѣлъ. Мнѣ сынъ говорилъ, что онъ васъ встрѣтилъ.

Сынъ генерала дѣлалъ такую же карьеру, какъ и отецъ, и послѣ военной академіи служилъ въ развѣдочномъ бюро и очень гордился тѣми занятіями, которыя были тамъ поручены ему. Занятія его состояли въ завѣдываніи шпіонами.

— Какъ же, съ батюшкой вашимъ служилъ. Друзья были, товарищи. Что-же, служите?

— Нѣтъ, не служу.

Генералъ неодобрительно наклонилъ голову.

— У меня къ вамъ просьба, генералъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— О—о—очень радъ. Чѣмъ могу служить?

— Если моя просьба неумѣстна, то, пожалуйста, простите меня. Но мнѣ необходимо передать ее.

— Что такое?

— У васъ содержится нѣкто Гуркевичъ, такъ мать его проситъ о свиданіи съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы можно было передать ему книги.

Генералъ не выразилъ никакого ни удовольствія, ни неудовольствія при вопросѣ Нехлюдова, и, склонивъ голову на бокъ, зажмурился, какъ бы обдумывая. Онъ собственно ничего не обдумывалъ и даже не интересовался вопросомъ Нехлюдова, очень хорошо зная, что онъ отвѣтитъ ему по закону. Онъ просто умственно отдыхалъ, ни о чемъ не думая.

— Это, видите ли, отъ меня не зависитъ, — сказалъ онъ, отдохнувъ немного. — О свиданіяхъ есть Высочайше утвержденное положеніе, и что̀ тамъ разрѣшено, то и разрѣшается. Что же касается книгъ, то у насъ есть библіотека, и имъ даютъ тѣ, которыя разрѣшены.

— Да, но ему нужны научныя, онъ хочетъ заниматься.

— Не вѣрьте этому. — Генералъ помолчалъ. — Это не для занятій. А такъ, безпокойство одно.

— Но какъ же, вѣдь нужно занять время въ ихъ тяжеломъ положеніи, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Они всегда жалуются, — возразилъ генералъ. — Вѣдь мы ихъ знаемъ.

Онъ говорилъ о нихъ вообще, какъ о какой-то особенной, нехорошей породѣ людей.

— А имъ тутъ доставляются такія удобства, которыя рѣдко можно встрѣтить въ мѣстахъ заключенія, — продолжалъ генералъ.

И онъ сталъ, какъ бы оправдываясь, подробно описывать всѣ удобства, доставляемыя содержимымъ, какъ будто

главная цѣль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы устроить для содержащихся лицъ пріятное мѣстопребываніе.

— Прежде, правда, что было довольно сурово, но теперь содержатся они здѣсь прекрасно. Они кушаютъ три блюда и всегда одно мясное: битки или котлеты. По воскресеньямъ они имѣютъ еще одно четвертое — сладкое блюдо. Такъ что, дай Богъ, чтобы всякій русскій человѣкъ могъ такъ кушать.

Генералъ, какъ всѣ старые люди, очевидно, разъ напавъ на затверженное, говорилъ все то, что̀ онъ повторялъ много разъ въ доказательство требовательности и неблагодарности заключенныхъ.

— Книги имъ даются и духовнаго содержанія и журналы старые. У насъ библіотека соотвѣтствующихъ книгъ. Только рѣдко они читаютъ. Сначала какъ будто интересуются, а потомъ такъ и остаются новыя книги до половины неразрѣзанными, а старыя съ неперевернутыми страницами, мы пробовали даже, — съ далекимъ подобіемъ улыбки, сказалъ генералъ — нарочно вложимъ бумажку. Такъ и останется не вынута. Тоже и писать имъ не возбраняется, — продолжалъ генералъ. Дается аспидная доска, и грифель дается, такъ что они могутъ писать для развлеченія. Могутъ стирать и опять писать. И тоже не пишутъ. Нѣтъ, они очень скоро дѣлаются совсѣмъ спокойны. Только сначала они тревожатся, а потомъ даже толстѣютъ и очень тихи дѣлаются, — говорилъ генералъ, не подозрѣвая того ужаснаго значенія, которое имѣли его слова.

Нехлюдовъ слушалъ его хриплый, старческій голосъ, смотрѣлъ на эти окостенѣвшіе члены, на потухшіе глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей, на эти старческія, бритыя, отвисшія скулы, подпертыя военнымъ воротникомъ, на этотъ бѣлый крестъ, которымъ гордился этотъ человѣкъ, особенно потому, что получилъ его за исключительно жестокое и многодушное убійство, — и понималъ, что возражать, объяснять ему значеніе его словъ — безполезно. Но онъ всетаки, сдѣлавъ усиліе, спросилъ еще о другомъ дѣлѣ, объ аре-

станткѣ Шустовой, про которую онъ получилъ нынче свѣдѣніе, что ее приказано выпустить:

— Шустова? Шустова... Не помню всѣхъ по именамъ. Вѣдь ихъ такъ много, — сказалъ онъ, очевидно, упрекая ихъ за это переполненіе. Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать письмоводителя. Пока ходили за письмоводителемъ, онъ увѣщевалъ Нехлюдова служить, говоря, что честные, благородные люди, подразумѣвая себя въ числѣ такихъ людей, особенно нужны царю... и отечеству, — прибавилъ онъ, очевидно только для красоты слога.

— Я вотъ старъ, а все-таки служу, насколько силы позволяютъ.

Письмоводитель, — сухой, поджарый человѣкъ съ безпокойными умными глазами, — пришелъ и доложилъ, что Шустова содержится въ какомъ-то странномъ фортификаціонномъ мѣстѣ, и что бумагъ о ней на получалось.

— Когда получимъ, въ тотъ же день отправляемъ. Мы ихъ не держимъ, не дорожимъ особенно ихъ присутствіемъ, — сказалъ генералъ опять съ попыткой игривой улыбки, кривившей только его старое лицо.

Нехлюдовъ всталъ, стараясь удержаться отъ выраженія смѣшаннаго чувства отвращенія и жалости, которое онъ испытывалъ къ этому ужасному старику. Старикъ же считалъ, что ему тоже не надо быть слишкомъ строгимъ къ легкомысленному и, очевидно, заблуждающемуся сыну своего товарища и не оставить его безъ наставленія.

— Прощайте, мой милый, не взыщите съ меня, но я, любя васъ, говорю. Не общайтесь съ людьми, которые у насъ содержатся. Невинныхъ не бываетъ. А люди это все самые безнравственные. Мы-то ихъ знаемъ, — сказалъ онъ тономъ, не допускавшимъ возможности сомнѣнія. И онъ точно не сомнѣвался въ этомъ не потому, что это было такъ, а потому, что если бы это было не такъ, ему бы надо было признать себя не почтеннымъ героемъ, достойно доживающимъ хорошую жизнь, а негодяемъ, продавшимъ и на старости лѣтъ продолжающимъ продавать свою совѣсть.

— А лучше всего служите, — продолжалъ онъ. — Царю нужны честные люди . . . и отечеству, прибавилъ онъ. Но если бы и я, и всѣ такъ, какъ вы, не служили-бы? Кто же бы остался? Мы вотъ осуждаемъ порядки, а сами не хотимъ помогать правительству.

Нехлюдовъ вздохнулъ глубоко, низко поклонился, пожалъ снисходительно протянутую ему костлявую, большую руку и вышелъ изъ комнаты.

Генералъ неодобрительно покачалъ головой и, потирая поясницу, пошелъ опять въ гостиную, гдѣ ожидалъ его художникъ, уже записавшій полученный отвѣтъ отъ души Іоанны д' Аркъ. Генералъ надѣлъ pince-nez и прочелъ: „будутъ признавать другъ друга по свѣту, исходящему изъ эфирныхъ тѣлъ“.

— А, — одобрительно сказалъ генералъ, закрывъ глаза, — но какъ же узнаешь, если свѣтъ у всѣхъ одинъ? — спросилъ онъ и, опять скрестивъ пальцы съ художникомъ, сѣлъ за столикъ.

Извощикъ Нехлюдова выѣхалъ въ ворота.

— А скучно тутъ, баринъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Нехлюдову, — я хотѣлъ, не дождавшись, уѣхать.

— Да, скучно, — согласился Нехлюдовъ, вздыхая полной грудью и съ успокоеніемъ останавливая глаза на дымчатыхъ облакахъ, плывущихъ по небу, и на блестящей ряби Невы отъ движущихся по ней лодокъ и пароходовъ.

XX.

На другой день дѣло Масловой должно было слушаться, и Нехлюдовъ поѣхалъ въ Сенатъ. Адвокатъ съѣхался съ нимъ у величественнаго подъѣзда сенатскаго зданія, у котораго уже стояло нѣсколько экипажей. Войдя по великолѣпной, торжественной лѣстницѣ во второй этажъ, адвокатъ, знавшій всѣ ходы, направился налѣво въ дверь, на которой была изображена цифра года введенія судебныхъ уставовъ. Снявъ въ первой длинной комнатѣ пальто и узнавъ отъ

швейцара, что сенаторы всѣ съѣхались, и послѣдній только что прошелъ, Фонаринъ, оставшись въ своемъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ надъ бѣлой грудью, съ веселой увѣренностью вошелъ въ слѣдующую комнату. Въ этой слѣдующей комнатѣ былъ направо большой шкафъ, потомъ столъ, а налѣво витая лѣстница, по которой спускался въ это время элегантный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ съ портфелемъ подъ мышкой. Въ комнатѣ обращалъ на себя вниманіе патріархальнаго вида старичокъ, съ длинными бѣлыми волосами, въ пиджакѣ и сѣрыхъ панталонахъ, около котораго съ особенной почтительностью стояли два служителя. Старичокъ съ бѣлыми волосами прошелъ въ шкапъ и скрылся тамъ. Въ это время Фонаринъ, увидавъ товарища такого же, какъ и онъ, адвоката въ бѣломъ галстукѣ и фракѣ, тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ оживленный разговоръ. Нехлюдовъ же разглядывалъ бывшихъ въ комнатѣ. Было человѣкъ 15 публики, изъ которыхъ двѣ дамы. Одна въ pince-nez молодая и другая сѣдая. Слушавшееся нынче дѣло было о клеветѣ въ печати, и потому собралось болѣе, чѣмъ обыкновенно, публики — все люди преимущественно изъ журнальнаго міра.

Судебный приставъ, румяный, красивый человѣкъ, въ великолѣпномъ мундирѣ съ бумажкой въ рукѣ, подошелъ къ Фонарину съ вопросомъ — по какому онъ дѣлу? и, узнавъ, что по дѣлу Масловой, записалъ что-то и отошелъ. Въ это время дверь шкапа отворилась, и оттуда вышелъ патріархальнаго вида старичокъ, но уже не въ пиджакѣ, а въ обшитомъ галунами съ блестящими бляхами на груди нарядѣ, дѣлавшемъ его похожимъ на птицу.

Смѣшной костюмчикъ этотъ очевидно смущалъ самого старичка, и онъ поспѣшно, болѣе быстро, чѣмъ онъ ходилъ обыкновенно, прошелъ въ дверь, противоположную входной.

— Это Бе, почтеннѣйшій человѣкъ, — сказалъ Фонаринъ Нехлюдову и, познакомивъ его съ своимъ коллегой, разсказалъ про очень интересное, по его мнѣнію, дѣло, которое должно было слушаться.

Дѣло скоро началось, и Нехлюдовъ вмѣстѣ съ публикой вошелъ на лѣво въ залу засѣданій. Всѣ они и Фонаринъ зашли за рѣшетку на мѣста для публики. Только петербургскій адвокатъ вышелъ впередъ за конторку передъ рѣшеткой.

Зала засѣданій Сената была меньше залы окружнаго суда, была проще устройствомъ и отличалась только тѣмъ, что столъ, за которымъ сидѣли сенаторы, былъ покрытъ не зеленымъ сукномъ, а малиновымъ бархатомъ, обшитымъ золотымъ галуномъ, но тѣ же были всегдашніе атрибуты мѣстъ отправленія правосудія: зерцало, эмблема лицемѣрія — икона и эмблема раболѣпства — портретъ государя. Такъ же торжественно объявлялъ приставъ: „Судъ идетъ“. Такъ же всѣ вставали, такъ же входили сенаторы въ своихъ мундирахъ, такъ же садились въ кресла съ высокими спинками, такъ же облокачивались на столъ, стараясь имѣть естественный видъ. Сенаторовъ было четверо. Предсѣдательствующій, Никитинъ, весь бритый человѣкъ, съ узкимъ лицомъ и стальными глазами; Вольфъ, съ значительно поджатыми губами и бѣлыми ручками, которыми онъ перебиралъ листы дѣла; потомъ Сковородниковъ, толстый, грузный, рябой человѣкъ, ученый юристъ; и четвертый—Бе, тотъ самый патріархальный старичокъ, который пріѣхалъ послѣднимъ. Вмѣстѣ съ сенаторами вышелъ оберъ-секретарь и товарищъ оберъ-прокурора, средняго роста сухой, бритый, молодой человѣкъ, съ очень темнымъ цвѣтомъ лица и черными, грустными глазами. Нехлюдовъ тотчасъ же, несмотря на странный мундиръ и на то, что онъ лѣтъ шесть не видалъ его, узналъ въ немъ одного изъ лучшихъ друзей своего студенческаго времени.

— Товарищъ оберъ-прокурора Селенинъ? — спросилъ онъ у адвоката.

— Да, а что?

— Я его хорошо знаю, это прекрасный человѣкъ . .

— И хорошій товарищъ оберъ-прокурора, дѣльный. Вотъ его бы надо было просить, — сказалъ Фонаринъ.

— Онъ во всякомъ случаѣ поступитъ по совѣсти, — сказалъ Нехлюдовъ, вспоминая свои близкія отношенія и дружбу съ Селенинымъ и его милыя свойства чистоты, честности, порядочности въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

— Да теперь и некогда, — прошепталъ Фонаринъ, отдавшись слушанію начавшагося доклада.

Началось дѣло по жалобѣ на приговоръ судебной палаты, оставившей безъ измѣненія рѣшеніе окружнаго суда.

Нехлюдовъ сталъ слушать и старался понять значеніе того, что̀ происходило передъ нимъ, но такъ же, какъ и въ окружномъ судѣ, главное затрудненіе для пониманія состояло въ томъ, что рѣчь шла не о томъ, что̀ естественно представлялось главнымъ, а о совершенно побочномъ. Дѣло шло о статьѣ въ газетѣ, въ которой изобличались мошенничества одного предсѣдателя акціонерной компаніи. Казалось бы, важно могло быть только то, правда ли, что предсѣдатель акціонернаго общества обкрадываетъ своихъ довѣрителей и какъ сдѣлать такъ, чтобы онъ пересталъ ихъ обкрадывать. Но объ этомъ и рѣчи не было. Рѣчь шла только о томъ, имѣлъ или не имѣлъ по закону издатель право напечатать статью фельетониста и какое онъ совершилъ преступленіе, напечатавъ ее: дифамацію или клевету, и какъ дифамація включаетъ въ себѣ клевету или клевета дифамацію, и еще о чемъ-то мало понятномъ для простыхъ людей о разныхъ статьяхъ и рѣшеніяхъ какого-то общаго департамента.

Одно, что̀ понялъ Нехлюдовъ, это было то, что, хотя Вольфъ, докладывавшій дѣло, такъ строго внушалъ вчера ему то, что Сенатъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу, — онъ въ этомъ дѣлѣ докладывалъ, очевидно, пристрастно въ пользу кассированія приговора палаты и что Селенинъ, совершенно несогласно съ своей характерной сдержанностью, неожиданно горячо выразилъ свое противоположное мнѣніе. Удивившая Нехлюдова горячность всегда сдержаннаго Селенина имѣла основаніемъ то, что онъ зналъ предсѣдателя акціонернаго общества за грязнаго въ денежныхъ дѣлахъ человѣка, а между тѣмъ случайно узналъ,

что Вольфъ почти наканунѣ слушанія о немъ дѣла былъ у этого дѣльца на роскошномъ обѣдѣ. Теперь же, когда Вольфъ, хотя и очень осторожно, но явно односторонне доложилъ дѣло, Селенинъ разгорячился и слишкомъ нервно для обыкновеннаго дѣла выразилъ свое мнѣніе. Рѣчь эта, очевидно, оскорбила Вольфа: онъ краснѣлъ, подергивался, дѣлалъ молчаливые жесты удивленія и съ очень достойнымъ и оскорбленнымъ видомъ удалился вмѣстѣ съ другими сенаторами въ комнату совѣщаній.

— Вы собственно по какому дѣлу? — опять спросилъ судебный приставъ у Фонарина, какъ только сенаторы удалились.

— Я уже говорилъ вамъ, что по дѣлу Масловой, — сказалъ Фонаринъ.

— Это такъ. Дѣло будетъ слушаться нынче. Но...

— Да что же? — спросилъ адвокатъ.

— Изволите видѣть, дѣло это полагалось безъ сторонъ, такъ что господа сенаторы едва ли выйдутъ послѣ объявленія рѣшенія. Но я доложу...

— Т. е.: какъ же?...

— Я доложу, доложу, — и приставъ что-то отмѣтилъ на своей бумажкѣ.

Сенаторы, дѣйствительно, намѣревались, объявивъ рѣшеніе по дѣлу о клеветѣ, окончить остальныя дѣла, въ томъ числѣ Масловское, за чаемъ и папиросами, не выходя изъ совѣщательной комнаты.

XXI.

Какъ только сенаторы сѣли за столъ въ совѣщательной комнатѣ, Вольфъ сталъ очень оживленно выставлять мотивы, по которымъ дѣло должно быть кассировано. Предсѣдательствующій, и всегда человѣкъ недоброжелательный, нынче былъ особенно не въ духѣ. Слушая дѣло во время засѣданія, онъ составилъ уже свое мнѣніе и теперь сидѣлъ, не слушая Вольфа, погруженный въ свои думы. Думы же его состояли въ припоминаніи того, что онъ вчера написалъ

въ своихъ мемуарахъ по случаю назначенія Билянова, а не его, на тотъ важный постъ, который онъ уже давно желалъ получить. Предсѣдательствующій Никитинъ былъ совершенно искренно увѣренъ, что сужденія о разныхъ чиновникахъ первыхъ двухъ классовъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія во время своей службы, составляютъ очень важный историческій матеріалъ. Написавъ вчера главу, въ которой сильно досталось нѣкоторымъ чиновникамъ первыхъ двухъ классовъ за то, что они помѣшали ему, какъ онъ формулировалъ это, спасти Россію отъ погибели, въ которую увлекали ее теперешніе правители, — въ сущности же только за то, что они помѣшали ему получать больше, чѣмъ теперь, жалованія, — онъ думалъ теперь о томъ, какъ для потомства все это обстоятельство получитъ совершенно новое освѣщеніе.

— Да, разумѣется, — сказалъ онъ, не слушая ихъ, на слова обратившагося къ нему Вольфа. Бе же слушалъ Вольфа съ грустнымъ лицомъ, рисуя гирлянды на лежавшей передъ нимъ бумагѣ. Бе былъ либералъ самаго чистаго закала. Онъ свято хранилъ традиціи шестидесятыхъ годовъ и если и отступалъ отъ строгаго безпристрастія, то только въ сторону либеральности. Такъ въ настоящемъ случаѣ, кромѣ того, что акціонерный дѣлецъ, жаловавшійся на клевету, былъ грязный человѣкъ, Бе былъ на сторонѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій еще и потому, что это обвиненіе въ клеветѣ журналиста было стѣсненіе свободы печати. Когда Вольфъ кончилъ свои доводы, Бе, не дорисовавъ гирлянду, съ грустью — ему было грустно потому, что приходилось доказывать такіе труизмы — мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, коротко, просто и убѣдительно доказалъ неосновательность жалобы и, опустивъ голову съ бѣлыми волосами, продолжалъ дорисовывать гирлянду.

Сковородниковъ, сидѣвшій противъ Вольфа и все время собиравшій толстыми пальцами бороду и усы въ ротъ, тотчасъ же, какъ только Бе пересталъ говорить, пересталъ жевать свою бороду и громкимъ скрипучимъ голосомъ ска-

залъ, что, несмотря на то, что предсѣдатель акціонернаго общества большой мерзавецъ, онъ бы стоялъ за кассированіе приговора, если бы были законныя основанія, но такъ какъ таковыхъ нѣтъ, онъ присоединяется къ мнѣнію Ивана Семеновича (Бе), сказалъ онъ, радуясь той шпилькѣ, которую онъ этимъ подпустилъ Вольфу. Предсѣдательствующій присоединился къ мнѣнію Сковородникова, и дѣло было рѣшено отрицательно.

Вольфъ былъ недоволенъ, въ особенности тѣмъ, что онъ какъ будто былъ уличенъ въ недобросовѣстномъ пристрастіи, но, притворяясь равнодушнымъ, раскрылъ слѣдующее дѣло Масловой и погрузился въ него. Сенаторы, между тѣмъ, позвонили и потребовали себѣ чаю и разговорились о случаѣ, занимавшемъ въ это время, вмѣстѣ съ дуэлью Каменскаго, всѣхъ петербуржцевъ. Это было дѣло директора департамента, пойманнаго и уличеннаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ статьей 995.

— Какая мерзость, — съ гадливостью сказалъ Бе.

— Что же тутъ дурного? Я вамъ въ нашей литературѣ укажу на проэктъ одного нѣмецкаго писателя, который прямо предлагаетъ, чтобы это не считалось преступленіемъ и возможенъ былъ бракъ между мужчинами, — сказалъ Сковородниковъ, жадно съ всхлипываніемъ затягиваясь смятой папиросой, которую онъ держалъ между корнями пальцевъ у ладони, и громко захохоталъ.

— Да не можетъ быть, — сказалъ Бе.

— Я вамъ покажу, — сказалъ Сковородниковъ, цитируя полное заглавіе сочиненія и даже годъ и мѣсто изданія.

— Говорятъ, его въ какой-то сибирскій городъ губернаторомъ назначаютъ, — сказалъ Никитинъ.

— И прекрасно. Архіерей его съ крестомъ встрѣтитъ. Надо бы архіерея такого же. Я бы имъ такого рекомендовалъ, — сказалъ Сковородниковъ и, бросивъ окурокъ папироски въ блюдечко, забралъ что могъ бороды и усовъ въ ротъ и началъ жевать ихъ.

Въ это время вошедшій приставъ доложилъ о желаніи

адвоката и Нехлюдова присутствовать при разборѣ дѣла Масловой.

— Вотъ это дѣло, — сказалъ Вольфъ, — это цѣлая романическая исторія, — и разсказалъ то, что̀ зналъ объ отношеніяхъ Нехлюдова къ Масловой. Поговоривъ объ этомъ, докуривъ папиросы и допивъ чай, сенаторы вышли въ залу засѣданій, объявили рѣшеніе по предшествующему дѣлу и приступили къ дѣлу Масловой.

Вольфъ очень обстоятельно своимъ тонкимъ голосомъ доложилъ кассаціонную жалобу Масловой и опять не совсѣмъ безпристрастно, а съ очевиднымъ желаніемъ кассированія рѣшенія суда.

— Имѣете ли что̀ добавить? — обратился предсѣдательствующій къ Фонарину. Фонаринъ всталъ и, выпятивъ свою бѣлую, широкую грудь, по пунктамъ, съ удивительной внушительностью и точностью выраженія доказалъ отступленіе суда въ 6-ти пунктахъ отъ точнаго смысла закона и кромѣ того позволилъ себѣ, хотя вкратцѣ, коснуться и самаго дѣла по существу и вопіющей несправедливости его рѣшенія. Тонъ короткой, но сильной рѣчи Фонарина былъ такой, что онъ извиняется, что настаиваетъ на томъ, что̀ господа сенаторы своей проницательностью и юридической мудростью видятъ и понимаютъ лучше его, но что дѣлаетъ онъ это только потому, что этого требуетъ взятая имъ на себя обязанность. Послѣ рѣчи Фонарина, казалось, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что сенатъ долженъ отмѣнить рѣшеніе суда. Окончивъ свою рѣчь, Фонаринъ побѣдоносно улыбнулся. Глядя на своего адвоката и увидавъ эту улыбку, Нехлюдовъ былъ увѣренъ, что дѣло выиграно. Но, взглянувъ на сенаторовъ, онъ увидалъ, что Фонаринъ улыбался и торжествовалъ одинъ. Сенаторы и товарищъ оберъ-прокурора не улыбались и не торжествовали, а имѣли видъ людей, скучающихъ и говорившихъ: „Слыхали мы много вашего брата, и все это ни къ чему“. Они всѣ, очевидно, были удовлетворены только тогда, когда адвокатъ кончилъ и пересталъ безполезно задерживать ихъ. Тотчасъ

же по окончаніи рѣчи адвоката, предсѣдательствующій обратился къ товарищу оберъ-прокурора. Селенинъ кратко, но ясно и точно, высказался за оставленіе дѣла безъ измѣненія, находя всѣ поводы къ кассаціи неосновательными. Вслѣдъ за этимъ, сенаторы встали и пошли совѣщаться. Въ совѣщательной комнатѣ голоса раздѣлились. Вольфъ былъ за кассацію; Бе, понявъ, въ чемъ дѣло, очень горячо стоялъ тоже за кассацію, живо представивъ товарищамъ картину суда и недоразумѣнія присяжныхъ, какъ онъ его совершенно вѣрно понялъ; Никитинъ, какъ всегда, стоявшій за строгость вообще и за строгую формальность, былъ противъ. Все дѣло рѣшалось голосомъ Сковородникова. И этотъ голосъ сталъ на сторону отказа преимущественно потому, что рѣшеніе Нехлюдова жениться на этой дѣвушкѣ во имя нравственныхъ требованій было въ высшей степени ему противно.

Сковородниковъ былъ матеріалистъ-дарвинистъ и считалъ всякія проявленія отвлеченной нравственности, или — еще хуже — религіозности, не только презрѣннымъ безуміемъ, но личнымъ себѣ оскорбленіемъ. Вся эта возня съ этой проституткой и присутствіе здѣсь въ сенатѣ защищающаго ее знаменитаго адвоката и самого Нехлюдова было ему въ высшей степени противно. И онъ, засовывая себѣ въ ротъ бороду и дѣлая гримасы, очень натурально притворился, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, какъ только то, что поводы къ кассаціи недостаточны, и потому согласенъ съ предсѣдательствующимъ объ оставленіи жалобы безъ послѣдствій.

Въ жалобѣ было отказано.

XXII.

— Ужасно! — говорилъ Нехлюдовъ, выходя въ пріемную съ адвокатомъ, укладывавшимъ свой портфель, — въ самомъ очевидномъ дѣлѣ они придираются къ формѣ и отказываютъ. Ужасно!

— Дѣло испорчено въ судѣ, — сказалъ адвокатъ.

— И Селенинъ за отказъ. Ужасно, ужасно! — продолжалъ повторять Нехлюдовъ. — Что же дѣлать теперь?

— А подадимъ на Высочайшее имя. Сами и подайте, пока вы здѣсь. Я напишу вамъ.

Въ это время маленькій Вольфъ въ своихъ звѣздахъ и мундирѣ вышелъ въ пріемную и подошелъ къ Нехлюдову.

— Что дѣлать, милый князь. Не было достаточныхъ поводовъ, — сказалъ онъ, пожимая узкими плечами и закрывая глаза, и прошелъ куда ему было нужно.

Вслѣдъ за Вольфомъ вышелъ и Селенинъ, узнавъ отъ сенаторовъ, что Нехлюдовъ, его прежній пріятель, былъ здѣсь.

— Вотъ не ожидалъ тебя здѣсь встрѣтить, — сказалъ онъ, подходя къ Нехлюдову, улыбаясь губами, между тѣмъ, какъ глаза его оставались грустными. — Я и не зналъ, что ты въ Петербургѣ.

— А я не зналъ, что ты оберъ-прокуроръ ...

— Товарищъ, — поправилъ Селенинъ.

— Какъ ты въ сенатѣ? — спросилъ онъ, грустно и уныло глядя на пріятеля. Я зналъ, что ты въ Петербургѣ. Но какимъ образомъ ты здѣсь?

— Здѣсь? Я затѣмъ, что надѣялся найти справедливость и спасти ни за что осужденную женщину.

— Какую женщину?

— Дѣло которой сейчасъ рѣшили.

— А, дѣло Масловой, — вспомнивъ, сказалъ Селенинъ. Совершенно неосновательная жалоба.

— Дѣло не въ жалобѣ, а въ женщинѣ, которая не виновата и несетъ наказаніе.

Селенинъ вздохнулъ: — очень можетъ быть, но ...

— Не можетъ быть, а навѣрно ...

— Почему же ты знаешь?

— А потому что я былъ присяжнымъ. Я знаю, въ чемъ мы сдѣлали ошибку.

Селенинъ задумался. — Надо было заявить тогда же, — сказалъ онъ.

— Я заявлялъ.

— Надо было записать въ протоколъ. Если бы это было при кассаціонной жалобѣ . . . Селенинъ, всегда занятый и мало бывавшій въ свѣтѣ, очевидно ничего не слыхалъ о романѣ Нехлюдова; Нехлюдовъ же, замѣтивъ это, рѣшилъ, что ему и не нужно говорить о своихъ особенныхъ отношеніяхъ къ Масловой.

— Да, но вѣдь и теперь очевидно было, что рѣшеніе нелѣпо, сказалъ онъ.

— Сенатъ не имѣетъ права сказать этого. Если бы сенатъ позволялъ себѣ кассировать рѣшенія судовъ на основаніи своего взгляда на справедливость самихъ рѣшеній, не говоря уже о томъ, что сенатъ потерялъ бы всякую точку опоры и скорѣе рисковалъ бы нарушать справедливость, чѣмъ возстановлять ее, — говорилъ Селенинъ, вспоминая предшествовавшее дѣло, — не говоря объ этомъ, рѣшенія присяжныхъ потеряли бы все свое значеніе.

— Я только одно знаю, что женщина эта совершенно невинна, и послѣдняя надежда спасти ее отъ незаслуженнаго наказанія потеряна. Высшее учрежденіе подтвердило совершенное беззаконіе.

— Оно не подтвердило, потому что не входило и не можетъ входить въ разсмотрѣніе самаго дѣла, — сказалъ Селенинъ, щуря глаза.

— Ты вѣрно у тетушки остановился, — прибавилъ онъ, очевидно, желая перемѣнить разговоръ. — Я вчера узналъ отъ нея, что ты здѣсь. Графиня Екатерина Ивановна приглашала меня вмѣстѣ съ тобой присутствовать на собраніи пріѣзжаго проповѣдника, — улыбаясь одними губами, сказалъ Селенинъ.

— Да, я былъ, но ушелъ съ отвращеніемъ, — сердито сказалъ Нехлюдовъ, досадуя на то, что Селенинъ отводитъ разговоръ на другое.

— Ну отчего-жъ: съ отвращеніемъ? Все таки это проявленіе религіознаго чувства, хотя и одностороннее, сектантское, — сказалъ Селенинъ.

— Это какая то дикая безсмыслица, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну, нѣтъ. Тутъ странно только то, что мы такъ мало знаемъ ученіе нашей церкви, что принимаемъ за какое-то новое откровеніе наши же основные догматы, — сказалъ Селенинъ, какъ бы торопясь высказать бывшему пріятелю свои новые для него взгляды.

Нехлюдовъ удивленно внимательно посмотрѣлъ на Селенина. Селенинъ же опустилъ глаза, въ которыхъ выразилась не только грусть, но и недоброжелательство.

— Да ты развѣ вѣришь въ догматы церкви? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Разумѣется, вѣрю, — отвѣчалъ Селенинъ, прямо и мертво глядя въ глаза Нехлюдову.

— Нехлюдовъ вздохнулъ: — удивительно, — сказалъ онъ.

— Впрочемъ, мы послѣ поговоримъ, — сказалъ Селенинъ. Иду, — обратился онъ къ почтительно подошедшему къ нему судебному приставу. Непремѣнно надо видѣться, — прибавилъ онъ, вздыхая. Только застанешь ли тебя? Меня же всегда застанешь въ 7 часовъ, къ обѣду. Надеждинская, — онъ назвалъ номеръ. — Много съ тѣхъ поръ воды утекло, — прибавилъ онъ уходя, опять улыбаясь одними губами.

— Приду, если успѣю, — сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что когда то близкій и любимый имъ человѣкъ Селенинъ сдѣлался ему вдругъ, вслѣдствіе этого короткаго разговора, чуждымъ, далекимъ и непонятнымъ, если не враждебнымъ.

XXIII.

Когда Нехлюдовъ зналъ Селенина студентомъ, это былъ прекрасный сынъ, вѣрный товарищъ и, по своимъ годамъ, хорошо образованный свѣтскій человѣкъ съ большимъ тактомъ, всегда элегантный и красивый, и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно правдивый и честный. Онъ учился прекрасно безъ особаго труда и безъ малѣйшаго педантизма, получая

золотыя медали за сочиненія. Онъ не на словахъ только, а въ дѣйствительности цѣлью своей молодой жизни ставилъ служеніе людямъ. Служеніе это онъ не представлялъ себѣ иначе, какъ въ формѣ государственной службы, и потому, какъ только кончилъ курсъ, онъ систематически разсмотрѣлъ всѣ дѣятельности, которымъ онъ могъ посвятить свои силы, и рѣшилъ, что онъ будетъ полезнѣе всего во второмъ отдѣленіи Собственной Канцеляріи, завѣдующей составленіемъ законовъ, и поступилъ туда. Но несмотря на самое точное и добросовѣстное исполненіе всего того, что̀ отъ него требовалось, онъ не нашелъ въ этой службѣ удовлетворенія своей потребности быть полезнымъ и не могъ вызвать сознанія того, что онъ дѣлаетъ то, что̀ должно. Неудовлетворенность эта, вслѣдствіе столкновеній съ очень мелочнымъ и тщеславнымъ, ближайшимъ начальникомъ такъ усилилась, что онъ вышелъ изъ второго отдѣленія и перешелъ въ сенатъ. Въ сенатѣ ему было лучше, но то-же сознаніе неудовлетворенности преслѣдовало его. Онъ, не переставая, чувствовалъ, что было совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ, и что̀ должно было быть. Тутъ, во время службы въ сенатѣ, его родные выхлопотали ему назначеніе камеръ-юнкеромъ, и онъ долженъ былъ ѣхать въ шитомъ мундирѣ, въ бѣломъ полотняномъ фартукѣ, въ каретѣ, благодарить разныхъ людей за то, что его произвели въ должность лакея. Какъ онъ ни старался, онъ никакъ не могъ найти разумнаго объясненія этой должности. Теперь онъ еще больше, чѣмъ на службѣ, чувствовалъ, что это было „не то“, а между тѣмъ съ одной стороны не могъ отказаться отъ этого назначенія, чтобы не огорчить тѣхъ, которые были увѣрены, что они дѣлаютъ ему этимъ большое удовольствіе, а съ другой стороны назначеніе это льстило низшимъ свойствамъ его природы, и ему доставляло удовольствіе видѣть себя въ зеркалѣ въ шитомъ золотомъ мундирѣ и пользоваться тѣмъ уваженіемъ, которое вызывало это назначеніе въ нѣкоторыхъ людяхъ.

То-же случилось съ нимъ и по отношенію къ женитьбѣ. Ему устроили, съ точки зрѣнія свѣта, очень блестящую же-

нитьбу. И онъ женился тоже преимущественно потому, что, отказавшись, онъ оскорбилъ бы, сдѣлалъ бы больно и желавшей этого брака невѣстѣ, и тѣмъ, кто устраивали этотъ бракъ, и потому, что женитьба на молодой, миловидной, знатной дѣвушкѣ льстила его самолюбію и доставляла удовольствіе. Но женитьба очень скоро оказалась еще больше „не то", чѣмъ служба и придворная должность. Послѣ перваго ребенка жена не захотѣла имѣть болѣе дѣтей и стала вести роскошную, свѣтскую жизнь, въ которой и онъ волей-неволей долженъ былъ участвовать.

Не говоря уже о томъ, что она этимъ отравляла жизнь мужу, — и сама ничего, кромѣ страшныхъ усилій и усталости, не получала отъ такой жизни, — она всетаки старательно вела ее. Всякія попытки его измѣнить эту жизнь разбивались, какъ о каменную стѣну, объ ея увѣренность, поддерживаемую всѣми ея родными и знакомыми, что такъ нужно.

Ребенокъ, дѣвочка, съ золотистыми длинными локонами и голыми ногами, было существо совершенно чуждое отцу, въ особенности потому, что она была ведена совсѣмъ не такъ, какъ онъ хотѣлъ этого. Между супругами установилось обычное непониманіе и даже нежеланіе понять другъ друга и тихая, молчаливая, скрываемая отъ постороннихъ и умѣряемая приличіями борьба, дѣлавшая для Селенина жизнь дома очень тяжелою. Такъ что семейная жизнь оказалась еще болѣе „не то", чѣмъ служба и придворное назначеніе.

Болѣе же всего „не то" было его отношеніе къ религіи. Какъ и всѣ люди его круга и времени, онъ безъ малѣйшаго усилія разорвалъ своимъ умственнымъ ростомъ тѣ путы религіозныхъ суевѣрій, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, и самъ не зналъ, когда именно онъ освободился. Какъ серьезный и честный, онъ не скрывалъ этой своей свободы отъ суевѣрій оффиціальной религіи во время первой молодости, студенчества и сближенія съ Нехлюдовымъ.

Но съ годами и съ повышеніями его по службѣ и въ особенности съ реакціей консерватизма, наступившей въ это

время въ обществѣ, эта духовная свобода стала мѣшать ему. Не говоря о домашнихъ отношеніяхъ, въ особенности при смерти его отца, панихидахъ по немъ, и о томъ, что мать его желала, чтобы онъ говѣлъ, и что это отчасти требовалось общественнымъ мнѣніемъ, — по службѣ приходилось безпрестанно присутствовать на молебнахъ, освященіяхъ, благодарственныхъ и тому подобныхъ службахъ: рѣдкій день проходилъ, чтобы не было какого-нибудь отношенія къ внѣшнимъ формамъ религіи, избѣжать которыхъ нельзя было. Надо было, присутствуя при этихъ службахъ, одно изъ двухъ: или притворяться (чего онъ съ своимъ правдивымъ характеромъ никогда не могъ), что онъ вѣритъ въ то, во что̀ не вѣритъ, или, признавъ всѣ эти внѣшнія формы ложью, устроить свою жизнь такъ, чтобы не быть въ необходимости участвовать въ томъ, что̀ онъ считаетъ ложью. Но для того, чтобы сдѣлать это кажущееся столь не важнымъ дѣло, надо было очень много: надо было, кромѣ того, что стать въ постоянную борьбу со всѣми близкими людьми, надо было еще измѣнить все свое положеніе, бросить службу и пожертвовать всей той пользой людямъ, которую онъ думалъ, что приноситъ на этой службѣ уже теперь, и надѣялся еще больше приносить въ будущемъ. И для того, чтобы сдѣлать это, надо было быть твердо увѣреннымъ въ своей правотѣ. Онъ и былъ твердо увѣренъ въ своей правотѣ, какъ не можетъ не быть увѣренъ въ правотѣ здраваго смысла всякій образованный человѣкъ нашего времени, который знаетъ немного исторію, знаетъ происхожденіе религіи вообще и о происхожденіи и распаденіи церковно-христіанской религіи. Онъ не могъ не знать, что онъ былъ правъ, не признавая истинности церковнаго ученія. Но подъ давленіемъ жизненныхъ условій, онъ — правдивый человѣкъ — допустилъ маленькую ложь, состоящую въ томъ, что сказалъ себѣ, что для того, чтобы утверждать то, что неразумное — неразумно, надо прежде изучить это неразумное. То была маленькая ложь, но она-то завела его въ ту большую ложь, въ которой онъ завязъ теперь.

Поставивъ себѣ вопросъ о томъ, справедливо ли то православіе, въ которомъ онъ рожденъ и воспитанъ, которое требуется отъ него всѣми окружающими, безъ признанія котораго онъ не можетъ продолжать свою полезную для людей дѣятельность, — онъ уже предрѣшалъ его. И потому для уясненія этого вопроса, онъ взялъ не Вольтера, Шопенгауэра, Спенсера, Конта, а философскія книги Гегеля и религіозныя сочиненія Vinet, Хомякова и, естественно, нашелъ въ нихъ то самое, что̀ ему было нужно: подобіе успокоенія и оправданія того религіознаго ученія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, и которое разумъ его давно уже не допускалъ, но безъ котораго вся жизнь переполнялась непріятностями, а при признаніи котораго всѣ эти непріятности сразу устранялись. И онъ усвоилъ себѣ всѣ тѣ обычные софизмы о томъ, что отдѣльный разумъ человѣка не можетъ познать истины, что истина открывается только совокупности людей, что единственное средство познанія ея есть откровеніе, что откровеніе хранится церковью и т. п.; и съ тѣхъ поръ уже могъ спокойно, безъ сознанія совершаемой лжи, присутствовать при молебнахъ, панихидахъ, обѣдняхъ, могъ говѣть и креститься на образа и могъ продолжать служебную дѣятельность, дававшую ему сознаніе приносимой пользы и утѣшеніе въ нерадостной семейной жизни. Онъ думалъ, что онъ вѣритъ, но между тѣмъ больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, онъ всѣмъ существомъ сознавалъ, что эта вѣра его была что-то совсѣмъ „не то". И отъ этого у него всегда были грустные глаза. И отъ этого, увидавъ Нехлюдова, котораго онъ зналъ тогда, когда всѣ эти лжи еще не установились въ немъ, онъ вспомнилъ себя такимъ, какимъ онъ былъ тогда, и въ особенности послѣ того, какъ онъ поторопился намекнуть ему на свое религіозное воззрѣніе, онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, почувствовалъ все это „не то", и ему стало мучительно грустно. Это же самое, послѣ перваго впечатлѣнія радости увидать стараго пріятеля, почувствовалъ и Нехлюдовъ.

И отъ этого они оба, пообѣщавъ другъ другу, что уви-

дятся, не искали этого свиданія и такъ и не видѣлись въ этотъ пріѣздъ Нехлюдова въ Петербургъ.

XXIV.

Выйдя изъ сената, Нехлюдовъ съ адвокатомъ пошли вмѣстѣ по тротуару. Каретѣ своей адвокатъ велѣлъ ѣхать за собой и началъ разсказывать Нехлюдову исторію того директора департамента, про котораго говорили сенаторы о томъ, какъ его уличили, и какъ вмѣсто каторги, которая по закону предстояла ему, его назначаютъ губернаторомъ въ Сибирь. Досказавъ всю исторію и всю гадость ея и еще съ особеннымъ удовольствіемъ исторію о томъ, какъ украдены разными высокопоставленными людьми деньги, собранныя на тотъ все недостраивающійся памятникъ, мимо котораго они проѣхали сегодня утромъ, и еще про то, какъ любовница такого-то нажила милліоны на биржѣ, и такой-то продалъ, а такой-то купилъ жену, — адвокатъ началъ еще новое повѣствованіе о мошенничествахъ и всякаго рода преступленіяхъ высшихъ чиновъ государства, сидѣвшихъ не въ острогѣ, а на предсѣдательскихъ креслахъ въ разныхъ учрежденіяхъ. Разсказы эти, запасъ которыхъ былъ, очевидно, неистощимъ, — доставляли адвокату большое удовольствіе, показывая съ полной очевидностью то, что средства, употребляемыя имъ, адвокатомъ, для добыванія себѣ денегъ, были вполнѣ правильны и невинны, въ сравненіи съ тѣми средствами, которыя употреблялись для той же цѣли высшими чинами въ Петербургѣ. И потому адвокатъ былъ очень удивленъ, когда Нехлюдовъ, не дослушавъ его послѣдней исторіи о преступленіяхъ высшихъ чиновъ, простился съ нимъ и, взявъ извозчика, поѣхалъ домой на набережную.

Нехлюдову было очень грустно. Ему было грустно преимущественно отъ того, что отказъ сената утверждалъ это безсмысленное мучительство надъ невинной Масловой, и отъ того, что этотъ отказъ дѣлалъ еще болѣе труднымъ его неизмѣнное рѣшеніе соединить съ ней свою судьбу. Грусть еще усилилась отъ тѣхъ ужасныхъ исторій царствующаго

зла, про которыя съ такой радостью говорилъ адвокатъ, и, кромѣ того, онъ безпрестанно вспоминалъ недобрый, холодный, отталкивающій взглядъ когда-то милаго, открытаго, благороднаго Селенина.

Когда Нехлюдовъ вернулся домой, швейцаръ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ подалъ ему записку, которую написала въ швейцарской какая-то женщина, какъ выразился швейцаръ. Это была записка отъ матери Шустовой. Она писала, что пріѣзжала благодарить благодѣтеля-спасителя дочери и, кромѣ того, просить, умолять его пріѣхать къ нимъ на Васильевскій, въ 5-ую линію, въ такую-то квартиру. Это крайне нужно было, писала она ему, для Вѣры Ефремовны. Пусть онъ не боится, что его будутъ утруждать выраженіемъ благодарности, про благодарность не будутъ говорить, а просто будутъ рады его видѣть. Если можно, то не пріѣдетъ ли онъ завтра утромъ.

Другая записка была отъ бывшаго товарища Нехлюдова, флигель-адъютанта Богатырева, котораго Нехлюдовъ просилъ лично передать приготовленное имъ прошеніе отъ имени сектантовъ государю. Богатыревъ своимъ крупнымъ, рѣшительнымъ почеркомъ писалъ, что прошеніе онъ, какъ обѣщалъ, подастъ прямо въ руки государю, но что ему пришла мысль: не лучше ли Нехлюдову прежде съѣздить къ тому лицу, отъ котораго зависитъ это дѣло, и попросить его.

Нехлюдовъ, послѣ впечатлѣній послѣднихъ дней своего пребыванія въ Петербургѣ, находился въ состояніи полной безнадежности достигнуть чего-либо. Его планы, составленные въ Москвѣ, казались ему чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ юношескихъ мечтаній, въ которыхъ неизбѣжно разочаровываются люди, вступающіе въ жизнь. Но всетаки теперь, будучи въ Петербургѣ онъ считалъ своимъ долгомъ исполнить все то, что̀ намѣревался сдѣлать, и рѣшилъ завтра же, побывавъ у Богатырева, исполнить его совѣтъ и поѣхать къ тому лицу, отъ котораго зависѣло дѣло сектантовъ.

Теперь онъ, доставъ изъ портфеля прошеніе сектантовъ, перечитывалъ его, когда къ нему постучался и вошелъ ла-

кей графини Екатерины Ивановны съ приглашеніемъ пожаловать наверхъ чай кушать.

Нехлюдовъ сказалъ, что сейчасъ придетъ, и, сложивъ бумаги въ портфель, пошелъ къ тетушкѣ. По дорогѣ наверхъ онъ заглянулъ въ окно на улицу и увидалъ пару рыжихъ Mariette, и ему вдругъ неожиданно стало весело и захотѣлось улыбаться.

Mariette въ шляпѣ, но уже не въ черномъ, а въ какомъ-то свѣтломъ, разныхъ цвѣтовъ платьѣ сидѣла съ чашкой въ рукѣ подлѣ кресла графини и что-то щебетала, блестя своими красивыми смѣющимися глазами. Въ то время, какъ Нехлюдовъ входилъ въ комнату, Mariette только что отпустила что-то такое смѣшное, и смѣшное неприличное, — это Нехлюдовъ видѣлъ по характеру смѣха, — что добродушная усатая графиня Екатерина Ивановна, вся сотрясаясь своимъ толстымъ тѣломъ, закатывалась отъ смѣха, а Mariette съ особеннымъ mischievous выраженіемъ, перекосивъ немножко улыбающійся ротъ и склонивъ на бокъ энергическое и веселое лицо, молча смотрѣла на свою собесѣдницу.

Нехлюдовъ по нѣсколькимъ словамъ понялъ, что онѣ говорили про вторую новость петербургскую того времени, объ эпизодѣ новаго сибирскаго губернатора, и что Mariette именно въ этой области что-то сказала такое смѣшное, что графиня долго не могла удержаться.

— Ты меня уморишь, — говорила она, закашлявшись.

Нехлюдовъ поздоровался и присѣлъ къ нимъ. И только что онъ хотѣлъ осудить Mariette за ея легкомысліе, какъ она, замѣтивъ серьезное и чуть-чуть недовольное выраженіе его лица, тотчасъ же, чтобы понравиться ему, — а ей этого захотѣлось съ тѣхъ поръ, какъ она увидала его, — измѣнила не только выраженіе своего лица, но все свое душевное настроеніе. Она вдругъ стала серьезной, недовольной своей жизнью и чего-то ищущая, къ чему то стремящаяся, не то, что притворилась, а дѣйствительно усвоила себѣ точно то самое душевное настроеніе, — хотя она словами никакъ не

могла бы выразить, въ чемъ оно состояло, — въ какомъ былъ Нехлюдовъ въ эту минуту.

Она спросила его, какъ онъ окончилъ свои дѣла. Онъ разсказалъ про неуспѣхъ въ сенатѣ и про свою встрѣчу съ Селенинымъ. — Ахъ! какая чистая душа! Вотъ именно chevalier sans peur et sans reproche. Чистая душа, — приложили обѣ дамы тотъ постоянный эпитетъ, подъ которымъ Селенинъ былъ извѣстенъ въ обществѣ.

— Что такое его жена? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Она? Ну, да я не буду осуждать. Но она не понимаетъ его.

— Что-же, неужели и онъ былъ за отказъ? — спросила она съ искреннимъ сочувствіемъ. — Это ужасно, какъ мнѣ ее жалко! — прибавила она, вздыхая.

Онъ нахмурился и, желая перемѣнить разговоръ, началъ говорить о Шустовой, содержавшейся въ крѣпости и выпущенной по ея ходатайству. Онъ поблагодарилъ за ходатайство передъ мужемъ и хотѣлъ сказать о томъ, какъ ужасно думать, что женщина эта и вся семья ея страдали только потому, что никто не напомнилъ о нихъ, но она не дала ему договорить, и сама выразила свое негодованіе.

— Не говорите мнѣ, — сказала она. — Какъ только мужъ сказалъ мнѣ, что ее можно выпустить, меня именно поразила эта мысль. За что же держали ее, если она невиновата? — высказала она то, что̀ хотѣлъ сказать Нехлюдовъ. — Это возмутительно, возмутительно!

Графиня Екатерина Ивановна видѣла, что Mariette кокетничаетъ съ племянникомъ, и это забавляло ее. — Знаешь что? — сказала она, когда они замолчали, — пріѣзжай завтра вечеромъ къ Aline, у ней будетъ Кизеветеръ. И ты тоже, — обратилась она къ Mariette.

— Il vous a remarqué, — сказала она племяннику. — Онъ мнѣ сказалъ, что все, что̀ ты говорилъ, — я ему разсказала, — все это хорошій признакъ, и что ты непремѣнно придешь ко Христу. Непремѣнно пріѣзжай. Скажи ему, Mariette, чтобы онъ пріѣхалъ, и сама пріѣзжай.

— Я, графиня, во-первыхъ, не имѣю никакихъ правъ что-либо совѣтовать князю, — сказала Mariette, глядя на Нехлюдова и этимъ взглядомъ устанавливая между нимъ и ею какое-то полное соглашеніе объ отношеніи къ словамъ графини и вообще къ евангелизму, — и во-вторыхъ, я не очень люблю, вы знаете...

— Да ты всегда все дѣлаешь навыворотъ и по-своему.

— Какъ по-своему? Я вѣрю, какъ баба самая простая, — сказала она улыбаясь. — А въ-третьихъ, — продолжала она, — я завтра ѣду во французскій театръ.

— Ахъ! а видѣлъ ты эту... ну, какъ ее? — сказала графиня Екатерина Ивановна.

Mariette подсказала имя знаменитой французской актрисы.

— Поѣзжай непремѣнно, — это удивительно.

— Кого же прежде смотрѣть, ma tante, актрису или проповѣдника? — спросилъ Нехлюдовъ, улыбаясь.

— Пожалуйста, не лови меня на словахъ.

— Я думаю, прежде проповѣдника, а потомъ французскую актрису, а то какъ бы совсѣмъ не потерять вкуса къ проповѣди, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, лучше начать съ французскаго театра, потомъ покаяться, — сказала Mariette.

— Ну, вы меня на смѣхъ не смѣйте подымать. Проповѣдникъ проповѣдникомъ, а театръ — театромъ. Для того, чтобы спастись, совсѣмъ не нужно сдѣлать въ аршинъ лицо и все плакать. Надо вѣрить, и тогда будетъ весело.

— Вы, ma tante, лучше всякаго проповѣдника проповѣдуете.

— А знаете что, — сказала Mariette, задумавшись, — пріѣзжайте завтра ко мнѣ въ ложу.

— Я боюсь, что мнѣ нельзя будетъ...

Разговоръ перебилъ лакей съ докладомъ о посѣтителѣ. Это былъ секретарь благотворительнаго общества, предсѣдательницей котораго состояла графиня.

— Ну, это прескучный господинъ. Я лучше его тамъ

приму. А потомъ приду къ вамъ. Напойте его чаемъ. Mariette, — сказала графиня, уходя своимъ быстрымъ вертлявымъ шагомъ къ залу.

Mariette сняла перчатку и оголила энергическую, довольно плоскую руку, съ покрытой перстнями безымянкой.

— Хотите? — сказала она, берясь за серебряный чайникъ на спирту и странно оттопыривая мизинецъ.

Лицо ея сдѣлалось серьезно и грустно.

— Мнѣ всегда ужасно, ужасно больно бываетъ думать, что люди, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, смѣшиваютъ меня съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ я нахожусь.

Она какъ будто готова была заплакать, говоря послѣднія слова. И хотя, если разобрать ихъ, слова эти или не имѣли никакого, или имѣли очень неопредѣленный смыслъ, они Нехлюдову показались необыкновенной глубины, искренности и доброты, — такъ привлекалъ его къ себѣ тотъ взглядъ блестящихъ глазъ, который сопровождалъ эти слова молодой, красивой и хорошо одѣтой женщины.

Нехлюдовъ смотрѣлъ на нее молча и не могъ оторвать глазъ отъ ея лица.

— Вы думаете, что я не понимаю васъ и всего, что̀ въ васъ происходитъ. Вѣдь то, что̀ вы сдѣлали, всѣмъ извѣстно. C'est le secret de polichinelle. И я восхищаюсь этимъ и одобряю васъ.

— Право, нечѣмъ восхищаться, я такъ мало еще сдѣлалъ.

— Это все равно. Я понимаю ваше чувство и понимаю ее, — ну, хорошо, хорошо, я не буду говорить объ этомъ, — перебила она себя, замѣтивъ на его лицѣ неудовольствіе. Но я понимаю еще и то, что, увидѣвъ всѣ страданія, весь ужасъ того, что̀ дѣлается въ тюрьмахъ, — говорила Mariette, желая только одного, — привлечь его къ себѣ, своимъ женскимъ чутьемъ угадывая все то, что̀ было ему важно и дорого: — вы хотите помочь страдающимъ и страдающимъ такъ ужасно, такъ ужасно отъ людей, отъ равнодушія, жесто-

кости... Я понимаю, какъ можно отдать за это жизнь, и сама бы отдала. Но, у каждаго своя судьба...

— Развѣ вы недовольны своей судьбой?

— Я? — спросила она, какъ будто пораженная удивленіемъ, что можно объ этомъ спрашивать. — Я должна быть довольна, и довольна. Но есть червякъ, который просыпается...

— И ему не надо давать засыпать, надо вѣрить этому голосу, — сказалъ Нехлюдовъ, совершенно поддавшись ея обману.

Потомъ много разъ Нехлюдовъ со стыдомъ вспоминалъ весь свой разговоръ съ ней; вспоминалъ ея, не столько лживыя, сколько поддѣльныя подъ него слова, и то лицо — будто-бы умиленнаго вниманія, съ которымъ она слушала его, когда онъ разсказывалъ ей про ужасы острога и про свои впечатлѣнія въ деревнѣ.

Когда графиня вернулась, они разговаривали, не только какъ старые, но исключительные друзья, одни понимавшіе другъ друга среди толпы, непонимавшей ихъ.

Они говорили о несправедливости власти, о страданіяхъ несчастныхъ, о бѣдности народа, но въ сущности глаза ихъ, смотрѣвшіе другъ на друга подъ шумокъ разговора, не переставая спрашивали: „можешь любить меня?“ и отвѣчали: „могу“, и половое чувство, принимая самыя неожиданныя и радужныя формы, влекло ихъ другъ къ другу.

Уѣзжая, она сказала ему, что всегда готова служить ему, чѣмъ можетъ, и просила его пріѣхать къ ней завтра вечеромъ непремѣнно, хоть на минуту, въ театръ, что ей нужно еще поговорить съ нимъ объ одной важной вещи.

— Да и когда я васъ увижу опять? — прибавила она, вздохнувъ, и стала осторожно надѣвать перчатку на покрытую перстнями руку. — Такъ скажите, что придете.

Нехлюдовъ обѣщалъ.

Въ эту ночь, когда Нехлюдовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, легъ въ постель и потушилъ свѣчу, онъ долго не могъ заснуть. Когда онъ вспоминалъ о Масловой, о рѣ-

шеніи сената и о томъ, что онъ всетаки рѣшилъ ѣхать за нею, о своемъ отказѣ отъ права на землю, ему вдругъ, какъ отвѣтъ на эти вопросы, представилось лицо Mariette, ея вздохъ и взглядъ, когда она сказала: „когда я вась увижу опять", и ея улыбка — съ такою ясностью, что онъ, какъ будто видѣлъ ее, и самъ улыбнулся. „Хорошо ли я сдѣлаю, уѣхавъ въ Сибирь? И хорошо ли сдѣлаю, лишивъ себя богатства?" — спросилъ онъ себя.

И отвѣты на эти вопросы въ эту свѣтлую петербургскую ночь, виднѣвшуюся сквозь неплотно опущенную штору, были неопредѣленные. Все спуталось въ его головѣ. Онъ вызывалъ въ себѣ прежнее настроеніе и вспоминалъ прежній ходъ мыслей; но мысли эти уже не имѣли прежней силы убѣдительности.

„А вдругъ все это я выдумалъ и не буду въ силахъ жить этимъ: раскаюсь въ томъ, что я поступилъ хорошо", — сказалъ онъ себѣ и, не въ силахъ будучи отвѣтить на эти вопросы, онъ испыталъ такое чувство тоски и отчаянія, какого онъ давно не испытывалъ и заснулъ тѣмъ тяжелымъ сномъ, которымъ онъ, бывало, засыпалъ послѣ большого карточнаго проигрыша.

XXV.

Первое чувство Нехлюдова, когда онъ проснулся на другое утро, было то, что онъ наканунѣ сдѣлалъ какую-то гадость. Онъ сталъ вспоминать: гадости не было, поступка не было дурного, но были мысли, дурныя мысли о томъ, что всѣ его теперешнія намѣренія — женитьбы на Катюшѣ и отдачи земли крестьянамъ, что все это неосуществимыя мечты, что всего этого онъ не выдержитъ, что все это искусственно, неестественно, а надо жить, какъ жилъ. Поступка дурного не было, но было то, что̀ много хуже дурного поступка: были тѣ мысли, отъ которыхъ происходятъ всѣ дурные поступки.

Поступокъ дурной можно не повторить и раскаяться въ немъ, дурныя же мысли родятъ всѣ дурные поступки.

Дурной поступокъ только накатываетъ дорогу къ дурнымъ поступкамъ; дурныя же мысли неудержимо влекутъ по этой дорогѣ.

Повторивъ въ своемъ воображеніи утромъ вчерашнія мысли, Нехлюдовъ удивился тому, какъ могъ онъ хоть на минуту повѣрить имъ. Какъ ни ново и трудно было то, что̀ онъ намѣренъ былъ сдѣлать, онъ зналъ, что это была единственная возможная для него теперь жизнь, и какъ ни привычно и легко было вернуться къ прежнему, онъ зналъ, что это была смерть. Вчерашній соблазнъ представился ему теперь тѣмъ, что̀ бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ разоспался и ему хочется, хоть не спать, а еще поваляться, понѣжиться въ постели, несмотря на то, что онъ знаетъ, что пора вставать для ожидающаго его важнаго и радостнаго дѣла.

Въ этотъ день, послѣдній его пребыванія въ Петербургѣ, онъ съ утра поѣхалъ на Васильевскій островъ къ Шустовой.

Квартира Шустовой была во второмъ этажѣ. Нехлюдовъ по указанію дворника попалъ на черный ходъ и по прямой и крутой лѣстницѣ вошелъ прямо въ жаркую, густо пахнувшую ѣдой кухню.

Пожилая женщина съ засученными рукавами, въ фартукѣ и въ очкахъ, стояла у плиты и что-то мѣшала въ дымящейся кастрюлѣ.

— Вамъ кого? — спросила она строго, глядя поверхъ очковъ на вошедшаго.

Не успѣлъ Нехлюдовъ назвать себя, какъ лицо женщины приняло испуганное и радостное выраженіе.

— Ахъ, князь! — обтирая руки о фартукъ, вскрикнула женщина. — Да зачѣмъ вы съ черной лѣстницы? Благодѣтель вы нашъ! Я мать ей. Погубили вѣдь было совсѣмъ дѣвочку. Спаситель вы нашъ, — говорила она, хватая Нехлюдова за руку и стараясь поцѣловать ее.

— Я вчера была у васъ. Меня сестра особенно просила. Она здѣсь. Сюда, сюда, пожалуйте за мной — говорила мать — Шустова, провожая Нехлюдова черезъ узкую дверь

и темный корридорчикъ и дорогой оправляя то подтыканное платье, то волосы. — Сестра моя Корнилова, — вѣрно слышали, — шопотомъ прибавила она, остановившись передъ дверью. — Она была замѣшана въ политическихъ дѣлахъ. Умнѣйшая женщина.

Отворивъ дверь изъ корридора, мать Шустовой ввела Нехлюдова въ маленькую комнатку, гдѣ передъ столомъ на диванчикѣ сидѣла невысокая полная дѣвушка въ полосатой ситцевой кофточкѣ и съ вьющимися бѣлокурыми волосами, окаймлявшими ея круглое и очень блѣдное, похожее на мать лицо. Противъ нея сидѣлъ, согнувшись вдвое на креслѣ въ русской съ вышитымъ воротомъ рубашкѣ молодой человѣкъ съ черными усиками и бородкой. Они оба, очевидно, были такъ увлечены разговоромъ, что оглянулись только тогда, когда Нехлюдовъ уже вошелъ въ дверь.

— Лида, князь Нехлюдовъ, тотъ самый...

Блѣдная дѣвушка нервно вскочила, оправляя выбившуюся изъ за уха прядь волосъ, и испуганно уставилась своими большими сѣрыми глазами на входившаго.

— Такъ вы та самая опасная женщина, за которую просила Вѣра Ефремовна, — сказалъ Нехлюдовъ, улыбаясь и протягивая руку.

— Да, я самая, — сказала Лидія и, во весь ротъ открывая рядъ прекрасныхъ зубовъ, улыбнулась доброй, дѣтской улыбкой. — Это тетя очень хотѣла васъ видѣть. Тетя! — обратилась она въ дверь пріятнымъ нѣжнымъ голосомъ.

— Вѣра Ефремовна была очень огорчена вашимъ арестомъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Сюда, или сюда садитесь лучше, — говорила Лидія, указывая на мягкое сломанное кресло, съ котораго только что всталъ молодой человѣкъ.

— Мой двоюродный братъ, Захаровъ, — сказала она, замѣтивъ взглядъ, которымъ Нехлюдовъ оглядывалъ молодого человѣка.

Молодой человѣкъ, такъ-же добродушно улыбаясь, какъ и сама Лидія, поздоровался съ гостемъ и, когда Нехлюдовъ

сѣлъ на его мѣсто, взялъ себѣ стулъ отъ окна и сѣлъ рядомъ. Изъ другой комнаты вышелъ еще бѣлокурый гимназистъ, лѣтъ 16, и молча сѣлъ на подоконникъ.

— Вѣра Ефремовна большой другъ съ тетей, а я почти не знаю ее, — сказала Лидія.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышла въ бѣлой кофточкѣ, подпоясанной кожанымъ поясомъ, женщина съ очень пріятнымъ, умнымъ лицомъ.

— Здравствуйте, вотъ спасибо вамъ что пріѣхали, — начала она, какъ только усѣлась на диванъ рядомъ съ Лидіей.

— Ну что Вѣрочка? Вы ее видѣли? Какъ же она переноситъ свое положеніе?

— Она не жалуется — сказалъ Нехлюдовъ, — говоритъ что у нея самочувствіе олимпійское.

— Ахъ Вѣрочка, узнаю ее, — улыбаясь и покачивая головой, сказала тетка. — Ее надо знать. Это великолѣпная личность. Все для другихъ, ничего для себя.

— Да, она ничего для себя не хотѣла, а только была озабочена о вашей племянницѣ. Ее мучало, главное, то, что ее, какъ она говорила, ни за что взяли.

— Это такъ, — сказала тетка, — это ужасное дѣло! Пострадала она собственно за меня.

— Да совсѣмъ нѣтъ, тетя, — сказала Лидія. Я бы и безъ васъ взяла бумаги.

— Ужъ позволь мнѣ знать лучше тебя, — продолжала тетка: — видите ли — продолжала она, обращаясь къ Нехлюдову, — все вышло отъ того, что одна личность просила меня приберечь на время его бумаги — а я, не имѣя квартиры, отнесла ей. А у ней въ ту же ночь сдѣлали обыскъ и взяли и бумаги, и ее, и вотъ держали до сихъ поръ, требовали, чтобъ она сказала, отъ кого получила.

— Я и не сказала, — быстро проговорила Лидія, нервно теребя прядь, которая и не мѣшала ей.

— Да я и не говорю, что ты сказала, — возразила

— Если они взяли Митина, то никакъ не черезъ меня, — сказала Лидія, краснѣя и безпокойно оглядываясь вокругъ себя.

— Да ты не говори про это, Лидочка, — сказала мать.

— Отчего же, я хочу разсказать, — сказала Лидія, уже не улыбаясь, а краснѣя, и уже не оправляя, а крутя на палецъ свою прядь и все оглядываясь.

— Вчера вѣдь что̀ было, когда ты стала говорить про это.

— Нисколько... Оставьте, мамаша. Я не сказала, а только промолчала. Когда онъ допрашивалъ меня два раза про тетю и про Митина, я ничего не сказала и объявила ему, что ничего отвѣчать не буду. Тогда этотъ... Петровъ...

— Петровъ, сыщикъ, жандармъ и большой негодяй, — вставила тетка, объясняя Нехлюдову слова племянницы.

— Тогда онъ, — продолжала Лидія, волнуясь и торопясь, — сталъ уговаривать меня. Все, говоритъ, что̀ вы мнѣ скажете, никому повредить не можетъ, а напротивъ. Если вы скажете, то освободите невинныхъ, которыхъ мы, можетъ быть, напрасно мучимъ. Ну а я всетаки сказала, что не скажу. Тогда онъ говоритъ: „Ну, хорошо, не говорите ничего, а только не отрицайте того, что̀ я скажу.“ И сталъ называть и назвалъ Митина.

— Да ты не говори, — сказала тетка.

— Ахъ, тетя, не мѣшайте... — и она не переставая, тянула себя за прядь волосъ и все оглядывалась, — и вдругъ представьте себя, на другой день узнаю — мнѣ перестукиваніемъ передаютъ, что Митинъ взятъ. Ну, думаю — я выдала. И такъ это меня стало мучать, такъ стало мучать, что я чуть съ ума не сошла.

— И оказалось, что совсѣмъ не черезъ тебя онъ былъ взятъ — сказала тетка.

— Да я то не знала. Думаю — я выдала его. Хожу, хожу отъ стѣны до стѣны, не могу не думать. Думаю: выдала. Лягу, закроюсь и слышу — шепчетъ кто-то мнѣ на

ухо: выдала, выдала Митина, Митина выдала. Знаю, что это галлюцинація, и не могу не слушать. Хочу заснуть — не могу, хочу не думать — тоже не могу. Вотъ это было ужасно! — говорила Лидія, все болѣе и болѣе волнуясь, наматывая на палецъ прядь волосъ и опять разматывая ее и все оглядываясь.

— Лидочка, ты успокойся, — повторила мать, дотрагиваясь до ея плеча.

Но Лидочка не могла уже остановиться: — это тѣмъ ужасно, — начала она что-то еще, но всхлипнула не договоривъ, вскочила съ дивана и, зацѣпившись за кресло, выбѣжала изъ комнаты. Мать пошла за ней.

— Перевѣшать мерзавцевъ, — проговорилъ гимназистъ, сидѣвшій на окнѣ.

— Ты что? — спросила тетка.

— Я ничего... Я такъ, — отвѣчалъ гимназистъ и схватилъ лежавшую на столѣ папироску и сталъ закуривать ее.

XXVI.

— Да, для молодыхъ это одиночное заключеніе ужасно, — сказала тетка, покачивая головой и тоже закуривая папиросу.

— Я думаю, для всѣхъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, не для всѣхъ, — отвѣчала тетка. — Для настоящихъ революціонеровъ, мнѣ разсказывали, это отдыхъ, успокоеніе. Нелегальный живетъ вѣчно въ тревогѣ и матеріальныхъ лишеніяхъ и страхѣ и за себя, и за другихъ, и за дѣло, и наконецъ его берутъ, и все кончено, и вся отвѣтственность снята: сиди и отдыхай. Прямо, мнѣ говорили, испытываютъ радость, когда берутъ. Ну, а для молодыхъ, невинныхъ — всегда сначала берутъ невинныхъ, какъ Лидочка, — для этихъ первый шокъ ужасенъ. Не то, что васъ лишили свободы, грубо обращаются, дурно кормятъ, дурной воздухъ — вообще всякія лишенія — все это ничего. Еслибъ было втрое больше лишеній, все бы это переноси-

лось легко, если бы не тотъ нравственный шокъ, который получаешь, когда попадешься въ первый разъ.

— Развѣ вы испытали?

— Я? Два раза сидѣла, — улыбаясь грустной, пріятной улыбкой, сказала тетка. — Когда меня взяли въ первый разъ — и взяли ни за что, — продолжала она, — мнѣ было 22 года, у меня былъ ребенокъ, и я была беременна. Какъ ни тяжело мнѣ было тогда лишеніе свободы, разлука съ ребенкомъ, съ мужемъ, все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я почувствовала, когда поняла, что я перестала быть человѣкомъ и стала вещью. Я хочу проститься съ дочкой — мнѣ говорятъ, чтобы я шла и садилась на извозчика. Я спрашиваю, куда меня везутъ, — мнѣ отвѣчаютъ, что я узнаю, когда привезутъ. Я спрашиваю: въ чемъ меня обвиняютъ, — мнѣ не отвѣчаютъ. Когда меня, послѣ допроса, раздѣли, одѣли въ тюремное платье за №, ввели подъ своды, отперли двери, толкнули туда и заперли на замокъ и ушли, и остался одинъ часовой съ ружьемъ, который ходилъ молча и изрѣдка заглядывалъ въ щелку моей двери, — мнѣ стало ужасно тяжело. Меня, помню, болѣе всего тогда сразило то, что жандармскій офицеръ, когда допрашивалъ меня, предложилъ мнѣ курить. Стало быть, онъ знаетъ, какъ любятъ люди курить, знаетъ, стало быть, и какъ любятъ люди свободу, свѣтъ, знаетъ, какъ любятъ матери дѣтей, и дѣти мать; такъ какъ же они безжалостно оторвали меня отъ всего, что̀ дорого, и заперли, какъ дикаго звѣря? Этого нельзя перенести безнаказанно. Если кто вѣрилъ въ Бога и людей, въ то, что люди любятъ другъ друга, тотъ послѣ этого перестанетъ вѣрить въ это. Я съ тѣхъ поръ перестала вѣрить въ людей и озлобилась, — закончила она и улыбнулась.

Изъ двери, куда ушла Лидія, вышла ея мать и объявила, что Лидочка очень разстроилась и не выйдетъ.

— И за что загублена молодая жизнь? Особенно больно мнѣ, — сказала тетка, — потому что я была невольной причиной.

— Богъ дастъ, на деревенскомъ воздухѣ поправится, — сказала мать. Пошлемъ ее къ отцу.

— Да, кабы не вы, погибла бы совсѣмъ, — сказала тетка. Спасибо вамъ. Видѣть же васъ я хотѣла за тѣмъ, чтобы попросить васъ передать письмо Вѣрѣ Ефремовнѣ, — сказала она, доставая письмо изъ кармана. — Письмо не запечатано, можете прочесть его и разорвать, или передать, — что̀ найдете болѣе сообразнымъ съ вашими убѣжденіями, — сказала она. Въ письмѣ нѣтъ ничего компрометирующаго.

Нехлюдовъ взялъ письмо и, пообѣщавъ передать его, всталъ и, простившись, вышелъ на улицу.

Письмо онъ, не прочтя его, запечаталъ и рѣшилъ передать по назначенію.

XXVII.

Послѣднее дѣло, задержавшее Нехлюдова въ Петербургѣ, было дѣло сектантовъ, прошеніе которыхъ на имя царя онъ намѣревался подать черезъ бывшаго товарища по полку, флигель-адъютанта Богатырева. Поутру онъ пріѣхалъ къ Богатыреву и засталъ его еще дома, хотя и на отъѣздѣ, за завтракомъ. Богатыревъ былъ невысокій, коренастый человѣкъ, одаренный рѣдкой физической силой — онъ гнулъ подковы — добрый, честный, прямой и даже либеральный. Не смотря на эти свойства, онъ былъ близкій человѣкъ ко двору и любилъ царя и его семью и умѣлъ какимъ-то удивительнымъ пріемомъ, живя въ этой высшей средѣ, видѣть въ ней одно хорошее и не участвовать ни въ чемъ дурномъ и нечестномъ. Онъ никогда не осуждалъ ни людей, ни мѣропріятія, а или молчалъ, или говорилъ смѣлымъ, громкимъ, точно онъ кричалъ, голосомъ то, что̀ ему нужно было сказать, часто при этомъ смѣясь такимъ же громкимъ смѣхомъ. И дѣлалъ онъ это не изъ политичности, а потому что такой былъ его характеръ.

— Ну, чудесно, что ты заѣхалъ. Не хочешь позавтракать? А то садись. Бифштексъ чудесный! Я всегда съ

существеннаго начинаю и кончаю. Ха, ха, ха. Ну вина выпей, — кричалъ онъ, указывая на графинъ съ краснымъ виномъ. А я объ тебѣ думалъ. Прошеніе я подамъ. Въ руки отдамъ — это вѣрно; только пришло мнѣ въ голову, не лучше ли тебѣ прежде съѣздить къ Топорову.

Нехлюдовъ поморщился при упоминаніи Топорова.

— Все отъ него зависитъ. Вѣдь все равно у него же спросятъ. А можетъ быть онъ самъ тебя удовлетворитъ.

— Если ты совѣтуешь, я поѣду.

— И прекрасно. Ну, что̀ Питеръ, какъ на тебя дѣйствуетъ, — прокричалъ Богатыревъ, — скажи, а?

— Чувствую, что загипнотизировываюсь, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Загипнотизировываешься? — повторилъ Богатыревъ и громко захохоталъ. Не хочешь, ну какъ хочешь. — Онъ вытеръ салфеткой усы. — Такъ поѣдешь? А? Если онъ не сдѣлаетъ, то давай мнѣ, я завтра же отдамъ, — прокричалъ онъ и, вставъ изъ-за стола, перекрестился широкимъ крестомъ, очевидно такъ же безсознательно, какъ онъ отеръ ротъ, и сталъ застегивать саблю. — А теперь прощай, мнѣ надо ѣхать.

— Вмѣстѣ выйдемъ, — сказалъ Нехлюдовъ, съ удовольствіемъ пожимая сильную, широкую руку Богатырева, и, какъ всегда, подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ чего-то здороваго, безсознательнаго, свѣжаго, разстался съ нимъ на крыльцѣ его дома.

Хотя онъ и не ожидалъ ничего хорошаго отъ своей поѣздки, Нехлюдовъ всетаки по совѣту Богатырева, поѣхалъ къ Топорову, къ тому лицу, отъ котораго зависѣло дѣло сектантовъ.

Должность, которую занималъ Топоровъ, по назначенію своему составляла внутреннее противорѣчіе, не видѣть котораго могъ только человѣкъ тупой и лишенный нравственнаго чувства. Топоровъ обладалъ обѣими этими отрицательными свойствами. Противорѣчіе, заключавшееся въ занимаемой имъ должности, состояло въ томъ, что назначеніе его долж-

ности состояло въ поддерживаніи и защитѣ внѣшними средствами, не исключая и насилія, той церкви, которая по своему же опредѣленію установлена самимъ Богомъ и не можетъ быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человѣческими усиліями. Это то божественное и ничѣмъ непоколебимое, божеское учрежденіе должно было поддерживать и защищать то человѣческое учрежденіе, во главѣ котораго стоялъ Топоровъ съ своими чиновниками. Топоровъ не видѣлъ этого противорѣчія или не хотѣлъ его видѣть и потому очень серьезно былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы какой-нибудь ксендзъ, пасторъ или сектантъ не разрушилъ ту церковь, которую не могутъ одолѣть врата ада. Топоровъ, какъ и всѣ люди, лишенные основного религіознаго чувства, сознанья равенства и братства людей, былъ вполнѣ увѣренъ, что народъ состоитъ изъ существъ совершенно другихъ, чѣмъ онъ самъ, и что для народа необходимо нужно то, безъ чего онъ очень хорошо можетъ обходиться. Самъ онъ въ глубинѣ души ни во что не вѣрилъ и находилъ такое состояніе очень удобнымъ и пріятнымъ, но боялся, какъ бы народъ не пришелъ въ такое же состояніе, и считалъ, какъ онъ говорилъ, священной своей обязанностью спасать отъ этого народъ.

Такъ же, какъ въ одной поваренной книгѣ говорится, что раки любятъ, чтобъ ихъ варили живыми, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, и не въ переносномъ смыслѣ, какъ это выраженіе понималось въ поваренной книгѣ, а въ прямомъ, — думалъ и говорилъ, что народъ любитъ быть суевѣрнымъ.

Онъ относился къ поддерживаемой имъ религіи такъ, какъ относится куроводъ къ падали, которою онъ кормитъ своихъ куръ: падаль очень непріятна, но куры любятъ и ѣдятъ ее, и потому ихъ надо кормить падалью.

Разумѣется, всѣ эти Иверскія, Казанскія и Смоленскія — очень грубое идолопоклонство, но народъ любитъ это и вѣритъ въ это, и поэтому надо поддерживать эти суевѣрія. — Такъ думалъ Топоровъ, не соображая того, что ему казалось, что народъ любитъ суевѣрія только потому, что

всегда находились и теперь находятся такіе жестокіе люди, каковъ и былъ онъ, Топоровъ, которые, просвѣтившись сами, употребляютъ свой свѣтъ не на то, на что̀ они должны бы употреблять его, — на помощь выбивающемуся изъ мрака невѣжества народу, а только на то, чтобы закрѣпить его въ немъ.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ вошелъ въ его пріемную, Топоровъ въ кабинетѣ своемъ бесѣдовалъ съ монахиней-игуменьей, бойкой аристократкой, которая распространяла и поддерживала православіе въ Западномъ краѣ среди насильно пригнанныхъ къ православію уніатовъ.

Чиновникъ по особымъ порученіямъ, находившійся въ пріемной, разспросилъ Нехлюдова объ его дѣлѣ и, узнавъ, что Нехлюдовъ взялся передать прошеніе сектантовъ государю, спросилъ его, не можетъ ли онъ дать просмотрѣть прошеніе. Нехлюдовъ далъ прошеніе, и чиновникъ съ прошеніемъ пошелъ въ кабинетъ. Монахиня въ клобукѣ, съ развѣвающимся вуалемъ и тянущимся за нею чернымъ шлейфомъ, сложивъ бѣлыя съ очищенными ногтями руки, въ которыхъ она держала топазовыя четки, вышла изъ кабинета и прошла къ выходу. Нехлюдова все еще не приглашали войти. Топоровъ читалъ прошеніе и покачивалъ головой. Онъ былъ непріятно удивленъ, читая ясно и сильно написанное прошеніе.

„Если только оно попадетъ въ руки государя, оно можетъ возбудить непріятные вопросы и недоразумѣнія“, подумалъ онъ, дочитавъ прошеніе. И, положивъ его на столъ, позвонилъ и приказалъ просить Нехлюдова.

Онъ помнилъ дѣло этихъ сектантовъ, у него было уже ихъ прошеніе. Дѣло состояло въ томъ, что отпавшихъ отъ православія христіанъ увѣщевали, а потомъ отдали подъ судъ, но судъ оправдалъ ихъ. Тогда архіерей съ губернаторомъ рѣшили, на основаніи незаконности брака, разослать мужей, женъ и дѣтей въ разныя мѣста ссылки. Вотъ эти то отцы и жены и просили, чтобы ихъ не разлучали. Топоровъ вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ, когда оно въ первый

разъ попало къ нему. И тогда онъ колебался — не прекратить ли его? Но вреда не могло быть никакого отъ утвержденія распоряженія о томъ, чтобы разослать въ разныя мѣста членовъ семей этихъ крестьянъ; оставленіе же ихъ на мѣстахъ могло имѣть дурныя послѣдствія на остальное населеніе въ смыслѣ отпаденія ихъ отъ православія, притомъ же это показывало усердіе архіерея, и потому онъ далъ ходъ дѣлу такъ, какъ оно было направлено.

Теперь же, съ такимъ защитникомъ, какъ Нехлюдовъ, имѣвшимъ связи въ Петербургѣ, дѣло могло быть представлено государю особенно, какъ нѣчто жестокое, или попасть въ заграничныя газеты, и потому онъ тотчасъ же принялъ неожиданное рѣшеніе.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ съ видомъ очень занятаго человѣка, стоя встрѣчая Нехлюдова и тотчасъ же приступая къ дѣлу.

— Я знаю это дѣло. Какъ только я взглянулъ на имена, я вспомнилъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, — сказалъ онъ, взявъ въ руки прошеніе и показывая его Нехлюдову. — И я очень благодаренъ вамъ, что вы напомнили мнѣ о немъ. Это губернскія власти переусердствовали . . .

Нехлюдовъ молчалъ, съ недобрымъ чувствомъ глядя на неподвижную маску блѣднаго лица.

— И я сдѣлаю распоряженіе, чтобы эта мѣра была отмѣнена и люди эти водворены на мѣсто жительства.

— Такъ что я могу не давать хода этому прошенію? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Вполнѣ. *Я* вамъ обѣщаю это, — сказалъ онъ съ особеннымъ удареніемъ на словѣ „я“, очевидно, вполнѣ увѣренный, что его честность, его слово были самое лучшее ручательство. — Да лучше всего я сейчасъ напишу. Потрудитесь присѣсть.

Онъ подошелъ къ столу и сталъ писать. Нехлюдовъ, не садясь, смотрѣлъ сверху на этотъ узкій, плѣшивый черепъ, на эту съ толстыми синими жилами руку, быстро водящую перомъ, и удивлялся, зачѣмъ дѣлаетъ то, что онъ дѣ-

лаетъ, и такъ озабоченно дѣлаетъ этотъ ко всему, очевидно, равнодушный человѣкъ? Зачѣмъ? . . .

— Такъ вотъ-съ, — сказалъ Топоровъ, запечатывая конвертъ: — объявите это вашимъ клiентамъ, прибавилъ онъ, поджимая губы въ видѣ улыбки.

— За что же эти люди страдали? — сказалъ Нехлюдовъ, принимая конвертъ.

— Топоровъ поднялъ голову и улыбнулся, какъ будто вопросъ Нехлюдова доставлялъ ему удовольствiе.

— Этого я вамъ не могу сказать. Могу сказать только то, что интересы народа, охраняемые нами, такъ важны, что излишнее усердiе къ вопросамъ вѣры не такъ страшно и вредно, какъ распространяющееся теперь излишнее равнодушiе къ нимъ.

— Но какимъ же образомъ во имя религiи нарушаются самыя первыя требованiя добра — разлучаются семьи . . .

Топоровъ все такъ-же снисходительно улыбался, очевидно находя милымъ то, что̀ говорилъ Нехлюдовъ. Что̀ бы ни сказалъ Нехлюдовъ, Топоровъ все нашелъ бы милымъ и одностороннимъ съ высоты того, какъ онъ думалъ, широкаго государственнаго положенiя, на которомъ онъ стоялъ.

— Съ точки зрѣнiя частнаго человѣка это можетъ представляться такъ, — сказалъ онъ, — но съ государственной точки зрѣнiя представляется нѣсколько иное. — Впрочемъ, мое почтенiе, сказалъ Топоровъ, наклоняя голову и протягивая руку.

Нехлюдовъ пожалъ ее и молча, поспѣшно вышелъ, раскаиваясь въ томъ, что онъ пожалъ эту руку.

„Интересы народа,“ — повторилъ онъ слова Топорова. „Твои интересы, только твои,“ — думалъ онъ, выходя отъ Топорова.

И мыслью пробѣжавъ по всѣмъ тѣмъ лицамъ, на которыхъ проявлялась дѣятельность учрежденiй, возстанавливающихъ справедливость, поддерживающихъ вѣру и воспитывающихъ народъ, — о[illegible], наказанной за безпатентную торговлю виномъ, [illegible]ѣкъ съ пр[illegible] воровство, и бродягу за бро-

дяжничество, и поджигателя за поджогъ, и банкира за расхищеніе, и тутъ же эту несчастную Лидію за то только, что отъ нея можно было получить нужныя свѣдѣнія, и сектантовъ за нарушеніе православія, и Гуркевича за желаніе конституціи, — Нехлюдову съ необыкновенной ясностью пришла мысль о томъ, что всѣхъ этихъ людей хватали, запирали или ссылали совсѣмъ не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззаконія, а только потому, что они мѣшали чиновникамъ и богатымъ владѣть тѣмъ богатствомъ, которое они собирали съ народа.

А мѣшала и баба, торговавшая безъ патента, и воръ, шляющійся по городу, и Лидія съ прокламаціями, и сектанты, разрушающіе суевѣрія, и Гуркевичъ съ конституціей. И потому Нехлюдову казалось совершенно ясно, что всѣ эти чиновники, — начиная отъ мужа его тетки, сенаторовъ и Топорова, до всѣхъ тѣхъ маленькихъ, чистыхъ и корректныхъ господъ, которые сидѣли за столами въ министерствахъ, — нисколько не смущались тѣмъ, что при такомъ порядкѣ страдали невинные, а были озабочены только тѣмъ, какъ бы устранить всѣхъ опасныхъ.

Такъ что не только не соблюдалось правило о прощеніи десяти виновныхъ для того, чтобы не обвинить невиннаго, а напротивъ, такъ-же какъ для того, чтобы вырѣзать гнилое, приходится захватить свѣжаго, — устранялись посредствомъ наказанія десять безопасныхъ для того, чтобы устранить одного истинно опаснаго.

Такое объясненіе всего того, что̀ происходило, казалось Нехлюдову очень просто и ясно, но именно эта простота и ясность и заставляли Нехлюдова колебаться въ признаніи его. Не можетъ же быть, чтобы такое сложное явленіе имѣло такое простое и ужасное объясненіе, не могло же быть, чтобы всѣ тѣ слова о справедливости, добрѣ, законѣ вѣрѣ, Богѣ и т. п. были только слова и прикрывали самую, грубую корысть и жестокость.

XXVIII.

Нехлюдовъ уѣхалъ бы въ тотъ же день вечеромъ, но онъ обѣщалъ Mariette быть у нея въ театрѣ, и хотя онъ зналъ, что этого не надо было дѣлать, онъ все-таки, кривя передъ самимъ собой душой, поѣхалъ, считая себя обязаннымъ даннымъ словомъ. Кромѣ желанія видѣть еще разъ Mariette, ему хотѣлось, какъ онъ думалъ въ послѣдній разъ, примѣрить себя къ этому міру, прежде такому близкому, своему, а теперь такому чуждому.

„Могу ли я противостоять этимъ соблазнамъ? — не совсѣмъ искренно думалъ онъ: посмотрю въ послѣдній разъ.“

Переодѣвшись во фракъ, онъ пріѣхалъ ко второму акту вѣчной „Dame aux camelias“, въ которой пріѣзжая актрисса еще по-новому показывала, какъ умираютъ чахоточныя женщины.

Театръ былъ полонъ, и Нехлюдову тотчасъ же указали, бенуаръ Mariette, съ уваженіемъ къ тому лицу, кто спросилъ про него.

Въ корридорѣ стоялъ ливрейный лакей и, какъ знакомому, поклонился и отворилъ ему дверь.

Всѣ ряды противоположныхъ ложъ съ сидящими и стоящими за ними фигурами и близкія спины и сѣдыя, полусѣдыя, лысыя, плѣшивыя и напомаженныя, завитыя головы сидѣвшихъ въ партерѣ — всѣ зрители были сосредоточены на созерцаніи нарядной въ шелку и кружевахъ ломавшейся и ненатуральнымъ голосомъ говорившей монологъ худой, костлявой актриссы. Кто-то шикнулъ, когда отворилась дверь, и двѣ струи холоднаго и теплаго воздуха пробѣжали по лицу Нехлюдова.

Въ ложѣ была Mariette и незнакомая дама въ красной накидкѣ и большо[illegible]вной прическѣ и двое мужчинъ: генералъ, мужъ Mariette, [illegible]ивый, высокій человѣкъ съ строгимъ, непроницаемымъ, гор[illegible]ымъ лицомъ и военной, ватой и крашенной поддѣланной, [illegible]ысокой грудью, и бѣлокурый, плѣшивый человѣкъ съ пр[illegible]итымъ съ фосеткой под-

бородкомъ между торжественными бакенбардами. Mariette, граціозная, тонкая, элегантная, декольте, со своими крѣпкими мускулистыми плечами, спускающимися покато отъ шеи, на соединеніи которой съ плечами чернѣла родинка, тотчасъ оглянулась и, указывая Нехлюдову вѣеромъ на стулъ сзади себя, привѣтственно, благодарно и, какъ ему показалось, многозначительно улыбнулась ему. Мужъ ея спокойно, какъ онъ все дѣлалъ, взглянулъ на Нехлюдова и наклонилъ голову. Такъ и видно въ немъ было, въ его взглядѣ, которымъ онъ обмѣнялся съ женою, — властелинъ, собственникъ красивой жены.

Когда кончился монологъ, театръ затрещалъ отъ рукоплесканій.

Mariette встала и, сдерживая шуршащую, шелковую юбку, вышла въ заднюю часть ложи и познакомила мужа съ Нехлюдовымъ.

Генералъ не переставая улыбался глазами и, сказавъ, что очень радъ, спокойно и непроницаемо замолчалъ.

— Мнѣ нынче ѣхать надо, но я обѣщалъ вамъ, — сказалъ Нехлюдовъ, обращаясь къ Mariette.

— Если вы меня не хотите видѣть, то увидите удивительную актриссу, — отвѣчая на смыслъ его словъ, сказала Mariette. — Не правда ли, какъ она хороша была въ послѣдней сценѣ? — обратилась она къ мужу.

Мужъ наклонилъ голову.

— Это не трогаетъ меня, сказалъ Нехлюдовъ. — Я такъ много видѣлъ нынче настоящихъ несчастій, что . . .

— Да, садитесь, разскажите.

Мужъ прислушивался и иронически все больше и больше улыбался глазами.

— Я былъ у той женщины, которую выпустили и которую держали такъ долго: совсѣмъ [illegible]гое существо.

— Это та женщина, о ко[illegible] я тебѣ говорила, — сказала Mariette мужу.

— Да, я очень радъ былъ, что ее можно было освободить, — спокойно сказалъ онъ, кивая головой и совсѣмъ

ужъ иронически, какъ показалось Нехлюдову, улыбаясь подъ усами: — я пойду курить.

Нехлюдовъ сидѣлъ, ожидая, что Mariette скажетъ ему то что-то, что̀ она имѣла сказать ему, но она ничего не сказала ему и даже не искала сказать, а шутила и говорила о пьесѣ, которая, она думала, должна была особенно тронуть Нехлюдова.

Нехлюдовъ видѣлъ, что ей и не нужно было ничего сказать ему, но нужно было только показаться ему во всей прелести своего вечерняго туалета съ своими плечами и родинкой, и ему было и пріятно, и гадко въ одно и то же время.

Тотъ покровъ прелести, который былъ прежде на всемъ этомъ, былъ теперь для Нехлюдова не то что снятъ, но онъ видѣлъ, что̀ было подъ покровомъ. Глядя на Mariette, онъ любовался ею, но зналъ, что она лгунья, которая живетъ съ мужемъ, дѣлающимъ свою карьеру слезами и жизнью сотенъ и сотенъ людей, и ей это совершенно все равно, и что все, что̀ она говорила вчера, было неправда, а что ей хочется, — онъ не зналъ для чего, да и она сама не знала, — заставить его полюбить себя. И ему было и привлекательно, и противно. Онъ нѣсколько разъ собирался уйти, брался за шляпу и опять оставался.

Но наконецъ, когда мужъ, съ запахомъ табаку на своихъ густыхъ усахъ, вернулся въ ложу и покровительственно-презрительно взглянулъ на Нехлюдова, какъ будто не узнавая его, Нехлюдовъ, не давъ затвориться двери, вышелъ въ корридоръ и, найдя свое пальто, ушелъ изъ театра.

Когда онъ возвращался домой по Невскому, онъ впереди себя невольно замѣтилъ высокую, очень хорошо сложенную и вызывающе-нарядно одѣтую женщину, которая спокойно шла по асфальту широкаго тротуара; и на лицѣ ея, и во всей фигурѣ видно было сознаніе своей скверной власти. Всѣ встрѣчающіе и обгоняющіе эту женщину оглядывали ее. Нехлюдовъ шелъ скорѣе ея и тоже невольно заглянулъ ей въ лицо. Лицо, вѣроятно, подкрашенное, было красиво, и

женщина улыбнулась Нехлюдову, блеснувъ на него глазами. И странное дѣло, Нехлюдовъ тотчасъ же вспомнилъ о Mariette, потому что испыталъ то-же чувство влеченія и отвращенія, которое онъ испытывалъ въ театрѣ.

Поспѣшно обогнавъ ее, Нехлюдовъ, разсердившись на себя, повернулъ на Морскую и, выйдя на набережную, сталъ, удивляя городового, взадъ и впередъ ходить тамъ.

„Такъ-же и та въ театрѣ улыбнулась мнѣ, когда я вошелъ“, думалъ онъ, и тотъ же смыслъ былъ въ той и въ этой улыбкѣ. Разница только въ томъ, что эта говоритъ просто и прямо: нужна я тебѣ — бери меня. Не нужна — проходи мимо. Та же притворяется, что она не объ этомъ думаетъ, а живетъ какими-то высшими, утонченными чувствами, а въ основѣ то-же. Эта по крайней мѣрѣ правдива, а та лжетъ. Мало того, эта нуждой приведена въ свое положеніе, та же играетъ, забавляется этой прекрасной, отвратительной, страшной страстью. Эта уличная женщина — вонючая, грязная вода, которая предлагается тѣмъ, у кого жажда сильнѣе отвращенія; та, въ театрѣ, — ядъ, который незамѣтно отравляетъ все, во что̀ попадаетъ.“ Нехлюдовъ вспомнилъ свою связь съ женою предводителя, и на него нахлынули постыдныя воспоминанія. — „Отвратительна животность звѣря въ человѣкѣ“, думалъ онъ, „но когда она въ чистомъ видѣ, ты съ высоты своей духовной жизни видишь и презираешь ее, палъ ли или устоялъ, — ты остаешься тѣмъ, чѣмъ былъ; но когда это же животное скрывается подъ мнимо-эстетической, поэтической оболочкой и требуетъ передъ собой преклоненія, тогда ты весь уходишь въ него и, обоготворяя животное, не различаешь уже хорошее отъ дурного. Тогда это ужасно.“

Нехлюдовъ видѣлъ это теперь такъ-же ясно, какъ онъ ясно̀ видѣлъ дворцы, часовыхъ, крѣпость, рѣку, лодки, биржу. И какъ не было успокоивающей, дающей отдыхъ темноты на землѣ въ эту ночь, а былъ неясный, невеселый, неестественный свѣтъ безъ своего источника, такъ и въ душѣ Нехлюдова не было больше дающей отдыхъ темноты незнанія.

Все было ясно. Ясно было, что все то, что̀ считается важнымъ и хорошимъ, все это ничтожно или гадко, и что весь этотъ блескъ, вся эта роскошь прикрываютъ преступленія старыя, всѣмъ привычныя, не только не наказуемыя, но торжествующія и изукрашенныя всею тою прелестью, которую только могутъ придумать люди.

Нехлюдову хотѣлось забыть это, не видать этого, но онъ уже не могъ не видѣть. Хотя онъ и не видалъ источника того свѣта, при которомъ все это открывалось ему, какъ не видалъ источника свѣта, лежавшаго на Петербургѣ, и хотя свѣтъ этотъ казался ему неяснымъ, невеселымъ и неестественнымъ, — онъ не могъ не видѣть того, что̀ открывалось ему при этомъ свѣтѣ, и ему было въ одно и то же время и радостно, и тревожно.

XXIX.

Пріѣхавъ въ Москву, Нехлюдовъ первымъ дѣломъ поѣхалъ въ острожную больницу объявить Масловой печальное извѣстіе о томъ, что сенатъ утвердилъ рѣшеніе суда, и что надо готовиться къ отъѣзду въ Сибирь. На прошеніе на высочайшее имя, которое ему написалъ адвокатъ, и которое онъ теперь везъ въ острогъ Масловой для подписи, онъ имѣлъ мало надежды. Да и, странно сказать, ему теперь и не хотѣлось успѣха. Онъ приготовился къ мысли о поѣздкѣ въ Сибирь, о жизни среди сосланныхъ и каторжныхъ, и ему трудно было себѣ представить, какъ бы онъ устроилъ свою жизнь и жизнь Масловой, если бы ее оправдали. Онъ вспоминалъ слова американскаго писателя Торо, который, въ то время, какъ въ Америкѣ было рабство, говорилъ, что единственное мѣсто, приличествующее честному гражданину въ томъ государствѣ, въ которомъ узаконивается и покровительствуется рабство, есть тюрьма. Точно такъже думалъ Нехлюдовъ, особенно послѣ поѣздки въ Петербургъ и всего, что̀ онъ узналъ тамъ.

„Да, единственное, приличествующее мѣсто честному человѣку въ Россіи въ теперешнее время есть тюрьма!“ ду-

малъ онъ. И онъ даже непосредственно испытывалъ это, подъѣзжая къ тюрьмѣ и входя въ ея стѣны.

Швейцаръ въ больницѣ, узнавъ Нехлюдова, сейчасъ же сообщилъ ему, что Масловой ужъ нѣтъ у нихъ.

— Гдѣ же она?

— Да опять въ замкѣ.

— Отчего же перевели? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Вѣдь это какой народъ, ваше сіятельство, — сказалъ швейцаръ, презрительно улыбаясь: — шашни завела съ фершаломъ, старшій докторъ и отправилъ.

Нехлюдовъ никакъ не думалъ, чтобы Маслова и ея душевное состояніе были такъ близки ему. Извѣстіе это ошеломило его. Онъ испыталъ чувство, подобное тому, которое испытываютъ люди при извѣстіи о неожиданномъ большомъ несчастіи. Ему сдѣлалосъ очень больно: Первое чувство, испытанное имъ при этомъ извѣстіи, былъ стыдъ. Прежде всего онъ показался себѣ смѣшнымъ со своимъ радостнымъ представленіемъ о ея будто-бы измѣняющемся душевномъ состояніи. Всѣ эти слова ея о нежеланіи принять его жертву, и упреки, и слезы, — все это были, подумалъ онъ, только хитрости извращенной женщины, желающей какъ можно лучше воспользоватъся имъ. Ему казалось теперь, что въ послѣднее посѣщеніе онъ видѣлъ въ ней признаки той неисправимости, которая обозначилась теперь. Все это промелькнуло въ его головѣ въ то время, какъ онъ инстинктивно надѣвалъ шляпу и выходилъ изъ больницы. „Но что̀ же дѣлать теперь?“ спросилъ онъ себя: „связанъ ли я съ нею? Не освобожденъ ли я теперь именно этимъ ея поступкомъ?“ Но какъ только онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, онъ тотчасъ же понялъ, что, сочтя себя освобожденнымъ и бросивъ ее, онъ накажетъ не ее, чего ему хотѣлось, а себя, и ему стало страшно.

„Нѣтъ, то, что̀ случилось, не можетъ измѣнить, можетъ только подтвердить мое рѣшеніе. Она пусть дѣлаетъ то, что̀ вытекаетъ изъ ея душевнаго состоянія — шашни съ

фельдшеромъ, такъ шашни съ фельдшеромъ — это ея дѣло ... А мое дѣло — дѣлать то, чего требуетъ отъ меня моя совѣсть“, — сказалъ онъ себѣ, — „совѣсть же моя требуетъ жертвы своей свободой для искупленія моего грѣха, и рѣшеніе мое жениться на ней, хотя и фиктивнымъ бракомъ, и пойти за ней, куда бы ее ни послали, остается неизмѣннымъ“, — съ злымъ упрямствомъ сказалъ онъ себѣ и, выйдя изъ больницы, рѣшительнымъ шагомъ направился къ большимъ воротамъ острога.

Подойдя къ воротамъ, онъ попросилъ дежурнаго доложить смотрителю о томъ, что желалъ бы видѣть Маслову. Дежурный зналъ Нехлюдова и, какъ знакомому человѣку, сообщилъ ему ихъ важную острожную новость. Капитанъ уволился и на мѣсто его поступилъ другой, строгій начальникъ.

— Строгости пошли теперь, бѣда, — сказалъ надзиратель. — Онъ здѣсь теперь, сейчасъ доложатъ.

Дѣйствительно, смотритель былъ въ тюрьмѣ и скоро вышелъ къ Нехлюдову. Новый смотритель былъ высокій, костлявый человѣкъ съ выдающимися маслаками надъ щеками, очень медлительный въ движеніяхъ и мрачный.

— Свиданія разрѣшаютъ въ опредѣленные дни въ посѣтительской, — сказалъ онъ, не глядя на Нехлюдова.

— Но мнѣ нужно дать подписать прошеніе на высочайшее имя.

— Можете передать мнѣ.

— Мнѣ нужно самому видѣть арестантку. Мнѣ всегда разрѣшали прежде.

— То было прежде, — бѣгло взглянувъ на Нехлюдова, сказалъ смотритель.

— Я имѣю разрѣшеніе отъ губернатора, — настаивалъ Нехлюдовъ, доставая бумажникъ.

— Позвольте, — все такъ же не глядя въ глаза, сказалъ смотритель и, взявъ длинными сухими бѣлыми пальцами, изъ которыхъ на указательномъ было золотое кольцо, поданную Нехлюдовымъ бумагу, онъ медленно прочелъ ее.

— Пожалуйте въ контору, — сказалъ онъ.

Въ конторѣ въ этотъ разъ никого не было. Смотритель сѣлъ за столъ, перебирая лежавшія на немъ бумаги, очевидно, намѣреваясь присутствовать самъ при свиданіи.

Когда Нехлюдовъ спросилъ его, не можетъ ли онъ видѣть политическую Богодуховскую, то смотритель коротко отвѣтилъ, что этого нельзя. — Свиданій съ политическими не полагается, — сказалъ онъ и опять погрузился въ чтеніе бумагъ. Имѣя въ карманѣ письмо къ Богодуховской, Нехлюдовъ чувствовалъ себя въ положеніи провинившагося человѣка, замыслы котораго были открыты и разрушены.

Когда Маслова вошла въ контору, смотритель поднялъ голову и, не глядя ни на Маслову, ни на Нехлюдова, сказалъ: „можете!“ и продолжалъ заниматься своими бумагами.

Маслова была одѣта опять по-прежнему въ бѣлой кофтѣ, юбкѣ и косынкѣ. Подойдя къ Нехлюдову и увидавъ его холодное злое лицо, она багрово покраснѣла и, перебирая рукою край кофты, опустила глаза.

Смущеніе ея было для Нехлюдова подтвержденіемъ словъ больничнаго швейцара.

Нехлюдовъ хотѣлъ обращаться съ ней, какъ въ прежній разъ; но не могъ, какъ онъ хотѣлъ, подать ей руки, такъ она теперь была противна ему.

— Я привезъ вамъ дурное извѣстіе, — сказалъ онъ ровнымъ голосомъ, не глядя на нее и не подавая руки, — въ сенатѣ отказали.

— Я такъ и знала, — сказала она страннымъ голосомъ, точно она задыхалась.

Прежде Нехлюдовъ спросилъ бы, почему она говоритъ, что такъ и знала; теперь онъ только взглянулъ на нее. Глаза ея были полны слезъ.

Но это не только не смягчило, а напротивъ еще болѣе раздражило его противъ нея.

Смотритель всталъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Несмотря на все отвращеніе, которое испытывалъ те-

перь Нехлюдовъ къ Масловой, онъ все-таки счелъ нужнымъ выразить ей сожалѣніе о сенатскомъ отказѣ.

— Вы не отчаивайтесь, — сказалъ онъ, — прошеніе на высочайшее имя можетъ выйти, и я надѣюсь, что ...

— Да я не объ этомъ ..., — сказала она, жалостно мокрыми и косящими глазами глядя на него.

— А что же?

— Вы были въ больницѣ, и вамъ вѣрно сказали про меня ...

— Да, что же, это ваше дѣло, — нахмурившись, холодно сказалъ Нехлюдовъ. Затихшее было жестокое чувство оскорбленной гордости поднялось въ немъ съ новой силой, какъ только она упомянула о больницѣ. „Онъ, человѣкъ свѣта, за котораго счастьемъ сочла бы выйти всякая дѣвушка высшаго круга, предложилъ себя мужемъ этой женщинѣ, и она не могла подождать и завела шашни съ фельдшеромъ“, — думалъ онъ, съ ненавистью глядя на нее.

— Вы вотъ подпишите прошеніе, — сказалъ онъ, и, доставъ изъ кармана большой конвертъ, выложилъ его на столъ. Она утерла слезы концомъ косынки и сѣла за столъ, спрашивая, гдѣ и что̀ писать?

Онъ показалъ ей, что̀ и гдѣ писать, и она сѣла за столъ, оправляя лѣвой рукой рукавъ правой; онъ же стоялъ надъ ней и молча глядѣлъ на ея пригнувшуюся къ столу спину, изрѣдка вздрагивавшую отъ сдерживаемыхъ рыданій, и въ душѣ его боролись чувства зла и добра: оскорбленной гордости и жалости къ ней, страдающей, и послѣднее чувство побѣдило.

Что̀ было прежде: прежде ли онъ сердцемъ пожалѣлъ ее или прежде вспомнилъ себя, свои грѣхи, свою гадость именно въ томъ, въ чемъ онъ упрекалъ ее, — онъ не помнилъ. Но вдругъ въ одно и то же время онъ почувствовалъ себя виноватымъ и пожалѣлъ ее.

Подписавъ прошеніе и отеревъ испачканный палецъ объ юбку, она встала и взглянула на него.

— Что̀ бы ни вышло и что̀ бы ни было, ничто не измѣ-

нитъ моего рѣшенія, — сказалъ Нехлюдовъ. Мысль о томъ, что онъ прощаетъ ее, усиливало въ немъ чувство жалости и нѣжности къ ней, и ему хотѣлось утѣшить ее. — Что̀ я сказалъ, то сдѣлаю. Куда бы васъ ни послали, я буду съ вами.

— Напрасно, — поспѣшно перебила она его и вся разсіяла.

— Вспомните, что̀ вамъ нужно въ дорогу.

— Кажется, ничего особеннаго. Благодарствуйте.

Смотритель подошелъ къ нимъ, и Нехлюдовъ, не дожидаясь его замѣчанія, простился съ ней и вышелъ, испытывая никогда прежде не испытанное чувство тихой радости, спокойствія и любви ко всѣмъ людямъ. Радовало и подымало Нехлюдова на неиспытанную имъ высоту сознаніе того, что никакіе поступки Масловой не могутъ измѣнить его любви къ ней. Пускай она заводитъ шашни съ фельдшеромъ, это ея дѣло, онъ любитъ ее не для себя, а для нея и для Бога.

А между тѣмъ шашни съ фельдшеромъ, за которыя Маслова была изгнана изъ больницы, и въ существованіе которыхъ повѣрилъ Нехлюдовъ, состояли только въ томъ, что, по распоряженію фельдшерицы, придя за груднымъ чаемъ въ аптеку, помѣщавшуюся въ концѣ корридора, и заставъ тамъ одного фельдшера, высокаго съ угреватымъ лицомъ Устинова, который уже давно надоѣдалъ ей своимъ приставаніемъ, Маслова, вырываясь отъ него, такъ сильно оттолкнула его, что онъ ткнулся о полку, съ которой упали и разбились двѣ склянки.

Проходившій въ это время по корридору старшій докторъ, услыхавъ звонъ разбитой посуды и увидавъ выбѣжавшую, раскраснѣвшуюся Маслову, сердито крикнулъ на нее.

— Ну, матушка, если ты здѣсь будешь шашни заводить, я тебя спроважу. Что такое? — обратился онъ къ фельдшеру, по-верхъ очковъ строго глядя на него.

Фельдшеръ, улыбаясь, сталъ оправдываться. Докторъ, не дослушавъ его, поднялъ голову такъ, что сталъ смотрѣть

въ очки, и прошелъ въ палаты, и въ тотъ же день сказалъ смотрителю о томъ, чтобы прислали на мѣсто Масловой другую помощницу, постепеннѣе.

Въ этомъ только и состояли шашни Масловой съ фельдшеромъ. Изгнаніе это изъ больницы, подъ предлогомъ шашней съ мужчинами, было для Масловой особенно больно тѣмъ, что, послѣ ея встрѣчи съ Нехлюдовымъ, давно уже опротивѣвшія ей отношенія съ мужчинами сдѣлались ей особенно отвратительны. То, что, судя по ея прошедшему и теперешнему положенію, всякій и, между прочимъ, угреватый фельдшеръ считалъ себя въ правѣ оскорблять ее и удивлялся ея отказу, было ей ужасно обидно и вызывало въ ней жалость къ самой себѣ и слезы. Теперь, выйдя къ Нехлюдову, она хотѣла оправдаться передъ нимъ въ томъ несправедливомъ обвиненіи, которое онъ, навѣрное, услышитъ. Но, начавъ оправдываться, почувствовала, что онъ не вѣритъ, что ея оправданія только подтверждаютъ его подозрѣнія, и слезы подступили ей въ горло, и она замолчала. Маслова все еще думала и продолжала увѣрять себя, что она, какъ она это высказала ему во второе свиданіе, не простила ему и ненавидитъ его, но она уже давно опять любила его и любила такъ, что невольно исполняла все то, что̀ и чего онъ желалъ отъ нея: перестала пить, курить, оставила кокетство и поступила въ больницу служанкой. Все это она дѣлала потому, что знала, что онъ желаетъ этого. Если она такъ рѣшительно отказывалась всякій разъ, когда онъ упоминалъ объ этомъ, принять его жертву жениться на ней, то это происходило и отъ того, что ей хотѣлось повторить тѣ гордыя слова, которыя она разъ сказала ему, и главное отъ того, что она знала, что его бракъ съ нею сдѣлаетъ его несчастье. Она твердо рѣшила, что не приметъ его жертвы, а между тѣмъ ей было мучительно думать, что онъ презираетъ ее, думаетъ, что она продолжаетъ быть такою, какою она была, и не видитъ той перемѣны, которая произошла въ ней. То, что онъ, можетъ быть, думаетъ теперь, что она сдѣлала что-нибудь дурное

въ больницѣ, мучало ее больше, чѣмъ извѣстіе о томъ, что она окончательно приговорена къ каторгѣ.

XXX.

Маслову могли отправить съ первой отходящей партіей, и потому Нехлюдовъ готовился къ отъѣзду. Но дѣлъ у него было столько, что онъ чувствовалъ, что сколько бы времени свободнаго у него ни было, онъ никогда не окончитъ ихъ. Было совершенно противоположное тому, что было прежде. Прежде надо было придумывать, что̀ дѣлать, и интересъ дѣла былъ всегда одинъ и тотъ же — Дмитрій Ивановичъ Нехлюдовъ; а между тѣмъ, несмотря на то, что весь интересъ жизни сосредоточивался тогда на Дмитріи Ивановичѣ, всѣ дѣла эти были скучны. Теперь всѣ дѣла касались другихъ людей, а не Дмитрія Ивановича, и всѣ были интересны и увлекательны, и дѣлъ этихъ было пропасть. Мало того, прежде занятія, дѣла Дмитрія Ивановича всегда вызывали досаду, раздраженіе, эти же чужія дѣла большей частью вызывали радостное настроеніе.

Дѣла, занимавшія въ это время Нехлюдова, раздѣлялись на три отдѣла; онъ самъ со своимъ привычнымъ педантизмомъ раздѣлялъ ихъ такъ и, сообразно этому, разложилъ въ три портфеля.

Первое дѣло касалось Масловой и помощи ей. Это дѣло теперь состояло въ ходатайствѣ о поддержаніи поданнаго на высочайшее имя прошенія и въ приготовленіи къ путешествію въ Сибирь.

Второе дѣло было устройство имѣній. Въ Пановѣ земля была отдана крестьянамъ подъ условіемъ уплачиванія ими ренты для общихъ ихъ крестьянскихъ потребностей. Но для того, чтобы скрѣпить эту сдѣлку, надо было составить и подписать условіе и завѣщаніе. Въ Кузьминскомъ же дѣло оставалось еще такъ, какъ онъ самъ устроилъ его, т. е. что деньги за землю долженъ былъ получать онъ, но нужно было установить сроки и опредѣлить, сколько брать изъ этихъ денегъ для жизни и сколько оставить въ пользу

крестьянъ. Не зная, какіе расходы будутъ предстоять ему при его поѣздкѣ въ Сибирь, онъ не рѣшился еще лишиться этого дохода, хотя на половину убавилъ его.

Третье дѣло было помощь арестантамъ, которые все чаще и чаще обращались къ нему.

Сначала, приходя въ сношеніе съ арестантами, обращавшимися къ нему за помощью, онъ тотчасъ же принимался ходатайствовать за нихъ, стараясь облегчить ихъ участь, но потомъ явилось такъ много просителей, что онъ почувствовалъ невозможность помочь каждому изъ нихъ и невольно былъ приведенъ къ четвертому дѣлу, болѣе всѣхъ другихъ въ послѣднее время занявшему его.

Четвертое дѣло это состояло въ разрѣшеніи вопроса о томъ, что̀ такое? зачѣмъ? и откуда взялось это удивительное учрежденіе, называемое уголовнымъ судомъ, результатомъ котораго былъ тотъ острогъ, съ жителями котораго онъ отчасти ознакомился, и всѣ тѣ мѣста заключенія, отъ Петропавловской крѣпости до Сахалина, гдѣ томились сотни, тысячи жертвъ этого удивительнаго для него уголовнаго закона?

Изъ личныхъ отношеній съ арестантами, изъ разспросовъ адвоката, острожнаго священника, смотрителя и изъ списковъ содержащихся, Нехлюдовъ пришелъ къ заключенію, что составъ арестантовъ, такъ называемыхъ преступниковъ, раздѣляется на пять разрядовъ людей. Первый разрядъ — люди совершенно невинные, жертвы судебныхъ ошибокъ, какъ мнимый поджигатель Меньшовъ, какъ Маслова и др. Людей этого разряда было не очень много, — по наблюденіямъ священника, около семи процентовъ, но положеніе этихъ людей вызывало особенный интересъ. Другой разрядъ составляли люди, осужденные за поступки, совершенные въ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ озлобленіе, ревность, опьяненіе и т. п. поступки, которые, почти навѣрное, совершили бы въ такихъ же условіяхъ всѣ тѣ, которые судили и наказывали ихъ. Этотъ разрядъ составлялъ, по наблюденіямъ Нехлюдова, едва ли не болѣе поло-

вины всѣхъ преступниковъ. Третій разрядъ составляли люди, наказанные за то, что они совершали, по ихъ понятіямъ, самые обыкновенные и даже хорошіе поступки, но такіе, которые, по понятіямъ чуждыхъ имъ людей, писавшихъ законы, считались преступленіями. Къ этому разряду принадлежали люди, тайно торгующіе виномъ, перевозящіе контрабанду, рвущіе траву, собирающіе дрова въ большихъ владѣльческихъ и казенныхъ лѣсахъ. Къ этимъ же людямъ принадлежали ворующіе горцы и еще невѣрующіе люди, обворовывающіе церкви.

Четвертый разрядъ составляли люди, потому только зачисленные въ преступники, что они стояли нравственно выше средняго уровня общества. Таковы были сектанты, таковы были поляки, черкесы, бунтовавшіе за свою независимость, таковы были и политическіе преступники — соціалисты и стачечники, осужденные за сопротивленіе властямъ. Процентъ такихъ людей, отстаивающихъ свою независимость или осужденныхъ за сопротивленіе властямъ, по наблюденію Нехлюдова, былъ очень большой.

Пятый разрядъ, наконецъ, составляли люди, передъ которыми общество было гораздо больше виновато, чѣмъ они передъ обществомъ. Это были люди заброшенные, одуренные постояннымъ угнетеніемъ и соблазнами, какъ тотъ мальчикъ съ половиками и сотни другихъ людей, которыхъ видѣлъ Нехлюдовъ въ острогѣ и внѣ его, которыхъ условія жизни какъ будто систематически доводятъ до необходимости того поступка, который называется преступленіемъ. Къ такимъ людямъ принадлежали, по наблюденіямъ Нехлюдова, очень много воровъ и убійцъ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ за это время приходилъ въ сношеніе. Къ этимъ людямъ онъ, ближе узнавъ ихъ, причислилъ и тѣхъ развращенныхъ испорченныхъ людей, которыхъ новая школа называетъ преступнымъ типомъ, и существованіе которыхъ въ обществѣ признается главнымъ доказательствомъ необходимости уголовнаго закона и наказанія. Эти, такъ называемые, испорченные, преступные, ненормальные типы были, по мнѣнію

Нехлюдова, не что иное, какъ такіе же люди, какъ и тѣ, передъ которыми общество виновато болѣе, чѣмъ они передъ обществомъ, но передъ которыми общество виновато не непосредственно передъ ними самими теперь, а еще въ прежнее время виновато передъ ихъ родителями и предками.

Изъ этихъ людей, особенно въ этомъ отношеніи, поразилъ его рецидивистъ, воръ Охотинъ, незаконный сынъ проститутки, воспитанникъ ночлежнаго дома, очевидно до тридцати лѣтъ жизни никогда не встрѣчавшій людей болѣе высокой нравственности, чѣмъ городовые, и смолоду попавшій въ шайку воровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одаренный необыкновеннымъ даромъ комизма, которымъ онъ привлекалъ къ себѣ людей. Онъ просилъ у Нехлюдова защиты, а между тѣмъ подтрунивалъ и надъ собой, и надъ судьями, и надъ тюрьмой, и надъ всѣми законами, не только уголовными, но и божескими. Другой былъ красавецъ Ѳедоровъ, убившій и ограбившій съ шайкой, которой онъ руководилъ, старика-чиновника. Это былъ крестьянинъ, у отца котораго отняли его домъ совершенно незаконно, который потомъ былъ въ солдатахъ и тамъ пострадалъ за то, что влюбился въ любовницу офицера. Это была привлекательная, страстная натура, человѣкъ, желавшій во что бы то ни стало наслаждаться, никогда не видавшій людей, которые бы для чего-либо воздерживались отъ своего наслажденія, и никогда не слыхавшій слова о томъ, чтобы была какая-нибудь другая цѣль въ жизни, кромѣ наслажденія. Нехлюдову было ясно, что оба были богатыя натуры и были только запущены и изуродованы, какъ бываютъ запущены и изуродованы заброшенныя растенія. Видѣлъ онъ и одного бродягу, и одну женщину, отталкивавшихъ своей тупостью и какъ будто жестокостью, но онъ никакъ не могъ видѣть въ нихъ того преступнаго типа, о которомъ говоритъ итальянская школа, а видѣлъ только себѣ лично противныхъ людей, точно такихъ же, какихъ онъ видѣлъ на волѣ во фракахъ, эполетахъ и кружевахъ.

Такъ вотъ, въ изслѣдованіи вопроса о томъ, зачѣмъ всѣ

эти столь разнообразные люди были посажены въ тюрьмы, а другіе, точно такіе же люди, ходили на волѣ и даже судили этихъ людей, и состояло четвертое дѣло, занимавшее въ то время Нехлюдова.

Сначала отвѣтъ на этотъ вопросъ Нехлюдовъ надѣялся найти въ книгахъ и купилъ все то, что касается этого предмета. Онъ купилъ книги Ломброзо и Гарофало, и Ферри, и Листа, и Маузелея, и Тарда и внимательно читалъ эти книги.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ ихъ, онъ все больше и больше разочаровывался. Съ нимъ случилось то, что всегда случается съ людьми, обращающимися къ наукѣ не для того, чтобы играть роль въ наукѣ, писать, спорить, учить, а обращающимися къ наукѣ съ прямыми, простыми, жизненными вопросами: наука отвѣчала ему на тысячи разныхъ очень хитрыхъ и мудреныхъ вопросовъ, имѣющихъ связь съ уголовнымъ закономъ, но только не на тотъ, на который онъ искалъ отвѣта.

Онъ спрашивалъ очень простую вещь: зачѣмъ и по какому праву одни люди заперли, мучаютъ, ссылаютъ, сѣкутъ и убиваютъ другихъ людей, тогда какъ они сами точно такіе же, какъ и тѣ, которыхъ они мучаютъ, сѣкутъ, убиваютъ? А ему отвѣчали разсужденіями о томъ, есть ли у человѣка свобода воли или нѣтъ? Можно ли человѣка по измѣренію черепа и проч. признать преступнымъ или нѣтъ? Какую роль играетъ наслѣдственность въ преступленіи? Есть ли прирожденная безнравственность? Что такое нравственность? Что такое сумашествіе? Что такое вырожденіе? Что такое темпераментъ? Какъ вліяютъ на преступленіе климатъ, пища, невѣжество, подражаніе, гипнотизмъ, страсти? Что такое общество? Какія его обязанности и проч., и проч.

Разсужденія эти напоминали Нехлюдову полученный имъ разъ отвѣтъ отъ маленькаго мальчика, шедшаго изъ школы. Нехлюдовъ спросилъ мальчика, выучился ли онъ складыватъ. — Выучился, — отвѣчалъ мальчикъ. — „Ну, сложи: „лапа“.

— Какая лапа, собачья? — съ хитрымъ лицомъ отвѣтилъ мальчикъ. Точно такіе же отвѣты въ видѣ вопросовъ находилъ Нехлюдовъ въ научныхъ книгахъ на свой одинъ основной вопросъ. Очень много было тамъ умнаго, ученаго, интереснаго, но не было отвѣта на главное: по какому праву одни наказываютъ другихъ? Не только не было этого отвѣта, но всѣ разсужденія велись къ тому, чтобы объяснить и оправдать наказаніе, необходимость котораго признавалась аксіомой. Нехлюдовъ читалъ много, но урывками, и отсутствіе отвѣта приписывалъ такому поверхностному изученію, надѣясь впослѣдствіи найти этотъ отвѣтъ, и потому не позволялъ себѣ еще вѣрить въ справедливость того отвѣта, который въ послѣднее время все чаще и чаще представлялся ему.

XXXI.

Отправка партіи, въ которой шла Маслова, была назначена на 5 іюля. Въ этотъ же день приготовился ѣхать за нею и Нехлюдовъ. Наканунѣ его отъѣзда пріѣхала въ городъ, чтобы повидаться съ братомъ, сестра Нехлюдова съ мужемъ.

Сестра Нехлюдова, Наталья Ивановна Рагожинская, была старше брата на десять лѣтъ. Онъ росъ отчасти подъ ея вліяніемъ. Она очень любила его мальчикомъ, потомъ, передъ самымъ своимъ замужествомъ, они сошлись съ нимъ почти какъ ровные: она — 25-лѣтняя дѣвушка, — онъ 15-лѣтній мальчикъ. Она тогда была влюблена въ его умершаго друга, Николеньку Иртеньева. Они оба любили Николеньку и любили въ немъ и въ себѣ то, что̀ было въ нихъ хорошаго и единящаго всѣхъ людей.

Съ тѣхъ поръ они оба развратились: онъ военной службой, дурной жизнью, она — замужествомъ съ человѣкомъ, котораго она полюбила чувственно, но который не только не любилъ всего того, что̀ было когда-то для нея съ Дмитріемъ самымъ святымъ и дорогимъ, но даже не понималъ, что̀ это такое, и приписывалъ всѣ тѣ стремленія къ

нравственному совершенствованію и служенію людямъ, которыми она жила когда то, одному понятному ему, увлеченію самолюбіемъ, желаніемъ выказаться передъ людьми.

Рагожинскій былъ человѣкъ безъ имени и состоянія, и очень ловкій служака, который, искусно лавируя между либерализмомъ и консерватизмомъ, пользуясь тѣмъ изъ двухъ направленій, которое въ данное время и въ данномъ случаѣ давало лучшіе для его жизни результаты, и, главное, чѣмъ-то особеннымъ, чѣмъ онъ нравился женщинамъ, сдѣлалъ блестящую, относительно, судейскую карьеру. Уже человѣкомъ не первой молодости, онъ за границей познакомился съ Нехлюдовыми, влюбилъ въ себя Наташу, дѣвушку тоже уже не молодую, и женился на ней почти противъ желанія матери, которая видѣла въ этомъ бракѣ mésalliance.

Нехлюдовъ, хотя и скрывалъ это отъ себя, хотя и боролся съ этимъ чувствомъ, ненавидѣлъ своего зятя. Антипатиченъ онъ ему былъ своей вульгарностью чувствъ, самоувѣренной ограниченностью и, главное, антипатиченъ былъ ему за сестру, которая могла такъ страстно, эгоистично, чувственно любить эту бѣдную натуру и въ угоду мужу могла заглушить все то хорошее, что̀ было въ ней.

Нехлюдову всегда было мучительно-больно думать, что Наташа жена этого волосатаго, съ глянцевитой лысиной, самоувѣреннаго человѣка. Онъ не могъ даже удерживать отвращенія къ его дѣтямъ. И всякій разъ, когда узнавалъ, что она готовится быть матерью, испытывалъ чувство, подобное соболѣзнованію о томъ, что опять она чѣмъ-то дурнымъ заразилась отъ этого чуждаго имъ всѣмъ человѣка.

Рагожинскіе пріѣхали одни, безъ дѣтей, — дѣтей у нихъ было двое: мальчикъ и дѣвочка, — и остановились въ лучшемъ номерѣ лучшей гостиницы. Наталья Ивановна тотчасъ же поѣхала на старую квартиру матери, но не найдя тамъ брата и узнавъ отъ Аграфены Петровны, что онъ переѣхалъ въ меблированныя комнаты, поѣхала туда. Грязный служитель, встрѣтивъ ее въ темномъ, съ тяжелымъ запа-

хомъ, днемъ освѣщавшемся лампой корридорѣ, объявилъ ей, что князя нѣтъ дома.

Наталья Ивановна пожелала войти въ номеръ брата, чтобы оставить ему записку. Корридорный провелъ ее.

Войдя въ его маленькія двѣ комнатки, Наталья Ивановна внимательно осмотрѣла ихъ. На всемъ она увидала знакомую ей чистоту и аккуратность и поразившую ее, совершенно новую для него, скромность обстановки. На письменномъ столѣ она увидала знакомое ей прессъ-папье съ бронзовой собачкой; тоже знакомо, аккуратно разложенные портфели и бумаги, и письменныя принадлежности, и томы уложенія о наказаніяхъ, и англійскую книгу Генри Джорджа, и французскую, Тарда, съ вложеннымъ, въ нее знакомымъ ей, кривымъ ножемъ слоновой кости.

Присѣвъ къ столу, она написала ему записку, въ которой просила его прійти къ ней непремѣнно, нынче-же; и, съ удивленіемъ покачивая головой на то, что̀ она видѣла, вернулась къ себѣ въ гостиницу.

Наталью Ивановну интересовали теперь, по отношенію къ брату, два вопроса: его женитьба на Катюшѣ, про которую она слышала въ своемъ городѣ, такъ какъ всѣ говорили про это, и его отдача земли крестьянамъ, которая тоже была всѣмъ извѣстна и представлялась многимъ чѣмъ-то политическимъ и опаснымъ. Женитьба на Катюшѣ съ одной стороны нравилась Натальѣ Ивановнѣ. Она любовалась этой рѣшительностью, узнавала въ этомъ его и себя, какими они были оба въ тѣ хорошія времена до замужества, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее бралъ ужасъ при мысли о томъ, что братъ ея женится на такой ужасной женщинѣ. Послѣднее чувство было сильнѣе, и она рѣшила, сколько возможно, повліять на него и удержать его, хотя она и знала, какъ это трудно.

Другое же дѣло, отдача земли крестьянамъ, было не такъ близко ея сердцу, но мужъ ея очень возмущался этимъ и требовалъ отъ нея воздѣйствія на брата. Игнатій Никифоровичъ говорилъ, что такой поступокъ есть верхъ неосновательности, легкомыслія и гордости, что объяснить такой по-

ступокъ, — если есть какая нибудь возможность объяснить его — можно только желаніемъ выдѣлиться, похвастаться, вызвать о себѣ разговоры. Какой смыслъ имѣетъ отдача земли крестьянамъ съ платой имъ самимъ же себѣ? — говорилъ онъ. — Если ужъ онъ хотѣлъ это сдѣлать, могъ продать черезъ крестьянскій банкъ. Это имѣло бы смыслъ. Вообще это поступокъ, граничащій съ ненормальностью, — говорилъ Игнатій Никифоровичъ, подумывая уже объ опекѣ, и требовалъ отъ жены, чтобы она серьезно переговорила съ братомъ объ этомъ его странномъ намѣреніи.

XXXII.

Вернувшись домой и найдя у себя на столѣ записку сестры, Нехлюдовъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней. Это было вечеромъ. Игнатій Никифоровичъ отдыхалъ въ другой комнатѣ, и Наталья Ивановна одна встрѣтила брата. Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ по таліи, съ краснымъ бантомъ на груди, и черные волосы ея были взбиты и причесаны по-модному. Она, очевидно, старательно молодилась для ровесника мужа. Увидавъ брата, она вскочила съ дивана и быстрымъ шагомъ, свистя шелковой юбкой, вышла ему на встрѣчу. Они поцѣловались и, улыбаясь, посмотрѣли другъ на друга. Совершился тотъ таинственный, невыразимый словами, многозначительный обмѣнъ взглядовъ, въ которомъ все было правда, и начался обмѣнъ словъ, въ которомъ уже не было той правды. Они не видались со смерти матери.

— Ты потолстѣла и помолодѣла, — сказалъ онъ. У нея сморщились губы отъ удовольсствія.

— А ты похудѣлъ.

— Ну, что Игнатій Никифоровичъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Онъ отдыхаетъ. Онъ не спалъ ночь.

Много бы тутъ надо сказать, но слова ничего не сказали, а взгляды сказали, что то, что̀ надо бы сказать, не сказано.

— Я была у тебя.

— Да, я знаю.

— Я уѣхалъ изъ дома. Мнѣ велико, одиноко, скучно. А мнѣ ничего этого не нужно, такъ что ты возьми это все, т. е. мебель — всѣ вещи.

— Да, мнѣ сказала Аграфена Петровна. Я была тамъ, очень тебѣ благодарна. Но . . .

Въ это время лакей гостиницы принесъ серебряный чайный приборъ. Они помолчали, покуда лакей разставлялъ чайный приборъ. Наталья Ивановна перешла на кресло противъ столика и молча засыпала чай. Нехлюдовъ молчалъ.

— Ну что же, Дмитрій, я все знаю, — съ рѣшительностью сказала Наташа, взглянувъ на него.

— Чтожъ, я очень радъ, что ты знаешь.

— Вѣдь развѣ ты можешь надѣяться исправить ее послѣ такой жизни? — сказала Наталья Ивановна.

Онъ сидѣлъ, не облокотившись, прямо, на маленькомъ стулѣ и внимательно слушалъ ее, стараясь хорошенько понять и хорошенько отвѣтить. Настроеніе, вызванное въ немъ послѣднимъ свиданіемъ съ Масловой, еще продолжало наполнять его душу спокойной радостью и благорасположеніемъ ко всѣмъ людямъ.

— Я не ее исправить, а себя исправить хочу, — отвѣтилъ онъ.

Наталья Ивановна вздохнула.

— Есть другія средства, кромѣ женитьбы.

— А я думаю, что это лучшее; кромѣ того, это вводитъ меня въ тотъ міръ, въ которомъ я могу быть полезенъ.

— Я не думаю, — сказала Наталья Ивановна, чтобы ты могъ быть счастливъ.

— Дѣло не въ моемъ счастьѣ.

— Разумѣется, но она, если у ней есть сердце, не можетъ быть счастлива, не можетъ даже желать этого.

— Она и не желаетъ . . .

— Я понимаю, но жизнь . . .

— Что жизнь? . . .

— Требуетъ другого.

— Ничего не требуетъ, кромѣ того, чтобы мы дѣлали, что̀ должно, — сказалъ Нехлюдовъ, глядя въ ея красивое еще, хотя и покрытое около глазъ и рта мелкими морщинками лицо.

— Не понимаю, — сказала она, вздохнувъ.

„Бѣдная, милая! Какъ она могла такъ измѣниться?“ — думалъ Нехлюдовъ, вспоминая Наташу такою, какая она была не замужемъ, и испытывая къ ней сплетенное изъ безчисленныхъ дѣтскихъ воспоминаній нѣжное чувство.

Въ это время въ комнату вошелъ, какъ всегда, высоко неся голову и выпятивъ широкую грудь, мягко и легко ступая и улыбаясь, Игнатій Никифоровичъ, блестя своими очками, лысиной и черной бородой.

— Здравствуйте, здравствуйте, — проговорилъ онъ, дѣлая сознательно ненатуральныя ударенія. (Несмотря на то, что въ первое время послѣ женитьбы они старались сойтись на „ты“, они остались на „вы“).

Они пожали другъ другу руку, и Игнатій Никифоровичъ легко опустился на кресло.

— Не помѣшаю я вашему разговору?

— Нѣтъ, я ни отъ кого не скрываю то, что̀ говорю, и то, что̀ дѣлаю.

Какъ только Нехлюдовъ увидалъ это лицо, увидалъ эти волосатыя руки, услыхалъ этотъ покровительственный, самоувѣренный тонъ, кроткое настроеніе его мгновенно исчезло.

— Да, мы говорили про его намѣреніе, — сказала Наталья Ивановна: — налить тебѣ? — прибавила она, взявшись за чайникъ.

— Да, пожалуйста; какое собственно намѣреніе?

— Ѣхать въ Сибирь съ той партіей арестантовъ, въ которой находится женщина, передъ которой я считаю себя виноватымъ, — выговорилъ Нехлюдовъ.

— Я слышалъ, что не только сопровождать, но и болѣе.

— Да, и жениться, если только она этого захочетъ.

— Вотъ какъ! Но, если вамъ не непріятно, объясните мнѣ ваши мотивы. Я не понимаю ихъ.

— Мотивы тѣ, что женщина эта . . . что первый шагъ ея на пути разврата . . . Нехлюдовъ разсердился на себя за то, что не находилъ выраженія. — Мотивы тѣ, что я виноватъ, а наказана она.

— Если наказана, то, вѣроятно, и она не невинна.

— Она совершенно невинна. — И Нехлюдовъ съ ненужнымъ волненіемъ разсказалъ все дѣло.

— Да, это упущеніе предсѣдательствующаго и потому необдуманность отвѣта присяжныхъ. Но на этотъ случай есть сенатъ.

— Сенатъ отказалъ.

— А отказалъ, — стало быть, не было основательныхъ поводовъ кассаціи, — сказалъ Игнатій Никифоровичъ, очевидно совершенно раздѣляя извѣстное мнѣніе о томъ, что истина есть продуктъ судоговоренія. — Сенатъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу. Если же дѣйствительно есть ошибка суда, то тогда надо подать на высочайшее имя.

— Подано, но нѣтъ никакой вѣроятности успѣха. Сдѣлаютъ справку въ министерствѣ, министерство спроситъ сенатъ, сенатъ повторитъ свое рѣшеніе, и какъ обыкновенно, невинный будетъ наказанъ.

— Во-первыхъ, министерство не будетъ спрашивать сенатъ, съ улыбкой снисхожденія сказалъ Игнатій Никифоровичъ, а вытребуетъ подлинное дѣло изъ суда и, если найдетъ ошибку, то и дастъ заключеніе въ этомъ смыслѣ, а во-вторыхъ, невинные никогда или, по крайней мѣрѣ, какъ самое рѣдкое исключеніе, бываютъ наказаны. А наказываются виновные, — не торопясь, съ самодовольной улыбкой говорилъ Игнатій Никифоровичъ.

— А я такъ убѣдился въ противномъ, — заговорилъ Нехлюдовъ съ недобрымъ чувствомъ къ зятю, — я убѣдился, что большая половина людей, присужденныхъ судами, невинна.

— Это какъ же?

— Невинны просто въ прямомъ смыслѣ слова, какъ невинна эта женщина въ отравленіи, какъ невиненъ крестьянинъ, котораго я узналъ теперь, въ убійствѣ, котораго онъ не совершалъ; какъ невинны сынъ и мать въ поджогѣ, сдѣланномъ самимъ хозяиномъ, которые чуть было не были обвинены.

— Да, разумѣется, всегда были и будутъ судебныя ошибки. Человѣческое учрежденіе не можетъ быть совершенно.

— А потомъ, огромная доля невинныхъ потому, что они, воспитавшись въ извѣстной средѣ, не считаютъ совершаемые ими поступки преступленіями.

— Простите, это несправедливо; всякій воръ знаетъ, что воровство нехорошо, и что не надо воровать, что воровство безнравственно, — со спокойной, самоувѣренной, все той же нѣсколько презрительной улыбкой, которая особенно раздражала Нехлюдова, сказалъ Игнатій Никифоровичъ.

— Нѣтъ, не знаетъ; ему говорятъ: не воруй, а онъ видитъ и знаетъ, что фабриканты крадутъ его трудъ, удерживая его плату, что правительство со всѣми своими чиновниками, въ видѣ податей, обкрадываетъ его, не переставая.

— Это уже и анархизмъ, — спокойно опредѣлилъ Игнатій Никифоровичъ значеніе словъ своего шурина.

— Я не знаю, что̀ это, я говорю, что̀ есть, — продолжалъ Нехлюдовъ, — знаетъ, что правительство обкрадываетъ его; знаетъ, что мы, землевладѣльцы, обокрали его уже давно, отнявъ у него землю, которая должна быть общимъ достояніемъ, а потомъ, когда онъ съ этой краденой земли соберетъ сучья на топку своей печи, мы его сажаемъ въ тюрьму и хотимъ увѣрить его, что онъ воръ. Вѣдь онъ знаетъ, что воръ не онъ, а тотъ, который укралъ у него землю, и что всякая restitution того, что̀ у него украдено, есть его обязанность передъ своей семьей.

— Не понимаю, а если понимаю, то не согласенъ. Зем-

ля не можетъ не быть чьей-нибудь собственностью. Если вы ее раздѣлите, — началъ Игнатій Никифоровичъ съ полной и спокойной увѣренностью о томъ, что Нехлюдовъ соціалистъ, и что требованія теоріи соціализма состоятъ въ томъ, чтобы раздѣлить всю землю поровну, а что такое дѣленіе очень глупо, и онъ легко можетъ опровергнуть его, — если вы ее нынче раздѣлите поровну, завтра она опять перейдетъ въ руки болѣе трудолюбивыхъ и способныхъ.

— Никто и не думаетъ дѣлить землю поровну, земля не должна быть ничьей собственностью, не должна быть предметомъ купли и продажи или займа.

— Право собственности прирожденно человѣку. Безъ права собственности не будетъ никакого интереса въ обработкѣ земли. Уничтожьте право собственности, и мы вернемся къ дикому состоянію, — авторитетно произнесъ Игнатій Никифоровичъ, повторяя тотъ обычный аргументъ въ пользу права земельной собственности, который считается неопровержимымъ и состоитъ въ томъ, что жадность къ земельной собственности есть признакъ ея необходимости.

— Напротивъ, только тогда земля не будетъ лежать впустѣ, какъ теперь, когда землевладѣльцы, какъ собака на сѣнѣ, не допускаютъ до земли тѣхъ, кто можетъ, а сами не умѣютъ эксплуатировать ее.

— Послушайте, Дмитрій Ивановичъ, вѣдь это совершенное безуміе! Развѣ возможно въ наше время уничтоженіе собственности земли? Я знаю, это вашъ давнишній dada. Но позвольте мнѣ сказать вамъ прямо ... — И Игнатій Никифоровичъ поблѣднѣлъ, и голосъ его задрожалъ; очевидно, этотъ вопросъ близко трогалъ его. — Я бы совѣтовалъ вамъ обдумать этотъ вопросъ хорошенько, прежде чѣмъ приступить къ практическому разрѣшенію его.

— Вы говорите про мои личныя дѣла?

— Да. Я полагаю, что всѣ мы поставлены въ извѣстное положеніе, должны нести тѣ обязанности, которыя вытекаютъ изъ этого положенія, должны поддерживать тѣ условія быта, въ которыхъ мы родились и которыя унаслѣдовали

отъ нашихъ предковъ и которыя должны передать нашимъ потомкамъ.

— Я считаю своей обязанностью . . .

— Позвольте, — не давая себя перебить, продолжалъ Игнатій Никифоровичъ. — Я говорю не за себя и за своихъ дѣтей, состояніе моихъ дѣтей обезпечено, и я заработываю столько, что мы живемъ, и полагаю, что и дѣти будутъ жить безбѣдно, и потому мой протестъ противъ вашихъ поступковъ, позвольте сказать, не вполнѣ обдуманныхъ, вытекаетъ не изъ личныхъ интересовъ, а принципіально я не могу согласиться съ вами. И совѣтовалъ бы вамъ больше подумать, почитать . . .

— Ну, ужъ вы мнѣ предоставьте рѣшать мои дѣла самому и знать, что̀ надо читать и что̀ не надо, — сказалъ Нехлюдовъ, поблѣднѣвъ, и, чувствуя, что у него холодѣютъ руки, и онъ не владѣетъ собой, замолчалъ и сталъ пить чай.

XXXIII.

— Ну, что дѣти? — спросилъ Нехлюдовъ у сестры, немного успокоившись.

Сестра разсказала про дѣтей, что они остались съ бабушкой, и, очень довольная тѣмъ, что споръ съ ея мужемъ прекратился, стала разсказывать про то, какъ ея дѣти играютъ въ путешествіе точно такъ же, какъ когда-то онъ игралъ съ своими куклами — съ чернымъ арапомъ и куклой, называемой француженкой.

— Неужели ты помнишь, — сказалъ Нехлюдовъ, улыбаясь.

— И представь себѣ, они точно такъ же играютъ.

Непріятный разговоръ кончился. Наташа успокоилась, но не хотѣла при мужѣ говорить о томъ, что̀ понятно было только брату, и чтобы начать общій разговоръ, заговорила о петербургской новости о горѣ матери Каменской, потерявшей единственнаго сына, убитаго на дуэли. Игнатій Никифоровичъ высказалъ неодобреніе тому порядку, при кото-

ромъ убійство на дуэли исключалось изъ ряда общихъ уголовныхъ преступленій.

Это замѣчаніе его вызвало возраженіе Нехлюдова, и загорѣлся опять споръ на ту же тему, гдѣ все было не договорено, и оба собесѣдника не высказались, а остались при своихъ взаимно осуждающихъ другъ друга убѣжденіяхъ. Игнатій Никифоровичъ чувствовалъ, что Нехлюдовъ осуждаетъ его, презирая всю его дѣятельность, и ему хотѣлось показать ему всю несправедливость его сужденій. Нехлюдовъ же, не говоря о досадѣ, которую онъ испытывалъ за то, что зять вмѣшивался въ его дѣла съ землею (въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что зять и сестра и ихъ дѣти, какъ наслѣдники его, имѣютъ на это право), негодовалъ въ душѣ на то, что этотъ ограниченный человѣкъ съ полною увѣренностью и спокойствіемъ продолжалъ считать правильнымъ и законнымъ то дѣло, которое представлялось теперь Нехлюдову несомнѣнно безумнымъ и преступнымъ. Самоувѣренност эта раздражала Нехлюдова.

— Что̀ же бы сдѣлалъ судъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Приговорилъ бы одного изъ двухъ дуэлистовъ, какъ обыкновенныхъ убійцъ, къ каторжнымъ работамъ.

У Нехлюдова опять похолодѣли руки, и онъ горячо заговорилъ:

— Ну и что жъ бы было? — спросилъ онъ.

— Было бы справедливо.

— Точно какъ будто справедливость составляетъ цѣль дѣятельности суда, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Что же другое?

— Поддержаніе сословныхъ интересовъ. Судъ, по-моему, есть только административное орудіе для поддержанія существующаго порядка вещей, выгоднаго нашему сословію.

— Это совершенно новый взглядъ, — съ спокойной улыбкой сказалъ Игнатій Никифоровичъ. — Обыкновенно суду приписывается нѣсколько другое назначеніе.

— Теоретически, а не практически, какъ я увидалъ. Судъ имѣетъ цѣлью только сохраненіе общества въ настоя-

щемъ положеніи и для этого преслѣдуетъ и казнитъ какъ тѣхъ, которые стоятъ выше общаго уровня и хотятъ поднять его, такъ называемые, политическіе преступники, и тѣхъ, которые стоятъ ниже его, такъ называемые преступные типы.

— Не могу согласиться, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы преступники, такъ называемые, политическіе, были казнимы потому, что они стоятъ выше средняго уровня. Большей частью это отбросы общества, столь же извращенные, хотя нѣсколько иначе, какъ и тѣ преступные типы, которыхъ вы считаете ниже средняго уровня.

— А я знаю людей, которые стоятъ несравненно выше своихъ судей; всѣ сектанты — люди нравственные, твердые ...

Но Игнатій Никифоровичъ съ привычкой человѣка, котораго не перебиваютъ, когда онъ говоритъ, не слушалъ Нехлюдова и, тѣмъ особенно раздражая его, продолжалъ говорить въ одно время съ Нехлюдовымъ.

— Не могу согласиться и съ тѣмъ, чтобы судъ имѣлъ цѣлью поддержаніе существующаго порядка. Судъ преслѣдуетъ свои цѣли — или исправленія ...

— Хорошо исправленіе въ острогахъ, — вставилъ Нехлюдовъ.

— Или устраненія, — упорно продолжалъ Игнатій Никифоровичъ: — развращенныхъ и тѣхъ звѣрообразныхъ людей, которые угрожаютъ существованію общества.

— То-то и дѣло, что судъ не дѣлаетъ ни того, ни другого. У общества нѣтъ средствъ дѣлать это.

— Это какъ? Я не понимаю, — насильно улыбаясь, спросилъ Игнатій Никифоровичъ.

— Я хочу сказать, что собственно разумныхъ наказаній есть только два, тѣ которыя употреблялись встарину: тѣлесное наказаніе и смертная казнь, но которыя, вслѣдствіе смягченія нравовъ, все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Вотъ это и ново, и удивительно отъ васъ слышать.

— Да, разумно сдѣлать больно человѣку, чтобы онъ впередъ не дѣлалъ того же, за что̀ ему сдѣлали больно, и вполнѣ разумно вредному, опасному для общества члену отрубить голову. Оба эти наказанія имѣютъ разумный смыслъ. Но какой смыслъ имѣетъ то, чтобы человѣка, развращеннаго праздностью и дурнымъ примѣромъ, запереть въ тюрьму, въ условія обезпеченной и обязательной праздности, въ сообщество самыхъ развращенныхъ людей? Или перевезти зачѣмъ-то на казенный счетъ — каждый стоитъ болѣе 500 рублей — изъ тульской губерніи въ иркутскую, или изъ курской . . .

— Но однако люди боятся этихъ путешествій на казенный счетъ, и если бы не было этихъ путешествій и тюремъ, мы бы не сидѣли здѣсь съ вами, какъ сидимъ теперь.

— Не могутъ эти тюрьмы обезпечивать нашу безопасность, потому что люди эти сидятъ тамъ не вѣчно, и ихъ выпускаютъ. Напротивъ, въ этихъ учрежденіяхъ доводятъ этихъ людей до высшей степени порока и разврата, т. е. увеличиваютъ опасность.

— Вы хотите сказать, что пенитенціарная система должна быть усовершенствована.

— Нельзя ее усовершенствовать. Усовершенствованныя тюрьмы стоили бы дороже того, что тратится на народное образованіе, и легли бы новой тяжестью на тотъ же народъ.

— Но недостатки пенитенціарной системы никакъ не инвалидируютъ самый судъ, — опять не слушая шурина, продолжалъ свою рѣчь Игнатій Никифоровичъ.

— Нельзя исправить эти недостатки, — возвышая голосъ, говорилъ Нехлюдовъ.

— Такъ что-жъ? Надо убивать? Или, какъ одинъ государственный человѣкъ предлагалъ, выкалывать глаза, — сказалъ Игнатій Никифоровичъ, побѣдоносно улыбаясь.

— Да, это было бы жестоко, но цѣлесообразно. То же, что̀ теперь дѣлается, и жестоко, и не только не цѣлесообразно, но до такой степени глупо, что нельзя понять, какъ

могутъ душевно здоровые люди участвовать въ такомъ нелѣпомъ и жестокомъ дѣлѣ, какъ уголовный судъ.

— А я вотъ участвую въ этомъ, — блѣднѣя, сказалъ Игнатій Никифоровичъ.

— Это ваше дѣло. Но я не понимаю этого.

— Я думаю, что вы многаго не понимаете, — сказалъ дрожащимъ голосомъ Игнатій Никифоровичъ.

— Я видѣлъ на судѣ, какъ товарищъ прокурора всѣми силами старался обвинить несчастнаго мальчика, который во всякомъ неизвращенномъ человѣкѣ могъ возбудить только состраданіе; знаю какъ другой прокуроръ допрашивалъ сектанта и подводилъ чтеніе Евангелія подъ уголовный законъ; да и вся дѣятельность судовъ состоитъ только въ такихъ безсмысленныхъ и жестокихъ поступкахъ.

— Я бы не служилъ, если бы такъ думалъ, — сказалъ Игнатій Никифоровичъ и всталъ.

Нехлюдовъ увидалъ особенный блескъ подъ очками зятя. „Неужели это слезы", подумалъ Нехлюдовъ. И дѣйствительно, это были слезы оскорбленія. Игнатій Никифоровичъ, подойдя къ окну, досталъ платокъ, откашливаясь, сталъ протирать очки и, снявъ ихъ, отеръ и глаза. Вернувшись къ дивану, Игнатій Никифоровичъ закурилъ сигару и больше ничего не говорилъ. Нехлюдову стало больно и стыдно за то, что онъ до такой степени огорчилъ зятя и сестру, въ особенности потому, что онъ завтра уѣзжалъ и больше не увидится съ ними. Въ смущенномъ состояніи онъ простился съ ними и поѣхалъ домой.

„Очень можетъ быть, что правда то, что я говорилъ, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не возразилъ мнѣ. Но не такъ надо было говорить. Мало же я измѣнился, если я могъ такъ увлечься недобрымъ чувствомъ и такъ оскорбить его и огорчить бѣдную Наташу", думалъ онъ.

XXXIV.

Партія, въ которой шла Маслова, отправлялась съ вокзала въ три часа, и потому, чтобы видѣть выходъ партіи изъ

острога и съ ней вмѣстѣ дойти до вокзала желѣзной дороги, Нехлюдовъ намѣревался пріѣхать въ острогъ раньше двѣнадцати.

Укладывая вещи и бумаги, Нехлюдовъ остановился на своемъ дневникѣ, перечиталъ нѣкоторыя мѣста и то, что было записано въ немъ послѣднее. Послѣднее передъ отъѣздомъ въ Петербургъ было записано: „Катюша не хочетъ моей жертвы, а хочетъ своей. Она побѣдила, и я побѣдилъ. Она радуетъ меня той внутренней перемѣной, которая, мнѣ кажется, — боюсь вѣрить — происходитъ въ ней. Боюсь вѣрить, но мнѣ кажется, что она оживаетъ.“ Тутъ же вслѣдъ за этимъ было написано: „Пережилъ очень тяжелое и очень радостное. Узналъ, что она не хорошо вела себя въ больницѣ. И вдругъ сдѣлалось ужасно больно. Не ожидалъ, какъ больно. Съ отвращеніемъ и ненавистью я говорилъ съ ней и потомъ вдругъ вспомнилъ о себѣ, о томъ, какъ я много разъ и теперь былъ, хотя и въ мысляхъ, виноватъ въ томъ, за что ненавидѣлъ ее, и вдругъ въ одно и то-же время я сталъ противенъ себѣ, а она жалка, и мнѣ стало очень хорошо. Только бы всегда во-время успѣть увидать бревно въ своемъ глазу, какъ бы мы были добрѣе.“ На нынѣшнее число онъ записалъ: „Былъ у Наташи и какъ разъ отъ довольства собой былъ не добръ, золъ, и осталось тяжелое чувство. Ну, да что же дѣлать? Съ завтрашняго дня новая жизнь. Прощай, старая, и совсѣмъ. Много набралось впечатлѣній, но все еще не могу свести къ единству.“

Проснувшись на другое утро, первымъ чувствомъ Нехлюдова было раскаяніе о томъ, что у него вышло съ зятемъ. „Такъ нельзя уѣзжать,“ подумалъ онъ, „надо съѣздить къ нимъ и загладить.“ Но взглянувъ на часы, онъ увидалъ, что теперь уже некогда и надо торопиться, чтобы не опоздать къ выходу партіи. Второпяхъ собравшись и пославъ съ вещами швейцара и Тараса, мужа Ѳедосьи, который ѣхалъ съ нимъ, прямо на вокзалъ, Нехлюдовъ взялъ перваго попавшагося извозчика и поѣхалъ въ острогъ.

Арестантскій поѣздъ шелъ за два часа до почтоваго,

на которомъ ѣхалъ Нехлюдовъ, и потому онъ совсѣмъ разсчитался въ своихъ номерахъ, не намѣреваясь болѣе возвращаться.

Стояли тяжелыя іюльскія жары. Не остывшіе послѣ душной ночи камни улицъ, домовъ, и желѣзо крышъ отдавали свое тепло въ жаркій, неподвижный воздухъ. Вѣтра не было, а если онъ поднимался, то приносилъ насыщенный пылью и вонью масляной краски вонючій и жаркій воздухъ. Народа было мало на улицахъ, и тѣ, кто были, старались идти въ тѣни домовъ. Только черно-загорѣлые отъ солнца крестьяне-мостовщики въ лаптяхъ сидѣли посрединѣ улицы и хлопали молотками по укладываемымъ въ горячій песокъ булыжникамъ, да мрачные городовые, въ набѣленыхъ кителяхъ и съ оранжевыми шнурками револьверовъ, уныло переминаясь, стояли посреди улицъ, да завѣшенныя съ одной стороны отъ солнца конки, запряженныя лошадьми въ бѣлыхъ капорахъ, съ торчащими въ прорѣхахъ ушами, звеня, прокатывались вверхъ и внизъ по улицамъ.

Когда Нехлюдовъ подъѣхалъ къ острогу, партія еще не выходила, и въ острогѣ все еще шла, начавшаяся съ четырехъ часовъ утра, усиленная работа сдачи и пріемки отправляемыхъ арестантовъ. Въ отправлявшейся партіи было 623 мужчины и 64 женщины, всѣхъ надо было провѣрить по статейнымъ спискамъ, отобрать больныхъ и слабыхъ и передать конвойнымъ. Новый смотритель, два помощника его, докторъ, фельдшеръ, конвойный офицеръ и писарь сидѣли у выставленнаго на дворѣ, въ тѣни стѣны, стола съ бумагами и канцелярскими принадлежностями и по одному перекликали, осматривали, опрашивали и записывали подходящихъ къ нимъ другъ за другомъ арестантовъ.

Столъ теперь уже до половины былъ захваченъ лучами солнца. Становилось жарко и въ особенности душно отъ безвѣтрія и дыханія толпы арестантовъ, стоявшихъ тутъ же.

— Да чтожъ это, конца не будетъ! — говорилъ, затя-

гиваясь папиросской, высокій, толстый, красный, съ поднятыми плечами и короткими руками, не переставая курившій въ закрывавшіе ему ротъ усы конвойный начальникъ. — Измучили совсѣмъ. Откуда вы ихъ набрали столько! Много ли еще?

Писарь справился.

— Еще 24 человѣка да женщины.

— Ну, что стали, подходи! ... — Крикнулъ конвойный на тѣснившихся другъ за другомъ еще не провѣренныхъ арестантовъ. Арестанты уже болѣе трехъ часовъ стояли въ рядахъ и не въ тѣни, а на солнцѣ, ожидая очереди.

Работа эта шла внутри острога, снаружи же, у воротъ, стоялъ, какъ обыкновенно, часовой съ ружьемъ, десятка два ломовыхъ подъ вещи арестантовъ и подъ слабыхъ и у угла кучка родныхъ и друзей, дожидающихся выхода арестантовъ, чтобы увидать и, если можно, поговорить и передать кое-что отправляемымъ. Къ этой кучкѣ присоединился и Нехлюдовъ.

Онъ простоялъ тутъ около часа. Въ концѣ часа за воротами послышалось бряцанье цѣпей, звукъ шаговъ, начальственные голоса, покашливаніе и негромкій говоръ большой толпы. Такъ продолжалось минутъ пять, во время которыхъ входили и выходили въ калитку надзиратели. Наконецъ послышалась команда. Съ громомъ отворились ворота, бряцанье цѣпей стало слышнѣе, и на улицу вышли конвойные солдаты въ бѣлыхъ кителяхъ съ ружьями и, очевидно, какъ знакомый и привычный маневръ разстановились правильнымъ широкимъ кругомъ передъ воротами. Когда они установились, послышалась новая команда, и парами стали выходить арестанты въ блинообразныхъ шапкахъ на бритыхъ головахъ, съ мѣшками за плечами, волоча закованныя ноги и махая одной свободной рукой, а другой придерживая мѣшокъ за спиной. Сначала шли каторжные мужчины, всѣ въ одинаковыхъ сѣрыхъ штанахъ и халатахъ съ тузами на спинахъ. Всѣ они — молодые, старые, худые, толстые, блѣдные, красные, черные, усатые, бородатые, без-

бородые, русскіе, татары, евреи — выходили, звеня кандалами и бойко махая рукой, какъ будто собираясь идти куда-то далеко, но пройдя шаговъ десять останавливались и покорно размѣщались по четыре въ рядъ другъ за другомъ. Вслѣдъ за этими безъ остановки потекли изъ воротъ такіе же бритые, безъ ножныхъ кандаловъ, но скованные рука съ рукой наручнями люди въ такихъ же одеждахъ. Это были ссыльные. Они такъ же бойко выходили, останавливались и размѣщались такъ же по четыре въ рядъ. Потомъ шли общественники. Потомъ женщины, тоже по порядку, сначала — каторжныя въ острожныхъ сѣрыхъ кафтанахъ и косынкахъ, потомъ женщины ссыльныя и добровольно слѣдующія въ своихъ городскихъ и деревенскихъ одеждахъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ несли грудныхъ дѣтей за полами сѣрыхъ кафтановъ.

Съ женщинами шли на своихъ ногахъ дѣти — мальчики и дѣвочки. Дѣти эти, какъ жеребята въ табунѣ, жались между арестантами. Мужчины становились молча, только изрѣдка покашливая или дѣлая отрывистыя замѣчанія. Среди женщинъ же слышенъ былъ несмолкаемый говоръ. Нехлюдову показалось, что онъ узналъ Маслову, когда она выходила, но потомъ она затерялась среди большого количества другихъ, и онъ видѣлъ только толпу сѣрыхъ, какъ бы лишенныхъ человѣческаго, въ особенности женственнаго свойства, существъ, съ дѣтьми и мѣшками, которыя разстанавливались позади мужчинъ.

Несмотря на то, что всѣхъ арестантовъ считали въ стѣнахъ тюрьмы, конвойные стали опять считать, свѣряя съ прежнимъ счетомъ. Пересчитываніе это продолжалось долго, въ особенности потому, что нѣкоторые арестанты двигались, переходя съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ путали счетъ конвойныхъ. Конвойные ругали и толкали покорно, но злобно повинующихся арестантовъ и вновь пересчитывали. Когда всѣхъ вновь перечли, конвойный офицеръ скомандовалъ что-то, и въ толпѣ произошло смятеніе. Слабые мужчины, женщины и дѣти, перегоняя другъ друга, направились къ под-

водамъ и стали размѣщать на нихъ мѣшки и потомъ сами влѣзать на нихъ. Влѣзали и садились женщины съ кричащими грудными дѣтьми, веселыя, спорящія за мѣста дѣти и унылые, мрачные арестанты.

Нѣсколько арестантовъ, снявъ шапки, подошли къ конвойному офицеру, о чемъ-то прося его. Какъ потомъ узналъ Нехлюдовъ, они просились на подводы. Нехлюдовъ видѣлъ, какъ конвойный офицеръ, молча, не глядя на просителя, затягивался папиросой и какъ потомъ вдругъ замахнулся своей короткой рукой на арестанта, и какъ тотъ, втянувъ бритую голову въ плечи, ожидая удара, отскочилъ отъ него.

— Я тебя такъ произведу въ дворянство, что будешь помнить! Дойдешь пѣшкомъ! — прокричалъ офицеръ.

Одного только шатающагося длиннаго старика, въ ножныхъ кандалахъ, офицеръ пустилъ на подводу, и Нехлюдовъ видѣлъ, какъ этотъ старикъ, снявъ свою блинообразную шапку, крестился, направляясь къ подводамъ, и какъ потомъ долго не могъ влѣзть отъ кандаловъ, мѣшавшихъ поднять слабую, старческую, закованную ногу, и какъ сидѣвшая уже на телѣгѣ баба помогла ему, втащивъ его за руку.

Когда подводы всѣ наполнились мѣшками и на мѣшки сѣли тѣ, которымъ это было разрѣшено, конвойный офицеръ снялъ фуражку, вытеръ платкомъ лобъ, лысину и красную толстую шею и перекрестился.

— Партія, маршъ! — скомандовалъ онъ. Солдаты брякнули ружьями, арестанты, снявъ шапки, нѣкоторые лѣвыми руками, стали креститься, провожавшіе что-то прокричали, что-то прокричали въ отвѣтъ арестанты, среди женщинъ поднялся вой, и партія, окруженная солдатами въ бѣлыхъ кителяхъ, тронулась, подымая пыль связанными цѣпями ногами. Впереди шли солдаты, за ними, бренча цѣпями, кандальные, по четыре въ рядъ, за ними ссыльные, потомъ общественники, скованные руками по-двое наручнями, потомъ женщины. Потомъ уже ѣхали нагруженныя и мѣшками, и слабыми подводы, на одной изъ которыхъ высоко

сидѣла закутанная женщина и, не переставая, взвизгивала и рыдала.

XXXV.

Шествіе было такъ длинно, что, когда передніе уже скрылись изъ вида, подводы съ мѣшками и слабыми только тронулись. Когда подводы тронулись, Нехлюдовъ сѣлъ на дожидавшагося извозчика и велѣлъ ему обогнать партію съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть среди нея, нѣтъ-ли знакомыхъ арестантовъ среди мужчинъ, и потомъ, среди женщинъ найдя Маслову, спросить у нея, получила ли она посланныя ей вещи.

Стало очень жарко. Вѣтру не было, и поднимаемая тысячью ногъ пыль стояла все время надъ арестантами, двигавшимися по серединѣ улицы. Арестанты шли скорымъ шагомъ, и нерысистая извозчичья лошадка, на которой ѣхалъ Нехлюдовъ, только медленно обгоняла ихъ. Ряды за рядами шли незнакомыя страннаго и страшнаго вида существа, двигавшіяся тысячами одинако обутыхъ и одѣтыхъ ногъ и въ тактъ шаговъ, махая, какъ бы бодря себя, свободными руками. Ихъ было такъ много, такъ они были однообразны, и въ такія особенныя, странныя условія они были поставлены, что Нехлюдову казалось, что это не люди, а какія-то особенныя, страшныя существа. Это впечатлѣніе разрушило въ немъ только то, что въ толпѣ каторжныхъ онъ узналъ арестанта, убійцу Ѳедорова, и среди ссыльныхъ тоже знакомаго комика Охотина и еще одного бродягу, обращавшагося къ нему. Всѣ почти арестанты оглядывались, косясь на обгонявшую ихъ пролетку и вглядывавшагося въ нихъ господина, сидѣвшаго на ней. Ѳедоровъ тряхнулъ головой кверху въ знакъ того, что узналъ Нехлюдова; Охотинъ подмигнулъ глазомъ. Но ни тотъ, ни другой не поклонились, считая это непозволеннымъ. Поровнявшись съ женщинами, Нехлюдовъ тотчасъ же увидалъ Маслову. Она шла во второмъ ряду женщинъ. Съ края шла раскраснѣвшаяся, коротконогая, черноглазая, безобраз-

пая женщина, подтыкавши халатъ за поясъ; это была Хорошавка. Потомъ шла беременная женщина, насилу волочившая ноги, и третья была Маслова. Она несла мѣшокъ на плечѣ и прямо глядѣла передъ собой. Лицо ея было спокойно и рѣшительно. Четвертая въ ряду съ ней была бодро шедшая, молодая, красивая женщина въ короткомъ халатѣ и по-бабьи подвязанной косынкѣ — это была Ѳедосья. Нехлюдовъ слѣзъ съ пролетки и подошелъ къ двигавшимся женщинамъ, желая спросить Маслову о вещахъ и о томъ, какъ она себя чувствуетъ; но конвойный унтеръ-офицеръ, шедшій съ этой стороны партіи, тотчасъ же замѣтивъ подошедшаго, подбѣжалъ къ нему.

— Нельзя, господинъ, подходить къ партіи — не полагается, — кричалъ онъ, подходя.

Приблизившись и узнавъ въ лицо Нехлюдова (въ острогѣ уже всѣ знали Нехлюдова), унтеръ-офицеръ приложилъ пальцы къ фуражкѣ и, остановившись подлѣ Нехлюдова, сказалъ:

— Теперь нельзя. На вокзалѣ можете, а здѣсь не полагается. — Не отставай, маршъ! — крикнулъ онъ на арестантовъ и, бодрясь, несмотря на жару, рысью перебѣжалъ, въ своихъ новыхъ щегольскихъ сапогахъ, къ своему мѣсту.

Нехлюдовъ вернулся на тротуаръ и, велѣвъ извозчику ѣхать за собой, пошелъ въ виду партіи. Гдѣ ни проходила партія, она повсюду обращала на себя смѣшанное съ состраданіемъ и ужасомъ вниманіе. Проѣзжающіе высовывались изъ экипажей и, пока могли видѣть, провожали глазами арестантовъ. Пѣшеходы останавливались и удивленно и испуганно смотрѣли на страшное зрѣлище. Нѣкоторые подходили и подавали милостыню. Милостыню принимали конвойные. Нѣкоторые, какъ загипнотизированные, шли за партіей, но потомъ останавливались и, покачивая головами, только провожали партію глазами. Изъ подъѣздовъ и воротъ, призывая другъ друга, выбѣгали и изъ оконъ вывѣшивались люди и неподвижно и молча глядѣли на страшное

шествіе. На одномъ изъ перекрестковъ партія помѣшала проѣхать богатой коляскѣ. На козлахъ сидѣлъ съ лоснящимся лицомъ, толстозадый, съ рядами пуговицъ на спинѣ кучеръ; въ коляскѣ, на заднемъ мѣстѣ, сидѣли мужъ съ женой; жена — худая и блѣдная, въ свѣтлой шляпкѣ, съ яркимъ зонтикомъ, и мужъ въ цилиндрѣ и свѣтломъ щегольскомъ пальто. Спереди противъ нихъ сидѣли ихъ дѣти: разубранная и свѣженькая, какъ цвѣточекъ, дѣвочка съ распущенными бѣлокурыми волосами, тоже съ яркимъ зонтикомъ, и восьмилѣтній мальчикъ съ длинной худой шеей и торчащими ключицами, въ матросской шляпѣ, украшенной длинными лентами. Отецъ сердито упрекалъ кучера за то, что онъ во-время не объѣхалъ задержавшую ихъ партію, а мать брезгливо щурилась и морщилась, закрываясь отъ солнца и пыли шелковымъ зонтикомъ, который она надвинула совсѣмъ на лицо. Толстозадый кучеръ сердито хмурился, выслушивая несправедливые упреки хозяина, который самъ же велѣлъ ему ѣхать по этой улицѣ, и съ трудомъ удерживалъ лоснящихся, взмыленныхъ подъ оголовками и шеей вороныхъ жеребцовъ, просившихъ хода. Городовой желалъ всей душой услужить владѣльцу богатой коляски и пропустить его, пріостановивъ арестантовъ, но онъ чувствовалъ, что въ этомъ шествіи была мрачная торжественность, которую нельзя было нарушить даже и для такого богатаго господина. Онъ только приложилъ руку къ козырьку, въ знакъ своего уваженія передъ богатствомъ, и строго смотрѣлъ на арестантовъ, какъ бы обѣщаясь во всякомъ случаѣ защитить отъ нихъ сѣдоковъ коляски. Такъ что коляска должна была дождаться прохожденія всего шествія и тронулась только тогда, когда прогремѣлъ послѣдній ломовой съ мѣшками и сидящими на нихъ арестантками, среди которыхъ истерическая женщина, затихшая было, увидавъ богатую коляску, начала опять рыдать и взвизгивать. Только тогда слегка шевельнулъ вожжами кучеръ, и вороные рысаки, звеня подковами по мостовой, понесли мягко подрагивающую на резиновыхъ шинахъ коляску на дачу,

куда ѣхали веселиться мужъ, жена, дѣвочка и мальчикъ съ тонкой шеей и торчащими ключицами.

Ни отецъ, ни мать не дали ни дѣвочкѣ, ни мальчику объясненія того, что̀ они видѣли; такъ что дѣти должны были сами разрѣшить вопросъ о значеніи этого зрѣлища.

Дѣвочка, сообразивъ выраженіе лица отца и матери, разрѣшила вопросъ такъ, что это были люди совсѣмъ другіе, чѣмъ ея родители и ихъ знакомые; что это были дурные люди, и что потому съ ними именно такъ и надо поступать, какъ поступлено съ ними. И потому дѣвочкѣ было только страшно, и она рада была, когда этихъ людей перестало быть видно.

Но не смигивая и не спуская глазъ, смотрѣвшій на шествіе арестантовъ мальчикъ, съ длинной худой шеей, рѣшилъ вопросъ иначе. Онъ зналъ твердо и несомнѣнно, узнавъ это прямо отъ Бога, что люди эти были точно такіе же, какъ и онъ самъ, какъ и всѣ люди, и что поэтому надъ этими людьми было кѣмъ-то сдѣлано что-то дурное, такое, чего не должно дѣлать, и ему было жалко ихъ, и онъ испытывалъ ужасъ и передъ тѣми людьми, которые были закованы и обриты, и передъ тѣми, которые ихъ заковали и обрили. И оттого у мальчика все больше и больше распухали губы, и онъ дѣлалъ большія усилія, чтобы не заплакать, полагая, что плакать въ такихъ случаяхъ стыдно.

XXXVI.

Нехлюдовъ шелъ тѣмъ же скорымъ шагомъ, которымъ шли арестанты, но и легко одѣтому, въ легкомъ пальто, ему было ужасно жарко, главное, душно отъ пыли и неподвижнаго горячаго воздуха, стоявшаго въ улицахъ. Пройдя съ четверть версты, онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ впередъ, но на серединѣ улицы, въ пролеткѣ, ему показалось еще жарче. Онъ попытался вызвать въ себѣ мысли о вчерашнемъ разговорѣ съ зятемъ, но теперь эти мысли уже не волновали его, какъ утромъ. Ихъ заслонили впечатлѣнія выхода изъ острога и шествія партіи. Главное же, было томительно

жарко. У забора, въ тѣни деревьевъ, снявъ фуражки, стояли два мальчика-реалиста надъ присѣвшимъ передъ ними на колѣнки мороженникомъ. Одинъ изъ мальчиковъ уже наслаждался, обсасывая роговую ложечку, другой дожидался верхомъ накладываемаго чѣмъ-то желтымъ стаканчика.

— Гдѣ бы тутъ напиться? — спросилъ Нехлюдовъ своего извозчика, почувствовавъ непреодолимое желаніе освѣжиться.

— Сейчасъ тутъ трактиръ хорошій! — сказалъ извозчикъ и, завернувъ за уголъ, подвезъ Нехлюдова къ подъѣзду съ большой вывѣской. Пухлый приказчикъ въ рубахѣ, за стойкой, и бывшіе когда-то бѣлыми половые, за отсутствіемъ посѣтителей, сидѣвшіе у столовъ, съ любопытствомъ оглядѣли непривычнаго гостя и предложили свои услуги. Нехлюдовъ спросилъ сельтерской воды и сѣлъ по-дальше отъ окна, къ маленькому столику съ грязной скатертью. Два человѣка сидѣли за столомъ за чайнымъ приборомъ и бѣлаго стекла бутылкой, обтирали со лбовъ испарину и что-то миролюбиво высчитывали. Одинъ изъ нихъ былъ черный и плѣшивый, съ такимъ-же бордюромъ черныхъ волосъ на затылкѣ, какой былъ у Игнатія Никифоровича. Впечатлѣніе это напомнило Нехлюдову опять вчерашній разговоръ съ зятемъ и свое желаніе повидаться съ нимъ и сестрой до отъѣзда. „Едва ли успѣю до поѣзда,“ подумалъ онъ, „лучше напишу письмо.“ И, спросивъ бумаги, конвертъ и марку, онъ сталъ прихлебывая свѣжую шипучую воду, обдумывать, что̀ онъ напишетъ. Но мысли его разбѣгались, и онъ никакъ не могъ составить письма.

„Милая Наташа, не могу ѣхать подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ вчерашняго разговора съ Игнатіемъ Никифоровичемъ . . .“ — началъ онъ. — „Что же дальше? Просить простить за то, что̀ я вчера сказалъ? Но я сказалъ то, что̀ думалъ. И онъ подумаетъ, что я отрекаюсь. И потомъ, это его вмѣшательство въ мои дѣла . . . Нѣтъ, не могу . . .“ — и почувствовавъ поднявшуюся опять въ немъ ненависть къ этому чуждому, самоувѣренному, не понимающему его

человѣку, Нехлюдовъ положилъ неконченное письмо въ карманъ и, расплатившись, вышелъ на улицу и поѣхалъ догонять партію.

Жара еще усилилась. Стѣны и камни точно дышали жаркимъ воздухомъ. Ноги, казалось, обжигались о горячую мостовую, и Нехлюдовъ почувствовалъ что-то въ родѣ обжога, когда онъ голой рукой дотронулся до лакированнаго крыла пролетки.

Лошадь вялой рысцой, постукивая равномѣрно подковами по пыльной и неровной мостовой, тащилась по улицамъ; извозчикъ безпрестанно задремывалъ; Нехлюдовъ же сидѣлъ, ни о чемъ не думая, равнодушно глядя передъ собою. На спускѣ улицы, противъ воротъ большого дома стояла кучка народа и конвойный съ ружьемъ.

Нехлюдовъ остановилъ извозчика.

— Что это? — спросилъ онъ у дворника.

— Съ арестантомъ что-то.

Нехлюдовъ сошелъ съ пролетки и подошелъ къ кучкѣ людей. На неровныхъ камняхъ покатой у тротуара мостовой лежалъ головой ниже ногъ широкій, немолодой арестантъ съ рыжей бородой, краснымъ лицомъ и приплюснутымъ носомъ, въ сѣромъ халатѣ и такихъ же штанахъ. Онъ лежалъ навзничь, раскрывъ ладонями книзу покрытыя веснушками руки и, послѣ большихъ промежутковъ, равномѣрно подергиваясь высокой и широкой грудью, всхлипывалъ, глядя на небо остановившимися, налитыми кровью глазами. Надъ нимъ стояли нахмуренный городовой, разносчикъ, почтальонъ, приказчикъ, старая женщина съ зонтикомъ и стриженный мальчикъ съ пустой корзиной.

— Ослабѣли, сидѣвши въ замкѣ, разслабли, а ихъ ведутъ въ самое пекло, — осуждалъ кого-то приказчикъ, обращаясь къ подошедшему Нехлюдову.

— Помретъ, должно, — говорила плачущимъ голосомъ женщина съ зонтикомъ.

— Развязать рубаху надо, — сказалъ почтальонъ.

Городовой сталъ дрожащими толстыми пальцами неловко

распускать тесемки на жилистой, красной шеѣ. Онъ былъ видимо взволнованъ и смущенъ, но все-таки счелъ нужнымъ обратиться къ толпѣ.

— Чего собрались? И такъ жарко. Отъ вѣтра стали.

— Долженъ докторъ свидѣтельствовать, — которыхъ слабыхъ — оставлять. А то повели чуть живого, — говорилъ приказчикъ, очевидно щеголяя своимъ знаніемъ порядковъ. Городовой, развязавъ тесемки рубахи, выпрямился и оглянулся.

— Разойдитесь, говорю. Вѣдь не ваше дѣло, чего не видали? — говорилъ онъ, обращаясь за сочувствіемъ къ Нехлюдову, но не встрѣтивъ въ его взглядѣ сочувствія, взглянулъ на конвойнаго. Но конвойный стоялъ въ сторонѣ и, оглядывая свой сбившійся каблукъ, былъ совершенно равнодушенъ къ затрудненію городового.

— Чье дѣло, тѣ не заботятся. Людей морить развѣ порядокъ?

— Арестантъ — арестантъ, а все человѣкъ, — говорили въ толпѣ.

— Положите ему голову выше, да воды дайте, — сказалъ Нехлюдовъ.

— За водой пошли, — отвѣчалъ городовой и, взявъ подъ мышки арестанта, съ трудомъ перетащилъ туловищемъ повыше.

— Что за сборище? — послышался вдругъ рѣшительный начальственный голосъ, и къ собравшейся вокругъ арестанта кучкѣ людей быстрыми шагами подошелъ околоточный, въ необыкновенно чистомъ и блестящемъ кителѣ и еще болѣе блестящихъ высокихъ сапогахъ.

— Разойтись! Нечего тутъ стоять! — крикнулъ онъ на толпу, еще не видя, зачѣмъ собралась толпа. Подойдя же вплотъ и увидавъ умирающаго арестанта, онъ сдѣлалъ одобрительный знакъ головой, какъ будто ожидалъ этого самаго, и обратился къ городовому.

— Какъ такъ?

Городовой доложилъ, что шла партія, и арестантъ упалъ, конвойный приказалъ оставить.

— Такъ что-жъ? Въ участокъ надо. Извозчика!

— Побѣжалъ дворникъ, — сказалъ городовой, прикладывая руку къ козырьку.

Приказчикъ что-то началъ было о жарѣ.

— Твое дѣло это? А? Иди своей дорогой, — проговорилъ околоточный и такъ строго взглянулъ на него, что приказчикъ замолкъ.

— Воды надо дать выпить, — сказалъ Нехлюдовъ. Околоточный строго взглянулъ и на Нехлюдова, но ничего не сказалъ. Когда же дворникъ принесъ въ кружкѣ воду, онъ велѣлъ городовому предложить арестанту. Городовой поднялъ завалившуюся голову и попытался влить воду въ ротъ, но арестантъ не принималъ ея; вода выливалась по бородѣ, моча на груди куртку и посконную пыльную рубаху.

— Вылей на голову! — скомандовалъ околоточный, и городовой, снявъ блинообразную шапку, вылилъ воду и на рыжіе курчавые волосы, и на голый черепъ. Глаза арестанта, какъ будто испуганно, больше открылись, но положеніе его не измѣнилось. По лицу его текли грязные потоки отъ пыли, но ротъ такъ же равномѣрно всхлипывалъ, и все тѣло вздрагивало.

— А этотъ что-жъ? Взять этого, — обратился околоточный къ городовому, указывая на Нехлюдовскаго извозчика. — Давай, эй ты!

— Занятъ, — мрачно, не поднимая глазъ, проговорилъ извозчикъ.

— Это мой извозчикъ, — сказалъ Нехлюдовъ, — но возьмите его. Я заплачу, — прибавилъ онъ, обращаясь къ извозчику.

— Ну, чего стали, — крикнулъ околоточный, — берись!

Городовой, дворники и конвойный подняли умирающаго, понесли къ пролеткѣ и посадили на сидѣнье. Но онъ не могъ самъ держаться, голова его заваливалась назадъ, и все тѣло съѣзжало съ сидѣнья.

— Клади лежмя, — скомандовалъ околоточный.

— Ничего, ваше благородіе, я такъ довезу, сказалъ городовой, твердо усаживаясь рядомъ съ умирающимъ на сидѣньѣ и обхватывая его сильной правой рукой подъ мышку.

Конвойный поднялъ обутыя въ коты безъ подвертокъ ноги и поставилъ и вытянулъ изъ-подъ козла.

Околоточный оглянулся и, увидавъ на мостовой блинообразную шапку арестанта, поднялъ ее и надѣлъ на завалившуюся назадъ мокрую голову. — Маршъ! — скомандовалъ онъ.

Извозчикъ сердито оглянулся, покачалъ головой и, сопутствуемый конвойнымъ, тронулся шагомъ назадъ къ частному дому. Сидѣвшій съ арестантомъ городовой безпрестанно перехватывалъ спускавшееся, съ качавшейся во всѣ стороны головой, тѣло. Конвойный, идя подлѣ, поправлялъ ноги. Нехлюдовъ пошелъ за нимъ.

XXXVII.

Подъѣхавъ къ части мимо пожарнаго часового, пролетка съ арестантомъ въѣхала во дворъ полицейской части и остановилась у одного изъ подъѣздовъ.

На дворѣ пожарные, засучивъ рукава, громко разговаривая и смѣясь, мыли какія-то дроги. Какъ только пролетка остановилась, нѣсколько городовыхъ окружили ее и подхватили безжизненное тѣло арестанта подъ мышки и ноги и сняли его съ пищавшей подъ ними пролетки. Привезшій арестанта городовой, сойдя съ пролетки, помахалъ закоченѣвшей рукой, снялъ фуражку и перекрестился. Мертваго же понесли въ дверь и вверхъ по лѣстницѣ. Нехлюдовъ пошелъ вслѣдъ за ними. Въ небольшой грязной комнатѣ, куда внесли мертваго, было четыре койки. На двухъ сидѣли въ халатахъ два больныхъ, одинъ косоротый съ обвязанной шеей, другой чахоточный. Двѣ койки были свободны. На одну изъ нихъ положили арестанта. Маленькій человѣчекъ съ блестящими глазами и безпрестанно двигающимися бровями, въ одномъ бѣльѣ и чулкахъ, быстрыми, мягкими шагами подо-

шелъ къ принесенному арестанту, посмотрѣлъ на него, потомъ на Нехлюдова и громко расхохотался. Это былъ содержавшійся въ пріемномъ покоѣ сумасшедшій.

— Хотятъ испугать меня, говорилъ онъ. Только нѣтъ — не удастся.

Вслѣдъ за городовыми, внесшими мертваго, вошли околоточный и фельдшеръ.

— Фельдшеръ, подойдя къ мертвому, потрогалъ холодную уже, желтоватую, покрытую веснушками, еще мягкую, но уже мертвенно-блѣдную руку арестанта, подержалъ ее, потомъ пустилъ. Она безжизненно упала на животъ мертвеца.

— Готовъ, — сказалъ фельдшеръ, мотнувъ головой, но, очевидно для порядка, раскрылъ мокрую, суровую рубаху мертвеца и, откинувъ отъ уха свои курчавые волосы, приложился къ желтоватой, неподвижной, высокой груди арестанта. Всѣ молчали. Фельдшеръ приподнялся, еще качнулъ головой и потрогалъ пальцемъ сначала одно, а потомъ другое вѣко надъ открытыми голубыми остановившимися глазами.

— Не испугаете, не испугаете, — говорилъ сумасшедшій, все время плюя по направленію фельдшера.

— Чтожъ? — спросилъ околоточный.

— Чтожъ? — повторилъ фельдшеръ. — Въ мертвецкую убрать надо.

— Смотрите, вѣрно ли? — спросилъ околоточный.

— Пора знать, — сказалъ фельдшеръ, для чего-то закрывая раскрытую грудь мертвеца. — Да я пошлю за Матвѣй Иванычемъ, пускай посмотритъ. Петровъ сходи, — сказалъ фельдшеръ и отошелъ отъ мертвеца.

— Снести въ мертвецкую, — сказалъ околоточный. — А ты тогда приходи въ канцелярію, распишешься, — прибавилъ онъ конвойному, который все время не отставалъ отъ арестанта.

— Слушаю, отвѣчалъ конвойный.

Городовые подняли мертвеца и понесли опять внизъ по

лѣстницѣ. Нехлюдовъ хотѣлъ идти за ними, но сумасшедшій задержалъ его.

— Вы вѣдь не въ заговорѣ, такъ дайте папироску, — сказалъ онъ. Нехлюдовъ досталъ папиросницу и далъ ему. Сумасшедшій, водя бровями, сталъ, очень быстро говоря, разсказывать, какъ его мучаютъ внушеніями.

— Вѣдь они всѣ противъ меня и черезъ своихъ медіумовъ мучаютъ, терзаютъ меня . . . —

— Извините меня, — сказалъ Нехлюдовъ и, не дослушавъ его, вышелъ на дворъ, желая узнать, куда отнесутъ мертваго.

Городовые, съ своей ношей, уже прошли весь дворъ и входили въ подъѣздъ подвала. Нехлюдовъ хотѣлъ подойти къ нимъ, но околоточный остановилъ его.

— Вамъ что нужно?

— Ничего, — отвѣчалъ Нехлюдовъ.

— Ничего, такъ и ступайте.

Нехлюдовъ покорился и пошелъ къ своему извозчику. Извозчикъ его дремалъ. Нехлюдовъ разбудилъ его и поѣхалъ опять къ вокзалу.

Не отъѣхалъ онъ и ста шаговъ, какъ ему встрѣтилась, сопутствуемая опять конвойнымъ съ ружьемъ ломовая телѣга, на которой лежалъ другой, очевидно уже умершій арестантъ. Арестантъ лежалъ на спинѣ на телѣгѣ, и бритая голова его съ черной бородкой, покрытая блинообразной шапкой, съѣхавшей на лицо до носа, тряслась и билась при каждомъ толчкѣ телѣги. Ломовой извозчикъ, въ толстыхъ сапогахъ, правилъ лошадью, идя рядомъ. Сзади шелъ городовой. Нехлюдовъ тронулъ за плечо своего извозчика.

— Что дѣлаютъ! — сказалъ извозчикъ, останавливая лошадь.

Нехлюдовъ слѣзъ съ пролетки и вслѣдъ за ломовымъ, опять мимо пожарнаго часового, вошелъ на дворъ участка. На дворѣ теперь пожарные уже кончили мыть дроги, и на ихъ мѣстѣ стоялъ высокій, костлявый брандъ-маіоръ съ синимъ околышкомъ и, заложивъ руки въ карманы, строго смо-

трѣлъ на жирнаго буланаго, съ наѣденною шеей жеребца, котораго пожарный водилъ передъ нимъ. Жеребецъ припадалъ на переднюю ногу и брандъ-маіоръ сердито говорилъ что-то стоявшему тутъ-же ветеринару.

Околоточный стоялъ тутъ-же. Увидавъ другого мертвеца, онъ подошелъ къ ломовому.

— Гдѣ подняли? — спросилъ онъ, неодобрительно покачавъ головой.

— На старой Горбатовской, — отвѣчалъ городовой.

— Арестантъ? — спросилъ брандъ-маіоръ.

— Такъ точно. Второй нынче, — сказалъ околоточный.

— Ну, порядки. Да и жара-же, — сказалъ брандъ-маіоръ и, обратившись къ пожарному, уводившему хромого буланаго, крикнулъ: — въ угловой денникъ поставь! Я тебя, сукина сына, научу, какъ лошадей калѣчить, какія дороже тебя, шельмы, стоятъ.

Мертвеца такъ же, какъ и перваго, подняли съ телѣги городовые и понесли въ пріемный покой. Нехлюдовъ, какъ загипнотизированный, пошелъ за ними.

— Вамъ чего? — спросилъ его одинъ городовой.

Онъ, не отвѣчая, шелъ туда, куда они несли мертвеца.

Сумасшедшій, сидя на койкѣ, жадно курилъ папироску, которую ему далъ Нехлюдовъ.

— А, вернулись, — сказалъ онъ и расхохотался. Увидавъ мертвеца, онъ поморщился. — Опять, — сказалъ онъ. — Надоѣли, вѣдь не мальчикъ я? правда? — вопросительно улыбаясь, обратился онъ къ Нехлюдову.

Нехлюдовъ, между тѣмъ, смотрѣлъ на мертвеца, котораго теперь никто не заслонялъ болѣе, и лицо котораго, прежде скрытое шапкой, было все видно. Какъ тотъ арестантъ былъ безобразенъ, такъ этотъ былъ необыкновенно красивъ и лицомъ, и всѣмъ тѣломъ. Это былъ человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Несмотря на изуродованную бритьемъ половину головы, невысокій крутой лобъ съ возвышеніями надъ черными, теперь безжизненными, глазами былъ

очень красивъ, какъ и небольшой съ горбинкой носъ надъ тонкими черными усами. Синѣющія теперь губы были сложены въ улыбку; небольшая бородка только окаймляла нижнюю часть лица, и на бритой сторонѣ черепа было видно крѣпкое и красивое ухо. Выраженіе лица было и спокойное, и строгое, и доброе. Неговоря уже о томъ, что по лицу этому видно было, какія возможности духовной жизни были погублены, въ этомъ человѣкѣ, по тонкимъ костямъ рукъ и скованныхъ ногъ и по сильнымъ мышцамъ всѣхъ пропорціональныхъ членовъ видно было, какое это было прекрасное, сильное, ловкое человѣческое животное, какъ животное, въ своемъ родѣ гораздо болѣе совершенное, чѣмъ тотъ буланый жеребецъ, за порчу котораго такъ сердился брандъмаіоръ. А между тѣмъ, его заморили, и не только никто не жалѣлъ его, какъ человѣка, никто не жалѣлъ его, какъ напрасно погубленное рабочее животное. Единственное чувство, вызываемое во всѣхъ людяхъ его смертью, было чувство досады за хлопоты, которыя доставляла необходимость устранить это угрожающее разложеніемъ тѣло. Въ пріемный покой вошли докторъ съ фельдшеромъ и частный. Докторъ былъ плотный коренастый человѣкъ въ чисунчевомъ пиджакѣ и такихъ же узкихъ, обтягивавшихъ ему мускулистыя ляжки панталонахъ. Частный былъ маленькій толстякъ съ шарообразнымъ, краснымъ лицомъ, которое дѣлалось еще круглѣе отъ его привычки набирать въ щеки воздухъ и медленно выпускать его. Докторъ подсѣлъ на койку къ мертвецу, такъ же, какъ и фельдшеръ, потрогалъ руки, послушалъ сердце и всталъ, обдергивая панталоны.

— Мертвѣе не бываютъ, — сказалъ онъ.

Частный набралъ полный ротъ воздуха и медленно выпустилъ его.

— Изъ какого замка? — обратился онъ къ конвойному.

Конвойный отвѣтилъ и напомнилъ о кандалахъ, которыя были на умершемъ.

— Прикажу снять, слава Богу, кузнецы есть, — сказалъ частный и, опять раздувъ щеки, пошелъ къ двери, медленно выпуская воздухъ.

— Отчего-же это такъ? — обратился Нехлюдовъ къ доктору.

Докторъ посмотрѣлъ на него черезъ очки.

— Что отчего такъ? что помираютъ отъ солнечнаго удара? А такъ: сидя безъ движенія, безъ свѣта всю зиму, и вдругъ на солнце, да въ такой день, какъ нынче, да идутъ толпою, притока воздуха нѣтъ. Вотъ и ударъ.

— Такъ зачѣмъ же ихъ посылаютъ?

— А это вы ихъ спросите. Да вы собственно кто?

— Я посторонній.

— Аа! . . . мое почтеніе, мнѣ некогда, — сказалъ докторъ и, съ досадой обдернувъ панталоны, направился къ койкамъ больныхъ.

— Ну, твои дѣла какъ? — обратился онъ къ косоротому, блѣдному человѣку съ обвязанной шеей.

Сумасшедшій, между тѣмъ, сидѣлъ на своей койкѣ и, переставъ курить, плевалъ по направленію доктора.

Нехлюдовъ сошелъ внизъ на дворъ и, мимо пожарныхъ лошадей и куръ и часового въ мѣдномъ шлемѣ, прошелъ въ ворота, сѣлъ на своего опять заснувшаго извозчика и поѣхалъ на вокзалъ.

XXXVIII.

Когда Нехлюдовъ пріѣхалъ на вокзалъ, арестанты уже всѣ сидѣли въ вагонахъ за рѣшетчатыми окнами. На платформѣ стояло нѣсколько человѣкъ провожатыхъ: ихъ не подпускали къ вагонамъ. Конвойные нынче были особенно озабочены. Въ пути отъ острога къ вокзалу упало и умерло отъ удара, кромѣ тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ видѣлъ Нехлюдовъ, еще три человѣка: одинъ былъ свезенъ, такъ же какъ первые два, въ ближайшую часть, а два упали

уже здѣсь, на вокзалѣ *). Озабочены конвойные были не тѣмъ, что умерло подъ ихъ конвоемъ пять человѣкъ, которые могли бы быть живы. Это ихъ не занимало, а занимало ихъ только то, чтобы исполнить все то, что̀ по закону требовалось въ этихъ случаяхъ: сдать куда слѣдуетъ мертвыхъ и ихъ бумаги и вещи и исключить ихъ изъ счета тѣхъ, которыхъ надо везти въ Нижній, а это было очень хлопотно, особенно въ такую жару.

И этимъ-то и были заняты конвойные, и потому, пока все это не было сдѣлано, не пускали Нехлюдова и другихъ, просившихъ объ этомъ, подойти къ вагонамъ. Нехлюдова, однако, все-таки пустили, потому что онъ далъ денегъ конвойному унтеръ-офицеру. Унтеръ-офицеръ этотъ пропустилъ Нехлюдова и просилъ его только поскорѣе переговорить и отойти, чтобы не видалъ начальникъ. Всѣхъ вагоновъ было восемнадцать, и всѣ, кромѣ вагона начальства, были биткомъ набиты арестантами. Проходя мимо оконъ вагоновъ, Нехлюдовъ прислушивался къ тому, что̀ происходило въ нихъ. Во всѣхъ вагонахъ слышался звонъ цѣпей, суетня, говоръ, пересыпанный безсмысленнымъ сквернословіемъ, но нигдѣ не говорилось, какъ того ожидалъ Нехлюдовъ, объ упавшихъ дорогой товарищахъ. Рѣчи касались больше мѣшковъ, воды для питья и выбора мѣста.

Заглянувъ въ окно одного изъ вагоновъ, Нехлюдовъ увидалъ въ срединѣ его, въ проходѣ, конвойныхъ, которые снимали съ арестантовъ наручни. Арестанты протягивали руки, и одинъ конвойный ключемъ отпиралъ замокъ на наручняхъ и снималъ ихъ. Другой собиралъ наручни.

Пройдя всѣ мужскіе вагоны, Нехлюдовъ подошелъ къ женскимъ. Во второмъ изъ нихъ слышался равномѣрный женскій стонъ съ приговорами: — О, о, о! ... Батюшки, о, о, о! батюшки! ...

---

*) Въ началѣ 80-хъ годовъ пять человѣкъ арестантовъ умерло въ одинъ день отъ солнечнаго удара въ то время, какъ ихъ переводили изъ Бутырскаго замка на вокзалъ Нижегородской желѣзной дороги.

Нехлюдовъ прошелъ мимо и, по указанію конвойнаго, подошелъ къ окну третьяго вагона. Изъ окна, какъ только Нехлюдовъ приблизилъ къ нему голову, пахнуло жаромъ, насыщеннымъ густымъ запахомъ человѣческихъ испареній, и явственно послышались визгливые женскіе голоса. На всѣхъ лавкахъ сидѣли раскраснѣвшіяся потныя женщины въ халатахъ и кофтахъ и звонко переговаривались. Приблизившееся къ рѣшеткѣ лицо Нехлюдова обратило ихъ вниманіе. Ближайшія замолкли и подвинулись къ нему. Маслова, въ одной кофтѣ и безъ косынки, сидѣла у противоположнаго окна. Ближе сюда сидѣла бѣлая, улыбающаяся Ѳедосья.

Узнавъ Нехлюдова, она толкнула Маслову и рукой показала ей на окно.

Маслова поспѣшно встала, накинула на черные волоса косынку и съ оживившимся краснымъ, потнымъ, улыбающимся лицомъ подошла къ окну и взялась за рѣшетку.

— И жарко-же, — сказала она, радостно улыбаясь.

— Получили вещи?

— Получила, благодарю.

— Не нужно ли чего, — спросилъ Нехлюдовъ, чувствуя, какъ точно изъ каменки несетъ жаромъ изъ раскаленнаго вагона.

— Ничего не нужно, благодарю.

— Напиться-бы, — сказала Ѳедосья.

— Да, напиться бы, — повторила Маслова.

— Да развѣ у васъ нѣтъ воды?

— Ставятъ, да всю выпили.

— Сейчасъ, — сказалъ Нехлюдовъ, — я попрошу конвойнаго. Теперь до Нижняго не увидимся.

— А вы развѣ ѣдете? — какъ будто не зная этого, сказала Маслова, радостно взглянувъ на Нехлюдова.

— Ѣду съ слѣдующимъ поѣздомъ.

Маслова ничего не сказала и только черезъ нѣсколько секундъ глубоко вздохнула.

— Что-же это, баринъ, правда, что двѣнадцать чело-

вѣкъ арестантовъ уморили до смерти, — сказала грубымъ мужицкимъ голосомъ старая, суровая арестантка.

Это была Кораблева.

— Я не слышалъ, что двѣнадцать. Я видѣлъ двухъ, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Сказываютъ, двѣнадцать. Ужли-жъ имъ ничего за это не будетъ? То-то дьяволы.

— А изъ женщинъ никто не заболѣлъ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Бабы тверже, — смѣясь, сказала другая низенькая арестантка, — только вотъ одна рожать вздумала. Вотъ заливается, — сказала она, указывая на сосѣднiй вагонъ, изъ котораго слышались все тѣ же стоны.

— Вы говорите, не надо ли чего? — сказала Маслова, стараясь удержать губы отъ радостной улыбки, — нельзя-ли эту женщину оставить, а то мучается. Вотъ-бы сказали начальству.

— Да, я скажу.

— Да вотъ еще, нельзя ли ей Тараса, мужа своего, повидать, — прибавила она, глазами указывая на улыбающуюся Ѳедосью. Вѣдь онъ съ нами ѣдетъ.

— Господинъ, нельзя разговаривать, — послышался голосъ конвойнаго унтеръ-офицера.

Это былъ не тотъ, который пустилъ Нехлюдова. Нехлюдовъ отошелъ и пошелъ искать начальника, чтобы просить его о рожающей женщинѣ и о Тарасѣ, но долго не могъ найти его и добиться отвѣта отъ конвойныхъ. Они были въ большой суетѣ — одни вели куда-то какого-то арестанта, другiе бѣгали закупать себѣ провизiю и размѣщали свои вещи по вагонамъ, третьи прислуживали дамѣ, ѣхавшей съ конвойнымъ офицеромъ, и неохотно отвѣчали на вопросы Нехлюдова.

Нехлюдовъ увидѣлъ конвойнаго офицера уже послѣ второго звонка.

Офицеръ, обтирая своей короткой рукой закрывавшiе

ему ротъ усы и поднявъ плечи, выговаривалъ за что-то фельдфебелю.

— Вамъ что̀ собственно надо? — спросилъ онъ Нехлюдова.

— У васъ женщина рожаетъ въ вагонѣ, такъ я думалъ надо бы . . .

— Ну и пускай рожаетъ. Тогда видно будетъ, — сказалъ конвойный, проходя въ свой вагонъ и бойко размахивая своими короткими руками.

Въ это время прошелъ кондукторъ съ свисткомъ въ рукѣ. Послышался послѣдній звонокъ, свистокъ, и среди провожавшихъ на платформѣ и въ женскомъ вагонѣ послышался плачъ и причитанья. Нехлюдовъ стоялъ рядомъ съ Тарасомъ на платформѣ и смотрѣлъ, какъ одинъ за другимъ тянулись мимо него вагоны съ рѣшетчатыми окнами и виднѣющимися изъ нихъ бритыми головами мужчинъ. Потомъ поровнялся первый женскій вагонъ, въ окнѣ котораго видны были головы простоволосыхъ и въ косынкахъ женщинъ; потомъ второй вагонъ, въ которомъ слышался все тотъ-же стонъ женщины; потомъ вагонъ, въ которомъ была Маслова. Она, вмѣстѣ съ другими, стояла у окна и смотрѣла на Нехлюдова и жалостно улыбалась ему.

XXXIX.

До отхода пассажирскаго поѣзда, съ которымъ ѣхалъ Нехлюдовъ, оставалось два часа. Нехлюдовъ сначала думалъ въ этотъ промежутокъ съѣздить еще къ сестрѣ, но теперь, послѣ впечатлѣній этого утра, почувствовалъ себя до такой степени взволнованнымъ и разбитымъ, что, сѣвъ на диванчикъ перваго класса, совершенно неожиданно почувствовалъ такую сонливость, что повернулся на бокъ, подложилъ подъ щеку ладонь и тотчасъ же заснулъ.

Его разбудилъ лакей во фракѣ съ значкомъ и салфеткой.

— Господинъ, господинъ, не вы ли будете Нехлюдовъ князь? Барыня васъ ищутъ.

Нехлюдовъ вскочилъ, протирая глаза, и вспомнилъ, гдѣ онъ и все то, что̀ было въ нынѣшнее утро.

Въ его воспоминаніи были: шествіе арестантовъ, мертвецы, вагоны съ рѣшетками и запертыя тамъ женщины, изъ которыхъ одна мучается безъ помощи родами, а другая жалостно улыбается ему изъ-за желѣзной рѣшетки.

Въ дѣйствительности же было передъ нимъ совсѣмъ другое: уставленный бутылками, вазами, канделябрами и приборами столъ, снующіе около стола проворные лакеи. Въ глубинѣ залы, передъ шкафомъ, за вазами съ плодами и бутылками — буфетчикъ и спины подошедшихъ къ буфету отъѣзжающихъ.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ перемѣнялъ лежачее положеніе на сидячее и понемногу опоминался, онъ замѣтилъ, что всѣ бывшіе въ комнатѣ съ любопытствомъ смотрѣли на что-то, происходившее въ дверяхъ. Онъ посмотрѣлъ туда же и увидалъ шествіе людей, несшихъ на креслѣ даму въ воздушномъ покрывалѣ, окутывающемъ ей голову. Передній носильщикъ былъ лакей и показался знакомымъ Нехлюдову. Задній былъ тоже знакомый швейцаръ съ галуномъ на фуражкѣ. Позади кресла шла элегантная горничная въ фартукѣ и кудряшкахъ и несла узелокъ, какой-то круглый предметъ въ кожаномъ футлярѣ и зонтики. Еще позади, со своими брылами и апоплексической шеей, выпятивъ грудь, шелъ князь Корчагинъ въ дорожной фуражкѣ и еще сзади — Мисси, Миша, двоюродный братъ, и знакомый Нехлюдову дипломатъ Остенъ съ своей длинной шеей, выдающимся кадыкомъ и всегда веселымъ видомъ и настроеніемъ. Онъ шелъ, что-то внушительно, но, очевидно, шутовски досказывая улыбающейся Мисси. Сзади шелъ докторъ, сердито куря папиросу.

Корчагины переѣзжали изъ своего подгороднаго имѣнія къ сестрѣ княгини, въ ея имѣніе по Нижегородской дорогѣ.

Шествіе носильщиковъ, горничной и доктора прослѣдовало въ дамскую комнату, вызывая любопытство и уваженіе всѣхъ присутствующихъ. Старый же князь, присѣвъ къ сто-

лу, тотчасъ-же подозвалъ къ себѣ лакея и сталъ что-то заказывать ему. Мисси съ Остеномъ тоже остановились въ столовой и только что хотѣли сѣсть, какъ увидали въ дверяхъ знакомую и пошли ей на встрѣчу. Знакомая эта была Наталья Ивановна.

Наталья Ивановна, сопутствуемая Аграфеной Петровной, оглядываясь по сторонамъ, входила въ столовую. Она почти въ одно и то же время увидала Мисси и брата. Она прежде подошла къ Мисси, только кивнувъ головой Нехлюдову. Но, поцѣловавшись съ Мисси, тотчасъ-же обратилась къ нему.

— Наконецъ-то я нашла тебя, — сказала она. — Нехлюдовъ всталъ, поздоровался съ Мисси, Мишей и Остеномъ и остановился, разговаривая. Мисси разсказала ему про пожаръ ихъ дома въ деревнѣ, заставившій ихъ переѣзжать къ теткѣ. Остенъ по этому случаю сталъ разсказывать смѣшной анекдотъ про пожаръ.

Нехлюдовъ, не слушая Остена, обратился къ сестрѣ: — какъ я радъ, что ты пріѣхала, — сказалъ онъ.

— Я уже давно пріѣхала, — сказала она. — Мы съ Аграфеной Петровной. — Она указала на Аграфену Петровну, которая, въ шляпѣ и ватерпруфѣ, съ ласковымъ достоинствомъ издалека конфузливо поклонилась Нехлюдову, не желая мѣшать ему. — Вездѣ искали тебя.

— А я тутъ заснулъ. Какъ я радъ, что ты пріѣхала, — повторилъ Нехлюдовъ. — Я письмо тебѣ началъ писать, — сказалъ онъ.

— Неужели? — сказала она испуганно.

— О чемъ же?

Мисси съ своими кавалерами, замѣтивъ, что между братомъ и сестрой начинается интимный разговоръ, отошла въ сторону. Нехлюдовъ же съ сестрой сѣли у окна на бархатный диванчикъ подлѣ чьихъ то вещей, — пледа и картонки.

— Я вчера, когда ушелъ отъ васъ, хотѣлъ вернуться и покаяться, но не зналъ, какъ онъ приметъ, — сказалъ

Нехлюдовъ. — Я нехорошо говорилъ съ твоимъ мужемъ, и меня это мучило, — сказалъ онъ.

— Я знала, я увѣрена была, —сказала сестра, — что ты не хотѣлъ. Вѣдь ты знаешь. — И слезы выступили у ней на глаза, и она коснулась его руки. Фраза эта была неясна, но онъ понялъ ее вполнѣ и былъ тронутъ тѣмъ, что̀ она означала. Слова ея означали то, что кромѣ ея любви, владѣющей ею, — любви къ своему мужу, для нея важна и дорога ея любовь къ нему, къ брату, и что всякая размолвка съ нимъ для нея — тяжелое страданіе.

— Спасибо, спасибо тебѣ. Ахъ, что̀ я видѣлъ нынче, — сказалъ онъ, вдругъ вспомнивъ второго умершаго арестанта. — Два арестанта убиты.

— Какъ убиты?

— Такъ убиты. Ихъ повели въ этотъ жаръ. И два умерло отъ солнечнаго удара.

— Не можетъ быть! какъ? нынче? сейчасъ?

— Да, сейчасъ, я видѣлъ ихъ трупы.

— Но отчего убили? Кто убилъ? — сказала Наталья Ивановна.

— Убили тѣ, кто насильно вели ихъ, — раздраженно сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что она смотритъ и на это дѣло глазами своего мужа.

— Ахъ, Боже мой! — сказала Аграфена Петровна, подошедшая ближе къ нимъ.

— Да, мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ дѣлается съ этими несчастными, а надо это знать, — прибавилъ Нехлюдовъ, глядя на стараго князя, который, завязавшись салфеткой, сидѣлъ у стола за крюшономъ и въ это самое время оглянулся на Нехлюдова.

— Нехлюдовъ! — крикнулъ онъ. — Хотите прохладиться? На дорогу отлично!

Нехлюдовъ отказался и отвернулся.

— Но что̀ же ты сдѣлаешь? — продолжала Наталья Ивановна.

— Чтò могу. Я не знаю, но чувствую, что долженъ что-то сдѣлать. И чтò могу, то сдѣлаю.

— Да, да, я это понимаю. — Ну, а съ этими, — сказала она, улыбаясь и указывая глазами на Корчагина, — неужели совсѣмъ кончено?

— Совсѣмъ, и я думаю, что съ обѣихъ сторонъ безъ сожалѣнія.

— Жаль. Мнѣ жаль. Я ее люблю. Но положимъ, что это такъ. Но для чего ты хочешь связать себя? — прибавила она робко. — Для чего ты ѣдешь?

— Ѣду потому, что такъ должно, — серьезно и сухо сказалъ Нехлюдовъ, какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ, но сейчасъ же ему стало совѣстно за свою холодность къ сестрѣ. „Отчего не сказать ей всего, чтò я думаю?" подумалъ онъ. „И пускай и Аграфена Петровна услышитъ," — сказалъ онъ себѣ, взглянувъ на старую горничную. Присутствіе Аграфены Петровны еще болѣе поощряло его повторить сестрѣ свое рѣшеніе.

— Ты говоришь о моемъ намѣреніи жениться на Катюшѣ? Такъ видишь ли, я рѣшилъ это сдѣлать, но она опредѣленно и твердо отказала мнѣ, — сказалъ онъ, и голосъ его дрогнулъ, какъ дрожалъ всегда, когда онъ говорилъ объ этомъ. — Она не хочетъ моей жертвы, и сама жертвуетъ, для нея въ ея положеніи, очень многимъ, и я не могу принять этой жертвы, если это минутное. И вотъ я ѣду за ней и буду тамъ, гдѣ она будетъ, и буду, сколько могу, помогать, облегчать ея участь.

Наталья Ивановна ничего не сказала. Аграфена Петровна вопросительно глядѣла на Наталью Ивановну и покачивала головой. Въ это время изъ дамской комнаты вышло опять шествіе. Тотъ же красавецъ-лакей Филиппъ и швейцаръ несли княгиню. Она остановила носильщиковъ, подманила къ себѣ Нехлюдова и, жалостно изнывая, подала ему бѣлую, въ перстняхъ руку, съ ужасомъ ожидая твердаго пожатія.

— Epouvantable! — сказала она про жару, — я не

переношу этого. Ce climat me tue. — И поговоривъ объ ужасахъ русскаго климата и пригласивъ Нехлюдова пріѣхать къ нимъ, она дала знакъ носильщикамъ.

— Такъ непремѣнно пріѣзжайте, — прибавила она, на ходу оборачивая свое длинное лицо къ Нехлюдову.

Нехлюдовъ вышелъ на платформу. Шествіе княгини направилось направо, къ первому классу. Нехлюдовъ же съ артельщикомъ, несшимъ вещи, и Тарасомъ, со своимъ мѣшкомъ, пошли налѣво.

— Вотъ это мой товарищъ, — сказалъ Нехлюдовъ сестрѣ, указывая на Тараса исторію котораго онъ разсказывалъ ей прежде.

— Да неужели въ третьемъ классѣ, — спросила Наталья Ивановна, когда Нехлюдовъ остановился противъ вагона III-го класса, и артельщикъ съ вещами и Тарасъ вошли въ него.

— Да, мнѣ удобнѣе, я съ Тарасомъ вмѣстѣ, — сказалъ онъ. — Да вотъ еще что, — прибавилъ онъ, — до сихъ поръ я еще не отдалъ въ Кузьминскомъ землю крестьянамъ, такъ что въ случаѣ моей смерти твои дѣти наслѣдуютъ.

— Дмитрій, перестань, — сказала Наталья Ивановна.

— Если же я и отдамъ, то одно, что̀ могу сказать, это то, что все остальное будетъ ихъ, такъ какъ едва ли я женюсь, а если женюсь, то не будетъ дѣтей . . . такъ что . . .

— Дмитрій, пожалуйста, не говори этого, — говорила Наталья Ивановна, а между тѣмъ Нехлюдовъ видѣлъ, что она была рада слышать то, что̀ онъ сказалъ.

Впереди, передъ первымъ классомъ, стояла только небольшая толпа народа, все еще смотрѣвшая на тотъ вагонъ, въ который внесли княгиню Корчагину. Остальной народъ былъ уже весь по мѣстамъ. Запоздавшіе пассажиры, торопясь, стучали по доскамъ платформы, кондуктора захлопывали дверцы и приглашали ѣдущихъ садиться а провожающихъ выходить.

Нехлюдовъ вошелъ въ накаленный солнцемъ жаркій и вонючій вагонъ и тотчасъ же вышелъ на тормазъ.

Наталья Ивановна стояла противъ вагона въ своей модной шляпѣ и накидкѣ, рядомъ съ Аграфеной Петровной, и очевидно искала предмета разговора и не находила. Нельзя даже было сказать: „écrivez“, потому что они уже давно съ братомъ смѣялись надъ этой обычной фразой уѣзжающихъ. Разговоръ о денежныхъ дѣлахъ и наслѣдствѣ сразу разрушилъ установившіяся было между ними нѣжно-братскія отношенія, — они чувствовали себя теперь отчужденными другъ отъ друга; такъ что Наталья Ивановна была рада, когда поѣздъ тронулся, и можно было только, кивая головой, съ грустнымъ и ласковымъ лицомъ говорить: „прощай, ну прощай, Дмитрій!“

Но какъ только вагонъ отъѣхалъ, она подумала о томъ, какъ передастъ она мужу свой разговоръ съ братомъ, и ея лицо стало серьезно и озабоченно.

И Нехлюдову, несмотря на то, что онъ ничего, кромѣ самыхъ добрыхъ чувствъ, не питалъ къ сестрѣ и ничего не скрывалъ отъ нея, теперь было тяжело, неловко съ ней, и хотѣлось поскорѣе освободиться отъ нея. Онъ чувствовалъ, что нѣтъ больше той Наташи, которая когда-то была такъ близка ему, а есть только раба чуждаго ему и непріятнаго, чернаго, волосатаго мужа. Онъ ясно увидалъ это потому, что лицо ея освѣтилось особеннымъ оживленіемъ только тогда, когда онъ заговорилъ про то, что̀ занимало ея мужа, — про отдачу земли крестьянамъ, про наслѣдство, и это было грустно ему.

XL.

Жара въ накаленномъ въ продолженіе цѣлаго дня солнцемъ и полномъ народа, большомъ вагонѣ третьяго класса была такая удушливая, что Нехлюдовъ не пошелъ въ вагонъ, а остался на тормазѣ. Но и тутъ дышать нечѣмъ было, и Нехлюдовъ вздохнулъ всею грудью только тогда, когда вагоны выкатились изъ-за домовъ, и подулъ сквозной вѣтеръ. „Да, убили“, повторилъ онъ себѣ слова, сказанныя сестрѣ. И въ воображеніи его, изъ-за всѣхъ впечатлѣній

нынѣшняго дня, съ необыкновенной живостью возникло прекрасное лицо второго мертваго арестанта съ улыбающимся выраженіемъ губъ, строгимъ выраженіемъ лба и небольшимъ крѣпкимъ ухомъ подъ бритымъ, синѣющимъ черепомъ. „И что ужаснѣе всего, это то, что убили, и никто не знаетъ, кто его убилъ. А убили. Повели его, какъ и всѣхъ арестантовъ, по распоряженію Масленникова. Масленниковъ, вѣроятно, сдѣлалъ свое обычное распоряженіе, подписалъ съ своимъ дурацкимъ росчеркомъ бумагу съ печатнымъ заголовкомъ и, конечно, ужъ никакъ не сочтетъ себя виноватымъ. Еще меньше можетъ счесть себя виноватымъ острожный докторъ, свидѣтельствовавшій арестантовъ. Онъ аккуратно исполнилъ свою обязанность, отдѣлилъ слабыхъ и никакъ не могъ предвидѣть ни этой страшной жары, ни того, что ихъ поведутъ такъ поздно и такой кучей. Смотритель? ... но смотритель только исполнилъ предписаніе о томъ, чтобы въ такой-то день отправить столько-то каторжныхъ, ссыльныхъ, мужчинъ, женщинъ. Тоже не можетъ быть виноватъ и конвойный, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобы счетомъ принять тамъ-то столько-то и тамъ-то сдать столько же. Велъ онъ партію, какъ обыкновенно и полагается, и никакъ не могъ предвидѣть, что такіе сильные люди, какъ тѣ два, которыхъ видѣлъ Нехлюдовъ, не выдержатъ и умрутъ. Никто не виноватъ, — а люди убиты, и убиты все-таки этими самыми невиноватыми въ этихъ смертяхъ людьми.“

„Сдѣлалось все это отъ того“, думалъ Нехлюдовъ, „что всѣ эти люди — губернаторы, смотрители, околоточные, городовые, — считаютъ, что есть на свѣтѣ такія положенія, въ которыхъ человѣческое отношеніе съ человѣкомъ не обязательно. Вѣдь всѣ эти люди — и Масленниковъ, и смотритель, и конвойный, — всѣ они, если бы не были губернаторами, смотрителями, офицерами, двадцать разъ подумали бы о томъ, можно ли отправлять людей въ такую жару и такой кучей, двадцать разъ дорогой остановились бы и, увидавъ, что человѣкъ слабѣетъ, задыхается, вывели бы его изъ тол-

пы, сѣли бы его въ тѣнь, дали бы воды, дали бы отдохнуть и, когда случилось несчастье, выказали бы сострадание. Они не сдѣлали этого, даже мѣшали дѣлать это другимъ только потому, что они видѣли передъ собой не людей и свои обязанности передъ ними, а службу и ея требованія, которыя они ставили выше требованій человѣческихъ отношеній. Въ этомъ все", думалъ Нехлюдовъ. „Если можно признать, что что̀ бы то ни было важнѣе чувства человѣколюбія, хоть на одинъ часъ и хоть въ какомъ-нибудь одномъ, исключительномъ случаѣ, то нѣтъ преступленія, которое нельзя бы было совершать надъ людьми, не считая себя виноватымъ."

Нехлюдовъ такъ задумался, что и не замѣтилъ, какъ погода перемѣнилась: солнце скрылось за передовымъ, низкимъ, разорваннымъ облакомъ, и съ западнаго горизонта надвигалась сплошная свѣтло-сѣрая туча, уже выливавшаяся тамъ, гдѣ-то далеко, надъ полями и лѣсами, косымъ, спорымъ дождемъ. Отъ тучи тянуло влажнымъ дождевымъ воздухомъ. Изрѣдка тучу разрѣзали молніи, и съ грохотомъ вагоновъ все чаще и чаще смѣшивался грохотъ грома. Туча становилась ближе и ближе, косыя капли дождя, гонимыя вѣтромъ, стали пятнать площадку тормаза и пальто Нехлюдова. Онъ перешелъ на другую сторону и, вдыхая влажную свѣжесть и хлѣбный запахъ давно ждавшей дождя земли, смотрѣлъ на мимо бѣгущіе сады, лѣса, желтѣющія поля ржи, зеленыя еще полосы овса и черныя борозды темно-зеленаго, цвѣтущаго картофеля. Все какъ будто покрылось лакомъ, зеленое становилось зеленѣе, желтое — желтѣе, черное — чернѣе.

— Еще, еще, — говорилъ Нехлюдовъ, радуясь на оживающіе подъ благодатнымъ дождемъ поля, сады, огороды.

Сильный дождь лилъ не долго. Туча частью вылилась, частью пронеслась, и на мокрую землю падали уже послѣднія, прямыя, частыя, мелкія капли. Солнце опять выглянуло, все заблестѣло, а на востокѣ загнулась надъ горизон-

томъ невысокая, но яркая, съ выступающимъ фіолетовымъ цвѣтомъ, прерывающаяся только въ одномъ концѣ радуга.

— Да, о чемъ, бишь, я думалъ, — спросилъ себя Нехлюдовъ, когда всѣ эти перемѣны въ природѣ кончились, и поѣздъ спустился въ выемку съ высокими откосами.

— Да, я думалъ о томъ, что всѣ эти люди, смотритель, конвойные, — всѣ эти служащіе — большей частью кроткіе, добрые люди — сдѣлались злыми только потому, что они служатъ.

Онъ вспомнилъ равнодушіе Масленникова, когда онъ говорилъ ему о томъ, что̀ дѣлается въ острогѣ, строгость смотрителя, жестокость конвойнаго офицера, когда онъ не пускалъ на подводы и не обратилъ вниманія на то, что въ поѣздѣ мучится родами женщина. Всѣ эти люди, очевидно, были неуязвимы, непроницаемы для самаго простого чувства состраданія только потому, что они служили. Они, какъ служащіе, были непроницаемы для чувства человѣколюбія, — „какъ эта мощеная земля для дождя", думалъ Нехлюдовъ, глядя на мощеный разноцвѣтными камнями скатъ выемки, по которому дождевая вода не впитывалась въ землю, а сочилась ручейками. „Можетъ быть, и нужно укладывать камнями выемки, но грустно смотрѣть на эту лишенную растительности землю, которая бы могла родить хлѣбъ, траву, кусты, деревья, какъ тѣ, которыя виднѣются вверху выемки. То же самое и съ людьми", думалъ Нехлюдовъ, „можетъ быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видѣть людей, лишенныхъ главнаго человѣческаго свойства — любви и жалости другъ къ другу."

„Все дѣло въ томъ", думалъ Нехлюдовъ, „что люди эти признаютъ закономъ то, что̀ не есть законъ, и не признаютъ закономъ то, что̀ есть вѣчный, неизмѣнный, неотложный законъ, самимъ Богомъ написанный въ сердцахъ людей. Отъ этого-то мнѣ и бываетъ такъ тяжело съ этими людьми", думалъ Нехлюдовъ. „Я просто боюсь ихъ. И дѣйствительно, люди эти страшны. Страшнѣе разбойниковъ. Разбойникъ все-таки можетъ пожалѣть — эти же не могутъ пожалѣть;

они застрахованы отъ жалости, какъ эти камни отъ растительности. Вотъ этимъ то они ужасны. Говорятъ, ужасны Пугачевы, Разины. Эти въ тысячу разъ ужаснѣе!“ продолжалъ онъ думать: „если бы была задана психологическая задача: какъ сдѣлать такъ, чтобы люди нашего времени, христіане, гуманные, просто добрые люди, совершали самыя ужасныя злодѣйства, не чувствуя себя виноватыми, — то возможно только одно рѣшеніе: надо, чтобы было то самое, что̀ есть, надо, чтобы эти люди были губернаторами, смотрителями, офицерами, полицейскими, т. е. чтобы, во-первыхъ, были увѣрены, что есть такое дѣло, называемое государственной службой, при которомъ можно обращаться съ людьми, какъ съ вещами, безъ человѣческаго, братскаго отношенія къ нимъ, а во-вторыхъ, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны такъ, чтобы отвѣтственность за послѣдствія ихъ поступковъ съ людьми не падала ни на кого отдѣльно. Внѣ этихъ условій нѣтъ возможности въ наше время совершенія такихъ ужасныхъ дѣлъ, какъ тѣ, которыя я видѣлъ нынче. Все дѣло въ томъ, что люди думаютъ, что есть положенія, въ которыхъ можно обращаться съ человѣкомъ безъ любви, а такихъ положеній нѣтъ. Съ вещами можно обращаться безъ любви: можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо безъ любви; а съ людьми нельзя обращаться безъ любви, такъ-же какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Таково свойство пчелъ. Если станешь обращаться съ ними безъ осторожности, то имъ повредишь и себѣ. То-же и съ людьми. И это не можетъ быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной законъ жизни человѣческой. Правда, что человѣкъ не можетъ заставить себя любить, какъ онъ можетъ заставить себя работать, но изъ этого не слѣдуетъ, что можно обращаться съ людьми безъ любви, особенно если чего-нибудь требуешь отъ нихъ. Не чувствуешь любви къ людямъ — сиди смирно“, думалъ Нехлюдовъ, обращаясь къ себѣ: „занимайся собой, вещами, чѣмъ хочешь, но только не людьми. Какъ ѣсть можно безъ

вреда и съ пользой только тогда, когда хочется ѣсть, такъ и съ людьми можно обращаться съ пользой и безъ вреда только тогда, когда любишь. Только позволь себѣ обращаться съ людьми безъ любви, какъ ты вчера обращался съ зятемъ, и нѣтъ предѣловъ жестокости и звѣрства по отношенію другихъ людей, какъ это я видѣлъ сегодня, и нѣтъ предѣловъ страданія для себя, какъ я узналъ это изъ всей своей жизни. Да, да, это такъ", думалъ Нехлюдовъ. „Это хорошо, хорошо!" повторялъ онъ себѣ, испытывая двойное наслажденіе прохлады послѣ мучительной жары и сознанія достигнутой высшей степени ясности въ давно уже занимающемъ его вопросѣ.

XLI.

Вагонъ, въ которомъ было мѣсто Нехлюдова, былъ до половины полонъ народомъ. Были тутъ прислуга, мастеровые, фабричные, мясники, евреи, приказчики, женщины, жены рабочихъ, былъ солдатъ, были двѣ барыни — одна молодая, другая пожилая, съ браслетами на оголенной рукѣ, и строгаго вида господинъ съ кокардой на черной фуражкѣ. Всѣ эти люди, уже успокоенные послѣ размѣщенія, сидѣли смирно, кто щелкая сѣмечки, кто куря папиросы, кто ведя оживленный разговоръ съ сосѣдями.

Тарасъ съ счастливымъ видомъ сидѣлъ направо отъ прохода, оберегая мѣсто для Нехлюдова, и оживленно разговаривалъ съ сидѣвшимъ противъ него мускулистымъ человѣкомъ въ разстегнутой суконной поддевкѣ, какъ потомъ узналъ Нехлюдовъ, — садовникомъ, ѣхавшимъ на мѣсто. Не доходя до Тараса, Нехлюдовъ остановился въ проходѣ подлѣ почтеннаго вида старика съ бѣлой бородой, въ нанковой поддевкѣ, разговаривавшаго съ молодой женщиной въ деревенской одеждѣ. Рядомъ съ женщиной сидѣла, далеко не доставая ногами до пола, семилѣтняя дѣвочка въ новомъ сарафанчикѣ съ косичкой почти бѣлыхъ волосъ и, не переставая, щелкала сѣмечки.

Оглянувшись на Нехлюдова, старикъ подобралъ съ глян-

довитой лавки, на которой онъ сидѣлъ одинъ, полу своей поддевки и ласково сказалъ:

— Пожалуйте садиться.

Нехлюдовъ поблагодарилъ и сѣлъ на указанное мѣсто. Какъ только Нехлюдовъ усѣлся, женщина продолжала прерванный разсказъ.

Она разсказывала про то, какъ ее въ городѣ принялъ мужъ, отъ котораго она теперь возвращалась.

— Объ масленицу была, да вотъ, Богъ привелъ, теперь побывала, — говорила она. — Теперь, что Богъ дастъ, на Рождество.

— Хорошее дѣло, — сказалъ старикъ, оглядываясь на Нехлюдова: — провѣдывать надо, а то человѣкъ молодой избалуется, въ городѣ живучи.

— Нѣтъ, дѣдушка, мой не такой человѣкъ. Не то, что глупостей какихъ: онъ, какъ красная дѣвушка. Денежки всѣ до копѣечки домой посылаетъ. А ужъ дѣвченкѣ радъ, радъ былъ, что и сказать нельзя, — сказала женщина, улыбаясь.

Плевавшая сѣмечки и слушавшая мать дѣвочка, какъ бы подтверждая слова матери, взглянула спокойными, умными глазами въ лицо старика и Нехлюдова.

— А умный, такъ и того лучше, — сказалъ старикъ, — а вотъ этимъ не занимается? — прибавилъ онъ, указывая глазами на парочку — мужа съ женой, очевидно фабричныхъ, сидѣвшихъ на другой сторонѣ прохода.

Фабричный мужъ, приставивъ ко рту бутылку съ водкой, закинувъ голову, тянулъ изъ нея, а жена, держа въ рукѣ мѣшокъ, изъ котораго вынута была бутылка, пристально смотрѣла на мужа.

— Нѣтъ, мой и не пьетъ, и не куритъ, — сказала женщина, собесѣдница старика, пользуясь случаемъ еще разъ похвалить своего мужа. — Такихъ людей, дѣдушка, мало земля родитъ. Вотъ онъ какой, — сказала она, обращаясь и къ Нехлюдову.

— Чего лучше, — повторилъ старикъ, глядѣвшій на

пьющаго фабричнаго. Фабричный, отпивъ изъ бутылки, подалъ ее женѣ. Жена взяла бутылку и, смѣясь и покачивая головой, приложила ее тоже ко рту. Замѣтивъ на себѣ взглядъ Нехлюдова и старика, фабричный обратился къ нимъ.

— Что баринъ? Что пьемъ то мы? Какъ работаемъ — никто не видитъ, а вотъ какъ пьемъ — всѣ видятъ. Заработалъ — и пью и супругу потчую. И больше никакихъ.

— Да, да, — сказалъ Нехлюдовъ, не зная что̀ отвѣтить.

— Вѣрно, баринъ? Супруга моя — женщина твердая! Я супругой доволенъ, потому она меня можетъ жалѣть. Такъ я говорю, Мавра?

— Ну на, возьми, не хочу больше, — сказала жена, отдавая ему бутылку. И что лопочешь безъ толку, — прибавила она.

— Вотъ такъ-то, — продолжалъ фабричный: — то хороша-хороша, а то и заскрипитъ, какъ телѣга немазанная. Мавра, такъ я говорю?

Мавра, смѣясь, пьянымъ жестомъ махнула рукой.

— Ну, понесъ . . .

— Вотъ такъ-то, хороша, хороша, да до поры до времени, а попади ей вожжа подъ хвостъ, она то сдѣлаетъ, что̀ и вздумать нельзя . . . Вѣрно я говорю. Вы меня, баринъ, извините. Я выпилъ, ну, что-же теперь дѣлать . . . сказалъ фабричный и сталъ укладываться спать, положивъ голову на колѣни улыбающейся жены.

Нехлюдовъ посидѣлъ нѣсколько времени со старикомъ, который разсказалъ ему про себя, что онъ печникъ, 53 года работаетъ и склалъ на своемъ вѣку печей, что и счету нѣтъ, а теперь собирается отдохнуть, да все некогда. Былъ въ городѣ и поставилъ ребятъ на дѣло, а теперь ѣдетъ въ деревню домашнихъ провѣдать. Выслушавъ разсказъ старика, Нехлюдовъ всталъ и пошелъ на то мѣсто, которое берегъ для него Тарасъ.

— Что же, баринъ, садитесь. Мы мѣшокъ сюда при-

мемъ, — ласково сказалъ, взглянувъ вверхъ, въ лицо Нехлюдова, сидѣвшій напротивъ Тараса садовникъ.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — сказалъ пѣвучимъ голосомъ улыбающійся Тарасъ и, какъ перышко, своими сильными руками поднялъ свой двухпудовый мѣшокъ и перенесъ его къ окну. — Мѣста много, а то и постоять можно, и подъ лавкой можно. Ужъ на что спокойно. А то вздорить! говорилъ онъ, сіяя добродушіемъ и ласковостью.

Тарасъ говорилъ про себя, что, когда онъ не выпьетъ, у него словъ нѣтъ, а что у него отъ вина находятся слова хорошія, и онъ все сказать можетъ. И дѣйствительно, въ трезвомъ состояніи Тарасъ больше молчалъ; когда же выпивалъ, что̀ случалось съ нимъ рѣдко и только въ особенныхъ случаяхъ, то дѣлался особенно пріятно разговорчивъ. Онъ говорилъ тогда и много, и хорошо, съ большой простотою, правдивостью и, главное, ласковостью, которая такъ и свѣтилась изъ его добрыхъ голубыхъ глазъ и не сходящей съ губъ привѣтливой улыбки.

Въ такомъ состояніи онъ былъ сегодня. Приближеніе Нехлюдова на минуту остановило его рѣчь. Но устроивъ мѣшокъ, онъ сѣлъ попрежнему и, положивъ сильныя рабочія руки на колѣни, глядя прямо въ глаза садовнику, продолжалъ свой разсказъ. Онъ разсказывалъ своему новому знакомому во всѣхъ подробностяхъ исторію своей жены, за что̀ ее ссылали, и почему онъ теперь ѣхалъ за ней въ Сибирь.

Нехлюдовъ никогда не слыхалъ въ подробностяхъ этого разсказа и потому съ интересомъ слушалъ. Онъ засталъ разсказъ въ томъ мѣстѣ, когда отравленіе уже совершилось, и въ семьѣ узнали, что сдѣлала это Ѳедосья.

— Это я про свое горе разсказываю, — сказалъ Тарасъ задушевно-дружески обращаясь къ Нехлюдову. — Человѣкъ такой попался душевный — разговорились, я и сказываю.

— Да, да, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну, вотъ, такимъ манеромъ, братецъ ты мой, узналось

дѣло. Взяла матушка лепешку эту самую, „иду“, говоритъ, „къ уряднику“. Батюшка у меня старикъ правильный. „Погоди“, говоритъ, „старуха; бабенка — робенокъ вовсе, сама не знала, что̀ дѣлала, пожалѣть надо. Она, може, опамятуется“. Куды тебѣ, не приняла словъ никакихъ. „Пока мы ее держать будемъ, она“, говоритъ, „насъ какъ таракановъ изведетъ“. Убралась, братецъ ты мой, къ уряднику. Тотъ сейчасъ взбулгачился къ намъ. Сейчасъ понятыхъ.

— Ну, а ты-то что? — спросилъ садовникъ.

— А я, братецъ ты мой, отъ живота валяюсь, да блюю. Все нутро выворачиваетъ, ничего и сказать не могу. Сейчасъ запрягъ батюшка телѣгу, посадилъ Ѳедосью, въ станъ, а оттуда къ слѣдователю. А она, братецъ ты мой, какъ сперначала повинилась во всемъ, такъ и слѣдователю все какъ есть чередомъ и выложила: — и гдѣ мышьякъ взяла, и какъ лепешки скатала. „Зачѣмъ,“ говоритъ, „ты сдѣлала?“

— „А потому“, говоритъ, „постылый онъ мнѣ. А мнѣ Сибирь“, говоритъ, „лучше, чѣмъ съ нимъ жить“, — со мной, значитъ, — улыбаясь, говорилъ Тарасъ. — Повинилась, значитъ, во всемъ. Извѣстное дѣло — въ за̀мокъ. Батюшка одинъ вернулся. А тутъ рабочая пора подходитъ, а баба у насъ одна матушка, да и та ужъ плоха. Думали, какъ быть, нельзя-ли на поруки выручить. Поѣхалъ батюшка къ начальнику къ одному — не вышло, онъ — къ другому. Начальниковъ этихъ онъ человѣкъ пять объѣздилъ. Совсѣмъ уже было бросилъ хлопотать, да напался тутъ человѣчекъ одинъ, изъ приказныхъ. Ловкачъ такой, что на рѣдкость сыскать. „Давай“, говоритъ, „пятерку, выручу.“ Сошлись на трешницѣ. Что-жъ, братецъ ты мой, я ея же холсты заложилъ, далъ. Какъ написалъ онъ эту бумагу, — протянулъ Тарасъ, точно онъ говорилъ о выстрѣлѣ: — сразу вышло. Я самъ въ тѣ поры уже поднялся, самъ за ней въ городъ ѣздилъ.

— Пріѣхалъ я, братецъ ты мой, въ городъ. Сейчасъ кобылу на дворъ поставилъ, взялъ бумагу, прихожу въ за̀мокъ. „Чего тебѣ?“ — „Такъ и такъ“, говорю, „хозяйка моя тутъ у

васъ заключена.“ „А бумага, говоритъ, есть?“ Сейчасъ подалъ бумагу. Глянулъ онъ: „подожди,“ говоритъ. Присѣлъ я тутъ на лавочкѣ. Солнце уже за полдни перешло. Выходитъ начальникъ: „ты“, говоритъ, „Варгушовъ?“ — Я самый. — „Ну, получай“, говоритъ. Сейчасъ отворили ворота. Вывели ее въ одеждѣ своей, какъ должно. — Что-же, пойдемъ. — „А ты развѣ пѣшой?“ — „Нѣтъ, я на лошади“. — Пришли на дворъ, расчелся я за постой и запрягъ кобылу, подбилъ сѣнца, что̀ осталось, подъ веретье. Сѣла она, укуталась платкомъ, поѣхали. Она молчитъ, и я молчу. Только стали подъѣзжать къ дому, она и говоритъ: „а что, матушка жива?“ — Я говорю: жива. — „А батюшка живъ?“ — Живъ. — „Прости, говоритъ, меня, Тарасъ, за мою глупость. Я и сама не знала, что̀ дѣлала.“ — А я говорю: „много баить, не подобаить — давно простилъ.“ Больше и говорить не стала. Пріѣхали домой, сейчасъ она матушкѣ въ ноги. Матушка говоритъ: „Богъ проститъ“. А батюшка поздоровкался и говоритъ: „что старое поминать. Живи, какъ получше. Нынче“, говоритъ, „время не такое, — съ поля убираться надо. За Скородгымъ“, говоритъ, „на навозномъ осьминникѣ, рожь-матушка такая, Богъ далъ, родилась, что и крюкъ не беретъ, переплелась вся и полегла постелью. Выжать надо. Вотъ ты съ Тараской поди завтра, пожнись“. — И взялась она, братецъ ты мой, съ того часа работать. Да такъ работать стала, что на удивленіе. У насъ тогда три десятины наемныя были, а Богъ далъ, что рожь, что овесъ уродились на рѣдкость. Я кошу, она вяжетъ, а то оба жнемъ. Я на работу ловокъ, изъ рукъ не вывалится, а она еще того ловчѣе, за что ни возьмется. Баба ухватистая, да молодая, въ соку. И къ работѣ, братецъ ты мой, такая завистливая стала, что ужъ я ее укорачиваю. Придемъ домой, пальцы раздуются, руки гудутъ, отдохнуть бы надо, а она, не ужинамши, бѣжитъ въ сарай, на утро свясла готовитъ. Что̀ сдѣлалось!

— И что-жъ, и къ тебѣ ласкова стала? — спросилъ садовникъ.

— И не говори, такъ присмолилась ко мнѣ, что какъ одна душа. Чтѐ я вздумаю — она понимаетъ. Ужъ и матушка, на что сердита, и та говоритъ: Ѳедосью нашу точно подмѣнили, совсѣмъ другая баба стала. Ѣдемъ разъ надвоемъ за снопами, въ одной передней сидимъ съ ней. Я и говорю: Какъ же ты это, Ѳедосья, то дѣло вздумала? — „А какъ вздумала", говоритъ, „не хотѣла съ тобой жить. Лучше, думаю, умру, да не стану." — Ну а теперь? говорю. — „А теперь," говоритъ, „ты у меня у сердцѣ". — Тарасъ остановился и, радостно улыбаясь, удивленно покачалъ головой. — Только убрались съ поля, повезъ я пеньку мочить, пріѣзжаю домой, — подождалъ онъ, помолчавъ, — глядь, повѣстка: судить. А мы и думать забыли, за чтѐ судить-то.

— Не иначе это, что нечистый, — сказалъ садовникъ: развѣ самъ человѣкъ можетъ вздумать душу загубить. Такъ-то у насъ человѣкъ одинъ . . . — и садовникъ началъ было разсказывать, но поѣздъ сталъ останавливаться. — Никакъ станція, — сказалъ онъ, — пойти напиться.

Разговоръ прекратился, и Нехлюдовъ вслѣдъ за садовникомъ вышелъ изъ вагона на мокрыя доски платформы.

XLII.

Нехлюдовъ, еще не выходя изъ вагона, замѣтилъ на дворѣ станціи нѣсколько богатыхъ экипажей, запряженныхъ четвернями и тройками сытыхъ, побрякивающихъ бубенцами лошадей; выйдя же на потемнѣвшую отъ дождя мокрую платформу, онъ увидалъ передъ первымъ классомъ кучку народа, среди которой выдѣлялась высокая, толстая дама въ шляпѣ съ дорогими перьями, въ ватерпруфѣ, и длинный молодой человѣкъ съ тонкими ногами, въ велосипедномъ костюмѣ, съ огромной сытой собакой въ дорогомъ ошейникѣ. За ними стояли лакеи съ плащами и зонтиками и кучеръ, вышедшіе встрѣчать. На всей этой кучкѣ, отъ толстой барыни до кучера, поддерживавшаго рукой полы длиннаго каф-

тана, лежала печать спокойной самоувѣренности и избытка. Вокругъ этой кучки тотчасъ же образовался кругъ любопытныхъ и подобострастныхъ передъ богатствомъ людей: начальникъ станціи въ красной фуражкѣ, жандармъ, всегда присутствующая лѣтомъ при прибытіи поѣздовъ худощавая дѣвица въ русскомъ костюмѣ съ бусами, телеграфистъ и пассажиры, мужчины и женщины.

Въ молодомъ человѣкѣ съ собакой Нехлюдовъ узналъ гимназиста, молодого Корчагина. Толстая же дама была сестра княгини, въ имѣніе которой переѣзжали Корчагины. Оберъ-кондукторъ съ блестящими галунами и сапогами отворилъ дверь вагона и, въ знакъ почтительности, держалъ ее въ то время, какъ Филиппъ и артельщикъ въ бѣломъ фартукѣ осторожно выносили длиннолицую княгиню на ея складномъ креслѣ; сестры поздоровались, послышались французскія фразы о томъ, въ каретѣ или колpackѣ поѣдетъ княгиня, и шествіе, замыкающееся горничной съ кудряшками, зонтиками и футляромъ, двинулось къ двери станціи.

Нехлюдовъ, не желая встрѣчаться съ тѣмъ, чтобъ опять прощаться, остановился, не доходя до двери станціи, ожидая прохожденія всего шествія. Княгиня съ сыномъ, Мисси, докторъ и горничная прослѣдовали впередъ, старый же князь остановился позади со свояченицей, и Нехлюдовъ, не подходя близко, слышалъ только отрывочныя французскія фразы ихъ разговора. Одна изъ этихъ фразъ, произнесенная княземъ, запала, какъ это часто бываетъ, почему-то въ память Нехлюдову со всѣми интонаціями и звуками голоса.
— Oh! il est du vrai grand monde, du vrai grand monde, — про кого-то сказалъ князь своимъ громкимъ, самоувѣреннымъ голосомъ и вмѣстѣ со свояченицей, сопутствуемый почтительными кондукторами и носильщиками, прошелъ въ дверь станціи.

Въ это самое время изъ-за угла станціи появилась откуда-то на платформу толпа рабочихъ въ лаптяхъ и съ полушубками и мѣшками за спинами. Рабочіе рѣшительными,

мягкими шагами подошли къ первому вагону и хотѣли войти въ него, но тотчасъ же были отогнаны отъ него кондукторомъ. Не останавливаясь, рабочіе пошли, торопясь и наступая другъ другу на ноги, дальше къ сосѣднему вагону и стали уже, цѣпляясь мѣшками за углы и дверь вагона, входить въ него, какъ другой кондукторъ отъ двери станціи увидалъ ихъ намѣреніе и строго закричалъ на нихъ. Вошедшіе рабочіе тотчасъ же поспѣшно вышли и опять тѣми же рѣшительными, мягкими шагами пошли еще дальше къ слѣдующему вагону, тому самому, въ которомъ сидѣлъ Нехлюдовъ. Кондукторъ опять остановилъ ихъ. Они было остановились, намѣреваясь идти еще дальше, но Нехлюдовъ сказалъ имъ, что въ вагонѣ есть мѣста, и чтобы они шли. Они послушали его, и Нехлюдовъ вошелъ вслѣдъ за ними. Рабочіе хотѣли уже размѣщаться, но господинъ съ кокардой и обѣ дамы, принявъ ихъ покушеніе помѣститься въ этомъ вагонѣ за личное себѣ оскорбленіе, рѣшительно воспротивились этому и стали выгонять ихъ. Рабочіе, — ихъ было человѣкъ двадцать, — и старики, и совсѣмъ молодые, всѣ съ измученными, загорѣлыми, сухими лицами, тотчасъ же, цѣпляя мѣшками за лавки, стѣны и двери, очевидно чувствуя себя вполнѣ виноватыми, пошли дальше черезъ вагонъ, очевидно готовые идти до конца свѣта и сѣсть, куда бы ни велѣли, хоть на гвозди.

— Куда прете, черти! размѣщайтесь здѣсь, — крикнулъ вышедшій имъ на встрѣчу другой кондукторъ.

— Voilà encore des nouvelles, — проговорила молодая изъ двухъ дамъ, вполнѣ увѣренная, что она своимъ хорошимъ французскимъ языкомъ обратитъ на себя вниманіе Нехлюдова.

Дама же съ браслетами только все принюхивалась, морщилась и что-то сказала про пріятность сидѣть съ вонючимъ мужичьемъ.

Рабочіе же, испытывая радость и успокоеніе людей, минувшихъ большую опасность, остановились и стали размѣ-

щаться, скидывая движеніями плеча тяжелые мѣшки со спинъ и засовывая ихъ подъ лавки.

Садовникъ, разговаривавшій съ Тарасомъ, сидѣлъ не на своемъ мѣстѣ и ушелъ на свое, такъ что подлѣ и противъ Тараса были три мѣста. Трое рабочихъ сѣли на этихъ мѣстахъ, но, когда Нехлюдовъ подошелъ къ нимъ, видъ его господской одежды такъ смутилъ ихъ, что они встали, чтобы уйти, но Нехлюдовъ просилъ ихъ остаться, а самъ присѣлъ на ручку лавки къ проходу.

Одинъ изъ двухъ рабочихъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ недоумѣніемъ и даже съ испугомъ переглянулся съ молодымъ. То, что Нехлюдовъ вмѣсто того, чтобы, какъ это свойственно господину, ругать и гнать ихъ, уступилъ имъ мѣсто, очень удивило и озадачило ихъ. Они даже боялись, какъ бы чего-нибудь отъ этого не случилось для нихъ худого. Увидавъ, однако, что тутъ не было никакого подвоха и что Нехлюдовъ просто разговариваетъ съ Тарасомъ, они успокоились, велѣли малому сѣсть на мѣшокъ и потребовали, чтобы Нехлюдовъ сѣлъ на свое мѣсто. Сначала пожилой рабочій, сидѣвшій противъ Нехлюдова, весь сжимался, старательно подбирая свои обутыя въ лапти ноги, чтобъ не толкнуть барина, но потомъ такъ дружелюбно разговорился съ Нехлюдовымъ и Тарасомъ, что даже ударялъ Нехлюдова по колѣну перевернутой кверху ладонью рукой въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, на которыя онъ хотѣлъ обратить его особенное вниманіе. Онъ разсказалъ про всѣ свои обстоятельства и про работу на торфяныхъ болотахъ, съ которой они ѣхали теперь домой, проработавъ на ней два съ половиною мѣсяца и везя домой заработанные рублей по десяти денегъ на брата, такъ какъ часть заработковъ дана была впередъ при наемкѣ.

Работа ихъ, какъ онъ разсказывалъ, происходила по колѣно въ водѣ и продолжалась отъ зари до зари съ двухчасовымъ отдыхомъ въ обѣдѣ.

— Которые безъ привычки, тѣмъ, извѣстно, трудно, —

говорилъ онъ, — а обтерпѣлся — ничего. Только бы харчи были настоящіе. Сначала харчи плохи были. Ну, а потомъ народъ обидѣлся, и харчи стали хорошіе, и работать стало легко.

Потомъ онъ разсказалъ, какъ онъ въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ ходилъ въ заработки и весь свой заработокъ отдавалъ въ домъ, сначала отцу, потомъ старшему брату, теперь — племяннику, завѣдывавшему хозяйствомъ, самъ же проживалъ, изъ заработанныхъ пятидесяти — шестидесяти рублей въ годъ, два-три рубля на баловство: на табакъ и спички.

— Грѣшенъ, когда съ устатку и водочки выпьешь, — прибавилъ онъ, виновато улыбаясь.

Разсказалъ онъ еще, какъ женщины за нихъ правятъ дома, и какъ подрядчикъ угостилъ ихъ нынче передъ отъѣздомъ полведеркой, какъ одинъ изъ нихъ померъ, а другого везутъ больного. Больной, про котораго онъ говорилъ, сидѣлъ въ этомъ же вагонѣ, въ углу. Это былъ молодой мальчикъ, сѣроблѣдный, съ синими губами. Его, очевидно, извела и изводила лихорадка.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему, но мальчикъ такимъ строгимъ, страдальческимъ взглядомъ взглянулъ на него, что Нехлюдовъ не сталъ тревожить его разспросами, а посовѣтовалъ старшему купить хины и написалъ ему на бумажкѣ названіе лѣкарства. Онъ хотѣлъ дать денегъ, но старый работникъ сказалъ, что не нужно — онъ свои отдастъ.

— Ну, сколько ни ѣздилъ, такихъ господъ не видалъ. Не то, чтобы тебя въ шею, а онъ еще мѣсто уступилъ. Всякіе, значитъ, господа есть, — заключилъ онъ, обращаясь къ Тарасу.

„Да, совсѣмъ новый, другой, новый міръ“, — думалъ Нехлюдовъ, глядя на эти сухіе, мускулистые члены, грубыя, домодѣльныя одежды и загорѣлыя, ласковыя и измученныя лица, и чувствуя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ совсѣмъ новыми людьми, съ ихъ серьезными интере-

сами, радостями и страданіями настоящей трудовой и человѣческой жизни.

„Вотъ онъ, le vrai grand monde“, думалъ Нехлюдовъ, вспоминая фразу, сказанную княземъ Корчагинымъ, и весь этотъ праздный, роскошный міръ Корчагиныхъ съ ихъ ничтожными, жалкими интересами. И онъ испытывалъ чувство радости путешественника, открывшаго новый, неизвѣстный и прекрасный міръ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Партія, съ которой шла Маслова, прошла около пяти тысячъ верстъ. До Перми Маслова шла по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ съ уголовными, и только въ этомъ городѣ Нехлюдову удалось выхлопотать перемѣщеніе ея къ политическимъ, какъ это совѣтовала ему Богодуховская, шедшая съ этой же партіей.

Переѣздъ до Перми былъ очень тяжелъ для Масловой и физически, и нравственно. Физически — отъ тѣсноты, нечистоты и отвратительныхъ насѣкомыхъ, которыя не давали покоя, и нравственно — отъ столь же отвратительныхъ мужчинъ, которые, такъ же какъ насѣкомыя, хотя и перемѣнялись съ каждымъ этапомъ, вездѣ были одинаково назойливы, прилипчивы и не давали покоя. Между арестантками и арестантами, надзирателями и конвойными такъ установился обычай циническаго разврата, что всякой, въ особенности молодой, женщинѣ, если она не хотѣла пользоваться своимъ положеніемъ женщины, надо было быть постоянно насторожѣ. И это всегдашнее положеніе страха и борьбы было очень тяжело. Маслова же особенно подвергалась этимъ нападкамъ и по привлекательности своей наружности, и по извѣстному всѣмъ ея прошедшему. Тотъ рѣшительный отпоръ, который она давала теперь приставявшимъ къ ней мужчинамъ, представлялся имъ оскорбленіемъ и вызывалъ въ нихъ противъ нея еще и озлобленіе. Облегчало ея положеніе въ этомъ отношеніи близость ея съ Ѳедосьей и Тарасомъ, который, узнавъ о тѣхъ нападеніяхъ, которымъ подвергалась его жена, пожелалъ аресто-

ваться, чтобъ защищать ее, и съ Нижняго ѣхалъ, какъ арестантъ, вмѣстѣ съ заключенными.

Переводъ въ отдѣленіе политическихъ улучшилъ положеніе Масловой во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о томъ, что политическіе лучше помѣщались, лучше питались, подвергались меньшимъ грубостямъ, переводъ Масловой къ политическимъ улучшилъ ея положеніе тѣмъ, что прекратились эти преслѣдованія мужчинъ, и можно было жить безъ того, чтобы всякую минуту ей напоминали о томъ ея прошедшемъ, которое она такъ хотѣла забыть теперь. Главное же преимущество этого перевода состояло въ томъ, что она узнала нѣкоторыхъ людей, имѣвшихъ на нее рѣшительное и самое благотворное вліяніе.

Помѣщаться на этапахъ Масловой разрѣшено было съ политическими, но идти она, въ качествѣ здоровой женщины, должна была съ уголовными. Такъ она шла все время отъ самаго Томска. Съ нею вмѣстѣ шли, такъ же пѣшкомъ, двое политическихъ: Марья Павловна Щетинина, та самая красивая дѣвушка съ бараньими глазами, которая поразила Нехлюдова при свиданіи съ Богодуховской, и, ссылавшійся въ Якутскую область-нѣкто Симонсонъ, тотъ самый, черный, лохматый человѣкъ съ глубоко ушедшими подъ лобъ глазами, котораго Нехлюдовъ тоже замѣтилъ на этомъ свиданіи. Марья Павловна шла пѣшкомъ, потому что уступила свое мѣсто на подводѣ уголовной беременной женщинѣ; Симонсонъ же потому, что считалъ несправедливымъ пользоваться классовымъ преимуществомъ. Эти трое, отдѣльно отъ другихъ политическихъ, выѣзжавшихъ позднѣе на подводахъ, выходили съ уголовными рано утромъ. Такъ это и было на послѣднемъ этапѣ передъ большимъ городомъ, на которомъ партію принялъ новый конвойный офицеръ.

Было раннее, ненастное сентябрьское утро. Шелъ то снѣгъ, то дождь съ порывами холоднаго вѣтра. Всѣ арестанты партіи — 400 человѣкъ мужчинъ и около 50 женщинъ — уже были на дворѣ этапа и частью толпились около конвойнаго старшо́го, раздававшаго старостамъ кормовыя

деньги на двое сутокъ, частью закупали съѣстное у впущенныхъ на дворъ этапа торговокъ. Слышался гулъ голосовъ арестантовъ, считавшихъ деньги, покупавшихъ провизію, и визгливый говоръ торговокъ.

Катюша съ Марьей Павловной — обѣ въ сапогахъ, и полушубкахъ, обвязанныя платками, вышли на дворъ изъ помѣщенія этапа и направились къ торговкамъ, которыя, сидя за вѣтромъ у сѣверной стѣны палей, одна передъ другой предлагали свои товары: свѣжій ситный пирогъ, рыбу, лапшу, кашу, печенку, говядину, яйца, молоко; у одной былъ даже жареный поросенокъ.

Симонсонъ въ гуттаперчевой курткѣ и резиновыхъ калошахъ, укрѣпленныхъ сверхъ шерстянныхъ чулокъ бичевками (онъ былъ вегетаріанецъ и не употреблялъ шкуръ убитыхъ животныхъ), былъ тоже на дворѣ, дожидаясь выхода партіи. Онъ стоялъ у крыльца и вписывалъ въ записную книжку пришедшую ему мысль. Мысль заключалась въ слѣдующемъ: „Если бы,“ писалъ онъ, „бактерія наблюдала и изслѣдовала ноготь человѣка, она признала бы его неорганическимъ существомъ. Точно такъ же и мы признали земной шаръ, наблюдая его кору, существомъ неорганическимъ. Это невѣрно.“

Сторговавъ яицъ, связку бубликовъ, рыбы и свѣжаго пшеничнаго хлѣба, Маслова укладывала все это въ мѣшокъ, а Марья Павловна разсчитывалась съ торговками, когда среди арестантовъ произошло движеніе. Все замолкло, и люди стали строиться. Вышелъ офицеръ и дѣлалъ послѣднія передъ выходомъ распоряженія.

Все шло, какъ обыкновенно: пересчитывали, осматривали цѣлость кандаловъ и соединяли пары, шедшія въ наручняхъ. Но вдругъ послышался начальственно гнѣвный крикъ офицера, удары по тѣлу и плачъ ребенка. Все затихло на мгновеніе, а потомъ по всей толпѣ пробѣжалъ глухой ропотъ. Маслова и Марья Павловна подвинулись къ мѣсту шума.

II.

Подойдя къ мѣсту шума, Марья Павловна и Катюша увидали слѣдующее: офицеръ, плотный человѣкъ, съ большими бѣлокурыми усами, хмурясь, потиралъ лѣвой рукой ладонь правой, которую онъ зашибъ о лицо арестанта, и, не переставая, произносилъ неприличныя, грубыя ругательства. Передъ нимъ, отирая одной рукой разбитое въ кровь лицо, а другой держа обмотанную платкомъ, пронзительно визжавшую дѣвочку, стоялъ въ короткомъ халатѣ и еще болѣе короткихъ штанахъ длинный, худой арестантъ съ бритой половиной головы.

— Я тебя (неприличное ругательство), научу разсуждать, (опять ругательство), бабамъ отдашь, — кричалъ офицеръ. — Надѣвай.

Офицеръ требовалъ, чтобы были надѣты наручни на общественника, шедшаго въ ссылку и всю дорогу несшаго на рукахъ дѣвочку, оставленную ему умершей въ Томскѣ отъ тифа женою, какъ говорили арестанты. Отговорка арестанта, что ему нельзя въ наручняхъ нести ребенка, раздражили бывшаго не въ духѣ офицера, и онъ избилъ не покорившагося сразу арестанта*).

Противъ избитаго стояли конвойный солдатъ и коренастый, чернобородый арестантъ съ надѣтой на одну руку наручней и мрачно смотрѣвшій исподлобья на офицера, въ ожиданіи чтобы съ нимъ спарили избитаго арестанта съ дѣвочкой. Офицеръ повторилъ конвойному приказаніе взять дѣвочку. Среди арестантовъ все слышнѣе и слышнѣе становилось гоготаніе.

— Отъ Томска шли, не надѣвали, — послышался хриплый голосъ изъ заднихъ рядовъ. — Не щенокъ, а ребенокъ.

— Куда-жъ ему дѣвчонку дѣть? Не законъ это, — сказалъ еще кто-то.

— Это кто? — какъ ужаленный закричалъ офицеръ,

*) Фактъ, описанный въ книгѣ Д. А. Линева: „По этапу“.

бросаясь въ толпу, — я тебѣ покажу законъ. Кто сказалъ? Ты? Ты?

— Всѣ говорятъ, потому ... — сказалъ широколицый, приземистый арестантъ.

Онъ не успѣлъ договорить. Офицеръ обѣими руками сталъ бить его по лицу. — Вы бунтовать? Я вамъ покажу, какъ бунтовать. Перестрѣляю, какъ собакъ, начальство только спасибо скажетъ. Бери дѣвчонку!

Толпа затихла. Отчаянно кричавшую дѣвочку вырвалъ одинъ конвойный, другой сталъ надѣвать наручни покорно подставившему свою руку арестанту.

— Снеси бабамъ, — крикнулъ офицеръ конвойному, оправляя на себѣ портупею шашки.

Дѣвчонка, стараясь выпростать ручонки изъ платка, съ палитымъ кровью лицомъ, не переставая визжала. Изъ толпы выступила Марья Павловна и подошла къ конвойному.

— Господинъ офицеръ, позвольте, я понесу дѣвочку.

Конвойный солдатъ съ дѣвочкой остановился.

— Ты кто? — спросилъ офицеръ

— Я политическая.

Очевидно, красивое лицо Марьи Павловны, съ ея прекрасными выпуклыми глазами (онъ уже видѣлъ ее при пріемѣ), подѣйствовало на офицера. Онъ, молча, посмотрѣлъ на нее, какъ будто что-то взвѣшивая.

— Мнѣ все равно, несите, коли хотите. Вамъ хорошо жалѣть ихъ, а убѣжитъ, кто отвѣчать будетъ?

— Какъ же онъ съ дѣвочкой убѣжитъ? — сказала Марья Павловна.

— Мнѣ некогда съ вами разговаривать. Берите, коли хотите.

— Прикажете отдать? — спросилъ конвойный.

— Отдай.

— Иди ко мнѣ, — говорила Марья Павловна, стараясь приманить къ себѣ дѣвочку.

Но тянувшаяся къ отцу, съ рукъ конвойнаго, дѣвочка продолжала визжать и не хотѣла идти къ Марьѣ Павловнѣ.

— Постойте, Марья Павловна, она ко мнѣ пойдетъ, — сказала Маслова, доставая бубликъ изъ мѣшка.

Дѣвчонка знала Маслову и, увидавъ ея лицо и бубликъ, пошла къ ней.

Все затихло. Ворота отворили, партія выступила наружу, построилась; конвойные опять пересчитали аристантовъ; уложили, увязали мѣшки, усадили слабыхъ. Маслова съ дѣвочкой на рукахъ стала къ женщинамъ рядомъ съ Ѳедосьей. Симонсонъ, все время слѣдившій за тѣмъ, что̀ происходило, большимъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ офицеру, окончившему всѣ распоряженія и садившемуся уже въ свой тарантасъ.

— Вы дурно поступили, господинъ офицеръ, — сказалъ Симонсонъ.

— Убирайтесь на свое мѣсто, не ваше дѣло.

— Мое дѣло сказать вамъ, и я сказалъ, что вы дурно поступили, — возразилъ Симонсонъ, глядя пристально въ лицо офицера изъ-подъ своихъ густыхъ бровей.

— Готово? Партія, маршъ, — крикнулъ офицеръ, не обращая вниманія на Симонсона и, взявшись за плечо солдата-кучера, влѣзъ въ тарантасъ. Партія тронулась и, растянувшись, вышла на грязную, окопанную съ двухъ сторонъ канавами, разъѣзженную дорогу, шедшую среди сплошного лѣса.

III.

Послѣ развратной, роскошной и изнѣженной жизни послѣднихъ шести лѣтъ въ городѣ и двухъ мѣсяцевъ въ острогѣ съ уголовными, жизнь теперь съ политическими, несмотря на всю тяжесть условій, въ которыхъ они находились, казалась Катюшѣ очень хорошей. Переходы въ 20-30 верстъ пѣшкомъ, при хорошей пищѣ, дневномъ отдыхѣ послѣ двухъ дней ходьбы, физически укрѣпили ее; общеніе же съ новыми товарищами открыло ей такіе интересы въ жизни, о которыхъ она не имѣла никакого понятія. Такихъ чудесныхъ людей, какъ она говорила, какъ тѣ, съ которыми

она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себѣ и представить. „Вотъ плакала, что меня присудили,“ говорила она. „Да я вѣкъ должна Бога благодарить. Тò узнала, чего во всю жизнь не узнала бы.“ Она очень легко и безъ усилія поняла мотивы, руководившіе этими людьми, и, какъ человѣкъ изъ народа, вполнѣ сочувствовала имъ. Она поняла, что люди эти шли за народъ противъ господъ; и тò, что люди эти сами были господа и жертвовали своими преимуществами, свободой и жизнью за народъ, заставляло ее особенно цѣнить этихъ людей и восхищаться ими.

Она восхищалась всѣми своими новыми сотоварищами; но больше всѣхъ она восхищалась Марьей Павловной и не только восхищалась ей, но полюбила ее особенной, почтительной и восторженной любовью. Ее поражало то, что эта красивая дѣвушка изъ богатаго генеральскаго дома, говорившая на трехъ языкахъ, держала себя, какъ самая простая работница, отдавала другимъ все, чтò присылалъ ей ея богатый братъ, и одѣвалась и обувалась не только просто, но бѣдно, не обращая никакого вниманія на свою наружность. Эта черта: совершенное отсутствіе кокетства — особенно удивляла и потому прельщала Маслову. Маслова видѣла, что Марья Павловна знала, и даже что ей пріятно было знать, что она красива, но что она не только не радовалась тому впечатлѣнію, которое производила на мужчинъ ея наружность, но боялась этого и испытывала прямое отвращеніе и страхъ къ влюбленію. Товарищи ея, мужчины, знавшіе это, если и чувствовали влеченіе къ ней, то ужъ не позволяли себѣ показывать этого ей и обращались съ ней, какъ съ товарищемъ — мужчиной; но незнакомые люди часто приставали къ ней, и отъ нихъ, какъ она разсказывала, спасала ее ея большая физическая сила, которой она особенно гордилась.

— Одинъ разъ, — какъ она, смѣясь, разсказывала — ко мнѣ присталъ на улицѣ какой-то господинъ и ни за что не хотѣлъ отстать; такъ я такъ потрясла его, что онъ испугался и убѣжалъ отъ меня.

Стала она революціонеркой, какъ она разсказывала, потому, что съ дѣтства чувствовала отвращеніе къ господской жизни, а любила жизнь простыхъ людей, и ее всегда бранили за то, что она въ дѣвичьей, въ кухнѣ, въ конюшнѣ, а не въ гостиной.

— А мнѣ съ кухарками и кучерами бывало весело, а съ нашими господами и дамами скучно, — разсказывала она. — Потомъ, когда я стала понимать, я увидала, что наша жизнь совсѣмъ дурная. Матери у меня не было, отца я не любила; девятнадцати лѣтъ я съ товаркою ушла изъ дому и поступила работницей на фабрику.

Послѣ фабрики она жила въ деревнѣ, потомъ пріѣхала въ городъ и на квартирѣ, гдѣ была тайная типографія, была арестована и приговорена къ каторгѣ. Марья Павловна не разсказывала никогда этого сама, но Катюша узнала отъ другихъ, что приговорена она была къ каторгѣ за то, что взяла на себя выстрѣлъ, который, во время обыска, былъ сдѣланъ въ темнотѣ однимъ изъ революціонеровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Катюша узнала ее, она видѣла, что, гдѣ бы Марья Павловна ни была, при какихъ бы ни было условіяхъ, она никогда не думала о себѣ, а всегда была озабочена: какъ бы только услужить, помочь комунибудь въ большомъ или маломъ. Одинъ изъ теперешнихъ товарищей ея, Новодворовъ, шутя говорилъ про нее, что она предается спорту благотворенія. И это было правда. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знавшіе ее, уже не цѣнили а требовали этого.

Когда Маслова поступила къ нимъ, Марья Павловна почувствовала къ ней отвращеніе, гадливость. Катюша замѣтила это, но потомъ замѣтила также, какъ Марья Павловна, сдѣлавъ усиліе надъ собой, стала съ ней особенно ласкова и добра. И эта ласка и доброта такого необыкновеннаго существа, такъ тронули Маслову, что она всей душой

отдалась ей, безсознательно усвоивая ея взгляды и невольно во всемъ подражая ей.

Эта преданная любовь Катюши тронула Марью Павловну, и она также полюбила Катюшу. Женщинъ этихъ сближало еще и то отвращеніе, которое обѣ онѣ испытывали къ половой любви. Одна ненавидѣла эту любовь, потому что извѣдала весь ужасъ ея; другая потому, что, не испытавъ ея, смотрѣла на нее какъ на что-то непонятное и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительное и оскорбительное для человѣческаго достоинства.

IV.

Вліяніе Марьи Павловны было одно вліяніе, которому подчинялась Маслова. Оно происходило отъ того, что Маслова полюбила Марью Павловну. Другое было вліяніе Симонсона. И это вліяніе происходило отъ того, что Симонсонъ полюбилъ Маслову.

Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ отчасти по своимъ мыслямъ, отчасти по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, состоитъ одно изъ главныхъ различій людей между собою: одни люди, въ большинствѣ случаевъ, пользуются своими мыслями, какъ умственной игрой, обращаются со своимъ разумомъ, какъ съ маховымъ колесомъ, съ котораго снятъ передаточный ремень, а въ поступкахъ своихъ подчиняются чужимъ мыслямъ — обычаю, преданію, закону; другіе же, считая свои мысли главными двигателями всей своей дѣятельности, почти всегда прислушиваются къ требованіямъ своего разума и подчиняются ему, и только изрѣдка, — и то послѣ критической оцѣнки, — слѣдуя тому, чтò рѣшено другими. Такой человѣкъ былъ Симонсонъ. Онъ все повѣрялъ и рѣшалъ разумомъ, а чтò рѣшалъ, то и дѣлалъ.

Рѣшивъ еще гимназистомъ, что нажитое его отцомъ, бывшимъ интендантскимъ чиновникомъ, нажито нечестно, онъ объявилъ отцу, что состояніе это надо отдать народу. Ког-

да же отецъ не только не послушался, но разбранилъ его, онъ ушелъ изъ дома и пересталъ пользоваться средствами отца. Рѣшивъ, что все существующее зло происходитъ отъ необразованности народа, онъ, выйдя изъ университета, сошелся съ народниками, поступилъ въ село учителемъ и смѣло проповѣдывалъ и ученикамъ, и крестьянамъ все то, что считалъ справедливымъ, и отрицалъ то, что̀ считалъ ложнымъ.

Его арестовали и судили.

Во время суда онъ рѣшилъ, что судьи не имѣютъ права судить его, и высказалъ это. Когда же судьи не согласились съ нимъ и продолжали его судить, то онъ рѣшилъ, что не будетъ отвѣчать, и молчалъ на всѣ ихъ вопросы. Его сослали въ Архангельскую губернію. Тамъ онъ составилъ себѣ религіозное ученіе, опредѣляющее всю его дѣятельность. Религіозное ученіе это состояло въ томъ, что все въ мірѣ — живое, что мертваго нѣтъ, что всѣ предметы, которые мы считаемъ мертвыми, неорганическими, суть только части огромнаго органическаго тѣла, которое мы не можемъ обнять, и что поэтому задача человѣка, какъ частицы большого организма, состоитъ въ поддержаніи жизни этого организма и всѣхъ живыхъ частей его. И потому онъ считалъ преступленіемъ уничтожать живое: былъ противъ войны, казни и всякаго убійства не только людей, но и животныхъ. По отношенію къ браку у него была тоже своя теорія, состоявшая въ томъ, что размноженіе людей есть только низшая функція человѣка, высшая же состоитъ въ служеніи уже существующему живому. Онъ находилъ подтвержденіе этой мысли въ существованіи фагоцитовъ въ крови. Холостые люди, по его мнѣнію, были тѣ-же фагоциты, назначеніе которыхъ состояло въ помощи слабымъ, больнымъ частямъ организма. Онъ такъ и жилъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилъ это, хотя прежде, юношей, предавался разврату. Онъ признавалъ себя, такъ же какъ и Марью Павловну, міровыми фагоцитами.

Любовь его къ Катюшѣ не нарушала этой теоріи, такъ

какъ онъ любилъ платонически, полагая, что такая любовь не только не препятствуетъ фагоцитной дѣятельности служенія слабымъ, но еще больше воодушевляетъ къ ней.

Но кромѣ того, что нравственные вопросы онъ рѣшалъ по-своему, онъ рѣшалъ по-своему и большую часть практическихъ вопросовъ. У него на всѣ практическія дѣла были свои теоріи. Были правила, сколько надо часовъ работать, сколько отдыхать, какъ питаться, какъ одѣваться, какъ топить печи, какъ освѣщаться.

Вмѣстѣ съ этимъ, Симонсонъ былъ чрезвычайно робокъ съ людьми и скроменъ. Но когда онъ рѣшалъ что-нибудь, ничто уже не могло остановить его.

Вотъ этотъ-то человѣкъ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на Маслову тѣмъ, что полюбилъ ее. Маслова женскимъ чутьемъ очень скоро догадалась объ этомъ, и сознаніе того, что она могла возбудить любовь въ такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, подняло ее въ своемъ собственномъ мнѣніи. Нехлюдовъ предлагалъ ей бракъ по великодушію и по тому, что̀ было прежде; но Симонсонъ любилъ ее такою, какою она была теперь, и любилъ просто за то, что любилъ. Кромѣ того она чувствовала, что Симонсонъ считаетъ ее необыкновенной, отличающейся отъ всѣхъ женщиной, имѣющей особенныя, высокія нравственныя свойства. Она хорошенько не знала, какія свойства онъ приписываетъ ей, но на всякій случай, чтобы не обмануть его, старалась всѣми силами вызвать въ себѣ самыя лучшія свойства, какія только могла себѣ представить. И это заставляло ее стараться быть такой хорошей, какой она только могла быть.

Началось это еще въ тюрьмѣ, когда при общемъ свиданіи политическихъ, она замѣтила на себѣ особенно упорный изъ-подъ нависшаго лба и бровей взглядъ невинныхъ, добрыхъ, темно-синихъ глазъ Симонсона. Еще тогда она замѣтила, что этотъ человѣкъ особенный и особенно смотритъ на нее, и замѣтила это невольно поражающее соединеніе въ одномъ лицѣ — суровости, которую производили торчащіе волосы и нахмуренныя брови, дѣтской доброты и невин-

вости взгляда. Потомъ въ Томскѣ, когда ее перевели къ политическимъ, она вновь увидала его. И несмотря на то, что между ними не было сказано ни одного слова, во взглядѣ, которымъ они обмѣнялись, было признаніе того, что они помнятъ и важны другъ для друга. Разговоровъ значительныхъ между ними и потомъ не было, но Маслова чувствовала, что, когда онъ говорилъ при ней, его рѣчь была обращена къ ней, и что онъ говорилъ для нея, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе. Особенно же сближеніе ихъ началось съ того времени, какъ онъ пошелъ пѣшкомъ съ уголовными.

V.

Отъ Нижняго до Перми Нехлюдову удалось видѣться съ Катюшей только два раза: одинъ разъ въ Нижнемъ, передъ посадкой арестантовъ на затянутую сѣткой баржу, — и другой разъ въ Перми, въ конторѣ тюрьмы. И въ оба эти свиданія онъ нашелъ ее скрытной и недоброй. На вопросъ его: хорошо-ли ей и не нужно-ли чего, она отвѣчала уклончиво, смущенно и съ тѣмъ, какъ ему казалось, враждебнымъ чувствомъ упрека, которое и прежде проявлялось въ ней. И это ея мрачное настроеніе, происходившее только отъ тѣхъ преслѣдованій мужчинъ, которымъ она подвергалась въ это время, мучило Нехлюдова. Онъ боялся, чтобы подъ вліяніемъ тѣхъ тяжелыхъ и развращающихъ условій, въ которыхъ она находилась во время переѣзда, она не впала бы вновь въ то прежнее состояніе разлада сама съ собой и отчаянности, въ которомъ она раздражалась противъ него и усиленно курила и пила вино, чтобы забыться. Но онъ не могъ ничѣмъ помочь ей, потому что во все это первое время пути не имѣлъ возможности видѣться съ ней. Только послѣ перевода ея къ политическимъ, онъ не только убѣдился въ неосновательности своихъ опасеній, но напротивъ, при каждомъ свиданіи съ нею сталъ замѣчать все болѣе и болѣе опредѣляющуюся въ ней ту внутреннюю перемѣну, которую онъ такъ сильно желалъ видѣть въ ней.

Въ первое же свиданіе въ Томскѣ она опять стала такою, какою была передъ отъѣздомъ. Она не насупилась и не смутилась, увидавъ его, а, напротивъ, радостно и просто встрѣтила его, благодаря за то, что̀ онъ сдѣлалъ для нея, въ особенности за то, что свелъ ее съ тѣми людьми, съ которыми она была теперь.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ похода по этапу, происшедшая въ ней перемѣна проявилась и въ ея наружности. Она похудѣла, загорѣла, какъ будто постарѣла; на вискахъ и около рта обозначились морщинки, она не распускала волосъ на лобъ, а повязывала платкомъ голову, и ни въ одеждѣ, ни въ прическѣ, ни въ обращеніи не было уже прежнихъ признаковъ кокетства. И эта происшедшая и происходившая въ ней перемѣна, вызывала, не переставая, въ Нехлюдовѣ особенно радостное чувство.

Онъ испытывалъ теперь къ ней чувство, никогда не испытанное имъ прежде. Чувство это не имѣло ничего общаго ни съ первымъ поэтическимъ увлеченіемъ, ни, еще менѣе, съ тѣмъ чувственнымъ влюбленіемъ, которое онъ испытывалъ потомъ, ни даже съ тѣмъ чувствомъ сознанія исполненнаго долга, соединеннаго съ самолюбованіемъ, съ которымъ онъ послѣ суда рѣшилъ жениться на ней. Чувство это было то самое простое чувство жалости и умиленія, которое онъ испыталъ въ первый разъ на свиданіи съ нею въ тюрьмѣ и потомъ, съ новой силой, послѣ больницы, когда онъ, поборовъ свое отвращеніе, простилъ ее за воображаемую исторію съ фельдшеромъ, несправедливость которой разъяснилась потомъ; это было то же самое чувство, но только съ той разницей, что тогда оно было временно, теперь же оно стало постояннымъ. О чемъ бы онъ ни думалъ теперь, что̀ бы ни дѣлалъ, общее настроеніе его было — это чувство жалости и умиленія, не только къ ней, но и ко всѣмъ людямъ.

Это чувство какъ будто раскрыло въ душѣ Нехлюдова потокъ любви, не находившій прежде исхода, а теперь направлявшійся на всѣхъ людей, съ которыми онъ встрѣчался.

Нехлюдовъ чувствовалъ себя во все время путешествія въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ онъ невольно дѣлался участливымъ и внимательнымъ ко всѣмъ людямъ, отъ ямщика и конвойнаго солдата, до начальника тюрьмы и губернатора, съ которыми имѣлъ дѣло.

За это время Нехлюдову, вслѣдствіе перевода Масловой къ политическимъ, пришлось познакомиться со многими политическими, сначала въ Екатеринбургѣ, гдѣ они очень свободно содержались, всѣ вмѣстѣ, въ большой камерѣ, а потомъ на пути съ тѣми пятью мужчинами и четырьмя женщинами, къ которымъ присоединена была Маслова. Это сближеніе Нехлюдова съ ссылаемыми политическими совершенно измѣнило его взглядъ на нихъ.

Съ самаго начала революціоннаго движенія въ Россіи, и въ особенности послѣ 1-го марта, Нехлюдовъ питалъ къ революціонерамъ недоброжелательное и презрительное чувство. Отталкивала его отъ нихъ прежде всего жестокость и скрытность пріемовъ, употребляемыхъ ими въ борьбѣ противъ правительства, главное, жестокость убійствъ, которыя были совершены ими, и, потомъ, противна ему была общая имъ всѣмъ черта большого самомнѣнія. Но, узнавъ ихъ ближе и все то, что̀ они, часто безвинно, перестрадали отъ правительства, онъ увидалъ, что они не могли быть иными, какъ такими, какими они были.

Какъ ни ужасно безсмысленны были мученія, которымъ подвергались, такъ называемые, уголовные, все-таки надъ ними производилось до и послѣ осужденія нѣкоторое подобіе законности; но въ дѣлахъ съ политическими не было и этого подобія, какъ это видѣлъ Нехлюдовъ на Шустовой и потомъ на многихъ и многихъ изъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Съ этими людьми поступали такъ, какъ поступаютъ при ловлѣ рыбы неводомъ: вытаскиваютъ на берегъ все, что̀ попадается, и потомъ отбираютъ тѣ крупныя рыбы, которыя нужны, не заботясь о мелкотѣ, которая гибнетъ, засыхая на берегу. Такъ, захвативъ сотни такихъ, очевидно, не только не виноватыхъ, но и не могущихъ быть вредными правительству

людей, ихъ держали иногда годами въ тюрьмахъ, гдѣ они заражались чахоткой, сходили съ ума или сами убивали себя; и держали ихъ только потому, что не было причины выпускать ихъ, между тѣмъ какъ, будучи подъ рукой въ тюрьмѣ, они могли понадобиться для разъясненія какого-нибудь вопроса при слѣдствіи. Судьба всѣхъ этихъ, часто даже съ правительственной точки зрѣнія невинныхъ людей, зависѣла отъ произвола, досуга, настроенія жандармскаго, полицейскаго офицера, шпіона, прокурора, судебнаго слѣдователя, губернатора, министра. Соскучится такой чиновникъ или желаетъ отличиться — и дѣлаетъ аресты и, смотря по настроенію своему или начальства, держитъ въ тюрьмѣ или выпускаетъ. А высшій начальникъ, тоже смотря по тому, нужно-ли ему отличиться или въ какихъ онъ отношеніяхъ съ министромъ, — или ссылаетъ на край свѣта, или держитъ въ одиночномъ заключеніи, или приговариваетъ къ ссылкѣ, къ каторгѣ, къ смерти, или выпускаетъ, когда его попроситъ объ этомъ какая-нибудь дама.

Съ ними поступали, какъ на войнѣ, и они, естественно, употребляли тѣ же самыя средства, которыя употреблялись противъ нихъ. И какъ военные живутъ всегда въ атмосферѣ общественнаго мнѣнія, которое не только скрываетъ отъ нихъ преступность совершаемыхъ ими поступковъ, но представляетъ эти постуки подвигами, — такъ точно и для политическихъ существовала такая-же, всегда сопутствующая имъ атмосфера общественнаго мнѣнія ихъ кружка, вслѣдствіе которой совершаемые ими, при опасности потери свободы, жизни и всего, что̀ дорого человѣку, жестокіе поступки представлялись имъ также не только не дурными, но доблестными поступками. Этимъ объяснялось для Нехлюдова то удивительное явленіе, что самые кроткіе по характеру люди, неспособные не только причинить, но видѣть страданія живыхъ существъ, спокойно готовились къ убійствамъ людей, и всѣ почти признавали въ извѣстныхъ случаяхъ убійство, какъ орудіе самозащиты и достиженія высшей цѣли общаго блага, законнымъ и справедливымъ. Высокое же мнѣнія,

которое они приписывали своему дѣлу, а, вслѣдствіе того, и себѣ, естественно вытекало изъ того значенія, которое придавало имъ правительство, и той жестокости наказаній, которымъ оно подвергало ихъ. Имъ надо было имѣть о себѣ высокое мнѣніе, чтобы быть въ силахъ переносить то, чтò они переносили.

Узнавъ ихъ ближе, Нехлюдовъ убѣдился, что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ одни, и не были сплошные герои, какими считали ихъ другіе, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе и дурные и средніе люди. Были среди нихъ люди, ставшіе революціонерами потому, что искренно считали себя обязанными бороться съ существующимъ зломъ; но были и такіе, которые избрали эту дѣятельность изъ эгоистическихъ, тщеславныхъ мотивовъ; большинство же было привлечено къ революціи знакомымъ Нехлюдову по военному времени желаніемъ опасности, риска, наслажденіемъ игры своей жизнью, — чувствами, свойственными самой обыкновенной энергической молодежи. Различіе ихъ отъ обыкновенныхъ людей, и въ ихъ пользу, состояло въ томъ, что требованія нравственности среди нихъ были выше тѣхъ, которыя были приняты въ кругу обыкновенныхъ людей. Среди нихъ считались обязательными не только воздержаніе, суровость жизни, правдивость, безкорыстіе, но и готовность жертвовать всѣмъ, даже своею жизнью, для общаго дѣла. И потому тѣ изъ этихъ людей, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, представляли изъ себя образецъ рѣдкой нравственной высоты; тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его, представляя изъ себя часто людей неправдивыхъ, притворяющихся, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самоувѣренныхъ и гордыхъ. Такъ что нѣкоторыхъ изъ своихъ новыхъ знакомыхъ Нехлюдовъ не только уважалъ, но и полюбилъ всей душой; къ другимъ же оставался болѣе, чѣмъ равнодушенъ.

VI.

Во особенности полюбилъ Нехлюдовъ, шедшаго съ той партіей, къ которой была присоединена Катюша, ссылаемаго въ каторгу чахоточнаго молодого человѣка Крыльцова. Нехлюдовъ познакомился съ нимъ еще въ Екатеринбургѣ и потомъ во время пути нѣсколько разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ. Одинъ разъ, лѣтомъ, на этапѣ во время дневки, Нехлюдовъ провелъ съ нимъ почти цѣлый день, и Крыльцовъ, разговорившись, разсказалъ ему свою исторію, и какъ онъ сталъ революціонеромъ. Исторія его до тюрьмы была очень короткая. Отецъ его, богатый помѣщикъ южныхъ губерній, умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ былъ единственный сынъ, и мать воспитывала его. Учился онъ легко и въ гимназіи, и въ университетѣ и кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ математическаго факультета. Ему предлагали остаться при университетѣ и ѣхать за границу. Но онъ медлилъ. Была дѣвушка, которую онъ любилъ, и онъ подумывалъ о женитьбѣ и земской дѣятельности. Всего хотѣлось, и ни на что не рѣшался. Въ это время товарищи по университету попросили у него денегъ на общее дѣло. Онъ зналъ, что это общее дѣло было революціонное дѣло, которымъ онъ тогда совсѣмъ не интересовался, но изъ чувства товарищества и самолюбія, чтобы не подумали, что онъ боится, далъ деньги. Взявшіе деньги попались; была найдена записка, по которой узнали, что деньги даны Крыльцовымъ; его арестовали, посадили сначала въ часть, а потомъ въ тюрьму.

— Въ тюрьмѣ, куда меня посадили, — разсказывалъ Крыльцовъ Нехлюдову (онъ сидѣлъ съ своей впалой грудью на высокихъ нарахъ, облокотившись на колѣни, и только изрѣдка взглядывалъ блестящими, лихорадочными, прекрасными глазами на Нехлюдова), — въ тюрьмѣ этой не было особенной строгости; мы не только перестукивались, но и ходили по корридору, переговаривались, дѣлились провизіей, табакомъ и по вечерамъ даже пѣли хоромъ.

У меня былъ голосъ хорошій. Да. Если-бы не мать, — она очень убивалась, — мнѣ бы хорошо было въ тюрьмѣ, даже пріятно и очень интересно. Здѣсь я познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ Петровымъ (онъ потомъ зарѣзался стекломъ въ крѣпости), и еще съ другими. Но я не былъ революціонеромъ. Познакомился я также съ двумя сосѣдями по камерѣ. Они попались въ одномъ и томъ же дѣлѣ съ польскими прокламаціями и судились за попытку освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на желѣзную дорогу. Одинъ былъ полякъ Лозинскій, другой — еврей, Розовскій — фамилія. Да. Розовскій этотъ былъ совсѣмъ мальчикъ. Онъ говорилъ, что ему семнадцать, но на видъ ему было лѣтъ пятнадцать. Худенькій, маленькій, съ блестящими черными глазами, живой, и, какъ всѣ евреи, очень музыкаленъ. Голосъ у него еще ломался, но онъ прекрасно пѣлъ. Да. При мнѣ ихъ обоихъ водили на судъ. Утромъ отвели. Вечеромъ они вернулись и разсказали, что ихъ присудили къ смертной казни. Никто этого не ожидалъ. Такъ неважно было ихъ дѣло — они только попытались отбиться отъ конвоя и никого не ранили даже. И потомъ, такъ неестественно, чтобы можно было такого ребенка, какъ Розовскій, казнить. И мы всѣ въ тюрьмѣ рѣшили, что это только чтобы напугать, и что приговоръ не будетъ конфирмованъ. Поволновались сначала, а потомъ успокоились, и жизнь пошла по-старому. Да. Только разъ вечеромъ подходитъ къ моей двери сторожъ и таинственно сообщаетъ, что пришли плотники, ставятъ висѣлицу: я сначала не понялъ, — что такое? какая висѣлица? Но сторожъ, старикъ, былъ такъ взволнованъ, что, взглянувъ на него, я понялъ, что это для нашихъ двухъ. Я хотѣлъ постучать, переговориться съ товарищами, но боялся, какъ бы тѣ не услыхали. Товарищи тоже молчали. Очевидно, всѣ знали. Въ корридорѣ и камерахъ весь вечеръ была мертвая тишина. Мы не перестукивались и не пѣли. Часовъ въ десять опять подошелъ ко мнѣ сторожъ и объявилъ, что палача привезли изъ Москвы. Сказалъ и отошелъ. Я сталъ его звать, чтобы

вернулся. Вдругъ слышу, Розовскій изъ своей камеры черезъ корридоръ кричитъ мнѣ: „Что вы? зачѣмъ вы его зовете?“ Я сказалъ что-то, что онъ табакъ мнѣ приносилъ, но онъ точно догадывался и сталъ спрашивать меня: отчего мы не пѣли? отчего не перестукивались? Не помню, что̀ я сказалъ ему, и поскорѣе отошелъ, чтобы не говорить съ нимъ. Да. Ужасная была ночь. Всю ночь прислушивался ко всѣмъ звукамъ. Вдругъ къ утру слышу — отворяютъ двери корридора и идутъ кто-то, много. Я сталъ у окошечка. Въ корридорѣ горѣла лампа. Первый прошелъ смотритель. Толстый былъ, казалось самоувѣренный, рѣшительный человѣкъ. На немъ лица не было: блѣдный, понурый, точно испуганный. За нимъ помощникъ — нахмуренный, съ рѣшительнымъ видомъ; сзади караулъ. Прошли мимо моей двери и остановились передъ камерой рядомъ. И слышу — помощникъ какимъ-то страннымъ голосомъ кричитъ: „Лозинскій, вставайте, надѣвайте чистое бѣлье.“ Да. Потомъ слышу, завизжала дверь, они прошли къ нему, потомъ слышу шаги Лозинскаго: онъ пошелъ въ противоположную сторону корридора. Мнѣ видно было только смотрителя. Стоитъ блѣдный и разстегиваетъ и застегиваетъ пуговицу и пожимаетъ плечами. Да. Вдругъ, точно испугался чего, посторонился. Это Лозинскій прошелъ мимо него и подошелъ къ моей двери. Красивый былъ юноша, знаете, того хорошаго польскаго типа: широкій, прямой лобъ съ шапкой бѣлокурыхъ вьющихся тонкихъ волосъ и прекрасные голубые глаза. Такой цвѣтущій, сочный, здоровый былъ юноша. Онъ остановился передъ моимъ окошечкомъ, такъ что мнѣ видно было все его лицо. Страшное, осунувшееся, сѣрое лицо. „Крыльцовъ, папиросы есть?“ Я хотѣлъ подать ему, но помощникъ, какъ будто боясь опоздать, выхватилъ свой портсигаръ и подалъ ему. Онъ взялъ одну папироску, помощникъ зажегъ ему спичку. Онъ сталъ курить и какъ будто задумался. Потомъ точно вспомнилъ что-то и началъ говорить: „И жестоко, и несправедливо. Я никакого преступленія не сдѣлалъ. Я . . .“ — въ бѣлой молодой шеѣ его, отъ которой я не могъ оторвать

глазъ, что-то задрожало, и онъ остановился. Да. Въ это время, слышу, Розовскій изъ корридора кричитъ что-то своимъ тонкимъ, еврейскимъ голосомъ. Лозинскій бросилъ окурокъ и отошелъ отъ двери. И въ окошечкѣ появился Розовскій. Дѣтское лицо его съ влажными, черными глазами было красно и потно. На немъ было тоже чистое бѣлье, и штаны были слишкомъ широки, и онъ все подтягивалъ ихъ обѣими руками и весь дрожалъ. Онъ приблизилъ свое жалкое лицо къ моему окошечку: „Анатолій Петровичъ, вѣдь правда, что докторъ прописалъ мнѣ грудной чай? Я нездоровъ, я выпью еще грудного чаю.“ Никто не отвѣчалъ, и онъ вопросительно смотрѣлъ то на меня, то на смотрителя. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать — я такъ и не понялъ. Да. Вдругъ помощникъ сдѣлалъ строгое лицо и опять какимъ-то визгливымъ голосомъ закричалъ: „Что за шутки? Идемъ.“ Розовскій, очевидно, не въ силахъ былъ понять того, что его ожидало, и, какъ будто торопясь, пошелъ, почти побѣжалъ впереди всѣхъ по корридору. Но потомъ онъ уперся — я слышалъ его пронзительный голосъ и плачъ. Началась возня, топотъ ногъ. Онъ пронзительно визжалъ и плакалъ. Потомъ дальше и дальше, — зазвенѣла дверь корридора, и все затихло . . . Да. Такъ и повѣсили. Веревками задушили обоихъ. Сторожъ, другой, видѣлъ и разсказывалъ мнѣ, что Лозинскій не противился, но Розовскій долго бился, такъ что его втащили на эшафотъ и силой вложили ему голову въ петлю. Да. Сторожъ этотъ былъ глуповатый малый. „Мнѣ говорили, баринъ, что страшно. А ничего не страшно. Какъ повисли они — только два раза такъ плечами“, — онъ показалъ, какъ судорожно поднялись и опустились плечи — „Потомъ палачъ подернулъ, чтобы, значитъ, петли затянулись получше, и шабашъ: и не дрогнули больше. Ничего не страшно,“ — повторилъ Крыльцовъ слова сторожа и хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки разрыдался.

Долго послѣ этого онъ молчалъ, тяжело дыша и глотая подступавшія къ его горлу рыданія.

— Съ тѣхъ поръ я и сдѣлался революціонеромъ. Да,

— сказалъ онъ, успокоившись, и вкратцѣ досказалъ свою исторію.

Онъ принадлежалъ къ партіи народовольцевъ и былъ даже главою дезорганизаціонной группы, имѣвшей цѣлью терроризировать правительство такъ, чтобы оно само отказалось отъ власти и призвало народъ. По выходѣ изъ тюрьмы онъ ѣздилъ то въ Петербургъ, то за границу, то въ Кіевъ, то въ Одессу, и вездѣ имѣлъ успѣхъ. Но человѣкъ, на котораго онъ вполнѣ полагался, выдалъ его. Его арестовали, судили продержали два года въ тюрьмѣ и приговорили къ смертной казни, замѣнивъ ее безсрочной каторгой.

Въ тюрьмѣ у него сдѣлалась чахотка, и теперь, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, ему, очевидно, осталось едва нѣсколько мѣсяцевъ жизни, и онъ зналъ это и не раскаявался въ томъ, что онъ дѣлалъ, а говорилъ, что, еслибъ у него была другая жизнь, онъ ее употребилъ бы на то же самое, — на разрушеніе того порядка вещей, при которомъ возможно было то, что̀ онъ видѣлъ.

Исторія этого человѣка и сближеніе съ нимъ объяснили Нехлюдову многое изъ того, чего онъ не понималъ прежде.

VII.

Въ тотъ день, когда на выходѣ съ этапа произошло столкновеніе конвойнаго офицера съ арестантами изъ-за ребенка, Нехлюдовъ, ночевавшій на постояломъ дворѣ, проснулся поздно и еще засидѣлся за письмами, которыя онъ готовилъ къ губернскому городу, такъ что выѣхалъ съ постоялаго двора позднѣе обыкновеннаго и не обогналъ партію въ дорогѣ, какъ это бывало прежде, а пріѣхалъ въ село, возлѣ котораго былъ полуэтапъ, уже сумерками. Обсушившись на постояломъ дворѣ, содержавшемся пожилой, толстой, съ необычайной толщины бѣлой шеей, женщиной-вдовой, Нехлюдовъ въ чистой горницѣ, украшенной большимъ количествомъ иконъ и картинъ, напился чаю и поспѣшилъ на этапный дворъ къ офицеру просить разрѣшенія свиданія.

На шести предшествующихъ этапахъ конвойные офицеры, всѣ, несмотря на то, что перемѣнялись, всѣ одинаково не допускали Нехлюдова въ этапное помѣщеніе, такъ что онъ больше недѣли не видалъ Катюши. Происходила эта строгость оттого, что ожидали проѣзда важнаго тюремнаго начальника. Теперь же начальникъ проѣхалъ, не взглянувъ на этапы, и Нехлюдовъ надѣялся, что принявшій утромъ партію конвойный офицеръ разрѣшитъ ему, какъ и прежніе офицеры, свиданіе съ Катюшей.

Хозяйка предложила Нехлюдову тарантасъ доѣхать до полуэтапа, находящагося на концѣ села, но Нехлюдовъ предпочелъ идти пѣшкомъ. Молодой малый, широкоплечій богатырь-работникъ, въ огромныхъ, свѣже-вымазаныхъ пахучимъ дегтемъ сапогахъ, взялся проводить. Съ неба шла мга, и было такъ темно, что какъ только малый отдѣлялся шага на три въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не падалъ свѣтъ изъ оконъ, Нехлюдовъ уже не видалъ его, а слышалъ только чмоканье его сапогъ по липкой, глубокой грязи. Пройдя площадь съ церковью и длинную улицу съ ярко свѣтящимися окнами домовъ, Нехлюдовъ, вслѣдъ за проводникомъ, вышелъ на край села въ полный мракъ. Но скоро и въ этомъ мракѣ завиднѣлись расходившіеся въ туманѣ лучи отъ фонарей, горѣвшихъ около этапа. Красноватыя пятна огней становились все больше и свѣтлѣе; стали видны пали ограды, черная фигура движущагося часового, полосатый столбъ и будка. Часовой окликнулъ подошедшихъ обычнымъ: „кто идетъ?“ и узнавъ, что не свои, оказался такъ строгъ, что не хотѣлъ позволить дожидаться подлѣ ограды. Но проводникъ Нехлюдова не смутился строгостью часового.

— Эка ты, паря, сердитый какой! — сказалъ онъ ему. — Ты пошуми старшо̀го, а мы подождемъ.

Часовой, не отвѣчая, прокричалъ что-то въ калитку и остановился, пристально глядя на то, какъ широкоплечій малый въ свѣтѣ фонаря очищалъ щепкой сапоги Нехлюдова отъ налипшей на нихъ грязи. За палями ограды слышенъ былъ гулъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ. Минуты черезъ

три зазвенѣло желѣзо, дверь калитки отворилась, и изъ темноты въ свѣтъ фонаря вышелъ старшòй въ шинели въ накидку и спросилъ, чтò нужно. Нехлюдовъ передалъ свою заготовленную карточку съ запиской, въ которой просилъ принять его по личному дѣлу, и просилъ передать офицеру. Старшòй былъ менѣе строгъ, чѣмъ часовой, но зато особенно любопытенъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ знать, зачѣмъ Нехлюдову нужно видѣть офицера, и кто онъ, очевидно, чуя добычу и не желая упустить ее. Нехлюдовъ сказалъ, что есть особенное дѣло, и что онъ поблагодаритъ, и попросилъ передать записку. Старшòй взялъ записку и, кивнувъ головой, ушелъ. Нѣсколько времени послѣ его ухода опять зазвенѣла калитка, и изъ нея стали выходить женщины съ корзинками, туесами, крынками и мѣшками; звонко болтая на своемъ особенномъ сибирскомъ нарѣчіи, шагали онѣ черезъ порогъ калитки. Всѣ онѣ были одѣты не по-деревенски, а по-городски, въ пальто и шубки; юбки были высоко подтыканы, а головы обвязаны платками. Онѣ съ любопытствомъ оглядывали при свѣтѣ фонаря Нехлюдова и его проводника. Одна же, очевидно, обрадовавшись встрѣчѣ съ широкоплечимъ малымъ, тотчасъ ласкательно обругала его сибирскимъ ругательствомъ.

— Ты, лѣшій, чего тутъ, язви-те, дѣлашъ? — обратилась она къ нему.

— Да вотъ проѣзжаго проводилъ, — отвѣчалъ малый. — А ты чего носила?

— Молосное, на утро еще велѣли приходить.

— А ночевать не оставляли? — спросилъ малый.

— Чтобъ тебѣ соскало, брехунъ, — крикнула она, смѣясь, — айда до села вмѣстѣ, насъ проводи.

Проводникъ еще что-то сказалъ ей такое, что засмѣялись нетолько женщины, но и часовой, и обратился къ Нехлюдову:

— Что же, найдете одни? не заблудите?

— Найду, найду.

— Какъ пройдете церковь, отъ двухъяруснаго дома на-

право второй. Да вотъ вамъ батожекъ, — сказалъ онъ, отдавая Нехлюдову палку, съ которой онъ шелъ, длинную, выше роста, и, шлепая своими огромными сапогами, скрылся въ темнотѣ вмѣстѣ съ женщинами.

Его голосъ, перебиваемый женскими, еще слышался изъ тумана, когда опять зазвенѣла калитка, и вышелъ старшой, приглашая Нехлюдова за собой къ офицеру.

VIII.

Полуэтапъ былъ расположенъ такъ же, какъ и всѣ этапы и полуэтапы по сибирской дорогѣ: во дворѣ, окруженномъ завостренными бревнами-палями, было три одноэтажныхъ жилыхъ дома. Въ одномъ, въ самомъ большомъ, съ рѣшетчатыми окнами, помѣщались арестанты. Въ другомъ — конвойная команда, въ третьемъ — офицеръ и канцелярія. Во всѣхъ трехъ домахъ теперь свѣтились огни, какъ всегда, въ особенности здѣсь, обманчиво обѣщая что-то хорошее, уютное въ освѣщенныхъ стѣнахъ. Передъ крыльцами домовъ горѣли фонари, и еще фонарей пять горѣли около стѣнъ, освѣщая дворъ. Унтеръ-офицеръ подвелъ Нехлюдова по доскѣ къ крыльцу меньшаго изъ домовъ. Поднявшись на три ступеньки, онъ пропустилъ его впередъ себя въ освѣщенную лампочкой, пропахшую угарнымъ чадомъ переднюю. У печи солдатъ въ грубой рубахѣ и галстукѣ и черныхъ штанахъ, въ одномъ сапогѣ съ желтымъ голенищемъ, перегнувшись, раздувалъ самоваръ другимъ голенищемъ. Увидавъ Нехлюдова, солдатъ оставилъ самоваръ, снялъ съ Нехлюдова кожанъ и вошелъ во внутреннюю горницу.

— Пришелъ, ваше благородіе.

— Ну, зови, — послышался сердитый голосъ.

— Въ дверь ходите, — сказалъ солдатъ и тотчасъ же опять взялся за самоваръ.

Во второй комнатѣ, освѣщенной висячей лампой, за накрытымъ съ остатками обѣда и двумя бутылками столомъ, сидѣлъ въ австрійской курткѣ, облегавшей его широкую

грудь и плечи, съ большими бѣлокурыми усами и очень краснымъ лицомъ офицеръ. Въ теплой горницѣ, кромѣ табачнаго запаха, пахло еще очень сильно какими-то крѣпкими, дурными духами. Увидавъ Нехлюдова, офицеръ привсталъ и какъ будто насмѣшливо и подозрительно уставился на вошедшаго.

— Что̀ угодно? — сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, закричалъ въ дверь: Берновъ, самоваръ, что же будетъ когда?

— За̀разъ.

— Вотъ я-те дамъ за̀разъ, что будешь помнить, — крикнулъ офицеръ, блеснувъ глазами.

— Несу! — прокричалъ солдатъ и вошелъ съ самоваромъ.

Нехлюдовъ подождалъ, пока солдатъ установилъ самоваръ (офицеръ проводилъ его маленькими злыми глазами, какъ бы прицѣливаясь, куда бы ударить его). Когда же самоваръ былъ поставленъ, офицеръ заварилъ чай: потомъ досталъ изъ погребца четырехъугольный графинчикъ съ коньякомъ и бисквиты Альбертъ. Уставивъ все это на скатерть, онъ опять обратился къ Нехлюдову.

— Такъ чѣмъ могу служить?

— Я просилъ бы свиданія съ одной арестанткой, — сказалъ Нехлюдовъ, не садясь.

— Политическая? Это запрещено закономъ, — сказалъ офицеръ.

— Женщина эта не политическая, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Прошу покорно садиться, — пригласилъ офицеръ. Нехлюдовъ сѣлъ.

— Она не политическая, — повторилъ онъ, — по по моей просьбѣ ей разрѣшено высшимъ начальствомъ слѣдовать съ политическими . . .

— А, знаю, — перебилъ офицеръ. — Маленькая, черненькая? Что же, это можно. Курить прикажете?

Онъ подвинулъ Нехлюдову коробку съ папиросами и,

аккуратно наливъ два стакана чаю, подвинулъ одинъ изъ нихъ Нехлюдову.

— Прошу, — сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, я желалъ бы видѣться ...

— Ночь велика. Успѣете. Я вамъ велю ее вызвать.

— А нельзя-ли, не вызывая ее, допустить меня въ помѣщеніе? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Къ политическимъ? Не по закону.

— Меня нѣсколько разъ пускали. Вѣдь, если боятся, что я передамъ что-либо, то я черезъ нее могъ бы передать.

— Ну, нѣтъ, ее обыщутъ, — сказалъ офицеръ и засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ.

— Ну, такъ меня обыщите.

— Ну, и безъ этого обойдемся, — сказалъ офицеръ, поднося откупоренный графинчикъ къ стакану Нехлюдова. — Позволите? Ну, какъ угодно. Живешь въ этой Сибири, такъ человѣку образованному радъ-радешенекъ. Вѣдь наша служба, сами знаете, самая печальная. А когда человѣкъ къ другому привыкъ, такъ и тяжело. Вѣдь, про нашего брата такое понятіе, что конвойный офицеръ, значитъ, грубый человѣкъ, необразованный, а того не думаютъ, что человѣкъ можетъ быть совсѣмъ для другого рожденъ.

Красное лицо этого офицера, его духи, перстень и въ особенности непріятный смѣхъ были очень противны Нехлюдову, но онъ и нынче, какъ и во все время своего путешествія, находился въ томъ серьезномъ и внимательномъ расположеніи духа, въ которомъ онъ не позволялъ себѣ легкомысленно и презрительно обращаться съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, и считалъ необходимымъ съ каждымъ человѣкомъ говорить „во всю“, какъ онъ самъ съ собой опредѣлялъ это отношеніе. Выслушавъ офицера и понявъ его душевное состояніе, онъ серьезно сказалъ.

— Я думаю, что въ вашей же должности можно найти утѣшеніе въ томъ, чтобы облегчать страданія людей, — сказалъ онъ.

— Какія ихъ страданія? Вѣдь это народъ такой.

— Какой же особенный народъ? — сказалъ Нехлюдовъ. — Такой же, какъ всѣ. А есть и невинные.

— Разумѣется, есть всякіе. Разумѣется жалѣешь. Другіе ничего не спускаютъ, а я, гдѣ могу, стараюсь облегчить. Пускай лучше я пострадаю, да не они. Другіе, какъ чуть что, сейчасъ по закону, а то — стрѣлять, а я жалѣю. Прикажете? Выкушайте — сказалъ онъ, наливая еще чаю. — Она кто собственно, женщина, которую видѣть желаете? — спросилъ онъ.

— Это несчастная женщина, которая попала въ домъ терпимости, и тамъ ее неправильно обвинили въ отравленіи, а она очень хорошая женщина, — сказалъ Нехлюдовъ.

Офицеръ покачалъ головой.

— Да, бываетъ. Въ Казани, я вамъ доложу, была одна — Эммой звали. Родомъ венгерка, а глаза настоящіе персидскіе, — продолжалъ онъ, не въ силахъ сдержать улыбку при этомъ воспоминаніи, — шику было столько, что хоть графинѣ ...

Нехлюдовъ перебилъ офицера и вернулся къ прежнему разговору. — Я думаю, что вы можете облегчить положеніе такихъ людей, пока они въ вашей власти. И поступая такъ, я увѣренъ, что вы нашли бы большую радость, — говорилъ Нехлюдовъ, стараясь произноситъ, какъ можно внятнѣе, такъ, какъ говорятъ съ иностранцами или дѣтьми.

Офицеръ смотрѣлъ на Нехлюдова блестящими глазами и, очевидно, ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда онъ кончитъ, чтобы продолжать разсказъ про венгерку съ персидскими глазами, которая, очевидно, живо представлялась его воображенію и поглощала все его вниманіе.

— Да, это такъ, положимъ, вѣрно, — сказалъ онъ. — Я и жалѣю ихъ; только я хотѣлъ вамъ про эту Эмму разсказать. Такъ она что̀ дѣлала ...

— Я не интересуюсь этимъ, — возразилъ Нехлюдовъ, — и прямо скажу вамъ, что хотя я и самъ былъ прежде другой, но теперь ненавижу такое отношеніе къ женщинамъ.

Офицеръ испуганно посмотрѣлъ на Нехлюдова.

— А еще чайку не угодно? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Берновъ! — крикнулъ офицеръ. — Проводи ихъ къ Вакулову, скажи, пропустить въ отдѣльную камеру къ политическимъ; могутъ тамъ побыть до повѣрки.

IX.

Провожаемый вѣстовымъ, Нехлюдовъ вышелъ опять на темный дворъ, тускло освѣщенный красно-горѣвшими фонарями.

— Куда? — спросилъ встрѣтившійся конвойный у того, который провожалъ Нехлюдова.

— Въ отдѣльную, 5-ый номеръ.

— Здѣсь не пройдешь, заперто, надо черезъ то крыльцо.

— А что-же, заперто?

— Старшо́й заперъ, а самъ на село ушелъ.

— Ну, такъ айдате здѣсь.

Солдатъ повелъ Нехлюдова на другое крыльцо и пошелъ по доскамъ къ другому входу. Еще со двора было слышно гудѣнье голосовъ и внутреннее движеніе, какъ въ хорошемъ, готовящемся къ ройкѣ ульѣ, но когда Нехлюдовъ подошелъ ближе, и отворилась дверь, гудѣнье это усилилось и перешло въ звукъ перекрикивающихся, ругающихся и смѣющихся голосовъ. Послышался переливчатый звукъ цѣпей, и пахнуло знакомымъ, тяжелымъ запахомъ.

Оба эти впечатлѣнія: гулъ голосовъ съ звономъ цѣпей и этотъ ужасный запахъ, всегда сливались для Нехлюдова въ одно мучительное чувство какой-то нравственной тошноты, переходящей въ тошноту физическую. И оба впечатлѣнія смѣшивались и усиливали одно другое.

Войдя теперь въ сѣни полуэтапа, гдѣ стояла огромная, вонючая кадка, такъ называемая „параха“, первое, что̀ увидалъ Нехлюдовъ, была женщина, сидѣвшая на краю кадки. Напротивъ ея — мужчина со сдвинутой на бокъ на бритой головѣ блинообразной шапкой. Они о чемъ-то разговаривали.

Арестантъ, увидавъ Нехлюдова, подмигнулъ глазомъ и проговорилъ:

— И царь воды не удержитъ.

Женщина же опустила полы халата и потупилась.

Изъ сѣней шелъ корридоръ, въ который отворялись двери камеръ. Первая была камера семейныхъ, потомъ большая камера холостыхъ и въ концѣ корридора двѣ маленькія камеры, отведенныя для политическихъ. Помѣщеніе этапа, предназначенное для 150 человѣкъ, вмѣщая 450, было такъ тѣсно, что арестанты, не помѣщаясь въ камерахъ, наполняли корридоръ. Одни сидѣли и лежали на полу, другіе двигались взадъ и впередъ съ пустыми и полными кипяткомъ чайниками. Въ числѣ этихъ былъ Тарасъ. Онъ догналъ Нехлюдова и ласково поздоровался съ нимъ. Доброе лицо Тараса было изуродовано синебагровыми подтеками на носу и подъ глазомъ.

— Что это съ тобой? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Вышло дѣло такое, — сказалъ Тарасъ, улыбаясь.

— Да дерутся все, — презрительно сказалъ конвойный.

— Изъ-за бабы, — прибавилъ арестантъ, шедшій за ними. — Съ Федькой слѣпымъ сцѣпились.

— А Ѳедосья что? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Ничего, здорова, вотъ ей на чай кипяточку несу, — сказалъ Тарасъ и вошелъ въ семейную.

Нехлюдовъ заглянулъ въ дверь. Вся камера была полна женщинами и мужчинами и на нарахъ, и подъ нарами. Въ камерѣ стоялъ паръ отъ сохнувшей мокрой одежды, слышался неумолкаемый крикъ женскихъ голосовъ. Слѣдующая дверь была дверь камеры холостыхъ. Эта была еще полнѣе, и даже въ самой двери и выступая въ корридоръ стояла шумная толпа что-то дѣлившихъ или рѣшавшихъ арестантовъ въ мокрыхъ одеждахъ. Конвойный объяснилъ Нехлюдову, что это староста выдавалъ забранныя или проигранныя впередъ по билетикамъ, сдѣланными изъ игральныхъ картъ, кормовыя деньги майданщику. Увидавъ унтеръ-офицера и господина, стоявшіе ближе замолкли, недоброже-

лательно оглядывая проходившихъ. Въ числѣ дѣлившихъ Нехлюдовъ замѣтилъ знакомаго каторжнаго, Ѳедорова, всегда державшаго при себѣ жалкаго, съ поднятыми бровями, бѣлаго, будто распухшаго, молодого малаго; и еще отвратительнаго, рябого, безносаго бродягу, извѣстнаго тѣмъ, что онъ во время побѣга, въ тайгѣ, будто бы убилъ товарища и питался его мясомъ. Бродяга стоялъ въ корридорѣ, накинувъ на одно плечо мокрый халатъ и насмѣшливо, и дерзко глядѣлъ на Нехлюдова, не сторонясь передъ нимъ. Нехлюдовъ обошелъ его.

Какъ ни знакомо было Нехлюдову это зрѣлище, какъ ни часто видѣлъ онъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ все тѣхъ же 400 человѣкъ уголовныхъ арестантовъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ: и въ жарѣ, въ облакѣ пыли, которое они поднимали волочащими цѣпи ногами, и на привалахъ по дорогѣ, и на этапахъ въ теплое время на дворѣ, гдѣ происходили ужасающія сцены открытаго разврата, — онъ все-таки всякій разъ, когда входилъ въ середину ихъ и чувствовалъ, какъ теперь, что вниманіе ихъ обращено на него, испытывалъ мучительное чувство стыда и сознанія своей виноватости передъ ними. Самое тяжелое для него было то, что къ этому чувству стыда и виноватости примѣшивалось еще непреодолимое чувство отвращенія и ужаса. Онъ зналъ, что въ томъ положеніи, въ которомъ они были поставлены, нельзя было не быть такими, какъ они, и все-таки не могъ подавить своего отвращенія къ нимъ.

— Имъ хорошо, дармоѣдамъ, — услыхалъ Нехлюдовъ, когда онъ уже подходилъ къ двери политическихъ, — сказалъ чей то хриплый голосъ, прибавивъ еще неприличное ругательство.

Послышался недружелюбный, насмѣшливый хохотъ.

X.

Миновавъ камеру холостыхъ, унтеръ-офицеръ, провожавшій Нехлюдова, сказалъ ему, что придетъ за нимъ передъ повѣркой, и вернулся назадъ. Едва унтеръ-офицеръ

отошелъ, какъ къ Нехлюдову быстрыми босыми шагами, придерживая кандалы, совсѣмъ близко подошелъ, обдавая его тяжелымъ и кислымъ запахомъ пота, арестантъ и таинственнымъ шопотомъ проговорилъ:

— Заступитесь, баринъ. Совсѣмъ скрутили малаго. Пропили. Нынче ужъ на пріемкѣ Кармановымъ назвался. Заступитесь, а намъ нельзя, убьютъ, — сказалъ арестантъ, безпокойно оглядываясь, и тотчасъ же отошелъ отъ Нехлюдова.

Дѣло было въ томъ, что каторжный Кармановъ подговорилъ похожаго на себя лицомъ малаго, ссылаемаго на поселеніе, смѣниться съ нимъ такъ, чтобы каторжный шелъ въ ссылку, а малый въ каторгу, на его мѣсто.

Нехлюдовъ зналъ уже про это дѣло, такъ какъ тотъ же арестантъ недѣлю тому назадъ сообщилъ ему про этотъ обмѣнъ. Нехлюдовъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ и сдѣлаетъ, что̀ можетъ, и, не оглядываясь, прошелъ дальше.

Нехлюдовъ зналъ этого арестанта съ Екатеринбурга, гдѣ онъ просилъ его ходатайства о томъ, чтобы разрѣшено было его женѣ слѣдовать за нимъ, и былъ удивленъ его поступкомъ. Это былъ средняго роста и самаго обыкновеннаго крестьянскаго вида человѣкъ, лѣтъ 30-ти, ссылавшійся въ каторгу за покушеніе на грабежъ и убійство. Звали его Макаръ Дѣвкинъ. Преступленіе его было очень странное. Преступленіе это, какъ онъ самъ разсказывалъ Нехлюдову, было дѣломъ не его, Макара, а е г о, нечистаго. Къ отцу Макара, разсказывалъ онъ, заѣхалъ проѣзжій и нанялъ у него за два рубля подводу въ село за сорокъ верстъ. Отецъ велѣлъ Макару везти проѣзжаго. Макаръ запрягъ лошадь, одѣлся и вмѣстѣ съ проѣзжимъ сталъ пить чай. Проѣзжій за чаемъ разсказалъ, что ѣдетъ жениться и везетъ съ собой нажитые въ Москвѣ 500 рублей. Услыхавъ это, Макаръ вышелъ на дворъ и положилъ въ сани подъ солому топоръ. „И самъ я не знаю, зачѣмъ я топоръ взялъ“, разсказывалъ онъ. „Возьми, говоритъ, топоръ“, я и взялъ. Сѣли, поѣ-

хали. Ѣдемъ, ничего. Я и забылъ было про топоръ. Только стали подъѣзжать къ селу, верстъ шесть осталось. Съ проселка на большакъ дорога въ гору пошла. Слѣзъ я, иду за санями, а онъ шепчетъ: „Ты что же думаешь? Въѣдешь въ гору, по большаку — народъ, а тамъ деревня. Увезетъ онъ деньги; дѣлать, такъ теперь, ждать нечего.“ Нагнулся я къ санямъ, будто поправляю солому, а топорище точно само въ руки вскочило. Оглянулся онъ. „Чего ты?“ говоритъ. Взмахнулъ я топоромъ, хотѣлъ долбонуть, а онъ человѣкъ стремой, соскочилъ съ саней, ухватилъ меня за руки. „Что ты, говоритъ, злодѣй, дѣлаешь? . . .“ Повалилъ меня на снѣгъ, и не сталъ я бороться, самъ дался. Связалъ онъ мнѣ руки кушакомъ, швырнулъ въ сани. Повезъ прямо въ станъ. Посадили въ зáмокъ. Судили. Общество дало одобреніе, что человѣкъ хорошій, и худого ничего не замѣтно. Хозяева, у кого жилъ, тоже одобрили. Да аблаката нанять не на что было,“ говорилъ Макаръ, „и потому присудили къ четыремъ годамъ.“

И вотъ теперь этотъ человѣкъ, желая спасти земляка, зная, что онъ этими словами рискуетъ жизнью, все-таки передалъ Нехлюдову арестантскую тайну, за что̀, еслибы только узнали, что онъ сдѣлалъ это, непремѣнно бы задушили его.

XI.

Помѣщеніе политическихъ состояло изъ двухъ маленькихъ камеръ, двери которыхъ выходили въ отгороженную часть корридора. Войдя въ отгороженную часть корридора, Нехлюдовъ увидалъ Симонсона съ сосновымъ полѣномъ въ рукѣ, сидѣвшаго въ своей курткѣ на корточкахъ передъ дрожащей, втягиваемой жаромъ заслонкой растопившейся печи.

Замѣтивъ Нехлюдова, онъ, не вставъ съ корточекъ, глядя снизу вверхъ изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей, подалъ руку.

— Я радъ, что вы пришли, мнѣ нужно васъ видѣть,

— сказалъ онъ съ значительнымъ видомъ, прямо глядя въ глаза Нехлюдову.

— А что именно? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Послѣ; теперь я занятъ.

И Симонсонъ опять взялся за печку, которую онъ топилъ по своей особенной теоріи наименьшей потери тепловой энергіи.

Нехлюдовъ уже хотѣлъ пройти въ первую дверь, когда изъ другой двери, согнувшись, съ вѣникомъ въ рукѣ, которымъ она подвигала къ печкѣ большую кучу сора и пыли, вышла Маслова. Она была въ бѣлой кофтѣ, подтыканной юбкѣ и чулкахъ. Голова ея по самыя брови была отъ пыли повязана бѣлымъ платкомъ. Увидавъ Нехлюдова, она разогнулась и, вся красная и оживленная, положила вѣникъ и, обтеревъ руки объ юбку, прямо остановилась передъ нимъ.

— Приводите въ порядокъ помѣщеніе? — сказалъ Нехлюдовъ, подавая руку.

— Да, мое старинное занятіе, — сказала она и улыбнулась. — А грязь такая, что подумать нельзя. Ужъ мы чистили, чистили.

— Что-же, плэдъ высохъ? — обратилась она къ Симонсону.

— Почти, — сказалъ Симонсонъ, глядя на нее какимъ-то особеннымъ, поразившимъ Нехлюдова взглядомъ.

— Ну, такъ я приду за нимъ и принесу шубы сушить. Наши всѣ тутъ, — сказала она Нехлюдову, уходя въ дальнюю и указывая на ближнюю дверь.

Нехлюдовъ отворилъ дверь и вошелъ въ небольшую камеру, слабо освѣщенную маленькой металлической лампочкой, низко стоявшей на нарахъ. Въ камерѣ было холодно и пахло не осѣвшей пылью, сыростью и табакомъ. Жестяная лампа ярко освѣщала находящихся около нея, но нары были въ тѣни, и по стѣнамъ ходили колеблющіяся тѣни.

Въ небольшой камерѣ были всѣ, за исключеніемъ двухъ мужчинъ, завѣдывавшихъ продовольствіемъ и ушедшихъ за

кипяткомъ и провизіей. Тутъ была старая знакомая Нехлюдова, еще болѣе похудѣвшая и пожелтѣвшая Вѣра Ефремовна со своими огромными, испуганными глазами и налившейся жилой на лбу, въ сѣрой кофтѣ и съ короткими волосами. Она сидѣла передъ газетной бумагой съ разсыпаннымъ на ней табакомъ и набивала его порывистыми движеніями въ папиросныя гильзы.

Тутъ же была и одна изъ самыхъ для Нехлюдова пріятныхъ политическихъ женщинъ, Эмилія Ранцева, завѣдывавшая внѣшнимъ хозяйствомъ и придававшая ему, при самыхъ даже тяжелыхъ условіяхъ, женскую домовитость и привлекательность. Она сидѣла подлѣ лампы и съ засученными рукавами надъ загорѣвшими красивыми и ловкими руками перетирала и разставляла кружки и чашки на постланное на нарахъ полотенце. Ранцева была некрасивая молодая женщина съ умнымъ и кроткимъ выраженіемъ лица, которое имѣло свойство вдругъ, при улыбкѣ, преображаться и дѣлаться веселымъ, бодрымъ и обворожительнымъ; она теперь встрѣтила такой улыбкой Нехлюдова.

— А мы думали, что вы уже совсѣмъ въ Россію уѣхали, — сказала она.

Тутъ же была въ тѣни, въ дальнемъ углу и Марья Павловна, что-то дѣлавшая съ маленькой бѣловолосой дѣвчонкой, которая не переставая что-то лопотала своимъ миленькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли. Видѣли Катю? — спросила она Нехлюдова. — А у насъ вотъ какая гостья. — Она указала на дѣвочку.

Тутъ же былъ и Анатолій Крыльцовъ. Исхудалый и блѣдный, съ поджатыми подъ себя ногами въ валенкахъ, онъ, сгорбившись и дрожа, сидѣлъ въ дальнемъ углу наръ и, засунувъ руки въ рукава полушубка, лихорадочными глазами смотрѣлъ на Нехлюдова. Нехлюдовъ хотѣлъ подойти къ нему, но направо отъ двери, разбирая что-то въ мѣшкѣ и разговаривая съ хорошенькой, улыбающейся Грабецъ, сидѣлъ курчавый, рыжеватый человѣкъ въ очкахъ и гуттапер-

чевой курткѣ. Это былъ знаменитый революціонеръ Новодворовъ, и Нехлюдовъ поспѣшилъ поздороваться съ нимъ. Онъ особенно поторопился это сдѣлать потому, что изъ всѣхъ политическихъ этой партіи одинъ этотъ человѣкъ былъ непріятенъ ему. Новодворовъ блеснулъ черезъ очки своими голубыми глазами на Нехлюдова и, нахмурившись, подалъ ему свою узкую руку.

— Что же, пріятно путешествуете? — сказалъ онъ, очевидно иронически.

— Да, много интереснаго, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, дѣлая видъ, что не видитъ ироніи, а принимаетъ это за любезность и подошелъ къ Крыльцову.

Наружно Нехлюдовъ выказалъ равнодушіе, но въ душѣ онъ далеко не былъ равнодушенъ къ Новодворову. Эти слова Новодворова, его очевидное желаніе сказать и сдѣлать непріятное нарушили то благодушное настроеніе, въ которомъ находился Нехлюдовъ. И ему стало уныло и грустно.

— Что, какъ здоровье? — сказалъ онъ, пожимая холодную и дрожащую руку Крыльцова.

— Да ничего, не согрѣюсь только, измокъ, — сказалъ Крыльцовъ, поспѣшно пряча руку въ рукавъ полушубка. — И здѣсь собачій холодъ. Вонъ окна разбиты. — Онъ указалъ на разбитыя въ двухъ мѣстахъ стекла за желѣзными рѣшетками.

— Что вы? отчего не были?

— Не пускаютъ, строгое начальство. Нынче только офицеръ оказался обходительный.

— Ну, хорошъ обходительный, — сказалъ Крыльцовъ. — Спросите Машу, что̀ онъ утромъ дѣлалъ.

Марья Павловна, не вставая съ своего мѣста, разсказала то, что̀ произошло съ дѣвочкой утромъ при выходѣ изъ этапа.

— По-моему, необходимо заявить коллективный протестъ, — рѣшительнымъ голосомъ сказала Вѣра Ефремовна, вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительно и испуганно взглядывая на

лица то того, то другого. — Владиміръ заявилъ, но этого мало.

— Какой протестъ? — досадливо морщась, проговорилъ Крыльцовъ. — Очевидно, непростота, искусственность тона и нервность Вѣры Ефремовны уже давно раздражали его. — Вы Катю ищете? — обратился онъ къ Нехлюдову. — Она все работаетъ, чиститъ. Эту вычистили, нашу — мужскую; теперь женскую. Только блохъ ужъ не вычистить, ѣдятъ поѣдомъ. А Маша что̀ тамъ дѣлаетъ? — спросилъ онъ, указывая головой на уголъ, въ которомъ была Марья Павловна.

— Вычесываетъ свою пріемную дочку, — сказала Ранцева.

— А насѣкомыхъ она не распуститъ на насъ? — сказалъ Крыльцовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я аккуратно. Она теперь чистенькая, — сказала Марья Павловна. — Возьмите ее, — обратилась она къ Ранцевой. — А я пойду помогу Катѣ. Да и плэдъ ему принесу.

Ранцева взяла дѣвочку и, съ материнской нѣжностью прижимая къ себѣ голенькія и пухленькія ручки ребенка, подсадила къ себѣ на колѣни и подала ей кусокъ сахара.

Марья Павловна вышла, а вслѣдъ за ней въ камеру вошли два человѣка съ кипяткомъ и провизіей.

XII.

Одинъ изъ вошедшихъ былъ невысокій, сухощавый молодой человѣкъ въ крытомъ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ. Онъ шелъ легкой и быстрой походкой, неся два дымящихся большихъ чайника съ горячей водой и придерживая подъ мышкой завернутый въ платокъ хлѣбъ.

— Ну, вотъ и князь нашъ объявился, — сказалъ онъ, ставя чайникъ среди чашекъ и передавая хлѣбъ Масловой. — Чудесныя штуки мы накупили, — проговорилъ онъ, скидывая полушубокъ и швыряя его черезъ головы въ уголъ наръ. Маркелъ молока и яицъ купилъ; просто балъ нынче

будетъ. А Кирилловна все свою эстетическую чистоту наводитъ, — сказалъ онъ, улыбаясь глядя на Ранцеву. — Ну, теперь заваривай чай, — обратился онъ къ ней.

Отъ всей наружности этого человѣка: отъ его движеній, звука его голоса, взгляда, вѣяло бодростью и веселостью. Другой же изъ вошедшихъ, — тоже невысокій, костлявый, съ очень выдающимися маслаками худыхъ щекъ сѣраго лица, съ прекрасными, зеленоватыми, широко разставленными глазами и тонкими губами, былъ человѣкъ, напротивъ, мрачнаго и унылаго вида. На немъ было старое ватное пальто и сапоги съ калошами. Онъ несъ два горшка и два туеса. Поставивъ передъ Ранцевой свою ношу, онъ поклонился Нехлюдову шеей, такъ что, кланяясь, не переставая смотрѣлъ на него. Потомъ, неохотно подавъ ему потную руку, онъ медлительно сталъ разставлять вынимаемую изъ корзины провизію.

Оба эти политическіе арестанта были люди изъ народа: первый былъ крестьянинъ Набатовъ, второй былъ фабричный Маркелъ Кондратьевъ. Маркелъ попалъ въ революціонное движеніе уже пожилымъ 35-ти лѣтнимъ человѣкомъ; Набатовъ же съ 18-ти лѣтъ. Попавъ изъ сельской школы по своимъ выдающимся способностямъ въ гимназію, Набатовъ, содержа себя все время уроками, кончилъ курсъ съ золотой медалью, но не пошелъ въ университетъ, потому что еще въ VII классѣ рѣшилъ, что пойдетъ въ народъ, изъ котораго вышелъ, чтобы просвѣщать своихъ забытыхъ братьевъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: спачала поступилъ писаремъ въ большое село, но скоро былъ арестованъ за то, что читалъ крестьянамъ книжки и устроилъ среди нихъ потребительное и производительное товарищество. Въ первый разъ его продержали въ тюрьмѣ восемь мѣсяцевъ и выпустили подъ негласный надзоръ. Освободившись, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ другую губернію, въ другое село и, устроившись тамъ учителемъ, дѣлалъ то-же самое. Его опять взяли и на этотъ разъ продержали годъ и два мѣсяца въ тюрьмѣ, и въ тюрьмѣ онъ еще укрѣпился въ своихъ убѣжденіяхъ.

Послѣ второй тюрьмы его сослали въ Пермскую губернію. Онъ бѣжалъ оттуда. Его опять взяли и, продержавъ семь мѣсяцевъ, сослали въ Архангельскую губернію. Оттуда онъ вторично бѣжалъ и опять попался; его приговорили къ ссылкѣ въ Якутскую область; такъ что онъ провелъ половину взрослой жизни въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Всѣ эти похожденія нисколько не озлобили его, но и не ослабили его энергіи, а скорѣе разожгли ее. Это былъ подвижной человѣкъ, съ прекраснымъ пищевареніемъ, всегда одинаково дѣятельный, веселый и бодрый. Онъ никогда ни въ чемъ не раскаивался и ничего далеко впередъ не загадывалъ, а всѣми силами своего ума, ловкости, практичности дѣйствовалъ въ настоящемъ. Когда онъ былъ на волѣ, онъ работалъ для той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ, а именно: просвѣщеніе, сплоченіе рабочаго, преимущественно крестьянскаго народа; когда же онъ былъ въ неволѣ, онъ дѣйствовалъ такъ же энергично и практично для сношенія съ внѣшнимъ міромъ и для устройства наилучшей, въ данныхъ условіяхъ, жизни, не для себя только, но и для своего кружка. Онъ прежде всего былъ человѣкъ общинный. Для себя ему, казалось, ничего не нужно было, и онъ могъ удовлетворяться ничѣмъ, но для общины товарищей онъ требовалъ многаго и могъ работать всякую и физическую, и умственную работу, не покладая рукъ, безъ сна, безъ ѣды. Какъ крестьянинъ, онъ былъ трудолюбивъ, смѣтливъ, ловокъ въ работахъ и естественно воздержанъ и безъ усилія учтивъ, внимателенъ не только къ чувствамъ, но и къ мнѣніямъ другихъ. Старуха-мать его, безграмотная крестьянская вдова, полная суевѣрій, была жива, и Набатовъ помогалъ ей и, когда былъ на свободѣ, навѣщалъ ее. Во время своихъ побывокъ дома онъ входилъ въ подробности ея жизни, помогалъ ей въ работахъ и не прерывалъ сношеній съ бывшими товарищами, крестьянскими ребятами: курилъ съ ними тютюнъ въ собачьей ножкѣ*), бился на кулачки и тол-

*) Собачья ножка это бумажка, папироска согнутая, которую курятъ мужики и мастеровые.

казалъ имъ, какъ они всѣ обмануты, и какъ имъ надо выпрастываться изъ того обмана, въ которомъ ихъ держатъ. Когда онъ думалъ и говорилъ о томъ, что̀ дастъ революція народу, онъ всегда представлялъ себѣ тотъ самый народъ, изъ котораго онъ вышелъ, въ тѣхъ же почти условіяхъ, но только съ землей и безъ господъ и чиновниковъ. Революція, въ его представленіи, не должна была измѣнить основныя формы жизни народа — въ этомъ онъ не сходился съ Новодворовымъ и послѣдователемъ Новодворова Маркеломъ Кондратьевымъ, — революція, по его мнѣнію, не должна была ломать всего зданія, а должна была только иначе распредѣлить внутреннія помѣщенія этого прекраснаго, прочнаго, огромнаго, горячо любимаго имъ стараго зданія.

Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ также типичнымъ крестьяниномъ: никогда не думалъ о метафизическихъ вопросахъ, о началѣ всѣхъ началъ, о загробной жизни. Богъ былъ для него, какъ и для Араго, — гипотезой, въ которой онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ надобности. Ему никакого дѣла не было до того, какимъ образомъ начался міръ: по Моисею или Дарвину, и дарвинизмъ, который такъ казался важенъ его сотоварищамъ, для него былъ такой же игрушкой мысли, какъ и твореніе въ шесть дней.

Его не занималъ вопросъ о томъ, какъ произошелъ міръ, именно потому, что вопросъ о томъ, какъ получше жить въ немъ, всегда стоялъ передъ нимъ. О будущей жизни онъ тоже никогда не думалъ, въ глубинѣ души нося то унаслѣдованное имъ отъ предковъ твердое, спокойное убѣжденіе, общее всѣмъ земледѣльцамъ, что, какъ въ мірѣ животныхъ и растеній ничто не кончается, а постоянно передѣлывается отъ одной формы въ другую, — навозъ въ зерно, зерно въ курицу, головастикъ въ лягушку, червякъ въ бабочку, желудь въ дубъ, — такъ и человѣкъ не уничтожается, но только измѣняется. Онъ вѣрилъ въ это, и потому бодро и даже весело всегда смотрѣлъ въ глаза смерти и твердо переносилъ страданія, которыя ведутъ къ ней, но не любилъ и не умѣлъ говорить объ этомъ. Онъ любилъ работать и всегда

былъ занятъ практическими дѣлами и на такія же практическія дѣла наталкивалъ товарищей.

Другой политическій арестантъ въ этой партіи изъ народа, Маркелъ Кондратьевъ, былъ человѣкъ иного склада. Съ пятнадцати лѣтъ онъ сталъ на работу и началъ курить и пить, чтобы заглушить смутное сознаніе обиды. Обиду эту онъ почувствовалъ въ первый разъ, когда на Рождество ихъ, ребятъ, привели на елку, устроенную женой фабриканта, гдѣ ему съ товарищами подарили дудочку въ одну копѣйку, яблоко, золоченный орѣхъ и винную ягоду, а дѣтямъ фабриканта игрушки, которыя показались ему дарами волшебницы и стоили, какъ онъ потомъ узналъ, болѣе 50 рублей. Ему было лѣтъ тридцать, когда на ихъ фабрику поступила работницей знаменитая революціонерка и, замѣтивъ выдающіяся способности Кондратьева, стала давать ему книги и брошюры и говорить съ нимъ, объясняя ему его положеніе и причины его, такъ же какъ и средства его улучшить. Когда ему ясно представилась возможность освобожденія себя и другихъ отъ того угнетеннаго положенія, въ которомъ онъ находился, несправедливость этого положенія показалась ему еще жесточе и ужаснѣе, чѣмъ прежде, и ему страстно захотѣлось не только освобожденія, но и наказанія тѣхъ, которые устроили и поддерживали эту жестокую несправедливость. Возможность эту, какъ это ему объяснили, давало знаніе, и Кондратьевъ отдался со страстью пріобрѣтенію знаній. Но для него было не ясно, какимъ образомъ осуществленіе соціалистическаго идеала совершится черезъ знаніе. Онъ однако вѣрилъ, что, какъ знаніе открыло ему несправедливость того положенія, въ которомъ онъ находился, такъ это же знаніе и поправитъ эту несправедливость. Кромѣ того, знаніе поднимало его въ его мнѣніи выше другихъ людей. И потому, переставъ пить и курить, онъ все свободное время, котораго у него стало больше, когда его сдѣлали кладовщикомъ, отдавалъ ученію.

Революціонерка учила его и поражалась той удивительной способностью, съ которой онъ ненасытно поглощалъ

всякія знанія. Въ два года онъ изучилъ алгебру, геометрію, исторію, которую онъ особенно любилъ, и перечиталъ всю художественную критическую литературу и, главное, соціалистическую.

Революціонерку арестовали и съ ней Кондратьева за нахожденіе у него запрещенныхъ книгъ и посадили въ тюрьму, а потомъ сослали въ Вологодскую губернію. Тамъ онъ познакомился съ Новодворовымъ, перечиталъ еще много революціонныхъ книгъ, все запомнилъ и еще болѣе утвердился въ своихъ соціалистическихъ взглядахъ. Послѣ ссылки онъ былъ руководителемъ большой стачки рабочихъ, кончившейся разгромомъ фабрики и убійствомъ директора. Его арестовали и приговорили къ лишенію правъ и новой ссылкѣ.

Къ религіи онъ относился такъ-же отрицательно, какъ и къ существующему экономическому устройству. Понявъ нелѣпость вѣры, въ которой онъ выросъ, и съ усиліемъ, сначала со страхомъ, а потомъ съ восторгомъ освободившись отъ нея, онъ какъ бы въ возмездіе за тотъ обманъ, въ которомъ держали его и его предковъ, не уставалъ ядовито и озлобленно смѣяться надъ попами и надъ религіозными догматами.

Онъ былъ по привычкамъ аскетъ, довольствовался самымъ малымъ и, какъ всякій съ дѣтства пріученный къ работѣ, съ развитыми мускулами человѣкъ, легко, много и ловко могъ работать всякую физическую работу, но больше всего дорожилъ досугомъ, чтобы въ тюрьмахъ и на этапахъ продолжать учиться. Онъ теперь изучалъ первый томъ Маркса и съ великой заботливостью, какъ большую драгоцѣнность, хранилъ эту книгу въ своемъ мѣшкѣ. Ко всѣмъ товарищамъ онъ относился сдержанно, равнодушно, исключая Новодворова, которому онъ былъ особенно преданъ, и сужденія котораго о всѣхъ предметахъ принималъ за неопровержимыя истины.

Къ женщинамъ же, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на помѣху во всѣхъ нужныхъ дѣлахъ, онъ питалъ непреодолимое презрѣніе. Но Маслову онъ жалѣлъ и былъ съ ней ла-

сковъ, видя въ ней образецъ эксплуатаціи низшаго класса высшимъ. По этой же причинѣ онъ не любилъ Нехлюдова, былъ неразговорчивъ съ нимъ и не сжималъ его руки, а только предоставлялъ къ пожатію свою вытянутую руку, когда Нехлюдовъ здоровался съ нимъ.

XIII.

Печка истопилась, согрѣлась, чай былъ заваренъ и разлитъ по стаканамъ и кружкамъ и забѣленъ молокомъ, были выложены баранки, свѣжій ситный и пшеничный хлѣбъ, крутыя яйца, масло и телячья голова и ножки. Всѣ подвинулись къ мѣсту на нарахъ, замѣняющему столъ, пили, ѣли и разговаривали. Ранцева сидѣла на ящикѣ, разливая чай. Вокругъ нея столпились всѣ остальные, кромѣ Крыльцова, который, снявъ мокрый полушубокъ и завернувшись въ сухой плэдъ, лежалъ на своемъ мѣстѣ и разговаривалъ съ Нехлюдовымъ.

Послѣ холода, сырости во время перехода, послѣ грязи и неурядицы, которую они нашли здѣсь, послѣ трудовъ, положенныхъ на то, чтобы привести все въ порядокъ, послѣ принятія пищи и горячаго чая, — всѣ были въ самомъ пріятномъ, радостномъ настроеніи.

То, что за стѣной слышался топотъ, крики и ругательства уголовныхъ, какъ бы напоминая о томъ, что̀ окружало ихъ, еще усиливало чувство уютности. Какъ на островкѣ среди моря, люди эти чувствовали себя на время не залитыми тѣми униженіями и страданіями, которыя окружали ихъ и, вслѣдствіе этого, находились въ приподнятомъ, возбужденномъ состояніи. Говорили обо всемъ, но только не о своемъ положеніи и о томъ, что̀ ожидало ихъ. Кромѣ того, какъ это всегда бываетъ между молодыми мужчинами и женщинами, въ особенности, когда они насильно соединены, какъ были соединены всѣ эти люди, между ними возникли согласныя и несогласныя, различно перепутающіяся влеченія другъ къ другу. Они почти всѣ были влюблены. Новодворовъ былъ влюбленъ въ хорошенькую, улыбающуюся

Грабецъ. Грабецъ эта была молоденькая курсистка, очень мало думавшая и совершенно равнодушная къ вопросамъ революціи. Но она подчинилась вліянію времени, чѣмъ-то компрометировала себя и была сослана. Какъ на волѣ, главные интересы ея жизни состояли въ успѣхахъ у мужчинъ, такъ точно это продолжало быть и на допросахъ, и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ. Теперь, во время перехода, она утѣшалась тѣмъ, что Новодворовъ увлекся ею, и сама влюбилась въ него. Вѣра Ефремовна, очень влюбчивая и не возбуждающая къ себѣ любви, но всегда надѣющаяся на взаимность, была влюблена то въ Набатова, то въ Новодворова. Что-то похожее на влюбленье было со стороны Крыльцова къ Марьѣ Павловнѣ. Онъ любилъ ее, какъ мужчины любятъ женщинъ, но, зная ея отношеніе къ любви, искусно скрывалъ свое чувство подъ видомъ дружбы и благодарности за то, что она съ особенной нѣжностью ухаживала за нимъ. Набатовъ и Ранцева были связаны очень сложными любовными отношеніями. Какъ Марья Павловна была вполнѣ цѣломудренная дѣвственница, такъ Ранцева была вполнѣ цѣломудренная мужняя жена — женщина.

Шестнадцати лѣтъ, еще въ гимназіи, она полюбила Ранцева, студента петербургскаго университета, и, 19-ти лѣтъ, вышла за него замужъ, пока еще онъ былъ въ университетѣ. Съ четвертаго курса, мужъ ея, замѣшанный въ университетской исторіи, былъ высланъ изъ Петербурга и сдѣлался революціонеромъ. Она же оставила медицинскіе курсы, которые слушала, поѣхала за нимъ и тоже сдѣлалась революціонеркой. Если бы ея мужъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго она считала самымъ хорошимъ, самымъ умнымъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, она бы не полюбила его, а не полюбивъ, не вышла бы замужъ. Но разъ полюбивъ и выйдя замужъ за самаго, по ея мнѣнію, хорошаго и умнаго человѣка на свѣтѣ, она, естественно, понимала жизнь и цѣль ея точно такъ же, какъ понималъ ее самый лучшій и умный человѣкъ на свѣтѣ. Онъ сначала понималъ жизнь въ томъ, чтобы учиться, и она въ томъ же понимала жизнь. Онъ

сдѣлался революціонеромъ, и она стала революціонеркой. Она очень хорошо могла доказывать, что существующій порядокъ невозможенъ, и что обязанность всякаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ этимъ порядкомъ и пытаться установить тотъ и политическій, и экономическій строй жизни, при которомъ личность могла бы свободно развиваться, и тому подобное. И ей казалось, что она дѣйствительно такъ думаетъ и чувствуетъ, но въ сущности она думала только то, что все то, что̀ думаетъ мужъ, истинная правда, и искала только одного — полнаго согласія, слiянія съ душой мужа, что̀ одно давало ей нравственное удовлетвореніе.

Разлука съ мужемъ и ребенкомъ, котораго взяла ея мать, была ей тяжела. Но она переносила эту разлуку твердо и спокойно, зная, что несетъ она это для мужа и для того дѣла, которое несомнѣнно истинно, потому что онъ служитъ ему. Она всегда была мыслями съ мужемъ и, какъ прежде никого не любила, такъ и теперь не могла любить никого, кромѣ своего мужа. Но преданная и чистая любовь къ ней Набатова трогала и волновала ее. Онъ, нравственный и твердый человѣкъ, другъ ея мужа, старался обращаться съ ней, какъ съ сестрой, но въ отношеніяхъ его къ ней проскальзывало нѣчто большее, и это нѣчто большее пугало ихъ обоихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, украшало теперь ихъ трудную жизнь.

Такъ что вполнѣ свободными отъ влюбленія были въ этомъ кружкѣ только Марья Павловна и Кондратьевъ.

XIV.

Расчитывая поговорить отдѣльно съ Катюшей, какъ онъ дѣлалъ это обыкновенно, послѣ общаго чая и ужина, Нехлюдовъ сидѣлъ подлѣ Крыльцова, бесѣдуя съ нимъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ ему про обращеніе къ нему Макара и про исторію его преступленія. Крыльцовъ слушалъ внимательно, остановивъ блестящій взглядъ на лицѣ Нехлюдова.

— Да, — сказалъ онъ вдругъ, — меня часто занимаетъ мысль, что вотъ мы идемъ вмѣстѣ, рядомъ съ ними, съ кѣмъ „съ ними?“ — Съ тѣми самыми людьми, за которыхъ мы и идемъ. А между тѣмъ, мы не только не знаемъ, но и не хотимъ знать ихъ. А они хуже этого, — ненавидятъ насъ и считаютъ своими врагами. Вотъ это ужасно.

— Ничего нѣтъ ужаснаго, — сказалъ Новодворовъ, прислушивавшійся къ разговору. — Массы всегда обожаютъ только власть, — сказалъ онъ своимъ трещащимъ голосомъ. — Правительство властвуетъ, — они обожаютъ его и ненавидятъ насъ; завтра мы будемъ во власти, — они будутъ обожать насъ...

Въ это время изъ-за стѣны послышался взрывъ брани, толкотня ударяющихся въ стѣну, звонъ цѣпей, визгъ и крики. Кого-то били, кто-то кричалъ: „караулъ“.

— Вотъ они, звѣри! Какое же можетъ быть общеніе между нами и ими? — спокойно сказалъ Новодворовъ.

— Ты говоришь звѣри? А вотъ сейчасъ Нехлюдовъ разсказывалъ о такомъ поступкѣ, — раздражительно сказалъ Крыльцовъ и разсказалъ про то, какъ Макаръ рискуетъ жизнью, спасая земляка. — Это-то уже не звѣрство, а подвигъ.

— Сентиментальность! — иронически сказалъ Новодворовъ. — Намъ трудно понять эмоціи этихъ людей и мотивы ихъ поступковъ. Ты видишь тутъ великодушіе, а тутъ можетъ быть зависть къ тому каторжнику.

— Какъ это ты не хочешь въ другомъ видѣть ничего хорошаго, — вдругъ, разгорячившись, сказала Марья Павловна (она была на ты со всѣми).

— Нельзя видѣть, чего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, когда человѣкъ рискуетъ ужасной смертью.

— Я думаю, — сказалъ Новодворовъ, — что если мы хотимъ дѣлать свое дѣло, то первое для этого условіе (Кондратьевъ оставилъ книгу, которую онъ читалъ у лампы, и внимательно сталъ слушать своего учителя) — то, чтобы не

фантазировать, а смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть. Дѣлать все для массъ народа, а не ждать ничего отъ нихъ. Массы составляютъ объектъ нашей дѣятельности, но не могутъ быть нашими сотрудниками до тѣхъ поръ, пока онѣ инертны, какъ теперь, — началъ онъ, какъ будто читалъ лекцію. — И потому совершенно иллюзорно ожидать отъ нихъ помощи до тѣхъ поръ, пока не произошелъ процессъ развитія, — тотъ процессъ развитія, къ которому мы приготовляемъ ихъ.

— Какой процессъ развитія? — раскраснѣвшись, заговорилъ Крыльцовъ. — Мы говоримъ, что мы противъ произвола и деспотизма, а развѣ что не самый ужасный деспотизмъ?

— Нѣтъ никакого деспотизма, — спокойно отвѣчалъ Новодворовъ. — Я только говорю, что знаю тотъ путь, по которому долженъ идти народъ, и могу указывать этотъ путь.

— Но почему ты увѣренъ, что путь, который ты указываешь, истинный? Развѣ это не деспотизмъ, изъ котораго вытекали инквизиціи и казни большой революціи? Опи тоже знали по наукѣ единый истинный путь.

— То, что они заблуждались, не доказываетъ того, чтобы я заблуждался. И потомъ, большая разница между бреднями идеологовъ и данными положительной экономической науки.

Голосъ Новодворова наполнялъ всю камеру. Онъ одинъ говорилъ, а всѣ молчали.

— Всегда спорятъ, — сказала Марья Павловна, когда онъ на минуту затихъ.

— А вы сами-то какъ объ этомъ думаете? — спросилъ Нехлюдовъ Марью Павловну

— Думаю, что Анатолій правъ, что нельзя навязывать народу наши взгляды.

— Ну, а вы, Катюша? — улыбаясь спросилъ Нехлюдовъ, съ робостью о томъ, что она скажетъ что-нибудь не то, ожидая ея отвѣта.

— Я думаю, обиженъ простой народъ, — сказала она, вся вспыхнувъ, — очень ужъ обиженъ простой народъ.

— Вѣрно, Михайловна, вѣрно, — крикнулъ Набатовъ. — Дюже обиженъ народъ. Надо, чтобы не обижали его. Въ этомъ и все наше дѣло.

— Странное представленіе о задачахъ революціи, — сказалъ Новодворовъ и молча сердито сталъ курить.

— Не могу съ нимъ говорить, — шопотомъ сказалъ Крыльцовъ и замолчалъ.

— И гораздо лучше не говорить, — сказалъ Нехлюдовъ.

XV.

Несмотря на то, что Новодворовъ былъ очень уважаемъ всѣми революціонерами, несмотря на то, что онъ былъ очень ученъ и считался очень умнымъ, Нехлюдовъ причислялъ его къ тѣмъ революціонерамъ, которые, будучи по нравственнымъ своимъ качествамъ ниже средняго уровня, были гораздо ниже его. Умственныя силы этого человѣка — его числитель — были большія; но мнѣніе его о себѣ — его знаменатель — было несоизмѣримо огромное и давно уже переросло его умственныя силы.

Это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго склада духовной жизни, чѣмъ Симонсонъ. Симонсонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, преимущественно мужского склада, у которыхъ поступки вытекаютъ изъ дѣятельности мысли и опредѣляются ею. Новодворовъ же принадлежалъ къ разряду людей, преимущественно женскаго склада, у которыхъ дѣятельность мысли направлена отчасти на достиженіе цѣлей, поставленныхъ чувствомъ, отчасти же на оправданіе поступковъ, вызванныхъ чувствомъ.

Вся революціонная дѣятельность Новодворова, несмотря на то, что онъ умѣлъ краснорѣчиво объяснять ее очень убѣдительными доводами, представлялась Нехлюдову основанной только на тщеславіи, желаніи первенствовать передъ людьми. Сначала, благодаря своей способности усвоивать чужія мысли и точно передавать ихъ, онъ въ періодъ ученія,

въ средѣ учащихъ и учащихся, гдѣ эта способность высоко цѣнится — гимназія, университетъ и магистерство — имѣлъ первенство, и онъ былъ удовлетворенъ. Но когда онъ получилъ дипломъ и перестало учиться, и первенство это прекратилось, онъ вдругъ, какъ это разсказывалъ Нехлюдову Крыльцовъ, не любившій Новодворова, для того, чтобы получить первенство въ новой сферѣ, совершенно перемѣнилъ свои взгляды и изъ постепеновца-либерала сдѣлался краснымъ народовольцемъ. Благодаря отсутствію въ его характерѣ свойствъ нравственныхъ и эстетическихъ, которыя вызываютъ сомнѣнія и колебанія, онъ очень скоро занялъ въ революціонномъ мірѣ удовлетворявшее его самолюбіе положеніе руководителя партіи. Разъ избравъ направленіе, онъ уже никогда не сомнѣвался и не колебался и потому былъ увѣренъ, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомнѣнно. И, при узости и односторонности его взгляда, все дѣйствительно было очень просто и ясно, и нужно было только, какъ онъ говорилъ, быть логичнымъ. Самоувѣренность его была такъ велика, что она могла только отталкивать отъ себя людей или подчинять себѣ. А такъ какъ дѣятельность его происходила среди очень молодыхъ людей, принимавшихъ его безграничную самоувѣренность за глубокомысліе и мудрость, то большинство подчинялось ему, и онъ имѣлъ большой успѣхъ въ революціонныхъ кругахъ. Дѣятельность его состояла въ подготовленіи къ возстанію, въ которомъ онъ долженъ былъ захватить власть и созвать соборъ. На соборѣ же должна была быть предложена составленная имъ программа. И онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что программа эта исчерпывала всѣ вопросы, и нельзя было не исполнить ее.

Товарищи уважали его за его смѣлость и рѣшительность, но не любили. Онъ же никого не любилъ и ко всѣмъ выдающимся людямъ относился, какъ къ соперникамъ, и охотно поступилъ бы съ ними, какъ старые самцы обезьяны поступаютъ съ молодыми, если бы могъ. Онъ вырвалъ бы весь умъ, всѣ способности у другихъ людей, только бы они

не мѣшали проявленію его способностей. Онъ относился хорошо только къ людямъ, преклонявшимся передъ нимъ. Такъ онъ относился теперь, на пути, къ опропагандированному имъ рабочему Кондратьеву, къ Вѣрѣ Ефремовнѣ и къ хорошенькой Грабецъ, которыя обѣ были влюблены въ него. Хотя онъ принципіально и былъ за женскій вопросъ, но въ глубинѣ души считалъ всѣхъ женщинъ глупыми и ничтожными, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ часто бывалъ сентиментально влюбленъ такъ, какъ теперь былъ влюбленъ въ Грабецъ, и тогда считалъ ихъ необычайными женщинами, достоинства которыхъ умѣлъ замѣтить только онъ.

Вопросъ объ отношеніяхъ половъ казался ему, какъ и всѣ вопросы, очень простымъ и яснымъ, и вполнѣ разрѣшеннымъ признаніемъ свободной любви.

У него была одна жена фиктивная, другая настоящая, съ которой онъ разошелся, убѣдившись, что между ними нѣтъ истинной любви, и теперь намѣревался вступить въ новый свободный бракъ съ Грабецъ.

Нехлюдова онъ презиралъ за то, что онъ „кривляется", какъ онъ говорилъ, съ Масловой и, въ особенности, за то, что онъ позволяетъ себѣ думать о недостаткахъ существующаго устройства и средствахъ исправленія его, не только не слово въ слово такъ же, какъ думалъ онъ, Новодворовъ, но даже какъ-то по-своему, по-княжески, т. е. по-дурацки. Нехлюдовъ зналъ это отношеніе къ себѣ Новодворова и къ огорченію своему, чувствовалъ, что, несмотря на то благодушное настроеніе, въ которомъ онъ находился во время путешествія, платитъ ему тою же монетою и никакъ не можетъ побороть сильнѣйшей антипатіи къ этому человѣку.

XVI.

Въ сосѣдней камерѣ послышались голоса начальства. Все затихло, и вслѣдъ за этимъ вошелъ старшо́й съ двумя конвойными. Это была повѣрка. Старшо́й счелъ всѣхъ, указывая на каждаго пальцемъ. Когда дошла очередь до Нехлюдова, онъ сказалъ ему фамильярно:

— Теперь, князь, ужъ нельзя оставаться послѣ повѣрки. Надо уходить.

Нехлюдовъ, зная, что̀ это значитъ, подошелъ къ нему и сунулъ ему приготовленные три рубля.

— Ну, что же съ вами дѣлать. Посидите еще. — Старшо̀й хотѣлъ уходить, когда вошелъ другой унтеръ-офицеръ и вслѣдъ за нимъ высокій, худой арестантъ съ подбитымъ глазомъ и рѣдкой бородкой.

— Я насчетъ дѣвчонки, — сказалъ арестантъ.

— А вотъ и батя пришелъ, — послышался вдругъ звонкій дѣтскій голосокъ, и бѣловолосая головка поднялась изъ-за Ранцевой, которая, вмѣстѣ съ Марьей Павловной и Катюшей, шила дѣвочкѣ новую одежду изъ пожертованной Ранцевой юбки.

— Я, дочка, я, — ласково сказалъ Бузовкинъ.

— Ей тутъ хорошо, — сказала Марья Павловна, съ страданіемъ вглядываясь въ разбитое лицо Бузовкина. — Оставьте ее у насъ.

— Барыни мнѣ новую лопоть *) шьютъ, — сказала дѣвочка, указывая отцу на работу Ранцевой. — Хорошая, кра-асная — лопотала она.

— Хочешь у насъ ночевать? — сказала Ранцева, лаская дѣвочку.

— Хочу. И батю.

Ранцева просіяла своей улыбкой.

— Батю нельзя, — сказала она. — Такъ оставьте ее, — обратилась она къ отцу.

— Пожалуй, оставьте, — проговорилъ старшо̀й, остановившись въ дверяхъ, и вышелъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ.

Какъ только конвойные вышли, Набатовъ подошелъ къ Бузовкину и, потрагивая его по плечу, сказалъ:

— А что, братъ, правда, у васъ Кармановъ смѣняться хочетъ?

---

*) Лопоть по-сибирски одежда.

Добродушное, ласковое лицо Бузовкина вдругъ стало грустнымъ, и глаза его застлались какой-то пленкой.

— Мы не слыхали. Врядъ ли, — сказалъ онъ и, не снимая съ глазъ своихъ пленки, прибавилъ: — ну, Аксютка, царствуй, видно, съ барынями, — и поспѣшилъ выйти.

— Все знаетъ, и правда, что смѣнились, — сказалъ Набатовъ. — Что же вы сдѣлаете?

— Скажу въ городѣ начальству. Я ихъ обоихъ знаю въ лицо, — отвѣтилъ Нехлюдовъ.

Всѣ молчали, очевидно боясь возобновленія спора.

Симонсонъ, все время молча, закинувъ руки за голову, лежавшій въ углу на нарахъ, рѣшительно приподнялся и, обойдя осторожно сидѣвшихъ, подошелъ къ Нехлюдову.

— Можете теперь выслушать меня?

— Разумѣется, — сказалъ Нехлюдовъ и всталъ, чтобы идти за нимъ.

Взглянувъ на поднявшагося Нехлюдова и встрѣтившись съ нимъ глазами, Катюша покраснѣла и какъ бы недоумѣвающе покачала головой.

— Дѣло мое къ вамъ въ слѣдующемъ, — началъ Симонсонъ, когда они вмѣстѣ съ Нехлюдовымъ вышли въ корридоръ. Въ корридорѣ было особенно слышно гудѣнье и взрывы голосовъ среди уголовныхъ. Нехлюдовъ поморщился, но Симонсонъ, очевидно, не смущался этимъ.

— Зная ваше отношеніе къ Катеринѣ Михайловнѣ, — началъ онъ, внимательно и прямо своими добрыми глазами глядя въ лицо Нехлюдова, — считаю себя обязаннымъ . . . — продолжалъ онъ, но долженъ былъ остановиться, потому что у самой двери два голоса кричали въ разъ, о чемъ то споря.

— Говорятъ тебѣ, идолъ: не мои, — кричалъ одинъ голосъ.

— Подавись, чертъ, — хрипѣлъ другой.

Въ это время Марья Павловна вышла въ корридоръ.

— Развѣ можно тутъ разговаривать, — сказала она, — пройдите сюда, тамъ одна Вѣрочка. И она впередъ прошла

въ сосѣднюю дверь крошечной, очевидно, одиночной камеры, отданной теперь въ распоряженіе политическихъ женщинъ. На нарахъ, укрывшись съ головой, лежала Вѣра Ефремовна.

— У нея мигрень, она спитъ и не слышитъ, а я уйду, — сказала Марья Павловна.

— Напротивъ, оставайся, — сказалъ Симонсонъ, — у меня секретовъ нѣтъ ни отъ кого, тѣмъ болѣе отъ тебя.

— Ну хорошо, — сказала Марья Павловна и, по-дѣтски двигаясь всѣмъ тѣломъ со стороны въ сторону и этимъ движеніемъ глубже усаживаясь на нарахъ, приготовилась слушать, глядя куда-то вдаль своими красивыми бараньими глазами.

— Такъ дѣло мое въ томъ, — повторилъ Симонсонъ, — что, зная ваше отношеніе къ Катеринѣ Михайловнѣ, я считаю себя обязаннымъ объявить вамъ мое отношеніе къ ней.

— То-есть что же? — спросилъ Нехлюдовъ, невольно любуясь той простотой и правдивостью, съ которой Симонсонъ говорилъ съ нимъ.

— То, что я хотѣлъ бы жениться на Катеринѣ Михайловнѣ . . .

— Удивительно, — сказала Марья Павловна, остановивъ глаза на Симонсонѣ.

— . . . и рѣшилъ просить ее объ этомъ, чтобы быть моей женой, — продолжалъ Симонсонъ.

— Что̀ же я могу? Это зависитъ отъ нея, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да, но она не рѣшитъ этого вопроса безъ васъ.

— Почему?

— Потому что, пока вопросъ вашихъ съ нею отношеній не рѣшенъ окончательно, она не можетъ ничего избрать.

— Съ моей стороны вопросъ рѣшенъ окончательно. Я желалъ сдѣлать то, что̀ считаю должнымъ, и кромѣ того, облегчить ея положеніе, но ни въ какомъ случаѣ не желаю стѣснять ее.

— Да, но она не хочетъ вашей жертвы.

— Никакой жертвы нѣтъ.

— И я знаю, что это рѣшеніе ея безповоротно.

— Ну такъ о чемъ же говорить со мной? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ей нужно, чтобы и вы признали то-же.

— Какъ же я могу признать, что я не долженъ сдѣлать то, что̀ считаю должнымъ. Одно, что̀ я могу сказать, это то, что я несвободенъ, но она свободна.

Симонсонъ помолчалъ, задумавшись.

— Хорошо, я такъ и скажу ей. Вы не думайте, что я влюбленъ въ нее, — продолжалъ онъ. — Я люблю ее, какъ прекраснаго, рѣдкаго, много страдавшаго человѣка. Мнѣ отъ нея ничего не нужно, но страшно хочется помочь ей, облегчить ея поло . . .

Нехлюдовъ удивился, услыхавъ дрожаніе голоса Симонсона.

— . . . облегчить ея положеніе, — продолжалъ Симонсонъ. — Если она не хочетъ принять вашей помощи, пусть она приметъ мою. Если бы она согласилась, я бы просилъ, чтобы меня сослали въ ея мѣсто заключенія. Четыре года не вѣчность. Я бы прожилъ подлѣ нея и, можетъ быть, облегчилъ бы ея участь . . . — опять онъ остановился отъ волненія.

— Что же я могу сказать? — сказалъ Нехлюдовъ. — Я радъ, что она нашла такого покровителя, какъ вы . . .

— Вотъ это то мнѣ и нужно было узнать, — продолжалъ Симонсонъ. — Я желалъ знать, любя ее, желая ей блага, нашли ли бы вы благомъ ея бракъ со мной?

— О да, — рѣшительно сказалъ Нехлюдовъ.

— Все дѣло въ ней, мнѣ нужно только, чтобы эта пострадавшая душа отдохнула, — сказалъ Симонсонъ, глядя на Нехлюдова съ такой дѣтской нѣжностью, какую никакъ нельзя было ожидать отъ этого мрачнаго вида человѣка.

Симонсонъ всталъ и, взявъ за руку Нехлюдова, потя-

нулся къ нему лицомъ, застѣнчиво улыбнулся и поцѣловалъ его.

— Такъ я такъ и скажу ей, — сказалъ онъ и вышелъ.

XVII.

— А, каково? — сказала Марья Павловна. — Влюбленъ, совсѣмъ влюбленъ. Вотъ ужъ чего никогда не ожидала бы, чтобъ Владиміръ Симонсонъ влюбился такимъ самымъ глупымъ мальчишескимъ влюбленіемъ. Удивительно! И, по правдѣ скажу, огорчительно, — заключила она, вздохнувъ.

— Но она, Катя? Какъ, вы думаете, относится она къ этому? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Она? — Марья Павловна остановилась, очевидно желая какъ можно точнѣе отвѣтить на вопросъ. — Она? Видите ли, она, несмотря на ея прошедшее, по природѣ одна изъ самыхъ нравственныхъ натуръ ... и такъ тонко чувствуетъ ... Она любитъ васъ — хорошо любитъ и счастлива тѣмъ, что можетъ сдѣлать вамъ хоть то отрицательное добро, чтобы не запутать васъ собой. Для нея замужество съ вами было бы страшнымъ паденіемъ, хуже всего прежняго, и потому она никогда не согласится на это. А вмѣстѣ съ тѣмъ ваше присутствіе тревожитъ ее.

— Такъ что же, исчезнуть мнѣ? — сказалъ Нехлюдовъ.

Марья Павловна улыбнулась своей милой, дѣтской улыбкой.

— Да, отчасти.

— Какъ же исчезнуть отчасти?

— Я соврала, но про нее — то я хотѣла вамъ сказать, что, вѣроятно, она видитъ нелѣпость его какой-то восторженной любви (онъ ничего не говорилъ ей) и польщена ею и боится ея. Вы знаете, я не компетентна въ этихъ дѣлахъ, но мнѣ кажется, что съ его стороны самое обыкновенное, мужское чувство, хотя и замаскированное. Онъ говоритъ, что эта любовь возвышаетъ въ немъ энергію, и что эта любовь — платоническая. Но я-то знаю, что если это ис-

ключительная любовь, то въ основѣ ея лежитъ непремѣнно все-таки гадость . . . какъ у Новодворова съ Любочкой.

Марья Павловна отвлеклась отъ вопроса, разговорившись на свою любимую тему.

— Но что же мнѣ дѣлать? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Я думаю, что надо вамъ сказать ей. Всегда лучше, чтобы было все ясно. Поговорите съ ней, я позову ее. Хотите? — сказала Марья Павловна.

— Пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ, и Марья Павловна вышла.

Странное чувство овладѣло Нехлюдовымъ, когда онъ остался одинъ въ маленькой камерѣ, слушая тихое дыханіе, прерываемое изрѣдка стонами Вѣры Ефремовны, и гулъ уголовныхъ, не переставая раздававшійся за двумя дверями.

То, что̀ сказалъ ему Симонсонъ, давало ему освобожденіе отъ взятаго на себя обязательства, которое въ минуты слабости казалось ему тяжелымъ и страшнымъ, а между тѣмъ ему было что-то не только непріятно, но и больно. Въ чувствѣ этомъ было и то, что предложеніе Симонсона разрушало исключительность его поступка, уменьшало въ глазахъ его и чужихъ людей цѣну жертвы, которую онъ приносилъ: если человѣкъ, и такой хорошій, ничѣмъ не связанный съ ней, желалъ соединить съ ней судьбу, то его жертва уже не была такъ значительна. Было то же, можетъ быть, простое чувство ревности: онъ такъ привыкъ къ ея любви къ себѣ, что не могъ допустить, чтобы она могла полюбить другого. Было тутъ и разрушеніе разъ составленнаго плана — жить при ней, пока она будетъ отбывать наказаніе. Если бы она вышла за Симонсона, присутствіе его становилось не нужно, и ему нужно было составлять новый планъ жизни.

Онъ не успѣлъ разобраться въ своихъ чувствахъ, какъ въ отворенную дверь ворвался усиленный звукъ гула уголовныхъ (у нихъ нынче было что-то особенное), и въ камеру вошла Катюша.

Она подошла къ нему быстрыми шагами,

— Марья Павловна послала меня, — сказала она, останавливаясь близко подлѣ него.

— Да, мнѣ нужно поговорить. Да присядьте. Владиміръ Ивановичъ говорилъ со мной.

Она сѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, и казалась спокойною, но какъ только Нехлюдовъ произнесъ имя Симонсона, она багрово покраснѣла.

— Что же онъ вамъ говорилъ? — спросила она.

— Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ жениться на васъ.

Лицо ея вдругъ сморщилось, выражая страданіе; но она ничего не сказала и только опустила глаза.

— Онъ спрашивалъ моего согласія или совѣта. Я сказалъ, что все зависитъ отъ васъ, — что вы должны рѣшить.

— Ахъ, что это? Зачѣмъ? — проговорила она и тѣмъ страннымъ, всегда особенно сильно дѣйствующимъ на Нехлюдова косящимъ взглядомъ посмотрѣла ему въ глаза. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли въ глаза другъ другу. И взглядъ этотъ многое сказалъ и тому, и другому.

— Вы должны рѣшить, — повторилъ Нехлюдовъ.

— Что мнѣ рѣшать? — сказала она. — Все давно рѣшено.

— Нѣтъ, вы должны рѣшить, принимаете ли вы предложеніе Владиміра Ивановича, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Какая я жена — каторжная. Зачѣмъ мнѣ погубить еще и Владиміра Ивановича? — сказала она, нахмурившись.

— Да, но еслибы вышло помилованіе? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Ахъ, оставьте меня. Больше нечего говорить, — сказала она и, вставъ, вышла изъ камеры.

XVIII.

Когда Нехлюдовъ вернулся вслѣдъ за Катюшей въ мужскую камеру, тамъ всѣ были въ волненіи. Набатовъ, вездѣ ходившій, со всѣми входившій въ сношенія, все наблюдавшій, принесъ поразившее всѣхъ извѣстіе. Извѣстіе состояло въ томъ, что онъ на стѣнѣ нашелъ записку, написанную

революціонеромъ Петлинымъ, приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ. Всѣ полагали, что Петлинъ уже давно на Карѣ, и вдругъ оказывалось, что онъ только недавно прошелъ по этому же пути одинъ съ уголовными.

„17-го августа“, значилось въ запискѣ, „я отправленъ одинъ съ уголовными. Невѣровъ былъ со мной и повѣсился въ Казани, въ сумасшедшемъ домѣ. Я здоровъ и бодръ и надѣюсь на все хорошее.“

Всѣ обсуждали положеніе Петлина и причины самоубійства Невѣрова. Крыльцовъ же съ сосредоточеннымъ видомъ молчалъ, глядя передъ собой остановившимися, блестящими глазами.

— Мнѣ мужъ говорилъ, что Невѣровъ видѣлъ привидѣніе еще въ Петропавловскѣ, — сказала Ранцева.

— Да, поэтъ, фантазеръ, такіе люди не выдерживаютъ одиночки, — сказалъ Новодворовъ, — я, вотъ, когда попадалъ въ одиночку, не позволялъ воображенію работать, а самымъ систематическимъ образомъ распредѣлялъ свое время. Отъ этого всегда и переносилъ хорошо.

— Чего не переносишь? Я — такъ часто просто радъ бывалъ, когда посадятъ, — сказалъ Набатовъ бодрымъ голосомъ, очевидно, желая разогнать мрачное настроеніе, — то всего боишься: и что самъ попадешься, и другихъ запутаешь, и дѣло испортишь; а какъ посадятъ — конецъ отвѣтственности: отдохнуть можно. Сиди себѣ да покуривай.

— Ты его близко зналъ? — спросила Марья Павловна, безпокойно взглядывая на вдругъ измѣнившееся, осунувшееся лицо Крыльцова.

— Невѣровъ фантазеръ? — заговорилъ вдругъ Крыльцовъ, задыхаясь, точно онъ долго кричалъ или пѣлъ, — Невѣровъ — это былъ такой человѣкъ, которыхъ, какъ нашъ швейцаръ говорилъ, мало земля родитъ. Да ... это былъ весь хрустальный человѣкъ, всего насквозь видно. Да ... онъ не то, что солгать, — не могъ притворяться. Не то, что тонкокожій, онъ точно весь былъ ободранный, и всѣ нервы наружу. Да ... сложная, богатая натура, не

такая ... Ну, да что говорить! ... — онъ помолчалъ. — Мы споримъ, что̀ лучше, — злобно, хмурясь, сказалъ онъ, — прежде образовать народъ, а потомъ измѣнить формы жизни, или прежде измѣнить формы жизни, и потомъ — какъ бороться: мирной пропагандой, терроромъ? Споримъ, да. А они не спорятъ, они знаютъ свое дѣло, имъ совершенно все равно, погибнутъ, не погибнутъ десятки-сотни людей, да какихъ людей. Напротивъ, имъ именно нужно, чтобы погибли лучшіе. Да, Герценъ говорилъ, что, когда декабристовъ вынули изъ обращенія, понизили общій уровень. Еще бы не понизили! Потомъ вынули изъ обращенія самого Герцена и его сверстниковъ. Теперь Невѣровыхъ ...

— Всѣхъ не уничтожатъ, — своимъ бодрымъ голосомъ сказалъ Набатовъ. — Все на разводъ останутся.

— Нѣтъ, не останутся, коли мы будемъ жалѣть ихъ, — возвышая голосъ и не давая перебить себя, сказалъ Крыльцовъ. — Дай мнѣ папироску.

— Да вѣдь нехорошо тебѣ, Анатолій, — сказала Марья Павловна, — пожалуйста, не кури.

— Ахъ, оставь, — сердито сказалъ онъ и закурилъ, но тотчасъ же закашлялся; его стало тянуть, какъ бы на рвоту. Отплевавшись, онъ продолжалъ:

— Не то мы дѣлали, нѣтъ, не то. Не разсуждать, а всѣмъ сплотиться ... и уничтожать ихъ.

— Да вѣдь они тоже люди, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, это не люди — тѣ, которые могутъ дѣлать то, что̀ они дѣлаютъ ... Нѣтъ, вотъ говорятъ, бомбы выдумали и баллоны. Да, подняться на баллонѣ и посыпать ихъ, какъ клоповъ, бомбами, пока выведутся ... Да. Потому что ... — началъ было онъ, но, весь красный, вдругъ еще сильнѣе закашлялся, и кровь хлынула у него изо рта.

Набатовъ побѣжалъ за снѣгомъ. Марья Павловна достала валерьяновыя капли и предлагала ему, но онъ, закрывъ глаза, отталкивалъ ее бѣлой похудѣвшей рукой и тяжело и часто дышалъ. Когда снѣгъ и холодная вода

немного успокоили его, и его уложили на ночь, Нехлюдовъ простился со всѣми и, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ, пришедшимъ за нимъ и уже давно дожидавшимся его, пошелъ къ выходу.

Уголовные теперь затихли, и большинство спало. Несмотря на то, что въ камерахъ лежали и на нарахъ, и подъ нарами, и въ проходахъ, они всѣ не могли помѣститься, и часть ихъ лежала на полу въ корридорѣ, положивъ головы на мѣшки и укрываясь сырыми халатами. Изъ дверей камеръ и въ корридорѣ слышались храпъ, стоны и сонный говоръ. Вездѣ виднѣлись сплошныя кучки человѣческихъ фигуръ, укрытыхъ халатами. Не спали только въ холостой уголовной нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ въ углу около огарка, который они потушили, увидавъ солдата, и еще въ корридорѣ, подъ лампой, старикъ; онъ сидѣлъ голый и обиралъ насѣкомыхъ съ рубахи. Зараженный воздухъ помѣщенія политическихъ казался чистымъ въ сравненіи съ вонючей духотой, которая была здѣсь. Коптящая лампа, казалось, виднѣлась какъ бы сквозь туманъ, и дышать было трудно. Для того, чтобы пройти по корридору, не наступивъ или не зацѣпивъ ногою кого-нибудь изъ спящихъ, надо было высматривать впередъ пустое мѣсто и, поставивъ на него ногу, отыскивать мѣсто для слѣдующаго шага. Три человѣка, очевидно не нашедшіе мѣста и въ корридорѣ, расположились въ сѣняхъ, подъ самой вонючей и текущей по швамъ кадкой-парашей. Одинъ изъ этихъ людей былъ дурачокъ-старикъ, котораго Нехлюдовъ часто видалъ на переходахъ. Другой былъ мальчикъ лѣтъ десяти; онъ лежалъ между двумя арестантами и, подложивъ руку подъ щеку, спалъ на ногѣ одного изъ нихъ.

Выйдя изъ воротъ, Нехлюдовъ остановился и, во всѣ легкія растягивая грудь, долго усиленно дышалъ морознымъ воздухомъ.

XIX.

На дворѣ вызвѣздило. Вернувшись по закованной, только еще кое-гдѣ просовывающейся грязи на свой постоялый дворъ, Нехлюдовъ постучалъ въ темное окно, и широкоплечій работникъ босикомъ отворилъ ему дверь и впустилъ въ сѣни. Изъ сѣней направо слышался громкій храпъ извозчиковъ въ черной избѣ; впереди за дверью, на дворѣ, слышалось жеванье овса большого количества лошадей. Налѣво вела дверь въ чистую горницу. Въ чистой горницѣ пахло полынью и пòтомъ, и слышался изъ-за перегородки равномѣрный, прихлебывающій храпъ чьихъ то могучихъ легкихъ, и горѣла въ красномъ стеклѣ лампадка передъ иконами. Нехлюдовъ раздѣлся, постелилъ на клеенчатый диванъ плэдъ, свою кожаную подушку и легъ, перебирая въ своемъ воображеніи все, чтò онъ видѣлъ и слышалъ за нынѣшній день. Изъ всего того, чтò видѣлъ нынче Нехлюдовъ, самымъ ужаснымъ ему показался мальчикъ, спавшій на жижѣ, вытекавшей изъ парахи, положивъ голòву на ногу арестанта.

Несмотря на неожиданность и важность разговора нынче вечеромъ съ Симонсономъ и Катюшей, онъ не останавливался на этомъ событіи: отношеніе его къ этому было слишкомъ сложно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неопредѣленно, и поэтому онъ отгонялъ отъ себя мысль объ этомъ. Но тѣмъ живѣе вспоминалъ онъ зрѣлище этихъ несчастныхъ, задыхавшихся въ удушливомъ воздухѣ и валявшихся на жидкости, вытекавшей изъ вонючей кадки, и, въ особенности, этого мальчика съ невиннымъ лицомъ, спавшаго на ногѣ каторжнаго, который не выходилъ у него изъ головы.

Знать, что гдѣ-то далеко одни люди мучаютъ другихъ, подвергая ихъ всякаго рода развращенію, безчеловѣчнымъ униженіямъ и страданіямъ, или впродолженіе трехъ мѣсяцевъ видѣть безпрестанно это развращеніе и мучительство однихъ людей другими — это совсѣмъ другое. И Нехлюдовъ испытывалъ это. Онъ не разъ впродолженіе этихъ трехъ

мѣсяцевъ спрашивалъ себя: „я ли сумасшедшій, что вижу то, чего другіе не видятъ, или сумасшедшіе тѣ, которые производятъ то, что̀ я вижу?“ Но люди (и ихъ было такъ много) производили то, что̀ его такъ удивляло и ужасало, съ такой спокойной увѣренностью въ томъ, что это не только такъ надо, но что то, что̀ они дѣлаютъ, очень важное и полезное дѣло, — что трудно было признать всѣхъ этихъ людей сумасшедшими; себя же сумасшедшимъ онъ не могъ признать, потому что сознавалъ ясность своей мысли. И потому постоянно находился въ недоумѣніи.

То, что̀ впродолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ видѣлъ Нехлюдовъ, представлялось ему въ слѣдующемъ видѣ: изъ всѣхъ живущихъ на волѣ людей посредствомъ суда и администраціи отбирались самые нервные, горячіе, возбудимые, даровитые и сильные, и менѣе, чѣмъ другіе, хитрые и осторожные люди, и люди эти, никакъ не болѣе виновные или опасные для общества, чѣмъ тѣ, которые оставались на волѣ, во-первыхъ, запирались въ тюрьмы, этапы, каторги, гдѣ и содержались мѣсяцами и годами въ полной праздности, матеріальной обезпеченности и въ удаленіи отъ природы, семьи, труда, т. е. внѣ всѣхъ условій естественной и нравственной жизни человѣческой. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, люди эти въ этихъ заведеніяхъ подвергались всякаго рода ненужнымъ униженіямъ — цѣпямъ, бритымъ головамъ, позорной одеждѣ, т. е. лишались главнаго двигателя доброй жизни слабыхъ людей — заботы о мнѣніи людскомъ, стыда, сознанія человѣческаго достоинства. Въ-третьихъ, подвергаясь постоянной опасности жизни, — не говоря уже объ исключительныхъ случаяхъ солнечныхъ ударовъ, утопленья, пожаровъ, отъ постоянныхъ въ мѣстахъ заключенія заразныхъ болѣзней, изнуренія, побоевъ, — люди эти постоянно находились въ томъ положеніи, при которомъ самый добрый, нравственный человѣкъ, изъ чувства самосохраненія, совершаетъ и извиняетъ другихъ въ совершеніи самыхъ ужасныхъ по жестокости поступковъ. Въ-четвертыхъ, люди эти насильственно соединялись съ исключительно развращенными

жизнью (и, въ особенности, этими же учрежденіями) развратниками, убійцами и злодѣями, которые дѣйствовали, какъ закваска на тѣсто, на всѣхъ еще не вполнѣ развращенныхъ употребленными средствами людей. И въ-пятыхъ, наконецъ, всѣмъ людямъ, подвергнутымъ этимъ воздѣйствіямъ, внушалось самымъ убѣдительнымъ способомъ, а именно: посредствомъ всякаго рода безчеловѣчныхъ поступковъ надъ ними самими — посредствомъ истязанія дѣтей, женщинъ, стариковъ, битья, сѣченія розгами, плетьми, выдаванія преміи тѣмъ, кто представитъ живымъ или мертвымъ убѣгавшаго бѣглаго, разлученія мужей съ женами и соединенія для сожительства чужихъ женъ съ чужими мужчинами, разстрѣлянія, вѣшанія, — внушалось самымъ убѣдительнымъ способомъ то, что всякаго рода насилія, жестокости, звѣрства не только не запрещаются, но разрѣшаются правительствомъ, когда это для него выгодно, а потому тѣмъ болѣе позволено тѣмъ, которые находятся въ неволѣ, нуждѣ и бѣдствіяхъ.

Все это были какъ будто нарочно выдуманныя учрежденія для произведенія сгущеннаго до послѣдней степени такого разврата и порока, котораго нельзя было достигнуть ни при какихъ другихъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ распространить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эти сгущенные пороки и развратъ среди всего народа. „Точно какъ будто была задана задача, какъ наилучшимъ, наивѣрнѣйшимъ способомъ развратить какъ можно больше людей“, думалъ Нехлюдовъ, вникая въ то, что̀ дѣлалось въ острогахъ и этапахъ. Сотни тысячъ людей ежегодно доводились до высшей степени развращенія и, когда они были вполнѣ развращены, ихъ выпускали на волю для того, чтобы они разносили усвоенное ими въ тюрьмахъ развращеніе среди всего народа.

Въ тюрьмахъ — Тюменской, Екатеринбургской, Томской, и на этапахъ Нехлюдовъ видѣлъ, какъ эта цѣль, которую, казалось, поставило себѣ общество, успѣшно достигалась. Люди — простые, обыкновенные, съ требованіями русской

общественной, крестьянской, христіанской нравственности, оставляли эти понятія и усвоивали новыя, острожныя, состоящія, главное, въ томъ, что всякое поруганіе, насиліе надъ человѣческою личностью, всякое уничтоженіе ея позволено, когда оно выгодно. Люди, пожившіе въ тюрьмѣ, всѣмъ существомъ своимъ узнавали, что, судя по тому, что происходитъ надъ ними, всѣ тѣ нравственные законы уваженія и сострадапія къ человѣку, которые проповѣдываются и церковными, и нравственными учителями, въ дѣйствительности отмѣнены, и что поэтому и имъ не слѣдуетъ держаться ихъ. Нехлюдовъ видѣлъ это на всѣхъ знакомыхъ ему арестантахъ: на Ѳедоровѣ, на Макарѣ и даже на Тарасѣ, который, проведя два мѣсяца на этапахъ, поразилъ Нехлюдова безнравственностью своихъ сужденій. Дорогой Нехлюдовъ узналъ, какъ бродяги, убѣгая въ тайгу, подговариваютъ съ собой товарищей и потомъ, убивая ихъ, питаются ихъ мясомъ. Онъ видѣлъ живого человѣка, обвинявшагося и признавшагося въ этомъ. И ужаснѣе всего было то, что случаи людоѣдства были не единичны, а постоянно повторялись.

Только при особенномъ культивированіи порока, какъ оно производится въ этихъ учрежденіяхъ, можно было довести русскаго человѣка до того состоянія, до котораго онъ былъ доведенъ въ бродягахъ, предвосхитившихъ новѣйшее ученіе Ницше, и считающихъ все возможнымъ и ничто не запрещеннымъ, и распространяющихъ это ученіе сначала между арестантами, а потомъ между всѣмъ народомъ.

Единственное объясненіе всего совершающагося было пресѣченіе, устрашеніе, исправленіе и закономѣрное возмездіе, какъ это писали въ книгахъ. Но, въ дѣйствительности, не было никакого подобія ни того, ни другого, ни третьяго, ни четвертаго. Вмѣсто пресѣченія, было только распространеніе преступленій. Вмѣсто устрашенія, было поощреніе преступниковъ, изъ которыхъ многіе, какъ бродяги, добровольно шли въ остроги. Вмѣсто исправленія, было систематическое зараженіе всѣми пороками. Потребность же воз-

мездія не только не смягчалась правительственными наказаніями, но воспитывалась въ народѣ, гдѣ ея и не было.

„Такъ зачѣмъ же они дѣлаютъ это?“ спрашивалъ себя Нехлюдовъ и не находилъ отвѣта.

И что̀ болѣе всего удивляло его, это было то, что все дѣлалось не нечаянно, не по недоразумѣнію, не одинъ разъ, а что все это дѣлалось постоянно, впродолженіе сотни лѣтъ, съ той только разницей, что прежде это было съ рваными носами и рѣзанными ушами, потомъ клейменые, на прутахъ, а теперь въ наручняхъ и движимые паромъ, а не на подводахъ.

Разсужденіе о томъ, что то, что̀ возмущало его, происходило, какъ ему говорили служащіе, отъ несовершенства устройства мѣстъ заключенія и ссылки, и что это все можно поправить, устроивъ новаго фасона тюрьмы, — не удовлетворяло Нехлюдова, потому что онъ чувствовалъ, что то, что̀ возмущало его, происходило не отъ болѣе или менѣе совершеннаго устройства мѣстъ заключенія. Онъ читалъ про усовершенствованныя тюрьмы съ электрическими звонками, про казни электричествомъ, рекомендуемыя Тардомъ, и усовершенствованныя насилія еще болѣе возмущали его.

Возмущало Нехлюдова, главное, то, что въ судахъ и министерствахъ сидѣли люди, получающіе большое, собираемое съ народа жалованье за то, что они, справляясь въ книжкахъ, написанныхъ такими же чиновниками съ тѣми же мотивами, подгоняли поступки людей, нарушающихъ написанные ими законы подъ статьи, и по этимъ статьямъ отправляли людей куда-то въ такое мѣсто, гдѣ они уже не видали ихъ, и гдѣ люди эти, въ полной власти жестокихъ, огрубѣвшихъ смотрителей, надзирателей, конвойныхъ, милліонами гибли духовно и тѣлесно.

Узнавъ ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдовъ увидалъ, что всѣ тѣ пороки, которые развиваются между арестантами: пьянство, игра, жестокость, и всѣ тѣ страшныя преступленія, совершаемыя острожниками, и самое людоѣдство — не суть случайности или явленія вырожденія, преступнаго типа,

уродства, какъ это, на руку правительствамъ, толкуютъ тупые ученые, а — есть неизбѣжное послѣдствіе непонятнаго заблужденія о томъ, что люди могутъ наказывать другихъ. Нехлюдовъ видѣлъ, что людоѣдство начинается не въ тайгѣ, а въ министерствахъ, комитетахъ и департаментахъ, и заключается только въ тайгѣ; что его зятю, напримѣръ, да и всѣмъ тѣмъ судейскимъ и чиновникамъ, начиная отъ пристава до министра, не было никакого дѣла до справедливости или блага народа, о которыхъ они говорили, а что всѣмъ нужны были только тѣ рубли, которые имъ платили за то, чтобы они дѣлали все то, изъ чего выходитъ это развращеніе и страданіе. Это было совершенно очевидно.

„Такъ неужели же и это все дѣлалось только по недоразумѣнію? Какъ бы сдѣлать такъ, чтобы обезпечить всѣмъ этимъ чиновникамъ ихъ жалованье и даже давать имъ премію за то, чтобы они только не дѣлали всего того, что̀ они дѣлаютъ?“ думалъ Нехлюдовъ. И на этихъ мысляхъ, уже послѣ вторыхъ пѣтуховъ, несмотря на блохъ, которыя, какъ только онъ шевелился, какъ фонтанъ брызгали вокругъ него, — онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XX.

Когда Нехлюдовъ проснулся, извозчики уже давно съѣхали, хозяйка напилась чаю и, отирая платкомъ потную толстую шею, пришла сказать, что этапный солдатъ принесъ записку. Записка была отъ Марьи Павловны. Она писала, что припадокъ Крыльцова серьезнѣе, чѣмъ они думали. „Мы одно время хотѣли оставить его и остаться съ нимъ, но этого не позволили, и мы повеземъ его, но всего боимся. Постарайтесь устроить въ городѣ такъ, чтобы, если его оставятъ, оставили бы кого-нибудь изъ насъ. Если для этого нужно, чтобы я вышла за него замужъ, то я, разумѣется, готова.“

Нехлюдовъ послалъ малаго на станцію за лошадьми и поспѣшно сталъ укладываться. Онъ еще не допилъ второго стакана, какъ перекладная тройка, звеня колокольчи-

ками и гремя колесами по замерзшей грязи, какъ по мостовой, подъѣхала къ крыльцу. Расплатившись съ толстошеей хозяйкой, Нехлюдовъ поспѣшилъ выйти и, усѣвшись на переплетъ телѣги, велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣй, желая догнать партію. Недалеко за воротами поскотины онъ дѣйствительно догналъ телѣги, нагруженныя мѣшками и больными, которыя громыхали по начинавшей накатываться замерзшей грязи (офицера не было, онъ уѣхалъ впередъ). Солдаты, очевидно выпившіе, весело болтая, шли сзади и по сторонамъ дороги. Телѣгъ было много. Въ переднихъ тѣсно сидѣло человѣкъ по шести слабыхъ уголовныхъ, на заднихъ трехъ ѣхали — по три на подводѣ — политическіе. На самой задней сидѣли — Новодворовъ, Грабецъ и Кондратьевъ, на второй — Ранцева, Набатовъ и та слабая женщина въ ревматизмахъ, которой Марья Павловна уступила свое мѣсто. На третьей, на сѣнѣ и подушкахъ лежалъ Крыльцовъ. На облучкѣ, подлѣ него, сидѣла Марья Павловна. Нехлюдовъ остановилъ ямщика около Крыльцова и пошелъ къ нему. Выпившій конвойный замахалъ рукой на Нехлюдова, но Нехлюдовъ, не обращая на него вниманія, подошелъ къ телѣгѣ и, держась за грядку, пошелъ рядомъ. Крыльцовъ, въ тулупѣ и мерлушковой шапкѣ, съ завязаннымъ платкомъ ртомъ, казался еще худѣе и блѣднѣе. Прекрасные глаза его казались особенно велики и блестящи. Слабо качаясь отъ толчковъ дороги, онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Нехлюдова и, на вопросъ о здоровьѣ, только закрылъ глаза и сердито закачалъ головой. Вся энергія его, очевидно, уходила на перенесеніе толчковъ телѣги. Марья Павловна сидѣла на другой сторонѣ телѣги. Она переглянулась съ Нехлюдовымъ значительнымъ взглядомъ, выражавшимъ все ея безпокойство о положеніи Крыльцова, и потомъ сейчасъ заговорила веселымъ голосомъ:

— Видно, устыдился офицеръ, — закричала она, чтобы быть слышной изъ-за грохота колесъ Нехлюдову. — Съ Бузовкина сняли наручники. Онъ самъ несетъ дѣвочку, и съ ними идутъ Катя и Симонсонъ и, вмѣсто меня, Вѣрочка.

Крыльцовъ что-то, чего нельзя было разслышать, сказалъ, указывая на Марью Павловну, и, нахмурившись, очевидно сдерживая кашель, закачалъ головой. Нехлюдовъ приблизилъ голову, чтобы разслышать. Тогда Крыльцовъ выпросталъ ротъ изъ платка и прошепталъ:

— Теперь гораздо лучше. Только бы не простудиться.

Нехлюдовъ кивнулъ утвердительно головой и переглянулся съ Марьей Павловной.

— Ну, что проблема трехъ тѣлъ? — прошепталъ еще Крыльцовъ и трудно, тяжело улыбнулся. — Мудреное рѣшеніе?

Нехлюдовъ не понялъ, но Марья Павловна объяснила ему, что это знаменитая математическая проблема опредѣленія отношенія трехъ тѣлъ: солнца, луны и земли, и что Крыльцовъ шутя придумалъ это сравненіе съ отношеніемъ Нехлюдова, Катюши и Симонсона. Крыльцовъ кивнулъ головой въ знакъ того, что Марья Павловна вѣрно объяснила его шутку.

— Не за мной рѣшеніе, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Получили мою записку, сдѣлаете? — спросила Марья Павловна.

— Непремѣнно, — сказалъ Нехлюдовъ и, замѣтивъ недовольство на лицѣ Крыльцова, отошелъ къ своей повозкѣ, влѣзъ на свой провиснувшій переплетъ и, держась за края телѣги, встряхивавшей его по колчеямъ не накатанной дороги, сталъ обгонять растянувшуюся на версту партію сѣрыхъ халатовъ и полушубковъ кандальныхъ и парныхъ въ наручняхъ. На противоположной сторонѣ дороги Нехлюдовъ узналъ синій платокъ Катюши, черное пальто Вѣры Ефремовны, куртку и вязанную шапку и бѣлые шерстяные чулки, обвязанные въ родѣ сандалій ремнями, Симонсона. Онъ шелъ рядомъ къ женщинами и что-то горячо говорилъ.

Увидѣвъ Нехлюдова, женщины поклонились ему, а Симонсонъ торжественно приподнялъ шапку. Нехлюдовъ не имѣлъ ничего сказать и, не остановивъ ямщика, обогналъ ихъ. Выѣхавъ опять на накатанную дорогу, ямщикъ по-

ѣхалъ еще скорѣй, но безпрестанно долженъ былъ съѣзжать съ накатаннаго, чтобы объѣзжать тянувшіеся по дорогѣ въ обѣ стороны обозы.

Дорога, вся изрытая глубокими колеями, шла темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, пестрѣвшимъ съ обѣихъ сторонъ яркой и песочной желтизной не облетѣвшихъ еще листьевъ березы и лиственницы. На половинѣ перегона лѣсъ кончился, и съ боковъ открылись елани (поля), показались золотые кресты и куполы монастыря. День совсѣмъ разгулялся, облака разошлись, солнце поднялось выше лѣса, и мокрая листва, и лужи, и куполы, и кресты церкви ярко блестѣли на солнцѣ. Впереди направо, въ сизой дали, забѣлѣли далекія горы. Тройка въѣхала въ подгородное большое село. Улица села была полна народомъ — и русскими, и инородцами въ своихъ странныхъ шапкахъ и халатахъ. Пьяные и трезвые мужчины и женщины копошились и галдѣли около лавокъ, трактировъ, кабаковъ и возовъ. Чувствовалась близость города.

Подстегнувъ и подтянувъ правую пристяжную и пересѣвъ на козлахъ бочкомъ, такъ, чтобы возжи приходились направо, ямщикъ, очевидно щеголяя, прокатилъ по большой улицѣ и, не сдерживая хода, подъѣхалъ къ рѣкѣ, черезъ которую переѣздъ былъ на паромѣ. Паромъ былъ на серединѣ быстрой рѣки и шелъ съ той стороны. На этой сторонѣ десятка два возовъ дожидались. Нехлюдову пришлось дожидаться не долго. Забравшій высоко вверхъ противъ теченія паромъ, несомый быстрой водой, скоро подогнался къ доскамъ пристани.

Высокіе, широкоплечіе, мускулистые и молчаливые перевозчики, въ полушубкахъ и бродняхъ, ловко, привычно закинули чалки, закрѣпили ихъ за столбы и, отложивъ запоры, выпустили, стоявшіе на паромѣ воза, на берегъ и стали грузить воза, сплошь устанавливая паромъ повозками и шарахающимися отъ воды лошадьми. Быстрая, широкая рѣка хлестала въ борта лодокъ парома, натягивая канаты. Когда паромъ былъ полонъ и Нехлюдовская телѣга съ отпряжен-

ными лошадьми, сжатая со всѣхъ сторонъ, стояла у одного края, перевозчики заложили запоры, не обращая вниманія на просьбы не помѣстившихся, скинули чалки и пошли въ ходъ. На паромѣ было тихо, только слышались топотъ ногъ перевозчиковъ и стукъ о доски копытъ переставлявшихъ ноги лошадей.

XXI.

Нехлюдовъ стоялъ у края парома, глядя на широкую, быструю рѣку. Въ воображеніи его, смѣняясь, возставали два образа: вздрагивающая отъ толчковъ голова, въ озлобленіи умирающаго Крыльцова и фигура Катюши, бодро шедшей по краю дороги съ Симонсономъ. Одно впечатлѣніе — не готовящагося къ смерти и умирающаго Крыльцова — было тяжелое и грустное. Другое же впечатлѣніе — бодрой Катюши, нашедшей любовь такого человѣка, какъ Симонсонъ, и ставшей теперь на твердый и вѣрный путь добра, — должно было бы быть радостно, но Нехлюдову оно было тоже тяжело, и онъ не могъ преодолѣть этой тяжести.

Изъ города донесся по водѣ гулъ и мѣдное дрожаніе большого охотницкаго колокола. Стоявшій подлѣ Нехлюдова ямщикъ и всѣ подводчики одни за другими сняли шапки и перекрестились. Ближе же всѣхъ стоявшій у перилъ невысокій, лохматый старикъ, котораго Нехлюдовъ сначала не замѣтилъ, не перекрестился, а, поднявъ голову, уставился на Нехлюдова. Старикъ этотъ былъ одѣтъ въ заплатанный озямъ, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на головѣ высокая мѣховая вытертая шапка.

— Ты что-же, старый, не молишься? — сказалъ Нехлюдовскій ямщикъ, надѣвъ и оправивъ шапку. — Аль некрещеный?

— Кому молиться-то? — рѣшительно наступающе и быстро выговаривая слогъ за слогомъ, сказалъ лохматый старикъ.

— Извѣстно кому — Богу, — иронически проговорилъ ямщикъ.

— А ты покажи мнѣ игдѣ Онъ? Богъ-то?

Что-то было такое серьезное и твердое въ выраженіи старика, что ямщикъ, почувствовавъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сильнымъ человѣкомъ, нѣсколько смутился, но не показывалъ этого, и, стараясь не замолчать и не осрамиться передъ прислушивающейся публикой, быстро отвѣчалъ:

— Игдѣ? Извѣстно — на небѣ.

— А ты былъ тамъ?

— Былъ, не былъ, а всѣ знаютъ, что Богу молиться надо.

— Бога никто же не видѣлъ нигдѣ же. Единородный сынъ, сущій въ нѣдрѣ отчемъ, онъ явилъ, — строго хмурясь, той же скороговоркой, сказалъ старикъ.

— Ты, видно, нехристъ, дырникъ. Дырѣ молишься, — сказалъ ямщикъ, засовывая кнутовище за поясъ и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмѣялся.

— А ты какой, дѣдушка, вѣры? — спросилъ немолодой уже человѣкъ, съ возомъ стоявшій у края парома.

— Никакой вѣры у меня нѣтъ. Потому никому я, никому не вѣрю, окромѣ себѣ, — такъ же быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ.

— Да какъ же себѣ вѣрить? — сказалъ Нехлюдовъ, вступая въ разговоръ. — Можно ошибиться.

— Ни въ жизнь, — тряхнувъ головой, рѣшительно отвѣчалъ старикъ.

— Такъ отчего же разныя вѣры есть? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Оттого и разныя вѣры, что людямъ вѣрятъ, а себѣ не вѣрятъ. И я людямъ вѣрилъ и блудилъ, какъ въ тайгѣ; такъ заплутался, что не чаялъ выбраться. И старовѣры, и нововѣры, и субботники, и хлысты, и поповцы, и безпоповцы, и австріяки, и молокане, и скопцы. Всякая вѣра себя одна

восхваляетъ. Вотъ всѣ и раскололись, какъ кутята*) слѣпые. Вѣръ много, а духъ одинъ. И въ тебѣ, и во мнѣ, и въ немъ. Значитъ, вѣрь всякъ своему духу, и вотъ будутъ всѣ соединены. Будь всякъ самъ себѣ, и всѣ будутъ за едино.

Старикъ говорилъ громко и все оглядывался, очевидно желая, чтобы какъ можно больше людей слышали его.

— Что же, вы давно такъ исповѣдуете? — спросилъ его Нехлюдовъ.

— Я-то? Давно ужъ. Ужъ они меня двадцать третій годъ гонятъ.

— Какъ, гонятъ?

— Какъ Христа гнали, такъ и меня гонятъ. Хватаютъ да по судамъ, по попамъ, — по книжникамъ, по фарисеямъ и водятъ; въ сумасшедшій домъ сажали. Да ничего мнѣ сдѣлать нельзя, потому я слободенъ. — „Какъ, говорятъ, тебя зовутъ?“ Думаютъ, я званіе какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я отъ всего отрекся: нѣтъ у меня ни имени, ни мѣста, ни отечества, — ничего нѣтъ. Я самъ себѣ. Зовутъ какъ? Человѣкомъ. — „А годовъ сколько?“ — Я, говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда былъ, всегда и буду. — „Какого, говорятъ, ты отца, матери?“ — Нѣтъ, говорю, у меня ни отца, ни матери, окромѣ Бога и земли. Ботъ — отецъ, земля — мать. — „А царя, говорятъ, признаешь?“ — Отчего не признавать? Онъ себѣ царь, а я себѣ царь. — „Ну, говорятъ, съ тобой разговаривать.“ — Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Такъ и мучаютъ.

— А куда же вы идете теперь? — спросилъ Нехлюдовъ.

— А куда Богъ приведетъ. Работаю, а нѣтъ работы — прошу, — закончилъ старикъ, замѣтивъ, что паромъ подходитъ къ тому берегу, и побѣдоносно оглянулся на всѣхъ, слушавшихъ его.

Паромъ причалилъ къ другому берегу. Нехлюдовъ до-

*) Кутята — щенки.

сталъ кошелекъ и предложилъ старику денегъ. Старикъ отказался.

— Я этого не беру. Хлѣбъ беру, — сказалъ онъ.

— Ну, прощай.

— Нечего прощать. Ты меня не обидѣлъ. А и обидѣть меня нельзя, — сказалъ старикъ и сталъ на плечо надѣвать снятую сумку. Между тѣмъ перекладную телѣгу выкатили и запрягли лошадей.

— И охота вамъ, баринъ, разговаривать, — сказалъ ямщикъ Нехлюдову, когда онъ, давъ на чай могучимъ паромщикамъ, влѣзъ на телѣгу. — Такъ, бродяжка непутевый.

XXII.

Выѣхавъ въ горку, ямщикъ обернулся.

— Въ какую гостиницу везти?

— Какая лучше?

— Чего лучше „Сибирской". А то у Дюкова хорошо.

— Куда хочешь.

Ямщикъ опять сѣлъ бочкомъ и прибавилъ хода. Городъ былъ, какъ и всѣ города: такіе же дома съ мезонинами и зелеными крышами, такой же соборъ, лавки и на главной улицѣ магазины, и даже такіе же городовые. Только дома были почти всѣ деревянные, и улицы немощеныя. Въ одной изъ наиболѣе оживленныхъ улицъ ямщикъ остановилъ тройку у подъѣзда гостиницы. Но въ гостиницѣ не оказалось свободныхъ номеровъ, такъ что надо было ѣхать въ другую. Въ этой другой былъ свободный номеръ, и Нехлюдовъ, въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, очутился опять въ привычныхъ условіяхъ относительной чистоты и удобства. Какъ ни мало роскошенъ былъ номеръ, въ который отвели Нехлюдова, онъ испыталъ большое облегченіе послѣ перекладной, постоялыхъ дворовъ и этаповъ. Главное, ему нужно было очиститься отъ вшей, отъ которыхъ онъ никогда не могъ вполнѣ освободиться послѣ посѣщенія этаповъ. Разложившись, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ баню; а оттуда, приведя себя въ городской порядокъ: надѣвъ крахмаленную

рубашку и со слежавшимися складками панталоны, сюртукъ и пальто, — къ начальнику края. Приведенный швейцаромъ гостиницы извозчикъ на сытой, крупной киргизкѣ, запряженной въ дребезжащую пролетку, подвезъ Нехлюдова къ большому красивому зданію, у котораго стояли часовые и городовой. Передъ домомъ и за домомъ былъ садъ, въ которомъ, среди облетѣвшихъ, торчащихъ голыми сучьями осинъ и березъ, густо и темно зеленѣли ели, сосны и пихты.

Генералъ былъ нездоровъ и не принималъ. Нехлюдовъ все-таки попросилъ лакея передать свою карточку, и лакей вернулся съ благопріятнымъ отвѣтомъ:

— Приказали просить.

Передняя, лакей, вѣстовой, лѣстница, залъ съ глянцовито натертымъ паркетомъ, — все это было похоже на Петербургъ, только погрязнѣе и повеличественнѣе. Нехлюдова ввели въ кабинетъ.

Генералъ, одутловатый, съ картофельнымъ носомъ и выдающимися шишками на лбу и оголенномъ черепѣ и мѣшками подъ глазами, сангвиническій человѣкъ, сидѣлъ въ татарскомъ шелковомъ халатѣ и, съ папироской въ рукахъ, пилъ чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ.

— Здравствуйте, батюшка. Извините, что въ халатѣ принимаю; все лучше, чѣмъ совсѣмъ не принять, — сказалъ онъ, запахивая халатомъ свою толстую, складками сморщенную сзади шею. — Я не совсѣмъ здоровъ и не выхожу. Какъ это васъ занесло въ наше тридевятое царство?

— Я сопутствовалъ партію арестантовъ, въ которой есть лицо мнѣ близкое, — сказалъ Нехлюдовъ, — и вотъ, пріѣхалъ просить ваше превосходительство отчасти объ этомъ лицѣ и еще объ одномъ обстоятельствѣ.

Генералъ затянулся, хлебнулъ чаю, затушилъ папироску о малахитовую пепельницу и, не спуская узкихъ, заплывшихъ, блестящихъ глазъ съ Нехлюдова, серьезно слушалъ. Онъ перебилъ его только затѣмъ, чтобы спросить, не хочетъ ли онъ курить.

Генералъ принадлежалъ къ типу ученыхъ военныхъ, по-

лагающихъ возможнымъ примиреніе либеральности и гуманности съ своею профессіею. Но, какъ человѣкъ, отъ природы умный и добрый, онъ очень скоро почувствовалъ невозможность такого примиренія и, чтобы не видѣть того внутренняго противорѣчія, въ которомъ онъ постоянно находился, все больше и больше отдавался столь распространенной среди военныхъ привычкѣ пить много вина, и такъ предался этой привычкѣ, что послѣ 35-лѣтней военной службы сдѣлался тѣмъ, что̀ врачи называютъ алкоголикомъ. Онъ былъ весь пропитанъ виномъ. Ему достаточно было выпить какой-нибудь жидкости, чтобы чувствовать опьяненіе. Пить же вино было для него такой потребностью, безъ которой онъ не могъ жить, и каждый день къ вечеру онъ бывалъ совсѣмъ пьянъ, хотя такъ приспособился къ этому состоянію, что не шатался и не говорилъ особенныхъ глупостей. Если же онъ и говорилъ ихъ, то онъ занималъ такое важное, первенствующее положеніе, что какую бы глупость онъ ни сказалъ, ее принимали за умныя рѣчи. Только утромъ, именно въ то время, когда Нехлюдовъ засталъ его, онъ былъ похожъ на разумнаго человѣка и могъ понимать, что̀ ему говорили, и болѣе или менѣе успѣшно исполнять на дѣлѣ пословицу, которую любилъ повторять: пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ. Высшія власти знали, что онъ пьяница, но онъ былъ все-таки болѣе образованъ, чѣмъ другіе, — хотя и остановился въ своемъ образованіи на томъ мѣстѣ, гдѣ его застало пьянство, — былъ смѣлъ, ловокъ, представителенъ, умѣлъ и въ пьяномъ видѣ держать себя съ тактомъ, и потому его назначили и держали на томъ видномъ и отвѣтственномъ мѣстѣ, которое онъ занималъ.

Нехлюдовъ разсказалъ генералу, что лицо, интересующее его, — женщина, что она невинно осуждена, что подано о ней на высочайшее имя.

— Такъ-съ. Ну-съ? — сказалъ генералъ.

— Мнѣ обѣщали изъ Петербурга, что извѣстіе о судьбѣ этой женщины вышлется мнѣ не позднѣе этого мѣсяца и сюда . . .

Не спуская глазъ съ Нехлюдова, генералъ протянулъ съ короткими пальцами руку къ столу, позвонилъ и продолжалъ молча слушать, пыхтя папироской и особенно громко откашливаясь.

— Такъ я просилъ бы, если возможно, задержать эту женщину здѣсь до тѣхъ поръ, какъ получится отвѣтъ на поданное прошеніе.

Вошелъ лакей, денщикъ, одѣтый по-военному.

— Спроси, встала ли Анна Васильевна, — сказалъ генералъ денщику, — и подай еще чаю. Еще что-съ? — обратился генералъ къ Нехлюдову.

— Другая моя просьба, — продолжалъ Нехлюдовъ, — касается политическаго арестанта, идущаго въ этой же партіи.

— Вотъ какъ! — сказалъ генералъ, значительно кивая головой.

— Онъ тяжело боленъ — умирающій человѣкъ. И его, вѣроятно, оставятъ здѣсь въ больницѣ. Такъ одна изъ политическихъ женщинъ желала бы остаться при немъ.

— Она чужая ему?

— Да, но она готова выйти за него замужъ, если только это дастъ ей возможность остаться при немъ.

Генералъ пристально смотрѣлъ своими блестящими глазами и молчалъ, очевидно желая смутить своего собесѣдника взглядомъ, и все курилъ.

Когда Нехлюдовъ кончилъ, онъ досталъ со стола книгу и, быстро мусоля пальцами, которыми перевертывалъ листы, нашелъ статью о бракѣ и прочелъ.

— Къ чему она приговорена? — спросилъ онъ, поднявъ глаза отъ книги.

— Она — къ каторгѣ.

— Ну, такъ положеніе приговореннаго, вслѣдствіе его брака, не можетъ улучшиться.

— Да вѣдь . . .

— Позвольте. Если бы на ней женился свободный, она все точно такъ-же должна была бы отбыть свое наказаніе.

Тутъ вопросъ: кто несетъ болѣе тяжелое наказаніе, онъ или она?

— Они оба приговорены къ каторжнымъ работамъ.

— Ну, такъ и квитъ, — смѣясь сказалъ генералъ. — Чтò ему, то и ей. Его по болѣзни оставить можно, — продолжалъ онъ, — и, разумѣется, будетъ сдѣлано все, чтò возможно, для облегченія его участи; но она, хотя бы вышла за него, не можетъ остаться здѣсь...

— Генеральша кушаютъ кофе, — доложилъ лакей.

Генералъ кивнулъ головой и продолжалъ:

— Впрочемъ, я еще подумаю. Какъ ихъ фамиліи? Запишите, вотъ, сюда.

Нехлюдовъ записалъ.

— И этого не могу, — сказалъ генералъ Нехлюдову на просьбу его видѣться съ больнымъ. — Я, конечно, васъ не подозрѣваю, — сказалъ онъ, — но вы интересуетесь имъ и другими, и у васъ есть деньги. А здѣсь у насъ все продажное. Мнѣ говорятъ: искоренить взяточничество. Да какъ же искоренить, когда всѣ взяточники? И чѣмъ ниже чиномъ, тѣмъ больше. Ну, гдѣ же мнѣ усмотрѣть за человѣкомъ за 5000 верстъ? Онъ тамъ царекъ такой же, какъ я здѣсь, — и онъ засмѣялся. — Вы вѣдь вѣрно видѣлись съ политическими, давали деньги, и васъ пускали? — спросилъ онъ, улыбаясь. — Такъ вѣдь?

— Да, это правда.

— Я понимаю, что вы такъ должны поступить. Вы хотите видѣть политическаго. И вамъ жалко его. А смотритель или конвойный возьметъ, потому что у него два двугривенныхъ жалованья и семья, и ему нельзя не взять. И на его, и на вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ-же, какъ и вы, и онъ. Но на своемъ мѣстѣ я не позволяю себѣ отступать отъ самой строгой буквы закона, именно потому, что я — человѣкъ и могу увлечься жалостью. А я исполнителенъ, мнѣ довѣрили подъ извѣстныя условія, и я долженъ оправдать это довѣріе. Ну вотъ, этотъ вопросъ конченъ. Ну-съ, теперь вы разскажите мнѣ, чтò у васъ въ метрополіи

дѣлается? — И генералъ сталъ разспрашивать и разсказывать, очевидно желая въ одно и то же время и узнать новости, и показать все свое значеніе и свою гуманность.

XXIII.

— Ну-съ, такъ вотъ что: вы у кого? У Дюка? Ну, и тамъ скверно. А вы приходите обѣдать, — сказалъ генералъ, отпуская Нехлюдова, — въ пять часовъ. Вы по-англійски говорите?

— Да, говорю.

— Ну, вотъ и прекрасно. Сюда, видите ли, пріѣхалъ англичанинъ, путешественникъ. Онъ изучаетъ ссылку и тюрьмы въ Сибири. Такъ вотъ онъ у насъ будетъ обѣдать, и вы пріѣзжайте. Обѣдаемъ въ пять, и жена требуетъ исполнительности. Я вамъ тогда и отвѣтъ дамъ и о томъ, какъ поступить съ этой женщиной, а также о больномъ. Можетъ быть, и можно будетъ оставить кого-нибудь при немъ.

Откланявшись генералу, Нехлюдовъ, чувствуя себя въ особенно возбужденно-дѣятельномъ духѣ, поѣхалъ на почту.

Почтамтъ была низкая со сводами комната; за конторкой сидѣли чиновники и выдавали толпящемуся народу. Одинъ чиновникъ, согнувъ на бокъ голову, не переставая стукалъ печатью по ловко пододвигаемымъ конвертамъ. Нехлюдова не заставили долго дожидаться и, узнавъ его фамилію, ему тотчасъ же выдали его довольно большую корреспонденцію. Тутъ были и деньги, и нѣсколько писемъ и книгъ, и послѣдній номеръ „Вѣстника Европы“. Получивъ свои письма, Нехлюдовъ отошелъ къ деревянной лавкѣ, на которой сидѣлъ, дожидаясь чего-то, солдатъ съ книжкой, и сѣлъ съ нимъ рядомъ, пересматривая полученныя письма. Въ числѣ ихъ было одно заказное — прекрасный конвертъ съ отчетливой печатью яркаго краснаго сургуча. Онъ распечаталъ конвертъ и, увидѣвъ письмо Селенина, вмѣстѣ съ какой-то оффиціальной бумагой, почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лицо, и сердце сжалось. Это было рѣ-

шеніе по дѣлу Катюши. Какое было это рѣшеніе? Неужели отказъ? Нехлюдовъ поспѣшно пробѣжалъ написанное мелкимъ, трудно разбираемымъ, твердымъ, изломаннымъ почеркомъ письмо и радостно вздохнулъ. Рѣшеніе было благопріятное.

„Любезный другъ"! писалъ Селенинъ, „Послѣдній разговоръ нашъ оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. Ты былъ правъ относительно Масловой. Я просмотрѣлъ внимательно дѣло и увидалъ, что совершена была относительно ея возмутительная несправедливость. Поправить можно было только въ коммиссіи прошеній, куда ты и подалъ. Мнѣ удалось посодѣйствовать разрѣшенію дѣла тамъ, и, вотъ, посылаю тебѣ копію съ помилованія по адресу, который дала мнѣ графиня Екатерина Ивановна. Подлинная бумага отправлена въ то мѣсто, гдѣ она содержалась во время суда, и, вѣроятно, будетъ тотчасъ же переслана въ Сибирское Главное Управленіе. Спѣшу тебѣ сообщить это пріятное извѣстіе. Дружески жму руку. Твой Селенинъ".

Содержаніе самой бумаги было слѣдующее: „Канцелярія Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Такое-то дѣлопроизводство. Такой-то столъ. Такое-то число, годъ. По приказанію Главноуправляющаго канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, симъ объявляется мѣщанкѣ Екатеринѣ Масловой, что Его Императорское Величество, по Всеподданнѣйшему докладу Ему, снисходя къ просьбѣ Масловой, Высочайше повелѣть соизволилъ замѣнить ей каторжныя работы поселеніемъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ Сибири".

Извѣстіе было радостное и важное: случилось все то, чего Нехлюдовъ могъ желать для Катюши, да и для себя самого. Правда, что эта перемѣна въ ея положеніи представляла новыя усложненія въ отношеніи къ ней. Пока она оставалась каторжной, бракъ, который онъ предлагалъ ей, былъ фиктивный и имѣлъ значеніе только въ томъ, что облегчалъ ея положеніе. Теперь же ничто не мѣшало ихъ

совмѣстному житью. А на это Нехлюдовъ не готовился. Кромѣ того, ея отношенія съ Симонсономъ? Что̀ значили ея вчерашнія слова? И если бы она согласилась соединиться съ Симонсономъ, хорошо ли бы это было или дурно? Онъ никакъ не могъ разобраться въ этихъ мысляхъ и не сталъ теперь думать объ этомъ. „Все это обозначится потомъ", подумалъ онъ, „теперь же нужно, какъ можно скорѣе, увидать ее и сообщить ей радостную новость и освободить ее". Онъ думалъ, что копіи, которая у него была въ рукахъ, было достаточно для этого. И выйдя изъ почтовой конторы, онъ велѣлъ извозчику ѣхать въ острогъ.

Несмотря на то, что генералъ не разрѣшилъ ему посѣщенія острога утромъ, Нехлюдовъ, зная по опыту, что часто то, чего никакъ нельзя достигнуть у высшихъ начальниковъ, очень легко достигается у низшихъ, рѣшилъ все-таки попытаться проникнуть въ острогъ теперь съ тѣмъ, чтобы объявить Катюшѣ радостную новость и, можетъ быть, освободить ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать о здоровьи Крыльцова и передать ему и Марьѣ Павловнѣ то, что̀ сказалъ генералъ.

Смотритель острога былъ очень высокій и толстый, величественный человѣкъ съ усами и бакенбардами, загибающимися къ угламъ рта. Онъ очень строго принялъ Нехлюдова и прямо объявилъ, что постороннимъ лицамъ свиданья, безъ разрѣшенія начальника, онъ допустить не можетъ. На замѣчаніе Нехлюдова о томъ, что его пускали и въ столицахъ, смотритель отвѣчалъ:

— Очень можетъ-быть, толко я не допускаю. — При этомъ тонъ его говорилъ: „вы, столичные господа, думаете, что вы насъ удивите и озадачите; но мы и въ Восточной Сибири знаемъ твердо порядки и вамъ еще укажемъ".

Копія съ бумаги изъ Собственной Его Величества канцеляріи тоже не подѣйствовала на смотрителя. Онъ рѣшительно отказался допустить Нехлюдова въ стѣны тюрьмы. На наивное же предположеніе Нехлюдова, что Маслова можетъ быть освобождена по предъявленію этой копіи, онъ только презрительно улыбнулся, объявивъ, что для освобож-

денія кого-либо должно было быть распоряженіе отъ его прямого начальства. Все, что̀ онъ обѣщалъ, было то, что онъ сообщитъ Масловой о томъ, что ей вышло помилованіе, и не задержитъ ея ни одного часа, какъ скоро получитъ предписаніе отъ своего начальства.

О здоровьѣ Крыльцова онъ тоже отказался дать какія-либо свѣдѣнія, сказавъ, что онъ не можетъ сказать даже того, есть ли такой арестантъ. Такъ, ничего не добившись Нехлюдовъ сѣлъ на своего извозчика и поѣхалъ въ гостиницу.

Строгость смотрителя происходила преимущественно отъ того, что, въ переполненной вдвое противъ нормальнаго тюрьмѣ, въ это время былъ повальный тифъ. Извозчикъ, везшій Нехлюдова, разсказалъ ему дорогой, что „въ тюрьмѣ гораздо народъ теряется. Какая-то на нихъ хворь напала. Человѣкъ по двадцати въ день закапываютъ“.

XXIV.

Несмотря на неудачу въ тюрьмѣ, Нехлюдовъ, все въ томъ же бодромъ, возбужденно-дѣятельномъ настроеніи, поѣхалъ въ канцелярію губернатора узнать, не получена ли тамъ бумага о помилованіи Масловой. Бумаги не было, и потому Нехлюдовъ, вернувшись въ гостиницу, поспѣшилъ тотчасъ же, не откладывая, написать объ этомъ Селенину и адвокату. Окончивъ письма, онъ взглянулъ на часы; было уже время ѣхать на обѣдъ къ генералу.

Опять дорогой ему пришла мысль о томъ, какъ приметъ Катюша свое помилованіе. Гдѣ поселятъ ее? Какъ онъ будетъ жить съ нею? Что̀ Симонсонъ? Какое ея отношеніе къ нему? Вспомнилъ о той перемѣнѣ, которая произошла въ ней. Вспомнилъ при этомъ и ея прошедшее.

„Надо забыть, вычеркнуть“, подумалъ онъ и опять поспѣшилъ отогнать отъ себя мысли о ней. „Тогда видно будетъ“, сказалъ онъ себѣ и сталъ думать о томъ, что̀ ему надо сказать генералу.

Обѣдъ у генерала, обставленный всею привычною Не-

хлюдову роскошью жизни богатыхъ людей и важныхъ чиновниковъ, былъ, послѣ долгаго лишенія не только роскоши, но и самыхъ первобытныхъ удобствъ, особенно пріятенъ ему.

Хозяйка была петербургская стараго завѣта grande dame, бывшая фрейлина Николаевскаго двора, говорившая естественно по-французски и неестественно по-русски. Она держалась чрезвычайно прямо и, дѣлая движенія руками, не отдѣляла локтей отъ таліи. Она была спокойно и нѣсколько грустно уважительна къ мужу и чрезвычайно ласкова, хотя и съ различными, смотря по лицамъ, оттѣнками обращенія къ своимъ гостямъ. Нехлюдова она приняла какъ своего, съ той особенной, тонкой, незамѣтной лестью, вслѣдствіе которой Нехлюдовъ вновь узналъ о всѣхъ своихъ достоинствахъ и почувствовалъ пріятное удовлетвореніе. Она дала почувствовать ему, что знаетъ его, хотя и оригинальный, но честный поступокъ, приведшій его въ Сибирь, и считаетъ его исключительнымъ человѣкомъ. Эта тонкая лесть и вся изящно-роскошная обстановка жизни въ домѣ генерала сдѣлали то, что Нехлюдовъ весь отдался удовольствію красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и пріятности отношеній съ благовоспитанными людьми своего привычнаго круга, какъ будто все то, среди чего онъ жилъ послѣднее время, былъ сонъ, отъ котораго онъ проснулся къ настоящей дѣйствительности.

За обѣдомъ, кромѣ домашнихъ, — дочери генерала съ ея мужемъ и адъютанта, — были еще — англичанинъ, купецъ-золотопромышленникъ и пріѣзжій губернаторъ дальняго сибирскаго города. Всѣ эти люди были пріятны Нехлюдову.

Англичанинъ, здоровый, румяный человѣкъ, очень дурно говорившій по-французски, но замѣчательно хорошо и ораторски внушительно по-англійски, многое видѣлъ и былъ интересенъ своими разсказами объ Америкѣ, Индіи, Японіи и Сибири.

Молодой купецъ-золотопромышленникъ, сынъ мужика, въ сшитой въ Лондонѣ фрачной парѣ съ брильянтовыми запонками, имѣвшій большую библіотеку, жертвовавшій много

на благотворительность и державшійся европейски-либеральныхъ убѣжденій, былъ пріятенъ и интересенъ Нехлюдову, представляя изъ себя совершенно новый и хорошій типъ образованнаго прививка европейской культурности на здоровомъ мужицкомъ дичкѣ.

Губернаторъ дальняго города былъ тотъ самый бывшій директоръ департамента, о которомъ такъ много говорили въ то время, какъ Нехлюдовъ былъ въ Петербургѣ. Это былъ пухлый человѣкъ съ завитыми, рѣдкими волосами, нѣжными голубыми глазами, очень толстый снизу, и съ холеными, бѣлыми, въ перстняхъ руками и съ пріятной улыбкой. Губернаторъ этотъ былъ цѣнимъ хозяиномъ дома за то, что среди взяточниковъ онъ одинъ не бралъ взятокъ. Хозяйка же, большая любительница музыки и сама очень хорошая піанистка, цѣнила его за то, что онъ былъ хорошій музыкантъ и игралъ съ ней въ четыре руки. Расположеніе духа Нехлюдова было до такой степени благодушное, что и этотъ человѣкъ былъ нынче не непріятенъ ему.

Веселый, энергичный, съ сизымъ подбородкомъ офицеръ-адъютантъ, предлагавшій во всемъ свои услуги, былъ пріятенъ своимъ добродушіемъ.

Больше же всѣхъ была пріятна Нехлюдову милая молодая чета дочери генерала съ ея мужемъ. Дочь эта была некрасивая, простодушная молодая женщина, вся поглощенная своими первыми двумя дѣтьми; мужъ ея, за котораго она, послѣ долгой борьбы съ родителями, вышла по любви, либеральный кандидатъ Московскаго университета, скромный и умный, служилъ и занимался статистикой, въ особенности инородцами, которыхъ онъ изучалъ, любилъ и старался спасти отъ вымиранія.

Всѣ были не только ласковы и любезны съ Нехлюдовымъ, но, очевидно, были рады ему, какъ новому и интересному лицу. Генералъ, вышедшій къ обѣду въ военномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ, какъ съ старымъ знакомымъ, поздоровался съ Нехлюдовымъ и тотчасъ же пригласилъ гостей къ закускѣ и водкѣ. На вопросъ генерала у Нехлю-

дова о томъ, что онъ дѣлалъ послѣ того, какъ былъ у него, Нехлюдовъ разсказалъ, что былъ на почтѣ и узналъ о помилованіи того лица, о которомъ говорили утромъ, и теперь вновь проситъ разрѣшенія посѣтить тюрьму.

Генералъ, очевидно недовольный тѣмъ, что за обѣдомъ говорятъ о дѣлахъ, нахмурился и ничего не сказалъ.

— Хотите водки? — обратился онъ по-французски въ подошедшему англичанину. Англичанинъ выпилъ водки и разсказалъ, что посѣтилъ нынче соборъ и заводъ, но желалъ бы еще видѣть большую пересыльную тюрьму.

— Вотъ и отлично, — сказалъ генералъ, обращаясь къ Нехлюдову, — можете вмѣстѣ. Дайте имъ пропускъ, — сказалъ онъ адъютанту.

— Вы когда хотите ѣхать? — спросилъ Нехлюдовъ англичанина.

— Я предпочитаю посѣщать тюрьмы вечеромъ, — сказалъ англичанинъ: — всѣ дома, и нѣтъ приготовленій, а все есть, какъ есть.

— А, онъ хочетъ видѣть во всей прелести? Пускай видитъ. Я писалъ — меня не слушаютъ. Такъ пускай узнаютъ изъ иностранной печати, — сказалъ генералъ и подошелъ къ обѣденному столу, у котораго хозяйка указала мѣста гостямъ.

Нехлюдовъ сидѣлъ между хозяйкой и англичаниномъ. Напротивъ него сидѣла дочь генерала и бывшій директоръ департамента.

За обѣдомъ разговоръ шелъ урывками, то объ Индіи, о которой разсказывалъ англичанинъ, то о Тонкинской экспедиціи, которую генералъ строго осуждалъ, то о сибирскомъ всеобщемъ плутовствѣ и взяточничествѣ. Всѣ эти разговоры мало интересовали Нехлюдова.

Но послѣ обѣда, въ гостиной, за кофе, завязался очень интересный разговоръ съ англичаниномъ и хозяйкой о Гладстонѣ, въ которомъ Нехлюдову казалось, что онъ хорошо высказалъ много умнаго, замѣченнаго его собесѣдниками.

Послѣ хорошаго обѣда, вина, за кофеемъ, на мягкомъ

креслѣ, среди ласковыхъ и благовоспитанныхъ людей, Нехлюдову становилось все болѣе и болѣе пріятно. Когда же хозяйка, по просьбѣ англичанина, вмѣстѣ съ бывшимъ директоромъ департамента, сѣли за фортепіанὸ и заиграли хорошо разученную ими 5-ю симфонію Бетховена, Нехлюдовъ почувствовалъ давно не испытанное имъ душевное состояніе полнаго довольства собой, точно какъ будто онъ теперь только узналъ, какой онъ былъ хорошій человѣкъ.

Рояль былъ прекрасный, исполненіе симфоніи было хорошее. По крайней мѣрѣ, такъ показалось Нехлюдову, любившему и знавшему эту симфонію. Слушая прекрасное анданте, онъ почувствовалъ щипаніе въ носу отъ умиленія надъ самимъ собою и всѣми своими добродѣтелями.

Поблагодаривъ хозяйку за давно не испытанное имъ наслажденіе, Нехлюдовъ хотѣлъ уже прощаться и уѣзжать, когда дочь хозяйки съ рѣшительнымъ видомъ подошла къ нему и, краснѣя, сказала:

— Вы спрашивали про моихъ дѣтей; хотите видѣть ихъ?

— Ей кажется, что всѣмъ интересно видѣть ея дѣтей, — сказала мать, улыбаясь на милую безтактность дочери. — Князю совсѣмъ не интересно.

— Напротивъ, очень, очень интересно, — сказалъ Нехлюдовъ, тронутый этой переливающейся черезъ край счастливой материнской любовью. — Пожалуйста, покажите.

— Ведетъ князя смотрѣть своихъ малышей, — смѣясь, закричалъ генералъ отъ карточнаго стола, за которымъ онъ сидѣлъ съ зятемъ, золотопромышленникомъ и адъютантомъ. — Отбудьте, отбудьте повинность.

Молодая женщина, между тѣмъ, очевидно взволнованная тѣмъ, что сейчасъ будутъ судить ея дѣтей, шла быстрыми шагами передъ Нехлюдовымъ во внутреннія комнаты. Въ третьей, высокой, съ бѣлыми обоями комнатѣ, освѣщенной небольшой лампой съ темнымъ абажуромъ, стояли рядомъ двѣ кроватки, и между ними, въ бѣлой пелеринкѣ, сидѣла нянюшка, съ сибирскимъ скуластымъ, добродушнымъ лицомъ.

Няпюшка встала и поклонилась. Мать нагнулась надъ первой кроваткой въ которой, раскрывъ ротикъ, тихо спала двухлѣтная дѣвочка съ длинными, вьющимися, растрепавшимися по подушкѣ волосами.

— Вотъ это Катя, — сказала мать, оправляя съ голубыми полосами вязанное одѣяло, изъ подъ котораго высовывалась маленькая, бѣленькая ступня. — Хороша? Вѣдь ей только два года.

— Прелесть!

— А это Васюкъ, какъ его дѣдушка прозвалъ. Совсѣмъ другой типъ. Сибирякъ. Правда?

— Прекрасный мальчикъ, — сказалъ Нехлюдовъ, разсматривая спящаго на животѣ пузана.

— Да? — сказала мать, многозначительно улыбаясь

Нехлюдовъ вспомнилъ цѣпи, бритыя головы, побои, развратъ, умирающаго Крыльцова, Катюшу со всѣмъ ея прошедшимъ, — и ему стало завидно и захотѣлось себѣ такого же изящнаго, чистаго, какъ ему казалось теперь, счастья.

Нѣсколько разъ похваливъ дѣтей и тѣмъ, хоть отчасти, удовлетворивъ мать, жадно впитывавшую въ себя эти похвалы, онъ вышелъ за ней въ гостиную, гдѣ англичанинъ уже дожидался его, чтобы вмѣстѣ, какъ они уговорились, ѣхать въ тюрьму. Простившись со старыми и молодыми хозяевами, Нехлюдовъ вышелъ вмѣстѣ съ англичаниномъ на крыльцо́ генеральскаго дома.

Погода перемѣнилась. Шелъ клочьями спорый снѣгъ и уже засыпалъ дорогу и крышу, и деревья сада, и подъѣздъ, и верхъ пролетки, и спину лошади. У англичанина былъ свой экипажъ, и Нехлюдовъ велѣлъ кучеру англичанина ѣхать въ острогъ, сѣлъ одинъ въ свою пролетку и, съ тяжелымъ чувствомъ исполненія непріятнаго долга, поѣхалъ за нимъ въ мягко и трудно катившейся по снѣгу пролеткѣ.

XXV.

Мрачный домъ острога съ часовымъ и фонаремъ подъ воротами, несмотря на чистую, бѣлую пелену, покрывавшую

теперь все — и подъѣздъ, и крышу, и стѣны, производилъ еще болѣе, чѣмъ утромъ, мрачное впечатлѣніе своими по всему фасаду освѣщенными окнами.

Величественный смотритель вышелъ къ воротамъ и, прочтя у фонаря пропускъ, данный Нехлюдову и англичанину, недоумѣвающе пожалъ могучими плечами, но, исполняя приказаніе, пригласилъ посѣтителей слѣдовать за собой. Онъ провелъ ихъ сначала во дворъ и потомъ въ дверь направо и на лѣстницу въ контору. Предложивъ имъ садиться, онъ спросилъ, чѣмъ можетъ служить имъ, и, узнавъ о желаніи Нехлюдова видѣть теперь Маслову, послалъ за нею надзирателя и приготовился отвѣчать на вопросы, которые англичанинъ тотчасъ же началъ черезъ Нехлюдова дѣлать ему.

— На сколько человѣкъ построенъ замокъ? — спрашивалъ англичанинъ. — Сколько заключеннымъ? Сколько мужчинъ, сколько женщинъ, дѣтей? Сколько каторжныхъ, ссыльныхъ, добровольно слѣдующихъ? Сколько больныхъ?

Нехлюдовъ переводилъ слова англичанина и смотрителя, не вникая въ смыслъ ихъ, совершенно неожиданно для себя смущенный предстоящимъ свиданіемъ. Когда среди фразы, переводимой имъ англичанину, онъ услыхалъ приближающіеся шаги, и дверь конторы отворилась, и, какъ это было много разъ, вошелъ надзиратель и за нимъ, повязанная платкомъ, въ арестантской кофтѣ, Катюша, — онъ, увидавъ ее, испыталъ тяжелое чувство.

„Я жить хочу, хочу семью, дѣтей, хочу человѣческой жизни", мелькнуло у него въ головѣ въ то время, какъ она быстрыми шагами, не поднимая глазъ, входила въ комнату.

Онъ всталъ и ступилъ нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу, и лицо ея показалось ему сурово и непріятно. Оно опять было такое же какъ тогда, когда она упрекала его. Она краснѣла и блѣднѣла, пальцы ея судорожно крутили края кофты, и то взглядывала на него, то опускала глаза.

— Вы знаете, что вышло помилованіе? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Да, надзиратель говорилъ.

— Такъ что, какъ только получится бумага, вы можете выйти и поселиться, гдѣ хотите ... Мы обдумаемъ ...

Она поспѣшно перебила его:

— Что мнѣ обдумывать? гдѣ Владиміръ Ивановичъ будетъ, туда и я съ нимъ.

Несмотря на все свое волненіе, она, поднявъ глаза на Нехлюдова, проговорила это быстро, отчетливо, какъ будто впередъ приготовивъ все то, чтò она скажетъ.

— Вотъ какъ! — сказалъ Нехлюдовъ.

— Что-жъ, Дмитрій Ивановичъ, коли онъ хочетъ, чтобы я съ нимъ жила ... — Она испуганно остановилась и поправилась, — чтобъ я при немъ была. Мнѣ чего же лучше? Я это за счастье должна считать ... Чтò же мнѣ? ...

„Одно изъ двухъ: или она полюбила Симонсона и совсѣмъ не желала той жертвы, которую я воображалъ, что приношу ей, или она продолжаетъ любить меня и для моего же блага отказывается отъ меня и навсегда сжигаетъ свои корабли, соединяя свою судьбу съ Симонсономъ“, подумалъ Нехлюдовъ, и ему стало стыдно. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Если вы любите его ... — сказалъ онъ.

— Что любить, не любить? Я ужъ это оставила. И Владиміръ Ивановичъ, вѣдь, совсѣмъ особенный.

— Да, разумѣется, — началъ Нехлюдовъ. — Онъ прекрасный человѣкъ, и я думаю ...

Она опять перебила его, какъ бы боясь, что онъ скажетъ лишнее или что она не скажетъ всего.

— Нѣтъ, вы меня, Дмитрій Ивановичъ, простите, если я не то дѣлаю, чтò вы хотите, — сказала она, глядя ему въ глаза своимъ косымъ, таинственнымъ взглядомъ. — Да, видно, ужъ такъ выходитъ. И вамъ жить надо.

Она сказала ему то самое, чтò онъ только что говорилъ себѣ. Но теперь уже онъ этого не думалъ, а думалъ и чувствовалъ совсѣмъ другое. Ему не только было стыдно, но было жалко всего того, чтò онъ терялъ съ нею.

— Я не ожидалъ этого, — сказалъ онъ.

— Что же вамъ тутъ жить и мучиться. Довольно вы помучились, — сказала она и улыбнулась.

— Я не мучался, а мнѣ хорошо было, и я желалъ бы еще служить вамъ, еслибы могъ.

— Намъ, — она сказала, — „намъ“, — и взглянула на Нехлюдова, — ничего не нужно. Вы ужъ и такъ сколько для меня сдѣлали. Если бы не вы . . . — она хотѣла что-то сказать, и голосъ ея задрожалъ.

— Меня вамъ то-ужъ нельзя благодарить, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Что считаться? Наши счеты Богъ сведетъ, — проговорила она, и черные глаза ея заблестѣли отъ вступившихъ въ нихъ слезъ.

— Какая вы хорошая женщина, — сказалъ онъ.

— Я-то хорошая? — сказала она сквозь слезы, и жалостная улыбка освѣтила ея лицо.

— Are you ready? *) — спросилъ, между тѣмъ, англичанинъ.

— Directly **), — отвѣчалъ Нехлюдовъ и спросилъ ее о Крыльцовѣ.

Она оправилась отъ волненія и спокойно разсказала, что знала: Крыльцовъ очень ослабѣлъ дорогой, и его тотчасъ же помѣстили въ больницу. Марья Павловна очень безпокоилась, просилась въ больницу въ няньки, но ее не пускали.

— Такъ мнѣ идти? — сказала она, замѣтивъ, что англичанинъ дожидается.

— Я не прощаюсь, я еще увижусь съ вами, — сказалъ Нехлюдовъ, подавая ей руку.

— Простите, — сказала она чуть слышно. Глаза ихъ встрѣтились, и въ странномъ косомъ взглядѣ и жалостной улыбкѣ, съ которой она сказала это не „прощайте“, а „простите“, Нехлюдовъ понялъ, что изъ двухъ предположеній о причинѣ ея рѣшенія вѣрнымъ было второе, — она любила

*) Вы готовы?

**) Сейчасъ.

его и думала, что, связавъ себя съ нимъ, она испортитъ его жизнь, а уходя съ Симонсономъ, освобождала его, и теперь радовалась тому, что исполнила то, что̀ хотѣла, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страдала, разставаясь съ нимъ.

Она пожала его руку, быстро повернулась и вышла.

Нехлюдовъ оглянулся на англичанина, готовый идти съ нимъ, но англичанинъ что-то записывалъ въ свою записную книжку. Нехлюдовъ, не отрывая его, сѣлъ на деревянный диванчикъ, стоявшій у стѣны, и вдругъ почувствовалъ страшную усталость. Онъ усталъ не отъ безсонной ночи, не отъ путешествія, не отъ волненія, а онъ чувствовалъ, что страшно усталъ отъ всей жизни. Онъ прислонился къ спинкѣ дивана, на которомъ сидѣлъ, закрылъ глаза и мгновенно заснулъ тяжелымъ, мертвымъ сномъ.

— Что-же, угодно теперь пройти по камерамъ? — спросилъ смотритель.

Нехлюдовъ очнулся и удивился тому, гдѣ онъ. Англичанинъ кончилъ свои записки и желалъ осмотрѣть камеры. Нехлюдовъ, усталый и безучастный, пошелъ за нимъ.

XXVI.

Пройдя сѣни и до тошноты вонючій корридоръ, въ которомъ, къ удивленію своему, они застали двухъ прямо на полъ мочащихся арестантовъ, смотритель, англичанинъ и Нехлюдовъ, провожаемые надзирателями, вошли въ первую камеру каторжныхъ. Въ камерѣ, съ нарами въ срединѣ, всѣ арестанты уже лежали. Ихъ было человѣкъ 70. Они лежали голова съ головой и бокъ съ бокомъ. При входѣ посѣтителей, всѣ, гремя цѣпями, вскочили и стали у наръ, блестя своими свѣже-бритыми полуголовами. Остались лежать двое. Одинъ былъ молодой человѣкъ, красный, очевидно въ жару, другой — старикъ, не переставая охавшій.

Англичанинъ спросилъ, давно ли заболѣлъ молодой арестантъ. Смотритель сказалъ, что съ утра, старикъ же уже давно хворалъ животомъ, но помѣстить его было некуда, такъ какъ лазаретъ давно переполненъ. Англичанинъ не-

одобрительно покачалъ головой и сказалъ, что онъ желалъ бы сказать этимъ людямъ нѣсколько словъ, и попросилъ Нехлюдова перевести то, что онъ будетъ говорить. Оказалось что англичанинъ, кромѣ одной цѣли своего путешествія — описанія ссылки и мѣстъ заключенія въ Сибири, имѣлъ еще другую цѣль — проповѣдываніе спасенія вѣрою и искупленіемъ.

— Скажите имъ, что Христосъ жалѣлъ ихъ и любилъ, — сказалъ онъ, — и умеръ за нихъ. Если они будутъ вѣрить въ это, они спасутся. — Пока онъ говорилъ, всѣ арестанты молча стояли передъ нарами, вытянувъ руки по швамъ. — Въ этой книгѣ, скажите имъ — закончилъ онъ, — все это сказано. Есть умѣющіе читать? — Оказалось, что грамотныхъ было больше 20 человѣкъ.

Англичанинъ вынулъ изъ ручного мѣшка нѣсколько переплетенныхъ Новыхъ Завѣтовъ, и мускулистыя руки съ крѣпкими, черными ногтями изъ-за посконныхъ рукавовъ потянулись къ нему, отталкивая другъ друга. Онъ роздалъ въ этой камерѣ два евангелія и пошелъ въ слѣдующую.

Въ слѣдующей камерѣ было то же самое. Такая же была духота, вонь; точно такъ же впереди, между окнами, висѣлъ образъ, а налѣво отъ двери стояла парашка, и такъ же всѣ тѣсно лежали бокъ съ бокомъ, и такъ же всѣ вскочили и вытянулись, и точно такъ же не встало три человѣка. Два поднялись и сѣли, а одинъ продолжалъ лежать и даже не посмотрѣлъ на вошедшихъ; это были больные. Англичанинъ точно такъ же сказалъ ту же рѣчь и такъ же далъ два евангелія.

Въ третьей камерѣ больныхъ было четверо. На вопросъ англичанина, почему больныхъ не соединяютъ въ одну камеру, смотритель отвѣчалъ, что они сами не желаютъ. Больные же эти не заразные, и фельдшеръ наблюдаетъ за ними и оказываетъ пособіе.

— Вторую недѣлю глазъ не казалъ, — сказалъ голосъ.

Смотритель не отвѣчалъ и повелъ въ слѣдующую камеру. Опять отперли двери, и опять всѣ встали и затихли,

и опять англичанинъ раздавалъ евангелія; то же было и въ пятой, и въ шестой, и направо, и налѣво, и по обѣ стороны.

Отъ каторжныхъ перешли къ пересыльнымъ. Отъ пересыльныхъ къ общественникамъ и къ добровольно слѣдующимъ. Вездѣ было то же самое. Вездѣ тѣ же холодные, голодные, праздные, зараженные болѣзнями, опозоренные, запертые люди показывались, какъ дикіе звѣри.

Англичанинъ, раздавъ положенное число евангелій, уже больше не раздавалъ и даже не говорилъ рѣчей. Тяжелое зрѣлище и, главное, удушливый воздухъ, очевидно, подавили и его энергію, и онъ шелъ по камерамъ, только приговаривая „All-right“ на донесенія смотрителя, какіе были арестанты въ каждой камерѣ.

Нехлюдовъ шелъ, какъ во снѣ, не имѣя силы отказаться и уйти, испытывая все ту же усталость и безнадежность.

XXVII.

Въ одной изъ камеръ ссыльныхъ, Нехлюдовъ, къ удивленію своему, увидалъ того самаго старика, котораго онъ утромъ видѣлъ на паромѣ. Старикъ этотъ, лохматый и весь въ морщинахъ, въ одной грязной, пепельнаго цвѣта, прорванной на плечѣ рубахѣ, такихъ же штанахъ, босой, сидѣлъ на полу подлѣ наръ и строго-вопросительно смотрѣлъ на вошедшихъ. Изможденное тѣло его, виднѣвшееся въ дыры грязной рубахи, было жалко и слабо, но лицо его было еще болѣе сосредоточенно-серьезно и оживленно, чѣмъ на паромѣ. Всѣ арестанты, какъ и въ другихъ камерахъ, вскочили и вытянулись при входѣ начальства; старикъ же продолжалъ сидѣть. Глаза его блестѣли, и брови гнѣвно хмурились.

— Встать, — крикнулъ на него смотритель.

Старикъ не пошевелился и только презрительно улыбнулся.

— Передъ тобой твои слуги стоятъ. А я не твой слуга. На тебѣ печать ... — проговорилъ старикъ, указывая смотрителю на его лобъ.

— Что-о-о? — угрожающе проговорилъ смотритель, надвигаясь на него.

— Я знаю этого человѣка, — поспѣшилъ сказать Нехлюдовъ смотрителю. — За что его взяли?

— Полиція прислала за безписьменность. Мы просимъ не присылать, а они все шлютъ, — сказалъ смотритель, сердито косясь на старика.

— А ты, видно, тоже антихристова войска? — обратился старикъ къ Нехлюдову.

— Нѣтъ, я посѣтитель, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Что-жъ, пришелъ подивиться, какъ антихристъ людей мучаетъ? На, вотъ, гляди. Забралъ людей, заперъ въ клѣтку войско цѣлое. Люди должны въ потѣ лица хлѣбъ ѣсть, а онъ ихъ заперъ, какъ свиней, кормитъ безъ работы чтобы они озвѣрѣли.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ англичанинъ.

Нехлюдовъ сказалъ, что старикъ осуждаетъ смотрителя за то, что онъ держитъ въ неволѣ людей.

— Какъ же, спросите, по его мнѣнію, надо поступать съ тѣми, которые не соблюдаютъ закона, — сказалъ англичанинъ.

Нехлюдовъ перевелъ вопросъ.

Старикъ странно засмѣялся, оскаливъ сплошные зубы. — Законъ, — повторилъ онъ презрительно, — онъ прежде ограбилъ всѣхъ, всю землю, все богачество отъ людей отнялъ, подъ себя подобралъ, всѣхъ побилъ, какіе противъ него шли, а потомъ законъ написалъ, чтобы не грабили да не убивали, онъ бы прежде этотъ законъ написалъ.

Нехлюдовъ перевелъ. Англичанинъ улыбнулся. — Ну, все-таки какъ же поступать теперь съ ворами и убійцами? спросите у него.

Нехлюдовъ опять перевелъ вопросъ. Старикъ строго нахмурился.

— Скажи ему, чтобы онъ съ себя антихристову печать снялъ, тогда и не будетъ у него ни воровъ, ни убійцъ. Такъ и скажи ему.

— He is crazy *), — сказалъ англичанинъ, когда Нехлюдовъ перевелъ ему слова старика, и, пожавъ плечами, вышелъ изъ камеры.

— Ты дѣлай свое, а ихъ оставь. Всякъ самъ себѣ. Богъ знаетъ, кого казнить, кого миловать, а не мы знаемъ, — проговорилъ старикъ. — Будъ самъ себѣ начальникомъ, тогда и начальниковъ не нужно. Ступай, ступай, — прибавилъ онъ, сердито хмурясь и блестя глазами на медлившаго въ камерѣ Нехлюдова. Наглядѣлся, какъ антихристовы слуги людьми вшей кормятъ? Ступай, ступай.

Нехлюдовъ вышелъ въ корридоръ и подошелъ къ англичанину, который остановился со смотрителемъ у отворенной двери. Англичанинъ спрашивалъ о назначенiи этой камеры. Это была покойницкая.

— О, — сказалъ англичанинъ и пожелалъ войти.

Покойницкая была обыкновенная, небольшая камера. На стѣнѣ горѣла лампочка и слабо освѣщала въ одномъ углу наваленные мѣшки, дрова и на нарахъ направо четыре мертвыхъ тѣла. Первый трупъ, въ посконной рубахѣ и порткахъ, былъ большого роста человѣкъ, съ маленькой, острой бородкой и съ бритой половиной головы. Тѣло уже закоченѣло; сизыя руки, очевидно, были сложены на груди, но разошлись; босыя ноги тоже разошлись и торчали ступнями врозь. Рядомъ съ нимъ лежала, въ бѣлой юбкѣ и кофтѣ, босая и простоволосая, съ рѣдкой, короткой косичкой старая женщина, со сморщеннымъ, маленькимъ желтымъ лицомъ и острымъ носикомъ. За старушкой былъ еще трупъ мужчины въ чемъ-то лиловомъ. Цвѣтъ этотъ что-то напомнилъ Нехлюдову.

Онъ подошелъ ближе и сталъ смотрѣть на него.

Маленькая, острая, торчавшая кверху бородка, крѣпкiй красивый носъ, бѣлый высокiй лобъ, рѣдкiе вьющiеся волосы. Онъ узнавалъ знакомыя черты и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Вчера онъ видѣлъ это лицо возбужденно-озлобленнымъ, стра-

*) Онъ идлоумный.

дающимъ. Теперь оно было спокойно, неподвижно и страшно прекрасно. Да, это былъ Крыльцовъ, или, по крайней мѣрѣ, тотъ слѣдъ, который оставило его матеріальное существованіе. „Зачѣмъ онъ страдалъ? Зачѣмъ онъ жилъ? Понялъ ли онъ это теперь?“ думалъ Нехлюдовъ, и ему казалось, что отвѣта этого нѣтъ, что ничего нѣтъ, кромѣ смерти, и ему сдѣлалось дурно. Не простясь съ англичаниномъ, Нехлюдовъ попросилъ надзирателя проводить его на дворъ, и, чувствуя необходимость остаться одному, чтобы обдумать все то, что̀ онъ испыталъ въ нынѣшній вечеръ, онъ уѣхалъ въ гостиницу.

XXVIII.

Не ложась спать, Нехлюдовъ долго ходилъ взадъ и впередъ по номеру гостиницы. Дѣло его съ Катюшей было кончено. Онъ былъ ненуженъ ей, и ему это было и грустно, и стыдно. Но не это теперь мучило его. Другое его дѣло не только не было кончено, но сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, мучило его и требовало отъ него дѣятельности. Все то страшное зло, которое онъ видѣлъ и узналъ за это время, и, въ особенности, нынче въ этой ужасной тюрьмѣ, все это зло, погубившее и милаго Крыльцова, торжествовало, царствовало, и не видѣлось никакой возможности не только побѣдить его, но даже понять, какъ побѣдить его. Въ воображеніи его возставали эти запертыя въ зараженномъ воздухѣ сотни и тысячи опозоренныхъ людей, запираемыхъ равнодушными генералами, прокурорами, смотрителями, вспоминался странный, обличающій начальство свободный старикъ, признаваемый сумасшедшимъ, и, среди труповъ, прекрасное, мертвое, восковое лицо въ озлобленіи умершаго Крыльцова. И прежній вопросъ о томъ, онъ ли, Нехлюдовъ, сумасшедшій, или сумасшедшіе — люди, считающіе себя разумными и дѣлающіе все это, съ новой силой возсталъ передъ нимъ и требовалъ отвѣта.

Уставъ ходить и думать, онъ сѣлъ на диванъ передъ лампой и машинально открылъ данное ему на память ан-

гличаниномъ евангеліе, которое онъ, выбирая то, что было въ карманахъ, бросилъ на столъ. „Говорятъ, тамъ разрѣшеніе всего“, подумалъ онъ и, открывъ евангеліе, началъ читать тамъ, гдѣ открылось. Матоея Гл. XVIII.

1. Въ то время ученики приступили къ Іисусу и сказали: кто больше въ царствѣ небесномъ? — читалъ онъ.

2. Іисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди нихъ,

3. И сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное;

4. Итакъ, кто умалится, какъ это дитя: тотъ и больше въ царствѣ небесномъ.

„Да, да, это такъ“, подумалъ онъ, вспоминая, какъ онъ испыталъ успокоеніе и радость жизни только въ той мѣрѣ, въ которой онъ умалялъ себя.

5. И кто приметъ одно такое дитя за имя Мое, тотъ Меня принимаетъ,

6. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской.

„Къ чему тутъ: кто приметъ, и куда приметъ? и что значитъ: во имъ Мое?“ — спросилъ онъ себя, чувствуя, что слова эти ничего не говорятъ ему. „И къ чему жерновъ на шеѣ и пучина морская? Нѣтъ, это что-то не то: неточно, неясно“, — подумалъ онъ, вспоминая, какъ онъ нѣсколько разъ въ своей жизни принимался читать евангеліе, и какъ всегда неясность такихъ мѣстъ отталкивала его. Онъ прочелъ еще 7-й, 8-й, 9-й и 10-й стихи о соблазнахъ, о томъ, что они должны прійти въ міръ, о наказаніи посредствомъ геенны огненной, въ которую ввергнуты будутъ люди, и о какихъ-то ангелахъ дѣтей, которые видятъ лицо Отца Небеснаго. „Какъ жалко, что это такъ нескладно“, думалъ онъ, „а чувствуется, что тутъ что-то хорошее“.

11. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее, — прдолжалъ онъ читать.

12. Какъ вамъ кажется? Если бы у кого были сто овецъ,

и одна изъ нихъ заблудилась; то не оставитъ ли онъ девяносто девять въ горахъ и не пойдетъ ли искать заблудившуюся?

13. И если случится найти ее; то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней больше, нежели о девяноста девяти не заблудившихся.

14. Такъ нѣтъ воли Отца нашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ.

„Да, не было воли Отца, чтобы они погибли, а вотъ они гибнутъ сотнями, тысячами. И нѣтъ средства спасти ихъ“, подумалъ онъ.

21. Тогда Петръ приступилъ къ нему и сказалъ, — читалъ онъ дальше, — *Господи, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ?*

22. Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ — до семи, а до седмижды семидесяти разъ.

23. Почему царство небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими.

24. Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ;

25. А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить; то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что̀ онъ имѣлъ, и заплатить.

26. Тогда рабъ тотъ палъ и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу.

27. Государь, умилосердившись над рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему.

28. Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ говоря: отдай мнѣ, что̀ долженъ.

29. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ.

30. Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга.

31. Товарищи его, видѣвъ происшедшее, очень огорчились, и, пришедши, разсказали государю своему все бывшее.

32. Тогда государь его призываетъ его, и говоритъ: злой

рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня.

33. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя?

„Да неужели только это?“ вдругъ вслухъ вскрикнулъ Нехлюдовъ, прочтя эти слова. И внутренній голосъ всего существа его говорилъ: „Да, только это“.

И съ Нехлюдовымъ случилось то, что̀ часто случается съ людьми, живущими духовной жизнью. Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему сначала какъ странность, какъ парадоксъ, даже какъ шутка, все чаще и чаще, находя себѣ подтвержденіе въ жизни, вдругъ предстала ему, какъ самая простая, несомнѣнная истина. Такъ выяснилась ему теперь мысль о томъ, что единственное несомнѣнное средство спасенія отъ того ужаснаго зла, отъ котораго страдаютъ люди, состояло только въ томъ, чтобы люди признавали себя всегда виноватыми передъ Богомъ и потому неспособными ни наказывать, ни исправлять другихъ людей. Ему ясно стало теперь, что все то страшное зло, котораго онъ былъ свидѣтелемъ въ тюрьмахъ и острогахъ, и спокойная самоувѣренность тѣхъ, которые производили это зло, произошло только отъ того, что люди хотѣли дѣлать невозможное дѣло: будучи злы, исправлять зло. Порочные люди хотѣли исправлять порочныхъ людей и думали достигнуть этого механическимъ путемъ. Но изъ всего этого вышло только то, что нуждающіеся и корыстные люди, сдѣлавъ себѣ профессію изъ этого мнимаго наказанія и исправленія людей, сами развратились до послѣдней степени и не переставая развращаютъ и тѣхъ, которыхъ мучаютъ. Теперь ему стало ясно, отъ чего весь тотъ ужасъ, который онъ видѣлъ, и что̀ надо дѣлать для того, чтобы уничтожить его. Отвѣтъ, котораго онъ не могъ найти, былъ тотъ самый, который далъ Христосъ Петру: онъ состоялъ въ томъ, чтобы прощать всегда, всѣхъ, безконечное число разъ прощать, потому что нѣтъ такихъ людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять.

„Да не можетъ быть, чтобы это было такъ просто“, говорилъ себѣ Нехлюдовъ, а между тѣмъ несомнѣнно видѣлъ, что, какъ ни странно это показалось ему сначала, привыкшему къ обратному, — что это было несомнѣнное и не только теоретическое, но и самое практическое разрѣшеніе вопроса. Всегдашнее возраженіе о томъ, что̀ дѣлать съ злодѣями, неужели такъ и оставить ихъ безнаказанными? — уже не смущало его теперь. Возраженіе это имѣло бы значеніе, если бы было доказано, что наказаніе уменьшаетъ преступленія, исправляетъ преступниковъ; но когда доказано совершенно обратное и явно, что не во власти однихъ людей исправлять другихъ, то единственное разумное, что̀ вы можете сдѣлать, это то, чтобы перестать дѣлать то, что̀ не только безполезно, но вредно и, кромѣ того, безнравственно и жестоко. Вы нѣсколько столѣтій казните людей, которыхъ признаете преступниками. Что-же, перевелись они? Не перевелись, а количество ихъ только увеличилось и тѣми преступниками, которые развращаются наказаніями, и еще тѣми преступниками-судьями, прокурорами, слѣдователями, тюремщиками, которые судятъ и наказываютъ людей. — Нехлюдовъ понялъ теперь, что общество и порядокъ вообще существуютъ не потому, что есть эти узаконенные преступники, судящіе и наказывающіе другихъ людей, а потому что, несмотря на такое развращеніе, люди все-таки жалѣютъ и любятъ другъ друга.

Надѣясь найти подтвержденіе этой мысли въ томъ же евангеліи, Нехлюдовъ началъ читать его съ начала. Прочтя нагорную проповѣдь, всегда трогавшую его, онъ нынче въ первый разъ увидалъ въ этой проповѣди не отвлеченныя, прекрасныя мысли и большей частью предъявляющія преувеличенныя и неисполнимыя требованія, а простыя, ясныя и практически исполнимыя заповѣди, которыя, въ случаѣ исполненія ихъ (что̀ было вполнѣ возможно), устанавливали удивившее его совершенно новое устройство человѣческаго общества, при которомъ не только само собой уничтожалось все то насиліе, которое такъ возмущало Нехлюдова, но до-

стигалось высшее доступное человѣчеству благо — Царство Божіе на землѣ.

Заповѣдей этихъ было пять.

Первая заповѣдь [Мѳ. V, 21-26] состояла въ томъ, что человѣкъ не только не долженъ убивать, но не долженъ гнѣваться на брата, не долженъ никого считать ничтожнымъ, „рака“, а если поссорится съ кѣмъ-либо, долженъ мириться прежде, чѣмъ приносить даръ Богу, т. е. молиться.

Вторая заповѣдь [Мѳ. V, 27-32] состояла въ томъ, что человѣкъ не только не долженъ прелюбодѣйствовать, но долженъ избѣгать наслажденія красотою женщины, долженъ, разъ сойдясь съ одною женщиной, никогда не измѣнять ей.

Третья заповѣдь [Мѳ. V, 33-37] состояла въ томъ, что человѣкъ не долженъ обѣщаться въ чемъ-нибудь съ клятвою.

Четвертая заповѣдь [Мѳ. V, 38-42] состояла въ томъ, что человѣкъ не только не долженъ воздавать око за око, но долженъ подставлять другую щеку, когда ударятъ по одной, долженъ прощать обиды и съ смиреніемъ нести ихъ и никому не отказывать въ томъ, чего хотятъ отъ него люди.

Пятая заповѣдь [Мѳ. V, 43-48] состояла въ томъ, что человѣкъ не только не долженъ ненавидѣть враговъ, не воевать съ ними, но долженъ любить ихъ, помогать, служить имъ.

Нехлюдовъ уставился на свѣтъ горѣвшей лампы и замеръ. Вспомнивъ все безобразіе нашей жизни, онъ ясно представилъ себѣ, чѣмъ могла бы быть эта жизнь, если бы люди воспитывались на этихъ правилахъ, и давно не испытанный имъ восторгъ охватилъ его душу. Точно онъ, послѣ долгаго томленія и страданія, нашелъ вдругъ успокоеніе и свободу.

Онъ не спалъ всю ночь и, какъ это случается со многими и многими, читающими евангеліе, въ первый разъ,

читая, понималъ во всемъ ихъ значеніи, слова, много разъ читанныя и не замѣченныя. Какъ губка воду, онъ впитывалъ въ себя то нужное, важное и радостное, что̀ открывалось ему въ этой книгѣ. И все, что̀ онъ читалъ, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило въ сознаніе то, что̀ онъ зналъ уже давно, прежде, но не сознавалъ вполнѣ и не вѣрилъ. Теперь же онъ сознавалъ и вѣрилъ. Но мало того, что онъ сознавалъ и вѣрилъ, что, исполняя эти заповѣди, люди достигнутъ наивысшаго доступнаго имъ блага, онъ сознавалъ и вѣрилъ теперь, что всякому человѣку больше нечего дѣлать, какъ исполнять эти заповѣди, что въ этомъ единственный разумный смыслъ человѣческой жизни, что всякое отступленіе отъ этого есть ошибка, тотчасъ же влекущая за собою наказаніе. Это вытекало изъ всего ученія, и съ особенной яркостью и силой было выражено въ притчѣ о виноградаряхъ. Виноградари вообразили себѣ, что садъ, въ который они были посланы для работы на хозяина, былъ ихъ собственностью; что все, что̀ было въ саду, сдѣлано для нихъ, и что ихъ дѣло только въ томъ, чтобы наслаждаться въ этомъ саду своею жизнью, забывъ о хозяинѣ и убивая тѣхъ, которые напоминали имъ о хозяинѣ и объ ихъ обязанностяхъ къ нему.

„То же самое дѣлаемъ и мы", думалъ Нехлюдовъ, „живя въ нелѣпой увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденья. А вѣдь это, очевидно, нелѣпо. Вѣдь, если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ будетъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ этихъ заповѣдяхъ. Только исполняй люди эти заповѣди — и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ.

Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ. А мы ищемъ остального и, очевидно, не находимъ его.

„Такъ вотъ оно, дѣло моей жизни. Только кончилось одно, началось другое.“

Съ этой ночи началась для Нехлюдова совсѣмъ новая жизнь, не столько потому, что онъ вступилъ въ новыя условія жизни, а потому что все, что случалось съ нимъ съ этихъ поръ, получало для него совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе.

Чѣмъ кончится этотъ новый періодъ его жизни, покажетъ будущее.

Москва,
12 декабря 1899 года.

Конецъ.

Оглавленіе
съ обозначеніемъ содержанія главъ.

Часть первая.

Глава		Стр.
I.	Маслова въ тюрьмѣ. По дорогѣ изъ тюрьмы въ судъ.	7
II.	Исторія Масловой.	11
III.	Утро князя Нехлюдова.	17
IV.	Размышленіе о женитьбѣ.	23
V.	Въ присяжные. Типы присяжныхъ.	26
VI.	Судейскіе типы.	29
VII.	Зала суда.	32
VIII.	Подсудимые. Судебная процедура. Присяга. Типъ священника.	36
IX.	Опросъ подсудимыхъ. Нехлюдовъ узнаетъ Катюшу.	39
X.	Обвинительный актъ.	44
XI.	Продолженіе допроса подсудимыхъ. Перерывъ суда.	48
XII.	Воспоминанія Нехлюдова: его отношенія къ Катюшѣ въ прошломъ. Студенчество Нехлюдова. Первая любовь.	55
XIII.	Военная служба и перемѣна въ Нехлюдовѣ.	61
XIV.	Пріѣздъ Нехлюдова къ тетушкамъ по дорогѣ на войну.	65
XV.	Заутреня на Пасху.	69
XVI.	Борьба въ душѣ Нехлюдова.	74
XVII.	Нехлюдовъ соблазняетъ Катюшу.	77
XVIII.	Пріѣздъ Шенбока и отъѣздъ на войну. Дурныя вѣсти о Катюшѣ.	80
XIX.	Продолженіе судебной процедуры: допросъ свидѣтелей.	83
XX.	Осмотръ вещественныхъ доказательствъ. Чтеніе врачебнаго изслѣдованія трупа.	86
XXI.	Обвинительная рѣчь. Рѣчь защитниковъ. Послѣднія слова подсудимыхъ.	90
XXII.	Резюмэ предсѣдателя. Работа совѣсти въ душѣ Нехлюдова.	95
XXIII.	Совѣщаніе въ комнатѣ присяжныхъ о степени виновности Масловой. Осуждена по ошибкѣ.	99

XXIV. Чтеніе приговора. Возмущеніе въ душѣ Нехлюдова. Разговоръ съ предсѣдателемъ. 108
XXV. Разговоръ съ адвокатомъ. 111
XXVI. Обѣдъ у Корчагиныхъ. 112
XXVII. Въ будуарѣ у княгини Корчагиной. Мисси. 118
XXVIII. „Чистка души“. Покаяніе Нехлюдова. 124
XXIX. Возвращеніе Масловой въ тюрьму. 130
XXX. Женская камера и ея обитательницы. 134
XXXI. Горе Масловой и сочувствіе ея товарокъ по заключенію. . 137
XXXII. Ссора между двумя женщинами. 141
XXXIII. Рѣшеніе Нехлюдова. 145
XXXIV. Второй день сессіи суда. Подсудимый — мальчикъ. . . 149
XXXV. Разговоръ съ прокуроромъ во время перерыва. Отказъ Нехлюдова отъ роли присяжнаго. 153
XXXVI. Въ квартирѣ смотрителя тюрьмы. Возвращеніе домой. Запись въ дневникѣ. 157
XXXVII. Ночныя размышленія Масловой. Описаніе ужасной ночи, пережитой ею въ прошломъ. 159
XXXVIII. Сборы къ обѣднѣ въ тюрьмѣ. 163
XXXIX. Описаніе богослуженія. 166
XL. Отношеніе присутствующихъ въ церкви къ богослуженію. 169
XLI. Ожиданіе Нехлюдова у воротъ тюрьмы. Мужское отдѣленіе. Помѣщеніе для свиданій. 172
XLII. Женская посѣтительская. Свиданіе съ Катюшей. 177
XLIII. Первое впечатлѣніе отъ свиданія съ „погибшей женщиной“. 181
XLIV. Какъ Маслова понимала жизнь. Потребность оправданія своего положенія. 186
XLV. Желаніе Нехлюдова перемѣнить свою внѣшнюю жизнь. У адвоката по дѣлу Масловой. Кассаціонная жалоба. Жена адвоката. 189
XLVI. Въ тюрьмѣ. Разговоры среди арестантовъ о предстоящемъ наказаніи розгами двухъ арестантовъ. 196
XLVII. Ожиданіе Нехлюдова въ сѣняхъ тюрьмы во время сѣченія. Разговоръ съ смотрителемъ о его должности. Второе свиданіе съ Масловой въ конторѣ. 199
XLVIII. Рѣшительное объясненіе. Отказъ Масловой Нехлюдову. . 202
XLIX. Сознаніе преступной виновности въ душѣ Нехлюдова. Письмо отъ Вѣры Богодуховской. Воспоминаніе объ охотѣ. 206
L. Дѣловой визитъ губернатору Масленникову. 209
LI. На квартирѣ у смотрителя тюрьмы. Помощникъ смотрителя. 215
LII. Въ камерѣ Меньшова. 217
LIII. Въ коррпдорѣ тюрьмы. Просьбы невинно заключенныхъ. 219
LIV. Въ конторѣ. Свиданіе политическихъ. 222

LV. Вѣра Богодуховская 225
LVI. Прощаніе политическихъ съ родными 227
LVII. У адвоката по дорогѣ къ Масленникову. Пріемный день генеральши 230
LVIII. Дѣловой разговоръ съ Масленниковымъ. Негодованіе Нехлюдова 234
LIX. Перемѣнчивость въ настроеніи Нехлюдова. Третье свиданіе съ Масловой. Начало перемѣны въ душѣ Масловой . . 237

Часть вторая.

I. Поѣздка въ деревню. Кузьминское имѣніе. Нѣмецъ управляющій 243
II. Отдача земли въ аренду на выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ. Неудовлетворенность Нехлюдова 249
III. Пріѣздъ въ бывшее имѣніе тетушекъ 253
IV. Бѣдность крестьянъ 256
V. Посѣщеніе тетки Катюши и свѣдѣнія о ребенкѣ ея 260
VI. Возвращеніе въ усадьбу. Споръ бабъ съ прикащикомъ. Размышленія Нехлюдова о незаконности земельной собственности 264
VII. Предложеніе Нехлюдова крестьянамъ на сходкѣ. Недовѣріе ихъ 270
VIII. Безсонная ночь. Гроза. Размышленія Нехлюдова. Рѣшеніе. 274
IX. Разговоръ съ выборными крестьянами. Изложеніе системы Генри Джорджа. Согласіе крестьянъ. Старая фотографія. 278
X. Возвращеніе въ городъ и впечатлѣніе отъ него. Встрѣча съ пріятелемъ Шенбокомъ 285
XI. Посѣщеніе адвоката. Ходатайство Нехлюдова за сектантовъ. 290
XII. Разговоръ съ городскимъ извощикомъ 293
XIII. Посѣщеніе тюремной больницы. Маслова — въ качествѣ сидѣлки. Воспоминанія, пробужденныя въ душѣ Масловой старой фотографіей 295
XIV. Поѣздка въ Петербургъ. Нехлюдовъ у тетушки Екатерины Ивановны 301
XV. Графъ Иванъ Михайловичъ Чарскій. Визитъ къ Mariette по дѣлу Шустовой 307
XVI. Въ канцеляріи сената. У сенатора Вольфа 312
XVII. Обѣдъ у тетушки. Разговоръ о дуэли. Вечеръ съ проповѣдникомъ 317
XVIII. Разговоръ съ адвокатомъ о сенаторахъ. Записка отъ Mariette. Баронъ Воробьевъ 320
XIX. Начальникъ Петропавловской крѣпости. Спиритическіе сеансы генерала. Разговоръ о политическихъ заключенныхъ. 323

XX. Сенатъ. Зала засѣданій. Типы сенаторовъ. 330
XXI. Дѣло объ обвиненіи въ клеветѣ журналиста. Разборъ кассаціонной жалобы Масловой и отказъ. 334
XXII. Разговоръ Нехлюдова съ товарищемъ оберъ прокурора Селенинымъ. 338
XXIII. Характеристика Селенина. 341
XXIV. Надоѣдливый адвокатъ. Двѣ записки — отъ Шустовой и Богатырева. Разговоръ съ Mariette въ гостиной у Екатерины Ивановны. Соблазнъ и колебанія Нехлюдова. . . . 346
XXV. Нехлюдовъ на квартирѣ Лидіи Шустовой. 353
XXVI. Разсказъ тетки Лидіи о своемъ арестѣ. 358
XXVII. Флигель-адъютантъ Богатыревъ. Топоровъ — защитникъ государственной религіи. 360
XXVIII. Нехлюдовъ въ театрѣ въ ложѣ Mariette. Ночная прогулка и размышленія Нехлюдова. 367
XXIX. Возвращеніе въ Москву. Извѣстіе объ обратномъ переводѣ Масловой изъ больницы въ тюрьму. Обида Нехлюдова. Свиданіе съ Катюшей. Прощеніе и просвѣтленіе въ душѣ Нехлюдова. 371
XXX. Четыре категоріи дѣлъ, занимавшихъ Нехлюдова. Дѣло Масловой. Устройство имѣній. Ходатайства за арестантовъ. Теоретическое изученіе вопроса о преступности и судебныхъ учрежденіяхъ. Пять разрядовъ „преступниковъ“. 378
XXXI. Сестра Нехлюдова Наталья Ивановна Рагожинская. . . . 383
XXXII. У Рагожинскихъ. Споръ съ зятемъ о земельной собственности. 386
XXXIII. Непріятный разговоръ съ зятемъ о несправедливости и жестокости судебной системы. 392
XXXIV. Сборы Нехлюдова въ дорогу. Записи въ дневникѣ. Отправка партіи въ Сибирь. 396
XXXV. Шествіе партіи по городу. Встрѣча съ богатой коляской. 402
XXXVI. Нехлюдовъ въ трактирѣ. Мысли о сестрѣ и зятѣ. Солнечный ударъ съ арестантомъ по дорогѣ на вокзалъ. . . 405
XXXVII. Въ полицейскомъ участкѣ. Второй случай смерти арестанта. 410
XXXVIII. На вокзалѣ Нижегородской желѣзной дороги. Арестантскіе вагоны. Разговоръ съ Масловой и другими арестантками. Отходъ поѣзда. 415
XXXIX. Свиданіе съ сестрой передъ отходомъ пассажирскаго поѣзда. Задушевный разговоръ. Шествіе Корчагиныхъ. Прощаніе съ сестрой. 419
XL. Размышленія Нехлюдова на площадкѣ вагона о пережитыхъ впечатлѣніяхъ дня. Гроза и ливень. Проясненіе. Гармонія души съ природой. 425

XLI. Въ вагонѣ. Пассажиры III-го класса. Разсказъ Тараса о женѣ. 430
XLII. Остановка на станціи. Выходъ Корчагиныхъ. Богатые и рабочіе. „Le vrai grand monde". 436

Часть третья.

I. Переѣздъ партіи до Перми. Тяжесть перехода для Масловой. Переводъ ее къ политическимъ. Утро на этапѣ. Симонсонъ. 442
II. Расправа офицера съ арестантомъ. Ропотъ среди арестантовъ. Вмѣшательство Марьи Павловны и Симонсона. . . 445
III. Отношеніе Катюши къ товарищамъ — политическимъ. Характеристика и прошлое Марьи Павловны. 447
IV. Вліяніе Марьи Павловны и Симонсона на Катюшу. Характеристика и прошлое Симонсона. Любовь къ Катюшѣ. . 450
V. Чувство Нехлюдова къ Катюшѣ. Знакомство съ революціонерами и его мнѣніе о нихъ до и послѣ знакомства. . 453
VI. Крыльцовъ. Почему онъ сталъ революціонеромъ. Разсказъ его о смертной казни. 458
VII. У воротъ полуэтапа вечеромъ. 462
VIII. Бесѣда Нехлюдова съ конвойнымъ офицеромъ. 465
IX. Внутри этапной тюрьмы. 469
X. Встрѣча съ арестантомъ и просьба его о заступничествѣ за товарища. 471
XI. Помѣщеніе политическихъ и свиданіе съ ними. 473
XII. Два типа революціонеровъ изъ народа: Набатовъ и Кондратьевъ. 477
XIII. Женскіе типы. Отношенія между мужчинами и женщинами. 483
XIV. Споръ между политическими о народѣ и правительствѣ. . 485
XV. Новодворовъ, какъ типъ честолюбиваго общественнаго дѣятеля. 488
XVI. Вечерняя провѣрка. Арестантъ Бузовкинъ и его дѣвочка. Объясненіе Симонсона съ Нехлюдовымъ о его отношеніяхъ къ Катюшѣ. 490
XVII. Смѣшанное чувство Нехлюдова. Объясненіе его съ Катюшей. 495
XVIII. Извѣстіе о товарищахъ. Типъ Неврова, обрисованный Крыльцовымъ; припадокъ и ухудшеніе болѣзни. Впечатлѣніе Нехлюдова отъ спящихъ арестантовъ. 497
XIX. Возвращеніе на постоялый дворъ. Размышленія Нехлюдова о зловредности тюремныхъ учрежденій. 501
XX. Выѣздъ съ этапа въ догонку партіи. Умирающій Крыльцовъ. Переправа на паромѣ. 506

XXI. Разговоръ на паромѣ. Типъ „бѣгуна“ — анархиста. . . 510
XXII. Пріѣздъ въ губернскій городъ. Визитъ къ начальнику края. Ходатайство о Крыльцовѣ. 513
XXIII. Письмо отъ Селенина и отвѣтъ на прошеніе Масловой на высочайшее имя. Отказъ смотрителя тюрьмы дать свиданіе. 518
XXIV. Обѣдъ у генерала. Гости. Довольство собой. Зависть семейному счастью и желаніе отдыха. 521
XXV. Посѣщеніе тюрьмы вечеромъ съ англичаниномъ. Свиданіе съ Катюшей и окончательное объясненіе съ ней. Великодушіе Катюши. Стыдъ Нехлюдова. Усталость. 526
XXVI. Посѣщеніе камеръ уголовныхъ. Раздача Евангелія англичаниномъ. Удручающее впечатлѣніе отъ этого посѣщенія. 530
XXVII. Встрѣча съ старикомъ — „бѣгуномъ“ въ камерѣ ссыльныхъ. Его обличенія властей и насильниковъ. Въ мертвецкой. Тѣло Крыльцова. Душевное угнетеніе Нехлюдова отъ всего видѣннаго. 532
XXVIII. Наединѣ съ собой. Размышленіе о существующемъ злѣ всего строя жизни. Чтеніе Евангелія. Просвѣтлѣніе. Простота и ясность выхода. Новое дѣло жизни. 535
